

ГОМЕР

Улисса

Содержание

ПУТЬ К ГОМЕРУ

С. Маркиш

7

ИЛИАДА

Перевод Н. Гнедича

<i>Песнь первая.</i> Язва. Гнев	29
<i>Песнь вторая.</i> Сон. Беотия, или перечень кораблей	47
<i>Песнь третья.</i> Клятвы. Смотри со стены. Единоборство Александра и Менелая	73
<i>Песнь четвертая.</i> Нарушение клятв. Обход войск Агамемноном ...	87
<i>Песнь пятая.</i> Подвиги Диомеда	103
<i>Песнь шестая.</i> Свидание Гектора с Андромахой	129
<i>Песнь седьмая.</i> Единоборство Гектора и Аякса	145
<i>Песнь восьмая.</i> Собрание богов. Прерванная битва	159
<i>Песнь девятая.</i> Посольство	175
<i>Песнь десятая.</i> Долония	195
<i>Песнь одиннадцатая.</i> Подвиг Агамемнона	213
<i>Песнь двенадцатая.</i> Битва за стену	237
<i>Песнь тринадцатая.</i> Битва при кораблях	251
<i>Песнь четырнадцатая.</i> Обольщение Зевса	275
<i>Песнь пятнадцатая.</i> Отгеснение от кораблей	290
<i>Песнь шестнадцатая.</i> Патроклия	312
<i>Песнь семнадцатая.</i> Подвиг Менелая	337
<i>Песнь восемнадцатая.</i> Изготовление оружия	359
<i>Песнь девятнадцатая.</i> Отречение от гнева	377
<i>Песнь двадцатая.</i> Битва богов	389
<i>Песнь двадцать первая.</i> Приречная битва	404

<i>Песнь двадцать вторая. Умерщвление Гектора</i>	422
<i>Песнь двадцать третья. Погребение Патрокла. Игры</i>	437
<i>Песнь двадцать четвертая. Выкуп Гектора</i>	463

ПРИМЕЧАНИЯ

821

СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ
НАЗВАНИЙ И ИМЕН

860

ПУТЬ К ГОМЕРУ

Во втором акте шекспировского “Гамлета” появляется бродячая труппа, и один из актеров, по просьбе принца, читает монолог, в котором троянский герой Эней рассказывает о взятии Трои и о жестокостях победителей. Когда рассказ доходит до страданий старой царицы Гекубы – у нее на глазах осатаневший от злобы Пирр, сын Ахиллеса, убил ее супруга Приама и надругался над ею телом, – актер бледнеет и заливается слезами. И Гамлет произносит знаменитые, вошедшие в пословицу слова:

Что он Гекубе? Что ему Гекуба?
А он рыдает...¹

Что современному человеку Гекуба, что ему Ахиллес, Приам, Гектор и прочие герои Гомера; что ему их муки, радости, любовь и ненависть, приключения и битвы, отгремевшие и отгоревшие больше тридцати столетий назад? Что уводит его в древность, почему Троянская война и возвращение на родину многострадального и хитроумного Одиссея трогают нас если и не до слез, как шекспировского актера, то все же достаточно живо и сильно?

Всякое литературное произведение далекого прошлого способно привлечь и увлечь человека нового времени изображением исчезнувшей жизни, во многом поразительно не схожей с нашей жизнью сегодня. Исторический интерес, свойственный любому

1 Перевод Б.Пастернака.

человеку, естественное желание узнать, “что было раньше”, — начало нашего пути к Гомеру, точнее — одного из путей. Мы спрашиваем: кто он был, этот Гомер? И когда жил? И “сочинил” ли своих героев или в их образах и подвигах отражены подлинные события? И насколько верно (или насколько вольно) они отражены и к какому времени относятся? Мы задаем вопрос за вопросом и ищем ответа в статьях и книгах о Гомере; а к нашим услугам — не сотни и не тысячи, а десятки тысяч книг и статей, целая библиотека, целая литература, которая продолжает расти и сейчас. Ученые не только обнаруживают все новые факты, имеющие отношение к гомеровским поэмам, но и открывают новые точки зрения на поэзию Гомера в целом, новые способы ее оценки. Была пора, когда каждое слово “Илиады” и “Одиссеи” считали непрекаемую истиной — древние греки (во всяком случае, громадное их большинство) видели в Гомере не только великого поэта, но и философа, педагога, естествоиспытателя, одним словом — верховного судью на все случаи жизни. Была и другая пора, когда всё в “Илиаде” и “Одиссее” считали вымыслом, красивую сказкой, или грубоватую басней, или безнравственным анекдотом, оскорбляющим “хороший вкус”. Потом пришла пора, когда Гомеровы “басни” одна за другою стали подкрепляться находками археологов: в 1870 году немец Генрих Шлиман нашел Троию, у стен которой сражались и умирали герои “Илиады”; спустя четыре года тот же Шлиман раскопал “обильные золотом” Микены — город Агамемнона, вождя греческого воинства под Троей; в 1900 году англичанин Артур Эванс начал уникальные по богатству находок раскопки на Крите — “стоградном” острове, неоднократно упоминаемом Гомером; в 1939 году американец Блуджен и грек Курониотис разыскали и древний Пилос — столицу Нестора, “сладкогласного витии пилосского”, неутомимого подателя мудрых советов в обеих поэмах...

Список “гомеровских открытий” чрезвычайно обширен и до сего дня не закрыт — и едва ли закроется в близком будущем. И все же необходимо назвать еще одно из них — самое важное и самое сенсационное в нашем веке. В ходе раскопок на острове Крите, а также в Микенах, в Пилосе и в некоторых других местах южной части Балканского полуострова археологи нашли несколько ты-

сяч глиняных табличек, исписанных неведомыми письменами. Чтобы их прочесть, потребовалось почти полвека, потому что не был известен даже язык этих надписей. Лишь в 1953 году тридцатилетний англичанин Майкл Вентрис решил задачу дешифровки так называемого линейного письма “Б”. Этот человек, погибший в автомобильной катастрофе три с половиной года спустя, не был ни историком античности, ни специалистом по древним языкам — он был архитектор. И тем не менее, как писал о Вентрисе замечательный советский ученый С. Лурье, “ему удалось сделать самое крупное и самое поразительное открытие в науке об античности со времен эпохи Возрождения”. Его имя должно стоять рядом с именами Шлимана и Шампольона, разгадавшего тайну египетских иероглифов. Его открытие дало в руки исследователей подлинные греческие документы того же примерно времени, что события “Илиады” и “Одиссеи”, документы, расширившие, уточнившие, а кое в чем и перевернувшие прежние представления о прообразе того общества и государства, которые изображены у Гомера.

В начале II тысячелетия до н.э. на Балканском полуострове появились племена греков-ахейцев. К середине этого тысячелетия в южной части полуострова сложились рабовладельческие государства. Каждое из них было небольшой крепостью с примыкавшими к ней землями. Во главе каждого стояли, по-видимому, два властителя. Властители-цари со своими приближенными жили в крепости, за могучими, циклопической кладки стенами, а у подножья стены возникал поселок, населенный царскими слугами, ремесленниками, купцами. Сперва города боролись друг с другом за главенство, потом, около XV столетия до н.э., начинается проникновение ахейцев в соседние страны, за море. В числе прочих их завоеваний был и остров Крит — главный центр древнейшей, догреческой культуры юго-восточного района Средиземноморья. Задолго до начала ахейского завоевания на Крите существовали государства с монархической властью и общество, четко разделявшееся на классы свободных и рабов. Критяне были умелыми мореходами и купцами, отличными строителями, гончарами, ювелирами, художниками, знали толк в искусстве, владели письменностью. Ахейцы и прежде испытывали сильное воздейст-

вие высокой и утонченной критской культуры; теперь, после покорения Крита, она окончательно стала общим достоянием греков и критян. Ученые называют ее крито-микенской.

Землею, постоянно привлекавшей внимание ахейцев, была Трояда на северо-западе Малой Азии, славившаяся выгодным местоположением и плодородною почвой. К главному городу этой земли — Илиону, или Трое, — не раз снаряжались походы. Один из них, особенно продолжительный, собравший особенно много кораблей и воинов, остался в памяти греков под именем Троянской войны. Древние относили ее к 1200 году до н.э. — в пересчете на нашу хронологию, — и работы археологов, копавших Гиссарлыкский холм вслед за Шлиманом, подтверждают древнюю традицию.

Троянская война оказалась кануном крушения ахейской мощи. Вскоре на Балканах появились новые греческие племена — доорийцы, — такие же дикие, какими тысячу лет назад были их предшественники, ахейцы. Они прошли через весь полуостров, вытесняя и подчиняя ахейцев, и до основания разрушили их общество и культуру. История обратилась вспять: на месте рабовладельческого государства вновь появилась родовая община, морская торговля заглохла, зарастали травой уцелевшие от разрушения царские дворцы, забывались искусства, ремесла, письменность. Забывалось и прошлое; цепь событий разрывалась, и отдельные звенья обращались в предания — в мифы, как говорили греки. Мифы о героях были для древних такою же непререкаемою истинной, как мифы о богах, и сами герои становились предметом поклонения. Героические предания переплетались друг с другом и с мифами о богах. Возникали круги (циклы) мифов, соединявшихся как последовательностью фактов, лежавших в их основе, так и законами религиозного мышления и поэтической фантазии. Мифы были почвою, на которой вырос греческий героический эпос.

Героический эпос есть у каждого народа. Это повествование о славном минувшем, о событиях первостепенной важности, которые были поворотным пунктом в истории народа. Таким событием (или, по крайней мере, одним из таких событий) оказался великий поход на Трою; сказания о нем сделались важнейшей сюжетною основой греческого эпоса. Но от времени, когда создавался эпос, эти события были отделены тремя, а то и четырьмя

веками, и потому к картинам ушедшей жизни, запомнившимся с необыкновенной точностью, присоединялись детали и подробности, заимствованные из жизни, которая окружала неведомых нам творцов эпоса. В самой основе мифа многое оставалось нетронутым, но многое и перетолковывалось на новый лад, в согласии с новыми идеалами и взглядами. Многослойность (а стало быть, и неизбежная противоречивость) изначально была характерной чертой греческого эпоса, а так как он находился в непрерывном движении, число слоев все увеличивалось. Подвижность эта неотделима от самой формы его существования: как и у всех народов, героический эпос у греков был устным творчеством, и письменное его закрепление знаменовало последний этап в истории жанра.

Исполнителями эпических произведений и вместе с тем их со-творцами, со-авторами были певцы (по-гречески “аэды”). Они знали наизусть десятки тысяч стихотворных строк, перешедших к ним по наследству и бог весть кем и когда сочиненных, они владели набором традиционных средств и приемов, тоже переходивших от одного поколения поэтов к следующему (сюда относятся и разнообразные формулы-повторы для описания сходных или в точности повторяющихся ситуаций, и постоянные эпитеты, и особый стихотворный размер, и особый язык эпоса, и даже самый круг сюжетов, довольно широкий, но все же ограниченный). Обилие устойчивых, неизменных элементов было необходимым условием для самостоятельного творчества: вольно их комбинируя, переплетая с собственными стрихами и полустихьями, аэд всегда импровизировал, всегда творил наново.

Большинство современных ученых считает, что Гомер жил в VIII веке до н.э. в Ионии — на западном побережье Малой Азии или на одном из близлежащих островов. К тому времени аэды успели исчезнуть, и место их заняли декламаторы-рапсоды; они уже не пели, аккомпанируя себе на кифаре, а читали нараспев, и не только собственные произведения, но и чужие. Гомер был одним из них. Но Гомер не только наследник, он и новатор, не только итог, но и начало: в его поэмах лежат истоки духовной жизни всей античности в целом. Византиец Михаил Хониат (XII—XIII вв.) писал: “Подобно тому, как, по словам Гомера, все реки и потоки бе-

рут начало из Океана, так всякое словесное искусство исток имеет в Гомере”.

Есть предположение, что “Илиада” и “Одиссея” действительно заключают многовековую традицию импровизационного творчества — что они были первыми образцами письменно закрепленного “большого эпоса”, с самого начала были литературой в прямом смысле слова. Это не значит, разумеется, что известный нам текст поэм ничем не отличается от исходного, каким он был записан или “выговорен” в конце VIII или начале VII века до н.э. В нем немало позднейших вставок (интерполяций), в иных случаях весьма пространных, до целой песни; немало, вероятно, и сокращений-купюр, и стилистических поправок, которые следовало бы назвать искажениями. Но в таком “искаженном” виде он насчитывает почти две с половиной тысячи лет, в таком виде был известен древним и принят ими, и пытаться возвращать его к первоначальному состоянию не только невозможно по существу, но и бессмысленно с историко-культурной точки зрения.

“Илиада” повествует об одном эпизоде последнего, десятого, года Троянской войны — гневе Ахиллеса, самого могучего и храброго среди греческих героев, оскорбленного верховным предводителем ахейцев, микенским царем Агамемноном. Ахиллес отказывается участвовать в сражениях, троянцы начинают брать верх, гонят ахейцев до самого лагеря и едва не поджигают их корабли. Тогда Ахиллес разрешает вступить в битву своему любимому другу Патроклу. Патрокл погибает, и Ахиллес, отрекшись наконец от гнева, мстит за смерть друга, сразив Гектора, главного героя и защитника троянцев, сына их царя Приама. Все главное в сюжете поэмы — от мифов, от Троянского цикла. С тем же циклом связана и “Одиссея”, рассказывающая о возвращении на родину после падения Трои другого греческого героя — царя острова Итаки Одиссея. Но здесь главное — не миф: оба основных сюжетных компонента “Одиссеи” — возвращение супруга к супруге после долгого отсутствия и удивительные приключения в дальних, заморских краях — восходят к сказке и народной новелле. Различие между обеими поэмами этим не ограничивается, оно заметно и в композиции, и в деталях повествования, и в деталях мироощущения. Уже сами древние не были уверены, принадлежат ли обе поэмы

одному автору, немало сторонников такого взгляда и в новые времена. И все же более вероятным — хотя, строго говоря, точно таким же доказуемым — представляется обратное мнение: сходную между “Илиадой” и “Одиссеей” все же больше, чем отличного.

Несходство и прямые противоречия обнаруживаются не только между поэмами, но и внутри каждой из них. Они объясняются в первую очередь упомянутой выше многослойностью греческого эпоса: ведь в мире, который рисует Гомер, совмещены и соседствуют черты и приметы нескольких эпох — микенской, предгомеровской (дорийской), гомеровской в собственном смысле слова. И вот рядом с дорийским обрядом сожжения трупов — микенское захоронение в земле, рядом с микенским бронзовым оружием — дорийское железо, неведомое ахейцам, рядом с микенскими самодержцами — безвластные дорийские цари, цари лишь по имени, а по сути родовые старейшины... В прошлом веке эти противоречия привели науку к тому, что под сомнение было поставлено само существование Гомера. Высказывалась мысль, что гомеровские поэмы возникли спонтанно, то есть сами собой, что это результат коллективного творчества — вроде народной песни. Критики менее решительные признавали, что Гомер все-таки существовал, но отводили ему сравнительно скромную роль редактора, или, точнее, компилятора, который умело свел воедино небольшие по размеру поэмы, принадлежавшие разным авторам, или, может быть, народные. Третьи, напротив, признавали за Гомером авторские права на большую часть текста, но художественную цельность и совершенство “Илиады” и “Одиссеи” относили на счет какого-то редактора более поздней эпохи.

Ученые неумоимо вскрывали все новые противоречия (нередко они бывали плодом ученого воображения или ученой придирчивости) и готовы были платить любую цену, лишь бы от них избавиться. Цена, однако же, оказалась слишком высока: выдумкою, фикцией обернулся не только Гомер, но и достоинства “мнимых” его творении, разодранных на клочки беспощадными перьями аналитиков (так называют ниспровергателей “единого Гомера”). Это было явной нелепостью, и в течение последних пятидесяти лет верх взяла противоположная точка зрения — унитарная. Для унитариев неоспоримо художественное единство го-

меровского наследия, ощущаемое непосредственно любым непредвзятым читателем. Их цель — подкрепить это ощущение с помощью особого “анализа изнутри”, анализа тех правил и законов, которые, сколько можно судить, ставил себе сам поэт, тех приемов, из которых складывается поэзия Гомера, того мироощущения, которое лежит в ее основе. Итак, взглянем на Гомера глазами непредвзятого читателя.

Прежде всего нас озадачит и привлечет сходство, близость древнего к современному. Гомер сразу же захватывает и сразу из предмета изучения становится частью нашего “я”, как становится всякий любимый поэт, мертвый или живой — безразлично, потому что основным для нас будет эмоциональный отзыв, эстетическое переживание.

Читая Гомера, убеждаешься, что многое в его взгляде на мир — не только вечная и непреходящая истина, но и прямой вызов всем последующим векам. Важнейшее, что отличает этот взгляд, — его широта, желание понять разные точки зрения, терпимость, как сказали бы сегодня. Автор героического эпоса греков не питает ненависти к троянцам, бесспорным виновникам несправедливой войны (ведь это их царевич Парис нанес обиду людям и оскорбил божеский закон, похитив Елену, супругу своею гостеприимна, спартанского царя Менелая); скажем более — он уважает их, он им сочувствует, потому что и у них нет иного выбора, как сражаться, защищая свой город, жен, детей и собственную жизнь, и потому, что они сражаются мужественно, хотя ахейцы и сильнее и многочисленнее. Они обречены; правда, сами они еще не знают этого, но Гомер-то знает исход войны и, великодушный победитель, страдает будущим побежденным. И если, по словам самого поэта, “святая Троя” ненавистна богам “за вину Приаида Париса”, то Гомер выше и благороднее богов-олимпийцев.

Широта взгляда вдохновляется доброю, человечностью. Едва ли случайно, что европейскую литературу открывает призыв к доброте и осуждение жестокости. Справедливость, которую обязаны блюсти люди и охранять боги, — во взаимной любви, кротости, приветливости, благодушии; беззаконие — в свирепстве, в бессердечии. Даже Ахиллесу, образцовому своему герою, не прощает Гомер “львиного свирепства”, и поныне это не прописное прокля-

тие прописному пороку, а живой опыт, за которым люди на протяжении своей истории платили так много и всякий раз сызнава. Человечность Гомера столь велика, что одерживает верх даже над неотъемлемыми признаками жанра: обычно героический эпос — это песнь войне, как испытанию, обнаруживающему лучшие силы души, и Гомер в самом деле прославляет войну, но он уже и прокликает ее бедствия, ее безобразия, бесстыдное надругательство над человеческим достоинством. Первое, видимо, идет от примитивной морали варваров-дорийцев, второе — от новой морали законности и мира. Ей предстояло подчинить себе вселенную, и по сию пору нельзя еще сказать, чтобы эта задача была решена. Вот где Гомер встречается с Шекспиром, а мы — с тем и другим, вот что нам Гекуба! Мы отлично понимаем ужас старого Приама, заранее оплакивающего свою уродливую и бесславную гибель:

О, юноше славно,
 Как ни лежит он, упавший в бою и растерзанный медью, —
 Все у него и у мертвого, что ни открыто, прекрасно!
 Если ж седую браду и седую главу человека,
 Ежели стыд у старца убитого псы оскверняют, —
 Участи более горестной нет человекам несчастным!

И несколько не меньше, не хуже понятен нам яростный шекспировский протест против судьбы, позволившей этому совершиться:

Стыдись, Фортуна! Дайте ей отставку,
 О боги, отымите колесо,
 Разбейте обод, выломайте спицы
 И ось его скатите с облаков
 В крошечный ад!¹

Унижение человека несправедливостью, насилием — это позор и мука для каждого из людей; свой наглый вызов злодейство бросает всему миропорядку, и, стало быть, каждому из нас, и, стало быть, каждый в ответе за злодейство. Гомер это предчувствовал, Шекспир ясно понимал.

1 Перевод Б. Пастернака.

Но терпимость нигде ни разу не оборачивается терпимостью к злу, робостью перед ним, попыткой его оправдать. Твердость этической позиции, серьезная и строгая однозначность в отношении к жизни, столь характерная для Гомера (и для античной традиции в целом), обладает в наших глазах особою притягательной силой. “Незыблемость скалы ценностей”, от Гомера до наших дней — неискоренимость добра и честности перед лицом злобы и предательства, вечность тяги к прекрасному вопреки соблазнам безобразного, “вечность” максим и заповедей, которые иным простакам кажутся родившимися только вчера или даже сегодня, — несет в себе радость и ободрение. И не нужно подозревать, будто такая однозначность оценок — следствие примитивного, первобытного самодовольства, которому непонятно, что такое сомнение; нет, под нею скрыта органическая уверенность в себе здорового интеллекта, здорового чувства, уверенность в своем праве (и в своей обязанности!) решать и судить.

Для здорового чувства и здорового интеллекта жизнь — великий дар и самое драгоценное достояние, несмотря на все ее бедствия, муки и тяжкие превратности, несмотря на то, что Зевс изрекает с высоты небес:

...Из тварей, которые дышат и ползают в прахе,
Истинно в целой вселенной несчастнее нет человека!

Но бессмертному не понять смертных, и поэт не только благороднее, но и мудрее своих богов. Он приемлет действительность спокойно и здраво, он улавливает в ней ритм чередующихся радостей и горестей и видит в таком чередовании непреложный закон бытия, и решительно говорит бытию “да”, а небытию — “нет”.

Решительно, но небезоговорочно, потому что и в лицо смерти смотрит с таким же бесстрашием и спокойствием, как в лицо жизни. Неизбежность смерти не может и не должна отравить радость земного существования, а ее угроза — толкнуть на бесчестие. Одно из лучших и самых знаменитых мест в “Илиаде” — слова троянского героя Сарпедона, обращенные к другу перед битвою:

Друг благородный! когда бы теперь, отказавшись от брани,
Были с тобой навсегда нестареючи мы и бессмертны,

Я бы и сам не летел впереди перед воинством биться,
 Я и тебя бы не влек на опасности славного боя.
 Но и теперь, как всегда, неисчетные случаи смерти
 Нас окружают, и смертному их не минуть, не избегнуть.
 Вместе вперед! иль на славу кому, иль за славою сами!

Мироощущение Гомера — это высшее спокойствие и просветленность духа, который изведal и неистовый восторг, и неистовое отчаяние и поднялся выше обоих — над наивностью оптимизма и озлобленностью пессимизма.

Слова Сарпедона, призывающие друга в бой, читателя призывают задуматься, насколько свободен человек у Гомера — обладает ли он свободой выбора, свободой воли или скован “вышними силами” по рукам и ногам. Вопрос на редкость сложный, и ответы разноречивы, ибо разноречивы представления о богах и Судьбе, совместившиеся в греческом эпосе. Довольно часто люди действительно жалуются, что они не более чем игрушки в руках богов, и во всех своих бедах и ошибках винят злокозненных небожителей, но если это так, почему боги негодуют на неправду, чинимую людьми? Тогда это их, божеская, неправда, и гомеровская мораль лишается основания. Как ни толкуй эти жалобы (а их можно объяснять и психологически, например, попыткой оправдаться, переложить собственную вину на чужие плечи), сгладить противоречие очень трудно. Да это и ни к чему. Тем более что мы встретим достаточно мест, где человек принимает решение сознательно, здраво взвешивая все “за” и “против”, без всякой помощи (или коварной подсказки) свыше, и потому обязан нести ответственность за свой поступок. Подобные человеку во всем, боги Гомера и тут выступают в чисто человеческих ролях: они подают советы — совершенно так же, как мудрый старец Нестор, они участвуют в схватках — совершенно как смертные герои, иногда даже с меньшею удачей, чем смертные, не брезгают вмешательством и в мелочи земной жизни. Они способны помочь человеку или навредить ему, но решить его участь они не могут — ни один из них, даже Зевс.

Участь человека предопределена Судьбою, высшей в мире силой, которой подчиняются и сами боги. Они слуги Судьбы, ис-

полнители ее решений; приблизить или отдалить назначенное Судьбою — вот все, на что они способны. Главное их преимущество перед людьми — знание, мудрость, предвидение будущего (так же как главная причина людской несправедности, греха — это невежество, духовная слепота, глупость), и они охотно пользуются этим преимуществом, чтобы заранее известить смертного, что “предначертано ему роком”. А это очень важно, поскольку в рамках предначертанного, в рамках необходимости почти всегда остается место свободе. Судьба предлагает дилемму: поступишь такто — уцелеешь, поступишь по-иному — умрешь (что и значит “судьбе вопреки низойти в обитель Аида”). Выбор есть акт свободной воли, но, коль скоро он сделан, в его последствиях ничего нельзя изменить. Гермес внушал Эгисту, чтобы тот не покушался на жизнь Агамемнона, когда царь возвратится из похода на Троию, и не вступал в брак с его супругой. Эгист остался глух к наставлению бога и, как предупреждал его Гермес, понес наказание от руки сына убитого.

Читая Гомера, убеждаешься, что бывают случаи, когда банальные, захватанные штампы, давно потерявшие смысл и выразительность, вдруг оживают. Он в самом деле “гений поэзии” и в самом деле “художник слова”. Он рисует и лепит словом, созданное им зримо и осязаемо. Он обладает неповторимую даже среди собратьев по гениальности остротою глаза, и потому мир его видения — самые обыденные предметы в этом мире — резче, отчетливее, содержательнее, нежели то, что открывается любому иному взору. Это качество хотелось бы, вслед за Марксом, назвать детскостью, потому что лишь в ранние годы, лишь ребенку доступна такая зоркость. Но детскость Гомера — это еще и яркое солнце, которым пронизаны поэмы, и восхищение жизнью, во всяком ее обличии (отсюда общая приподнятость тона, эпическая величавость), и неиссякаемое любопытство к деталям (отсюда бесчисленные, но никогда не утомляющие подробности). Детскость проявляется, наконец, и в том, как относится художник к своему материалу.

Писатель нового времени, как правило, борется с материалом, он *организует* слово и стоящую за ним действительность — это именно процесс организации, претворение хаоса в космос, беспорядка в порядок. Чем ближе к сегодняшнему дню, тем замет-

нее борьба, тем меньше старается художник скрыть ее от чужих глаз, а нередко и демонстративно выставляет сопротивление материала на всеобщий обзор. Античный писатель не знал этого сопротивления, у Гомера субъект еще не противопоставлен объекту (обществу или даже природе): так ребенок долго не осознает противоположности “я” и “не-я”. Органическое ощущение единства слабело с веками, но вплоть до самого конца античной традиции не исчезало окончательно, и это придает всякой античной книге, и прежде всего гомеровским поэмам, особую цельность, которую ни с чем не спутаешь и которая влечет нас и радует — по контрасту. То же ощущение, пожалуй, запечатлено в современной Гомеру пластике и вазопиcи, обычно именуемых архаическими. Глядя на “курсов” (изваяния юношей в полный рост), на их сдержанную, скованную мощь и блаженную улыбку, разглядывая вазы и глиняные статуэтки, каждая из которых вправе называться шедевром, думаешь о том, с какою свободой и беззаботностью, с каким мудрым забвением повседневных тягот и тревог, с каким детским доверием к будущему и уверенностью в нем воспринимал мир древний художник. Потому-то и улыбаются губы, потому так широко открыты глаза — с любопытством ко всему на свете, с достоинством и спокойствием, которые чудесным образом сочетаются с экспрессией, смелой выразительностью движений в вереницах людей и животных.

То же и у Гомера. “Статические” зарисовки чередуются с “динамическими”, и трудно сказать, какие удаются поэту лучше. Сравним:

В мантию был шерстяную, пурпурного цвета, двойную
 Он облачен; золотою прекрасной с двойными крючками
 Бляхой держалася мантия; мастер на бляхе искусно
 Грозного пса и в могучих когтях у него молодую
 Лань изваял...

...в изумленья та бляха

Всех приводила. Хитон, я приметил, носил он из чудной
 Ткани, как пленка, с головки сушеного снятая лука,
 Тонкой и светлой, как яркое солнце: все женщины, видя
 Эту чудесную ткань, удивлялися ей несказанно.

И:

Вышел таков Теламонид огромный, твердыня Данаев,
Грозным лицом осклабясь, и звучными сильными стопами
Шел, широко выступая, копьем длиннотенным колебля,

Чему отдать предпочтение, пусть каждый решит для себя сам, но в любом случае запомним, что упрекать гомеровский эпос в примитивной застылости, в неспособности изобразить движение — несправедливо и нелепо.

Зримость, наглядность, как основное качество поэзии Гомера, позволяет объяснить многое в “Илиаде” и “Одиссее”. Становится понятным последовательное олицетворение всего отвлеченного (Обида, Вражда, Молитвы): то, чего нельзя охватить взором, для Гомера просто не существует. Понятна полная конкретность — не просто человекоподобие, но именно конкретность, вещность — образов небожителей. Конкретность неизбежно снижает образ, и только здесь, в обостренном чувстве реальности, а никак не в первобытном вольнодумстве, надо искать причину того, что нашему восприятию кажется насмешкою над богами: боги Гомера вспльчивы, тщеславны, злопамятны, высокомерны, простоваты, не чужды им и физические изъяны. Гомеровская мифология — первая, которая нам известна у греков; что в ней от общепринятых религиозных верований, что добавлено вымыслом поэта, никто не знает, и можно с большой вероятностью предполагать, что более поздние, классические представления об Олимпе и его обитателях во многом прямо заимствованы из “Илиады” и “Одиссеи” и происхождением своим обязаны художественному дару автора поэм.

Конкретность и вообще несколько снижает приподнятость тона, эпическую величавость. Одним из средств, создающих эту приподнятость, был особый язык эпоса — изначально неразговорным, сложенный из элементов различных греческих диалектов. Во все времена он звучал для самих греков остраненно и высоко и уже в классическую эпоху (V в. до н.э.) казался архаичным. Русский перевод “Илиады”, выполненный Н. И. Гнедичем около полутора столетий назад, как нельзя вернее воспроизводит отчужденность эпического языка, его приподнятость надо всем обыденным, его древность.

Читая Гомера, убеждаешься: не только внешность мира, его лик, — когда улыбочивый, когда хмурый, когда грозный, — умел он изображать, но и человеческая душа, все ее движения, от простейших до самых сложных, были ведомы поэту. Есть в поэмах настоящие психологические открытия, которые и теперь при первой встрече — первом чтении — поражают и запоминаются на всю жизнь. Вот дряхлый Приам, тайком явившись к Ахиллесу в надежде получить для погребения тело убитого сына,

никем не примеченный, входит в покой и, Пелиду
В ноги упав, обымает колена и руки целует, —
Страшные руки, детей у него погубившие многих!

Цену этим строкам знал, бесспорно, и сам поэт: недаром чуть ниже он повторяет их, вложив в уста самого Приама и дополнив прямым “психологическим комментарием”:

Храбрый! почти ты богов! над моим злополучием сжался,
Вспомнив Пелея отца: несравненно я жалче Пелея!
Я испытую, чего на земле не испытывал смертный:
Мужа, убийцы детей моих, руки к устам прижимаю!

Или еще пример — другое открытие: горе и сплачивает, и в то же время разъединяет людей. Дружно рыдают рабыни, оплакивая убитого Патрокла, но в душе каждая сокрушается о собственном горе, и так же плачут, сидя рядом, враги — Ахиллес и Приам:

За руку старца он взяв, от себя отклонил его тихо.
Оба они вспоминая: Приам — знаменитого сына,
Горестно плакал, у ног Ахиллесовых в прахе простертый,
Царь Ахиллес, то отца вспоминая, то друга Патрокла,
Плакал, и горестный стон их кругом раздавался по дому.

Или еще — всякое очень сильное чувство двулико, скорбное просветление скрыто на дне безутешного плача, за бешеным гневом таится сладость:

Гнев ненавистный, который и мудрых в неистовство вводит,
Он в зарождении сладостней тихо струящегося меда.

Психологизм в сочетании с даром художника — постоянным стремлением не рассказывать, а показывать — сообщает эпосу качества драмы: характеры раскрываются не со стороны, а непосредственно, в речах героев. Речи и реплики занимают приблизительно три пятых текста. В каждой из поэм около семидесяти пяти говорящих персонажей, и все это живые лица, их не спугаешь друг с другом. Древние называли Гомера первым трагическим поэтом, а Эсхил утверждал, что его, Эсхила, трагедии — лишь крохи с пышного стола Гомера. И правда, многие знаменитые, психологически совершенные эпизоды “Илиады” и “Одиссеи” — это сцены, словно бы специально написанные для театра. К их числу принадлежат свидание Гектора с Андромахой в VI песни “Илиады”, появление Одиссея перед феакийской царевною Навсикаей и “узнание” его старой нянькою Евриклеей — в VI и XIX песнях “Одиссеи”.

Читая Гомера, убеждаешься, что обе поэмы (в особенности “Илиада”) — чудо композиции, и дивишься безумной отваге аналитиков, утверждавших, будто эти виртуознейшие конструкции сложились сами собой, стихийно, спонтанно. Трудно сомневаться, что расположение материала было строго и тщательно обдумано, — именно потому так полно исчерпываются все начатые отдельные темы, так плотно сконцентрировано действие. Всего одиннадцать стихов потребовалось автору “Илиады”, чтобы ввести слушателя (или читателя) в суть дела, в самую гущу событий; в одиннадцати строках экспозиции открываются и главная тема всего произведения — гнев Ахиллеса, и повод к гневу, и обстоятельства, предшествовавшие ссоре вождей, и даже божественная подоплека событий (“совершалась Зевсова воля”). Сразу же за тем начинается действие, которое длится до тех пор, пока не иссякает полностью главная тема. Ни убийство Гектора, ни надругательство над его телом, ни пышные похороны Патрокла, ни погребальные игры в честь друга не приносят успокоения Ахиллесу. Только после свидания с Приамом наступает перелом: душа, омраченная яростью и отчаянием, словно просветляется, омытая слезами, которые вместе проливают убийца и отец убитого. И затем такое же просветленное завершение второй темы — темы Гектора, которая неотделима от главной, ею рождена и дополняет ее.

Эпилога в “Илиаде” нет, и вплоть до последней, завершающей строки: “Так погребали они конеборного Гектора тело” — длится развязка, всем духом своим напоминающая развязку трагедии. Напоминает о трагедии и темп повествования, неровный, порывистый, изобилующий резкими, неожиданными поворотами — в трагедии их называют перипетиями. Главная перипетия решает судьбу героя и решительно направляет действие к кульминации и развязке. В “Илиаде” роль главной перипетии играет гибель Патрокла, кульминации — умерщвление Гектора.

И эпизоды и образы “Илиады” объединены вокруг главной темы и главного героя, образуя тесно связанную систему. Все события поэмы укладываются в девять дней (впрочем, если считать и “пустые промежутки” между сгустками действия, дней набирается пятьдесят один). “Одиссея” построена несколько иначе, более рыхло. Здесь нет такого сгущения действия, такую тесного переплетения различных его линий (хотя “действенных” дней тоже девять). Более независимы друг от друга и образы: нет таких психологически взаимодополняющих или противопоставленных пар, как Ахиллес — Гектор, или Ахиллес — Диомед, или Ахиллес — Патрот, связи между персонажами по преимуществу внешние, сюжетные. Но надо помнить, что перед поэтом стояла труднейшая задача — изложить десятилетнюю предысторию возвращения на Итаку, рассказать о десятилетних скитаниях героя. Выходит, что большая рассредоточенность действия была задана самим сюжетом.

Изучая построение поэм, ученые открыли у Гомера особый композиционный стиль, который назвали “геометрическим”. Его основа — острое чувство меры и симметрии, а результат — последовательное членение текста на триптихи (тройное деление). Так, первые пять песней “Одиссеи” составляют структуру из двух триптихов. Первый: совет богов и их намерение вернуть Одиссея на родину (I, ₁—I, ₁₀₀) — Телемах и женихи на Итаке (I, ₁₀₁—II) — Телемах гостит у Нестора в Пилюсе (III). Второй: Телемах гостит у Менелая в Спарте (IV, ₁—IV, ₆₂₄) — женихи на Итаке (IV, ₆₂₅—IV, ₈₄₇) — совет богов и начало пути Одиссея на родину (V). Второй триптих как бы зеркально отражает первый, получается симметричное расположение элементов по обе стороны от центральной оси. Конечно,

это результат не расчета, а врожденного дара: автор, вернее всего, и не подозревал о собственном геометризме. Нам, читателям, геометризм открывается непосредственно. Мы говорим о нем нечетко и расплывчато, называя общию стройностью, изяществом, соразмерностью. Но как бы там ни было, мы наслаждаемся этой непридуманной, ненарочитой соразмерностью, — быть может, в противоположность нарочитой асимметричности, которая становится эстетической нормой в новейшее время.

Со всем тем нельзя настаивать, что композиция поэм — и не только композиция — совершенно свободна от изъянов, с точки зрения современного читателя. Остатки примитивного творческого метода древних певцов обнаруживаются и в утомительных длиннотах, и в сюжетных повторах, резко снижающих занимательность (например, в начале XII песни “Одиссеи” волшебница Цирцея заранее и довольно подробно рассказывает о приключениях, которые будут содержанием этой же самой песни), и в так называемом законе хронологической несовместимости: действия одновременные и параллельные Гомер изобразить не может, а потому рисует их разновременными, следующими одно за другим. По милости этого закона гомеровские битвы выглядят цепочками поединков — каждая пара бойцов терпеливо дожидается своей очереди, да и внутри пары строго соблюдается очередность — разом противники никогда не бьют.

В список изъянов можно было бы внести и пресловутое “эпическое (или даже гомеровское) спокойствие”, ибо чистая, бесприимесная объективность полная незаинтересованность — мертвы и к искусству не принадлежат. Но, хотя “гомеровское спокойствие” часто считается необходимым признаком эпического стиля, это выдуманный признак. Гомер отнюдь не устранился от суждения о происходящем. Расставив декорации и выпустив на сцену актеров, он уже не вмешивается в игру, но и не прячется все время за кулисами, а то и дело выходит к зрителям и говорит с ними, комментируя происходящее, иной раз он обращается к Музе и к действующим лицам. Ученые подсчитали, что подобные “прямые высказывания” составляют около $\frac{1}{5}$ всего текста. Самая замечательная их часть — это бесспорно, авторские (или эпические) сравнения. В обычном сравнении, каким бы образным оно ни бы-

ло, каждое слово направлено к возможно более полному изображению сравниваемого. Если Одиссей притворно жалуется:

...Но все миновалось;
Я лишь солома теперь, по соломе однако, и прежний
Колос легко распознаешь ты —

здесь все “идет в дело” я теперь как вымолоченная солома, но как по соломе легко догадаться, что за колос она несла, так и ты глядя на меня, догадаешься, что за человек я был прежде. Но когда о младших начальниках, строящих войско к бою, говорится:

Подобно как волки,
Хищные звери, у коих в сердцах беспредельная дерзость,
Кои елени рогатого, в дебри нагорной повергнув,
Зверски терзают, у всех обагровлены кровию пасти,
После стаею целой к источнику черному рыщут,
Там языками их гибкими мутную воду потока
Локчут, рыгая кровь поглощенную, в персях их бьется
Неукротимое сердце, и всех их раздуты утробы, —
В брань таковы мирмидонян вожди и строители ратей
Реяли окрест Патрокла, —

то собственно сравнению отведены три строки из десяти: вожди мирмидонян, окружавшие Патрокла, были похожи на волков. Остальные семь — особая картина, ничем фактически не связанная с окружающим текстом. Когда-то считали, что авторские сравнения только украшают эпос, но никакой функциональной нагрузки не несут. Теперь думают по-другому: авторские сравнения — это выход из условной, поэтической действительности в мир, доподлинно окружавший певца и его слушателей; чувства слушателей, изменяя свое направление, как бы получали отдых, чтобы затем с новым напряжением обратиться к судьбам героев. Если авторские сравнения должны были служить эмоциональным контрастом к основному повествованию, ясно, что темы для сравнений заимствовались преимущественно из мирной жизни. В “Илиаде”, более одухотворенной, монументальной и сумрачной, монументальны и сравнения; в “Одиссее” они короче и проще, среди мотивов преобладают бытовые, — вероятно, в проти-

воположность чудесам сказки. Мы видели, как гомеровский эпос соприкасается с драмою. В авторских сравнениях он становится самою настоящею лирикой. Читая Гомера, радуешься встрече с каждым новым сравнением, останавливаешься и медленно произносишь вслух — раз, другой, третий, наслаждаясь его прелестью, свежестью, смелостью и вместе с тем полнейшей естественностью, ненарочитостью.

Словно как на небе около месяца ясного сонмом
 Кажутся звезды прекрасные, ежели воздух безветрен;
 Все кругом открывается — холмы, высокие горы,
 Доли, небесный эфир разверзается весь беспредельный;
 Видны все звезды; и пастырь, дивуясь, душой веселится, —
 Столько меж черных судов и глубокопучинного Ксанфа
 Зрилось огней троянских.

Так помышляет о сладостном вечере пахарь, день целый
 Свежее поле с четою волов бороздивший могучим
 Плугом, и весело день провожает он взором на запад —
 Тащится тяжелой стопою домой он готовить свой ужин.
 Так Одиссей веселился, увидя склоненье на запад
 Дня.

Читать “Илиаду” и “Одиссею”, просто читать, как читаешь своего современника, не делая никаких скидок на века и тысячелетия, — вот самый лучший, самый верный путь к Гомеру. Он открыт и доступен всем.

Симон Маркиш

Илиада

Песнь первая ЯЗВА. ГНЕВ

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал:
Многие души могучие славных героев низринул
В мрачный Аид и самих распростер их в корысть плотоядным
5 Птицам окрестным и псам (совершалася Зевсова воля), —
С одного дня, как, воздвигшие спор, вспыхнули враждою
Пастырь народов Атрид и герой Ахиллес благородный.

Кто ж от богов бессмертных подвиг их к враждебному спору?
Сын громовержца и Леты — Феб, царем прогневленный,
10 Язву на воинство злую навел; погибали народы
В казнь, что Атрид обесчестил жреца непорочного Хриса.
Старец, он приходил к кораблям быстролетным ахейским
Пленную дочь искупить и, принеся бесчисленный выкуп
И держа в руках, на жезле золотом, Аполлонов
15 Красный венец, умолял убедительно всех он ахеян,
Паче ж Атридов могучих, строителей рати ахейской:
“Чада Атрея и пышнопоножные мужи ахейцы!
О! да помогут вам боги, имущие дома в Олимпе,
Град Приамов разрушить и счастливо в дом возвратиться;
20 Вы ж свободите мне милую дочь и выкуп примите,
Чествуя Зевсова сына, далеко разящего Феба”.

Все изъявили согласие криком всеобщим ахейцы
 Честь жрецу оказать и принять блистательный выкуп;
 Только царя Агамемнона было то не любо сердцу;
 25 Гордо жреца отослал и прирек ему грозное слово:
 “Старец, чтоб я никогда тебя не видал пред судами!
 Здесь и теперь ты не медли и впредь не дерзай показаться!
 Или тебя не избавит ни скиптр, ни венец Аполлона.
 Деве свободы не дам я; она обвешает в неволе,
 30 В Аргосе, в нашем дому, от тебя, от отчизны далече —
 Ткальный стан обходя или ложе со мной разделяя.
 Прочь удались и меня ты не гневай, да здрав возвратишься!”

Рек он; и старец трепещет и, слову царя покорясь,
 Идет, безмолвный, по берегу немолчношумящей пучины.
 35 Там, от судов удалившись, старец взмолился печальный
 Фебу царю, лепокудря Леты могущему сыну:
 “Бог сребролукий, внемли мне: о ты, что, хранящий, обходишь
 Хрису, священную Киллу и мощно царишь в Тенедосе,
 Сминфей! если когда я храм твой священный украсил,
 40 Если когда пред тобой возжигал я тучные бедра
 Коз и тельцов, — услышь и исполни одно мне желанье:
 Слезы мои отомсти аргивянам стрелами твоими!”

Так вопиял он, моляся; и внял Аполлон сребролукий:
 Быстро с Олимпа вершин устремился, пышущий гневом,
 45 Лук за плечами неся и колчан, отовсюду закрытый;
 Громко крылатые стрелы, биясь за плечами, звучали
 В шествии гневного бога: он шествовал, ночи подобный.
 Сев наконец пред судами, пернатую быструю мечет;
 Звон поразительный издал серебряный лук стреловержца.
 50 В самом начале на месков напал он и псов празднобродных;
 После постиг и народ, смертоносными прыща стрелами;
 Частые трупов костры непрестанно пылали по стану.

Девять дней на воинство божие стрелы летали;
 В день же десятый Пелид на собрание созвал ахеян.

55 В мысли ему то вложила богиня державная Гера:
 Скорбью терзалась она, погибающих видя ахеян.
 Быстро сходился народ, и когда воедино собрался,
 Первый, на сонме восстав, говорил Ахиллес быстроногий:
 “Должно, Атрид, нам, как вижу, обратно исплававши море,
 60 В дома свои возвратиться, когда лишь от смерти спасемся.
 Вдруг и война, и погибельный мор истребляет ахеян.
 Но испытаем, Атрид, и спросим жреца, иль пророка,
 Или гадателя снов (и сны от Зевеса бывают):
 Пусть нам поведают, чем раздражен Аполлон небожитель?
 65 Он за обет несвершенный, за жертву ль стотельчую гневен?
 Или от агнцев и избранных коз благовонного тука
 Требует бог, чтоб ахеян избавить от пагубной язвы?”

Так произнесши, воссел Ахиллес; и мгновенно от сонма
 Калхас восстал Фесторид, верховный птицегадатель.
 70 Мудрый, ведал он все, что минуло, что есть и что будет,
 И ахеян суда по морям предводил к Илиону
 Даром предвиденья, свыше ему вдохновенным от Феба.
 Он, благомыслия полный, речь говорил и вещал им:
 “Царь Ахиллес! возвестить повелел ты, любимец Зевеса,
 75 Праведный гнев Аполлона, далеко разящего бога?
 Я возвещу; но и ты согласишь, поклянешься мне, что верно
 Сам ты меня защитит и словами готов и руками.
 Я опасуюсь, прогневаю мужа, который верховный
 Царь аргивян и которому все покорны ахейцы.
 80 Слишком могуществен царь, на мужа подвластного гневный:
 Вспыхнувший гнев он на первую пору хотя и смиряет,
 Но сокрытую злобу, доколе ее не исполнит,
 В сердце хранит. Рассуди ж и ответствуй, заступник ли ты мне?”

Быстро ему отвечая, вещал Ахиллес благородный:
 85 “Верь и дерзай, возвести нам оракул, какой бы он ни был!
 Фебом клянусь я, Зевса любимцем, которому, Калхас,
 Молишься ты, открывая данаям вещания бога:
 Нет, пред судами никто, куда живу я и вижу,
 Рук на тебя дерзновенных, клянуся, никто не подымет

90 В стане ахейян; хотя бы назвал самого ты Атрида,
Властию ныне верховной гордящегось в рати ахейской”.

Рек он; и сердцем дерзнул, и вещал им пророк непорочный:
“Нет, не за должный обет, не за жертву стотельчую гневен
Феб, но за Хриса жреца: обесчестил его Агамемнон,
95 Дщери не выдал ему и моление и выкуп отринул.
Феб за него покарал и бедами еще покарает,
И от пагубной язвы разящей руки не удержит
Прежде, доколе к отцу не отпустят, без платы, свободной
Дщери его черноокой и в Хрису святой не представят
100 Жертвы стотельчей; тогда лишь мы бога на милость
преклоним”.

Слово скончавши, воссел Фесторид; и от сонма воздвигся
Мощный герой, пространно-властительный царь Агамемнон,
Гневом волнуем; ужасной в груди его мрачное сердце
Злобой наполнилось; очи его засветились, как пламень.
105 Калхасу первому, смотря свирепо, вещал Агамемнон:
“Бед предвещатель, приятного ты никогда не сказал мне!
Радостно, верно, тебе человекам беды лишь пророчить;
Доброго слова еще ни измолвил ты нам, ни исполнил.
Се, и теперь ты для нас как глагол проповедуешь бога,
110 Будто народу беды дальномечущий Феб устроит,
Мстя, что блестящих даров за свободу принять Хрисеиды
Я не хотел; но в душе я желал черноокою деву
В дом мой ввести; предпочел бы ее и самой Клитемнестре,
Девой взятой в супруги; ее Хрисеида не хуже
115 Прелестью вида, приятством своим, и умом, и делами!
Но соглашаюсь, ее возвращаю, коль требует польза:
Лучше хочу я спасение видеть, чем гибель народа.
Вы ж мне в сей день замените награду, да в стане аргивском
Я без награды один не останусь: позорно б то было;
120 Вы же то видите все — от меня отходит награда”.

Первый ему отвечал Пелейон, Ахиллес быстроногий:
“Славою гордый Атрид, беспредельно корыстолюбивый!

- Где для тебя обрести добродушным ахеям награду?
Мы не имеем нигде сохраняемых общих сокровищ:
125 Что в городах разоренных мы добыли, все разделили;
Снова ж, что было дано, отбирать у народа — позорно!
Лучше свою возврати, в угождение богу. Но после
Втрое и вчетверо мы, аргивяне, тебе то заплатим,
Если дарует Зевс крепкостенную Троию разрушить”.
- 130 Быстро, к нему обратясь, вещал Агамемнон могучий:
“Сколько ни доблестен ты, Ахиллес, бессмертным подобный,
Хитро не умствуй: меня ни провесть, ни склонить не успеешь.
Хочешь, чтоб сам обладал ты наградой, а я чтоб, лишенный,
Молча сидел? и советуешь мне ты, чтоб деву я выдал?..
135 Пусть же меня удовольствуют новою мздою ахейцы,
Столько ж приятно сердцу, достоинством равною первой.
Если ж откажут, предстану я сам и из кущи исторгну
Или твою, иль Аяксову мзду, или мзду Одиссея;
Сам я исторгну, и горе тому, пред кого я предстану!
140 Но об этом беседовать можем еще мы и после.
Ныне черный корабль на священное море ниспустим,
Сильных гребцов изберем, на корабль гекатомбу поставим
И сведем Хрисеиду, румяноланитую деву.
В нем да воссядет начальником муж от ахеян советных,
145 Идомепей, Одиссей Лаэртид, иль Аякс Теламонид,
Или ты сам, Пелейон, из мужей в ополченье страшнейший!
Шествуй и к нам Аполлона умилоствив жертвой священной!”
- Грозно взглянув на него, отвечал Ахиллес быстроногий:
“Царь, облеченный бесстыдством, коварный душою мздолюбец!
150 Кто из ахеян захочет твои повеления слушать?
Кто иль поход совершит, иль с враждебными храбро сразится?
Я за себя ли пришел, чтоб троян, укротителей коней,
Здесь воевать? Предо мною ни в чем не виновны трояне:
Муж их ни коней моих, ни тельцов никогда не похитил;
155 В счастливой Фтии моей, многолюдной, плодами обильной,
Нив никогда не топтал; беспредельные нас разделяют
Горы, покрытые лесом, и шумные волны морские.

Нет, за тебя мы пришли, веселим мы тебя, на троянах
 Чести ища Менелаю, тебе, человек псообразный!
 160 Ты же, бесстыдный, считаешь ничем то и все презираешь,
 Ты угрожаешь и мне, что мою ты награду похитишь,
 Подвигов тягостных мзду, драгоценнейший дар мне ахеян?..
 Но с тобой никогда не имею награды я равной,
 Если троянский цветущий ахеяне град разгромяют.
 165 Нет, несмотря, что тягчайшее бремя томительной брани
 Руки мои поднимают, всегда, как раздел наступает,
 Дар богатейший тебе, а я и с малым, приятным
 В стан не ропща возвращаюсь, когда истомлен ратоборством.
 Ныне во Фтию иду: для меня несравненно приятней
 170 В дом возвратиться на быстрых судах; посрамленный тобою,
 Я не намерен тебе умножать здесь добыч и сокровищ".

Быстро воскликнул к нему повелитель мужей Агамемнон:
 "Что же, беги, если бегства ты жаждешь! Тебя не прошу я
 Ради меня оставаться; останутся здесь и другие;
 175 Честь мне окажут они, а особенно Зевс промыслитель.
 Ты ненавистнейший мне меж царями, питомцами Зевса!
 Только тебе и приятны вражда, да раздоры, да битвы.
 Храбростью ты знаменит; но она дарование бога.
 В дом возвратись, с кораблями беги и с дружиной своею;
 180 Властвуй своими фессальцами! Я о тебе не забочусь;
 Гнев твой вмению в ничто; а напротив, грожу тебе так я:
 Требует бог Аполлон, чтобы я возвратил Хрисеиду;
 Я возвращу, — и в моем корабле, и с моею дружиной
 Деву пошлю; но к тебе я приду, и из кущи твоей Брисеиду
 185 Сам увлеку я, награду твою, чтобы ясно ты понял,
 Сколько я властью выше тебя, и чтоб каждый страшился
 Равным себя мне считать и дерзко верстаться со мною!"

Рек он, — и горько Пелиду то стало: могучее сердце
 В персях героя власатых меж двух волновалось мыслей:
 190 Или, немедля исторгнувши меч из влагилица острый,
 Встречных рассыпать ему и убить властелина Атрида;
 Или свирепство смирить, обуздав огорченную душу.

В миг, как подобными думами разум и душу волнуя,
 Страшный свой меч из ножен извлекал он, — явилась Афина,
 195 С неба слетев; ниспослала ее златотронная Гера,
 Сердцем любя и храня обоих браноносцев; Афина,
 Став за хребтом, ухватила за русые кудри Пелида,
 Только ему лишь явленная, прочим незримая в сонме.
 Он ужаснулся и, вспять обратясь, познал несомненно
 200 Дочь громовержцеву: страшным огнем ее очи горели.
 К ней обращенный лицом, устремил он крылатые речи:
 “Что ты, о дочь Эгиоха, сюда низошла от Олимпа?
 Или желала ты видеть царя Агамемнона буйство?
 Но реку я тебе, и реченное скоро свершится:
 205 Скоро сей смертный своею гордынею душу погубит!”

Сыну Пелея рекла светлоокая дочь Эгиоха:
 “Бурный твой гнев укротить я, когда ты бессмертным покорен,
 С неба сошла; ниспослала меня златотронная Гера;
 Вас обоих равномерно и любит она и спасает.
 210 Кончи раздор, Пелейон, и, довольствуя гневное сердце,
 Злыми словами язви, но рукою меча не касайся.
 Я предрекаю, и оное скоро исполнено будет:
 Скоро трикраты тебе знаменитыми столько ж дарами
 Здесь за обиду заплатят: смирися и нам повинуйся”.

215 К ней обращался вновь, говорил Ахиллес быстроногий:
 “Должно, о Зевсова дочь, соблюдать повеления ваши.
 Как мой ни пламенен гнев, но покорность полезнее будет:
 Кто бессмертным покорен, тому и бессмертные внемлют”.

Рек, и на серебряном черене стиснул могучую руку
 220 И огромный свой меч в ножны опустил, покоряся
 Слову Паллады; Зевсова дочь вознеслася к Олимпу,
 В дом Эгиоха отца, небожителей к светлому сонму.
 Но Пелид быстроногий суровыми снова словами
 К сыну Атрея вещал и отнюдь не обуздывал гнева:
 225 “Грузный вином, со взорами песьими, с сердцем елени!
 Ты никогда ни в сраженье открыто стать перед войском,

- Ни пойти на засаду с храбрейшими рати мужами
 Сердцем твоим не дерзнул: для тебя то кажется смертью.
 Лучше и легче стократ по широкому стану ахейн
 230 Грابتь дары у того, кто тебе прекословить посмеет.
 Царь пожиратель народа! Зане над презренными царь ты, —
 Или, Атрид, ты нанес бы обиду, последнюю в жизни!
 Но тебе говорю и великою клятвой клянуся,
 Скипетром сим я клянуся, который ни листьев, ни ветвей
 235 Вновь не испустит, однажды оставив свой корень на холмах,
 Вновь не прозябнет, — на нем изощренная медь обнажила
 Листья и кору, — и ныне который ахейские мужи
 Носят в руках судии, уставов Зевесовых стражи, —
 Скиптр сей тебе пред ахейцами будет великою клятвой:
 240 Время придет, как данаев сыны пожелают Пелида
 Все до последнего; ты ж, и крушася, бессилен им будешь
 Помощь подать, как толпы их от Гектора мужеубийцы
 Свергнутся в прах; и душой ты своей истерзаешься, бешен
 Сам на себя, что ахейца храбрейшего так обесславил”.
- 245 Так произнес, и на землю стремительно скипетр он бросил,
 Вкруг золотыми гвоздями блестящий, и сел меж царями.
 Против Атрид Агамемнон свирепствовал сидя; и Нестор
 Сладкоречивый восстал, громогласный вития пилосский:
 Речи из уст его вещей, сладчайшие меда, лилися.
 250 Два поколенья уже современных ему человекoв
 Скрылись, которые некогда с ним возрастали и жили
 В Пилосе пышно; над третьим уж племенем царствовал старец.
 Он, благомыслия полный, советует им и вещает:
 “Боги! великая скорбь на ахейскую землю приходит!
 255 О! возликует Приам и Приамовы гордые чада,
 Все обитатели Трои безмерно восхитятся духом,
 Если услышат, что вы воздвигаете горькую распрю, —
 Вы, меж данаями первые в сонмах и первые в битвах!
 Но покоритесь, могучие! оба меня вы моложе,
 260 Я уже древле видал знаменитейших вас браноносцев;
 С ними в беседы вступал, и они не гнушались мною.
 Нет, подобных мужей не видал я и видеть не буду,

Воев, каков Пирифой и Дриас, предводитель народов,
 Грозный Эксадий, Кеней, Полифем, небожителям равный
 265 И рожденный Эгеем Тесей, бессмертным подобный!
 Се человеки могучие, слава сынов земнородных!
 Были могучи они, с могучими в битвы вступали,
 С лютыми чадами гор, и сражали их боем ужасным.
 Был я, однако, и с оными в дружестве, бросивши Пилос,
 270 Дальнюю Апии землю: меня они вызвали сами.
 Там я, по силам моим, подвизался; но с ними стяжаться
 Кто бы дерзнул от живущих теперь человеков наземных?
 Но и они мой совет принимали и слушали речи.
 Будьте и вы послушны: слушать советы полезно.
 275 Ты, Агамемнон, как ни могущ, не лишай Ахиллеса
 Девы: ему как награду ее даровали ахейцы.
 Ты, Ахиллес, воздержись горделиво с царем препираться:
 Чести подобной доньше еще не стяжал ни единый
 Царь скиптроносец, которого Зевс возвеличивал славой.
 280 Мужеством ты знаменит, родила тебя мать-богиня;
 Но сильнейший здесь он, повелитель народов несчетных.
 Сердце смири, Агамемнон: я, старец, тебя умоляю,
 Гнев отложи на Пелида героя, который сильнейший
 Всем нам, ахейцам, оплот в истребительной брани троянской”.
 285 Быстро ему отвечал повелитель мужей, Агамемнон:
 “Так справедливо ты все и разумно, о старец, вещаешь;
 Но человек сей, ты видишь, хочет здесь всех перевысить,
 Хочет начальствовать всеми, господствовать в рати над всеми,
 Хочет указывать всем; но не я покориться намерен.
 290 Или, что храбрым его сотворили бессмертные боги,
 Тем позволяют ему говорить мне в лицо оскорбленья?”
 Гневно его перервав, отвечал Ахиллес благородный:
 “Робким, ничтожным меня справедливо бы все называли,
 Если б во всем, что ни скажешь, тебе угодил я, безмолвный.
 295 Требуй того от других, напыщенный властительством; мне же
 Ты не приказывай: слушать тебя не намерен я боле!
 Слово иное скажу, и его сохрани ты на сердце:

В битву с оружием в руках никогда за плененную деву
 Я не вступлю, ни с тобой и ни с кем; отымайте, что дали!
 300 Что ж до корыстей других, в корабле моем черном хранимых,
 Противу воли моей ничего ты из них не похитишь!
 Или, приди и отведай, пускай и другие увидят:
 Черная кровь из тебя вокруг копья моего заструится!”

Так воеводы жестоко друг с другом словами сражаясь,
 305 Встали от мест и разрушили сонм пред судами ахейян.
 Царь Ахиллес к мирмидонским своим кораблям быстролетным
 Гневный отшел, и при нем Менетид с мирмидонской дружиной.
 Царь Агамемнон легкий корабль ниспустил на пучину,
 Двадцать избрал гребцов, поставил на нем гекатомбу,
 310 Дар Аполлону, и сам Хрисеиду, прекрасную деву,
 Взвел на корабль: повелителем стал Одиссей многоумный;
 Быстро они, устремясь, по влажным путям полетели.
 Тою порою Атрид повелел очищаться ахейцам:
 Все очищались они и нечистое в море метали.
 315 После, избрав совершенные Фебу царю гекатомбы,
 Коз и тельцов сожигали у берега бесплодного моря;
 Туков воня́ до небес восходила с клубящимся дымом.

Так аргивяне трудились в стане; но царь Агамемнон
 Злобы еще не смирял и угроз не забыл Ахиллесу:
 320 Он, призвав пред лицо Талфибия и с ним Эврибата,
 Верных клеветов и вестников, так заповедывал, гневный:
 “Шествуйте, верные вестники, в сень Ахиллеса Пелида;
 За руки взяв, пред меня Брисеиду немедля представьте:
 Если же он не отдаст, возвратитесь — сам я исторгну:
 325 С силой к нему я приду, и преслушному горестней будет”.

Так произнес и послал, заповедавши грозное слово.
 Мужи пошли неохотно по берегу шумной пучины;
 И, приближась к кущам и быстрым судам мирмидонов,
 Там обретают его, перед кущей своею сидящим
 330 В думе; пришедших увидя, не радость Пелид обнаружил.
 Оба смутились они и в почтительном страхе к владыке

Стали, ни вести сказать, ни его вопросить не дерзая.
Сердцем своим то проник и вещал им Пелид благородный:
“Здравствуйте, мужи глашатаи, вестники бога и смертных!

335 Ближе предстаньте; ни в чем вы не винны, но царь Агамемнон!
Он вас послал за наградой моей, за молодой Брисеидой.
Друг, благородный Патрокл, изведи и отдай Брисеиду;
Пусть похищают; но сами они же свидетели будут
И пред сонмом богов, и пред племенем всех человеков,
340 И пред царем сим неистовым, — ежели некогда снова
Нужда настанет во мне, чтоб спасти от позорнейшей смерти
Рать остальную... свирепствует, верно, он, ум погубивши;
Свесть настоящего с будущим он не умея, не видит,
Как при судах обеспечить спасение рати ахейской!”

345 Рек, и Менетиев сын покорился любезному другу.
За руку вывел из сени прекрасноланитую деву,
Отдал послам; и они удаляются к сениям ахейским;
С ними отходит печальная дева. Тогда, прослезясь,
Бросил друзей Ахиллес, и далеко от всех, одинокий,
350 Сел у пучины седой, и, взирая на понт темноводный,
Руки в слезах простирал, умоляя любезную мать:
“Мать! Когда ты меня породила на свет кратковечным,
Славы не должен ли был присудить мне высокогремящий
Зевс Эгиох? Но меня никакой не сподобил он чести!
355 Гордый могуществом царь, Агамемнон, меня обесчестил:
Подвигов бранных награду похитил и властвует ею!”

Так он в слезах вопиял; и услышала вопль его мать,
В безднах сидящая моря, в обители старца Нерейя.
Быстро из пенного моря, как легкое облако, вышла,
360 Села близ милого сына, струящего горькие слезы;
Нежно ласкала рукой, называла и так говорила:
“Что ты, о сын мой, рыдаешь? Какая печаль посетила
Сердце твое? не скрывайся, поведай, да оба мы знаем”.

Ей, тяжело застонав, отвечал Ахиллес быстроногий:
365 “Знаешь, о мать: почто тебе, знающей все, возвещать мне?”

Мы на священные Фивы, на град Этионов ходили;
 Град разгромили, и все, что ни взяли, представили стану;
 Все меж собою, как должно, ахеян сыны разделили:
 Сыну Атрееву Хрисову дочь леповидную дали.
 370 Вскоре Хрис, престарелый священник царя Аполлона,
 К черным предстал кораблям аргивян меднобронных, желая
 Пленную дочь искупить; и, принеши бесчисленный выкуп
 И держа в руках, на жезле золотом, Аполлонов
 375 Красный венец, умолял убедительно всех он ахеян,
 Паче ж Атридов могучих, строителей рати ахейской.
 Все изъявили согласие криком всеобщим ахейцы
 Честь жрецу оказать и принять блистательный выкуп;
 Но Атриду царю, одному, не угодно то было:
 Гордо жреца он отринул, суровые речи вещая.
 380 Жрец огорчился и вспять отошел; но ему сребролукий
 Скоро молящемуся внял, Аполлону любезен был старец:
 Внял и стрелу истребления послал на данаев; народы
 Гибли, толпа на толпе, и бессмертного стрелы летали
 С края на край по широкому стану. Тогда прорицатель,
 385 Калхас премудрый, поведал священные Феба глаголы.
 Первый советовал я укротить раздраженного бога.
 Гневом вспылал Агамемнон и, с места, свирепый, воспрянув,
 Начал словами грозить, и угрозы его совершились!
 В Хрису священника дочь быстроокие чада ахеян
 390 В легком везут корабле и дары примирения богу.
 Но недавно ко мне приходили послы и из кущи
 Брисову дочь увели, драгоценнейший дар мне ахеян!
 Матерь! когда ты сильна, заступися за храброго сына!
 Ныне ж взойди на Олимп и моли всемогущего Зевса,
 395 Ежели сердцу его угождала ты словом иль делом.
 Часто я в доме родителя, в дни еще юности, слышал,
 Часто хвалилася ты, что от Зевса, сгустителя облак,
 Ты из бессмертных одна отвратила презренные козни,
 В день, как отца оковать олимпийские боги дерзнули,
 400 Гера и царь Посейдаон и с ними Афина Паллада.
 Ты, о богиня, представ, уничтожила ковы на Зевса;
 Ты на Олимп многохолмный призвала сторукого в помощь,

Коему имя в богах Бриарей, Эгеон — в человеках:
 Страшный титан, и отца своего превышающий силой,
 405 Он близ Кронида воссел, и огромный, и славою гордый.
 Боги его ужаснулись и все отступили от Зевса.
 Зевсу напомни о том и моли, обнимая колена,
 Пусть он, отец, возжелает в боях побороть за пергамлян,
 Но аргивян, утесняя до самых судов и до моря,
 410 Смертью разить, да своим аргивяне царем наслаждаются;
 Сам же сей царь многовластный, надменный Атрид, да познает,
 Сколь он преступен, ахейца храбрейшего так обесчестив”.

Сыну в ответ говорила Фетида, лиющая слезы:
 “Сын мой! Почто я тебя воспитала, рожденного к бедствам!
 415 Даруй, Зевес, чтобы ты пред судами без слез и печалей
 Мог оставаться. Краток твой век, и предел его близок!
 Ныне ты вместе — и всех кратковечней, и всех злополучней!
 В злую годину, о сын мой, тебя я в дому породила!
 Но вознесусь на Олимп многоснежный; метателю молний
 420 Все я поведаю, Зевсу: быть может, вонмет он молению.
 Ты же теперь оставайся при быстрых судах мирмидонских,
 Гнев на ахейан питай и от битв удержишься совершенно.
 Зевс громовержец вчера к отдаленным водам Океана
 С сонмом бессмертных на пир к эфиопам отшел непорочным;
 425 Но в двенадцатый день возвратится снова к Олимпу;
 И тогда я пойду к меднозданному Зевсову дому,
 И к ногам припаду, и царя умолить уповаю”.

Слово скончала и скрылась, оставя печального сына,
 В сердце питавшего скорбь о красноопоясанной деве,
 430 Силой Атрида отъятой. Меж тем Одиссей велемудрый
 Хрисы веселой достиг с гекатомбой священною Фебу.
 С шумом легкий корабль вбежал в глубодонную пристань,
 Все паруса опустили, сложили на черное судно,
 Мачту к гнезду притянули, поспешно спустив на канатах,
 435 И корабль в пристанище дружно пригнали на веслах.
 Там они кóтвы бросают, причалы к пристанищу вяжут,
 И с дружиною сами сходят на берег пучины,

И низводят тельцов, гекатомбу царю Апполону,
 И вослед Хрисеида на отчую землю нисходит.
 440 Деву тогда к алтарю повел Одиссей благородный,
 Старцу в объятия отдал и словом приветствовал мудрым:
 “Феба служитель! Меня посылает Атрид Агамемнон
 Дочь тебе возвратить, и Фебу царю гекатомбу
 445 Здесь за данаев принести, да преклоним на милость владыку,
 В гневе на племя данаев пославшего тяжкие бедства”.

Рек, и вручил Хрисеиду, и старец с веселием обнял
 Милую дочь. Между тем гекатомбную славную жертву
 Вкруг алтаря велелепного стройно станоят ахейцы,
 Руки водой омывают и соль и ячмень поднимают.
 450 Громко Хрис возмолился, горé воздевающий руки:
 “Феб сребролукий, внемли мне! о ты, что хранящий обходишь
 Хрису, священную Киллу и мощно царишь в Тенедосе!
 Ты благосклонно и прежде, когда я молился, услышал
 И прославил меня, поразивши бедами ахеян;
 455 Так же и ныне услышь и исполни моление старца:
 Ныне погибельный мор отврати от народов ахейских”.

Так он взывал, — и услышал его Аполлон сребролукий.
 Кончив молитву, ячменем и солью осыпали жертвы,
 Выи им подняли вверх, закололи, тела освежили,
 460 Бедрa немедля отсекли, обрезанным туком покрыли
 Вдвое кругом и на них положили останки сырые.
 Жрец на дровах сожигал их, багряным вином окропляя;
 Юноши окрест его в руках пятизубцы держали.
 Бедрa сожегши они и вкусивши утроб от закланных,
 465 Все остальное дробят на куски, прободают рожнами,
 Жарят на них осторожно и, все уготовя, снимают.
 Кончив заботу сию, ахеяне пир учредили;
 Все пировали, никто не нуждался на пиршестве общем;
 И когда питием и пищею глад утолили,
 470 Юноши, паки вином наполнивши доверху чаши,
 Кубками всех обносили, от правой страны начиная.
 Целый ахеяне день ублажали пением бога;

Громкий пеан Аполлону ахейские отроки пели,
Славя его, стреловержца, и он веселился, внимая.
475 Солнце едва закатилось, и сумрак на землю спустился,
Сну предалися пловцы у причал мореходного судна.
Но, лишь явилась Заря розоперстая, вестница утра,
В путь поднялись обратный к широкому стану ахейцы.
С места попутный им ветер послал Аполлон сребролукий.
480 Мачту поставили, парусы белые все распустили;
Средний немедленно ветер надул, и, поплывшему судну,
Страшно вкруг киля его зашумели пурпурные волны;
Быстро оно по волнам, бразды оставляя, летело.
После, как скоро достигли ахейского ратного стана,
485 Черное судно они извлекли на покатую сушу
И, высоко, на песке, подкативши огромные бревна,
Сами рассеялись вдруг по своим кораблям и по кущам.

Он между тем враждовал, при судах оставаясь черных,
Зевсов питомец, Пелид Ахиллес, быстроногий ристатель.
490 Не был уже ни в советах, мужей украшающих славой,
Не был ни в грозных боях; сокрушающий сердце печалью,
Праздный сидел; но душою алкал он и брани и боя.

С одной поры наконец двенадцать денниц совершилось
И на светлый Олимп возвратились вечные боги
495 Все совокупно; предшествовал Зевс. Не забыла Фетида
Сына молений; рано возникла из пенного моря,
С ранним туманом взошла на великое небо, к Олимпу;
Там, одного восседающего, молний метателя Зевса
Видит на самой вершине горы многоверхой, Олимпа;
500 Близко пред ним восседает и, быстро обнявши колена
Левой рукою, а правой подбрадия тихо касаясь,
Так говорит, умоляя отца и владыку бессмертных:
“Если когда я, отец наш, тебе от бессмертных угодна
Словом была или делом, исполни одно мне моленье!
505 Сына отмсти мне, о Зевс! кратковечнее всех он данаев;
Но его Агамемнон, властитель мужей, обесславил:
Сам у него и похитил награду, и властвует ею.

Но отомсти его ты, промыслитель небесный, Кронион!
 Ратям троянским даруй одоление, доколе ахейцы
 510 Сына почтить не предстанут и чести его не возвысят”.

Так говорила; но, ей не ответствуя, тучегонитель
 Долго безмолвный сидел; а она, как объяла колена,
 Так их держала, припавши, и снова его умоляла:
 “Дай непреложный обет, и священное мание сделай,
 515 Или отвергни: ты страха не знаешь; реки, да уверюсь,
 Всех ли презреннейшей я меж бессмертных богинь остаюсь”.

Ей, вздохнувши глубоко, отвечивал тучегонитель:
 “Скорбное дело, ненависть ты на меня возбуждаешь
 Геры надменной: озлобит меня оскорбительной речью;
 520 Гера и так непрестанно, пред сонмом бессмертных, со мною
 Спорит и вопит, что я за троян побораю во брани.
 Но удался теперь, да тебя на Олимпе не узрит
 Гера; о прочем заботы приемлю я сам и исполню:
 525 Зри, да уверенна будешь, — тебе я главой помагаю.
 Се от лица моего для бессмертных богов величайший
 Слова залог: невозвратно то слово, вовек непреложно,
 И не свершиться не может, когда я главой помагаю”.

Рек, и во знаменье черными Зевс помавает бровями:
 Быстро власы благовонные вверх поднялись у Кронида
 530 Окрест бессмертной главы, и потрясся Олимп многохолмный...

Так совещались они и расстались. Быстро Фетида
 Ринулась в бездну морскую с блистательных высей Олимпа;
 Зевс возвратился в чертог, и боги с престолов восстали
 В встречу отцу своему; не дерзнул ни один от бессмертных
 535 Сидя грядущего ждать, но во стретенье все поднялись.

Там Олимпиец на троне воссел; но владычица Гера
 Все познала, увидя, как с ним полагала советы
 Старца пучинного дочь, среброногая мать Пелида.
 Быстро, с язвительной речью, она обратилась на Зевса:

540 “Кто из бессмертных с тобою, коварный, строил советы?
Знаю, приятно тебе от меня завсегда сокровенно
Тайные думы держать; никогда ты собственной волей
Мне не решился поведать ни слова из помыслов тайных!”

Ей отвечал повелитель, отец и бессмертных и смертных:
545 “Гера, не все ты ласкайся мои решения ведать;
Тягостны будут тебе, хотя ты мне и супруга!
Что невозбранно познать, никогда никто не познает
Прежде тебя, ни от сонма земных, ни от сонма небесных.
Если ж один, без богов, восхощу я советы замыслить,
550 Ты ни меня вопрошай, ни сама не изведывай оных”.

К Зевсу воскликнула вновь волоокая Гера богиня:
“Тучегонитель! какие ты речи, жестокий, вещаешь?
Я никогда ни тебя вопрошать, ни сама что изведать
Век не желала; спокойно всегда замышляешь, что хочешь.
555 Я и теперь об одном трепещу, да тебя не преклонит
Старца пучинного дочь, сереброногая мать Пелида:
Рано воссела с тобой и колена твои обнимала;
Ей помавал ты, как я примечаю, желая Пелида
Честь отомстить и толпы аргивян истребить пред судами”.

560 Гере паки ответственвал тучегонитель Кронион:
“Дивная! все примечаешь ты, вечно меня соглядаешь!
Но произвесть ничего не успеешь; более только
Сердце мое отвратишь, и тебе то ужаснее будет!
Если соделалось так, — без сомнения, мне то угодно!
565 Ты же безмолвно сиди и глаголам моим повинуйся!
Или тебе не помогут ни все божества на Олимпе,
Если, восстав, наложу на тебя необорные руки”.

Рек; устрашилась его волоокая Гера богиня
И безмолвно сидела, свое победившая сердце.
570 Смутно по Зевсову дому вздыхали небесные боги.
Тут олимпийский художник, Гефест, беседовать начал,
Матери милой усердствуя, Гере лилейнораменной:

“Горестны будут такие дела, наконец нестерпимы,
 Ежели вы и за смертных с подобной враждуете злобой!
 575 Ежели в сонме богов воздвигаете смуту! Исчезнет
 Радость от пиршества светлого, ежели зло торжествует!
 Матерь, тебя убеждаю, хотя и сама ты премудра,
 Зевсу царю окажи покорность, да паки бессмертный
 Гневом не грянет и нам не смутит безмятежного пира.
 580 Если восхощет отец, Олимпиец, громами блестящий,
 Всех от престолов низвергнет: могуществом всех он превыше!
 Матерь, потщися могучего сладкими тронуть словами,
 И немедленно к нам Олимпиец милостив будет”.

Так произнес и, поднявшись, блистательный кубок двудонный
 585 Матери милой подносит и снова так ей вещает:
 “Милая мать, претерпи и снеси, как ни горестно сердцу!
 Сыну толико драгая, не дай на себе ты увидеть
 Зевса ударов; бессилен я буду, хотя и крушася,
 Помощь подать: тяжело Олимпийцу противиться Зевсу!
 590 Он уже древле меня, побужденного сердцем на помощь,
 Ринул, за ногу схватив, и низвергнул с небесного прага:
 Несся стремглав я весь день и с закатом блестящего солнца
 Пал на божественный Лемнос, едва сохранивший дыханье.
 Там сингийские мужи меня дружелюбно прияли”.

595 Рек; улыбнулась богиня, лилейнораменная Гера,
 И с улыбкой от сына блистательный кубок прияла.
 Он и другим небожителям, с правой страны начиная,
 Сладостный нектар подносит, черпая кубком из чаши.
 Смех несказанный воздвигли блаженные жители неба,
 600 Видя, как с кубком Гефест по чертогу вокруг суетится.

Так во весь день до зашествия солнца блаженные боги
 Все пировали, сердца услаждая на пиршестве общем
 Звуками лиры прекрасной, бряцавшей в руках Аполлона,
 Пением Муз, отвечавших бряцанию сладостным гласом.

605 Но, когда закатился свет блистательный солнца,
 Боги, желая почить, уклонились каждый в обитель,

Где небожителю каждому дом на холмистом Олимпе
 Мудрый Гефест хромоногий по замыслам творческим создал.
 Зевс к одру своему отошел, олимпийский блистатель,
 610 Где и всегда почивал, как сон посещал его сладкий;
 Там он, восшедши, почил, и при нем златотронная Гера.

615

Песнь вторая

СОН. БЕОТИЯ, ИЛИ ПЕРЕЧЕНЬ КОРАБЛЕЙ

Все, и бессмертные боги, и коннодопешные мужи,
 Спали всю ночь; но Крониона сладостный сон не покоил.
 Он волновался заботными думами, как Ахиллеса
 Честь отомстить и ахеян толпы истребить пред судами.
 5 Сердцу его наконец показалась лучшею дума:
 Сон послать обманчивый мощному сыну Атрея.
 Зевс призывает его и крылатые речи вещает:
 “Мчися, обманчивый Сон, к кораблям быстролетным ахеян;
 Вниди под сень и явись Агамемнону, сыну Атрея;
 10 Все ты ему возвести непременно, как я завещаю:
 В бой вести самому повели кудреглавых данаев
 Все ополчения; ныне, вещай, завоюет троянский
 Град многолюдный: уже на Олимпе имущие дома
 Боги не мнят разномысленно; всех наконец согласила
 15 Гера своею мольбой; и над Троею носится гибель”.

Рек он, — и Сон отлетел, повелению Зевса покорный.
 Быстрым полетом достиг кораблей мореходных аргивских,
 К кушам Атридов потек и обрел Агамемнона: в куше
 Царь почивал, и над ним амброзический сон разливался.
 20 Стал над главой он царевой, Нелееву сыну подобный,
 Нестору, более всех Агамемноном чтимому старцу;
 Образ его восприяв, божественный Сон провещает:
 “Спишь, Агамемнон, спишь, сын Атрея, смирителя коней!

25 Ночи во сне провождать подобает ли мужу совета,
 Коему вверено столько народа и столько заботы!
 Быстро внимай, что реку я: тебе я Крониона вестник;
 Он и с высоких небес о тебе, милосердый, печется;
 В бой вести тебе он велит кудреглавых данаев
 Все ополчения; ныне, он рек, завоюешь троянский
 30 Град многолюдный: уже на Олимпе имущие дома
 Боги не мнят разномысленно; всех наконец согласила
 Гера мольбой; и над Троею носится гибель от Зевса.
 Помни глаголы мои, сохраняя на душе и страшися
 Их позабыть, как тебя оставит сон благотворный”.

 35 Так говоря, отлетел и оставил Атреева сына,
 Сердце предавшего думам, которым не сужено сбыться.
 Думал, что в тот же он день завоюет Приамову Трою.
 Муж неразумный! не ведал он дел, устрояемых Зевсом:
 Снова решился отец удручить и бедами и стоном
 40 Трои сынов и данаев на новых побоищах страшных.
 Вспрянул Атрид, и божественный голос еще разливался
 Вкруг его слуха; воссел он и мягким оделся хитоном,
 Новым, прекрасным, и сверху набросил широкую ризу;
 К белым ногам привязал прекрасного вида плесницы,
 45 Сверху рамен перекинул блистательный меч среброгвоздный;
 В руки же взявши отцовский, вовеки не гибнущий, скипетр,
 С ним отошел к кораблям медянодоспешных данаев.

Вестница утра, Заря, на великий Олимп восходила,
 Зевсу царю и другим небожителям свет возвещая;
 50 И Атрид повелел провозвестникам звонкоголосым
 Всех к собранию кликать ахейских сынов кудреглавых.
 Вестники подняли клич, — и ахейцы стекались быстро.
 Прежде же он посадил на совет благодумных старейшин,
 Их пригласив к кораблю скиптроносного старца Нелида.
 55 Там Агамемнон, собравшимся, мудрый совет им устроил:
 “Други! объятому сном, в тишине амброзической ночи,
 Дивный явился мне Сон, благородному сыну Нелея
 Образом, ростом и свойством Нестору чудно подобный!

Стал над моей он главой и вещал мне ясные речи:
60 — Спишь, Агамемнон, спишь, сын Атрея, смирителя коней!
Ночи во сне провождать подобает ли мужу совета,
Коему вверено столько народа и столько заботы!
Быстро внимай, что реку я: тебе я Крониона вестник.
Он и с высоких небес о тебе, милосердый, печется;
65 В бой вести тебе он велит кудреглавых данаев
Все ополчения: ныне, вещал, завоюешь троянский
Град многолюдный; уже на Олимпе имущие дома
Боги не мнят разномысленно: всех наконец согласила
Гера мольбой, и над Троею носится гибель от Зевса.
70 Слово мое сохрани ты на сердце. — И так произнесши,
Он отлетел, и меня оставил сон благотворный.
Други! помыслите, как ополчить кудреглавых данаев?
Прежде я сам, как и следует, их испытаю словами;
Я повелю им от Трои бежать на судах многovesлых,
75 Вы же один одного от сего отклоняйте советом”.

Так произнес и воссел Атрейон, — и восстал между ними
Нестор почтенный, песчаного Пилоса царь седовласый;
Он, благомысленный, так говорил пред собраньем старейшин:
“Други! вожди и правители мудрые храбрых данаев!
80 Если б подобный сон возвещал нам другой от ахеян,
Ложью почли б мы его и с презрением верно б отвергли;
Видел же тот, кто слывет знаменитейшим в рати ахейской;
Действуйте, други, помыслите, как ополчить нам ахеян”.

Так произнесши, первый из сонма старейшин он вышел.
85 Все поднялись, покорились Атриду, владыке народов,
Все скиптроносцы ахеян; народы же реяли к сонму.
Словно как пчелы, из горных пещер вылетая роями,
Мчатся густые, всечасно за купую новая купа;
В образе гроздий они над цветами весенними выются,
90 Или то здесь, несчетной толпою, то там пролетают, —
Так аргивян племена, от своих кораблей и от кущей,
Вкруг по безмерному берегу, несчетные, к сонму тянулись
Быстро толпа за толпой; и меж ними, пылая, летела

Осса, их возбуждавшая, вестница Зевса; собрались;
 95 Бурно собор волновался; земля застонала под тьмами
 Седших народов; воздвигнулся шум, и меж оными девять
 Гласом гремящим глашатаев, говор мятежный смиряя,
 Звучно вопили, да внемлот царям, Зевеса питомцам.
 И едва лишь народ на местах учрежденных уселся,
 100 Говор унявши, как пастырь народа восстал Агамемнон,
 С царственным скиптром в руках, олимпийца Гефеста созданием:
 Скиптр сей Гефест даровал молненосному Зевсу Крониду;
 Зевс передал возвестителю Гермесу, аргоубийце;
 Гермес вручил укротителю коней Пелопсу герою;
 105 Конник Пелонс передал властелину народов Атрею;
 Сей, умирая, стадами богатому предал Фиесту,
 И Фиест, наконец, Агамемнону в роды оставил,
 С властью над тьмой островов и над Аргосом, царством
 пространным.
 Царь, опираясь на скиптр сей, вещал к восседающим ахеям:
 110 “Други, герои данайские, храбрые слуги Арея!
 Зевс громовежец меня уловил в неизбежную гибель!
 Пагубный, прежде обетом и знаменьем сам предназначил
 Мне возвратиться рушителем Трои высокотвердынной;
 Ныне же злое прельщение он совершил и велит мне
 115 В Аргос бесславным бежать, погубившему столько народа!
 Так, без сомнения, богу, всемошному Зевсу, угодно:
 Многих уже он градов сокрушил высокие главы
 И еще сокрушит: беспредельно могущество Зевса.
 Так, — но коликий позор об нас и потомкам услышать!
 120 Мы, и толика рать, и народ таковой, как данаи,
 Тщетные битвы вели и бесплодной войной воевали
 С меньшею ратью врагов и трудам конца не узрели,
 Ибо когда б возжелали ахейцы и граждане Трои,
 Клятвою мир утвердивши, народ обоюдно исчислить,
 125 И трояне собрались бы, все, сколько есть их во граде;
 Мы же, ахейский народ, разделяся тогда на десятки,
 Взяли б на каждый из них от троянских мужей виночерпца, —
 Многим десяткам у нас недостало б мужей виночерпцев! —
 Столько, еще повторяю, числом превосходят ахейцы

130 В граде живущих троян. Но у них многочисленны други,
 Храбрые, многих градов копьеборные мужи; они-то
 Сильно меня отражают и мне не дают, как ни жажду,
 Града разрушить враждебного, пышно устроенной Трои.
 Девять прошло круговратных годов великого Зевса;
 135 Древо у нас в кораблях изгнивает, канаты истлели;
 Дома и наши супруги, и наши любезные дети,
 Сетуя, нас ожидают; а мы безнадежно здесь медлим,
 Делу не видя конца, для которого шли к Илиону.
 Други, внимлите и, что повелю я вам, все повинуйтесь:
 140 Должно бежать! возвратимся в драгое отечество наше;
 Нам не разрушить Трои, с широкими стогнами града!”

Так говорил, — и ахейя сердца взволновал Агамемнон
 Всех в многолюдной толпе, и не слышавших речи советной.
 Встал, всколебался народ, как огромные волны морские,
 145 Если и Нот их и Эвр, на водах Икарийского понта,
 Вздуют, ударивши оба из облаков Зевса владыки;
 Или, как Зефир обширную ниву жестоко волнует,
 Вдруг налетев, и над нею бушующий клонит колосья;
 Так их собрание все взволновалось; с криком ужасным
 150 Бросились все к кораблям; под стопами их прах, подымаясь,
 Облаком в воздухе стал; вопиют, убеждают друг друга
 Быстро суда захватить и спускать на широкое море;
 Рвы очищают; уже до небес подымались крики
 Жаждущих в дома; уже кораблей вырывали подпоры.

155 Так бы, судьбе вопреки, возвращение в дома свершилось
 Рати ахейской, но Гера тогда провещала к Афине:
 “Что это, дочь необорная тучегонителя Зевса!
 Или обратно в дома, в любезную землю отчизны
 Рать аргивян побежит по хребтам беспредельного моря?
 160 Или на славу Приаму, на радость гордым троянам
 Бросят Елену Аргивскую, ради которой под Троей
 Столько данаев погигло, далеко от родины милой?
 Мчися стремительно к воинству меднодоспешных данаев!

165 Сладкою речью твоей убеждай ты каждого мужа
В море для бегства не влечь кораблей обоюдovesельных”.

Так изрекла; покорилаcь Афина владычице Гере:
Бурно помчалась, с вершины Олимпа высокого бросаясь:
Быстро достигла широких судов аргивян меднобронных;
170 Там обрела Одиссея, советами равного Зевсу:
Думен стоял и один доброснастного черного судна
Он не касался: печаль в нем и сердце и душу пронзала.
Став близ него, прорекла светлоокая дочь Эгиоха:
“Сын благородный Лаэрта, герой, Одиссей многоумный!
Как? со срамом обратно, в любезную землю отчизны
175 Вы ли отсель побегите, в суда многочисственные реяcь?
Вы ли на славу Приаму, на радость троянам Елену
Бросите, Аргоса дочь, за которую столько ахеян
Здесь перед Троей погигло, далёко от родины милой?
Шествуй немедля к народу ахейскому; ревностно действуй;
180 Сладостью речи твоей убеждай ты каждого мужа
В море для бегства не влечь кораблей обоюдovesельных”.

Так провецала; и голос гремящий познал он богини:
Ринулся, сбросив и верхнюю ризу; но оную поднял
185 Следом спешивший за ним Эврибат, итакийский глашатай.
Сам Одиссей Лаэртид, на пути Агамемнона встретив,
Взял от владыки отцовский вовеки не гибнущий скипетр;
С оным скиптром пошел к кораблям аргивян меднобронных;
Там, властелина или знаменитого мужа встречая,
К каждому он подходил и удерживал кроткою речью:
190 “Муж знаменитый! тебе ли, как робкому, страху вдаваться.
Сядь, успокойся и сам, успокой и других меж народа;
Ясно еще ты не знаешь намерений думы царевой;
Ныне испытывал он, и немедля накажет ахеян;
В сонме не все мы слышали, что говорил Агамемнон;
195 Если он гневен, жестоко, быть может, поступит с народом.
Тягостен гнев царя, питомца Крониона Зевса;
Честь скиптроносца от Зевса, и любит его промыслитель”.

Если ж кого-либо шумного он находил меж народа,
 Скиптром его поражал и обуздывал грозною речью:
 200 “Смолкни, несчастный, воссядь и других совещания слушай,
 Боле почтенных, как ты! Невоинственный муж и бессильный,
 Значашим ты никогда не бывал ни в боях, ни в советах.
 Всем не господствовать, всем здесь не царствовать нам,
 аргивянам!

Нет в многовластии блага; да будет единый властитель,
 205 Царь нам да будет единый, которому Зевс прозорливый
 Скиптр даровал и законы: да царствует он над другими”.

Так он, господствуя, рать подчинял; и на площадь собраний
 Бросился паки народ, от своих кораблей и от кушей,
 С воплем: подобно как волны немолчношумящего моря,
 210 В брег разбиваясь огромный, гремят; и ответствует понт им.

Все успокоились, тихо в местах учрежденных сидели;
 Только Терсит меж безмолвными каркал один, празднословный;
 В мыслях вращая всегда непристойные, дерзкие речи,
 Вечно искал он царей оскорблять, презирая пристойность,
 215 Все позволяя себе, что казалось смешно для народа.
 Муж безобразнейший, он меж данаев пришел к Илиону;
 Был косоглаз, хромоног; совершенно горбатые сзади
 Плечи на персях сходились; глава у него подымалась
 Вверх острием, и была лишь редким усеяна пухом.
 220 Враг Одиссея и злейший еще ненавистник Пелида,
 Их он всегда порицал; но теперь скиптроносца Атрида
 С криком пронзительным он поносил; на него аргивяне
 Гневались страшно; уже восставал негодующих ропот;
 Он же, усиля свой крик, порицал Агамемнона, буйный:
 225 “Что, Агамемнон, ты сетуешь, чем ты еще недоволен?
 Кущи твои преисполнены меди, и множество пленниц
 В куцах твоих, которых тебе, аргивяне, избранных
 Первому в рати даем, когда города разоряем.
 Жаждешь ли золота еще, чтоб его кто-нибудь из троянских
 230 Конников славных принес для тебя, в искупление сына,
 Коего в узах я бы привел, как другой аргивянин?”

Хочешь ли новой жены, чтоб любовию с ней наслаждаться,
 В сень одному заключившись? Нет, недостойное дело,
 Бывши главою народа, в беды вовлекать нас, ахейян!
 235 Слабое, робкое племя, ахейянки мы, не ахейцы!
 В дома свои отплывем; а его мы оставим под Троей,
 Здесь насыщаться чужими наградами; пусть он узнает,
 Служим ли помощь в брани и мы для него или не служим.
 Он Ахиллеса, его несравненно храбрейшего мужа,
 240 Днесь обесчестил: похитил награду и властвует ею!
 Мало в душе Ахиллесовой злобы; он слишком беспечен;
 Или, Атрид, ты нанес бы обиду, последнюю в жизни!”

Так говорил, оскорбляя Атрида, владыку народов,
 Буйный Терсит; но незапно к нему Одиссей устремился.
 245 Гневно воззрел на него и воскликнул голосом грозным:
 “Смолкни, безумноречивый, хотя громогласный, вития!
 Смолкни, Терсит, и не смей ты один скиптроносцев порочить.
 Смертного боле презренного, нежели ты, я уверен,
 Нет меж ахейян, с сынами Атрея под Трою пришедших.
 250 Имени наших царей не вращай ты в устах, велереча!
 Их не дерзай порицать, ни речей уловлять о возврате!
 Знает ли кто достоверно, чем окончится дело?
 Счастливо или несчастливо мы возвратимся, ахейцы?
 Ты, безрассудный, Атрида, вождя и владыку народов,
 255 Сидя, злословишь, что слишком ему аргивяне герои
 Много дают, и обиды царю произносишь на сонме!
 Но тебе говорю я, и слово исполнено будет:
 Если еще я тебя безрассудным, как ныне, увижу,
 Пусть Одиссея глава на плечах могучих не будет,
 260 Пусть я от одного дня не зовуся отцом Телемаха,
 Если, схвативши тебя, не сорву я твоих одеяний,
 Хлены с рамен и хитона, и даже что стыд покрывает,
 И, навзрыд вопиющим, тебя к кораблям не пошлю я
 Вон из народного сонма, позорно избитого мною”.

265 Рек — и скиптром его по хребту и плечам он ударил.
 Сжался Терсит, из очей его брызнули крупные слезы;

Вдруг по хребту полоса, под тяжестью скиптра золотого,
 Вздучась багровая; сел он, от страха дрожа; и, от боли
 Вид безобразный наморщив, слезы отер на ланитах.
 270 Все, как ни были смутны, от сердца над ним рассмеялись;
 Так говорили иные, взирая один на другого:
 “Истинно, множество славных дел Одиссей совершает,
 К благу всегда и совет начиная, и брань учреждая.
 275 Ныне ж герой Лаэртид совершил знаменитейший подвиг:
 Ныне ругателя буйного он обуздал велеречью!
 Верно, вперед не отважит его дерзновенное сердце
 Зевсу любезных царей оскорблять поносительной речью!”

Так говорила толпа. Но восстал Одиссей градоборец,
 С скиптром в руках; и при нем светлоокая дева, Паллада,
 280 В образе вестника став, повелела умолкнуть народам,
 Чтоб и в ближних рядах, и в далеких данайские мужи
 Слышали речи его и постигнули разум совета.
 Он, благомыслия полный, витийствовал так перед сонмом:
 “Царь Агамемнон! Тебе, скиптроносцу, готовят ахейцы
 285 Вечный позор перед племенем ясноглазовых смертных,
 Слово исполнить тебе не радеют, которое дали,
 Ратью сюда за тобою летя из цветущей Эллады, —
 Слово, лишь Трои разрушив великую, вспять возвратиться.
 290 Ныне ж ахейцы, как слабые дети, как жены-вдовицы,
 Плачутся друг перед другом и жаждут лишь в дом возвратиться.
 Тягостна брань, и унылому радостно в дом возвратиться.
 Путник, и месяц один находясь вдали от супруги,
 Сетует близ корабля, снаряженного в путь, но который
 295 Держат и зимние вьюги, и волны мятежного моря.
 Нам же девятый уже исполняется год круговратный,
 Здесь пребывающим. Нет, не могу я роптать, что ахейцы
 Сетуют сердцем, томясь при судах. Но, ахейские мужи,
 Стыд нам — и медлить так долго, и праздно в дома возвратиться!
 300 Нет, потерпите, о други, помедлим еще, да узнаем,
 Верить ли нам пророчеству Калхаса или не верить.
 Твердо мы оное помним; свидетели все аргивяне,
 Коих еще не постигнули смерть наносящие Парки.

Прошлого, третьего ль дня, корабли аргивян во Авлиду
 Сонмом слетались, несущие гибель Приаму и Трое;
 305 Мы, окружая поток, на святых алтарях гекатомбы
 Вечным богам совершали, под явором стоя прекрасным,
 Где, из-под корня древесного, била блестящая влага.
 Там явилось чудо! Дракон, и кровавый и пестрый,
 Страшный для взора, самим Олимпийцем на свет извлеченный,
 310 Вдруг из подножья алтарного выполз и взвился на явор.
 Там, на стебле высочайшем, в гнезде, под листьями таяся,
 Восемь птенцов воробьиных сидели, бесперые дети,
 И девятая мать, недавно родившая пташек...
 Всех дракон их пожрал, испускающих жалкие крики.
 315 Мать кругом их летала, тоскуя о детях любезных;
 Вверх он извившись, схватил за крыло и стнящую мать.
 Но, едва проглотил он и юных пернатых, и птицу,
 Чудо на нем совершает бессмертный, его показавший:
 В камень его превращает сын хитроумного Крона;
 320 Мы, безмолвные стоя, дивились тому, что творилось:
 Страшное чудо богов при священных явилось жертвах.
 Калхас исполнился духа и так, боговещий, пророчил:
 — Что вы умолкнули все, кудреглавые чада Эллады?
 Знаменьем сим проявил нам событие Зевс промыслитель,
 325 Позднее, поздний конец, но которого слава бессмертна!
 Сколько пернатых птенцов проглотил дракон сей кровавый
 (Восемь их было в гнезде и девятая мать пернатых),
 Столько, ахейцы, годов воевать мы под Троею будем;
 Но в десятый разрушим обширную стогнами Троию. —
 330 Так нам предсказывал Калхас, и все совершается ныне.
 Бодрствуйте же, други, останемся все, браноносцы данаи,
 Здесь, пока не разрушим Приамовой Трои великой!”

Рек, — и ахейане подняли крик; корабли и окрестность
 С страшным отгрянули гулом веселые крики ахейан,
 335 Речь возносящих хвалой Одиссея, подобного богу.
 Вскоре вещать меж ахейцами Нестор божественный начал:
 “Боги! в собрании мы разглагольствуем праздно, как дети
 Слабые, коим и думы о бранных делах незнакомы.

Что и моления наши, и клятвы священные будут?
340 Или в огонь и советы пойдут, и заботы ахеян,
Вин возлиянья и рук сочетанья на верность союзов?
Мы лишь словами стязаемся праздными; помощи ж делу
Мы изыскать не могли, долговременно здесь оставаясь.
Светлый Атрид, и теперь, как и прежде, душою ты твердый,
345 Властвуй, ахейских сынов предводи на кровавые битвы.
Если ж из оных один или два помышляют не с нами,
Их ты оставь исчезать, — не исполнятся помыслы робких:
Нет, не воротимся в Аргос, доколе мы въявь не познаем,
Зевса, эгиды носителя, ложен обет иль не ложен.
350 Я утверждаю, успех знаменал всемогущий Кронион,
В самый тот день, когда на суда быстролетные сели
Рати ахеян, троянам грозя и бедою и смертью:
Он одесную блистал, благовествуя рати ахейской.
Нет, да никто из ахеян не думает в дом возвратиться
355 Прежде, покуда троянской жены на одре не обымет
И не отмстит за печаль и за тайные слезы Елены.
Если ж кто-либо сильно желает лишь в дом возвратиться,
Пусть корабля своего многовеслого он прикоснется:
Прежде других, малодушный, найдет себе смерть и погибель.
360 Царь, предлагай ты совет, но внимай и другого совету.
Мысль не презренная будет, какую тебе предложу я.
Воев, Атрид, раздели ты на их племена и колена;
Пусть помогает колено колену и племени племя.
Если решиться на то и исполнить преклонишь ахеян,
365 Скоро узнаешь, какой у тебя из вождей иль народов
Робок иль мужествен: всяк за себя ратоборствовать будет;
Вместе узнаешь, по воле ль бессмертных не рушишь ты града
Или по слабости войск и неведению ратного дела”.

Сыну Нелея немедля ответственвал царь Агамемнон:
370 “Всех ты ахейских мужей побеждаешь, старец, советом!
Если б, о Зевс отец, Аполлон и Афина Паллада,
Десять таких у меня из ахеян советников было,
Скоро пред нами поникнул бы град крепкостенный Приама,
Наших героев руками плененный и в прах обращенный!

- 375 Но Кронид громовержец мне лишь беды посылает;
 В тщетную распря меня, во вражду злополучную вводит.
 Я с Ахиллесом Пелидом стязался за пленную деву
 Спором враждебным; и я раздражаться, на горе мне, начал.
 Если же некогда мы съединимся с героем, уверен,
 380 Гибели грозной от Трои ничто ни на миг не отклонит!
 Ныне спешите обедать, а после начнем нападение.
 Каждый потщися и дрот изострить свой, и щит уготовить;
 Каждый кормом обильным коней напитай подъяремных,
 Вкруг осмотри колесницу, о брани одной помышляя.
 385 Будем целый мы день состязаться в ужасном убийстве;
 Отдыха ратным рядам ни на миг никакого не будет,
 Разве уж ночь наступившая воинов ярость разнимет.
 Потом залется ремень на груди не единого воя,
 Щит всеобъемный держащий; рука на копье изнеможет;
 390 Потом покроется конь под своей колесницей блестящей.
 Если ж кого я увижу, хотящего вне ратоборства
 Возле судов крутоносных остаться, нигде уже после
 В стане ахейском ему не укрыться от псов и пернатых!”
- Рек, — и ахейцы вскричали ужасно; подобно как волны
 395 Воют при бреге высоком, прибитые Нотом порывным
 К встречной скале, от которой волна никогда не отходит,
 Каждым вздымаяся ветром, отсель и оттоль находящим.
 Встав, устремился народ, меж судами рассеялся быстро,
 Вкруг задымилися кущи, спешили обедать ахейцы.
 400 Жертвовал каждый из них своему от богов вечносущих,
 Смерти избавить моля и спасти от ударов Арея.
 Он же тельца пятилетнего, пастырь мужей Агамемнон,
 Тучного в жертву заклал всемогущему Зевсу Крониду.
 Созвал старейшин отличных, почтеннейших в рати ахейской:
 405 Первого Нестора старца и критского Идомея,
 После Аяксов двоих и Тидеева славного сына,
 И за ним Одиссея, советами равного Зевсу.
 Но Атрид Менелай добровольно пришел и незванный,
 Зная любезного брата и как он в душе озабочен.
 410 Стали они вкруг тельца и ячмень освященный подъяли;

В сонме их, громко моляся, воззвал Агамемнон державный:
 “Славный, великий Зевс, чернооблачный житель эфира!
 Дай, чтобы солнце не скрылось и мрак не спустился на землю
 Прежде, чем в прах я не свергну Приамовых пышных чертогов,
 415 Черных от дыма, и врат не сожгу их огнем неугасных;
 Прежде, чем Гектора лат на груди у него не расторгну,
 Медью пробив; и кругом его многие други трояне
 Ниц не полягут во прахе, зубами грызущие землю!”

Так он взывал; но к молитве его не склонился Кронион:
 420 Жертвы приял, но труд беспредельный Атриду готовил.
 Кончив молитву, ячменем и солью осыпали жертву,
 Выю загнули тельцу и заклали и тук обнажили,
 Бедрa немедля отсекли, обрезанным туком покрыли
 Вдвое кругом, и на них распростерли части сырые.
 425 Всё сожигали они на сухих, безлиственных ветвях,
 Но утробы, пронзив, над пылавшим огнем обращали.
 Бедрa сожегши они и вкусивши утробы от жертвы,
 Всё остальное дробят на куски, прободают рожнами,
 Жарят на них осторожно и, так уготовя, снимают.
 430 Кончив заботу сию, немедленно пир учредили;
 Все пировали, никто не нуждался на пиршестве общем.
 Вскоре ж, когда питием и брашном насытили сердце,
 Начал меж оными слово Нестор, конник геренский:
 “Царь знаменитый, Атрид, повелитель мужей, Агамемнон!
 435 Более здесь оставаясь, ни времени тратить, ни медлить
 Делом великим не будем, которое бог нам вверяет.
 Царь, повели, да глашатаи меднодоспешных данаев
 Кликом, ни мало не медля, народ к кораблям собирают,
 Мы ж, совокупные все, по широкому стану ахеян
 440 Сами пройдем, да скорее возбудим жестокою битву”.

Рек; не отринул совета владыка мужей Агамемнон;
 В тот же он миг повелел провозвестникам звонкоголосым
 Кликом сзывать на сражение меднодоспешных данаев.
 Вестники подняли клич, — и они собирались поспешно.
 445 Быстро цари, вокруг Атрида стоявшие, Зевса питомцы,

- Бросились строить толпы, и в среде их явилась Паллада,
 В длани имея эгид, драгоценный, нетленный, бессмертный:
 Сто на эгиде бахром развевались, чистое золото,
 Дивно плетенные все, и цена им — стотельчие каждой.
 С оным, бурно носяся, богиня народ обтекала,
 450 В бой возбуждая мужей, и у каждого твердость и силу
 В сердце воздвигла, без устали вновь воевать и сражаться.
 Всем во мгновенье война им кровавая сладостней стала,
 Чем на судах возвращенье в любезную землю родную.
- 455 Словно огонь истребительный, вспыхнув на горных
 вершинах,
 Лес беспредельный палит и далёко заревом светит, —
 Так, при движении воинств, от пышной их меди чудесной
 Блеск лучезарный кругом восходил по эфиру до неба.
 Их племена, как птиц перелетных несчетные стаи,
 460 Диких гусей, журавлей иль стада лебедей долговыйных
 В злачном Азийском лугу, при Каистре широко текущем,
 Вьются туда и сюда и плесканием крыл веселятся,
 С криком садятся противу сидящих и луг оглашают, —
 Так аргивян племена, от своих кораблей и от кущей,
 465 С шумом неслися на луг Скамандрийский; весь дол
 под толпами
 Страшно кругом застонал под ногами и коней и воев.
 Стали ахеян сыны на лугу Скамандра цветущем,
 Тьмы, как листья на древах, как цветы на долинах весною.
 Словно как мух несчетных рои собираясь густые
 470 В сельской пастушеской куще, по ней беспрестанно кружатся
 В вешние дни, как млеко изобильно струится в сосуды, —
 Так несчетны против троян браноносцы данаи
 В поле стояли и, боем дыша, истребить их горели.
- Их же, как пастыри коз меж бродящих стад необъятных
 475 Скоро своих отлучают от чуждых, смешавшихся в пастве,
 Так предводители их, впереди, позади учреждая,
 Строили в бой; и меж них возвышался герой Агамемнон,
 Зевсу, метателю грома, главой и очами подобный,

- Станом — Арею великому, персями — Энносигею.
 480 Словно как бык среди стада стоит, перед всеми отличный,
 Гордый телец, возвышается он меж телиц превосходный:
 В день сей таким сотворил Агамемнона Зевс Олимпиец,
 Так отличил между многих, возвысил средь сонма героев.
- Ныне поведайте, Музы, живущие в сенях Олимпа:
 485 Вы, божества, — вездесущи и знаете всё в поднебесной;
 Мы ничего не знаем, молву мы единую слышим:
 Вы мне поведайте, кто и вожди и владыки данаев;
 Всех же бойцов рядовых не могу ни назвать, ни исчислить,
 Если бы десять имел языков я и десять гортаней,
 Если б имел неслабеющий голос и медные перси;
 490 Разве, небесные Музы, Кронида великого дщери,
 Вы бы напомнили всех, приходивших под Трою ахеян.
 Только вождей корабельных и все корабли я исчислю.
- Рать беотийских мужей предводили на бой воеводы:
 495 Аркесилай и Леит, Пенелей, Профоенор и Клоний.
 Рать от племен, обитавших в Гирпи, в камнистой Авлиде,
 Схен населявших, Скол, Этеон лесисто-холмистый;
 Феспии, Греи мужей и широких полей Микалесса;
 Окрест Илезия живших и Гармы и окрест Эритры;
 500 Всех обитателей Гил, Элеон, Петеон населявших;
 Также Окалею, град Медеон, устройением пышный,
 Копы, Эвтрес, и стадам голубиным любезную Фисбу,
 Град Коронею, и град Галиарт на лугах многотравных;
 Живших в Платее, и в Глиссе тучные нивы пахавших;
 505 Всех, населяющих град Гипофивы, прекрасный устройством;
 Славный Онхест, Посейдонов алтарь и заветную рощу;
 Арн, виноградом обильный, Мидею, красивую Ниссу,
 И народ, наконец, населявший Анфедон предельный.
 С ними неслось пятьдесят кораблей, и на каждом из оных
 510 По сту и двадцать воинственных, юных беотян сидело.
- Град Аспледон населявших и град Миниеев Орхомен
 Вождь Аскалаф предводил и Иялмен, Ареевы чада;

Их родила Астиоха в отеческом Актора доме,
 Дева невинная: некогда терем ее возвышенный
 515 Мощный Арей посетил и таинственно с нею сопрягся.
 С ними тридцать судов прилетели, красивые, рядом.

Вслед ополченья фокеян Схедий предводил и Эпистроф,
 Чада Ифита царя, потомки Навбола героя.
 Их племена Кипарисс и утесный Пифос населяли;
 520 Криссы веселые доли и Давлис и град Панопею;
 Жили кругом Гиампола, кругом Анемории злачной;
 Вдоль по Кефиссу реке, у божественных вод обитали;
 Жили в Лилее, при шумном исходе Кефисского тока.
 Сорок под их ополченьями черных судов принеслося.
 525 Оба вождя устроили ряды ополчений фокейских,
 И близ беотян, на левом крыле, ополчались к бою.

Локров Аякс предводил, Оилеев сын быстроногий:
 Меньше он был, не таков, как Аякс Теламонид могучий,
 Меньше далеко его; невеликий, в броне полотняной,
 530 Но копьеметец отличный меж эллинов всех и данаев.
 Он предводил племена, населявшие Кинос и Опус,
 Вессу, Каллиар и Скарф и веселые доли Авгеи;
 Тарфы и Фроний, где воды Воагрия быстро катятся.
 Сорок черных судов принеслося за ним к Илиону
 535 С воинством локров мужей, за священною живших Эвбеей.

Но народов эвбейских, дышащих боем абантов,
 Чад Эретрии, Халкиды, обильной вином Гистиеи,
 Живших в Коринфе приморском и в Диуме, граде высоком,
 Стир населявших мужей, и народ, обитавший в Каристе,
 540 Вывел и в бой предводил Элефенор, Ареева отрасль,
 Сын Халкодонов, начальник нетрепетных духом абантов.
 Он предводил сих абантов, на тыле власы лишь растивших,
 Воинов пылких, горящих ударами ясневых копий
 Медные брони врагов разбивать рукопашно на персях.
 545 Сорок черных судов принеслося за ним к Илиону.

Но мужей, населяющих град величественный Афины,
 Область царя Эрехта, которого в древние веки
 Мать-земля родила, воспитала Паллада Афина,
 И в Афины ввела, и в блестящий свой храм водворила,
 550 Где и тельцами и агнцами ныне ее улаживают
 Чада Афин, при урочном исходе годов круговратных, —
 Сих предводил Петеид Менесфей, в ратоборстве искусный.
 С ним от мужей земнородных никто не равнялся в искусстве
 Строить на битвы и быстрых коней, и мужей щитоносцев.
 555 Нестор один то оспаривал, древле родившийся старец.
 С ним пятьдесят кораблей, под дружиною, черных
 примчалось.

Мощный Аякс Теламонид двенадцать судов саламинских
 Вывел и с оными стал, где стояли афинян фаланги.

В Аргосе живших мужей, населявших Тиринф крепкостенный,
 560 Град Гермину, Азину, морские пристанища оба,
 Грады Трезену, Эйон, Эпидавр, виноградом обильный,
 Живших в Масете, в Эгине, ахейских юношей храбрых,
 Сих предводителем был Диомед, знаменитый воитель,
 Также Сфенел, Капанея великого сын благородный;
 565 С ними и третий был вождь, Эвриал, небожителю равный,
 Храбрый Мекестия сын, потомок царя Талайона.
 Вместе же всех предводил Диомед, знаменитый воитель:
 Осмьдесят черных судов под дружинами их принеслося.

Но живущих в Микене, прекрасно устроенном граде,
 570 И в богатом Коринфе, и в пышных устройством Клеонах;
 Орнии град населявших, веселую Арефирею,
 Град Сикион, где царствовал древле Адраст браноносный,
 Чад Гипересии всех, Гоноессы высокоутесной;
 Живших в Пеллене, кругом Эгиона мужей обитавших,
 575 Вдоль по поморью всему, и окрест обширной Гелики, —
 Всех их на ста кораблях предводил властелин Агамемнон.
 Рать многочисленной всех, превосходнее всех ратоборцы

С ним принесли; он сам облакался сияющей медью,
 Славою гордый, что он перед сонмом героев блистает
 580 Саном верховным своим и числом предводимых народов.

Град населявших великий, лежащий меж гор Лакедемон,
 Фару, Спарту, стадам голубиным любезную Мессу;
 В Брисии живших мужей и в веселых долинах Авгии,
 Живших Амиклы в стенах и в Гелосе, граде приморском;
 585 Град населяющих Лаас и окрест Этила живущих;
 Сих Агамемнона брат, Менелай, знаменитый воитель,
 Вел шестьдесят кораблей, но отдельно на бой ополчался;
 Ратников сам предводил, на душевную доблесть надежный,
 Сам их на бой возбуждал и пылал, как никто из ахейян,
 590 Страшно отметить за печаль и за стон похищенной Елены.

В Пиросе живших мужей, обитавших в Арене веселой;
 Фриос, Алфейский брод и славные зданием Эпи,
 Град Кипариссию, град Амфигению вокруг населявших,
 Птелеос, Гелос и Дорион, место, где некогда Музы,
 595 Встретив Фамира Фракийского, песнями славного мужа,
 Дара лишили: идя от Эврита, царя эхалиян,
 Гордый, хвалиться дерзал, что победу похитит он в песнях,
 Если и Музы при нем воспоют, Эгиоховы дщери.
 Гневные Музы его ослепили, похитили сладкий
 600 К песням божественный дар и искусство бряцать на кифаре.
 Сих предводил повелитель их Нестор, конник геренский:
 С ним девяносто судов принесли, красивые строем.

Живших в Аркадии, вдоль под Килленской горою высокой,
 Близко могилы Эпита, мужей рукопашных на битвах;
 605 В Феносе живший народ, в Орхомене, стадами богатым,
 В Рипе, Стратии мужей обитавших и в бурной Эниспе,
 И Тегеи в стенах и в странах Мантинеи веселой;
 В Стимфале живших мужей и в Парразии нивы пахавших, —
 Сими начальствуя, отрасль Анкеева, царь Агапенор
 600 Гнал шестьдесят кораблей; многочисленны в каждом из оных
 Мужи сидели аркадские, сильно искусные в битвах.

Их ополчениям сам повелитель мужей Агамемнон
 Дал корабли доброснастные, плыть им по черному понту
 К Трое высокой: они небрегли о делах мореходных.

615 Вслед вупрасийцы текли и народы священной Элиды,
 Жители тех областей, что Гирмина, Мирзин приграничный,
 И утес Оленийский, и холм Алезийский вмещают:
 Их предводили четыре вождя, и десять за каждым
 Быстрых неслось кораблей, с многочисленной ратью эпеян.
 620 Сих устремляли на бой Амфимах и воинственный Фалпий:
 Первый Ктеатова отрасль, второй Акторида Эврита;
 Тех предводителем шествовал храбрый Диор Амаринкид;
 Вождь их четвертый был Поликсен, небожителю равный,
 Доблестный сын Агасфена, народов царя Авгеида.

625 Рать из Дулихии, рать с островов Эхинадских священных,
 Тех, что за морем широким лежат против берега Элиды,
 Мегес Филид предводил, ратоборец, Арею подобный,
 Сын любимца богов, конеборца Филея, который
 Некогда в край Дулихийский укрылся от гнева отцова.
 630 Сорок за ним кораблей, под дружиною, черных примчалось.

Царь Одиссей предводил кефалленян, возвышенных духом,
 Живших в Итаке мужей и при Нерите трепетolistном;
 Чад Крокилеи, пахавших поля Эгилипы суровой,
 В власти имевших Закиф и кругом обитавших в Самосе,
 635 Живших в Эпире мужей, и на берегу противоположном, —
 Сих предводил Одиссей, советами равный Зевесу;
 И двенадцать за ним принеслось кораблей красноносых.

Рать из племен этолийских Фоас предводил Андремонид,
 Рать из мужей, обитавших в Олене, Пилене, Плевроне,
 640 И в Калидоне камнистом, и в граде Халкиде приморской.
 Не было больше на свете сынов браноносных Инея;
 Мертв и сам уже был он, и мертв Мелеагр светлокудрый;
 И в Этолии царствовать вверено было Фоасу.
 Сорок за ним, под дружиною, черных судов принеслося.

645 Критян же Идоменей предводил, знаменитый копейщик;
 В Кносе живущих мужей, в укрепленной стенами Гортине,
 Ликт населявших, Милет, и град белокаменный Ликаст,
 Ритий обширный и Фест, многолюдные, славные грады,
 И других, населяющих Крита стоградного земли,
 650 Был воеводою Идоменей, знаменитый копейщик,
 И Мерион, Эниалию равный, губителю смертных;
 Осмьдесят черных судов принеслося под критской дружиной.

Но Тлиподем Гераклид, как отец, и огромный и мощный,
 Гордых родосцев извел в девяти кораблях из Родоса,
 655 Кой в родосской земле, разделенные на три колена,
 Линд, Иялис и Камир белокаменный вкруг населяли:
 Сих предводил Тлиподем, копьеборец, гибельный в битвах,
 Силы Геракловой сын, рожденный с младой Астиохой,
 Взятой героем в Эфире, у вод Селлеиса, когда он
 660 Многие грады рассыпал питомцев Зевсовых юных.
 Сей Тлиподем, лишь возрос в благосозданном доме Геракла,
 Скоро убил, безрассудный, почтенного дядю отцова,
 Старца уже седого, Ликимния, отрасль Арея.
 Быстро сплотил он суда и с великою собранной ратью
 665 Скрывлся, бежа по морям, устрасался мести грозивших
 Всех остальных, — и сынов, и потомков Геракловой силы.
 Прибыл в Родос наконец он, скиталец, беды претерпевший;
 Там поселились пришельцы тремя племенами и были
 Зевсом любимы, владыкой богов и отцом человеков:
 670 Он им богатства несметные свыше пролил, Олимпиец.

Вслед их Нирей устремлялся с тремя кораблями из Сима,
 Юный Нирей, от Харопа царя и Аглаи рожденный;
 Оный Нирей, что с сынами данаев пришел к Илиону,
 Смертный, прекраснейший всех, после дивного мужа Пелида;
 675 Но не мужествен был он, и малую вывел дружину.

Живших в Низире мужей, населяющих Казос и Крапаф,
 Град Эврипилов Коос и народ островов Калиднийских
 Два предводили вождя: и Фидипп, и воинственный Антиф,

Оба Фессалом рожденные, царственным сыном Геракла.
 680 Тридцать за ними судов принеслися, красивые строем.

Ныне исчислю мужей, в пеласгическом Аргосе живших,
 Алос кругом населявших, и Алоп удел, и Трахину,
 Холмную Фтию, Элладу, славную жен красотою,
 Всех — мирмидонов, ахейя и эллинов имя носящих;
 685 Сих пятьдесят кораблей предводил Ахиллес знаменитый.
 Но народы сии о гремящей не мыслили брани;
 Некому было водить на сражения строев их грозных.
 В стане, при черных судах, возлежал Ахиллес быстроногий,
 Гневный за дочь Брисееву, пышноволосяную деву,
 690 Деву, которую взял, по жестоких трудах, из Лирнесса,
 Самый Лирнесс разгромя и высокие фивские стены,
 Где и Эвена сынов, копьеборцев, гибельных в битвах,
 Внуков Селепа царя, и Эпистрофа сверг и Минеса.
 Грустен по ней, возлежал он; но скоро воспрянет, могучий.

695 В Филаке живших мужей, населявших Пираз цветущий,
 Область Деметры любимую, мать овец Итонею,
 Травами тучный Птелей и Антрон, омываемый морем, —
 Сих ополчения Протесилай предводил браноносный
 В жизни своей; но его уже черная держит могила.
 700 В Филаке он и супругу, с душою растерзанной, бросил,
 Просил и дом полуконченный: пал, пораженный дарданцем,
 Первый от всех аргивян с корабля соскочивший на берег.
 Рать не была без вождя, но по нем воздыхали дружины;
 Их же к сражениям строил Подаркес, Ареева отрасль,
 705 Сын Филакида Ификла, владельца стад среброрунных,
 Брат однокровный героя, бесстрашного Протесилая,
 Но летами юнейший; и старше его и сильнее
 Протесилай воинственный был; потерявши героя,
 Рать не нуждалась в вожде, но о нем воздыхали, о храбром;
 710 Сорок за ним кораблей, под дружиной, примчалось черных.

В Ферах живущих и вокруг при Бебеидском озере светлом,
 Беб населявших, Глафиры и град Ияолк пышнозданный,

Быстрых одиннадцать мчалось судов; предводил же Эвмел их
 715 Сын Адмета любимый, который рожден им с Алкестой,
 Дивной женою, прекраснейшей всех из Пелиевых дочерей.

Живших в Мэфоне, и окрест Фавмакии нивы пахавших,
 Чад Мелибеи, и живших в полях Олизона суровых, —
 Сих племена Филоктет предводитель, стрелец превосходный,
 720 Вел на семи кораблях; пятьдесят восседло на каждом
 Сильных гребцов и стрелами искусных жестоко сражаться.
 Но лежал предводитель на острове Лемне священном
 В тяжких страданиях, где он оставлен сынами ахеян,
 Мучимый язвою злой, нанесенною пагубной гидрой.
 Там лежал он, страдалец. Но скоро ахейские мужи,
 725 Скоро при черных судах о царе Филоктете вспомнят.
 Рать не была без вождя, но желала вождя Филоктета.
 Медон над нею начальствовал, сын Оилея побочный,
 Коего с Реной младою родил Оилей градоборец.

Триккой владевший народ, и Ифомой высокоутесной,
 730 И обитавший в Эхалии, граде владыки Эврита,
 Два извели воеводы, Асклепия мудрые чада,
 Славные оба данаев врачи, Подалир и Махаон.
 Тридцать за ними судов принеслися, красивые строем.

Живших в Ормении храбрых мужей, у ключа Гипереи,
 735 В власти имевших Астерий и белые главы Титана, —
 Сих предводил Эврипил, блистательный сын Эвемонов;
 Сорок за ним кораблей, под дружиною, черных примчалось.

В Аргиссе живших мужей и кругом населявших Гиртону,
 Орфу, широкий Элон, белокаменный град Олооссон, —
 740 Сих предводил Полипет, воеватель бесстрашнейший в битвах,
 Ветвь Пирифоя, ишедшего в мир от бессмертного Зевса,
 Сын, Пирифою рожденный женой Ипподамией славной,
 В самый тот день, как герой покарал чудовищ косматых:
 Сбил с Пелиона кентавров и гнал до народов эфиков.
 745 Он предводил не один, но при нем Леонтей бранодушный,

Отрасль Ареева, чадо Кеня, Коронова сына.
Сорок за ними судов, под дружиной, примчался черных.

Но из Кифа Гуней с двадцатью и двумя кораблями
Плыл, предводя эниан и воинственных, сильных перребов,
750 Племя мужей, водворившихся окрест Додоны холодной,
Земли пахавших, по коим шумит Титаресий веселый,
Быстро в Пеней устремляющий пышно катящиеся воды,
Коих нигде не сливает с Пенеем сребристопучинным,
Но всплывает наверх и подобно елею струится:
755 Он из ужасного Стикса, из вод заклинаний исходит.

Профоой, сын Тендредонов, начальствовал ратью магнетов.
Окрест Пеня и вокруг Пелиона шумного лесом
Жили они; предводил их в сражение Профоой быстрый:
Сорок за ним кораблей, под дружиною, черных примчалось.

760 Се и вожди и властители меднодоспешных данаев.
Кто же из них знаменитейший был, поведай мне, Муза,
Доблестью или конями, из всех за Атридом притекших?
Коней извел превосходнейших славный Эвмел Феретиад;
Он устремлял кобылиц на бегу, как пернатые, быстрых,
765 Масти одной, одинаковых лет и хребтом как под меру.
Сам Аполлон воспитал на зеленых лугах пиерийских
Сих кобылиц, разносящих в сражениях ужас Арея.
Мужем отличнейшим слыл Аякс Теламонид, доколе
Гневом Пелид сокрушался; но он был могучее всех их,
770 Также и кони, носящие в битвах Пелида героя.
Но бездействовал он при своих кораблях мореходных,
Пламенный гнев на владыку народов, Атреева сына,
В сердце питая; дружины его на берегу моря
Дисков и сулиц и стрел забавлялися праздным метаньем.
775 Рьяные кони вождей при своих колесницах стояли,
Праздные, лотос один и селину болотную щипля.
Все колесницы и сбруя, заботно покрыты, лежали
В сенях владык; а они, предводителя храброго алча,
Праздные, с края на край по широкому стану бродили.

780 Двинулась рать, и как будто огнем вся земля запылала;
 Дол застонал, как под яростью бога, метателя грома
 Зевса, когда над Тифеем сечет он перунами землю,
 Горы в Аримах, в которых, повествуют, ложе Тифея;
 Так застонала глубоко земля под стопами народов,
 785 Вдруг устремившихся: быстро они проходили долиной.

Тою порою троянам, подобная вихрям Ирида,
 Вестница Зевса Кронида, явилась с вестию грозной.
 Те ж совещали совет у дверей Приамова дома,
 Все на дворе воедино столпясь, и младые и старцы.
 790 Став посреди, провещала посланница Зевса, Ирида,
 Голос заявши Полита, Приамова сына, который
 Стражем троянским сидел, уповая на быстрые ноги,
 В поле, на высшей могиле старца троян Эзиета,
 Вкруг соглядая, когда от судов нападут аргивяне.
 795 В виде его провещала посланница Зевса Ирида:
 “Старец почтенный! и ныне ты любишь обильные речи,
 Так же, как в мирные дни: неизбежная брань угрожает!
 Часто я, часто бывал на кровавых бранях народов,
 Но вовек таких и толиких я ратей не видел!
 800 Как листья на деревьях, как пески при морях, неисчетны
 Воинства мчатся долиною, ратовать около града.
 Гектор, тебе предлагаю совет мой полезный исполнить:
 Много народов союзных в Приамоном граде великом,
 Разных своим языком, по земле рассеянных смертных.
 805 Каждым из оных да властвует муж, повелитель народа;
 Он и вождем на боях, и строителем граждан да будет”.

Так прорекла; и богиню вещавшую Гектор постигнул:
 Сонм распустил, и к оружию бросились граждане Трои.
 Все растворились ворота; из оных зареяли рати,
 810 Конные, пешие; шум и смятение страшное встало.

Есть перед градом троянским великий курган и высокий,
 В поле особенный, круглый равно и отсель и оттоле.

- Смертные, с древних времен, нарицают его Ватиеей,
Но бессмертные боги – могилою быстрой Мирины.
815 Там и троян и союзников их разделилися рати.
- Храбрых троян Приамид, шлемоблещущий Гектор великий
Всех предводил; превосходные множеством, мужеством духа,
С ним ополчились мужи, копейщики, бурные в битве.
- Вслед их дарданцам предшествовал сын знаменитый Анхизов,
820 Мощный Эней; от Анхиза его родила Афродита,
В рощах на холмах Идейских, богиня, почившая с смертным.
Он предводил не один, но при нем Акамас и Архелок:
Оба сыны Антенора, искусные в битвах различных.
- В Зелии живших мужей, при подошве холмистыя Иды,
825 Граждан богатых, пьющих Эзеповы черные воды,
Племя троянское лучник отличнейший вел Ликаонид,
Пандар, которого Феб одарил сокрушительным луком.
- Но Адрастеи мужей, Питиеи и веси Апеза,
И народ, заселявший Терею, высокую гору,
830 Сих предводили Адраст и Амфий, в броне полотняной,
Оба сыны перкозийца Мeroпа, который славнейший
Был предвещатель судьбы и сынам не давал позволенья
К брани убийственной в Трою идти; не послушали дети
Старца родителя: рок увлекал их на черную гибель.
- 835 В Перкоте живших мужей и кругом населявших Практион,
Грады Сестос, Абидос и граждан священной Арисбы
Рати устраивал Азии, мужей повелитель, Гиртакид,
Азии Гиртакид, который на пламенных конях великих
В Трою принесся из дальней Арисбы, от вод Селлеиса.
- 840 Гиппофоой предводил племена копьеборных пеласгов,
Тех, что в Лариссе бугристой, по тучным полям обитали;
Гиппофоой предводил их и Пилей, Ареева отрасль,
Оба сыны пеласгийского Лефа, Тевталова сына.

Но фракийян предводил Акамас и воинственный Пирос.
845 Всех, которых страны Геллеспонт бурнотечный объемлет.

Храбрый Эвфем ополчал племена копьеборных киконцов,
Сын браноносца Трезена, любезного Зевсу Кеада.

Вслед им Пирехм предводил криволуких пеонов, далеко
850 Живших в странах Амидона, где катится Аксиий широкий,
Аксиий, водою чистейшей священную землю поящий.

Вождь Пилемен пафлагонам предшествовал, храброе сердце,
Выведший их из Генет, где стадаются дикие мески,
Племя народов, которые жили в Киторе, Сесаме,
855 Окрест потока Парфения в славных домах обитали,
Кромну кругом, Эгиал и скалы Эрифин населяли.

Рать гализонов Годий и Эпистроф вели из Алибы,
Стран отдаленных, откуда исход серебра неоскудный.

Мизам предшествовал Хромий и Энномос, птицегадатель,
860 Но и гаданием он не спасся от гибели черной:
Лег, низложенный руками Пелеева быстрого сына,
В бурной реке, где троян и других истреблял он, могучий.

Форкис и храбрый Асканий вели из Аскании дальней
Рати фригийян, и оба, бесстрашные, боем пылали.

Вслед их Антиф и Месфл, воеводы мужей меонийских,
865 Оба сына Пилемена, Гигейского озера дети,
Рать предводили меонов, при Тмоле высоком рожденных.

Настес вел говорящих наречием варварским каров,
Кои Милет занимали и Ффиоров лесистую гору,
И Меандра поток, и Микала вершины крутые;
870 Сих предводили на бой Амфимах и воинственный Настес,
Настес и тот Амфимах, Номиионова отрасль, который

Даже и в битвы ходил, наряжаяся златом, как дева.
 Жалкий! и златом не мог отворотить он погибели грозной:
 Лег, низложенный руками Пелеева быстрого сына,
 875 В бурной реке, и Пелид его злато унес, победитель.
 Рать ликиян Сарпедон и блистательный Главк предводили,
 Живших далеко в Ликии, при Ксанфе глубокопучинном.

Песнь третья

Клятвы. Смотр со стены. Единоборство Александра и Менелая

Так лишь на битву построились оба народа с вождами,
 Трои сыны устремляются, с говором, с криком, как птицы:
 Крик таков журавлей раздается под небом высоким,
 Если, избегнув и зимних бурь, и дождей бесконечных,
 5 С криком стадами летят через быстрый поток Океана,
 Бранью грозя и убийством мужам малорослым, пигмеям,
 С яростью страшной на коих с воздушных высот нападают.
 Но подходили в безмолвии, боем дыша, аргивяне,
 Духом единым пылая — стоять одному за другого.

10 Словно туман над вершинами горными Нот разливает,
 Пастырям стад нежеланный, но вору способнейший ночи:
 Видно сквозь оный не дальше, как падает брошенный камень, —
 Так из-под стоп их прах, подымался мрачный, крутился
 Вслед за идущими; быстро они проходили долину.

15 И, когда уже сблизились к битве идущие рати,
 Вышел вперед от троян Александр, небожителю равный,
 С кожей парда на раме, с луком кривым за плечами
 И с мечом при бедре; а в руках два копыя медножалых
 Гордо колебля, он всех вызывал из данаев храбрейших,

20 Выйти противу него и сразиться жестокою битвой.
 Но лишь увидел его Менелай, любимый Ареем,
 Быстро вперед из толпы выступающим поступью гордой, —
 Радостью вспыхнул, как лев, на добычу нежданно набредший,
 Встретив еленя рогатого или пустынную серну;
 25 Гладный, неистово он пожирает, хотя отовсюду
 Сам окружен и ловцами молодыми, и быстрыми псами:
 Радостью вспыхнул такой Менелай, Александра героя
 Близко узрев пред собой; и, отметить похитителю мысля,
 Быстро Атрид с колесницы с оружием прынул на землю.

30 Но, лишь увидел его Приамид, Александр боговидный,
 Между передних блеснувшего, сердце его задрожало;
 Быстро он к сонму друзей отступил, избегающий смерти.
 Словно как путник, увидев дракона в ущелиях горных,
 Прядает вспять и от ужаса членами всеми трепещет,
 35 Быстро уходит, и бледность его покрывает ланиты, —
 Так убежавши, в толпу погрузился троян горделивых
 Образом красный Парис, устрашаясь Атреева сына.

Гектор, увидев его, поносил укорительной речью:

“Видом лишь храбрых, несчастный Парис, женолюбец,
 прельститель!

40 Лучше бы ты не родился или безбрачен погибнул!
 Лучше б сего я желал, и тебе б то отраднее было,
 Чем поношеньем служить и позорищем целому свету!
 Слышишь, смеются ряды кудреглавых данаев, считавших
 Храбрым тебя первоборцем, судя по красивому виду.
 45 Вид твой красен, но ни силы в душе, ни отважности в сердце!
 Бывши таков ты, однако, дерзнул в кораблях мореходных
 Бурное море исплавать, с толпою клеветов любезных,
 В чуждое племя войти и похитить из стран отдаленных
 Славу их жен, и сестру и невестку мужей браноносных,
 В горе отцу твоему, и народу, и целому царству,
 50 В радость ахейцам врагам, а себе самому в поношенье!
 Что же с оружием не встретил царя Менелая? Узнал бы
 Ты, браноносца какого владеешь супругой цветущей.

55 Были б не в помощь тебе ни кифара, ни дар Афродиты,
 56 Пышные кудри и прелесть, когда бы ты с прахом смешился.
 Слишком робок троянский народ, иль давно б уже был ты
 Каменной ризой одет, злополучии толиких виновник!”

Гектору быстро в ответ возразил Александр боговидный:
 “Гектор, ты вправе хулить, и твоя мне хула справедлива.
 60 Сердце в груди у тебя, как секира, всегда непреклонно:
 Древо пронзает она под рукой древодела и рьяность
 Мужа сугубит, когда обсекает он брус корабельный:
 Так в груди у тебя непреклонен дух твой высокий.
 Не осуждай ты любезных даров златой Афродиты.
 65 Нет, ни один не порочен из светлых даров нам бессмертных;
 Их они сами дают; произвольно никто не получит.
 Ныне, когда ты желаешь, чтоб я воевал и сражался,
 Всем повели успокоиться, Трои сынам и ахейцам;
 И посреди их поставьте меня с Менелаем героем;
 70 Мы за Елену Аргивскую с ним перед вами сразимся.
 Кто из двоих победит и окажется явно сильнейшим,
 В дом и Елену введет, и сокровища все он получит.
 Вы ж, заключившие дружбу и клятвы святые, владейте
 Тройей холмистой; ахейцы же в Аргос, конями богатый,
 75 Вспять отплывут и в Ахаию, славную жен красотою”.

Так говорил, и восхитился Гектор услышанной речью;
 И, на средину ишед, и копье ухватив посредине,
 Спнул фаланги троянские; все успокояся стали.
 Но на Гектора луки ахеян сыны натянули.
 80 Многие метили копьями, многие бросили камни.
 К ним громогласно воззвал повелитель мужей Агамемнон:
 “Стойте, аргивцы друзья! не стреляйте, ахейские мужи!
 Слово намерен вещать шлемоблещущий Гектор великий”.

Рек, — и ахеяне прервали бой и немедленно стали
 85 Окрест, умолкнув; и Гектор великий вещал среди воинств:
 “Сонмы троян и ахеян красивопоножных! внимайте,

Что предлагает Парис, от которого брань воспылала.
 Он предлагает троянам и всем меднолатным ахейцам
 Ратные сбруи свои положить на всеплодную землю;
 90 Сам посреди ополчений с воинственным он Менелаем
 Битвой, один на один, за Елену желает сразиться.
 Кто из двоих победит и окажется явно сильнейшим,
 В дом и Елену введет, и сокровища все он получит;
 Мы ж на взаимную дружбу священные клятвы положим”.

95 Рек он; ахейцы безмолвные все сохраняли молчанье;
 И меж них провецал Менелай, знаменитый воитель:
 “Ныне внимайте и мне; жесточайшая горесть пронзает
 Сердце мое; помышляю давно я: пора примириться
 Трои сынам и ахейцам; довольно вы бед претерпели
 100 Ради вражды между мной и Парисом, виновником оной.
 Кто между нами двумя судьбой обречен на погибель,
 Тот да погибнет! а вы, о друзья, примиритесь немедля.
 Пусть же представят и белого агнца, и черную овцу
 Солнцу принесть и земле; а Крониду пожрем мы другого.
 105 Пусть призовут и Приама владыку, да клятву положит
 Сам (а сыны у него напыщенны, всегда вероломны):
 Да преступник какой-либо Зевсовых клятв не разрушит:
 Сердце людей молодых легкомысленно, непостоянно;
 Старец, меж ними присущий, вперед и назад прозорливо
 110 Смотрит, обеих сторон соблюдая взаимную пользу”.

Так говорил; и наполнились радостью оба народа,
 Чаю почить наконец от трудов изнурительной брани:
 Коней становятся в ряды, с колесниц своих прядают сами;
 Быстро снимают доспехи, на землю слагают их близко
 115 Друг против друга: меж воинств осталось узкое поле.

Гектор немедленно к граду глашатаев двух посылает
 Агнцев поспешно принесть и вызвать владыку Приама.
 Царь Агамемнон равно повеление дал Талфибию
 К сеням ахейским идти и принесть на заклание агнца;
 120 Он поспешил, повинувшись державному сыну Атрея.

С вестью Ирида явилась к Елене лилейнораменной.
 Вестница, образ принявши любезной Елене золовки,
 С коей в супружестве был Антенорид царь Геликаон,
 Образ молодой Лаодики, прекраснейшей дщери Приама,
 125 В терем вошла, где Елена ткань великую ткала,
 Светлый, двускладный покров, образуя на оном сраженья,
 Подвиги конных троян и медянодоспешных данаев,
 В коих они за нее от Ареевых рук пострадали.
 К ней приступив, быстроногая так говорила Ирида:
 130 “Выйди, любезная нимфа, деяния чудные видеть
 Конников храбрых троян и медянодоспешных данаев.
 Оба народа недавно, стремимые бурным Ареем,
 В поле сходились, пылая взаимно погибельной бранью.
 Ныне безмолвны стоят; прекратилась брань; ратоборцы
 135 Все на щиты приклонились, копья их воткнуты в землю.
 Но герой Александр и Атрид Менелай браноносный
 Выйти желают одни за тебя на копьях сразиться.
 И супругой любезной тебя наречет победитель”.

Так изрекла и влияла ей в душу сладкие чувства,
 140 Думы о первом супруге, о граде родимом и кровных.
 Встала она и, серебристыми тканями вокруг осеняся,
 Быстро из дому идет со струящеюся нежной слезою.
 Следом за ней поспешили прислужницы верные обе,
 Эфра, Питеева дочь, и Климена, с блистательным взором.
 145 Скоро они притекли ко вратам возвышавшимся Скейским.
 Там и владыка Приам, и Панфой, и Фимет благородный,
 Клитий, божественный Ламп, Гикетаон, Ареева отрасль,
 Укалегон, и герой Антенор, прозорливые оба,
 Старцы народа сидели на Скейской возвышенной башне,
 150 Старцы, уже не могучие в брани, но мужи совета,
 Сильные словом, цикадам подобные, кои по рощам,
 Сидя на ветвях дерев, разливают голос их звонкий:
 Сонм таковых илионских старейшин собрался на башне.

155 Старцы, лишь только узрели идущую к башне Елену,
 Тихие между собой говорили крылатые речи:

“Нет, осуждать невозможно, что Трои сыны и ахейцы
 Брань за такую жену и беды столь долгие терпят:
 Истинно, вечным богиням она красотой подобна!
 Но, и столько прекрасная, пусть возвратится в Элладу;
 160 Пусть удалится от нас и от чад нам любезных погибель!”

Так говорили; Приам же ее призывал дружелюбно:
 “Шествуй, дитя мое милое! ближе ко мне ты садися.
 Узришь отсюда и первого мужа, и кровных, и ближних.
 Ты предо мною невинна; единые боги виновны:
 165 Боги с плачевной войной на меня устремили ахеян!
 Сядь и поведай мне имя величеством дивного мужа:
 Кто сей, пред ратью ахейскою, муж и великий и мощный?
 Выше его головой меж ахеями есть и другие,
 Но толико прекрасного очи мои не видали,
 170 Ни толико почтенного: мужу царю он подобен!”

Старцу в женах знаменитая так отвечала Елена:
 “Ты и почтен для меня, возлюбленный свекор, и страшен!
 Лучше бы горькую смерть предпочесть мне, когда я решилась
 Следовать с сыном твоим, как покинула брачный чертог мой,
 175 Братьев, и милую дочь, и веселых подруг, мне бесценных!
 Но не сделалось так; и о том я в слезах изнываю!..
 Ты вопрошаешь меня, и тебе я скажу, Дарданион:
 Муж сей есть пространнодержавный Атрид Агамемнон,
 Славный в Элладе, как мудрый царь и как доблестный воин.
 180 Деверь он был мне; увы, недостойная, если б он был им!”

Так говорила, — и старец, дивяся Атриду, воскликнул:
 “О Агамемнон, счастливым родившийся, смертный блаженный!
 Сколько под властью твоею ахейских сынов браноносных!
 Некогда, быв во фригийской земле, виноградом обильной,
 185 Зрел я великую рать фригиан, колесничников быстрых;
 Зрел я Атрея полки и Мигдона, подобного богу:
 Станом стояло их воинство вдоль берегов Сангария;
 Там находился и я, и союзником оных считался,

190 В день, как мужам подобные ратью нашли амазонки:
Но не столько их было, как здесь быстрооких данаев”.

После, узрев Одиссея, Приам вопрошает Елену:
“Ныне скажи и об этом, дитя мое: кто сей данаец?
Менее целой главой, чем великий Атрид Агамемнон,
Но, как сдается мне, он и плечами и персями шире.
195 Сбруя его боевая лежит на земле плодоносной;
Сам же, подобно овну, по рядам ратоборным он ходит.
Он мне подобным овну представляется, пышному волной,
В стаде ходящему между овец сереброрунных”.

Вновь отвечала Приаму Елена, рожденная Зевсом:
200 “Муж сей, почтенный Приам, Лаэртид Одиссей многоумный,
Взросший в народе Итаки, питомец земли каменистой,
Муж, преисполненный козней различных и мудрых советов”.

К ней обративши слова, говорил Антенор благоумный:
“Подлинно, речь справедливую ты, о жена, произносишь:
205 Некогда к нам приходил Одиссей Лаэртид знаменитый,
Присланный, ради тебя, с Менелаем воинственным купно.
Я их тогда принимал и угащивал дружески в доме;
Свойство узнал обоих и советов их разум изведаль.
Если они на собранья троянские вместе являлись, —
210 Стоя, плечами широкими царь Менелай отличался;
Сидя же вместе, взрачнее был Одиссей благородный.
Если они пред собранием думы и речи сплетали, —
Царь Менелай всегда говорил, изъясняяся бегло,
Мало вещал, но разительно; не был Атрид многословен,
215 Ни в речах околичен, хоть был он и младший годами.
Но когда говорить восставал Одиссей многоумный,
Тихо стоял и в землю смотрел, потупивши очи;
Скиптра в деснице своей ни назад, ни вперед он не двигал,
Но незыбно держал, человеку простому подобный.
220 Счел бы его ты разгневанным мужем или скудоумным.
Но когда издавал он голос могучий из персей,
Речи, как снежная выюга, из уст у него устремлялись!

Нет, не дерзнул бы никто с Одиссеем стязаться словами;
Мы не дивились тогда Одиссееву прежнему виду”.

225 Третьего видя Аякса, Приам вопрошает Елену:
“Кто еще оный ахеянин, столько могучий, огромный?
Он и главой, и плечами широкими всех перевысил”.

Старцу в женах знаменитая вновь отвечала Елена:
“Муж сей — Аякс Теламонид великий, твердыня данаев.
230 Там, среди критских дружин, возвышается, богу подобный,
Идоменей, и при нем предводители критян толпятся.
Часто героя сего Менелай угощал дружелюбно
В нашем доме, когда приходил он из славного Крита.
Вижу и многих других быстрооких данайских героев;
235 Всех я узнала б легко и поведала б каждого имя.
Двух лишь нигде я не вижу строителей воинств: незримы
Кастор, коней укротитель, с могучим бойцом Полидевком,
Братья, которых со мною родила единая мать.
Или они не оставили град Лакедемон веселый?
240 Или, быть может, и здесь, принеслись в кораблях мореходных,
Но одни не желают вступать в ратоборство с мужами,
Срамом гнушаясь и страшным позором, меня тяготящим!”

Так говорила; но их уже матерь-земля сокрывала
Там, в Лакедемоне, в недрах любезной земли их родимой.

245 Тою порой через Трою жертвы для клятвы священной,
Агнцев и дар полей, вино, веселящее сердце,
В козьем меху несли провозвестники; нес совокупно
Вестник Идей и блестящую чашу, и кубки золотые;
Он же, и к старцу представ, призывал Дарданида, вещая:
250 “Сын Лаомедонов, шествуй, тебя приглашают вельможи
Трои сынов конеборных и меднодоспешных данаев
Выйти на ратное поле, да клятвы святые положат.
Ныне герой Александр и с ним Менелай браноносец
С длинными копьями выйдут одни за Елену сразиться.

255 Кто победит — и жены и сокровищ властителем будет;
 Мы ж, заключившие дружбу и клятвы священные, будем
 Тройей владеть, а данаи в Аргос, конями обильный,
 Вспять отплывут и в Ахаию, славную жен красотою”.

Так произнес; ужаснулся Приам, но друзьям повелел он
 260 Коней запрячь в колесницу; они покорились охотно;
 Старец взошел и бразды натянул к управлению коней;
 Подле него Антенор на блистательной стал колеснице;
 В поле они через Скейские быстрых направили коней.

И когда достигнули воинств троян и ахеян,
 265 Там, с колесницы прекрасной сошедши на злчную землю,
 Между троян и ахеян серединою шествуют старцы.
 В встречу им быстро восстал повелитель мужей Агамемнон,
 Мудрый восстал Одиссей; и почтенные вестники оба
 Жертвы для клятвы священной представили; в чаше единой
 270 Вина смешали и на руки воду царям возлияли.

Тут Агамемнон, владыка, десницею нож обнаживши
 Острый, висящий всегда при влагалище мечном великом,
 Волну отрезал на агничих главах, и глашатаи оба,
 275 Взяв, разделили ее меж избранных троян и ахеян.
 Царь Агамемнон воззвал, с воздеянием дланей моляся:
 “Мощный Зевс, обладающий с Иды, преславный, великий!
 Гелиос, видящий все и слышащий все в поднебесной!
 Реки, земля и вы, что в подземной обители души
 Оных караете смертных, которые ложно клянутся!

280 Будьте свидетели вы и храните нам клятвы святыя:
 Если Парис Приамид поразит Менелая Атрида,
 Он и Елену в дому, и сокровища все да удержит;
 Мы ж от троянской земли отплывем на судах мореходных.
 Если Париса в бою поразит Менелай светловласый,
 285 Граждане Трои должны возвратить и жену и богатства;
 Пеню должны заплатить аргивянам, какую прилично;
 Память об ней да прейдет и до поздних племен человек.
 Если же мне и Приам, и Приама сыны отрекутся
 Должную дань заплатить по паденье уже и Париса,

290 Снова я ратовать буду, пока не истребую дани;
Здесь я останусь, пока не увижу конца ратоборству”.

Рек и гортани овнов пересек он суровую медью
И обоих на земле положил их, в трепете смертном
Жизнь издыхающих: юную силу их медь сокрушила.
295 После, вино из чаши блистательной черпая кубком,
Все возливали и громко молились богам вечносущим;
Так не один возглашал меж рядами троян и ахеян:
“Зевс многославный, великий, и все вы, бессмертные боги!
Первых, которые смеют священную клятву нарушить,
300 Мозг, как из чаши вино, да по черной земле разольется,
Их вероломных и чад, — и пришельцы их жен да обымут!”

Так возглашали; моления их не исполнил Кронион.
Старец Приам между тем обратился к народам, вещая:
“Слову внимайте, трояне и храбрые мужи ахейцы:
305 Я удаляюсь от вас, в Илион возвращаюсь холмистый.
Мне неостанет сил, чтобы видеть своими очами
Сына любезного бой с Менелаем, питомцем Арея.
Ведает Зевс Эгиох и другие бессмертные боги,
В битве кому из подвижников смертный конец предназначен”.

310 Рек, — и овнов в колесницу влагает божественный старец;
Всходит и сам и бразды к управленью коней напрягает;
Подле него Антенор на блистательной стал колеснице.
Старцы, назад обратятся, погнали коней к Илиону.

Гектор тогда Приамид и с ним Одиссей благородный
315 Прежде измерили место сражения; после, повергнув
Жребии в медный шелом, сотрясали, да ими решится,
Кто в сопровитника первый копье медяное пустит.
Рати же окрест молились и длани к богам воздевали;
Так не один восклицал меж рядами троян и ахеян:
320 “Мощный Зевс, обладающий с Иды, преславный, великий!
Кто между ими погибельных дел сих и распрей виновник,
Дай ты ему, пораженному, в дом погрузиться Аида,
Нам же опять утвердить и священные клятвы и дружбу!”

325 Так возглашают; а Гектор великий два жребия в шлеме,
Взор отвратив, сотрясает, и выпрянул жребий Париса.
Воины быстро уселись рядами, где каждый оставил
Коней своих звуконогих и пестрые ратные сбруи.
Тою порой вкрут рамен покрывался оружием пышным
330 Юный герой Александр, супруг лепокудрой Елены.
И сперва наложил он на белые ноги поножи
Пышные, кои серебряной плотно смыкались наглазной;
Перси кругом защищая, надел медяные латы,
Брата Ликаона славный доспех, и ему соразмерный;
Сверху на рамо набросил ремень и меч среброгвоздный
335 С медяным клинком; и щит захватил, и огромный и крепкий;
Шлем на могучую голову ярко блестящий надвинул
С гривую конскую; гребень ужасный над ним волновался;
Тяжкое поднял копьё, но которое было споручно.
Так и Атрид Менелай покрывался оружием, храбрый.

340 И едва лишь каждый в дружине своей вооружился,
Оба они аргивян и троян на средину выходят
С грозно блестящими взорами; ужас смотрящих объемлет
Конников храбрых троян и красивопоножных данаев.
Близко герои сошлись и на месте измеренном стали,
345 Копья в руках потрясая, свирепствуя друг против друга.
Первый герой Александр послал длиннотенную пику
И ударил жестоко противника в щит круговидный;
Но – не проникнуло меди, согнулось копейное жало
В твердом щите. И воздвигся второй с занесенною пикой
350 Царь Менелай, умоляющий пламенно Зевса владыку:
“Зевс! помоги покарать сотворившего мне оскорбленье!
В прах моею рукой низложи Приамида Париса;
Пусть ужасается каждый и в поздно рожденных потомках
Злом воздавать за приязнь добродушному гостеприимцу”.

355 Рек он – и, мощно сотрясши, поверг длиннотенную пику,
И ударил жестоко противника в щит круговидный:
Щит светозарный насквозь пробежала могучая пика,

360 Броню насквозь, украшением пышную, быстро пронзила
 И, на паху подреберном, хитон у Париса рассекла,
 Бурная; он, лишь отпрянув, погибели черной избегнул.
 Сын же Атреев, исторгнув стремительно меч среброгвоздный,
 Грянул с размаху по бляхе шелома; но меч, над шеломом
 В три и четыре куска раздробившись, пал из десницы.
 Царь Менелай возопил, на пространное небо взирая:
 365 “Зевс, ни один из бессмертных, подобно тебе, не злотворен!
 Я наконец уповал покарать Александра злодея;
 И в руках у меня сокрушается меч, и напрасно
 Вылетел дрот из десницы моей: не могу поразить я!”

Рек — и напал на него и, за шлем ухватив коневласьей,
 370 Быстро повлек, обратившись к пышнопоножным ахейцам.
 Стиснул Парисову нежную выю ремень хитрошвенный —
 Вплоть у него под бородой проходившая подвязь шелома.
 Он и довлел бы его, и покрылся бы славой великой;
 Но любимца увидела Зевсова дочь Афродита;
 375 Кожу вола, пораженного силой, она разорвала:
 Шлем последовал праздный за мощной рукой Менелая.
 Быстро его Атрейон, закруживши на воздухе, ринул
 К пышнопоножным данаям, и подняли верные други.
 Сам же он бросился вновь, поразить Александра пылая
 380 Медным копьем; но Киприда его от очей, как богиня,
 Вдруг похищает и, облаком темным покрывши, любимца
 В ложницу вводит, в чертог, благовония сладкого полный;
 Быстро уходит Елену призвать, и на башне высокой
 Ледину дочь, окруженную сонмом троянок, находит,
 385 Тихо рукой потрясает ее благовонную ризу
 И говорит, уподобясь старице, древле рожденной,
 Пряхе, что в прежние дни для нее в Лакедемоне граде
 Волну прекрасно пряла и царевну вседушно любила:
 Ей уподобясь, так говорит Афродита богиня:
 390 “В дом возвратися, Елена; тебя Александр призывает.
 Он уже дома, сидит в почивальне, на ложе точеном,
 Светел красой и одеждой; не скажешь, что юный супруг твой
 С мужем сражался и с боя пришел, но что он к хороводу
 Хочет идти, иль воссел опочить, хоровод лишь оставив”.

395 Так говорила, — и душу Елены в груди взволновала:
 Но, лишь узрела Елена прекрасную выю Киприды,
 Прелести полные перси и страстно блестящие очи,
 В ужас пришла, обратилась к богине и так говорила:
 “Ах, жестокая! снова меня обольстить ты пылаешь?
 400 Или меня еще дальше, в какой-либо град многолюдный,
 Фригии град иль Меонии радостной хочешь увлечь ты,
 Если и там обитает любезный тебе земнородный?
 Ныне, когда Менелай, на бою победив Александра,
 Снова в семейство меня возвратить, ненавистную, хочет,
 405 Что ты являешься мне, с злонамеренным в сердце коварством?
 Шествуй к любимцу сама, от путей отрекися бессмертных
 И, стопою твоей никогда не касаясь Олимпа,
 Вечно при нем изнывай и лаской властелина, доколе
 Будешь им названа или супругою, или рабою!
 410 Я же к нему не пойду, к беглецу; и позорно бы было
 Ложе его украшать; надо мною троянские жены
 Все посмеются; довольно и так мне для сердца страданий!”

Ей, раздраженная Зевсова дочь, отвечала Киприда:
 “Смолкни, несчастная! Или, во гневе тебя я оставив,
 415 Так же могу ненавидеть, как прежде безмерно любила.
 Вместе обоих народов, троян и ахейн, свирепство
 Я на тебя обращаю, и погибнешь ты бедственной смертью!”

Так изрекла, — и трепещет Елена, рожденная Зевсом,
 И, закрывшись покровом сребристоблестящим, безмолвно,
 420 Сонму троянок невидимо, шествует вслед за богиней.
 Скоро достигли они Александрова пышного дома;
 Обе служебницы бросились быстро к домашним работам.
 Тихо на терем высокий жена благородная всходит.
 Там для нее, улыбаясь пленительно, кресло Киприда,
 425 Взяв сама, пред лицом Александровым ставит, богиня.
 Села на оном Елена, рожденная Зевсом Кронидам,
 Очи назад отвратила и так упрекала супруга:
 “С битвы пришел ты? о лучше б, несчастный, навеки погибнул,

Мужем сраженный могучим, моим преждебывшим супругом!
 430 Прежде не сам ли хвалился, что ты Менелая героя
 Силой своей и рукой и копьём превзойдешь в ратоборстве!
 Шествуй теперь и Атрида могучего вызови снова;
 Лично с героем сразися. Но я не советую; лучше
 Мирно покойся, и впредь с светлокудрым Атреевым сыном
 435 Ратовать ратью, ни битвою биться не смей безрассудно;
 Или, страшись, да его копием укрошен ты не будешь!”

Ей отвечая, Парис устремляет крылатые речи:
 “Нет, не печаль мне, супруга, упреками горькими сердце;
 Так, сегодня Атрид победил с ясноокой Афиной;
 440 После и я победжу: покровители боги и с нами.
 Ныне почием с тобой и взаимной любви насладимся.
 Пламя такое в груди у меня никогда не горело;
 Даже в тот счастливый день, как с тобою из Спарты веселой
 Я с похищенной бежал на моих кораблях быстролетных
 445 И на Кранае с тобой сочетался любовью и ложем.
 Ныне пылаю тобою, желания сладкого полный”.
 Рек он — и шествует к ложу, за ним и Елена супруга.
 Вместе они на блистательноубранном ложе почили.

Сын же Атреев по воинству рыскал, зверю подобный,
 450 Взоры бросая кругом, не увидит ли где Александра.
 Но ни единый из храбрых троян и союзников славных
 Мощному сыну Атрея не мог указать Александра.
 Верно, из дружбы к нему, не сокрыл бы никто его зревший:
 Всем он и им уже был ненавистен, как черная гибель.

Громко тогда возгласил повелитель мужей Агамемнон:
 “Слух преклоните, трояне, дардане и рати союзных!
 Видимо всем торжество Менелая, любимца Арея.
 Вы аргивянку Елену, с богатством ее похищенным,
 Выдайте нам и немедленно должную дань заплатите,
 460 Память об ней да прейдет и до поздних племен человеков”.

Так Агамемнон вещал, — и в хвалу восклицали ахейцы.

Песнь четвертая
 НАРУШЕНИЕ КЛЯТВ.
 ОБХОД ВОЙСК АГАМЕМНОНОМ

- Боги, у Зевса отца на помосте златом заседа,
 Мирно беседу вели; посреди их цветущая Геба
 Нектар кругом разливала; и, кубки приемля златые.
 Чествуют боги друг друга, с высот на Трою взирая.
- 5 Вдруг Олимпиец Кронион замыслил Геру прогневать
 Речью язвительной; он, издеваясь, беседовать начал:
 “Две здесь богини, помощницы в бранях царя Менелая;
 Гера Аргивская и Тритогеия Алалкомена.
 Обе, однако, далеко сидя и с Олимпа взирая,
 10 Тем утешаются; но с Александром везде Афродита,
 Помощь ему подает, роковые беды отражает,
 И сегодня любимца спасла, трепетавшего смерти.
 Но, очевидно, победа над ним Менелая героя.
 Боги, размыслим, чем таковое деяние кончить?
- 15 Паки ли грозную брань и печальную распрю воздвигнем,
 Или возлюбленный мир меж двумя племенами положим?
 Если сие божествам и желательно всем и приятно,
 Будет стоять нерушимую Трою Приама владыки,
 И с Еленой Аргивскою в дом Менелай возвратится”.
- 20 Так он вещал; негодуя, вздыхали Афина и Гера;
 Вместе сидели они и троянам беды умышляли.
 Но Афина смолчала; не молвила, гневная, слова
 Зевсу отцу, а ее волновала свирепая злоба.
 Гера же гнева в груди не сдержала, воскликнула к Зевсу:
- 25 “Сердцем жестокий Кронион! какой ты глагол произносишь?
 Хочешь ты сделать и труд мой ничтожным, и пот мой
 бесплодным,
 Коим, трудясь, обливалась? Я истомила и коней,
 Рать подымая на гибель Приаму и чадам Приама.
 Волю твори; но не все от бессмертных ее мы одобрим”.

- 30 Ей негодующей сердцем отвечивал Зевс тучеводец:
 “Злобная: старец Приам и Приамовы чада какое
 Зло пред тобой сотворили, что ты непрестанно пылаешь
 Град Илион истребить, благолепную смертных обитель?
 Если б могла ты, войдя во врата и троянские стены,
 35 Ты бы пожрала живых и Приама, и всех Приамидов,
 И троянский народ, и тогда б лишь насытила злобу!
 Делай, что сердцу угодно; да горький сей спор напоследок
 Грозной вражды навсегда между мной и тобой не положит.
 Слово еще изреку я, а ты впечатлей его в сердце:
 40 Если и я, пылающий гневом, когда возжелаю
 Град ниспровергнуть, отчизну любезных тебе человек, —
 Гнева и ты моего не обуздывай, дай мне свободу!
 Град сей тебе я предать соглашаюсь, душой несогласный.
 Так, под сияющим солнцем и твердью небесною звездной
 45 Сколько ни зрится градов, населенных сынами земными,
 Сердцем моим наиболее чтима священная Троя,
 Трои владыка Приам и народ копыеносца Приама.
 Там никогда мой алтарь не лишался ни жертвенных пиршеств,
 Ни возлияний, ни дыма: сия бо нам честь подобает”.
- 50 Вновь провещала к нему волоокая Гера богиня:
 “Три для меня наипаче любезны ахейские града:
 Аргос, холмистая Спарта и град многолюдный Микена.
 Их истреби ты, когда для тебя ненавистными будут;
 Я не вступаюсь за них и отнюдь на тебя не враждую.
 55 Сколько бы в гневе моем ни противилась их истреблению,
 Я не успела б и гневная: ты на Олимпе сильнейший.
 Но труды и мои оставаться должны ли бесплодны?
 Я божество, как и ты, исхожу от единого рода;
 И, богиня старейшая, дочь хитроумного Крона,
 60 Славой сугубой горжусь, что меня и сестрой и супругой
 Ты нарицаешь, — ты, над бессмертными всеми царящий.
 Но оставим вражду и, смирялся друг перед другом,
 Оба взаимно уступим, да следуют нам и другие
 Боги бессмертные. Ныне, Кронид, повели ты Афине

65 Быстро сойти к истребительной брани троян и данаев;
Пусть искушает она, чтоб славою гордых данаев
Первые Трои сыны оскорбили, разрушивши клятву”.

Так говорила, — и внял ей отец и бессмертных и смертных;
Речи крылатые он устремил к светлоокой Афине:
70 “Быстро, Афина, лети к ополчению троян и данаев;
Там искушай и успеи, чтоб славою гордых данаев
Первые Трои сыны оскорбили, разрушивши клятву”.

Рек — и подвигнул давно пылавшую сердцем Афину:
Бурно помчалась богиня, с Олимпа высокого бросясь.
75 Словно звезда, какую Кронион Зевс посылает
Знаменьем или пловцам, иль воюющим ратям народов,
Яркую; вкрут из нее неисчетные сыплются искры, —
В виде таком устремляясь на землю, Паллада Афина
Пала в средину полков: изумление обняло зрящих
80 Конников храбрых троян и медянодоспешных данаев;
Так говорил не один ратоборец, взглянув на другого:
“Снова войне ненавистой, снова сече кровавой
Быть перед Троей; или полагает мир между нами
Зевс всемогущий, который меж смертными браней решитель”.

85 Так не один говорил в ополченьях троян и ахеян.
Зевсова ж дочь, Антенорова сына приявшая образ,
Мужа Лаодока храброго, в сонмы троянские входит,
Пандара, богу подобного, ищет, кругом вопрошая;
Видит его: непорочный и доблестный сын Ликаонов,
90 Пандар, стоял и при нем густые ряды щитоносцев,
Воев, пришедших за ним от священных потоков Эсепа.
Став близ него, устремила богиня крылатые речи:
“Будешь ли мне ты послушен, воинственный сын Ликаона?
Смеешь ли быстрой стрелою ударить в царя Менелая?
95 В Трое от каждого ты благодарность и славу стяжаешь;
Более ж всех от Приамова сына, царя Александра.
Так, от него ты от первого дар понесешь знаменитый,
Если узрит он, что царь Атрейон, Менелай браноносный,

Свержен твоею стрелой, на костер подымается грустный.
 100 Пандар, держай! порази Менелая, высокого славой!
 Прежде ж обет сотвори луконосцу ликийскому, Фебу,
 Агнецв ему первородных принести знаменитую жертву,
 В отческий дом возвратяся, в священные Зелии стены”.

Так говоря, безрассудного сердце Афина подвигла.
 105 Лук обнажил он лоснистый, рога быстроскачущей серны,
 Дикой, которую некогда сам он под перси уметил,
 С камня готовую прянуть; ее, ожидавший в засаде,
 В грудь он стрелой угодил и хребтом опрокинул на камень.
 Роги ее от главы на шестнадцать ладоней вздымались.
 110 Их, обработав искусно, сплотил рогодел знаменитый,
 Вылощил ярко весь лук и покрыл его золотом поверхность.
 Лук сей блестящий, стрелец натянувши, искусно изладил,
 К долу склонив; и щитами его заградила дружина,
 В страхе, да слуги Арея в него не ударят, ахейцы,
 115 Прежде чем будет пронзен Менелай, воевода ахейн.
 Пандар же крышу колчанную поднял и выволок стрелу,
 Новую стрелу крылатую, черных страданий источник.
 Скоро к тугой тетиве приспособил он горькую стрелу,
 И, обет сотворя луконосцу ликийскому, Фебу,
 120 Агнецв ему первородных принести знаменитую жертву,
 В отческий дом возвратяся, в священные Зелии стены,
 Разом повлек он и уши стрелы, и воловую жилу;
 Жилу привлек до сосца и до лука железо пернатой;
 И едва круговидный огромный свой лук изогнул он,
 125 Рог закрипел, тетива загудела, и прянула стрелка
 Остроконечная, жадная в сонмы влететь сопротивных.

Но тебя, Менелай, не оставили жители неба,
 Вечные боги, и первая дочь светлоокая Зевса:
 Став пред тобою, она возбраняет стреле смертоносной
 130 К телу касаться; ее отражает, как нежная мать
 Гонит муху от сына, сном задремавшего сладким.
 Медь направляет богиня туда, где застежки золотые
 Запон смыкали и где представлялася броня двойная:

Бурно пернатая горькая в сомкнутый запон упала
135 И насквозь просадила изящно украшенный запон,
Броню насквозь, украшением пышную, быстро пробила,
Навязь медную, тела защиту, стрел сокрушение,
Часто его защищавшую, самую навязь пронзила
И рассекла, могучая, верхнюю кожу героя;
140 Быстро багряная кровь заструилась из раны Атрида.

Так, как слоновая кость, обагренная в пурпур женою,
Карскою или меонской, для пышных нащечников коням,
В доме лежит у владелицы: многие конники страстно
Жаждут обрести; но лежит драгоценная царская утварь,
145 Должная быть и коню украшеньем, и коннику славой, —
Так у тебя, Менелай, обагрились пурпурной кровью
Бедра крутые, красивые ноги и самые глезны.

В ужас пришел Атрид, повелитель мужей Агамемнон,
Брата увидевши кровь, изливавшуюся током из язвы.
150 В ужас пришел и сам Менелай, воеватель отважный;
Но лишь увидел шипы и завязку пернатой вне тела,
Вновь у Атреева сына исполнились мужества перси.
Тяжко стеная и за руку брата держа, Агамемнон
Так между тем говорил, и кругом их стенала дружина:
155 “Милый мой брат! на погибель тебе договор заключил я,
Выставив против троян одного за данаев сражаться:
Ими пронзен ты; попрали трояне священную клятву!
Но не будут ничтожными клятва, кровавая жертва,
Вин возлиянье и рук сопряжение на верность обета.
160 Если теперь совершить Олимпийский Зевес не рассудит,
Поздно, но он совершит, — и трояне великою платой,
Женами их и детьми, и своими главами заплатят.
Твердо уверен я в том, убеждаясь духом и сердцем,
Будет некогда день, как погибнет высокая Троя,
165 Древний погибнет Приам и народ копыеносца Приама.
Зевс Эгиох, обитатель эфира высокоцарящий,
Сам над главами троян заколеблет ужасным эгидом,
Сим вероломством прогневанный: то неминуемо будет.

Но меж тем, Менелай, и жестокая будет мне горечь,
 170 Если умрешь ты, о брат мой, и жизни предел здесь окончишь.
 Я, отягченный стыдом, отойду в многожаждущий Аргос!
 Скоро тогда по отечестве все затоскуют ахейцы.
 В славу Приаму и в радость троянам, здесь мы оставим
 Нашу Елену, и кости твои середь поля истлеют,
 175 Легшие в чуждой троянской земле, не свершенному делу.
 Скажет тогда не один беспредельно надменный троянец,
 Гордо на гроб наскочив Менелая, покрытого славой:
 – Если бы так над всеми свой гнев совершал Агамемнон!
 Он к Илиону ахейскую рать приводил бесполезно;
 180 Он с кораблями пустыми в любезную землю родную
 Вспять возвратился, оставивши здесь Менелая героя. –
 Скажет, – и тогда расступися, земля, подо мною!”

Душу ему ободряя, вещал Менелай светловласый:
 “Брат, ободрися и в страх не вводи ополчений ахейских;
 185 В место мне не смертельное медь вонзилася; прежде
 Пояс мой испещренный ее укротил, а под оным
 Запон и навязь, которую медники-мужи ковали”.

Быстро ему отвечал повелитель мужей Агамемнон:
 “Было бы истинно так, как вещаешь, возлюбленный брат мой!
 190 Язву же врач знаменитый немедля тебе испытает
 И положит врачевств, утоляющих черные боли”.

Рек – и к Талфибию вестнику речь обратил Агамемнон:
 “Шествуй, Талфибий, и к нам призови ты Махаона мужа,
 Славного рати врача, Асклепия мудрого сына.
 195 Пусть он осмотрит вождя аргивян, Менелая героя,
 Коего ранил стрелою стрелец знаменитый ликийский,
 Или троянский, на славу троянам, ахейцам на горечь!”

Рек – и глашатай немедленно слову царя повинулся:
 Быстро пошел сквозь толпы, по великому войску данаев,
 200 Окрест смотря по рядам; и героя Махаона видит:
 Пеш он стоял и кругом его храбрых ряды щитоносцев,

Воев, за ним прилетевших из Трики, обильной конями,
Став близ него, устремляет Талфибий крылатые речи:
“Шествуй, Асклепиев сын; Агамемнон тебя призывает;
205 Шествуй увидеть вождя аргивян, Менелая героя,
Коего ранил стрелою стрелец знаменитый ликийский,
Или троянский, на славу троянам, ахейцам на горесть!”

Так говорил он, — и душу Махаона в персях встревожил.
Быстро пошли сквозь толпы по великому войску данаев,
210 И, когда притекли, где Атрид Менелай светлокудрый
Был поражен, где, собравшись, ахейские все властелины
Кругом стояли, а он посреди их, богу подобный,
Врач из плотного запона стрелу извлечь поспешает;
Но, когда он повлек, загнулись шины у пернатой.
215 Быстро тогда разрешив пестроблещущий запон, под оным
Пояс и повязь, которую медники-мужи ковали,
Язвину врач осмотрел, нанесенную горькой стрелою;
Выжал кровь и, искусный, ее врачевствами осыпал,
Силу которых отцу его Хирон открыл дружелюбный.

220 Тою порой, как данаи заботились вкруг Менелая,
Быстро троянцев ряды наступали на них щитоносцев;
Снова данаи оружием покрылись и вспыхнули боем.
Тут не увидел бы ты Агамемнона, сына Атрея,
Дремлющим, или трепещущим, или на брань неохотным:
225 Пламенно к брани, мужей прославляющей, он устремился.
Коней Атрид с колесницею, медью блестящей, оставил;
Их браздодержец могучий держал недалеко, храпящих,
Муж Эвримедон, потомок Пираосов, сын Птолемеев:
Близко держаться Атрид заповедал, на случай, когда он
230 Члены трудом истомит, обходящий и строящий многих.
Сам, устремившись пеш, проходил он ряды ратоборцев.
Где поспешавших на бой находил аргивян быстроконных,
Духа еще им, представ, придавал возбуждательной речью:
“Аргоса вой, восполните ныне кипящую доблесть!
235 Нет, небожитель Кронид в вероломствах не будет помощник
Первых, которые, клятвы поправ, нанесли оскорбленье, —

Белое тело их, верно, растерзано вранами будет;
Мы же супруг их цветущих и всех их детей малолетних
В плен увлечем на судах, как возьмем крепкостенную Троию”.

- 240 Но, встречая мужей, на печальную битву коснящихся,
Сильно на них нападад, порицая жестокою речью:
“Аргоса вой, стрельцы презренные, нет ли стыда вам?
Что, пораженные страхом, как робкие лани, стоите?
Лани, когда утомятся, по чистому бегая полю,
245 Купой стоят, и нет в их персях ни духа, ни силы, —
Так, пораженные, вы здесь стоите и медлите к бою.
Ждете ли вы, чтоб трояне до самых рядов приступили
Наших судов лепокормных, на берегу моря седого,
Там чтоб увидеть вам, вас ли рукой покрывает Кронион?”
- 250 Так он, начальствуя, вокруг обходил ратоборные строи.
Скоро приблизился к критским, идя сквозь толпу ратоборцев:
Критяне строились в бой вокруг отважного Идомея;
Идомея впереди их подобился вепрю, могучий;
Вождь Мерион у него позади возбуждал ополченья.
255 Их усмотревши, наполнился радостью царь Агамемнон
И предводителя критян приветствовал ласковой речью:
“Идомея, тебя среди сонма героев ахейских
Чествую выше я всех, как в боях и деяниях прочих,
Так и на празднествах наших, когда благородным данаям
260 К пиру почетного чермного чашу вина растворяют;
Где предводители прочие меднодоспешных данаев
Пьют известною мерой, но кубок тебе непрестанно
Полный стоит, как и мне, да пьешь до желания сердца.
Шествуй же к брани таков, как и прежде ты быть в ней
гордился”.
- 265 И Атриду отвечивал критских мужей воевода:
“Славный Атрид, неизменно твоим я остануся другом,
Верным всегда, как и прежде тебе обещал я и клялся.
Но спеши и других возбудить кудреглавых данаев.
Битву скорее начнем; разорвали священные клятвы

270 Трои сыны! И постигнут их первых беды и погибель;
Первые, клятвы поправ, вероломно они оскорбили!”

Так он вешал, — и Атрид удалился, радостный сердцем;
Он устремился к Аяксам, идя сквозь толпу ратоборных:
Оба готовились в бой, окруженные тучею пеших.

275 Словно как с холма высокого тучу великую пастырь
Видит, над морем идущую, ветром гонимую бурным:
Издали взору его как смола представлялся черной,
Мчится над морем она, предводящая страшную бурю;
С ужасом пастырь глядит и стада свои гонит в пещеру, —
280 Вслед таковы за Аяксами юношей, пламенных в битвах,
К брани кровавой с врагом устремлялись фаланги густые,
Черные, грозно кругом и щиты воздымая и копья.
Видя и сих, наполняется радостью царь Агамемнон
И, к вождам обратясь, крылатую речь устремляет:
285 “Храбрые мужи, Аяксы, вожди меднолатных данаев!
Вам я народ возбуждать не даю повелений ненужных:
Сильно вы сами его поощряете к пламенным битвам.
Если б, о Зевс Олимпийский, Афина и Феб луконосец!
Если б у каждого в персях подобное мужество было,
290 Скоро пред нами поникнул бы град крепкостенный Приама,
Наших героев руками плененный и в прах обращенный!”

Так произнесши, оставил он их и к другим устремился.
Встретился Нестор ему, сладкогласный вития пилосский:
Строил свои он дружины и дух распалаял их на битву.

295 Окрест его Пелагон возвышался, Аластор и Хромий,
Гемон, воинственный царь, и Биант, предводитель народов.
Конных мужей впереди с колесницами Нестор построил;
Пеших бойцов позади их поставил, и многих и храбрых,
Стену в сражениях бурных; но робких собрал в середину,
300 С мыслью, чтоб каждый, когда не по воле, по нужде сражался.
Конникам первым давал наставленья, приказывал им он
Коней рядами держать и нестройной толпой не толпиться.
“Нет, — чтоб никто, на искусство езды и на силу надежный,
Прежде других не пылал впереди с сопостатами биться,

305 Или назад обращаться: себя вы ослабите сами.
 Кто ж в колеснице своей на другую придет колесницу,
 Пику вперед уставь: наилучший для конников способ.
 Так поступая, и древние стены и грады громили,
 Разум и дух таковой сохраняя в доблестных персях”.

310 Так им советовал старец, давно испытанный в бранях.
 Царь Агамемнон, узрев и его, веселится душою
 И, обратясь к нему, устремляет крылатые речи:
 “Если бы, старец, донныне еще, как душа твоя в персях,
 Ноги служили тебе и остались в свежести силы?
 315 Но угнетает тебя неизбежная старость; пускай бы
 Мужи другие старели, а ты бы блистал между юных!”

И Атриду отвечивал Нестор, конник геренский:
 “Так, благородный Атрид, несказанно желал бы и сам я
 Быть таковым, как я был, поразивший Эревлиона.
 320 Но совокупно всего не дают божества человекам:
 Молод я был, а теперь и меня постигнула старость.
 Но и таков я пойду между конными; буду бодрить их
 Словом моим и советом: вот честь, остающаяся старцам.
 Копья пускай устремляют ахеяне младшие, мужи,
 325 Родшиесь после меня и надежные больше на силу”.

Так произнес, — и Атрид удаляется, радостный сердцем;
 Он Менесфея, отличного конника, близко находит
 Праздно стоящим, и окрест — афинян, искусных в сраженьях.
 Там же, близ Менесфея, стоял Одиссей многоумный;
 330 Окрест его кефалленов ряды, не бессильных во брани,
 Праздно стояли, еще не слышавшие бранной тревоги:
 Ибо едва устремленные к бою сходились фаланги
 Конников быстрых троян и ахеян, и стоя дружины
 Ждали, когда, наступивши, ахейская башня другая
 335 Прежде ударит в троян и кровавую битву завяжет.
 Так их нашед, возроптал повелитель мужей Агамемнон
 И к вождям возгласил, устремляя крылатые речи:
 “Сын скиптроносца Петя, питомца Крониона Зевса!

Также и ты, одаренный коварствами, хитростей полный,
 340 Что, укрываясь здесь, вы стоите, других ожидая?
 Вам из ахейских вождей обоим надлежало бы первым
 Быть впереди и пылающей брани в лицо устремляться.
 Первые вы от меня и о пиршествах слышите наших,
 Если старейшинам пиршество мы учреждаем, ахейцы.
 345 Там приятно для вас насыщаться зажаренным мясом,
 Кубками вина сладкие пить до желания сердца;
 Здесь же приятно вам видеть, хотя бы и десять ахейских
 Вас упредили фаланг и пред вами сражались медью”.

Гневно возрев на него, отвечал Одиссей знаменитый:
 350 “Речи какие, Атрид, из уст у тебя излетают?
 Мы, говоришь ты, от битв уклоняемся? Если, ахейцы,
 Мы на троян быстроконных воздвигнем свирепство Арея,
 Узришь ты, если захочешь и если участие примешь,
 Узришь отца Телемахова в битве с рядами передних
 355 Конников храбрых троян; а слова произнес ты пустые!”

Гневным узрев Одиссея, ослабилась царь Агамемнон,
 И, к нему обращался, начал он новое слово:
 “Сын благородный Лаэрта, герой Одиссей многоумный!
 Я ни упреков отнюдь, ни приказов тебе не вещаю.
 360 Слишком я знаю, что сердце твое благородное полно
 Добрых намерений; ты одинаково мыслишь со мною.
 Шествуй, о друг! а когда что суровое сказано ныне,
 После исправим; но пусть то бессмертные всё уничтожат!”

Так произнесши, оставил вождей и к другим устремился.
 365 Там он Тидида нашел, Диомеда героя, стоящим
 Подле коней и своей составной колесницы блестящей;
 С ним стоял и Сфенел, благородная ветвь Капанея.
 Гневно и их порицал повелитель мужей Агамемнон;
 Он к Диомеду воззвал, устремляя крылатые речи:
 370 “Мужа бесстрашного сын, укротителя коней Тидея,
 Что ты трепещешь? и что озираешь пути боевые?
 Так трепетать не в обычае было Тидея героя;

Он впереди, пред дружиною, первый сражался с врагами.
 Так говорили — дела его зревшие; я с браноносцем
 375 В подвигах не был, не видел; но всех, говорят, превышал он.
 Некогда он, не с войной, но как странник, в микенские стены
 Мирный вошел, с Полиником божественным рать собирая.
 Брань подымали они на священные фивские стены
 И просили микенян дать им союзников славных.
 380 Те соглашались дать и решились исполнить прошение;
 Но Зевес отвернул их явлением знамений грозных.
 Оба вождя отошли и путем обратным достигли
 Брега Асопа густокамышного, тучного злаком.
 Снова оттуда послом аргивяне послали Тидея
 385 В Фивы, куда и пришел он и вместе обрел там кадмеян
 Многих, пирующих в царском доме Этеокловой силы.
 Там, невзирая, что странник, Тидей, конеборец могучий,
 В страх не пришел, находяся один среди многих кадмеян:
 К подвигам их вызывал и на каждом легко сопротивных
 390 Всех победил: таково поборала Тидею Афина.
 Злобой к нему воспылали кадмейцы, гонители коней,
 И, на идущего вспять, пятьдесят молодых ратоборцев
 Выслали тайно в засаду; и два их вождя предводили:
 Меон младый, Гемонид, обитателям неба подобный,
 395 И Автофонов сын, Ликофон, ненасытимый боем.
 Но Тидей и для них жестокий конец уготовил:
 Всех поразил их и дал лишь единому в дом возвратиться;
 Меона он отпустил, покоряясь знаменьям бога.
 Так был воинствен Тидей этолиец! Но сына родил он,
 400 Доблестью бранною низшего, высшего только витийством”.

Рек он; ни слова царю Диомед не отвечивал храбрый,
 Внемя с почтеньем укоры почтенного саном владыки;
 Но возразил Агамемнону сын Капанея героя:
 “Нет, о Атрид, не неправдуй, тогда как и правду ты знаешь,
 405 Мы справедливо гордимся, что наших отцов мы храбрее:
 Воинство в меньшем числе приведя под Арееву стену,
 Мы и престольные Фивы разрушили, град семивратный,
 Знаменьям веря богов и надеясь на Зевсову помощь.

410 Наши ж отцы своим безрассудством себя погубили.
Славы отцов не равняй, Агамемнон, со славою нашей!"

Грозно взглянув на него, возразил Диомед благородный:
"Молча стой, Капанид, моему повинуюсь совету:
Я не вменяю в вину, что владыка мужей Агамемнон
Дух возбуждает к сражению пышнопоножных данаев.
415 Слава ему, предводителю, если данайские мужи
Мощь одолеют троян и святой Илион завоюют;
Тяжкая горесть ему же, когда одолеют данаев.
Но устремимся, и сами вспомним кипящую храбрость!"

420 Рек — и с высот колесницы с оружием прынул на землю.
Страшно медь зазвучала вокруг персей царя Диомеда,
В бой полетевшего; мужа храбрейшего обнял бы ужас.

Словно ко берегу гремячему быстрые волны морские
Идут, грядя за грядою, клубимые Зефиром ветром;
Прежде средь моря они воздымаются; после, нахлынув,
425 С громом об берег дробятся ужасным, и выше утесов
Волны понурые плещут и брызжут соленую пену, —
Так непрестанно, толпа за толпою, данаев фаланги
В бой устремляются; каждой из них отдает повеленья
Вождь, а воины идут в молчании; всякий спросил бы:
430 Столько народа идущего в персях имеет ли голос?
Вой молчат, почитая начальников: пышно на всех их
Пестрые сбруи сияют, под коими шествуют стройно.
Но трояне, как овцы, богатого мужа в овчарне
Соя тмочисленные и млеком наполняя дойницы,
435 Все непрестанно блеют, отвечая бляению агнцев, —
Крик такой у троян раздавался по рати великой;
Крик сей и звук их речей не у всех одинаковы были,
Но различный язык разноземных народов союзных.
Их возбуждает Арей, а данаев Паллада Афина,
440 Ужас насильственный, Страх и несытая бешенством Распря,
Бога войны, мужегубца Арея сестра и подруга:
Малая в самом начале, она пресмыкается; после

В небо уходит главой, а стопами по долу ступает.
 445 Распря, на гибель взаимную, сеяла ярость меж ратей,
 Рыща кругом по толпам, умирающих стон умножая.

Рати, одна на другую идущие, чуть соспустились,
 Разом сразились кожи, сразились копыя и силы
 Воинов, медью одеянных; выпуклобляшные разом
 450 Сшиблись щиты со щитами; гром раздался ужасный.
 Вместе смешались победные крики и смертные стоны
 Боев губящих и гибнущих; кровью земля заструилась.
 Словно когда две реки наводненные, с гор низвергаясь,
 Обе в долину единую бурные воды сливаются,
 Обе из шумных истоков бросаясь в пучинную пропасть;
 455 Шум их далеко пастырь с утеса нагорного слышит, —
 Так от сразившихся воинств и гром разлился и ужас.

Первый тогда Антилох поразил у троян браноносца
 Храброго, между передних, Фализия ветвь, Эхепола.
 Быстро его поражает он в бляху косматого шлема
 460 И пронзает чело: пробежало глубоко внутрь кости
 Медное жало, и тьма Эхеполовы очи покрыла;
 Грянулся он, как великая башня средь бурного боя.
 Тело упавшего за ноги царь захватил Элефенор,
 Сын Халкодонов, воинственный вождь крепкодушных
 абантов,

465 И повлек из-под стрел, поспешая скорее с троянца
 Латы совлечь — но не долго его продолжалась забота:
 Влекшего труп усмотрев, крепкодушный воитель Агенор
 В бок, при наклоне его от ограды щита обнаженный,
 Сулицей медной пронзил и могучего крепость разрушил.
 470 Там он дух испустил, и при нем загорелось дело, —
 Яростный бой меж троян и ахеян: как волки, бросались
 Вои одни на других; человек с человеком сцеплялся.

Тут поражен Теламонидом сын Анфемииона юный,
 Жизнью цветущий, герой Симоисий, которого мать,
 475 Некогда с Иды сошедшая вместе с своими родными

Видеть стада, родила на зеленых берегах Симоиса;
 Родшийся там, наречен Симоисием, но и родившим
 Он не воздал за свое воспитание: краток во цвете
 Был его век, Теламонова сына копьем пресеченный.
 480 Он устремлялся вперед, как его поразил Теламонид
 В грудь близ десного сосца; на другую страну через рамо
 Вышло копье, и на землю нечистую пал он, как тополь,
 Влажного луга питомец, при блате великом возросший,
 Ровен и чист, на единой вершине раскинувший ветви,
 485 Тополь, который избрав, колесничник железом блестящим
 Ссек, чтоб в колеса его для прекрасной согнуть колесницы;
 В прахе лежит он и сохнет на берегу потока родного, —
 Юный таков Симоисий лежал, обнаженный доспехов
 Мощным Аяксом. В Аякса же вдруг Приамид пестролатный
 490 Антиф, наметя меж толпища, пикою острой ударил,
 Но промахнулся; она Одиссеева доброго друга
 Левка ударила в пах, увлекавшего мертвое тело;
 Вырвалось тело из рук, и упал он близ мертвого мертвый.
 Гневом герой Одиссей за его, пораженного, вспыхнул;
 495 Выступил дальше передних, колебля сверкающей медью;
 К телу приближаясь, стал и, кругом оглянувшись, мощно
 Ринул блистающий дрот: отступили враги от удара
 Мужа могучего; он же копье не напрасное ринул:
 Демокоона уметил, побочного сына Приама,
 500 В дом из Абида притекшего, с паств кобылиц легконогих.
 Пикой его Лаэртид, раздраженный за друга, уметил
 Прямо в висок: на другую страну сквозь висок просверкнула
 Острая пика, — и тьма Приамидовы очи покрыла:
 С шумом на дол он упал, и взгремели на падшем доспехи.
 505 Вспять подались и передних ряды, и божественный Гектор;
 Громко вскричали ахейяны сыны и, похитивши трупы,
 Ринулись прямо, пробившись вперед; Аполлон раздражился,
 Смотря с Пергамских высот, и воскликнул, троян возбуждая:
 510 «Конники Трои, вперед! не давайте вы бранного поля
 Гордым ахейцам; их груди не камень, тела не железо,
 Чтобы меди удары, пронзающей тело, ничтожить.

Днесь и Пелид не воинствует, сын лепокудрой Фетиды:
Он пред судами гнев, сокрушительный сердцу, питает”.

515 Так им из града гремел он, ужасный; но воев ахейских
Зевсова славная дочь, Тритогея, дух возбуждала,
Быстро носясь по толпам, где медлительных видела воев.

Тут Амаринкова сына, Диора, судьба оковала:
Камнем он был поражен рукометным, жестоко зубристым
520 В правую голень: его поразил предводитель фракийян,
Пирос герой, Имбразид, к Илиону из Эны притекший.
Обе на голени жилы и кость раздробил совершенно
Камень бесстыдный, и навзничь, шатаясь, в прах Амаринкид
Грянулся, руки дрожащие к милым друзьям простирая,
Дух предающий; а тут прилетел поразивший фракиец,
525 Пирос могучий, и пику вонзил средь утробы; на землю
Вылилась внутренность вся, — и мрак осенил ему очи.

Пироса бурного пикой ударил Фоас этолиец
В перси, выше сосца, и вонзилася в легкое пика.
Быстро примчался Фоас этолиец; могучую пику
530 Вырвал из персей фракийца и, меч обнажив изощренный,
В чрево его посредине ударил и душу исторгнул;
Сбруи ж похитить не мог: обступали героя фракийцы,
Мужи высокочубастые, грозно уставивши копья.
Ими, сколь ни был огромен, и крепок, и мужеством славен,
535 Прогнан Фоас; и назад отступил, поколебанный силой.
Так по кровавому праху один близ другого простерлись
Копьями грозных фракийян и меднооружных эпеян
Два воеводы, и окрест их многие пали другие.

Делу сему не хулу произнес бы свидетель присущий,
540 Если б, еще невредимый, не раненный острою медью,
Он среди боя вращался и если б Афины Паллады
Дланию был предводим и от ярости стрел охраняем.
Много и храбрых троян, и могучих данаев в день оный
Ниц по кровавому праху простерлося друг подле друга.

Песнь пятая
ПОДВИГИ ДИОМЕДА

- В оное время Афина Тидея великого сыну
Крепость и смелость дала, да отличнейшим он между всеми
Аргоса воями будет и громкую славу стяжает.
- 5 Пламень ему от щита и шелома зажгла неугасный,
Блеском подобный звезде той осенней, которая в небе
Всех светозарнее блещет, омывшись в волнах Океана, —
Пламень подобный зажгла вокруг главы и рамен Диомеда
И устремила в средину, в ужасное брани волнение.
- 10 Был в Илионе Дарес, непорочный священник Гефеста,
Муж и богатый и славный, и было у старца два сына,
Храбрый Фегес и Идей, в разнородных искусные битвах.
Оба они, отделясь, полетели против Диомеда;
Но они на конях, — Диомед устремляется пеший.
Только лишь стали сближаться, идущие друг против друга,
- 15 Первый троянец Фегес устремил длиннотенную пику:
Низко, блестящая жалом, над левым плечом Диомеда
Медь пронеслася, не ранив его; и воздвигнулся с пикой
Он, и его не напрасно копьё из руки полетело:
В грудь меж сосцов поразил и противника сбил с колесницы.
- 20 Спрянул Идей, побежал, колесницу прекрасную бросив;
В трепете сердца не смел защитить и убитого брата;
Он бы и сам не избег от грозящего, черного рока,
Но исторгнул Гефест и, покрытого мрачностью ночи,
Спас, да не вовсе отец сокрушится печалью о детях.
- 25 Коней меж тем изловив, Диомед, воеватель могучий,
Вверил дружине, да гонят к судам многоместным. Трояне,
Бодрые в битве дотоле, узрев, что Даресовы чада —
Тот уstraшенный бежит, а другой с колесницы низвержен,
Духом смугилися все: и тогда Паллада Афина,
- 30 За руку взявши, воскликнула к бурному богу Арею:
“Бурный Арей, истребитель народов, стен сокрушитель,
Кровью покрытый! не бросим ли мы и троян и ахеян

Спорить одних, да Кронид промыслитель им славу присудит?
Сами ж с полей не сойдем ли, да Зевсова гнева избегнем?”

35 Так говоря, из сражения вывела бурного бога
И посадила его на возвышенном бреге Скамандра.
Гордых троян отразили данаи; низверг браноносца
Каждый их вождь; и первый владыка мужей Агамемнон
40 Мощного сбил с колесницы вождя гализонов, Годия:
Первому, в бег обращенному, пику ему Агамемнон
В спину меж плеч углубил и сквозь перси широкие выгнал;
С шумом на землю он пал, и взгремели на падшем доспехи.

Идоменей поразил меонийцем рожденного Бором
Феста, притекшего к брани из Тарны, страны плодоносной.
45 Мужа сего Девкалид копьеносец копьем длиннотенным
Вдруг, в колесницу всходившего, в правое рамо ударил:
В прах с колесницы он пал и ужасною тьмою окружился;
Быстро его обнажили царя Девкалида клеветры.

Там же Скамандрий Строфид, молодой звероловец искусный,
50 Пал, Менелая Атрида поверженный ясенной пикой,
Славный стрелец; изученный самою богинею Фебой,
Всех он зверей поражал, и холмов и дубравы питомцев;
Но его не спасла ни стрельбой веселящаясь Феба,
Ни искусство, каким он, стрелец дальнометкий, гордился:
55 Юношу сильный Атрид Менелай, знаменитый копейщик,
Близко его убегавшего, ясенной пикою острой
В спину меж плеч поразил и сквозь перси кровавую выгнал:
Грянулся в прах он лицом, зазвучала кругом его сбруя.

Вождь Мерион Ферекла повергнул, Гармонова сына,
60 Зодчего мужа, которого руки во всяком искусстве
Опытны были; его безмерно любила Паллада;
Он и Парису герою суда многовеселье строил,
Бедствий начало, навлекшие гибель как всем илионцам,
Так и ему: не постигнул судеб он богов всемогущих.
65 Воя сего Мерион, пред собою гоня и настигнув,

Быстро в десное стегно поразил копием, — и глубоко,
 Прямо в пузырь, под лобковую костью, проникнуло жало:
 С воплем он пал на колена, и падшего Смерть осенила.

Мегес Педея сразил, Антенорова храброго сына.

- 70 Сын незаконный он был, но его воспитала Феана
 С нежной заботой, как собственных чад, угождая супругу.
 Мегес Филид, на него устремяся, копейщик могучий,
 В голову около тыла копьем поразил изошренным.
 Медь, меж зубов пролетевши, подсекла язык у Педея:
 75 Грянулся в прах он и медь холодную стиснул зубами.

Вождь Эврипил Эвемонид сразил Гипсенора героя,
 Ветвь Долопиона старца, который, возвышенный духом,
 Был у Скамандра священник и чтился как бог от народа.
 Мужа сего Эврипил, блистательный сын Эвемонов,
 80 В бегстве узрев пред собою, догнал на бегу и по раму
 Острым мечом поразил и отнес жиловатую руку;
 Там же рука кровавая пала на прах, и троянцу
 Очи смежила кровавая Смерть и могучая Участь.

- Так воеводы сии подвизались на пламенной битве.
 85 Но Диомеда вождя не узнал бы ты, где он вращался,
 С кем воевал, с племенами троян, с племенами ль ахеян?
 Реял по бранному полю, подобный реке наводненной,
 Бурному в осень разливу, который мосты рассыпает;
 Бега его укротить ни мостов укрепленных раскаты,
 90 Ни зеленых полей удержать плотины не могут,
 Если незапный он хлынет, дождем отягченный Зевеса;
 Вкруг от него рассыпаются юношей красных работы, —
 Так от Тидида кругом волновались густые фаланги
 Трои сынов и стоять не могли, превосходные силой.

- 95 Скоро героя увидел блистательный сын Ликаонов,
 Как он, крутясь по полям, волновал пред собою фаланги;
 Скоро на сына Тидеева лук напрягал со стрелой
 И, на скакавшего бросив, уметил по правому раму

В бронную лату. Насквозь пролетела крылатая стрелка,
 100 Прямо вонзилась в плечо: оросилась кровию броня.
 Громко воскликнул, гордяся, блистательный сын Ликаонов:
 “Друзи, вперед! ободритесь, трояне, бодатели коней!
 Ранен славнейший аргивец; и он, уповаю, не может
 Долго бороться с стрелою могучею, ежели точно
 105 Феб сребролукий меня устремил из пределов ликийских!”

Так он кричал, возносясь; но героя стрела не смирила:
 Мало Тидид отступив, впереди колесницы и коней
 Стал и к Сфенелу воззвал, Капанееву храброму сыну:
 “Друг Капанид, поспеши на мгновенье сойти с колесницы,
 110 Чтоб извлечь у меня из рама горькую стрелу”.

Так он сказал, — и Сфенел с колесницы спрянул на землю;
 Стал за хребтом и из рама извлек углубившуюсь стрелу;
 Брызнула быстро багряная кровь сквозь кольчатую броню;
 И взмолился тогда Диомед, воеватель могучий:
 115 “Слух преклони, необорная дочь громоносного Зевса!
 Если ты мне и отцу поборать благосклонно любила
 В брани пылающей, будь мне еще благосклонной, Афина!
 Дай мне того изойти и копейным ударом постигнуть,
 Кто, упредивши, меня уязвил и надмен предвещает, —
 120 В жизни недолго мне видеть свет лучезарного солнца!”

Так восклицал он, молясь, и вняла ему дочь громовержца;
 Члены героя соделала легкими, ноги и руки,
 И, приблизясь к нему, провещала крылатые речи:
 “Ныне дерзай, Диомед, и без страха с троянами ратуй!
 125 В перси тебе я послала отеческий дух сей бесстрашный,
 Коим, щита потрясатель, Тидей, обладал, конеборец;
 Мрак у тебя от очей отвела, окружавший их прежде;
 Ныне ты ясно познаешь и бога, и смертного мужа.
 Шествуй, и если бессмертный, тебя искушая, предстанет,
 130 Ты на бессмертных богов, Диомед, не дерзай ополчаться,
 Кто ни предстанет; но если Зевсова дочь Афродита
 Явится в брани, рази Афродиту острою медью”.

Так говоря, отошла светлоокая дочь громовержца.
 135 Сын же Тидеев, назад обратившись, стал меж передних,
 И, как ни пламенно прежде горел он с врагами сражаться,
 Ныне трикраты сильнейшим, как лев, распылался он жаром,
 Лев, которого пастырь в степи, у овец руноносных,
 Ранил легко, чрез ограду скакавшего, но, не сразивши,
 140 Силу лишь в нем пробудил; и уже, отразить не надеясь,
 Пастырь под сень укрывается; мечутся сирые овцы;
 Вкруг по овчарне толпятся, одни на других упадают;
 Лев распаленный назад, чрез высокую скачет ограду, —
 Так распаленный Тидид меж троян ворвался, могучий.

Там Астиноя поверг и народов царя Гипенора;
 145 Первого в грудь у сосца поразил медножальною пикой,
 А другого мечом, по плечу возле выи, огромным
 Резко ударив, плечо отделил от хребта и от выи.
 Бросивши сих, на Абаса напал и вождя Полиида,
 Двух Эвридама сынов, сновидений гадателя-старца;
 150 Им, отходящим, родитель не мог разгадать сновидений;
 С них Диомед могучий, с поверженных, сорвал корысти.
 После пошел он на Ксанфа и Фоона, двух Фенопидов,
 Фенопса поздних сынов; разрушаемый старостью скорбной,
 Он не имел уже сына, кому бы стяжанья оставить.
 155 Их Диомед повергнул и сладкую жизнь у несчастных
 Братьев похитил; отцу же — и слезы, и мрачные скорби
 Старцу оставил: детей, возвратившихся с брани кровавой,
 Он не обнял; наследство его разделили чужие.

Там же двух он сынов захватил Дарданида Приама,
 160 Бывших в одной колеснице, Хромия и с ним Эхемона;
 И, как лев на тельцов нападает и вдруг сокрушает
 Выю тельцу иль телице, пасущимся в роще зеленой, —
 Так обоих Приамидов с коней Диомед, не хотящих,
 Сбил беспощадно на прах и сорвал с пораженных доспехи,
 165 Коней же отдал клеветам, да гонят к кормам корабельным.

Храбрый Эней усмотрел истребителя строев троянских;
 Быстро пошел сквозь гремящую брань, сквозь жужжащие копья,
 Пандара, богу подобного, смотря кругом, не найдет ли;
 Скоро нашел Ликаонова храброго, славного сына,
 170 Стал перед ним и такие слова говорил, негодуя:
 “Пандар! где у тебя и лук, и крылатые стрелы?
 Где твоя слава, которой никто из троян не оспорил
 И в которой ликиец тебя превзойти не гордился?
 Длани к Зевесу воздень и пусти ты пернатую в мужа,
 175 Кто бы он ни был, могучий: погибели много нанес он
 Ратям троянским; и многим и сильным сломил он колена?
 Разве не есть ли он бог, на троянский народ раздраженный?
 Гневный, быть может, за жертвы? а гнев погибелен бога!”

Быстро Энею отвечивал славный сын Ликаонов:
 180 “Храбрый Эней, благородный советник троян меднолатных!
 Сыну Тидея могучему, кажется, муж сей подобен:
 Щит я его узнаю и с забралом шелом дыроокий;
 Вижу его и коней, но не бог ли то, верно не знаю.
 Если сей муж, как поведал я, сын бранодушный Тидеев,
 185 Он не без бога свирепствует; верно, при нем покровитель
 Бог предстоит, обвив рамена свои облаком темным:
 Он от него и стрелу налетающую быстро оттринул.
 Я уже бросил стрелу и уметил Тидеева сына
 В рамо десное, пробив совершенно доспешную лату,
 190 И уже уповал, что его я повергну к Аиду;
 Нет, не повергну! Есть, без сомнения, бог прогневленный!
 Коней со мною здесь нет, для сражения нет колесницы;
 В Зелии, в доме отца, у меня их одиннадцать пышных,
 Новых, недавно отделанных; к бережи их, покрывала
 195 Окрест висят, и для каждой из них двуяремные кони
 Подле стоят, утучнялся полбой и белым ячменем.
 Нет, не напрасно меня Ликаон, воинственный старец,
 Так увещал, отходящего к брани, в отеческом доме:
 Старец наказывал мне, ополчась на конях, в колеснице
 200 Трои сынов предводить на побоищах бурных сражений.

Я не послушал отца, а сие бы полезнее было.
 Коней хотел пощадить, чтоб у граждан, в стенах заключенных,
 В корме они не нуждались, привыкнув питаться роскошно.
 Коней оставил и так устремился я пеш к Илиону,
 205 Твердо надежный на лук, но сей лук для меня не помощник!
 В двух воевод знаменитейших бросил я меткие стрелы:
 В сына Тидея и в сына Атрея; того и другого
 Ранивши, светлую кровь я извлек и озлобил их больше.
 В злую годину, я вижу, и лук, и пернатые стрелы
 210 Снял со столба я в тот день, как решился в веселую Трою
 Рати троянские весть, угождая Приамову сыну.
 Если я вспять возвращусь и увижу моими очами
 Землю родную, жену и отеческий дом наш высокий, —
 Пусть иноземец враждебный тогда же мне голову срубит,
 215 Если я лук сей и стрелы в пылающий пламень не брошу,
 В щепы его изломав: бесполезный он был мне спутник!”

Пандару быстро Эней, предводитель троян, возражает:
 “Так не вещай, Ликаонид любезный! не будет иначе
 220 Прежде, нежели мы человека сего, в колеснице
 Противостав, не изведем оба оружием нашим.
 Шествуй ко мне, взойди на мою колесницу, увидишь,
 Троса кони каковы, несказанно искусные полем
 Быстро летать и туда и сюда, и в погоне и в бегстве.
 К граду и нас унесут они, бурные, если б и снова
 225 Славу Зевс даровал Диомеду, Тидееву сыну.
 Шествуй, любезный; и бич, и блестящие конские вожжи
 В руки прими ты, а я с колесницы сойду, чтоб сразиться.
 Или врага принимай ты, а я озабочусь конями”.

Но ему возражает блистательный сын Ликаонов:
 230 “Сам удержи ты бразды и правь своими конями:
 Прытче они под возницей привычным помчат колесницу,
 Ежели мы побежим пред могучим Тидеевым сыном.
 Или они, оробевши, замнутя и с бранного поля
 Нас понесут неохотно, знакомого крика не слыша.
 235 Тою порою нагрянет на нас Диомед дерзновенный,

Нас обоих умертвит и похитит коней знаменитых.
Ты, Анхизид, удержи и бразды, управляй и конями;
Я же его, налетевшего, пикою острою встречу”.

240 Так сговорясь и оба в блистательной став колеснице,
Вскачь на Тидеева сына пустили коней быстроногих.
Их усмотревши, Сфенел, знаменитый сын Капанеев,
К сыну Тидея немедля крылатую речь устремляет:
“Храбрый Тидид Диомед, о друг, драгоценнейший сердцу!
Вижу могучих мужей, налетающих биться с тобою.
245 Мощь обоих неизмерима: первый – стрелец знаменитый
Пандар, гордящийся быть Ликаона Ликийского сыном;
Тот же – троянец Эней, добродушного мужа Анхиза
Сын, нарицающий матерью Зевсову дочь Афродиту.
Стань в колесницу, и вспять мы уклонимся; так не свирепствуй,
250 Между передних бросаясь, да жизни своей не погубишь”.

Грозно взглянув на него, отвечал Диомед нестрашимый:
“Смолкни, о бегстве ни слова! к нему ты меня не преклонишь!
Нет, не в породе моей, чтобы вспять отступать из сражений,
Или, робея, скрываться: крепка у меня еще сила!
255 Мне даже лень входить в колесницу; но так, как ты видишь,
Пеш против них я иду; трепетать не велит мне Афина.
Их в колеснице обратно не вынесут быстрые кони;
Оба от нас не уйдут, хоть один и укрылся бы ныне.
Молвлю тебе я иное, а ты сохрани то на сердце:
260 Ежели мне Тритогеия мудрая славу дарует
Их обоих поразить, быстроногих ты собственных коней
Здесь удержи, затянувши бразды за скобу колесницы;
Сам, не забудь, Капанид, на Энеевых коней ты бросься
И гони от троян к ополчениям храбрых данаев.
265 Кони сии от породы, из коей Кронид громовержец
Тросу ценою за сына, за юного дал Ганимеда;
Кони сии превосходнее всех под авророй и солнцем.
Сей-то породы себе у царя Лаомедона тайно
Добыл Анхиз властелин, из своих кобылиц подославши:
270 Шесть у Анхиза в доме родилось породы сей коней;

Он, четырех удержав при себе, воспитал их у яслей;
 Двух же Энею отдал, разносящих в сражениях ужас.
 Если сих коней похитим, стяжаем великую славу!”

275 Тою порой, как на месте герои взаимно вещали,
 Близко враги принеслися, гонящие коней их бурных.
 Первый к Тидиду воскликнул блистательный сын Ликаонов:
 “Пламенный сердцем, воинственный, сын знаменитый Тидея!
 Быстрой моею стрелой не смирен ты, пернатой горькой;
 280 Ныне еще испытаю копьем, не вернее ль умечу”.
 Рек он — и, мощно сотрясши, послал длиннотенную пику
 И поразил по щиту Диомеда; насквозь совершенно
 Острая медь пролетела и звучно ударилась в броню.

Радуюсь, громко воскликнул блистательный сын Ликаонов:
 285 “Ранен ты в пах и насквозь! и теперь, я надеюсь, не долго
 Будешь страдать; наконец даровал ты мне светлую славу!”
 Быстро ему, не смутясь, отвечал Диомед благородный:
 “Празден удар, ты обманут! но вы, я надеюсь, оба
 Прежде едва ль отдохнете, доколе один здесь не ляжет
 Кровью своею насытить несытого бранью Арея!”

290 Так произнес — и поверг; и копье направляет Афина
 Пандару в нос близ очей: пролетело сквозь белые зубы,
 Гибкий язык сокрушительной медью при корне отсекло
 И, острием просверкнувши насквозь, замерло в подбородке.
 Рухнулся он с колесницы, взгремели на падшем доспехи
 295 Пестрые, пышноблестящие; дрогнули тросские кони
 Бурные; там у него и душа разрешилась и крепость.

Прянул на землю Эней со щитом и с огромною пикой
 В страхе, да Пандаров труп у него не похитят ахейцы.
 Около мертвого ходя, как лев, могуществом гордый,
 300 Он перед ним и копье уставлял, и щит круговидный,
 Каждого, кто б ни приблизился, душу исторгнуть грозящий
 Криком ужасным. Но камень рукой захватил сын Тидеев,
 Страшную тягость, какой бы не подняли два человека

305 Ныне живущих людей, — но размахивал им и один он;
 Камнем Энея таким поразил по бедру, где кругая
 Лядвея ходит в бедре по составу, зовоному чашкой:
 Чашку удар раздробил, разорвал и бедерные жилы,
 Сорвал и кожу камень жестокий. Герой пораженный
 310 Пал на колено вперед; и, колеблясь, могучей рукою
 В дол упирался, и взор его черная ночь осенила.

Тут неизбежно погиб бы Эней, предводитель народа,
 Если б того не увидела Зевсова дочь Афродита,
 Матерь, его породившая с пастырем юным, Анхизом.
 Около милого сына обвив она белые руки,
 315 Ризы своей перед ним распростерла блестящие сгибы,
 Кроя от вражеских стрел, да какой-либо конник данайский
 Медью персей ему не пронзит и души не исторгнет,
 Так уносила Киприда любезного сына из боя.

Тою порою Сфенел Капанид не забыл наставлений,
 320 Данных ему Диомедом, воинственным сыном Тидея:
 Коней своих звуконогих вдали от бранной тревоги
 Он удержал и, бразды затянув за скобу колесницы,
 Бросился быстро на праздных Энея коней пышногривых,
 И, отогнав от троян к меднолатным дружинам ахеян,
 325 Другу отдал Деипилу, которого сверстников в сонме
 Более всех он любил, по согласию чувств их сердечных,
 Гнать повелев к кораблям мореходным; сам же, бесстрашный,
 Став в колеснице своей и блестящие вожжи ослабив,
 Вслед за Тидидом царем на конях звуконогих понесся,
 330 Пламенный. Тот же Киприду преследовал медью жестокой,
 Знав, что она не от мощных богинь, не от оных бессмертных,
 Кои присутствуют в бранях и битвы мужей устроят,
 Так, как Афина или как громящая грады Энио.
 И едва лишь догнал, сквозь густые толпы пролетая,
 335 Прямо оставив копьё, Диомед, воеватель бесстрашный,
 Острую медь устремил и у кисти ранил ей руку
 Нежную: быстро копьё сквозь покров благовонный, богине
 Тканый самими Харитами, кожу пронзило на длани

Возле перстов; заструилась бессмертная кровь Афродиты,
 340 Влага, какая струится у жителей неба счастливых:
 Ибо ни брашн не ядят, ни от гроздий вина не вкушают;
 Тем и бескровны они, и бессмертными их нарицают.
 Громко богиня вскричав, из объятий бросила сына;
 На руки быстро его Аполлон и приял и избавил,
 345 Облаком черным покрыв, да какой-либо конник ахейский
 Медию персей ему не пронзит и души не исторгнет.

Грозно меж тем на богиню вскричал Диомед воеватель:
 “Скройся, Зевесова дочь! удалися от брани и боя.
 Или еще не довольно, что слабых ты жен обольщаешь?
 350 Если же смеешь и в брань ты мешаться, вперед, я надеюсь,
 Ты ужаснешься, когда и название брани услышишь!”

Рек, — и она удаляется смутная, с скорбью глубокой.
 Быстро Ирида ее, поддержав, из толпищ выводит
 В омраке чувств от страданий; померкло прекрасное тело!
 355 Скоро ошуюю брани богиня находит Арея;
 Там он сидел; но копье и кони бессмертные были
 Мраком одеты; упав на колена, любезного брата
 Нежно молила она и просила коней златосбруйных:
 “Милый мой брат, помоги мне, дай мне коней с колесницей,
 360 Только достигнуть Олимпа, жилища богов безмятежных.
 Страшно я мучуся язвою; муж уязвил меня смертный,
 Вождь Диомед, который готов и с Зевесом сразиться!”

Так изрекла, — и Арей отдает ей коней златосбруйных.
 Входит она в колесницу с глубоким крушением сердца;
 365 С нею Ирида взошла и, бразды захвативши в десницу,
 Коней стегнула бичом; полетели послушные кони;
 Быстро достигнули высей Олимпа, жилища бессмертных.
 Там удержала коней ветроногая вестница Зевса
 И, отрешив от ярма, предложила амброзию в пищу.
 370 Но Киприда стелящая пала к коленам Дионы,
 Матери милой, и мать в объятия дочь заключила,
 Нежно ласкала рукой, вопрошала и так говорила:

“Дочь моя милая, кто из бессмертных с тобой дерзновенно
Так поступил, как бы явно какое ты зло сотворила?”

375 Ей, восстенав, отвечала владычица смехов Киприда:
“Ранил меня Диомед, предводитель аргосцев надменный,
Ранил за то, что Энея хотела я вынести из боя,
Милого сына, который всего мне любезнее в мире.
Ныне уже не троян и ахеян свирепствует битва;
380 Ныне с богами сражаются гордые мужи данаи!”

Ей богиня почтенная вновь говорила Диона:
“Милая дочь, ободришь, претерпи, как ни горестно сердцу.
Много уже от людей, на Олимпе живущие боги,
Мы пострадали, взаимно друг другу беды устроая.
385 Так пострадал и Арей, как его Эфиальтес и Отос,
Два Алоида огромные, страшною цепью сковали:
Скован, тринадцать он месяцев в медной темнице томился.
Верно бы там и погибнул Арей, ненасытимый бранью,
Если бы мачеха их, Эрибея прекрасная, тайно
390 Гермесу не дала вести: Гермес Арея похитил,
Силы лишенного: страшные цепи его одолели.
Гера подобно страдала, как сын Амфитриона мощный
В перси ее поразил треконечною горькой стрелою.
Лютая боль безотрадная Геру богиню терзала!
395 Сам Айдес, меж богами ужасный, страдал от пернатой.
Тот же погибельный муж, громовержцева отрасль, Айдеса,
Ранив у врат подле мертвых, в страдания горькие ввергнул.
Он в Эгиохов дом, на Олимп высокий вознесся,
Сердцем печален, болезнью терзаем; стрела роковая
400 В мощном Айдесовом раме стояла и мучила душу.
Бога Пеан врачевством, утоляющим боли, осыпав,
Скоро его исцелил, не для смертной рожденного жизни.
Дерзкий, неистовый! он не страшась совершал злодеянья:
Луком богов оскорблял, на Олимпе великом живущих!
405 Но на тебя Диомеда воздвигла Паллада Афина.
Муж безрассудный! не ведает сын дерзновенный Тидеев:
Кто на богов ополчается, тот не живет долголетен;

Дети отцом его, на колени сядя, не кличут
 В дом свой пришедшего с подвигов мужеубийственной брани.
 410 Пусть же теперь сей Тидид, невзирая на гордую силу,
 Мыслит, да с ним кто иной, и сильнейший тебя, не сразится;
 И Адрастова дочь, добродушная Эгиалея,
 Некогда воплем полночным от сна не разбудит домашних,
 С грусти по юном супруге, храбрейшем герое ахейском,
 415 Верная сердцем супруга Тидида, смирителя коней”.

Так говоря, на руке ей бессмертную кровь отирала:
 Тяжкая боль унялась, и незапно рука исцелела.
 Тою порою, зревшие всё, и Афина и Гера
 Речью язвительной гнев возбуждали Крониона Зевса;
 420 Первая речь начала светлоокая дева Афина:
 “Зевс, наш отец, не прогневаю ль словом тебя я, могучий?
 Верно, ахеянку новую ныне Киприда склоняла
 Ввериться Трои сынам, беспредельно богине любезным?
 И, быть может, ахеянку в пышной одежде лаская,
 425 Пряжкой златою себе поколола нежную руку?”

Так изрекла; улыбнулся отец и бессмертных и смертных
 И, призвав пред лицо, провещал ко златой Афродите:
 “Милая дочь! не тебе заповеданы шумные брани.
 Ты занимайся делами приятными сладостных браков;
 430 Те же бурный Арей и Паллада Афина устроят”.

Так взаимно бессмертные между собою вещали.
 Тою порой на Энея напал Диомед нестрашимый:
 Зная, что сына Анхизова сам Аполлон покрывает,
 Он не страшился ни мощного бога; горел непрестанно
 435 Смерти Энея предать и доспех знаменитый похитить.
 Трижды Тидид напал, умертвить Анхизида пылая;
 Трижды блистательный щит Аполлон отражал у Тидида;
 Но, лишь в четвертый раз налетел он, ужасный, как демон,
 Голосом грозным к нему провещал Аполлон дальновержец:
 440 “Вспомни себя, отступи и не мысли равняться с богами,
 Гордый Тидид! никогда меж собою не будет подобно
 Племя бессмертных богов и по праху влачащихся смертных!”

- Так провещал, — и назад Диомед отступил недалеко,
 Гнева боящийся бога, далеко разящего Феба.
 445 Феб же, Энея похитив из толпищ, его полагает
 В собственном храме своем, на вершине святого Пергама.
 Там Анхизиду и Лета и стрелолюбивая Феба
 Сами в великом святилище мощь и красу возвращали.
 Тою порой Аполлон сотворил обманчивый призрак —
 450 Образ Энея живой и оружием самым подобный.
 Около призрака Трои сынов и бесстрашных данаев
 Сшиблись ряды, разбивая вкрут персей воловые кожи
 Пышных кругами щитов и крылатых щитков легкометных.
 К богу Арею тогда провещал Аполлон дальновержец:
 455 “Бурный Арей, мужегубец кровавый, стен разрушитель!
 Или сего человека из битв удалить не придешь ты,
 Воя Тидида, который готов и с Кронидом сразиться?
 Прежде богиню Киприду копьём поразил он в запястье;
 Здесь на меня самого устремился ужасный, как демон!”
- 460 Так произнесши, воссел Аполлон на вершинах Пергама;
 Но свирепый Арей троян возбудить устремился,
 Вид Акамаса приняв, предводителя быстрого фраков.
 Звучно к сынам Приама, питомца Зевеса, взывал он:
 “О сыны Приама, хранимого Зевсом владыки!
 465 Долго ль еще вам убийство троян попускать аргивянам?
 Или пока не начнут при вратах Илиона сражаться?
 Пал воевода, почтенный для нас, как божественный Гектор!
 Доблестью славный Эней, знаменитая отрасль Анхиза!
 Грянем, из бранной тревоги спасем благородного друга!”
- 470 Так говоря, возбудил он и силу и мужество в каждом.
 Тут Сарпедон укорять благородного Гектора начал:
 “Гектор! где твое мужество, коим ты прежде гордился?
 Град, говорил, защитит без народа, без ратей союзных
 Можешь один ты с зятьями и братьями; где ж твои братья?
 475 Здесь ни единого я не могу ни найти, ни приметить.
 Все из сражения прячутся, словно как псы перед скимном;

Мы же здесь ратуем, мы, чужеземцы, притекшие в помощь;
 Ратую я, союзник ваш, издалека пришедший.
 Так, и ликийские доли, и ксанфские воды — далеки,
 480 Где я оставил супругу любезную, сына-младенца
 И сокровища многие, коих убогий алкает.
 Но, невзирая на то, предвожу ликийян, и готов я
 С мужем сразиться и сим, ничего не имея в Троаде,
 Что бы могли у меня иль унести, иль увести аргивяне.
 485 Ты ж — неподвижен стоишь и других не бодришь ополчений
 Храбро стоять, защищая и жен и детей в Илионе.
 Гектор, блюдишь, да объяты, как всеувлекающей сетью,
 Все вы врагов разъяренных не будете плен и добыча!
 Скоро тогда сопостаты разрушат ваш град велелепный!
 490 Ты о делах сих заботиться должен и денно и ночью,
 Должен просить воевод, дальноземных союзников ваших,
 Бой непрестанно вести, а грозы и упреки оставить”.

Так говорил он, — и речь уязвила Гектора сердце:
 Быстро герой с колесницы с оружием прынул на землю:
 495 Острые копыта колебля, кругом полетел по дружинам,
 В бой распаяя сердца; и возжег он жестокую сечу!
 Вспять возвратились трояне и стали в лицо аргивянам;
 Те же, сомкнувши ряды, нажидали врагов, не робели.

Так, если ветер плевых рассеивает по гумнам священным,
 500 Жателям, веющим хлеб, где Деметра с кудрями златыми
 Плод отделяет от плев, возбуждая дыхание ветров,
 Гумны кругом под плевою белеются, — так аргивяне
 С глав и до ног их белели под прахом, который меж ними
 505 Даже до медных небес воздымали копытами кони
 В быстрых, крутых поворотах; ворочали в бой их возницы,
 Прямо с могуществом рук на врагов устремляясь; но мраком
 Бурный Арей покрывает всю битву, троянам помощный,
 Вкруг по рядам их носясь: поспешал он исполнить заветы
 Феба, царя златострельного; Феб заповедал Арею
 510 Души троян возбудить, лишь узрел, что Паллада Афина
 Бой оставляет, богиня, защитница воинств ахейских.

Сам же Энея вождя из святилища пышного храма
 Вывел и крепостью перси владыки народов наполнил.
 Стал Анхизид меж друзьями величествен; все веселились,
 515 Видя, что он, живой, невредимый, блистающий силой,
 Снова предстал, но его спросить ни о чем не успели;
 Труд их заботил иной, на который стремил сребролукий,
 Смертных губитель Арей и неустально ярая Распря.

Оба Аякса меж тем, Одиссей и Тидид воеводы
 520 Ревностно в бой возбуждали ахейских сынов; но ахейцы
 Сами ни силы троян не страшились, ни криков их грозных;
 Ждали недвижимые, тучам подобные, кои Кронион
 В тихий, безветренный день, на высокие горы надвинув,
 Черные ставит незыбно, когда и Борей и другие
 525 Дремлют могучие ветры, которые мрачные тучи
 Шумными уст их дыханьями вкруг рассыпают по небу;
 Так ожидали данаи троян, неподвижно, бесстрашно.
 Царь Агамемнон летал по рядам, ободряя усердно:
 “Будьте мужами, друзья, и возвысьтеся доблестным духом;
 530 Воина воин стыдися на поприще подвигов ратных!
 Воинов, знающих стыд, избавляется боле, чем гибнет;
 Но беглецы не находят ни славы себе, ни избавы!”

Рек — и стремительно ринул копьё и переднего мужа
 Деикоона уметил, Энеева храброго друга,
 535 Сына Пергасова, в Трое равно, как сыны Дарданида,
 Чтимого: ревностен был он всегда между первых сражаться.
 Пикой его поразил по щиту Агамемнон могучий;
 Щит копия не сдержал: сквозь него совершенно проникло
 И сквозь запой блистательный в нижнее чрево погрузло;
 540 С шумом на землю он пал, и взгремели на падшем доспехи.

Тут Анхизид ниспровергнул храбрейших мужей из данаев,
 Двух Диоклесовых чад, Орсилоха и брата Крефона.
 В Фере, красиво устроенной, жил Диоклес, их родитель,
 Благами жизни богатый, ведущий свой род от Алфея,
 545 Коего воды широко текут чрез пилийскую землю.

Он Орсилоха родил, неисчетных мужей властелина;
 Царь Орсилох породил Диоклеса, высокого духом;
 И от сего Диоклеса сыны-близнецы родилися,
 550 Вождь Орсилох и Крефон, в разнородных искусные битвах.
 Оба они, возмужалые, в черных судах к Илиону,
 Славному конями, с силой ахейских мужей прилетели,
 В брани Атрея сынам, Агамемнону и Менелая,
 Чести ища, но кончину печальную оба снискали.
 555 Словно два мощные льва, на вершинах возросшие горных,
 Оба под матерью львицей вскормленные в лесе дремучем,
 Тучных овец и тельцов круторогих из стад похищая,
 Окрест дворы у людей разоряют, доколе и сами
 Ловчих мужей от руки под убийственной медью не лягут, —
 Так и они, пораженные мощной рукою Энея,
 560 Рухнулись оба на землю, подобные соснам высоким.

Падших увидя, воссетовал царь Менелай браноносный,
 Выступил дальше передних, покрытый сверкающей медью,
 Острой колеблющий пикой: Арей распаял ему душу
 С помыслом тайным, да будет сражен он руками Энея.
 565 Но увидел его Антилох, Несторид благородный,
 Выступил сам за передних, страшая, да пастырь народов
 Зла не потерпит и тяжких трудов их плоды уничтожит.
 Тою порою герои и руки, и острые копыя
 Друг против друга уже подымали, пылая сразиться;
 570 Но предстал Антилох к воеводе ахеян Атриду,
 И остаться Эней не посмел, сколь ни пламенный воин,
 Двух браноносцев увидя, один за другого стоящих.
 Те же, убитых поспешно увлекши к дружинам ахейским,
 Там их оставили, бедных, друзьям возвративши печальным;
 575 Сами, назад обратившись, между передних сражались.

Там Пилемена повергли, Арею подобного мужа,
 Бранных народов вождя, щитоносных мужей пафлагонян.
 Мужа сего Атрейон Менелай, знаменитый копейщик,
 Длинным копьем, сопротиву стоящего, в व्यю уметил;
 580 Вождь Антилох поразил у него и возницу Мидона,

Отрасль Атимния: коней своих обращавшего бурных,
 Камнем его угодил он по локтю; бразды у Мидона,
 Костью слоновой блестящие, пали на пыльную землю,
 Прянул младой Антилох и мечом в висок его грянул;
 585 Он, тяжело вздохнувший, на прах с колесницы прекрасной
 Рухнулся вниз головой и, упавший на темя и плечи,
 Долго в сем виде стоял он, в песок погрузившись глубокий,
 Кони покуда, ударив, на прах опрокинули тело:
 Их, поражая бичом, Антилох угонял к аргиевнам.

590 Гектор героев узнал меж рядов и на них устремился
 С яростным криком; за ним и троян понеслись фаланги
 Сильные; их предводили кровавый Арей и Энио
 Грозная, следом ведущая бранный мятеж беспредельный:
 Бурный Арей, потрясая в деснице огромною пикой,
 595 То выступал перед Гектором, то позади устремлялся.

Бога узрев, ужаснулся Тидид, воеватель могучий,
 И, как неопытный путник, великою степью идущий,
 Вдруг перед быстрой рекою, падущею в понт, цепенеет,
 пеной кипящую видя, и смутный назад отступает, —
 600 Так отступил Диомед и немедля воскликнул к народу:
 “Други, почто мы дивимся, что ныне божественный Гектор
 Стал копьеборец славнейший, боец дерзновеннейший в битве?
 С ним непрестанно присутствует бог, отражающий гибель!
 С ним и теперь он — Арей, во образе смертного мужа!
 605 Други, лицом к сопостатам всегда обращенные, с поля
 Вы отступайте, с богами отнюдь не дерзайте сражаться!”

Так говорил он, но близко на них наступили трояне.
 Гектор двух ратоборцев повергнул, испытанных в битвах,
 Бывших в одной колеснице, Менесфа и с ним Анхиала.
 610 Падших узрев, пожалел их великий Аякс Теламонид;
 К ним приступил он и стал и, пославши сверкающий дротик,
 Амфия свергнул, Селагова сына, который средь Песа
 Жил, обладатель богатств и полей; но судьба Селагида
 В брань увлекла поборать за Приама и всех Приамидов.

615 В запон его поразил Теламониев сын многомогущный;
 В нижнее чрево ему погрузилась огромная пика;
 С шумом он, грянувшись в прах; и Аякс прибежал победитель,
 Жадный доспехи совлечь; но трояне посыпали копья
 Острые, ярко блестящие; много их щит его принял.
 620 Он же, пятой наступив на сраженного, медную пику
 Вырвал назад; но других не успел драгоценных доспехов
 С плеч унести Селагидовых: стрелы его засыпали.
 Он окружения сильного гордых троян убоился:
 Много их, мощных, отважных, уставив дроты, наступало;
 625 Ими, сколь ни был огромен и сколь ни могуч и ни славен,
 Прогнан Аякс и назад отступил, поколебанный силой.

Так браноносцы сии подвизались в пламенной битве.
 Тою порой Тлиподем Гераклид, и огромный и сильный,
 Злою судьбою сведен с Сарпедоном божественным в битву.
 630 Чуть соступились герои, идущие друг против друга,
 Сын знаменитый и внук воздымателя облаков Зевса,
 Так Тлиподем Гераклид к сопротивнику первый воскликнул:
 “Ликий царь Сарпедон! какая тебе неизбежность
 Здесь между войск трепетать, человек незнакомый с войною?
 635 Лжец, кто расславил тебя громоносного Зевса рождением!
 Нет, несравненно ты мал пред великими теми мужами,
 Кои от Зевса родились, меж древних племен человек,
 И каков, повествуют, великая сила Геракла
 Был мой родитель, герой дерзновеннейший, львиное сердце!
 640 Он, приплывши сюда, чтоб взыскать с Лаомедона коней,
 Только с шестью кораблями, с дружиною ратною малой,
 Град Илион разгромил и пустынными стогны оставил!
 Ты же робок душой и предводишь народ на погибель.
 Нет, для троян, я надеюсь, ты обороной не будешь,
 645 Ликийю бросил напрасно, и будь ты стократно сильнейший,
 Мною тепер же сраженный, пойдешь ко вратам Аидеса!”

Ликий царь Сарпедон Тлиподему отвечивал быстро:
 “Так, Тлиподем, Геракл разорил Илион знаменитый,
 Но царя Лаомедона злое безумство карая:

650 Царь своего благодетеля речью поносной озлобил
 И не отдал коней, для которых тот шел издалека.
 Что ж до тебя, предвещаю тебе я конец и погибель;
 Их от меня ты примешь и, копьем сим поверженный, славу
 Даруешь мне, и Аиду, конями гордящемуся, душу”.

655 Так говорил Сарпедон; но, сотрясши, свой ясенный дротик
 Взнес Тлиполем; обоих сопротивников длинные копья
 Вдруг полетели из рук: угодил Сарпедон Гераклида
 В самую выю, и жало насквозь несмиримое вышло:
 Быстро темная ночь Тлиполемовы очи покрыла.
 660 Но и сам Тлиполем в бедро улучил Сарпедона
 Пикой огромною; тело рассекшее, бурное жало
 Стукнуло в кость; но отец от него отвращает погибель.

Тут Сарпедона героя усердные друзья из битвы
 Вынести спешили; его удручала огромная пика,
 665 Влекшаясь в теле; никто не подумал, никто не помыслил
 Ясенной пики извлечь из бедра, да с спешащими шел бы;
 Так озабочены были трудящиеся вокруг Сарпедона.
 Но Тлиполема данаи, блестящие медью, спешили
 Вынести из боя; увидел его Одиссей знаменитый,
 670 Твердый душою, и вспыхнуло в нем благородное сердце;
 Он между помыслов двух колебался умом и душою:
 Прежде настигнуть ли сына громами звучащего Зевса?
 Или, напав на ликийян, у множества души исторгнуть?
 Но не ему, Одиссею почтенному, сужено было
 675 Зевсова сына могучего медию острой низвергнуть.
 Сердце его на ликийский народ обратила Паллада.
 Там он Керана, Аластора, Хромия битвой низринул,
 Галия, вслед Ноемона, Алкандра убил и Притана;
 И еще бы их более сверг Одиссей знаменитый,
 680 Если бы скоро его не узрел шлемоблещущий Гектор:
 Ринулся он сквозь передних, сияющей медью покрытый,
 Ужас данаям несущий. Обрадован друга приходом,
 Зевсов сын, Сарпедон, говорил ему гласом печальным:
 “Гектор! не дай, умоляю, лежать мне добычей ахеян;

685 Друг, защити! и пускай уже в вашем приятном граде
Жизнь оставит меня; не судила, как вижу, судьбина,
В дом возвратившемся, в землю отчества, милого сердцу,
Там обрадовать мне и супругу, и юного сына!”

690 Так говорил, но ему не отвечивал Гектор великий,
Быстро пронесся вперед, нетерпением пылая скорее
Рать аргивян отразить и у множества души исторгнуть.
Тою порой Сарпедона героя друзья посадили
В поле, под буком прекрасным метателя молнии Зевса.

695 Там из бедра у него извлек длиннотенную пику
Храбрый, могучий Пелагон, друг, им отлично любимый:
Дух Сарпедона оставил, и очи покрылися мглою.
Скоро опять он вздохнул, и кругом его ветер прохладный
Вновь оживил, повевая, тяжелое персей дыханье.

700 Рать аргивян пред Ареем и Гектором меднодоспешным,
Тесно фаланги сомкнувши, как к черным судам не бежала,
Так и вперед не бросалась в бой, но лицом непрестанно
Вся отступала, узнав, что Арей в ополченьях троянских.

Кто же был первый и кто был последний, которых доспехи
Гектор могучий похитил и медный Арей душегубец?
705 Тевфрас, бессмертным подобный, и после Орест конеборец.
Воин бесстрашный Эномаос, Трех, этолийский копейщик”,
Энопа отрасль Гелен и Орезбий пестропоясный,
Муж, обитающий в Гиле, богатства стяжатель заботный,
Около озера живший Кефисского, где и другие
710 Жили семейства беотян, уделов богатых владыки.

Их лишь узрела лилейнораменная Гера богиня,
Храбрый ахейский народ истребляющих в битве свирепой,
Быстро к Афине Палладе крылатую речь устремила:
“Горе, дочь необорная молний метателя Зевса!
715 Тщетным словом с тобой обнадежили мы Менелая
В дом возвратить разрушителем Трои высокотвердынной,
Если свирепствовать так попускаем убийце Арею!
Нет, устремимся, помыслим и сами о доблести бранной!”

Так говоря, преклонила дочь светлоокою Зевса;
 720 Но сама, устремясь, снаряжала коней златосбруйных
 Гера, богиня старейшая, отрасль великого Крона.
 Геба ж с боков колесницы набросила гнутые круги
 Медных колес осьмиспичных, на оси железной ходящих;
 725 Ободы их золотые, нетленные, сверху которых
 Медные шины положены плотные, диво для взора!
 Ступицы их серебром, округленные, окрест сияли;
 Кузов блестящими пышно сребром и золотом ремнями
 Был прикреплен, и на нем возвышались дугою две скобы;
 Дышло серебряное из него выходило; на оном
 730 Геба златое, прекрасное вяжет ярмо, продевает
 Пышную упряжь златую; и быстро под упряжь ту Гера
 Коней бессмертных подводит, пылая и бранью и боем.

Тою порою Афина, в чертоге отца Эгиоха,
 Тонкий покров разрешила, струей на помост он скатился,
 735 Пышноузорный, который сама, сотворив, украшала;
 Вместо ж его облачась броней громоносного Зевса,
 Бранным доспехом она ополчалась к брани плачевной.
 Бросила около персей эгид, бахромою косматый,
 Страшный очам, поразительным Ужасом весь окруженный:
 740 Там и Раздор, и Могучесть, и, трепет бегущих, Погоня,
 Там и глава Горгоны, чудовища страшного образ,
 Страшная, грозная, знаменье бога всесильного, Зевса!
 Шлем на чело возложила украшенный, четыребляшный,
 Златом сияющий, ста бы градов ратоборцев покрывший.
 745 Так в колеснице пламенной став, копием ополчилась
 Тяжким, огромным, могучим, которым ряды сокрушает
 Сильных, на коих разгневана дочь всемогущего бога.

Гера немедля с бичом налегла на коней быстроногих;
 С громом врата им небесные сами разверзлись при Горах,
 750 Страже которых Олимп и великое вверено небо,
 Чтобы облак густой разверзать иль смыкать перед ними.
 Сими богини вратами коней подстрекаемых гнали;

Скоро они обрели, далеко от бессмертных сидящим,
Зевса царя одного, на превыспреннем холме Олимпа.
755 Там, коней удержавши, лилейнораменная Гера
Кронова сына царя вопрошала и так говорила:
“Или не гневен ты, Зевс, на такие злодеяства Арея?
Сколько мужей и каких погубил он в народе ахейском
Нагло, насильственно! Я сокрушаюсь, тогда как спокойно
760 В сердце своем веселятся Киприда и Феб, подстрекая
К брани безумца сего, справедливости чуждого всякой.
Зевс, наш отец! на меня раздражишься ли, если Арея
Брань я принужу оставить ударом, быть может, жестоким?”

Гере немедля ответствовал туч воздыматель Кронион:
765 “Шествуй, восставь на Арея богиню победы, Палладу;
Больше обыкла она повергать его в тяжкие скорби”.

Рек, — и ему покорилась лилейнораменная Гера;
Коней хлестнула бичом; полетели покорные кони,
Между землею паря и звездами усеянным небом.
770 Сколько пространства воздушного муж обымает очами,
Сидя на холме подзорном и смотря на мрачное море, —
Столько прядают разом богов гордовыйные кони.
К Трое принесшимся им и к рекам совокупно текущим,
Где Симоис и Скамандр быстrokатные воды сливают,
775 Там коней удержала лилейнораменная Гера
И, отрешив от ярма, окружила облаком темным;
Им Симоис разостлал амброзию сладкую в паству.
Сами богини спешат, голубицам подобные робким,
Поступью легкой, горя поборать за данаев любезных.
780 И, лишь достигли туда, где и многих мужей и храбрейших
Вкруг Диомеда вождя, укротителя мощного коней,
Сонмы густые стояли, как львы, пожиратели крови,
Или как вепри, которых мощь не легко одолима, —
Там, пред аргивцами став, возопила великая Гера,
785 В образе Стентора, мощного, медноголосого мужа,
Так вопиющего, как пятьдесят совокупно другие:
“Стыд, аргивяне, презренные, дивные только по виду!

Прежде, как в грозные битвы вступал Ахиллес благородный,
 Трои сыны никогда из Дардановых врат не дерзали
 790 Выступить: все трепетали его сокрушительной пики!
 Ныне ж далеко от стен, пред судами, трояне воюют!”

Так говоря, возбудила и силу и мужество в каждом.
 Тою порой к Диомеду подходит Паллада Афина:
 Видит Царя у своей колесницы; близ коней он стоя,
 795 Рану свою прохладжал, нанесенную Пандара медью.
 Храброго пот изнурял под ремнем широким, держащим
 Выпуклый щит: изнурялся он им, и рука цепенела;
 Но, подымая ремень, отирал он кровавую рану.
 Зевсова дочь, преклоняся на конский ярем, возгласила:
 800 “Нет, Тидей произвел себе не подобного сына!
 Ростом Тидей был мал, но по духу воитель великий!
 Некогда я запрещала ему подвизаться, герою,
 Бурной душой увлекаясь, когда он один от ахеян
 В Фивы пришел послом к многочисленным Кадма потомкам.
 805 Я повелела ему пировать спокойно в чертогах;
 Но Тидей, как всегда, обладаемый мужеством бурным,
 Юных кадмеян к борьбам вызывал и легко сопротивных
 Всех победил: таково я сама поборала Тидею!
 Так я тебе предстою, благосклонно всегда охраняю
 810 И ободряю тебя с фригиянами весело биться;
 Но иль усталость от подвигов бурных тебя поразила,
 Или связала робость бездушная! После сего ты
 Сын ли героя Тидея, великого в бранях Инида?”

Ей отвечая немедленно, рек Диомед благородный:
 815 “О! познаю я тебя, светлоокая дочь громовержца!
 Искренне все пред тобой изреку, ничего не сокрою.
 Нет, не усталость меня и не робость бездушная держит,
 Но заветы я помню, какие мне ты завещала:
 Ты повелела не ратовать мне ни с одним из блаженных
 820 Жителей неба, но если Крониона дочь, Афродита,
 Явится в брани, разить Афродиту острою медью.
 Вот для чего отступаю и сам я, и прочим аргивцам

Всем повелел, уклонялся, здесь воедино собраться:
Вижу Арея; гремящую битвою он управляет”.

825 Вновь проведала к нему светлоокая дочь Эгиоха:
“Чадо Тидея, о воин, любезнейший сердцу Афины!
Нет, не страшися теперь ни Арея сего, ни другого
Сильного бога; сама за тебя я поборницей буду!
Мужествуй, в бой на Арея лети на конях звуконогих;
830 Смело сойдись и рази, не убойся свирепства Арея,
Буйного бога сего, сотворенное зло, вероломца!
Сам он недавно обет произнес предо мной и пред Герой
Ратовать против троян и всегда поборать за ахеян;
Ныне ж стоит за троян, вероломный, ахеян оставил!”

835 Так говоря, с колесницы Сфенела согнала на землю,
Быстро повлекши рукой, — и покорный мгновенно он спрынул;
Быстро сама в колесницу к Тидиду восходит богиня,
Бранью пылая; ужасно дубовая ось застонала,
Зевса подъявшая грозную дочь и храбрейшего мужа.
840 Разом и бич и бразды захвативши, Паллада Афина
Вдруг на Арея на первого бурных коней устремила.
В те поры он обнажал Перифаса, вождя этолийн,
Мужа огромного, мощного, славную ветвь Охезия;
Мужа сего кровавый Арей обнажал, но Афина
845 Шлемом Аида покрылась, да будет незрима Арею.

Смертных губитель едва усмотрел Диомеда героя,
Вдруг этолийн вождя, Перифаса огромного, бросил
Там распростертого, где у сраженного душу исторгнул:
Быстро и прямо пошел на Тидида, смирителя коней.
850 Только лишь сблизились оба, летящие друг против друга,
Бог, устремясь вперед, над конским ярмом и браздами
Пикою медной ударил, пылающий душу исторгнуть;
Но, рукой ухватив, светлоокая дочь Эгиоха
Пику отбросила вбок, да напрасно она пронесется.
855 И тогда на Арея напал Диомед нестрашимый
С медным копьем; и, усилив его, устремила Паллада

В пах под живот, где бог опоясывал медную повязь;
 Там Диомед поразил и, бессмертную плоть растерзавши,
 Вырвал обратно копье; и взревел Арей меднобронный
 860 Страшно, как будто бы девять иль десять воскликнули тысяч
 Сильных мужей на войне, зачинающих ярую битву.
 Дрогнули все, и дружины троян, и дружины ахейн,
 С ужаса: так заревел Арей, ненасытный войною.

Сколько черна и угрюма от облаков кажется мрачность,
 865 Если неистово дышащий, знойный вздвигнется ветер, —
 Взору Тидида таков показался, кровью покрытый,
 Медный Арей, с облаками идущий к пространному небу.
 Быстро бессмертный вознесся к жилищу бессмертных, Олимпу,
 Там близ Кронида владыки воссел он, печальный и мрачный,
 870 И, бессмертную кровь показуя, струимую раной,
 Тяжко стенающий, к Зевсу вещал он крылатые речи:
 “Или без гнева ты, Зевс, на ужасные смотришь злодейства?
 Боги, мы непрестанно, по замыслам друг против друга,
 Терпим беды жесточайшие, благо творя человекам;
 875 Все на тебя негодуем: отец ты неистовой дщери,
 Пагубной всем, у которой одни злодеяния в мыслях!
 Боги другие, колико ни есть их на светлом Олимпе,
 Все мы тебе повинемся, каждый готов покориться.
 Сей лишь одной никогда не смиряешь ни словом, ни делом;
 880 Но потворствуешь ей, породивши зловредную дочь!
 Ныне она Диомеда, Тидеева гордого сына,
 С диким свирепством его на бессмертных богов устремила!
 Прежде Киприду богиню из рук поразил он в запястье;
 После с копьем на меня самого устремился, как демон!
 885 Быстрые ноги меня лишь избавили, иначе долго б
 Там я простертый страдал, между страшными горами трупов,
 Или б живой изнемог, под ударами гибельной меди!”

Грозно возрев на него, провещал громовержец Кронион:
 “Смолкни, о ты, переметник! не вой, близ меня восседающий!
 890 Ты ненавистнейший мне меж богов, населяющих небо!
 Только тебе и приятны вражда, да раздоры, да битвы!

Матери дух у тебя, необузданный, вечно строптивый,
 Геры, которую сам я с трудом укрощаю словами!
 Ты и теперь, как я мню, по ее же внушениям страждешь!
 895 Но тебя я страдающим долее видеть не в силах:
 Отрасль моя ты, и мать тебя от меня породила.
 Если б от бога другого родился ты, столько злотворный,
 Был бы уже ты давно преисподнее всех Уранидов!”

Рек, — и его врачевать повелел громовержец Пеану.
 900 Язву Пеан врачевством, утоляющим боли, осыпав,
 Быстро его исцелил, не для смертной рожденного жизни.
 Словно смоковничий сок, с молоком перемешанный белым,
 Жидкое вяжет, когда его быстро колеблет смешавший, —
 С равной Пеан быстротой исцелил уязвленного бога.
 905 Геба омыла его, облачила одеждою пышной,
 И близ Зевса Кронида воссел он, славою гордый.

Паки тогда возвратилась в обитель великого Зевса
 Гера Аргивская купно с Афиною Алалкоменой,
 Так обуздав истребителя, мужеубийцу Арея.

Песнь шестая

СВИДАНИЕ ГЕКТОРА С АНДРОМАХОЙ

Страшную брань меж троян и ахеян оставили боги;
 Но свирепствовал бой, или здесь, или там по долине,
 Воинств, один на других устремляющих медные копыя,
 Между берегов Симоиса и пышностроуистого Ксанфа.

5 Первый Аякс Теламонид, стена меднобронных данаев,
 Прорвал фалангу троян и возрадовал светом дружины,
 Мужа сразив, браноносца храбрейшего рати фракийской,
 Эвсора ветвь, Акамаса, ужасного ростом и силой.

Мужа сего поражает он первый в шелом коневласый
 И вонзает в чело: погрузилось глубоко внутрь кости
 10 Медное жало, и тьма Акамасовы очи покрыла.

Там же Аксила поверг Диомед, воеватель могучий,
 Сына Тевфрасова: он обитал в велелепной Арисбе,
 Благами жизни богатый и друг человекам любезный;
 15 Дружески всех принимал он, в дому при дороге живущий;
 Но никто из друзей тех его от беды не избавил,
 В помощь никто не предстал; обоих Диомед воеватель
 Жизни лишил — и его, и Калезия друга, который
 Правил конями; и оба сошли неразлучные в землю.

20 Дреса, герой Эвриал, и Офелтия мощного свергнув.
 Быстро пошел на Эсепа и Педаса, нимфой рожденных,
 Абарбареей наядой, прекрасному Буколиону;
 Буколион же был сын Лаомедона, славного мужа,
 25 Старший в семействе, но матерью тайно, без брака рожденный:
 Пастырь, у стад он своих сочетался любовью с нимфой;
 Нимфа, зачавшая, двух близнецов-сынов сих родила:
 Юношам вместе и дух сокрушил, и прекрасные члены
 Сын Мекистеев, герой, и с рамен их похитил доспехи.

30 Там же, дышащий бранью, сразил Полипет Астиала;
 Царь Одиссей перкозийского воя Пидита низринул
 Медною пикой; и Тевкр Аретаона, храброго в битвах.
 Несторов сын, Антилох, устремивши сияющий дротик,
 Аблера сверг; и владыка мужей Агамемнон — Элата:
 35 Он обитал на берегах светлоструйной реки Сатниона,
 В граде высоком Педасе. Филака бегущего сринул
 Леит герой; Эврипил же, сразив, обнажил Меланффея.

Но Адраста живым изловил Менелай копыеносный:
 40 Кони его, пораженные страхом на битвенном поле,
 Вдруг об мириковой куст колесницу с разбега ударив,
 Дышло ее на конце раздробили и сами помчались

К граду, куда и других уstraшенные кони бежали.
 Сам же Адраст, с колесницы стремглав к колесу покатыся,
 Грянулся оземь лицом; и пред павшим стал налетевший
 45 Сильный Атрид Менелай, грозя длиннотенною пикой.
 Ноги его обхватил и воскликнул Адраст, умолая:
 “Даруй мне жизнь, о Атрид, и получишь ты выкуп достойный!
 Много сокровищ хранится в отеческом доме богатом,
 Много и меди, и злата, и хитрых изделий железа.
 С радостью выдаст тебе неисчислимый выкуп отец мой,
 50 Если услышит, что я нахожуся живой у данаев!”

Так говорил — и уже преклонял Менелаево сердце;
 Храбрый уже помышлял поручить одному из клеветров
 Пленника весть к кораблям мореходным, как вдруг Агамемнон,
 55 В встречу бегущий, предстал и грозно вскричал Менелаю:
 “Слабый душой Менелай, ко троянцам ли ныне ты столько
 Жалостлив? Дело прекрасное сделали эти троянцы
 В доме твоём! Чтоб никто не избег от гибели черной
 И от нашей руки; ни младенец, которого мать
 Носит в утробе своей, чтоб и он не избег! да погибнут
 60 В Трое живущие все и лишённые гроба исчезнут!”
 Так говорящий, герой отвратил помышление брата,
 Правду ему говоря; Менелай светлокудрый Адраста
 Молча рукой оттолкнул; и ему Агамемнон в утробу
 Пикой вонзил; опрокинулся он, и мужей повелитель,
 65 Ставши ногою на перси, вонзенную пикой исторгнул.

Нестор меж тем аргивян возбуждал, громогласно вещая:
 “Други, данаи герои, бесстрашные слуги Арея!
 Ныне меж вас да никто, на добычи бросаясь, не медлит
 Сзади рядов, чтобы больше отнесть их в стан корабельный.
 70 Нет, поразим сопровитников; после и их вы спокойно
 Можете все обнажить на побоище мертвые трупы”.

Так говоря, возбудил он и душу и мужество в каждом.
 В оное время трояне от дышащих бранью данаев
 75 Скрылись бы в град, побежденные собственной слабостью духа,

Если б Энею и Гектору мудрого не дал совета
 Сын Приамов Гелен, знаменитейший птицегадатель:
 “Гектор, Эней! на вас, воеводы, лежит наипаче
 Бремя забот о народе троянском; отличны вы оба
 В каждом намеренье вашем, сражаться ли нужно иль мыслить.
 80 Станьте же здесь и бегущие рати у врат удержите,
 Сами везде устремляясь, доколе в объятия жен их
 Все беглецы не падут и врагам в посмеянье не будут!
 Но когда вы троянские вокруг ободрите фаланги,
 Мы, оставаясь здесь, с аргивянами будем сражаться,
 Сколько бы ни были ими теснимы: велит неизбежность.
 85 Гектор, но ты поспеши в Илион и совет мой поведай
 Матери нашей: пускай соберет благородных троянок
 В замок градской, перед храм светлоокой Паллады богини.
 Там, заключенные двери отверзя священного дома,
 Пышный покров, величайший, прелестнейший всех из
 90 хранимых
 В царском доме и который сама наиболее любит,
 Пусть на колена его лепокудрой Афины положит.
 Пусть ей двенадцать крав, однолетних, ярма не познавших,
 В храме заклать обрекается, если, молитвы услыша,
 Град богиня помилует, жен и младенцев невинных;
 95 Если от Трои священной она отразит Диомеда,
 Бурного воя сего, повелителя мощного бегства,
 Мужа, который, я мыслю, храбрейший в народе ахейском!
 Так ни Пелид не страшил нас, великий мужей предводитель,
 Сын, как вещают, богини бессмертной! Тидид аргивянин
 100 Пуще свирепствует: в мужестве с оным никто не сравнится!”

Так говорил он, — и Гектор послушался брата советов;
 Быстро герой с колесницы с оружием прынул на землю;
 Острые копыя колебля, кругом обходил ополченья,
 105 Дух распаяя на бой; и восставил он страшную сечу.
 В бой обратились трояне и стали в лицо аргивянам;
 Вспять подалися ряды аргивян, укротили убийство,
 Мысля, что бог незримый, нисшедший от звездного неба,
 Сам за врагов их поборствует; так обратились трояне.

110 Гектор еще возбуждал, восклицающий звучно к троянам:
 “Храбрые Трои сыны и союзники славные наши!
 Будьте мужами, о други, вспомните бурную силу.
 Я ненадолго от вас отлучуся в священную Троию
 Старцам советным поведать и нашим супругам, да купно
 115 Молят небесных богов, обетуя стотельчие жертвы”.

Так говоря им, шествовал шлемом сверкающий Гектор;
 Билася сзади его, по стопам и по вые, концами
 Черная кожа, которая щит окружала огромный.

Главк между тем, Гипполохид, и сын знаменитый Тидея
 120 Между фаланг на средину сходились, пылая сразиться.
 Чуть соступились герои, идущие друг против друга,
 Первый из них взговорил Диомед, воеватель могучий:
 “Кто ты, бестрепетный муж от земных обитателей смертных?
 Прежде не зрел я тебя на боях, прославляющих мужа;
 125 Но сегодня, как вижу, далеко ты мужеством дерзким
 Всех превосходишь, когда моего копья нажидаешь.
 Дети одних злополучных встречаются с силой моею!
 Если бессмертный ты бог, от высокого неба нисшедший,
 Я никогда не дерзал с божествами Олимпа сражаться.
 130 Нет, и могучий Ликург, знаменитая отрасль Дриаса,
 Долго не жил, на богов, небожителей, руки поднявший.
 Некогда, дерзкий, напав на питательниц буйного Вакха,
 Их по божественной Ниссе преследовал: нимфы вакханки
 Фирсы зеленые бросили в прах, от убийцы Ликурга
 135 Сулицей острой свирепо разимые; Вакх уstraшенный
 Бросился в волны морские и принят Фетидой на лоно,
 Трепетный, в ужас введенный неистовством буйного мужа.
 Все на Ликурга прогневались мирно живущие боги;
 Кронов же сын ослепил Дриатида; и после не долгой
 140 Жизнью он наслаждался, бессмертным всем ненавистный.
 Нет, с богами блаженными я не желаю сражаться!
 Если же смертный ты муж и воскормлен плодами земными,
 Ближе предстань, да к пределу ты смерти скорее достигнешь”.

Быстро ему отвечал воинственный сын Гипполохов:
 145 “Сын благородный Тидея, почто вопрошаешь о роде?
 Листьям в дубравах древесных подобны сыны человеков:
 Ветер одни по земле развевает, другие дубрава,
 Вновь расцветая, рождает, и с новой весной возрастают;
 Так человеки: сии нарождаются, те погибают.
 150 Если ж ты хочешь, тебе и о том объявлю, чтобы знал ты
 Наших и предков и род; человекам он многим известен.
 Есть в конеславном Аргосе град знаменитый Эфира;
 В оном Сизиф обитал, препрославлснный мудростью смертный,
 Тот Сизиф Эолид, от которого Главк породился.
 155 Главк даровал бытие непорочному Беллерофонту,
 Коему щедрые боги красу и любезную доблесть
 В дар ниспослали; но Прет неповинному гибель умыслил:
 Злобно его из народа изгнал (повелитель ахейан
 Был он сильнейший: под скипетр его покори́л их Кронион).
 160 С юношей Прета жена возжелала, Лития младая,
 Тайной любви насладиться; но к ищущей был непреклонен,
 Чувств благородных исполненный, Беллерофонт непорочный;
 И жена, клеветца, говорила властителю Прету:
 — Смерть тебе Прет, когда сам не погубишь ты Беллерофонта:
 165 Он насладиться любовью со мною хотел, с нехотящей. —
 Так клеветала; разгневался царь, таковое услыша;
 Но убить не решился: в душе он сего ужасался;
 В Ликию выслал его и вручил злосоветные знаки,
 Много на дщице складной пачертав их, ему на гибель;
 170 Дщицу же тестю велел показать, да от тестя погибнет.
 Беллерофонт отошел, под счастливым покровом бессмертных.
 Мирно достиг он ликийской земли и пучинного Ксанфа;
 Принял его благосклонно ликийских мужей повелитель;
 Девять дней угощал, ежедневно тельца закалая.
 175 Но воссиявшей десятой богине Заре розоперстой,
 Гостя расспрашивал царь и потребовал знаки увидеть,
 Кои принес он ему от любезного зятя, от Прета.
 И когда он приял злосоветные зятевы знаки,
 Юноше Беллерофонту убить заповедал Химеру

180 Лютую, коей порода была от богов, не от смертных:
Лев головою, задом дракон и коза серединой,
Страшно дышала она пожирающим пламенем бурным.
Грозную он поразил, чудесами богов ободренный.
После войною ходил на солимов, народ знаменитый;
185 В битве, ужаснее сей, как поведал он, не был с мужами;
В подвиге третьем разбил амазонок он мужеобразных.
Но ему, возвращавшемуся, Прет погибель устроил:
Избранных в царстве просторном ликийн храбрейших в засаду
Скрыл на пути; но они своего не увидели дома:
190 Всех поразил их воинственный Беллерофонт непорочный.
Царь наконец познал знаменитую отрасль бессмертных;
В доме его удержал и дочь сочетал с ним царевну;
Отдал ему половину блистательной почести царской;
И ликийцы ему отделили удел превосходный,
195 Лучшее поле для сада и пашен, да властвует оным.
Трое родилось чад от премудрого Беллерофонта:
Мужи Исандр, Гипполох и прекрасная Лаодамия.
С Лаодамией прекрасной почил громовержец Кронион,
И она Сарпедона, подобного богу, родила.
200 Став напоследок и сам небожителям всем ненавистен,
Он по Алейскому полю скитался кругом, одинокий,
Сердце глoday себе, убегая следов человека.
Сына Исандра ему Эниалий, несытый убийством,
Свергнул, когда воевал он с солимами, славным народом.
205 Дочь у него — златобраздая гневная Феба сразила.
Жил Гипполох, от него я рожден и горжуся сим родом.
Он послал меня в Трою и мне заповедовал крепко
Тщиться других превзойти, непрестанно пылать отличиться,
Рода отцов не бесчестить, которые славой своею
210 Были отличны в Эфире и в царстве ликийском просторном.
Вот и порода и кровь, каковыми тебе я хвалюся”.

Рек, — и наполнился радостью сын благородный Тидеев;
Медную пику свою водрузил в даровитую землю
И приветную речь устремил к предводителю Главку:
215 “Сын Гипполохов! ты гость мне отеческий, гость стародавний!

Некогда дед мой Иней знаменитого Беллерофонта
 В собственном доме двадцать дней угощал дружелюбно.
 Оба друг другу они превосходные дали гостинцы:
 Дед мой, Иней, предложил блистающий пурпуром пояс;
 220 Беллерофонт же золотой подарил ему кубок двудонный:
 Кубок и я, при отходе, оставил в отеческом доме;
 Но Тидея не помню; меня он младенцем оставил
 В дни, как под Фивами градом ахейское воинство пало.
 Храбрый! отныне тебе я средь Аргоса гость и приятель.
 225 Ты же мне — в Ликии, если приду я к народам ликийским.
 С копьями ж нашими будем с тобой и в толпах расходиться.
 Множество здесь для меня и троян, и союзников славных;
 Буду разить, кого бог приведет и кого я постигну.
 Множество здесь для тебя аргивян, поражай кого можешь.
 230 Главк! обменяемся нашим оружием; пусть и другие
 Знают, что дружбою мы со времен праотцовских гордимся”.

Так говорили они — и, с своих колесниц соскочивши,
 За руки оба взялись и на дружбу взаимно клялись.
 В оное время у Главка рассудок восхитил Кронион:
 235 Он Диомеду герою доспех золотой свой на медный,
 Во сто ценимый тельцов, обменял на стоящий девять.

Гектор меж тем приблизился к Скейским воротам и к дубу.
 Окрест героя бежали троянские жены и девы,
 Те вопрошая о детях, о милых друзьях и о братьях,
 240 Те о супругах; но он повелел им молиться бессмертным
 Всем, небеса населяющим: многим беды угрожали!

Но когда подошел он к прекрасному дому Приама,
 К зданию с гладкими вдоль переходами (в нем заключалось
 Вкруг пятьдесят почивален, из гладко отесанных камней,
 245 Ближко одна от другой устроенных, в коих Приама
 Все почивали сыны у цветущих супруг их законных;
 Дщерей его на другой стороне, на дворе, почивальни
 Были двенадцать, под кровлей одною, из тесаных камней,
 Ближко одна от другой устроенных, в коих Приама
 250 Все почивали зятя у цветущих супруг их стыдливых),

Там повстречала его милосердая мать Гекуба,
 Шедшая в дом к Лаодике, своей милovidнейшей дщери;
 За руку сына взяла, вопрошала и так говорила:
 “Что ты, о сын мой, приходишь, оставив свирепую битву?
 255 Верно, жестоко теснят ненавистные мужи ахейцы,
 Ратуя близко стены? И тебя устремило к нам сердце:
 Хочешь ты, с замка троянского, руки воздеть к Олимпийцу
 Но помеди, мой Гектор, вина я вынесу чашу
 Зевсу отцу возлиять и другим божествам вековечным;
 260 После и сам ты, когда пожелаешь испить, укрепишься;
 Мужу, трудом истомленному, силы вино обновляет;
 Ты же, мой сын, истомился, за граждан твоих подвизаясь”

Ей отвечал знаменитый, шеломом сверкающий Гектор:
 “Сладкого пить мне вина не носи, о почтенная мать!
 265 Ты обессилишь меня, потеряю я крепость и храбрость.
 Чермное ж Зевсу вино возлиять неомытой рукою
 Я не дерзну, и не должно стустителя облаков Зевса
 Чествовать или молить оскверненному кровью и прахом.
 Но иди ты, о мать, Афины добычелюбивой
 270 В храм, с благовонным курением, с сонмом жен благородных.
 Пышный покров, величайший, прекраснейший всех из
 хранимых

В царском дому, и какой ты сама наиболее любишь,
 Взяв, на колена его положи лепокудрой Афине;
 И двенадцать крав однолетних, ярма не познавших,
 275 В храме заклать обрекайся ты, если, молитвы услыша,
 Град богиня помилует, жен и младенцев невинных;
 Если от Трои священной она отразит Диомеда,
 Бурного воя сего, повелителя мощного бегства.
 Шествуй же, мать, ко храму Афины добычелюбивой;
 280 Я же к Парису иду, чтобы к воинству из дому вызвать,
 Ежели хочет советы он слушать. О! был бы он там же
 Пожран землей! Воспитал Олимпиец его на погибель
 Трое, Приаму отцу и всем нам, Приамовым чадам!
 Если б его я увидел сходящего в бездны Аида,
 285 Кажется, сердце мое позабыло бы горькие бедства!”

Так говорил, — и Гекуба немедля служительниц дома
 Вызвала; жен благородных они собирали по граду.
 Тою порой сама в благовонную горницу всходит;
 Там у нее сохранялися пышноузорные ризы,
 290 Жен сидонских работы, которых Парис боговидный
 Сам из Сидона привез, преплывая пространное море.
 Сим он путем увозил знаменитую родом Елену.
 Выбрав из оных одну, понесла пред Афины Гекуба
 Большую, лучшую в доме, которая швением пышным
 295 Словно звезда сияла и в самом лежала исподе.
 С оной пошла, и за ней благородные многие жены.

В замок градской им притекшим, ко храму Афины богини,
 Двери пред ними разверзла прелестная ликом Феано,
 Дщерь Киссея, жена Антенора, смирителя коней,
 300 Трой мужами избранная жрица Афины богини.
 Там с воздеянием рук возопили они пред Афиной;
 Ризу Гекубы румяноланитая жрица Феано
 Взяв, на колена кладет лепокудрой Афины Паллады
 И с обетами молит рожденную богом великим:
 305 “Мощная в бранях, защитница града, Паллада Афина!
 Дрот сокруши Диомедов и дай, о богиня, да сам он
 Ныне, погибельный, грянется ниц перед башнею Скейской!
 Ныне ж двенадцать крав однолетних, ярма не познавших,
 В храме тебе мы пожертвуем, если, молитвы услыша,
 310 Град помилуешь Тройю и жен, и младенцев невинных!”

Так возглашала, молясь; но Афина молитву отвергла.
 Тою порой, как они умоляли рожденную Зевсом,
 Гектор великий достигнул Парисова пышного дома.
 Сам он дом сей устроил с мужами, какие в то время
 315 В целой Троаде холмистой славнейшие зодчие были:
 Мужу ему почивальню, и гридню, и двор сотворили
 В замке градском, невдали от Приама и Гектора дома.
 В двери вступил божественный Гектор; в деснице держал он
 Пику в одиннадцать локтей; далеко на древке сияло

320 Медное жало копья и кольцо вокруг него золотое.
 Брата нашел в почивальне, в трудах над оружием пышным:
 Щит он, и латы, и гнутые луки испытывал, праздный.
 Там и Елена Аргивская в круге сидела домашних
 Жен рукодельниц и славные им назначала работы.
 325 Гектор, взглянув на него, укорял оскорбительной речью:
 “Ты не вовремя, несчастный, теперь напыщаешься гневом.
 Гибнет троянский народ, пред высокою града стеною
 Ратуя с сильным врагом; за тебя и война и сраженья
 Вкруг Илиона пылают; ты сам поругаешь другого,
 330 Если увидишь кого оставляющим грозную битву.
 Шестувуй, пока Илион под огнем сопостатов не вспыхнул”.

Быстро ему отвечал Приамид Александр боговидный:
 “Гектор! ты вправе хулить, и твоя мне хула справедлива;
 Душу открою тебе; преклонися и выслушай слово:
 335 Я не от гнева досель, не от злобы на граждан троянских
 Праздный сидел в почивальне; хотел я печали предаться.
 Ныне ж супруга меня дружелюбною речью своею
 Выйти на брань возбудила; и ныне, чувствую сам я,
 Лучше идти мне сражаться: победа меж смертных превратна.
 340 Ежели можно, помедли, пока ополчусь я доспехом;
 Или иди: поспешу за тобой и настичь уповаю”.

Рек он; ни слова ему не ответствовал Гектор великий.
 К Гектору с лаской Елена смиренную речь обратила:
 “Деверь жены бесстыдной, виновницы бед нечестивой!
 345 Если б в тот день же меня, как на свет породила лишь мать,
 Вихорь свирепый, восхитя, умчал на пустынную гору
 Или в кипящие волны ревущего моря низринул, —
 Волны б меня поглотили и дел бы таких не свершилось!
 Но, как такие беды божества предназначили сами,
 350 Пусть даровали бы мне благороднее сердцем супруга,
 Мужа, который бы чувствовал стыд и укоры людские!
 Сей и теперь легкомыслен, подобным и после он будет;
 И за то, я надеюсь, достойным плодом насладится!
 Но войди ты сюда и воссядь успокоиться в кресло,

355 Деверь; твою наиболее душу труды угнетают,
 Ради меня, недостойной, и ради вины Александра:
 Злую нам участь назначил Кронион, что даже по смерти
 Мы оставаться должны на бесславные песни потомкам!”

Ей немедля отвечивал Гектор великий: “Елена,
 360 Сесть не упрашивай; как ни приветна ты, я не склонюся;
 Сильно меня увлекает душа на защиту сограждан,
 Кои на ратных полях моего возвращения жаждут.
 Ты же его побуждай; ополчившись, пусть поспешает;
 Пусть он потщится меня в стенах еще града настигнуть.
 365 Я посету лишь мой дом и на малое время останусь
 Видеть домашних, супругу драгую и сына-младенца:
 Ибо не знаю, из боя к своим возвращусь ли еще я
 Или меня уже боги погубят руками данаев”.

Так говоря, удалился шеломом сверкающий Гектор.
 370 Скоро достигнул герой своего благозванного дома;
 Но в дому не нашел Андрوماхи лилейнораменной.
 С сыном она и с одною кормилицей пышноодежной
 Вышед, стояла на башне, печально стеная и плача.
 Гектор, в дому у себя не нашел непорочной супруги,
 375 Стал на пороге и так говорил прислужницам-женам:
 “Жены-прислужницы, вы мне скорее поведайте правду:
 Где Андрوماха супруга, куда удалилась из дому?
 Вышла ль к золовкам своим, иль к невесткам пышноодежным,
 Или ко храму Афины поборницы, где и другие
 380 Жены троян благородные грозную молят богиню?”

И ему отвечала усердная ключница дома:
 “Гектор, когда повелел ты, тебе я поведаю правду.
 Нет, не к золовкам своим, не к невесткам пошла Андрوماха,
 Или ко храму Афины поборницы, где и другие
 385 Жены троян благородные грозную молят богиню, —
 К башне пошла илионской великой: встревожилась вестью,
 Будто троян утесняет могучая сила ахеян;

И к стене городской, торопливая, ринулась бегом,
Словно умом иступленная; с ней и кормилица с сыном”.

- 390 Так отвечала, — и Гектор стремительно из дому вышел
Презней дорогой назад, по красиво устроенным стогнам.
Он приближался уже, протекая обширную Трою,
К Скейским воротам (через них был выход из города в поле);
Там Андромаха супруга, бегущая, в встречу предстала,
395 Отрасль богатого дома, прекрасная дочь Этиона;
Сей Этион обитал при подошвах лесистого Плака,
В Фивах Плакийских, мужей киликийн властитель державный;
Оного дочь сочеталась с Гектором меднодоспешным.
Там предстала супруга: за нею одна из прислужниц
400 Сына у персей держала, бессловного вове, младенца,
Плод их единый, прелестный, подобный звезде лучезарной.
Гектор его называл Скамандрием; граждане Трои —
Астианаксом: единый бо Гектор защитой был Трои.
Тихо отец улыбнулся, безмолвно взирая на сына.
405 Подле него Андромаха стояла, лиющая слезы;
Руку пожала ему и такие слова говорила:
“Муж удивительный, губит тебя твоя храбрость! ни сына
Ты не жалеешь, младенца, ни бедной матери; скоро
Буду вдовой я, несчастная! скоро тебя аргивяне,
410 Вместе напавши, убьют! а тобою покинутой, Гектор,
Лучше мне в землю сойти: никакой мне не будет отрады,
Если, постигнутый роком, меня ты оставишь: удел мой —
Горести! Нет у меня ни отца, ни матери нежной!
Старца отца моего умертвил Ахиллес быстроногий,
415 В день, как и град разорил киликийских народов цветущий,
Фивы высоковоротные. Сам он убил Этиона,
Но не смел обнажить: устрасался нечестия сердцем;
Старца он предал сожжению вместе с оружием пышным.
Создал над прахом могилу; и окрест могилы той улымы
420 Нимфы холмов насадили, Зевеса великого дщери.
Братья мои однокровные — семь оставалось их в доме —
Все и в единый день преселились в обитель Аида:
Всех злополучных избил Ахиллес, быстроногий ристатель,

- В стаде застигнув тяжелых тельцов и овец белорунных.
 425 Матерь мою, при долинах дубравного Плака царицу,
 Пленницей в стан свой привлек он с другими добычами брани,
 Но даровал ей свободу, приняв неисчислимый выкуп;
 Феба ж и матерь мою поразила в отеческом доме!
 Гектор, ты все мне теперь — и отец, и любезная мать,
 430 Ты и брат мой единственный, ты и супруг мой прекрасный!
 Сжался же ты надо мною и с нами останься на башне,
 Сына не сделай ты сирым, супруги не сделай вдовою;
 Воинство наше поставь у смоковницы: там наипаче
 Город приступен врагам и восход на твердыню удобен:
 435 Трижды туда приступая, на град покушались герои,
 Оба Аякса могучие, Идомей знаменитый,
 Оба Атрея сыны и Тидид, дерзновеннейший воин.
 Верно, о том им сказал прорицатель какой-либо мудрый,
 Или, быть может, самих устремляло их вешнее сердце”.
- 440 Ей отвечал знаменитый, шеломом сверкающий Гектор:
 “Всё и меня то, супруга, не меньше тревожит; но страшный
 Стыд мне пред каждым троянцем и длинноодежной троянкой,
 Если, как робкий, останусь я здесь, удаляясь от боя.
 Сердце мне то запретит; научился быть я бесстрашным,
 445 Храбро всегда меж троянами первыми биться на битвах,
 Славы доброй отцу и себе самому добывая!
 Твердо я ведаю сам, убеждаясь и мыслью и сердцем,
 Будет некогда день, и погибнет священная Троя,
 С нею погибнет Приам и народ копьеносца Приама.
 450 Но не столько меня сокрушает грядущее горе
 Трои, Приама родителя, матери дряхлой, Гекубы,
 Горе тех братьев возлюбленных, юношей многих и храбрых,
 Кои полягут во прах под руками врагов разъяренных,
 Сколько твое, о супруга! тебя меднолатный ахеец,
 455 Слезы лиющую, в плен повлечет и похитит свободу!
 И, невольница, в Аргосе будешь ты ткать чужеземке,
 Воду носить от ключей Мессеиса или Гиперея,
 С ропотом горьким в душе; но заставит жестокая нужда!
 Льющую слезы тебя кто-нибудь там увидит и скажет:

460 Гектора это жена, превышавшего храбростью в битвах
 Всех конеборцев троян, как сражались вокруг Илиона!
 Скажет — и в сердце твоём возбудит он новую горечь:
 Вспомнишь ты мужа, который тебя защитил бы от рабства!
 Но да погибну и буду засыпан я перстью земною
 465 Прежде, чем плен твой увижу и жалобный вопль твой услышу!”

Рек — и сына обнять устремился блистательный Гектор;
 Но младенец назад, пышноризой кормилицы к лону
 С криком припал, устращаясь любезного отчего вида,
 Яркую медью испуган и гребнем косматовласатым,
 470 Видя ужасно его закачавшимся сверху шелома.
 Сладко любезный родитель и нежная мать улыбнулись.
 Шлем с головы немедля снимает божественный Гектор,
 Наземь кладет его, пышноблестящий, и, на руки взявши
 Милого сына, целует, качает его и, поднявши,
 475 Так говорит, умоляя и Зевса, и прочих бессмертных:
 “Зевс и бессмертные боги! о, сотворите, да будет
 Сей мой возлюбленный сын, как и я, знаменит среди граждан;
 Так же и силою крепок, и в Трое да царствует мощно.
 Пусть о нем некогда скажут, из боя идущего видя:
 480 Он и отца превосходит! И пусть он с кровавой корыстью
 Входит, врагов сокрушитель, и радуется матери сердце!”

Рек — и супруге возлюбленной на руки он полагает
 Милого сына; дитя к благовонному лону прижала
 Мать, улыбаясь сквозь слезы. Супруг умилился душевно,
 485 Обнял ее и, рукою ласкающий, так говорил ей:
 “Добрая! сердце себе не круши неумеренной скорбью.
 Против судьбы человек меня не пошлет к Аидесу;
 Но судьбы, как я мню, не избег ни один земнородный
 Муж, ни отважный, ни робкий, как скоро на свет он родится.
 490 Шестувуй, любезная, в дом, озаботься своими делами;
 Тканьем, пряжей займись, приказывай женам домашним
 Дело свое исправлять; а война — мужей озаботит
 Всех, наиболее ж меня, в Илионе священном рожденных”.

495 Речи окончивши, поднял с земли бронблещущий Гектор
 Гривистый шлем; и пошла Андромаха безмолвная к дому,
 Часто назад озираясь, слезы ручьем проливая.
 Скоро достигла она устройением славного дома
 Гектора мужегубителя; в оном служительниц многих,
 500 Собранных вместе, нашла и к плачу их всех возбудила:
 Ими заживо Гектор был в своем доме оплакан.
 Нет, они помышляли, ему из погибельной брани
 В дом не прийти, не избежать от рук и свирепства данаев.

Тою порой и Парис не медлил в высоких палатах.
 В пышный одевшись доспех, испещренный блистательной

медью,

505 Он устремился по граду, надежный на быстрые ноги.
 Словно конь застоялый, ячменем раскормленный в яслях,
 Привязь расторгнув, летит, поражая копытами поле;
 Пламенный, плавать обывший в потоке широкотекущем,
 Пышет, голову кверху несет; вокруг рамен его мощных
 510 Грива играет; красой благородною сам он гордится;
 Быстро стопы его мчат к кобылицам и паствам знакомым:
 Так лепокудрый Парис от высот Илионского замка,
 Пышным оружием окрест, как ясное солнце, сияя,
 Шествовал радостно-гордый; быстро несли его ноги;
 515 Гектора скоро настиг он, когда Приамид лишь оставил
 Место, где незадолго беседовал с кроткой супругой.
 К Гектору первый вещал Приамид Александр боговидный:
 “Верно, почтеннейший брат, твою задержал я поспешность
 Долгим медленьем своим и к поре не приспел, как велел ты?”

520 И ему отвечал шлемоблещущий Гектор великий:
 “Друг! ни один человек, душой справедливый, не может
 Ратных деяний твоих опорочивать: воин ты храбрый,
 Часто лишь медлен, к трудам неохотен; а я непрестанно
 Сердцем терзаюсь, когда на тебя поношение слышу
 525 Трои мужей, за тебя подымающих труд беспредельный.

Но поспешим, а рассудимся после, когда нам Кронион
 Даст в благодарность небесным богам, бесконечно живущим,
 Чашу свободы поставить в обителях наших свободных,
 После изгнания из Трои ахейн меднодоспешных”.

Песнь седьмая

ЕДИНОБОРСТВО ГЕКТОРА И АЯКСА

Так говорящий, пронесся вратами блистательный Гектор;
 С ним устремился и брат Александр: и душой Приамиды
 Оба пылали воинствовать снова и храбро сражаться.
 Словно пловцам, долговременно жаждущим, бог посылает
 5 Ветер попутный, когда уже, множеством весел блестящих
 Понт рассекая, устали, все члены трудом изнуривши, —
 Так предводители их ожидавшим троянам явились.

Начали битву: Парис поразил Арейфоева сына,
 Жителя Арны Менесфия, коего палищеносный
 10 Царь породил Арейфой с черноокою Филомедузой.
 Гектор вождя Эионея острою пикой ударил
 В выю, под круг крепкомедного шлема и крепость разрушил.
 Главк, Гипполохова отрасль, ликийских мужей воевода,
 Дексия, сына Ифиноя, в бурном сражении пикой
 В рамо пронзил, кобылиц на него напускавшего быстрых;
 15 В прах с колесницы он пал, и его сокрушились члены.

Их лишь увидела светлая взором Афина богиня,
 Так истребляющих воинов Аргоса в битве жестокой,
 Вдруг от Олимпа высокого, бросившись, бурно помчалась
 20 К Трое священной; навстречу богине, узрев от Пергама,
 Феб Аполлон устремился: троянам желал он победы.
 В встречу спешащие боги сошлись у древнего дуба;
 Первый к богине воззвал дальномечущий Феб сребролукий:

25 “Что ты, волнения полная, дочь всемогущего Зевса,
Сходишь с Олимпа? К чему ты стремиша сим пламенным духом?

Или склонить аргивянам неверную брани победу
Хочешь? Троян погибающих ты никогда не жалеешь?
Но прими ты совет мой, и то благотворнее будет:
Нынешний день прекратим мы войну и убийство народов;
30 После да ратуют снова, доколе священного града,
Трои, конца не увидят, когда уже столько приятно
Вашему сердцу, богини великие, град сей разрушить”.

Быстро возвала к нему светлокая дочь Эгиоха:
“Так, дальновержец, да будет; с подобною думою в сердце
35 Я низошла от Олимпа, к сраженью троян и ахеян.
Но возвести, прекратить ратоборство их как ты намерен?”

Снова богине отвечивал царь Аполлон сребролукий:
“Тектора мы, укротителя коней, отважность возвысим.
Пусть Приамид вызывает храбрейших героев данайских
40 Выйти один на один и сразиться решительной битвой;
Сим оскорбленные меднопоножные мужи данаи
Сами возбудят бойца одноборствовать с Гектором славным”.

Так говорил, — и склонилася дочь светлокая Зевса.
Сын Приамов, Гелен прорицатель, почувствовал духом
45 Онный совет, обоим божествам совещавшим приятный,
К Гектору брату предстал и так говорил воеводе:
“Тектор, пастырь народа, советами равный Крониду!
Будешь ли мне ты послушен, усердносоветному брату?
Дай повеление сесть и троянам, и всем аргивянам;
50 Сам же меж воинств на бой вызывай, да храбрейший данаец
Выйдет один на тебя и сразится решительным боем.
Ныне тебе не судьба умереть и предела достигнуть;
Слышал я голос такой небожителей вечно живущих”.

Так произнес, — и восхитился Гектор услышанной речью,
55 Вышел один на средину и, взявши копьё посредине,

Спнул фаланги троянские; все, успокоясь, воссели.
Царь Агамемнон равно удержал меднобронных данаев.
Тою порой Афина Паллада и Феб сребролукий,
Оба вознесшись, словно как ястребы, хищные птицы,
60 Сели на дубе высоком отца молненосного Зевса,
Ратями вместе любуясь: ряды их сидели густые,
Грозно щиты, и шеломы, и острые копья вздымая,
Словно как Зефир порывистый по морю зыбь разливаает,
Если он вдруг подымается: море чернеет под нею, —
65 Ратей ряды таковы и троян, и бесстрашных данаев
В поле сидели, и Гектор вещал, между ратями стоя:
“Трои сыны и ахеяне храбрые, слух приклоните;
Я вам поведаю, что мне велит благородное сердце:
Наших условий высокоцарящий Кронид не исполнил,
70 Но, беды совещающий, нам обоюдно готовит
Битвы, куда иль вы крепкобашенный град наш возьмете,
Или падете от нас при своих кораблях мореходных.
Здесь, о ахеяне, с вами храбрейшие ваши герои;
Тот, у которого сердце со мною сразиться пылает,
75 Пусть изойдет и с божественным Гектором станет на битву.
Так говорю я, и Зевс уговора свидетель нам будет.
Если противник меня поразит сокрушительной медью,
Сняв он оружия, пусть отнесет к кораблям мореходным;
Тело же пусть возвратит, чтоб трояне меня и троянки,
80 Честь воздавая последнюю, в доме огню приобщили.
Если же я поражу и меня луконосец прославит, —
Взявши доспехи его, внесу в Илион их священный
И повешу во храме метателя стрел Аполлона;
Тело ж назад возвращу к кораблям обоюдувесельным.
85 Пусть похоронят его кудреглавые мужи ахейцы
И на берегу Геллеспонта широкого холм да насыплют.
Некогда, видя его, кто-нибудь и от поздних потомков
Скажет, плывя в корабле многовеслом по черному понту:
— Вот ратоборца могила, умершего в древние веки:
90 В бранях его знаменитого свергнул божественный Гектор! —
Так нерожденные скажут, и слава моя не погибнет”.

Рек, — и молчанье глубокое все аргивяне хранили:
 Вызов стыдились отвергнуть, равно и принять ужасались.
 Вдруг восстал Менелай и вещал между сонма ахейян,
 95 Всех упрекая жестоко и горестно сердцем стеная:
 “Торе мне! о самохвалы! ахейки вы — не ахейцы!
 Срам для ахейских мужей из ужасных ужаснейший будет,
 Если от них ни один не посмеет на Гектора выйти:
 Но погибните все вы, рассыпьтесь водою и прахом,
 100 Вы, сидящие здесь, как народ без души и без чести!
 Я ополчуся и выйду на Гектора! знаю, что свыше
 Жребий победы находится, в воле богов всемогущих”.

Так говоря, покрывался поспешно оружием пышным;
 И тогда, Менелай, ты расстался бы с сладкою жизнью
 105 В мощных руках Приамида, далеко сильнейшего мужа,
 Если б тебя удержать не воздвиглись цари и герои:
 Сам повелитель мужей, Агамемнон пространнодержавный,
 За руку брата схватил, называл и вещал, убеждая:
 “Ты исступлен, Менелай благородный! такое безумство
 110 Вовсе тебя не достойно: смири огорченное сердце;
 В ревности гордой с сильнейшим тебя не дерзай состязаться,
 С Гектором, сыном Приама: его и другие трепещут!
 С ним и Пелид быstroногий на славных мужам ратоборствах
 С страхом встречается, — воин, тебя несравненно храбрейший!
 115 Сядь при дружине своей, успокойся, питомец Зевеса;
 Мы от ахейян ему одноборца другого возбудим;
 Сколь он ни будет бесстрашен и боя кровавого жаден,
 С радостью, верно, колена преклонит, когда лишь безвреден
 Выйдет из пламенной битвы и страшного единоборства!”

120 Так говорящий герой отвратил помышление брата,
 Правду ему говоря: покорился Атрид, и клеветы
 Весело с плеч Менелая оружия светлые сняли.
 Нестор от сонма ахейян восстал и вещал им печальный:
 “Боги! великая скорбь на ахейскую землю приходит!
 125 Истинно горько восплачет Пелей, седой конеборец,
 Славный мужей мирмидонских вития и мудрый советник.

Он восхищался, когда, вопрошая меня в своем доме,
Каждого порознь ахейца разведывал род и потомство;
Ныне ж, когда он услышит, что всех ужасает их Гектор,
130 Верно, не раз к небожителям руки прострет, да скорее
Дух сокрушенный его погрузится в обитель Аида!
Если бы ныне, о Зевс, Аполлон и Паллада Афина!
Молод я был, как в те годы, когда у гремучего берега
Билася рать пилиян и аркадян, копейщиков славных,
135 Около фейских твердынь, недалеко от струй Иардана.
В воинстве их впереди Эревфалион, богу подобный,
Первый стоял, ополченный оружием Арейфооя,
Славного Арейфооя, прозванием палиценосца,
Данным ему от мужей и от жен, опоясаньем красных:
140 Мощный, не луком тугим, не копьём длиннотенным сражался,
Он булавою железной ряды разрывал сопротивных.
Оного храбрый Ликург одолел, но не силой — коварством,
В тесном проходе; не мог он себя булавою и железной
Спасть от смерти: Ликург, на дороге его упредивши,
145 В чрево копьём поразил, и об дол он ударился тылом.
Снял победитель оружия, дар душегубца Арея;
После и сам их носил, выходя на Ареевы споры.
Но, когда обессилел герой, состаревшийся в доме,
Отдал тяжелый доспех Эревфальону, ратному другу:
150 Сими доспехами гордый, выкрикивал всех он храбрейших;
Все трепетали, страшились, никто не отважился выйти.
Вспыхнуло сердце во мне, на свою уповая отвагу,
С гордым сразиться, хотя между сверстников был я и младший.
Я с ним сразился, — и мне торжество даровала Афина!
155 Большого всех и сильнейшего всех я убил человека!
В прахе лежал он, огромный, сюда и туда распростертый.
Если бы так я был млад и не чувствовал немощи в силах,
Скоро противника встретил бы шлемом сверкающий Гектор!
В вашем же воинстве сколько ни есть храбрейших данаев,
160 Сердцем никто не пылает противником Гектору выйти!”

Так их старец стыдил, — и мгновенно воспрянули девять:
Первый воздвигся Атрид, повелитель мужей Агамемнон;

После воспрянул Тидид Диомед, воеватель могучий;
 Оба Аякса вожди, облеченные бурною силой;
 165 Дерзостный Идомей и его совоинственник грозный,
 Вождь Мерион, человеков губителю равный, Арею;
 После герой Эврипил, блистательный сын Эвемона;
 Вслед Андремонид Фоас и за ним Одиссей знаменитый.
 Столько восстало их, жаждущих с Гектором славным сразиться.
 170 Слово опять обратил к ним Нестор, конник геренский:
 “Жребии бросим, друзья, и которого жребий назначит,
 Тот, несомненно, я верю, возрадует души ахейан
 И не менее радостен будет и сам, коль спасенный
 Выйдет из пламенной битвы и страшного единоборства”.

175 Так произнес он, — и каждый, наметивши собственный жребий,
 Бросил в медный шлем Агамемнона, сына Атрея.
 Рати молились и длани к бессмертным горé воздевали;
 Так не один говорил, на пространный небо взирая:
 “Даруй, о Зевс! да падет на Аякса, или Диомеда,
 180 Иль на царя самого многозлатой Микены, Атрида”.

Так говорили, — а Нестор шлемом сотрясал пред собраньем;
 Вылетел жребий из шлема, данаями всеми желанный,
 Жребий Аякса; и вестник, понесши кругом по собранью,
 Всем, от десной стороны, показал воеводам ахейским:
 185 Знака никто не признал, отрекался от жребия каждый.
 Вестник предстал и к тому, по собранию окрест носящий,
 Кто и означил и в шлем положил; Теламонид великий
 К вестнику руку простер, и вестник, приближаясь, подал;
 Жребий увидевши, знак свой узнал и в восторге сердечном
 190 На землю бросил его и к ахейам вскричал Теламонид:
 “Жребий, ахейане, мой! веселюся и сам я сердечно!
 Так над божественным Гектором льщусь одержать я победу.
 Други, пока я в рядах боевые доспехи надену,
 Вы молитесь Зевсу, могущему Кронову сыну,
 195 Между собою, безмолвно, да вас не услышат трояне.
 Или молитесь громко: мы никого не страшимся!
 Кто б ни желал, против воли меня не подвигнет он с поля

Силой, ни ратным искусством; и я не невеждой, надеюсь,
Сам у отца моего в Саламине рожден и воспитан!”

200 Так говорил, а данаи молили могущего Зевса.
Так не один возглашал, на пространное небо взирая:
“Зевс отец, обладающий с Иды, преславный, великий,
Дай ты Аяксу обрести и победу, и светлую славу!
Если ж и Гектора любишь, когда и об нем промышляешь, —
205 Равные им обоим и могущество даруй и славу!”

Так говорили. Аякс покрывался блистательной медью
И, как скоро оделся весь в боевые доспехи,
Начал вперед выступать, как Арей выступает огромный,
Если он шествует к брани народов, которых Кронион
210 Духом вражды сердцегложущей свел на кровавую битву:
Вышел таков Теламонид огромный, твердыня данаев,
Грозным лицом осклабляясь; и звучными сильный стопами
Шел, широко выступая, копьем длиннотенным колебля.
Все аргивяне, смотря на него, восхищались духом;
215 Но троянину каждому трепет вступил во все члены;
Даже у Гектора сердце в могучей груди содрогалось;
Но ни врага избежать, ни в толпы ополчений укрыться
Не было боле возможности: сам на сражение вызвал.
Быстро Аякс подходил, пред собою несущий, как башню,
220 Медный щит семикожный, который художник составил,
Тихий, усмарь знаменитейший, в Гиле обителью живший;
Он сей щит сотворил легкодвижимый, семь сочетавши
Кож из тучнейших волов и восьмую из меди поверхность.
Щит сей неся перед грудью, Аякс Теламонид могучий
225 Стал против Гектора близко и голосом грозным воскликнул:
“Гектор, теперь ты узнаешь, один на один подвизаясь,
В рати ахейской земли каковы и другие герои
Есть, без Пелида, фаланг разрывателя, с львиной душою!
Он у своих кораблей, при дружинах своих мирмидонских,
230 Празден лежит, на царя Агамемнона злобу питая.
Нас же, ахеян, которые выйти с тобою готовы,
Много таких! Начинай, Приамид, поединок и битву!”

Но ему отвечал шлемоблещущий Гектор великий:
 “Сын Теламонов, Аякс благородный, властитель народа,
 235 Тщетно меня ты, как будто ребенка, испытывать хочешь,
 Или как деву, которая дел ратоборных не знает.
 Знаю довольно я брань и кровавое мужеубийство!
 Щит мой умею направо, умею налево метать я, —
 Жесткую тяжесть, — и с нею могу неусталый сражаться;
 240 Пеший, умею ходить я под грозные звуки Арея;
 Конный, умею, скача, с кобылиц быстроногих сражаться.
 Но не хочу нападать на такого, как ты, ратоборца,
 Скрытно высматривая, но открыто, когда лишь умечу”.

Рек он — и, мощно сотрясти, поверг длиннотенную пику
 245 И поразил Теламонида в выпуклый щит семикожный,
 В яркую полосу меди, что сверху восьмая лежала:
 Шесть в нем полос пробежала, рассекши, бурная пика,
 В коже седьмой увязла. Тогда Теламонид великий,
 Мощный Аякс, размахнувши, послал длиннотенную пику
 250 И вогнал Приамиду оружие в щит круговидный:
 Щит светозарный насквозь пролетела могучая пика,
 Броню насквозь, украшеньем изящную, быстро пронзила
 И на чреве, под ребрами, самый хитон растерзала,
 Бурная: Гектор отпрянул и гибели черной избегнул.
 255 Оба исторгнули вновь длиннотенные копыя и разом
 Сшиблися вновь, как свирепые львы, пожиратели крови,
 Или как звери лесов, нелегко одолимые вепри.
 Гектор копьем в середину щита Теламонида грянул,
 Но щита не прорвал: на меди изогнулося жало.
 260 В щит, налетевши, ударил Аякс, и насквозь совершенно
 Вышло копье, напиравшего Гектора вспять отразило,
 Вскользь пробежало по вые, — и черная кровь заструилась.
 Боя герой не прервал, шлемоблещущий пламенный Гектор:
 Но, назад он подавшись, камень рукою могучей
 265 Сорвал, средь поля лежавший, черный, жестокий, огромный;
 Махом поверг, и Аяксов блистательный щит семикожный
 Глыбой в средину ударил; взревела вся медь щитовая.

Быстро Аякс подхватил несравненно огромнейший камень;
 Ринул его, размахав, и, напрягши безмерную силу,
 270 В щит угодил и насквозь проломил его камнем жерновным,
 Ранил колена врагу: на хребет опрокинулся Гектор,
 Сверху натиснут щитом; но незапно воздвиг Приамида
 Феб; и тогда рукопашно мечами б они изрубились,
 Если б к героям глашатаи, вестники бога и смертных,
 275 Вдруг не предстали — один от троян, а другой от ахейн,
 Вестник Идей и Талфибий, мужи разумные оба.
 Между героями скиптры они протянули, и рек им
 Вестник троянский, Идей, исполненный мудрых советов:
 “Кончите, дети любезные, кончите брань и сражение:
 280 Оба равно вы любезны гонителю облаков Зевсу;
 Оба храбрейшие воины: в том убедились все мы.
 Но приближается ночь; покориться и ночи приятно”.

Быстро к нему обратясь, отвечал Теламонид великий:
 “Вестник, что ты произнес, повели произнести Приамиду;
 285 Он вызывал на сражение наших храбрейших героев;
 Он и начни: покориться готов я, коль он пожелает”.

И ему отвечал шлемоблещущий Гектор великий:
 “Так, Теламонид, тебе и великость, и силу, и разум
 Бог даровал; меж ахеями ты копьеборец славнейший.
 290 Кончим на нынешний день и борьбу и сражение наше!
 После сойдемся и будем сражаться, пока уже демон
 Нас не разлучит, из двух одному даровавши победу.
 Ныне приблизилась ночь; покориться и ночи приятно.
 Шествуй — и пред кораблями всех аргивян ты обрадуй,
 295 Более ж друзей любезных и ближних, каких ты имеешь;
 Я же в Приамовом граде великом обрадую, в Трое,
 Сердце троян и длинные ризы влачащих троянок,
 Кои молиться о мне соберутся в божественном храме.
 Сын Теламонов! почтим мы друг друга дарами на память.
 300 Некогда пусть говорят и Трояды сыны и Эллады:
 Бились герои, пылая враждой, пожирающей сердце;
 Но разлучились они, примиренные дружбой взаимной”.

Гектор, слово окончивши, меч подает среброгвоздный
 Вместе с ножнами его и красивым ремнем перевесным;
 305 Сын Теламона вручает блистающий пурпуром пояс.

Так разлучаясь, герои — один к ополчениям ахейским
 Шествовал, к сонмам троянским другой поспешал; и трояне,
 Радуюсь сердцем, смотрели, что шествует здоров и безвреден
 Гектор, Аяксовой силы и рук необорных избегший;
 310 В град повели Приамида не ждавшие видеть живого.
 Так и Аякса красивопоножные мужи данаи
 К сыну Атрея вели, восхищенного славой победы.

Им собравшимся в кущах владыки народов Атрида,
 Ради пришедших, тельца пятилетнего царь Агамемнон
 315 Тучного жертвой заклал всемогущему Зевсу Крониду.
 Быстро его одирают, трудятся, всего рассекают,
 Рубят искусно на мелкие части, пронзают рожнами,
 Жарят на них осторожно и, всё уготовив, снимают.
 Скоро окончился труд, и немедленно пир уготован:
 320 Все пировали, никто не нуждался на пиршестве общем;
 Но Аякса героя особо хребтом бесконечным
 Сам Агамемнон почтил, повелитель ахейан державный.
 И когда питием и пищею глад утолили,
 325 Старец в собрании первый слагать размышления начал,
 Нестор, который и прежде блистал превосходством советов;
 Он, благомысленный, так говорил и советовал в сонме:
 “Царь Агамемнон и вы, воеводы народов данайских!
 Много уже на боях полегло кудреглавых данаев,
 Коих черную кровь по берегам пышноструйного Ксанфа
 330 Бурный Арей разливал, и в Аид погрузились их души.
 Должно с зарею, Атрид, прекратить ратоборство данаев.
 Мы же, поднявшись дружно, свезем с побоища трупы
 В стан на волах и на месках и все совокупно сождем их,
 Одаль судов мореходных: да кости отцовские детям
 335 Каждый в дом понесет, возвращаясь в землю родную.
 После, на месте сожженья, собравшись, насыпшем могилу,

Общую всем на долине, а подле построим немедля
 Стену и башни высокие, нам и судам оборону.
 В оных устроим ворота и крепко сплоченные створы,
 340 Путь бы чрез оные был колесницам и коням просторный.
 Подле стены той, снаружи, ров ископаем глубокий;
 Пусть он, идущий кругом, воспящает и конных и пеших,
 Чтоб когда-либо рать не нагрязнула гордых пергамлян”.

345 Так говорил он; совет одобряя, цари восклицали.
 Мужа троянские также совет, на вершине Пергама,
 Смутный и шумный держали, пред домом Приама владыки.
 Первый на нем Антенор совещать благомысленный начал:
 “Трои сыны, и дарданцы, и вы, о союзники наши!
 Слух преклоните, скажу я, что в персях мне сердце внушает:
 350 Ныне решимся: Елену Аргивскую вместе с богатством
 Выдадим сильным Атридам; нарушивши клятвы святые,
 Мы вероломно воюем; за то и добра никакого
 Нам, я уверен, не выйдет, пока не исполним, как рек я”.

355 Так произнесши, воссел Антенор; и восстал между ними
 Богу подобный Парис, супруг лепокудрой Елены;
 Он Антенору в ответ устремляет крылатые речи:
 “Ты, Антенор, говоришь неугодное мне совершенно!
 Мог ты совет и другой, благотворнейший всем нам,
 примыслить!
 Если же то, что сказал, произнес ты от чистого сердца,
 360 Разум твой, без сомнения, боги похитили сами!
 Я меж троян, укротителей коней, поведаю мысли,
 И скажу я им прямо: Елены не выдам, супруги!
 Что до сокровищ, которые в дом я из Аргоса вывез,
 Все соглашаюся выдать и собственных к оным прибавить”.

365 Так произнес и воссел Приамид; и восстал между ними
 Древний Приам Дарданид, советник, равный бессмертным.
 Он, благомыслия полный, советовал так на соборе:
 “Трои сыны, и дарданцы, и вы, о союзники наши!
 Слух приклоните, скажу я, что в персях мне сердце внушает:

370 Ныне вы, дети мои, вечеряйте во граде, как прежде;
 Помните стражу ночную и бодрствуйте каждый на страже.
 Завтра же вестник Идей да пойдет к кораблям мореходным,
 Мощным Атрея сынам, Агамемнону и Менелая,
 Думу поведать Париса, от коего распря восстала.

375 Он и сию им измолвит разумную речь: не хотят ли
 Мало почить от погибельной брани, доколе убитых
 Трупы сождем; и заратуем снова, пока уже демон
 Нас не разлучит, одним иль другим даровавши победу”.

Так говорил, — и, внимательно слушая, все покорились.
 380 Рати троянские вместе, толпа близ толпы, вечеряли.

Рано утром Идей отошел к кораблям мореходным
 И обрел уж на сонме данаев, клеветов Арея,
 Подле кормы корабельной царя Агамемнона. Вестник
 Стал посреди воевод и вещал им голосом звучным:

385 “Царь Агамемнон и вы, предводители ратей ахейских!

Царь мне Приам повелел и другие сановники Трои
 Думу поведать, когда то желательно вам и приятно,
 Сына его Александра, от коего распря восстала:

390 Те из сокровищ, которые он в кораблях многоместных
 В Трою из Аргоса вывез (о, лучше б он прежде погибнул!),
 Хочет все возратить и собственных к оным прибавить;
 Но супругу младую Атрида царя, Менелая,
 Выдать Парис отрекается, как ни склоняли трояне.

395 Слово еще и сие повелели сказать: не хотите ль
 Вы опочить от погибельной брани, доколе убитых
 Трупы сождем; и заратуем снова, пока уже демон
 Нас не разлучит, одним иль другим даровавши победу”.

Рек, — и молчанье глубокое все аргивяне хранили.

400 Но меж них взговорил Диомед, воеватель могучий:
 “Нет, да никто между нас не приемлет сокровищ Париса,
 Даже Елены! Понятно уже и тому, кто бессмыслен,
 Что над градом троянским грянуть готова погибель!”

Так произнес, — и воскликнули окрест ахейские мужи,
 Все удивляясь речам Диомеда, смирителя коней.

405 И тогда ко Идею вещал Агамемнон державный:
 “Слышишь ты сам, провозвестник троянский, речи ахейн:
 Так отвечают ахейане, так я и сам помышляю.
 Что до сожжения мертвых, нисколько тому не противлюсь.
 Долг — ничего не щадить для окончивших дни человеков,
 410 И умерших немедленно должно огнем успокоить.
 Зевс да услышит обет мой, Геры супруг громоносный!”

Так произнес — и горé небожителем поднял он скипетр;
 И обратно Идею отошел к Илиону святому.
 Тою порою сидели на сонме трояне, дардане,
 415 Все совокупно: они ожидали, когда возвратится
 Вестник почтенный. Идею возвратился и, став посреди их,
 Весть произнес; и, поднявшись, трояне готовились быстро, —
 Те привозить мертвецов, а другие — дрова из дубравы.
 Сонмы ахейн равно от судов многовеслых спешили, —
 420 Те привозить мертвецов, а другие — дрова из дубравы.

Солнце лучами новыми чуть поразило долины,
 Вышед из тихокатящихся волн Океана глубоких
 В путь свой небесный, как оба народа встретились в поле.
 Трудно им было узнать на побоище каждого мужа:
 425 Только водой омывая покрытых и кровью и прахом,
 Клади тела на возы, проливая горючие слезы;
 Громко рыдать Приам запрещал им: трояне безмолвно
 Мертвых своих, на костер полагали, печальные сердцем,
 И, предав их огню, возвратились к Трое священной.
 430 Так и с другой стороны меднолатные мужи ахейцы
 Мертвых своих на костер полагали, печальные сердцем,
 И, предав их огню, возвращались к судам мореходным.

Не было утро еще, но седали уж сумраки ночи,
 И на труд поднялись ахейн отборные мужи.
 435 Там, где тела сожигали, насыпали дружно могилу,
 Общую всем на долине; близ оной воздвигнули стену,
 Башни высокие, воинству их и судам оборону;
 В них сотворили ворота и крепко сплоченные створы,

440 Путь бы чрез оные был колесницам и коням просторный.
 Подле стены той, снаружи, ров ископали великий,
 Всюду широкий, глубокий, и колья по нем водрузили.
 Так подвизались там кудреглавые мужи ахейцы.
 Боги меж тем, восседя у Кронида, метателя молний,
 Все изумлялися, видя великое дело ахеян.
 445 В сонме их начал вещать Посейдаон, земли колебатель:
 “Зевс громовержец, какой человек на земле беспредельной
 Ныне богам исповедает волю свою или помысл?
 Или не видишь ты, в ночь кудреглавые мужи ахейцы
 Создали стену своим кораблям и пред нею глубокий
 450 Вывели ров, а бессмертным от них возданы ль гекатомбы?
 Слава о ней распространится, где только Денница сияет;
 Но забудут об оной, которую я с Аполлоном
 Около града царю Лаомедону создал, томяся!”

Гневно вздохнув, отвечал Посейдаону Зевс тучеводец:
 455 “Бог многомогущный, землею колеблющий, что ты вещаешь?
 Пусть от бессмертных другой устрашается замыслов равных,
 Кто пред тобою далёко слабее и силой и духом!
 Слава твоя распространится, где только Денница сияет.
 Верь и дерзай: и когда кудреглавые мужи ахейцы
 460 В быстрых судах понесутся к любезным отечества землям,
 Стену сломи их и, всю с основания в море обрушив,
 Изнова берег великий покрой ты песками морскими,
 Да и след потребится огромной стены сей ахейской”.

Так взаимно бессмертные между собою вещали.
 465 Солнце зашло, и свершилось великое дело ахеян.
 В кущах они закаляли тельцов, вечерять собирались.
 Тою порой корабли, нагруженные винами Лемна,
 Многие к берегу пристали: Эвней Ясонид послал их,
 Сын Ипсипилы, рожденный с Ясоном, владыкой народа.
 470 Двум Атрейонам, царю Агамемнону и Менелаю,
 Тысячу мер, как подарок, напитка прислал Ясонион.
 Прочие мужи ахейские меной вино покупали:
 Те за звенящую медь, за седое железо меняли,

Те за воловые кожи или за волов круторогих,
 Те за своих полоненных. И пир уготовлен веселый.
 475 Целую ночь кудреглавые мужи ахейцы по стану
 Вкруг пировали, а Трои сыны и союзники — в граде.
 Целую ночь им беды совещал олимпийский провидец,
 Грозно гремящий, — и страх находил на пирующих бледный:
 480 Мужи вино проливали из кубков; не смел ни единый
 Пить, не возлив наперед всемогущему Кронову сыну.
 Все наконец возлегли и дарами сна насладились.

Песнь восьмая

СОБРАНИЕ БОГОВ. ПРЕРВАННАЯ БИТВА

В ризе златистой Заря простиралась над всею землею,
 Как богов на собор призвал молнелюбец Кронион;
 И, на высшей главе многохолмного сидя Олимпа,
 Сам он вещал; а бессмертные окрест безмолвно внимали.
 5 “Слушайте слово мое, и боги небес, и богини:
 Я вам поведаю, что мне в персях сердце внушает;
 И никто от богинь, и никто от богов да не мыслит
 Слово мое ниспровергнуть; покорные все совокупно
 Мне спешайте, да я беспрепятственно дело исполню!
 10 Кто ж из бессмертных мятежно захочет, и я то узнаю,
 С неба сойти, пособлять илионянам или данаям,
 Тот, пораженный позорно, страдать на Олимп возвратится!
 Или восхичу его и низвергну я в сумрачный Тартар,
 В пропасть далекую, где под землей глубочайшая бездна:
 15 Где и медяный помост, и ворота железные, Тартар,
 Столько далекий от ада, как светлое небо от дола!
 Там он почувствует, сколько могучее всех я бессмертных!
 Или держайте, изведайте, боги, да все убедитесь:
 Цепь золотую теперь же спустив от высокого неба,
 20 Все до последнего бога и все до последней богини
 Свесьтесь по ней; но совлечь не возможете с неба на землю

Зевса, строителя вышнего, сколько бы вы ни трудились!
 Если же я, рассудивши за благо, повлечь возжелаю, —
 С самой землею и с самым морем ее повлеку я
 25 И моею десницею окрест вершины Олимпа
 Цепь обовью; и вселенная вся на высоких повиснет —
 Столько превыше богов и столько превыше я смертных!”

Так он вещал, — и молчанье глубокое боги хранили,
 Все пораженные речью: ужасно грозен вещал он;
 30 Но наконец светлоокая так возгласила Афина:
 “О всемогущий отец наш, Кронион, верховный владыко!
 Ведаем мы совершенно, что сила твоя необорна;
 Но милосердуем мы об ахейцах, доблестных воях,
 Кои, судьбу их жестокою скоро исполнив, погибнут.
 35 Все мы, однако, от брани воздержимся, если велишь ты;
 Мы лишь советы внушим аргивянам, да храбрые мужи
 В Трое погибнут не все под твоим сокрушительным гневом”.
 Ей, улыбаясь, отвечивал тучегонитель Кронион:
 “Бодрствуй, Тритония, милая дочь! не с намереньем в сердце
 40 Я говорю, и с тобою милостив быть я желаю”.

Так произнес он — и впряг в колесницу коней медноногих,
 Бурно летающих, гривы волнующих вкруг золотые;
 Золотом сам он одялся; в руку художеством дивный
 Бич захватил золотой и на блещущей стал колеснице;
 45 Коней погнал, — и послушные быстро они полетели,
 Между землею паря и звездами усеянным небом.
 Он устремлял их на Иду, зверей многоводную мать,
 К Гаргару холму, где роща его и алтарь благовонный.
 Там коней удержал повелитель бессмертных и смертных
 50 И, от ярма отрешив, окружил их мраком великим.
 Сам на вершине Идейской воссел, величаясь славой,
 Град созерцая троян и суда меднобронных данаев.

Тою порой укрепились снедью ахейские мужи,
 Быстро по кущам и в битву оружием все покрывались.
 55 Трои сыны на другой стороне ополчались по граду,

В меньшем числе, но и так готовые крепко сражаться,
 Нуждой влекомые кровной, сражаться за жен и детей их.
 Все растворились ворота; из оных зареяли рати
 Конные, пешие; шум между толп их воздвигся ужасный.

60 Рати, на место одно устремлялся, быстро сошлись;
 Разом сразилися кожи, сразилися копья и силы
 Воинов, медью одеянных; выпуклобляшные разом
 Сшиблись щиты со щитами; гром поднялся ужасный.
 Вместе смешались победные крики и смертные стоны
 65 Воев губящих и гибнущих; кровью земля заструилась.

Долго, как длилось утро и день возрастал светоносный,
 Стрелы и тех и других поражали — и падали вои.
 Но, лишь сияющий Гелиос стал на середине небесной,
 Зевс распростер, промыслитель, весы золотые; на них он
 70 Бросил два жребия Смерти, в сон погружающей долгий:
 Жребий троян конеборных и меднооружных данаев;
 Взял посредине и поднял: данайских сынов преклонился
 День роковой, данайских сынов до земли многоплодной
 Жребий спустился, троян же до звездного неба вознесся.

75 Страшно грянул от Иды Кронид и перун, по лазури,
 Пламенный бросил в ахейские рати; ахейцы, увидя,
 Все изумились, покрылись лица их ужасом бледным.
 Идоменей оставаться не смел, ни Атрид Агамемнон;
 Ни Аяксы вожди не остались, клеветы Арея.
 80 Нестор один средь побоища, страж аргивян, оставался
 Волей недоброю: конь пострадал, пораженный стрелою.
 Ранил его Александр, супруг лепокудрой Елены,
 В голову, в самое темя, где первые волосы коней
 Идут от черепа к вые: опасное место; от боли
 85 Конь заскакал на дыбы: пернатая в мозг погрузилась.
 Коней смутил и других он, крутяся вкруг пагубной меди.
 Тою порою, как старец, к коню пораженному бросаясь,
 Припряжь отсечь напрягается, Гектора быстрые кони
 Скачут сквозь волны бегущих, отважного мча властелина,
 90 Гектора! Тут бы старец жизнь погубил неизбежно,

Если б его не узрел Диомед, воеватель могучий.
 Страшно воскликнул герой, призывая царя Одиссея:
 “Сын благородный Лаэрта, герой Одиссей многоумный!
 Что ты бежишь, обращая хребет, как в толпе малодушный?
 95 Пику тебе, берегися, вонзят бегущему в плечи.
 Стань, Одиссей, отразим мы от старца свирепого мужа”.

Рек; не услышал его Одиссей, благородный страдалец;
 Мимо промчался, бежа к кораблям многоместным ахейским,
 Но Диомед, и один оставаясь, вперед устремился;
 100 Стал перед конским ярмом геренского старца Нелида
 И к нему взговорил, устремляя крылатые речи:
 “Старец, жестоко тебя ратоборцы младые стесняют!
 Сила оставила, старость тебя удручила лихая;
 Немощен твой и возница, и кони твои не проворны.
 105 Шествуй ко мне, взойди на мою колесницу; увидишь,
 Троса кони каковы, несказанно искусные в поле
 Быстро летать и туда и сюда, и в погоне и в бегстве.
 Я их вчера у Энея отбил, разносителя бегства.
 Вверь ты своих попеченью сподвижников, сих же с тобою
 110 Мы устремим на троян конеборных, да ныне и Гектор
 Узрит, в руке и моей способна ль свирепствовать пика!”

Так произнес; не преслушался Нестор, конник геренский;
 Старца приняв кобылиц, озаботились ими клеветы,
 Сильные двое, Сфенел с Эвримедоном славлюбивым.
 115 Сами вожди совокупно вошли в колесницу Тидида;
 Нестор немедленно в руки приял блестящие вожжи,
 Коней стегнул, и пред Гектором быстро они очутились.
 В Гектора, прямо летящего, дрот Диомед устремляет;
 И в него не попал; но его браздодержца-клеветра,
 120 Сына Фебея почтенного, смелого Эниопея,
 Коней браздами гонящего, в грудь поражает у сердца:
 В прах с колесницы он пал, и отпрянули в сторону кони
 Бурные; там сокрушилась его и душа и могучесть.
 Гектору сердце стеснила жестокая скорбь о вознице;
 125 Но его наконец, невзирая на жалость о друге,

Бросил и смелого окрест возницы искал; и не долго
 Кони нуждались в правителе; скоро достойный явился:
 Архептолем, Ифитид бесстрашный; ему он на коней
 Быстрых взойти повелел и бразды к управлению вверил.

130 Сеча была б, совершилось бы; невозвратимое дело,
 В граде своем заключились бы, словно как овцы, трояне;
 Но увидел то быстро отец и бессмертных и смертных.
 Он, загремевши ужасно, перун сребропламенный бросил
 И на землю его, пред конями Тидида, повергнул:

135 Страшным пламенем вверх воспаленная пыхнула сера;
 Кони от ужаса, прынув назад, под ярмом задрожали;
 Пышные коней бразды убежали из старцевых дланей;
 С сердцем трепещущим он провещал к Диомеду герою:
 “Друг Диомед, оборачивай к бегству коней быстроногих.

140 Или не чувствуешь ты, не тебе от Кронида победа!
 Ныне его на бою громомещущий Зевс прославляет,
 Гектора; после, быть может, когда возжелает, дарует
 Славу и нам. Человек не предложит советов Зевеса,
 Сколько бы ни был он силен: могучее он, громовержец!”

145 Но ему отвечал Диомед, знаменитый воитель:
 “Всё справедливо и всё ты разумно, старец, вещаешь;
 Но болезнь мне жестокая сердце и душу проходит!
 Гектор некогда скажет, пред сонмом троян велереча:
 – Вождь Диомед от меня к кораблям убежал, уstraшенный.
 150 Скажет хвалясь, и тогда расступися, земля, подо мною!”

Вновь Диомеду ответственвал Нестор, конник геренский:
 “Сын браноносца Тидея, бестрепетный, что ты вещаешь?
 Если бы Гектор тебя и робким назвал и бессильным,
 Веры ему не дадут ни дардане, ни граждане Трои;
 155 Веры ему не дадут и супруги троян щитоносцев,
 Коих супругов цветущих толпы распростер ты по праху”.

Так говоря, обратил он на бегство коней звуконогих
 Рати бегущей в толпу; и на них и трояне и Гектор,

160 Страшные крики подняв, задождили свистящие стрелы.
 160 Голосом звучным кричал ему вслед шлемоблещущий Гектор:
 “О Диомед! перед всеми тебя почитали данаи
 Местом, и брашном, и полными кубками в пиршествах общих;
 Впредь не почтут: пред всех их женщиной ты оказался!
 Сгибни, презренная дева! скорей, чем меня отразивши,
 165 На стены наши взойдешь или наших супруг похищенных
 В плен повлечешь ты, скорее тебя я к демону свергну!”

Так восклицал; а Тидид волновался в сомнительных думах:
 Вспять обратить ли коней и сразиться ли противуоставши?
 Трижды на думу сию и умом он и сердцем решался;
 170 Трижды с идейского Гаргара грозно гремел промыслитель
 Зевс, возвещая троянам победу сомнительной битвы.
 Гектор же снова троян возбуждал, восклицающий звучно:
 “Трои сыны, и ликийцы, и вы, рукопашцы Дарданцы!
 Будьте мужами, о други, помните бурную доблесть!
 175 Чувствую, мне благосклонный Кронид знаменает сим громом
 В брани победу и славу, ахейцам же срам и погибель!
 Мужи-безумцы, они в оборону примыслили стены,
 Слабые, храбрым презренные, силам моим не преграда!
 Кони же наши легко чрез ископанный ров перепрыгнут.
 180 Но когда я приближусь к аргивским судам мореходным,
 Помните, други! с огнем вы пылающим будьте готовы.
 Пламенем я истреблю их суда и самих пред судами
 Всей изобью аргивян, удушаемых дымом пожарным!”

Так произнесши, к коням обратился и к ним говорил он:
 185 “Ксанф, и Подарг, и божественный Ламп, и могучий мой Эфон!
 Ныне, о кони, вы мне заплатите за корм свой роскошный:
 Часто моя Андромаха, почтенная дочь Этиона,
 Первым вам предлагала пшеницу приятную в пищу,
 Вам растворяла вино к питию, до желания сердца,
 190 Прежде меня, для нее драгоценного мужа младого!
 Мчитесь ж, кони, летите; настигнем врагов и похитим
 Несторов щит, о котором слава до неба восходит,
 Будто из золота весь он — и круг, и его рукояти;

И с рамен Диомеда, смирителя коней, добудет
 195 Пышные, дивные латы, Гефеста бессмертного дело!
 Если похитим мы их, несомненно уверен, ахейцы
 В эту же ночь на суда быстролетные бросятся к бегству!”

Так возносясь, восклицал он; прогневалась мощная Гера,
 Восколебалась на троне, и дрогнул Олимп многохолмный.
 200 Быстро вещала она к Посейдону, великому богу:
 “Бог многомогущий, колеблющий землю! ужели нисколько
 Сердце твое не страдает о гибнущих храбрых данаях!
 Тех, что и в Эге тебе, и в Гелике столько приятных
 Жертв и даров посвящают? споспешествуй им ты в победе!
 205 Если б и все, аргивян покровители, мы возжелали,
 Трои сынов отразив, обуздать громоносного Зевса,
 Скоро бы он сокрушился, сидя одинокий на Иде!”

Ей, негодуя, отвечивал мощный земли колебатель:
 “О дерзословная Гера! какие ты речи вещаешь?
 210 Нет, не желаю отнюдь, чтобы кто-либо смел от бессмертных
 С Зевсом Кронидом сражаться; могуществом всех он превыше!”

Так на Олимпе бессмертные между собою вещали.
 Тою порой от судов, между рвом и стеною, пространство
 Всё наполнено было и коней и воев толпами
 215 Страшно теснимых данаев: теснил их, подобно Арею,
 Гектор могучий, когда даровал ему славу Кронион.
 Он истребил бы свирепым огнем и суда их у моря,
 Если бы Гера царю Агамемнону в мысль не вложила
 Быстро народ возбудить, хоть и сам он об оном же пекся:
 220 Он устремился стопами широкими к стану ахейн,
 Мощной рукою держа великий свой плащ пурпуровый.
 Стал Агамемнон на черный, огромный корабль Одиссея,
 Бывший в середине, да голос его обоюдно у слышат
 В куцах конечных Аякса и в куцах царя Ахиллеса,
 225 Кои на самых концах с многовеслыми их кораблями
 Стали, надежные оба на силу их рук и на храбрость.
 Там, поразительным голосом, он вопиял к аргивянам:

“Стыд, аргивяне! отроде презренное, дивные видом!
 Где похвальбы, как храбрейшими сами себя величали,
 230 Те, что на Лемне, тщеславные, громко вы произносили?
 Там на пирах, поедая рогатых волов неисчетных,
 Чаши до дна выпивая, вином через край налитые,
 На сто, на двести троян, говорили вы, каждый из наших
 Станет смело на бой! а теперь одного мы не стоим
 235 Гектора! Он к кораблям приближается с пламенем бурным!
 Зевс Олимпийский, кого на земле от царей многоможных
 Равной ты карой карал и толикой лишал его славы?
 Я же, о Зевс, миновал ли когда твой алтарь велелепный,
 В черном моем корабле сюда на несчастье плывший?
 240 Нет, на всех возжигал я тельчие туки и бедра,
 Сердцем пылая разрушить высокотвердынную Трою.
 Ныне, о Зевс, хоть одно для меня ты исполни желанье.
 Дай хотя нам ты самим от врагов избежать и спаситься;
 Здесь не предай на погибель сынам Илиона ахеян!”

245 Рек; умилился отец над царем, проливающим слезы;
 Знаменье дал, да спасется аргивский народ, не погибнет:
 Быстро орла ниспослал, между вещей вернейшую птицу.
 Мчавший в когтях он еленя, рождение быстрых лани,
 Близ алтаря велелепного Зевсова бросил еленя,
 250 Где племена аргивян поклонялись всевещему Зевсу.
 Чуть усмотрели они, что от Зевса явилася птица,
 Жарче на рати троянские бросились, вспыхнули боем.

Но не успел ни один, сколь ни много данаев тут было,
 Славиться прежде Тидида, что, бурных коней устремивши,
 255 Выгнал за ров, на противных ударил и смело сразился.
 Первый из всех он троянского мужа, доспешника, свергнул,
 Фрадмона ветвь, Агелая; тогда, как троянец на бегство
 Коней ворочал, ему, обращенному, острую пику
 Он между плеч углубил и сквозь перси кровавую выгнал:
 260 Пал с колесницы он в прах, и взгремели на падшем доспехи.
 После Тидида, Атриды цари устремилися оба;
 Вслед их Аяксы вожди, облеченные бурною силой,

Идоменей Девкалид и его сподвижник ужасный,
 Вождь Мерной, Эниалию равный, губителю смертных;
 265 После герой Эврипил, препрославленный сын Эвемона.
 Тевкр же, девятым ишед, наляцатель жестокого лука,
 Стал под великим щитом Теламонова сына Аякса.
 Часто Аякс отсторонивал щит; а стрелец знаменитый,
 Вкруг осмотревши и метко стрельнувши в толпу сопротивных,
 270 Ранил кого-либо; раненый, пав, расставался с душою;
 Тевкр же бросался назад, и, как к матери сын, приникал он
 К брату Аяксу, и сильный щитом покрывал его светлым.

Кто ж меж троянами первый сражен Теламонидом Тевкром?
 Первый Орсилох, за ним Офелест и воинственный Ормен,
 275 Детор и Хромий и муж Ликофонт, небожителю равный,
 Гамопаон, Полиемонов сын и могучий Меланипп:
 Сих, одного за другим, положил он на тучную землю.
 Тевкра увидев, восхитился духом Атрид Агамемнон,
 Как он из крепкого лука троян истребляет фаланги;
 280 Быстро приблизился, стал и к нему, восхищенный, воскликнул:
 “Тевкр, удалая глава! предводитель мужей, Теламонид!
 Так поражай и успеешь, и светом ахейцам ты будешь,
 Славой отцу Теламону: тебя возлелеял он с детства
 И, побочного сына, воспитывал в собственном доме:
 285 Старца, хотя и далекого, славой возвысь благородной!
 Я же тебе говорю, и исполнено слово то будет:
 Ежели даруют мне громовержущий Зевс и Афина
 Град разорить, устроением пышную Трою Приама, —
 Первому после меня тебе вручу я награду:
 290 Или треножник сияющий, или коней с колесницей,
 Или младую жену, да с тобою восходит на ложе”.

Рек он, — и быстро Атриду отвечивал Тевкр непорочный:
 “Сын знаменитый Атреев, почто, как и сам я стараюсь,
 Ты побуждаешь меня? Ни на миг я, покуда есть сила,
 295 Празден не буду; с тех пор, как троян отразили мы к граду,
 С тех уже пор я стрелами, врагов принимая, сражаю.
 Восемь уже я послал изощреннейших стрел долгожалых;

Восемь вонзились они в благороднейших юношей ратных;
Только сего не дается свирепого пса мне уметить!"

300 Так произнес, — и пернатою новой из лука он прыснул,
В Гектора метя; его поразить разгоралось в нем сердце,
И в него не попал; но невинного Гургифиона,
Храброго сына Приамова, в грудь поразил он стрелою,
305 Сына, который рожден от жены, из Эзимы поятой,
Кастианиры прекрасной, видом богине подобной.
Словно как мак в цветнике наклоняет голову набок,
Пышный, плодом отягченный и крупною влагой весенней, —
Так он голову набок склонил, отягченную шлемом.

Тевкр же пернатою новой из лука могучего прыснул,
310 В Гектора метя; его поразить распылалось в нем сердце,
И не уметил опять: Аполлон отразил роковую;
Архептолема она, Приамидова друга-возницу,
Пламенно в бой устремлявшегося, острая, в грудь поразила:
В прах с колесницы он пал, и отпрянули в сторону кони
315 Бурные; там сокрушилась его и душа и могучесть.
Тяжкая грусть по вознице у Гектора сердце стеснила;
Но оставил его, невзирая на жалость о друге;
Брату герой повелел, Кебриону, стоящему близко,
Конские вожжи принять, и немедленно тот покорился.
320 Гектор же сам с колесницы сияющей прынул на землю
С криком ужасным и, камень рукою восхитив огромный,
Ринулся прямо на Тевкра, убить стреловержца пылая.
Тою порой из колчана пернатую горькую вынув,
Тевкр приложил к тетиве, — и его шлемоблещущий Гектор,
325 Лук наляцавшего крепкий, по раму, где ключ отделяет
Выю от персей и где особенно опасное место, —
Там, на себя устремленного, камнем ударил жестоким,
Жилу рассек у стрельца; онемела рука возле кисти,
Он на колено поникнул, и лук из руки его выпал.
330 Сын Теламонов, Аякс, не оставил падшего брата;
Быстро примчась, заступил и щитом заградил круговидным.
Тою порой, под него преклоняся, усердные друзья,

Ехийев сын, Мекистей, и молодой благородный Аластор,
К Черным его кораблям понесли, стнящего тяжко.

335 Снова храбрость троян Олимпиец Кронион возвысил;
Прямо к глубокому рву трояне погнали ахеян;
Гектор вперед между первыми неся, могучество гордый.
Словно как пес быстрорыщущий льва или дикого вепря,

340 Следом гоня и на резвые ноги надеясь, ловит
То за бока, то за бедра и все стережет извороты, —
Так шлемоблещущий Гектор данаев гнал, непрестанно
Мужа последнего пикой сражая: бежали данаи.
Но когда перешли частокол и окоп свой глубокий,
345 В смуте бежа, и от рук уже вражеских многие пали, —
Подле судов удержались от бегства ахейские мужи.
Там, ободряя друг друга и руки горé воздевая,
Всех олимпийских богов умоляли мольбой громогласной.
Гектор же грозный носился кругом на конях пышногривых,
350 Взором подобный Горгоне и людодубийце Арею.

Так их увидев, исполнилась жалости Гера богиня
И мгновенно к Палладе крылатую речь устремила:
“Дщерь громовержца Кронида, Паллада! ужели данаям,
Гибнущим горестно, мы хоть в последний раз не поможем?
355 Верно, жестокий свой жребий они совершат и погибнут
Все под рукой одного; нестерпимо над ними свирепство
Гектора, сына Приамова: сколько он зла им соделал!”

Ей отвечала немедленно дочь громовержца Афина:
“И давно бы уж он и свирепство и душу извергнул,
360 Здесь, на родимой земле, сокрушенный руками данаев,
Если б отец мой, Кронид, не свирепствовал мрачной душою.
Лютый, всегда неправдивый, моих предприятий рушитель,
Он никогда не вспомнит, что несколько раз я спасала
Сына его, Эврисфеем томимого в подвигах тяжких.
Там он вопил к небесам, и меня от высокого неба
365 Сыну его помогать ниспослал Олимпиец Кронион.
Если б я прежде умом пронизательным то предузнала,

В дни, как его Эврисфей посылал во Аид крепковратный
 Пса увести из Эреба, от страшного бога Аида, —
 Он не избегнул бы гибельных вод глубокого Стикса.
 370 Ныне меня ненавидит и волю Фетиды свершает:
 Ноги лобзала ему и касалась браны Нереида,
 Слезно моля, да прославит он ей градоборца Пелида.
 Будет, когда он опять назовет и Афину любезной!
 Гера, не медли, впряги в колесницу коней звуконогих;
 375 Я между тем поспешаю в чертоги отца Эгиоха:
 Там я оружием грозным на бой ополчусь и увижу,
 Нам Приамид сей надменный, шеломом сверкающий Гектор
 Будет ли рад, как мы явимся обе на битвенном поле?
 О! не один и троянец насытит псов и пернатых
 380 Телом и туком своим, распрострясь пред судами ахеян!”

Так изрекла; преклонилась лилейнораменная Гера:
 Бросясь и быстро носясь, снаряжала коней златосбруйных
 Гера, богиня старейшая, отрасль великого Крона.
 Тою порой Афина в чертоге отца Эгиоха
 385 Тонкий покров разрешила, струей на помост он скатился,
 Пышноузорный, который сама, сотворив, украшала;
 Вместо его облачась броней громоносного Зевса,
 Бранным доспехом она ополчалась к брани плачевной;
 Так в колеснице пламенной став, копием ополчилась
 390 Тяжким, огромным, могучим, которым ряды сокрушает
 Сильных, на коих разгневана дочь всемогущего бога.
 Гера немедля с бичом налегла на коней быстролетных;
 С громом врата им небесные сами разверзлись, при Горах,
 Страже которых Олимп и великое вверено небо,
 395 Чтобы облак густой разверзть иль сомкнуть перед ними.
 Оным путем, чрез сии врата подстрекаемых коней
 Гнали богини. От Иды узрев их, исполнился гнева
 Зевс, — и Ириду к ним устремил златокрылую с вестью:
 “Мчися, Ирида крылатая, вспять возврати их, не дай им
 400 Дальше стремиться; или не к добру мы сойдемся во брани!
 Так я, реки им, вещаю и так непреложно исполню;
 Коням я ноги сломлю под блестящею их колесницей;

Их с колесницы сразу и в прах сокрушу колесницу!
 И ни в десять свершившихся лет круговратных богини
 405 Язв не излечат глубоких, какие мой гром нанесет им.
 Будет помнить Афина, когда на отца ополчалась!
 Но против Геры не столько я злобен, не столько я гневен:
 Гера обыкнула всё разрушать мне, что я ни замыслю!”

Рек он, — и бросилась вестница, равная вихрям Ирида:
 410 Прямо с Идейских вершин на великий Олимп устремилась.
 Там, при первых вратах многохолмной горы Олимпийской
 Встретив богинь, удержала и Зевсов глагол возвестила:
 “Что предприемлете? что ваше сердце свирепствует в персях?
 Зевс воспрещает Кронид поборать кудреглавым ахейцам.
 415 Так он грозил, громовержец, и так непреложно исполнит:
 Сломит колена коням под золотой колесницею вашей,
 Вас с колесницы сразит и в прах сокрушит колесницу.
 И ни в десять уже совершившихся лет крутовратных
 Вы не излечите язв, которые гром нанесет вам.
 420 Будешь, Афина, ты помнить, когда на отца ополчалась!
 Но против Геры не столько он злобен, не столько он гневен:
 Гера обыкнула всё разрушать, что Кронид ни замыслит!
 Ты же, ужасная, — псица бесстыдная, ежели точно
 Противу Зевса дерзаешь поднять огромную пику!”

425 Слово скончав, отлетела подобная вихрям Ирида.
 И к Афине тогда провещала державная Гера:
 “Нет, светлоокая дочь Эгиохова! Я не желаю,
 Я не позволю себе против Зевса за смертных сражаться!
 Пусть между ними единый живет, а другой погибает,
 430 Как предназначено; Зевс, совещаясь с собственным сердцем,
 Сам да присудит, что следует, Трои сынам и ахейцам!”

Так произнесши, назад обратила коней быстроногих.
 Горы, принесшимся им, пышногривых коней отрешили,
 Их привязали браздами у яслей, амброзии полных;
 435 Но колесницу богинь приклонили к стенам кругозарным.

Сами богини, притекшие вспять, между сонма бессмертных
Сели на кресла златые, с печалью глубокою в сердце.

Зевс от Иды горы, в колеснице красивоколесной,
440 Коней к Олимпу погнал и принесся к собору бессмертных.
Коней его отрешил Посейдон, земли колебатель,
И колесницу, покрыв полотном, на подножье поставил.
Сам на златом престоле пространногремящий Кронион
Сел, — и великий Олимп задрожал под стопами владыки.
Смутны, одни, от Зевса далёко, Афина и Гера
445 Вместе сидели, не смея начать ни вопроса, ни речи.
Мыслью своею проник то Кронион и сам возгласил к ним:
“Чем опечалены так и Афина и Гера богиня?
В брани, мужей прославляющей, вы подвизались не долго,
К пагубе храбрых троян, на которых пылаете злобой!
450 Так, у меня таковы необорные силы и руки;
Боги меня не подвигнут, колико ни есть на Олимпе!
Вам же трепет объял и сердца, и прекрасные члены
Прежде, чем брань вы узрели и грозные подвиги брани.
Паки глаголю я вам (и глаголы б мои совершились):
455 Вы на своей колеснице, моим пораженные громом,
Вспять никогда не пришли б на Олимп, обитель бессмертных!”

Так он вещал; негодуя, вздохнули Афина и Гера:
Вместе сидели они и троянам беды совещали.
Но Афина смолчала, не молвила, гневная, слова
460 Зевсу отцу; а ее волновала свирепая злоба.
Гера же гнева в груди не сдержала, воскликнула к Зевсу:
“Мрачный Кронион! какие слова ты, жестокий, вещаешь?
Ведаем мы совершенно, что сила твоя необорна;
Но милосердуем мы об ахеецах, доблестных воях,
465 Кои, судьбу их жестокою скоро исполнив, погибнут!
Обе, однако, от брани воздержимся, если велишь ты;
Мы лишь советы внушим аргивянам, да храбрые мужи
В Трое погибнут не все под твоим сокрушительным гневом”.

К ней обратясь, возгласил воздымающий тучи Кронион:
470 “Завтра с Денницею ты, волоокая, грозная Гера,

Можешь, коль хочешь, увидеть, как будет Кронид
многომощный

Боле еще истреблять ополчение храбрых данаев:
Ибо от брани руки не покоит стремительный Гектор
Прежде, пока при судах не воспрянет Пелид быстроногий,
475 В день, как уже пред кормами их воинства будут сражаться,
В страшной столпясь тесноте, вокруг Патроклова мертвого тела.
Так суждено! и пылающий гнев твой в ничто я вменяю!
Если бы даже ты в гневе дошла до последних пределов
Суши и моря, туда, где Япет и Крон заточенный,
480 Сидя, ни ветром, ни светом высокоходящего солнца
Ввек насладиться не могут, кругом их Тартар глубокий!
Если б, вещаю тебе, и туда ты, скитаясь, достигла,
Гнев твой вменяю ни во что, невзирая на всю твою наглость!"

Рек, — и умолкла пред Зевсом лилейнораменная Гера.
485 Пал между тем в Океан лучезарный пламенник солнца,
Черную ночь навлекая на многоплодную землю.
День сокрылся противу желаний троян; но ахейцам
Сладкая, всем вожденная, мрачная ночь наступила.

В войске троянском совет сотворил блистательный Гектор,
490 Вдаль от ахейских судов, к реке отошедши пучинной,
В чистое поле, где место от трупов свободное было.
Там, сошедшие с коней, трояне слушали слово.
Гектор его говорил им великий; в деснице держал он
Пику в одиннадцать локтей; далеко на пике сияло
495 Медное жало ее и кольцо вокруг него золотое.
Он, опираясь на пику, вещал им крылатые речи:
"Слух приклоните, трояне, дардане и рати союзных!
Я уповал, что в сей день, истребив и суда и ахеян,
Мы, торжествуя, обратно в святой Илион возвратимся.
500 Прежде настигнула тьма; и единая тьма сохранила
Рать аргиев и суда их на берегу шумного моря.
Други, и мы покоримся настигнувшей сумрачной ночи;
Вечерю здесь учредим. Раготорцы, коней пышногривых
Всех вы от ярм отрешивши, задайте обильно им корму;

505 Сами скорее из града волов и упитанных агниц
 К вечеру в стан пригоните; вина животворного, хлебов
 Нам из домов принесите; и после совлечь поспешайте
 Множество леса, да целую ночь, до Зари светоносной,
 Окрест огни здесь пылают и зарево к небу восходит;
 510 Ради того, чтоб во тьме кудреглавые мужи ахейцы
 В дом не решились бежать по широким хребтам Геллеспонта
 Или дабы на суда не взошли безопасно и мирно.
 Нет, пускай не один и в отечестве рану врачует,
 Раненный острым копьем иль крылатой стрелой троянской,
 515 Скачущий в судно данаец; и пусть ужаснутся народы
 Слезную брань наносить укротителям коней троянам!
 Вестники, Зевсу любезные, вы объявите, да в граде
 Бодрые отроки все и от лет убеленные старцы
 Трою святую кругом стерегут с богосозданных башен;
 520 Жены ж, слабейшие силами, каждая в собственном доме,
 Яркий огонь да разводят, и крепкая стража да будет:
 В град не ворвался б враждебный отряд при отсутствии воинств.

Так да будет, как я говорю, браноносцы трояне!
 Мысли, народу сегодня полезные, сказаны мною;
 525 Завтра другие троянам, смирителям коней, скажу я.
 Лыщуся, молясь и надеясь на Зевса и прочих бессмертных,
 Я изгоню из Трои неистовых псов навожденных,
 Коих судьба лихая на черных судах привела к нам.
 Но во мраке ночном охраним и себя мы во стане;
 530 Завтра же, с светом Зари, ополчась оружием бранным,
 Мы пред судами ахейян воздвигнем свирепую жесточь.
 Там я увижу, меня ль Диомед, воеватель могучий,
 Боем к стенам от судов отразит или я, Диомеда
 Медью убив, в Илион возвращая с корыстью кровавой.
 535 Завтра пред нами покажет он мужество, если посмеет
 Встретить летящий мой дрот; но, надеюсь, завтра меж первых
 Будет пронзенный лежать, с неисчетными окрест друзьями,
 Он перед солнцем всходящим. О! если бы столько же верно
 Был я бессмертен и жизнью моей никогда не старею
 540 Славился всеми, как славятся Феб и Паллада Афина, —
 Сколько то верно, что день сей несет аргивянам погибель!”

Так Приамид говорил, — и кругом восклицали трояне;
 Быстрых коней отрешали, под ярмами потом покрытых,
 И, пред своей колесницею каждый, вязали браздами.
 545 После из града и тучных волов, и упитанных агниц
 К рати поспешно пригнали, вина животворного, хлебов
 В стан принесли из домов, навлачили множество леса
 И сожигали полные в жертву богам гекатомбы.
 Их благовоние ветры с земли до небес возносили
 550 Облаком дыма; но боги блаженные жертв не прияли,
 Презрели их; ненавистна была им священная Троя,
 И владыка Приам, и народ копыеносца Приама.

Гордо мечтая, трояне на поприще бранном сидели
 Целую ночь; и огни их несчетные в поле пылали.
 555 Словно как на небе около месяца ясного сонмом
 Кажутся звезды прекрасные, ежели воздух безветрен;
 Все кругом открывается — холмы, высокие горы,
 Доли; небесный эфир разверзается весь беспредельный;
 Видны все звезды; и пастырь, дивуясь, душой веселится, —
 560 Столько меж черных судов и глубокопучинного Ксанфа
 Зрелось огней троянских, пылающих пред Илионом.
 Тысяча в поле горело огней, и пред каждым огнищем
 Вкруг пятьдесят ратоборцев сидело при зареве ярком.
 Кони их, белым ячменем и сладкой питаются полбой,
 565 Подле своих колесниц ожидали Зари лепотронной.

Песнь девятая

ПОСОЛЬСТВО

Так охраняли трояне свой стан; но ахеян волнует
 Ужас, свыше ниспосланный, бегства дрожащего спутник;
 Грусть нестерпимая самых отважнейших дух поражает.
 Словно два быстрые ветра волнуют понт многорыбный,

5 Шумный Борей и Зефир, кои, из Фракии дую,
 Вдруг налетают, свирепые; вдруг почерневшие зыби
 Грозно холмятся и множество пороста хлещут из моря, —
 Так раздиралися души в груди благородных данаев.

Царь Агамемнон, печалью глубокою в сердце пронзенный,
 10 Окрест ходил, рассылая глашатаев звонкоголосых
 К сонму вождей приглашать, но по имени каждого мужа,
 Тихо, без клича, и сам между первых владыка трудился.
 Мужа совета сидели унылые. Царь Агамемнон
 Встал, проливающий слезы, как горный поток черноводный
 15 Сверху стремнистой скалы проливает мрачные воды.
 Он, глубоко стенающий, так говорил меж данаев:
 “Други, вожди и властители мудрые храбрых данаев,
 Зевс громовержец меня уловил в неизбежную гибель!
 Пагубный! прежде обетом и знаменьем сам предназначил
 20 Мне возвратиться рушителем Трои высокотвердынной;
 Ныне же злое прельщение он совершил и велит мне
 В Аргос бесславным бежать, погубившему столько народа!
 Так, без сомнения, богу, всемогущему Зевсу, угодно.
 Многих уже он градов разрушил высокие главы,
 25 И еще сокрушит: беспредельно могущество Зевса.
 Други, внимлите и, что повелю я вам, все повинуйтесь:
 Должно бежать; возвратимся в драгое отечество наше;
 Нам не разрушить Трои, с широкими стогнами града!”

Так говорил, — и молчанье глубокое все сохраняли;
 30 Долго сидели безмолвны, унылые духом, данаи.
 Но меж них наконец взговорил Диомед благородный:
 “Сын Атреев! на речи твои неразумные первый
 Я возражу, как в собраньях позволено; царь, не сердися.
 Храбрость мою порицал ты недавно пред ратью ахейской;
 35 Робким меня, невоинственным ты называл; но довольно
 Ведают то аргивяне — и юноша каждый и старец.
 Дар лишь единый тебе даровал хитроумный Кронион:
 Скипетром власти славиться дал он тебе перед всеми;
 Твердости ж не дал, в которой верховная власть человека!

- 40 О добродушный! ужели ты веришь, что мы, аргивяне,
Так невоинственны, так малосильны, как ты называешь?
Ежели сам ты столь пламенно жаждешь в дом возвратиться,
Мчися! Дорога открыта, суда возле моря готовы,
Коих толикое множество ты устремил из Микены.
- 45 Но останутся здесь другие герои ахеян,
Трои пока не разрушим во прах! но когда и другие...
Пусть их бегут с кораблями к любезным отечества землям!
Я и Сфенел остаемся и будем сражаться, доколе
Трои конца не найдем; и надеюся, с богом пришли мы!”
- 50 Так произнес, — и воскликнули окрест ахейские мужи,
Смелым дивясь речам Диомеда, смирителя коней.
Но, между ними восстав, говорил благомысленный Нестор:
“Сын Тидеев, ты, как в сражениях воин храбрейший,
Так и в советах, из сверстников юных, советник отличный.
- 55 Речи твоей не осудит никто из присущих данаев,
Слова противу не скажет; но речи к концу не довел ты.
Молод еще ты и сыном моим, без сомнения, был бы
Самым юнейшим; однако ж, Тидид, говорил ты разумно
Между аргивских царей: говорил бо ты всё справедливо.
- 60 Ныне же я, пред тобою гордящийся старостью жизни,
Слово скажу и окончу его, и никто из ахеян
Речи моей не осудит, ни сам Агамемнон державный.
Тот беззаконен, безроден, скиталец бездомный на свете,
Кто междоусобную брань, человекам ужасную, любит!
- 65 Но покоримся теперь наступающей сумрачной ночи:
Воинство пусть вечерает; а стражи пусть совокупно
Выйдут и станут кругом у изрытого рва за стеною.
Дело сие возлагаю на юношей. После немедля
Ты начни, Агамемнон: державнейший ты между нами, —
- 70 Пир для старейшин устрой: и прилично тебе и способно;
Стан твой полон вина; аргивяне его от фракиян
Каждый день в кораблях по широкому понту привозят;
Всем к угощению обилуешь, властвуешь многим народом.
Собранным многим, того ты послушайся, кто между ними
- 75 Лучший совет присоветует: нужен теперь для ахеян

Добрый, разумный совет: сопостаты почти пред судами
 Жгут огни неисчетные; кто веселится, их видя?
 Днешняя ночь иль погубит нам воинство, или избавит!”

80 Так он вещал, — и, внимательно слушав, они покорились.
 К страже, с оружием в руках, устремились ахейские мужи:
 Несторов сын, Фразимед, народа пилосского пастырь;
 С ним Аскалаф и Иялмен, сыны мужегубца Арея,
 Критский герой Мерийон, Деипир, Афарей нестрашимый
 И Крейона рождение, вождь Ликомед благородный.
 85 Семь воевод предводили стражу; и по сту за каждым
 Юношей стройно текли, воздымая высокие копья.
 К месту пришед, между рвом и стеной посредине воссели;
 Там разложили огонь, и устраивал вечерю каждый.

Царь Агамемнон старейшин ахейских собравшихся вводит
 90 В царскую сень и пир предлагает им, сердцу приятный.
 К сладостным яствам предложенным руки герои простерли;
 И когда питием и пищею глад утолили,
 Старец меж оными первый слагать помышления начал,
 Нестор, который и прежде блистал превосходством советов;
 95 Он, благомысленный, так говорил и советовал в сонме:
 “Славою светлый Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
 Слово начну я с тебя и окончу тобою: могучий
 Многих народов ты царь, и тебе вручил Олимпиец
 Скиптр и законы, да суд и совет произносишь народу.
 100 Более всех ты обязан и сказывать слово и слушать;
 Мысль исполнять и другого, если кто, сердцем внушенный,
 Доброе скажет, но что совершить от тебя то зависит.
 Ныне я вам поведаю, что мне является лучшим.
 Думы другой, превосходнее сей, никто не примыслит,
 105 В сердце какую ношу я, с давней поры и донныне,
 С одного дня, как ты, о божественный, Брисову дочерь
 Силой из кущи исторг у плывшего гневом Пелида,
 Нашим не вняв убеждениям. Сколько тебя, Агамемнон,
 Я отговаривал; но, увлекался духом высоким,
 110 Мужа, храбрейшего в рати, которого чествуют боги,

Ты обесчестил, награды лишив. Но хоть ныне, могучий,
Вместе подумаем, как бы его умолить нам, смягчивши
Лестными сердцу дарами и дружеской ласковой речью”.

- Быстро ему отвечал повелитель мужей Агамемнон:
115 “Старец, не ложно мои погрешения ты обличаешь.
Так, погрешил, не могу отречься я! Стоит народа
Смертный единый, которого Зевс от сердца возлюбит:
Так он сего, возлюбив, превознес, а данаев унизил.
Но как уже погрешил, обуявшего сердца послушав,
120 Сам я загладить хочу и несметные выдать награды.
Здесь, перед вами, дары знаменитые все я исчислю:
Десять талантов золота, двадцать лаханей блестящих;
Семь треножников новых, не бывших в огне, и двенадцать
Коней могучих, победных, стяжавших награды ристаний.
125 Истинно жил бы не беден и в злате высоко ценимом
Тот не нуждался бы муж, у которого было бы столько,
Сколько наград для меня быстроногие вынесли кони!
Семь непорочных жен, рукодельниц искусных, дарую,
Лесбосских, коих тогда, как разрушил он Лесбос цветущий,
130 Сам я избрал, красотой побеждающих жен земнородных.
Сих ему дам; и при них возвращу я и ту, что похитил,
Брисову дочь; и притом величайшею клятвой клянуся:
Нет, не всходил я на одр, никогда не сближался я с нею,
Так, как мужам и женам свойственно меж человеков.
135 Всё то получит он ныне; еще же, когда аргивянам
Трою Приама великую боги дадут ниспровергнуть,
Пусть он и медью и златом корабль обильно наполнит,
Сам наблюдая, как будем делить боевую добычу.
Пусть из троянских жен изберет по желанию двадцать,
140 После Аргивской Елены красой превосходнейших в Трое.
Если же в Аргос придем мы, в ахейский край благодатный,
Зятем его назову я и честью сравню с Орестом,
С сыном одним у меня, возрастающим в полном довольстве.
Три у меня расцветают в дому благосозданном дочери:
145 Хрисофемиса, Лаодика, юная Ифианасса.
Пусть он, какую желает, любезную сердцу, без вена

В отеческий дом ответдет; а приданое сам я за нею
 Славное дам, какого никто не давал за невестой.
 Семь подарю я градов, процветающих, многонародных:
 150 Град Кардамилу, Энопу и тучную травами Гёру,
 Феры, любимые небом, Анфею с глубокой долиной,
 Гроздьем венчанный Педас и Эпею, град велелепный.
 Все же они у примория, с Пилосом смежны песчаным;
 Их населяют богатые мужи овцами, волами,
 155 Кои дарами его, как бога, чествовать будут
 И под скиптром ему заплатят богатые дани.
 Так я немедля исполню, как скоро вражду он оставит.
 Пусть примирится; Аид несмирим, Аид непреклонен;
 Но зато из богов ненавистнее всех он и людям.
 160 Пусть мне уступит, как следует: я и владычеством высшим,
 Я и годов старшинством перед ним справедливо горжуся".

Рек, — и Атриду ответственвал Нестор, конник геренский:
 "Сын знаменитый Атрея, владыка мужей Агамемнон!
 Нет, дары не презренные хочешь ты дать Ахиллесу.
 165 Благо, друзья! поспешим же нарочных послать, да скорее
 Шествуют мужи избранные к сени царя Ахиллеса.
 Или позвольте, я сам изберу их; они согласятся:
 Феникс, любимец богов, предводитель посольства да будет;
 После Аякс Теламонид и царь Одиссей благородный;
 170 Но Эврибат и Годий да идут, как вестники, с ними.
 На руки дайте воды, сотворите святое молчанье,
 И помолимся Зевсу, да ныне помилует нас он!"

Так говорил, — и для всех произнес он приятное слово.
 Вестники скоро царям возлияли на руки воду;
 175 Юноши, черным вином наполнив доверху чаши,
 Кубками всем подносили, от правой страны начиная.
 В жертву богам возливав и испив до желания сердца,
 Вместе послы поспешили из сени Атрида владыки.
 Много им Нестор идущим наказывал, даже очами
 180 Каждому старец мигал, но особенно сыну Лаэрта:
 Всё б испытали, дабы преклонить Ахиллеса героя.

Мужи пошли по берегу немолчношумящего моря,
 Много моляся, да землю объемлющий земледержатель
 Им преклонить поможет высокую душу Пелида.

- 185 К сениям пришед и к судам мирмидонским, находят героя:
 Видят, что сердце свое услаждает он лирою звонкой,
 Пышной, изящно украшенной, с серебряной накольной сверху,
 Выбранной им из корыстей, как град Этионов разрушил:
 Лирой он дух услаждал, воспевая славу героев.
- 190 Менетиад перед ним лишь единый сидел и безмолвный
 Ждал Эакида, пока песнопения он не окончит.
 Тою порою приближась, послы, Одиссей впереди их,
 Стали против Ахиллеса: герой изумленный воспрянул
 С лирой в руках и от места сидения к ним устремился.
- 195 Так и Менетиев сын, лишь увидел пришедших, поднялся.
 В встречу им руки простер и вещал Ахиллес быстроногий:
 “Здравствуйте! истинно други приходите! Верно, что нужда!
 Но и гневному вы из ахеев любезнее всех мне”.

- 200 Так произнес — и повел их дальше Пелид благородный;
 Там посадил их на креслах, на пышных коврах пурпуровых,
 И, обратись, говорил к находящемуся близко Патроклу:
 “Чашу поболее, друг Менетид, подай на трапезу;
 Цельного нам раствори и поставь перед каждого кубок:
 Мужи, любезные сердцу, собрались под сенью моею!”

- 205 Так говорил, — и Патрокл покорился любезному другу.
 Сам же огромный он лот положил у огнищного света
 И хребты разложил в нем овцы и козы утучнелой,
 Бросил и окорок жирного борова, туком блестящий,
 Их Автомедон держал, рассекал Ахиллес благородный,
- 210 После искусно дробил на куски и вонзал их на вертел.
 Жаркий огонь между тем разводил Менетид боговидный.
 Чуть же огонь ослабел и багряное пламя поблекло,
 Угли разгребши, Пелид вертела над огнем простирает
 И священною солью кропит, на подпор подымая.
- 215 Так их обжарив кругом, на обеденный стол сотрясает.

Тою порою Патрокл по столу, в красивых корзинах,
 Хлебы расставил; но яства гостям Ахиллес благородный
 Сам разделил и против Одиссея, подобного богу,
 Сел на другой стороне, а жертвовать жителям неба
 220 Другу Патроклу велел; и в огонь он бросил начатки.
 К сладостным яствам предложенным руки герои простерли;
 И когда питием и пищею глад утолили,
 Фениксу знак Теламонид подал; Одиссей то постигнул,
 Кубок налил и приветствовал, за руку взявши, Пелида:
 225 “Здравствуй, Пелид! в дружелюбных нам пиршествах нет
 недостатка,
 Сколько под царскою сенью владыки народов Атрида,
 Столько и здесь; изобильно всего к услаждению сердца
 В пире твоём; но теперь не о пиршествах радостных дело.
 Грозную гибель, питомец Крониона, близкую видя,
 230 В трепете мы, в неизвестности, наши суда мы избавим,
 Или погубим, ежели ты не одеешься в крепость!
 Близко судов, под стеной уже нашею стан положили
 Гордые мужи трояне и их дальноземные други;
 В стане кругом зажигают огни и грозятся, что боле
 235 Их не удержат, что прямо на наши суда они грянут.
 Им и Зевес, благовестные знаменья вправо являя,
 Молнией блещет! И Гектор, ужасною силой кичаяся,
 Буйно свирепствует, крепкий на Зевса; в ничто он вменяет
 Смертных и самых богов, обладаемый бешенством страшным.
 240 Молится, только б скорей появилась Денница святая,
 Хвалится завтра срубить с кораблей кормовые их гребни,
 Пламенем бурным пожечь корабли и самих нас, ахеян,
 Всех перед ними избить, душаемых дымом пожарным.
 Страшно, герой, трепещу я, да гордых угроз Приамида
 245 Боги ему не исполнят; а нам да не судит судьбина
 Гибнуть под Троей, далёко от Аргоса, милой отчизны!
 Храбрый, воздвигнись, когда ты желаешь, хоть поздно, ахеян,
 Столь утесненных, избавить от ярости толпищ троянских.
 После тебе самому то горестно будет, но поздно,
 250 Зло допустивши, искать исправления. Лучше вовремя,
 Раньше помысли, да пагубный день отвратишь от ахеян.

Друг! не тебе ли родитель, Пелей, заповедовал старец,
В день, как из Фтии тебя посылал к Атрееву сыну:
— Доблесть, мой сын, даровать и Афина и Гера богиня
255 Могут, когда соизволят; но ты лишь в персях горячих
Гордую душу обуздывай; кротость любезная лучше.
Распри злотворной, как можно, чуждайся, да паче и паче
Между ахейян тебя почитают молодые и старцы. —
Так заповедовал старец; а ты забываешь. Смягчися,
260 Гнев отложи, сокрушительный сердцу! Тебе Агамемнон
Выдаст дары многоценные, ежели гнев ты оставишь.
Хочешь ли, слушай, и я пред тобой и друзьями исчислю,
Сколько даров знаменитых тебе обещал Агамемнон:
Десять талантов золота, двадцать лаханей блестящих,
265 Семь треножников новых, не бывших в огне, и двенадцать
Коней могучих, победных, стяжавших награды ристаний.
Истинно, жил бы не беден и в злате высоко ценимом
Тот не нуждался бы муж, у которого было бы столько,
Сколько Атриду наград быстроногие вынесли кони!
270 Семь непорочных жен, рукодельниц искусных, дарует,
Лесбосских, коих тогда, как разрушил ты Лесбос цветущий,
Сам он избрал, красотой побеждающих жен земнородных;
Их он дарит; и при них возвращает и ту, что похитил,
Брисову дочь; и притом величайшею клятвой клянется:
275 Нет, не всходил он на одр, никогда не сблизался он с нею,
Так, как мужам и женам свойственно меж человеков.
Все то получишь ты ныне; еще же, когда аргивянам
Трою Приама великую боги дадут ниспровергнуть,
Целый корабль ты и медью и златом обильно наполни,
280 Сам наблюдая, как будем делить боевые корысти;
Сам между женами пленными выбери двадцать троянок,
После Аргивской Елены красой превосходнейших в Трое.
Если ж воротимся в Аргос Ахейский, край благодатный,
Зятем тебя назовет он и честью с Орестом сравниет,
285 С сыном одним у него, возрастающим в полном довольстве.
Трех дочерей он невест в благосозданном доме имеет:
Хрисофемису, Лаодику, юную Ифианассу.
Ты, по желанью, из оных, любезную сердцу, без вена

В отеческий дом отведи; а приданое сам он за нею
 290 Славное выдаст, какого никто не давал за невестой.
 Семь подарит он градов процветающих, многонародных:
 Град Кардамилу, Энопу и тучную паствами Геру,
 Феры, любимые небом, Анфею с глубокой долиной,
 Гроздьем венчанный Педас и Эпею, град велелепный.
 295 Все же они у примория, с Пилосом смежны песчаным;
 Их населяют богатые мужи овцами, волами,
 Кои дарами тебя, как бога, чествовать будут
 И под скиптром тебе заплатят богатые дани.
 Так он исполнит немедля, коль скоро вражду ты оставишь.
 300 Если ж Атрид Агамемнон еще для тебя ненавистен,
 Он и подарки его, — пожалей о других ты ахейцах,
 В стане жестоко стесненных; тебя, как бессмертного бога,
 Рати почтут; между них ты покроешься дивною славой!
 Гектора ты поразишь! до тебя он приблизится ныне,
 305 Буйством своим обезумленный; он никого не считает
 Равным себе меж данаями, сколько ни есть их под Троей!”

Рек, — и ему на ответ говорил Ахиллес быстроногий:
 “Сын благородный Лаэртос, герой Одиссей многоумный!
 Должен я думу свою тебе объявить откровенно,
 310 Как я и мыслю и что я исполню, чтоб вы перестали
 Вашим жужжаньем скучать мне, один за другим приступая:
 Тот ненавистен мне, как врата ненавистного ада,
 Кто на душе сокрывает одно, говорит же другое.
 Я же скажу вам прямо, что почитаю я лучшим:
 315 Нет, ни могучий Атрид, ни другие, надеюсь, данаи
 Сердца во мне не смягчат: и какая тому благодарность,
 Кто беспрестанно, безустально бился на битвах с врагами!
 Равная доля у вас нерадивцу и рьяному в битве;
 Та ж и единая честь воздается и робким и храбрым;
 320 Всё здесь равно, умирает бездельный иль сделавший много!
 Что мне наградою было за то, что понес я на сердце,
 Душу мою подвергая вседневно опасностям бранным?
 Словно как птица, бесперым птенцам промысляючи корму,
 Ищет и носит во рту и, что горько самой, забывает, —

325 Так я под Троею сколько ночей проводил бессонных,
Сколько дней кровавых на сечах жестоких окончил,
Ратуясь храбро с мужами и токмо за жен лишь Атридов!
Я кораблями двенадцать градов разорил многолюдных;
330 Пеший одиннадцать взял на троянской земле многоплодной;
В каждом из них и сокровищ бесценных, и славных корыстей
Много добыл; и, сюда принося, властелину Атриду
Все отдавал их; а он позади, при судах оставаясь,
Их принимал, и удерживал много, выделявал мало;
335 Несколько выдал из них, как награды, царям и героям:
Целы награды у всех; у меня ж одного из данаев
Отнял и, вдавствуя милой женой, наслаждается ею
Царь сладострастный! За что же воюют троян аргивяне?
Рати зачем собирал и за что их привел на Приама
340 Сам Агамемнон? не ради ль одной лепокудрой Елены?
Или супруг непорочных любят от всех земнородных
Только Атрея сыны? Добродетельный муж и разумный
Каждый свою бережет и любит, как я Брисеиду:
Я Брисеиду любил, несмотря, что оружием добыл!
345 Нет, как награду исторгнул из рук и меня обманул он,
Пусть не прельщает! Мне он известен, меня не уловит!
Пусть он с тобой, Одиссей, и с другими царями ахеян
Думает, как от судов отвратить пожирающий пламень.
Истинно, многое он и один без меня уже сделал:
350 Стену для вас взгромоздил, и окоп перед оною вывел
Страшно глубокий, широкий, и внутрь его колья уставил!
Но бесполезно! Могущества Гектора, людодубийцы,
Сим не удержит. Пока меж аргивцами я подвизался,
Боя далеко от стен начинать не отважился Гектор:
355 К Скейским вратам лишь и к дубу дохаживал; там он однажды
Встретился мне, но едва избежал моего нападения.
Больше с божественным Гектором я воевать не намерен.
Завтра, Зевсу воздав и другим небожителям жертвы,
Я нагружу корабли и немедля спущу их на волны.
Завтра же, если желаешь и если тебя то заботит,
360 С ранней зарею узришь, как по рыбному понту помчатся
Все мои корабли, под дружиною жарко гребущей.

Если счастливое плаванье даст Посейдон мне могучий,
 В третий я день, без сомнения, Фтии достигну холмистой.
 Там довольно имею, что бросил, сюда я повлекшись;
 365 Много везу и отселе: золота, меди багряной,
 Пленных, красноопоясанных жен и седое железо;
 Всё, что по жребию взял; но награду, что он даровал мне,
 Сам, надо мною ругаясь, и отнял Атрид Агамемнон,
 Властью гордый! Скажите ему вы, что я говорю вам,
 370 Всё и пред всеми: пускай и другие, как я, негодуют,
 Если кого из ахейя еще обмануть уповаet,
 Вечным бесстыдством покрытый! Но, что до меня, я надеюсь,
 Он, хоть и нагл, как пес, но в лицо мне смотреть не посмеет!
 С ним не хочу я никак общаться, ни словом, ни делом!
 375 Раз он, коварный, меня обманул, оскорбил, и вторично
 Словом уже не уловит: довольно с него! но спокойный
 Пусть он исчезнет! лишил его разума Зевс промыслитель.
 Даром гнушаюсь его и в ничто самого я вменяю!
 Если бы в десять и в двадцать он крат предлагал мне сокровищ,
 380 Сколько и ныне имеет и сколько еще их накопит,
 Даже хоть всё, что приносят в Орхомен иль Фивы египтян,
 Град, где богатства без сметы в обителях граждан хранятся,
 Град, в котором сто врат, а из оных из каждых по двести
 Ратных мужей в колесницах, на быстрых конях выезжают;
 385 Или хоть столько давал бы мне, сколько песку здесь и праху, —
 Сердца и сим моего не преклонит Атрид Агамемнон,
 Прежде чем всей не изгладит терзающей душу обиды!
 Дщери супругой себе не возьму от Атреева сына;
 Если красую она со златой Афродитою спорит,
 390 Если искусством работ светлоокой Афине подобна,
 Дщери его не возьму! Да найдет из ахейя другого,
 Кто ему больше приличен и царственной властью выше.
 Ежели боги меня сохранят и в дом возвращусь я,
 Там — жену благородную сам стоворит мне родитель.
 395 Много ахейянок есть и в Элладе, и в счастливой Фтии,
 Дщерей ахейских вельмож, и градов и земель властелинов:
 Сердцу любую из них назову я супругою милой.
 Там, о, как часто мое благородное сердце алкает,

400 Брачный союз совершив, с непорочной супругою милой
В жизнь насладиться стяжаний, старцем Пелеем стяжанных.
С жизнью, по мне, не сравнится ничто: ни богатства, какими
Сей Илион, как вещают, обиловал, — град, процветавший
В прежние мирные дни, до нашествия рати ахейской;
Ни сокровища, сколько их каменный свод заключает
405 В храме Феба пророка в Пифосе, утесами грозном.
Можно всё приобрести, и волов, и овец среброрунных,
Можно стяжать и прекрасных коней, и золотые треноги;
Душу ж назад возвратить невозможно; души не стяжаешь,
Вновь не уловишь ее, как однажды из уст улетела.
410 Мать моя среброногая, мне возвестила Фетида:
Жребий двоякий меня ведет к гробовому пределу:
Если останусь я здесь, перед градом троянским сражаться, —
Нет возвращения мне, но слава моя не погибнет.
Если же в дом возвращусь я, в любезную землю родную,
415 Слава моя погибнет, но будет мой век долголетен,
И меня не безвременно Смерть роковая постигнет.
Я и другим воеводам ахейским советую то же:
В дома отсюда отплыть; никогда вы конца не дождетесь
Трои высокой: над нею перунов метатель Кронион
420 Руку свою распростер, и возвысилась дерзость народа.
Вы возвратитесь теперь и всем благородным данаям
Мой непреложно ответ, как посланников долг, возвестите.
Пусть на совете другое примыслят, вернейшее, средство,
Как им спасти и суда, и ахейский народ, утесненный
425 Подле судов мореходных; а то, что замыслили ныне,
Будет без пользы ахеянам: я непреклонен во гневе.
Феникс останется здесь, у нас успокоится старец;
Завтра же, если захочет, — неволей его не беру я, —
Вместе со мной в кораблях отплывет он к любезной отчизне”.

430 Так возразил, — и молчание долгое все сохраняли,
Речью его пораженные: грозно ее говорил он.
Между послов наконец провещал, заливаясь слезами,
Феникс, конник седой; трепетал о судах он ахейских:
“Если уже возвратиться, Пелид благородный, на сердце

435 Ты положил и от наших судов совершенно отрекся
 Огнь отразить пожирающий, — гнев запал тебе в душу, —
 Как, о возлюбленный сын, без тебя один я останусь?
 Вместе с тобою меня послал Эакид, твой родитель,
 В день, как из Фтии тебя отпускал в ополчение Атрида.
 440 Юный, ты был неискусен в войне, человечеству тяжкой;
 В сонмах советных неопытен, где прославляются мужи.
 С тем он меня и послал, да тебя всему научу я:
 Был бы в речах ты вития и делатель дел знаменитый.
 Нет, мой возлюбленный сын, без тебя не могу, не желаю
 445 Здесь оставаться, хотя бы сам бог обещал, всемогущий,
 Старость совлекши, вновь возвратить мне цветущую младость:
 Годы, как бросил Элладу я, славную жен красотой,
 Злобы отца избегая, Аминтора, грозного старца.
 Гневался он на меня за пышноволосяную деву:
 450 Страстно он деву любил и жестоко бесславил супругу,
 Матерь мою; а она, обнимая мне ноги, молила
 С девою прежде почить, чтобы стал ненавистен ей старец.
 Я покорился и сделал. Отец мой, то скоро приметив,
 Начал меня проклинать, умоляя ужасных Эриний,
 455 Век на колена свои да не примет он милого сына,
 Мной порожденного: отчие клятвы исполнили боги,
 Зевс подземный и чуждая жалости Персефония.
 В гневе убить я отца изощренною медью решился;
 Боги мой гнев укротили, представивши сердцу, какая
 460 Будет в народе молва и какой мне позор в человеках,
 Ежели отцеубийцей меня прозовут аргивяне!
 Но от оной поры для меня уже стало несносно,
 Близко отца раздраженного, в доме с тоскою скитаться.
 Други, родные мои, неотступно меня окружая,
 465 Силились общей мольбой удержать в отеческом доме.
 Много и тучных овец, и тяжелых волов круторогих
 В доме зарезано; многие свиньи, блестящие туком,
 По двору были простерты на яркий огонь обжигаться;
 Много выпито было вина из кувшинов отцовских.
 470 Девять ночей непрерывно они вокруг меня ночевали;
 Стражу держали, сменялся; целые ночи не гаснул

В доме огонь; один — под крыльцом на дворе крепкостенном,
И другой — в сенях, пред дверями моей почивальни.
Но когда мне десятая темная ночь наступила,
475 Я у себя в почивальне искусно створявшиесь двери
Выломал, вышел и быстро чрез стену двора перепрыгнул,
Тайно от всех и домовых жен, и мужей стерегущих.
После далеко бежал чрез обширные степи Эллады
И пришел я во Фтию, овец холмистую мать,
480 Прямо к Пелею царю. И меня он, приняв благосклонно,
Так полюбил, как любит родитель единого сына,
Поздно рожденного старцу, наследника благ его многих.
Сделал богатым меня и народ многочисленный вверил.
Там над долонами царствуя, жил я на фтийском пределе;
485 Там и тебя воспитал я такого, бессмертным подобный!
Нежно тебя я любил: никогда с другим не хотел ты
Выйти на пир пред гостей; ничего не вкушал ты и дома
Прежде, поколе тебя не возьму я к себе на колена,
Пищи, разрезав, не дам и вина к устам не приближу.
490 Сколько ты раз, Ахиллес, заливал мне одежду на персях,
Брызжа из уст вино, во время неловкого детства.
Много забот для тебя и много трудов перенес я,
Думая так, что, как боги уже не судили мне сына,
Сыном тебя, Ахиллес, подобный богам, нареку я;
495 Ты, помышляя я, избавишь меня от беды недостойной.
Сын мой, смири же ты душу высокую! храбрый не должен
Сердцем немилостив быть: умолимы и самые боги,
Столько превышие нас и величьем, и славой, и силой.
Но и богов — приношением жертвы, обетом смиренным,
500 Вин возлияньем и дымом курений смягчает и гневных
Смертный молящий, когда он пред ними виновен и грешен.
Так, Молитвы — смиренные дочери великого Зевса —
Хромы, морщинисты, робко подъемлющи очи косые,
Вслед за Обидой они, непрестанно заботные, ходят.
505 Но Обида могуча, ногами быстра; перед ними
Мчится далеко вперед и, по всей их земле упреждая,
Смертных язвит; а Молитвы спешат исцелять уязвленных.
Кто принимает почтительно Зевсовых дочерей прибежных,

Много тому помогают и скоро молящемусь внемлют;
 510 Кто ж презирает богинь и, душою суров, отвергает, —
 К Зевсу прибегнув, они умоляют отца, да Обида
 Ходит за ним по следам и его, уязвляя, накажет.
 Друг, воздай же и ты, что следует, Зевсовым дочерям:
 Честь, на воздание коей всех добрых склоняются души.
 515 Если б даров не давал, как теперь, так и после, толь многих,
 Сын Атреев, но все бы упорствовал в гибельном гневе, —
 Я не просил бы тебя, чтобы, гнев справедливый отринув,
 Ты защитил аргивян, невзирая, что жаждут защиты.
 Много и ныне даров он дает и вперед обещает;
 520 С кротким прошеньем к тебе присылает мужей знаменитых,
 В целом народе избранных, тебе самому здесь любезных
 Более всех из данаев. Не презри же их ты ни речи,
 Ни посещения. Ты не без права гневался прежде.
 Так мы слышим молвы и о древних славных героях:
 525 Пылкая злоба и их обымала великие души;
 Но смягчаемы были дарами они и словами.
 Помню я дело одно, но времен стародавних, не новых:
 Как оно было, хочу я поведать меж вами, друзьями.
 Брань была меж куретов и бранолюбивых этолян
 530 Вкруг Калидона града, и яростно билися рати:
 Мужи этольцы стояли за град Калидон, им любезный,
 Мужи куреты пылали обитель их боем разрушить.
 Горе такое на них Артемида богиня воздвигла,
 В гневе своем, что Иней с плодоносного сада начатков
 535 Ей не принес; а бессмертных других насладил гекатомбой;
 Жертвы лишь ей не принес, громовержца великого дщери:
 Он не радел, иль забыл, но душой согрешил безрассудно.
 Гневное божие чадо, стрельбой веселящаясь Феба
 Вепря подвигла на них, белоклыкого лютого зверя.
 540 Страшный он вред наносил, на Инея сады набегая:
 Купы высоких деревьев опрокинул одно на другое,
 Вместе с корнями, вместе с блистательным яблоков цветом.
 Зверя убил наконец Инеид Мелеагр нестрашимый,
 Вызвав кругом из градов звероловцев с сердитыми псами
 545 Многих: его одолеть не успели бы с малого силой —

Этаков был! на костер печальный многих послал он.
Феба о нем воспалила жестокою, шумную распря,
Бой о клыкастой главе и об коже щетинистой вепря
Между сынами куретов и гордых сердцами этолян.
550 Долго, пока Мелеагр за этолян, могучий, сражался,
Худо было куретам: уже не могли они сами
В поле, вне стен, оставаться, хотя и сильнейшие были.
Но когда Мелеагр предался гневу, который
Сердце в груди напыщает у многих, мужей и разумных
555 (Он, на любезную мать Алфею озлобленный сердцем,
Праздный лежал у супруги своей, Клеопатры прекрасной.
Дщери младой Эвенины жены, легконогой Марписсы,
И могучего Ида, храбрейшего меж земнородных
Оных времен: на царя самого, стрелоносного Феба,
560 Поднял он лук за супругу свою, легконогую нимфу:
С того времени в доме отец и почтенная мать
Дочь Алкионою прозвали, в память того, что и мать,
Горькую долю неся Алкионы многопечальной,
Плакала целые дни, как ее стреловежец похитил.
565 Он у супруги покоился, гнев душевредный питая,
Матери клятвами страшно прогневанный: грустная мать
Часто богов заклинала — отметить за убитого брата;
Часто руками она, иступленная, о землю била
И, на коленях сидящая, грудь обливая слезами,
570 С воплем молила Аида и страшную Персефонию
Смерть на сына послать; и несящаясь в мраках Эриннис,
Фурия немилосердая, воплю вняла из Эреба),
Скоро у врат калидонских и стук и треск раздалися
Башен, громимых врагом. Мелеагра этольские старцы
575 Стали молить и послали избранных священников бога,
Дар обещая великий, да выйдет герой и спасет их.
Где плодоносней земля на веселых полях калидонских,
Там позволяли ему, в пятьдесят десятин, наилучший
Выбрать удел: половину земли виноградом покрытой
580 И половину нагой, для оранья годной, отрезать.
Много его умолял конеборец Иней престарелый;
Сам до порога поднявшись его почивальни высокой,

В створы дверей он стучал и просил убедительно сына.
 Много и сестры его, и почтенная мать молили:
 585 Пуще отказывал; много его и друзья убеждали,
 Чтимые им и любимые более всех в Калидоне;
 Но ничем у него не подвигнули сердца, доколе
 Терем его от ударов кругом не потрясса: на башни
 Сила куретов взошла и град зажигала великий.
 590 И тогда-то уже Мелеагра жена молодая
 Стала, рыдая, молить и исчислила все пред героем,
 Что в завоеванном граде людей постигает несчастных:
 Граждан в жилищах их режут, пламень весь град пожирает,
 В плен и детей, и красноопоясанных жен увлекают.
 595 Духом герой взволновался, о страшных деяниях слыша;
 Выйти решился и пышноблестящим покрылся доспехом.
 Так Мелеагр отразил погибельный день от этолян,
 Следуя сердцу: еще Мелеагру не отдано было
 Многих прекрасных даров; но несчастье так отразил он.
 600 Ты ж не замысли подобного, сын мой любезный! и демон
 Сердце тебе да не склонит к сей думе! Погибельней будет
 В бурном пожаре суда избавлять; для даров знаменитых
 Выйди, герой! и тебя, как бога, почтут аргивяне.
 Если же ты без даров, а по нужде на брань ополчишься,
 605 Чести подобной не снищешь, хоть будешь и брани решитель”.

Старцу немедля ответственвал царь Ахиллес быстроногий:
 “Феникс, отец мой, старец божественный! В чести подобной
 Нужды мне нет; я надеюсь быть чествован волею Зевса!
 Честь я сию сохранию перед войском, доколе дыханье
 610 Будет в груди у меня и могучие движутся ноги.
 Молвлю тебе я другое, а ты положи то на сердце:
 Мне не волнуй ты души, предо мною крушася и плача,
 Сыну Атрея в угодность; тебе и не должно Атрида
 Столько любить, да тому, кем любим, ненавистен не будешь.
 615 Ты оскорби человека, который меня оскорбляет!
 Царствуй, равно как и я, и честь разделяй ты со мною.
 Скажут они мой ответ; оставайся ты здесь, успокойся

В куще, на мягком ложе; а завтра, с восходом Денницы,
Вместе помыслим, отплыть восвояси нам или остаться”.

- 620 Рек — и Патроклу, в безмолвии, знаменье подал бровями
Фениксу мягкое ложе постлатъ, да скорее другие
Выйти из кущи помыслят. Тогда Теламонид великий,
Богу подобный Аякс, подымался и так говорил им:
“Сын благородный Лаэртгов, герой Одиссей многоумный!
625 Время идти; я вижу, к желаемой цели беседы
Сим нам путем не достигнуть. Ахейцам как можно скорее
Должно ответ объявить, хоть он и не радостен будет;
Нас ожидая, ахейцы сидят. Ахиллес мирмидонец
Дикую в сердце вложил, за предел выходящую гордость!
630 Смертный, суровый! в ничто поставляет и дружбу он ближних,
Дружбу, какую мы в стане его отличали пред всеми!
Смертный, с душою бесчувственной! Брат за убитого брата,
Даже за сына убитого пеню отец принимает;
Самый убийца в народе живет, отплатившись богатством;
635 Пеню же взявший — и мстительный дух свой, и гордое сердце —
Все наконец укрощает; но в сердце тебе бесконечный
Мерзостный гнев положили бессмертные ради единой
Девы! но семь их тебе, превосходнейших, мы предлагаем,
Много даров и других! Облеки милосердием душу!
640 Собственный дом свой почти; у тебя под кровом пришельцы
Мы от народа ахейского, люди, которые ищем
Дружбы твоей и почтения, более всех из ахейан”.

И немедля ему отвечал Ахиллес быстроногий:

- “Сын Теламонов, Аякс благородный, властитель народа!
645 Всё ты, я чувствую сам, говорил от души мне, но, храбрый!
Сердце мое раздымается гневом, лишь вспомню о том я,
Как обесчестил меня перед целым народом ахейским
Царь Агамемнон, как будто бы был я скиталец презренный!
Вы возвратитесь назад и пославшему весть возвестите:
650 Я, объявите ему, не помыслю о битве кровавой
Прежде, пока Приамид браноносный, божественный Гектор,
К сеням уже и широким судам не придет мирмидонским,

Рати ахеян разбив, и пока не зажжет кораблей их.
 Здесь же, у сени моей, пред моим кораблем чернобоким,
 655 Гектор, как ни неистов, от брани уймется, надеюсь”.

Рек он, — и каждый, в молчании, кубок взяв двоедонный,
 Возлил богам и из сени ишел; Одиссей предитёк им.
 Тою порою Патрокл повелел и друзьям и рабыням
 Фениксу мягкое ложе как можно скорее готовить.
 660 Жены, ему повинуюсь, как он повелел, простирали
 Руны овец, покрывало и цвет нежнейший из лена.
 Там покоился Феникс, Денницы святой ожидая.
 Но Ахиллес почивал внутри крепкостворчатой кущи;
 И при нем возлегла полоненная пм лесбиянка,
 665 Форбаса дочь, Диомеда, румяноланитая дева.
 Сын же Менетиев спал напротив; и при нем возлежала
 Легкая станом Ифиса, ему Ахиллесом героем
 Данная в день, как разрушил он Скирос, град Эниея.

Те же — едва показались у кущи Атрида владыки,
 670 С кубками их золотыми ахеян сыны привечали,
 В встречу один за другим подымаясь и их вопрошая.
 Первый из них говорил повелитель мужей Агамемнон:
 “Молви, драгой Одиссей, о великая слава данаев,
 Хочет ли он от судов отразить пожирающий пламень
 675 Или отрекся и гордую душу питает враждою?”

И ему отвечал Одиссей, знаменитый страдалец:
 “Славою светлый Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
 Нет, не хочет вражды утолить он; сильнеею прежней
 Пышет грозой, презирает тебя и дары отвергает.
 680 В бедствах тебе самому велит с аргиевными думать,
 Как защитить корабли и стесненные рати ахеян.
 Сам угрожает, что завтрашний день, лишь Денница возникнет,
 На море все корабли обоюдovesельные спустит.
 Он и другим воеводам советовать тоже намерен —
 685 В дома отплыть; никогда, говорит он, конца не обресть вам
 Трои высокой: над нею перунов метатель Кронион
 Руку свою распростер, — и возвысилась дерзость народа.

Так он отвечивал; вот и спутники то же вам скажут,
 Сын Теламона и вестники наши, разумные оба.
 690 Феникс же там успокоился, старец; так повелел он,
 Чтоб за ним в кораблях, обратно к отчизне любезной
 Следовал завтра, но если он хочет, — неволить не будет”.

Так говорил, — и молчанье глубокое все сохраняли.
 Речью его пораженные: грозное он им поведаль.
 695 Долго безмолвными были унылые мужи ахейцы;
 Но меж них наконец взговорил Диомед благородный:
 “Царь знаменитый Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
 Лучше, когда б не просил ты высокого сердцем Пелида,
 Столько даров обещая: горд и сам по себе он,
 700 Ты же в Пелидово сердце вселяешь и большую гордость.
 Кончим о нем и его мы вставим; отсюда он едет
 Или не едет — начнет, без сомнения, ратовать снова,
 Ежели сердце велит и бог всемогущий воздвигнет.
 Слушайте, други, что я предложу вам, одобрите все вы:
 705 Ныне предайтесь покою, но прежде сердца ободрите
 Пищей, вином: вино человеку и бодрость и крепость.
 Завтра ж, как скоро блеснет розоперстая в небе Денница,
 Быстро, Атрид, пред судами построй ты и конных и пеших,
 Дух ободри им и сам перед воинством первый сражайся”.

710 Так произнес, — и воскликнули весело все скиptronосцы,
 Смелым дивясь речам Диомеда, смирителя коней.
 Все наконец, возлиявши богам, разошлись по кущам,
 Где предались покою и сна насладились дарами.

Песнь десятая

Долония

Все при своих кораблях, и цари и герои ахейн,
 Спали целую ночь, побежденные сном благотворным;
 Но Атрид Агамемнон, ахейского пастырь народа,

Сладкого сна не вкушал, волнуемый множеством мыслей.
 5 Словно как молнией блещет супруг лепокудрыя Геры,
 Если готовит иль дождь бесконечный, иль град вредоносный,
 Или метель, как снега убеляют широкие степи,
 Или погибельной брани огромную пасть отверзает, —
 Так многократно вздыхал Агамемнон, глубоко от сердца,
 10 Скорбью гнетомого; самая внутренность в нем трепетала;
 Ибо когда озирает он троянский стан, удивлялся
 Их огням неисчетным, пылающим пред Илионом,
 Звуку свирелей, цевниц и смятенному шуму народа.
 Но когда он взирал на ахейский стан неподвижный,
 15 Клоки власов у себя из главы исторгал, вознося их
 Зевсу всевышнему: тяжело стеноло в нем гордое сердце.

Дума сия наконец показалася лучшей Атриду —
 С Нестором первым увидеться, мудрым Нелеевым сыном.
 С ним не успеют ли вместе устроить совет непорочный,
 20 Как им беду отворотить от стесненной рати ахейской;
 Встал Атрейон и с поспешностью перси одеял хитоном;
 К белым ногам привязал красивого вида плесницы;
 Сверху покрылся великого льва окровавленной кожей,
 Рыжей, огромной, от выи до пят, и копьём ополчился.
 25 Страхом таким же и царь Менелай волновался; на очи
 Сон и к нему не сходил: трепетал он, да бед не претерпят
 Мужа ахейцы, которые все по водам беспредельным
 К Трое пришли, за него дерзновенную брань подымая.
 Встал и широкие плечи покрыл он пардовой кожей,
 30 Пятнами пестрой; на голову шлем, приподнявши, надвинул,
 Медью блестящий, и, дрот захвативши в могучую руку,
 Так он пошел, чтобы брата воздвигнуть, который верховным
 Был царем аргиев и, как бог, почитался народом.
 Он, при корме корабля, покрывавшегось пышным доспехом,
 35 Брата нашел, и был для него посетитель приятный.
 Первый к нему возгласил Менелай, воинственный славный:
 “Что вооружаешься, брат мой почтенный? или от ахеев
 Хочешь к троянам послать соглядатая? Но, признаюсь,

Я трепещу, чтоб не вызвался кто на подобное дело
40 И чтоб враждебных мужей согладать не пошел одинокий
В сумраках ночи глухой: человек дерзосердый он будет”.

Брату в ответ говорил повелитель мужей Агамемнон:
“Нужда в совете и мне и тебе, Менелай благородный,
В мудром совете, который бы мог защитить и избавить
45 Рать аргивян и суда; изменилось Крониново сердце:
К Гектору, к жертвам его преклонил он с любовью душу!
Нет, никогда не видал я, ниже не слышал, чтоб единый
Смертный столько чудес, и в день лишь единый, предпринял,
50 Сколько свершил над ахейцами Гектор, Зевесу любезный,
Гектор, который не сын ни богини бессмертной, ни бога.
Но что свершил он, о том сокрушаться ахеяне будут
Часто и долго; такие беды сотворил он ахейцам!
Но иди, Менелай, призови Девкалида, Аякса,
Прямо спешу к кораблям, а к почтенному сыну Нелея
55 Сам я иду и восстать преклоню, не захочет ли старец
Стражей священный сонм навестить и блюстись приказать им;
Верно, ему покорятся охотнее; сын его храбрый
Стражи начальствует сонмом, и с ним Девкалида сподвижник,
Вождь Мерион; предпочтительно им поручили мы стражу”.

60 И его спросил Менелай, воинственный славный:
“Что же мне ты прикажешь и как повелишь, Агамемнон?
Там ли остаться, у них, твоего ожидая прихода,
Или к тебе поспешать возвратиться, как всё накажу им?”

Вновь Менелаю вещал повелитель мужей Агамемнон:
65 “Там ты останься, чтоб мы не могли разойтись с тобою,
Ходя в сумраке: много дорог по широкому стану.
Где же пойдешь, окликай, и всем советуй стеречься;
Каждого мужа, Атрид, именуй по отцу и по роду;
Всех приветливо чествуй, и сам ни пред кем не величься.
70 Ныне и мы потрудимся, как прочие; жребий таков наш!
Зевс на нас, на родившихся, тяжкое горе возвергнул!”

Так говоря, отпускает он брата, разумно наставив;
 Сам наконец поспешает к владыке народов Нелиду.
 75 Старца находит при черном его корабле против кущи,
 В мягком одре, и при нем боевые лежали доспехи:
 Выпуклый щит, и два копья, и шелом светозарный;
 Подле и пояс лежал разноцветный, который сей старец
 Часто еще препоясывал, в бой мужегубный готовясь
 Рать предводить: еще не сдавался он старости грустной.
 80 Нестор, привставши на локоть и голову с ложа поднявши,
 К сыну Атрея вещал и его вопрошал громогласно:
 “Кто ты? и что меж судами по ратному стану здесь ходишь
 В сумраке ночи один, как покоятся все человеки?
 Друга ли ты или, может быть, меска сбежавшего ищешь?
 85 Что тебе нужно? Окликнись, а молча ко мне не ходи ты!”

Старцу немедля отвечивал пастырь мужей Агамемнон:
 “Нестор, почтеннейший старец, великая слава данаев!
 Ты Агамемнона видишь, которого Зевс промыслитель
 Более всех подвергнул трудам бесконечным, куда
 90 В персях моих остается дыханье и движутся ноги.
 Так я скитаюсь; на очи мои ниже ночью не сходит
 Сладостный сон, и на думах лишь брань и напасти ахейя!
 Так за ахейя жестоко страшуся я: дух мой не в силах
 Твердость свою сохранять, но волнуется; сердце из персей
 95 Вырваться хочет, и ноги мои подо мною трепещут!
 Если что делать намерен ты (сон и к тебе не приходит),
 Встань, о Нелид, и ко стражам ахейским дойдем и осмотрим.
 Может быть, все, удрученные скучным трудом и дремотой,
 Сну предалися они и о страже опасной забыли.
 100 Рати же гордых врагов недалеко; а мы и не знаем,
 В сумраке ночи они не хотят ли внезапно ударить”.

Сыну Атрея отвечивал Нестор, конник геренский:
 “Славою светлый Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
 Замыслы Гектору, верно, не все промыслитель небесный
 105 Ныне исполнит, как гордый он ждет; и его удручит он

Горем, я чаю, и большим, когда Ахиллес быстроногий
 Храброе сердце свое отвратит от несчастного гнева.
 Следовать рад я с тобою; пойдём, и других мы разбудим
 Храбрых вождей: Диомеда героя, царя Одиссея,
 110 С ними Аякса быстрого, также Филеева сына.
 Если б еще кто-нибудь поспешил и к собранию призвал
 Идомея царя и подобного богу Аякса:
 Их корабли на конце становища, отсюда не близко.
 Но Менелая, любезного мне и почтенного друга,
 115 Я укорю, хоть тебя и прогневаю; нет, не сокрою!
 Он почивает, тебя одного заставляет трудиться!
 Ныне он должен бы около храбрых и сам потрудиться,
 Должен бы всех их просить, настоят нестерпимая нужда!”

Нестору вновь отвечал повелитель мужей Агамемнон:
 120 “Старец, другою порой укорять я советую брата:
 Часто медлителен он и как будто к трудам неохотен, —
 Но не от праздности низкой или от незнания дела:
 Смотрит всегда на меня, моего начинания ждущий.
 Ныне же встал до меня и ко мне неожидан явился.
 125 Брата послал я просить предводителей, коих ты назвал.
 Но поспешим, и найдем, я надеюсь, их мы у башни,
 Вместе с дружиной стражебною: там повелел я собраться”.

Снова Атриду отвечал Нестор, конник геренский:
 “Ежели так, из данаев никто на него не возропщет:
 130 Каждый послушает, если он что запретит иль прикажет”.

Так говоря, одевал он перси широким хитоном;
 К белым ногам привязал прекрасного вида плесницы,
 После — кругом застегнул он двойной свой, широкопадающий,
 Пурпурный плащ, по котором струилась косматая волна;
 135 И, копьё захватив, повершенное острою медью,
 Так устремился Нелид меж судов и меж кущей ахеян.
 Там сперва Одиссея, советами равного Зевсу,
 Поднял от сна восклицающий громко возница геренский.
 Скоро дошел до души Одиссеевой Несторов голос:

140 Выступил он из-под кущи и так говорил воеводам:
 “Что меж судами одни по воинскому ходите стану
 В сумраке ночи? какая пришла неизбежная нужда?”

Сыну Лаэрта отвечивал Нестор, конник геренский:
 “Сын благородный Лаэртов, герой Одиссей многоумный!
 145 Ты не ропщи: аргивянам жестокая нужда приходит!
 С нами иди, и других мы разбудим, с которыми должно
 Ныне ж решить на совете, бежать ли нам или сражаться”.

Рек он, — и быстро под кущу вступил Одиссей многоумный,
 Щит свой узорный за плечи закинул и следовал с ними.
 150 К сыну Тидея пошли и нашли Диомеда лежащим
 Одадь от сени, с оружием; около ратные други
 Спали; сголовьем их были щиты, у постелей их копья
 Прямо стояли, вонзенные древками; медь их далеко
 В мраке блистала, как молния Зевса. Герой в середине
 155 Спал, и постелью была ему кожа вола степового;
 Светлый, блестящий ковер лежал у него в изголовье.
 Близко пришедши, будил почивавшего Нестор почтенный,
 Трогая краем ноги, и в лицо укорял Диомеда:
 “Встань, Диомед! и что ты всю ночь почиваешь беспечно?
 160 Или забыл, что трояне, заняв возвышение поля,
 Близко стоят пред судами и узкое место нас делит?”

Так говорил; почивавший с постели стремительно вспрынул
 И, обратясь к нему, произнес крылатые речи:
 “Слишком заботливый старец, трудов никогда ты не бросишь!
 165 Нет ли у нас и других, в ополчении младших данаев,
 Коим приличнее было б вождей нас будить по порядку,
 Ходя по стану ахейскому; неутомим ты, о старец!”

Сыну Тидея отвечивал Нестор, конник геренский:
 “Так, Диомед, справедливо ты всё и разумно вещаешь.
 170 Есть у меня и сыны непорочные, есть и народа
 Много подвластного: было б кому обходить и сзывать вас;
 Но жестокая нужда аргивских мужей постигает!

Всем аргивянам теперь на мечном острiiи распростерта
Или погибель позорная, или спасение жизни!

175 Но поспеши ты и сына Филеева с быстрым Аяксом
К нам призови: ты моложе меня и о мне сожалеешь”.

Рек; Диомед, немедля покрывшийся львиною кожей,
Рыжей, огромной, до пят доходящей, и дрот захвативши,
Быстро пошел, разбудил воевод и привел их с собою.

180 Скоро владыки ахеян достигнули собранных стражей,
И не в дремоте они предводителей стражи застали:
Бодро молодые ахейцы, с оружием в дланях, сидели.
Словно как псы у овчарни овец стерегут беспокойно,
Сильного зверя зачуяв, который из гор, голодалый,
185 Лесом идет; подымается шумная противу зверя
Псов и людей стерегущих тревога, их сон пропадает, —
Так пропадал на очах усладительный сон у ахеян,
Стан охраняющих в грозную ночь: непрестанно на поле
Взоры вперяли они, чтоб узнать, не идут ли трояне.

190 С радостью старец узрел их и, более дух ободряя,
Весело к ним говорил, устремляя крылатые речи:
“Так стерегитесь, любезные дети! никто и не думай,
Стоя на страже, о сне: да не будем мы в радость враждебным”.

Так говоря, перенесся за ров; и за ним устремились
195 Все скиptronосцы ахейские, сколько звано их к совету.
С ними герой Мерион и Несторов сын знаменитый
Следовал: сами цари пригласили и их для совета.
Вместе они, перешедшие ров, пред стеною изрытый,
Сели на чистой поляне, на месте, свободном от трупов
200 В сече убитых, отколь возвратился крушительный Гектор,
Рать истреблявший данаев, доколе их ночь не покрывала;
Там воеводы, сидящие, между собой говорили.
Речь им полезную начал геренский воинственник Нестор:
“Други! не может ли кто-либо сам на свое положиться
205 Смелое сердце и ныне же к гордым троянам пробраться

В мраке ночном? не возьмет ли врага он, бродящего с краю;
 Или не может ли между троян разговора услышать,
 Как меж собою они полагают: решились ли твердо
 Здесь оставаться далеко от города или обратно
 210 Мнят от судов отступить, как уже одолели данаев.
 Если бы то он услышал и к нам невредим возвратился
 О, великая слава была бы ему в поднебесной,
 Слава у всех человек; ему и награда прекрасна!
 Сколько ни есть над судами ахейских начальников храбрых,
 215 Каждый из них наградит возвратившегося черной овцою
 С агнцем сосущим, — награда, с которой ничто не сравнится;
 Будет всегда он участник и празднеств, и дружеских пиршеств”.

Рек, — и никто не отвечивал, все хранили молчанье.
 Первый меж них взговорил Диомед, восватель могучий:
 220 “Нестор! меня побуждает душа и отважное сердце
 В стан враждебный войти, недалеко лежащий троянский.
 Но когда и другой кто со мною идти пожелает,
 Более бодрости мне и веселости более будет.
 Двум совокупно идущим, один пред другим вымышляет,
 225 Что для успеха полезно; один же хотя бы и мыслил, —
 Медленней дума его и слабее решительность духа”.

Так говорил, — и идти с ним хотящие многие встали:
 Оба Аякса хотят, нестрашимые слуги Арея;
 Хочет герой Мерион, Фразимед беспредельно желает;
 230 Хочет и светлый Атрид Менелай, знаменитый копейщик;
 Хочет и царь Одиссей во враждебные сонмы проникнуть, —
 Смелый: всегда у него на опасности сердце дерзало.
 Но меж них возгласил повелитель мужей Агамемнон:
 “Отрасль Тидея, любезнейший мне Диомед благородный!
 235 Спутника сам для себя избирай, и кого пожелаешь;
 Кто из представших, как мыслишь, отважнейший: многие
 жаждут.
 Но, из почтения тайного, лучшего к делу не брось ты
 И не выбери худшего, страху души уступая;
 Нет, на род не взирай ты, хотя б и державнейший был он”.

240 Так Агамемнон вещал, за царя Менелая страшая.
 К ним же вновь говорил Диомед, воеватель бесстрашный:
 “Ежели мне самому избрать вы друга велите,
 Как я любимца богов, Одиссея героя забуду?
 Сердце его, как ничье, предприимчиво; дух благородный
 245 Тверд и в трудах и в бедах; и любим он Палладой Афиной!
 Если сопутник мой он, из огня мы горящего оба
 К вам возвратимся: так в нем обилен на вымыслы разум”.

Но ему возразил Одиссей, знаменитый страдалец:
 “Слишком меня не хвали, не хули, Диомед благородный, —
 250 Знающим всё говоришь ты царям и героям ахейским.
 Лучше пойдем мы! Ночь убегает, и близко Денница;
 Звезды ушли уж далеко; более двух уже долей
 Ночь совершила, и только что третья доля осталась”.

Так говоря, покрывались оба оружием страшным.
 255 Несторов сын, Фразимед воинственный, дал Диомеду
 Медяный нож двулезвенный (свой при судах он оставил),
 Отдал и щит; на главу же героя из кожи воловой
 Шлем он надел, но без гребня, без блях, называемый плоским,
 Коим чело у себя покрывает цветущая младость.
 260 Вождь Мерион предложил Одиссею и лук и колчан свой,
 Отдал и меч; на главу же надел Лаэртида героя
 Шлем из кожи; внутри перепутанный часто ремнями,
 Крепко натянут он был, а снаружи по шлему торчали
 Белые вепря клыки, и сюда и туда воздымаясь
 265 В стройных, красивых рядах; в середине же полстью подбит он.
 Шлем сей — древле из стен Элеона похитил Автолик,
 Там Горменида Аминтора дом крепкозданный разрушив;
 В Скандии ж отдал его Киферийскому Амфидамасу;
 Амфидамас подарил, как гостинец приятный, Молу;
 270 Мол, наконец, Мериону вручил его, храброму сыну;
 Ныне сей шлем знаменитый главу осенил Одиссея.

Так Одиссеи с Диомедом, покрывшись оружием страшным,
 Оба пустились, там же оставив старейшин ахейских;

275 Доброе знаменье храбрым немедля послала Афина —
 Цаплю на правой руке от дороги; они не видали
 Птицы сквозь сумраки ночи, но слышали звонкие крики.
 Птицей обрадован был Одиссей и взмолился Афине:
 “Глас мой услышь, громовержцем рожденная! Ты, о богиня,
 280 Мне соприсушна во всяком труде: от тебя не скрываю
 Дум я моих; но теперь благосклонною будь мне, Афина!
 Дай нам к ахейским судам возвратиться покрытыми славой,
 Сделав великое дело, на долгое горе троянам!”

И взмолился второй, Диомед, воеватель могучий:
 “Ныне услышь и меня, необорная дочь Эгиоха!
 285 Спутницей будь мне, какою была ты герою Тидею
 К Фивам, куда он с посольством ходил от народов аргивских;
 Возле Асоповых вод аргивян меднолатных оставив,
 Мирные вести отец мой кадмеянам нес браноносным
 В град, но, из града идущий, деяния, страшные слуху,
 290 Сделал, с тобой: благосклонная ты предстояла Тидею.
 Так ты по мне поборай и меня сохрани, о богиня!
 В жертву тебе принесу я широкочелистую краву,
 Юную, выя которой еще не склонялась под иго;
 В жертву ее принесу я, с рогами, облитыми златом”.

295 Так говорили, молясь; и вняла им Паллада Афина.
 Кончив герои мольбу громовержца великого дщери,
 Оба пустились, как львы дерзновенные, в сумраке ночи,
 Полею убийства, по трупам, по сбруям и токам кровавым.

Тою порой и троянским сынам Приамид не позволил
 300 Сну предаваться; собрал для совета мужей знаменитых,
 Всех в ополченье троянском вождей и советников мудрых.
 Собранным вместе мужам, предлагал он совет им полезный:
 “Кто среди вас за награду великую мне обещает
 Славное дело свершить? А награда богатая будет:
 305 Дам колесницу тому и яремых коней гордовыйных
 Двух, превосходнейших всех при судах быстролетных
 данайских,

Кто между вами дерзнет (а покрылся б он светлою славой!)
 В сумраке ночи к ахейскому стану дойти и разведать
 Так ли ахеян суда, как и прежде, опасно стрегомы;
 310 Или, уже укрощенные силою нашей, ахейцы
 Между собой совещают о бегстве и нынешней ночью
 Стражи держать не желают, трудом изнуренные тяжким”.

Так говорил; но молчанье глубокое все сохраняли.
 Был меж троянами некто Долон, троянца Эвмеда,
 315 Вестника, сын, богатый и златом, богатый и медью;
 Сын, меж пятью дочерями, единственный в доме отцовском,
 Видом своим человек непригожий, но быстрый ногами.
 Он предводителю Гектору так говорил, приступивши:
 “Гектор, меня побуждает душа и отважное сердце
 320 В сумраке ночи к судам аргивян подойти и разведать.
 Но, Приамид, обнадежь, подыми твой скиптр и клянися,
 Тех превосходных коней и блестящую ту колесницу
 Дать непременно, какие могучего носят Пелида.
 Я не напрасный тебе, не обманчивый ведомец буду:
 325 Стан от конца до конца я пройду, и к судам достигну я,
 К самым судам Агамемнона; верно, ахеян владыки
 Там совет совещают, бежать ли им или сражаться”.

Рек он, — и Гектор поднял свой скипетр и клялся Долону:
 “Сам Эгиох мне свидетель, супруг громовержущий Геры!
 330 Муж в Илионе другой на Пелидовых коней не сядет:
 Ты лишь единый, клянуся я, оными славиться будешь”.

Рек он — и суетно клялся, но сердце разжег у троянца.
 Быстро и лук свой кривой, и колчан он за плечи забросил,
 335 Сверху покрылся кожей косматого волка седого;
 Шлем же хорёвый надел и острым копьем ополчился.
 Так от троянского стана пошел он к судам; но троянцу
 Вспять не прийти от судов, чтобы Гектору вести доставить.
 Он, за собой лишь оставил толпы и коней и народа,
 Резво дорогой пошел. Подходящего скоро приметил
 340 Царь Одиссей и спутнику так говорил, Диомеду:

“Верно, сей муж, Диомед, из троянского стана подходит!
 Он, но еще не уверен я, наших судов соглядатай;
 Или подходит, чтоб чей-либо труп из убитых ограбить.
 Но позволим сначала немного ему по долине
 345 Нас миновать, а потом устремимся и верно изловим,
 Быстро напад; но когда, убегающий, нас упредит он,
 Помни, от стана его к кораблям отбивай непрестанно,
 Пикой грозя, чтобы он не успел убежать к Илиону”.

Так сговорятся, они у дороги, меж грудями трупов,
 350 Оба припали, а он мимо их пробежал, безрассудный.
 Но, лишь прошел он настолько, как борозды нивы бывают,
 Мулами вспаханной (долее мулы волов тяжконогих
 Могут плуг составной волочить по глубокому пару),
 Бросились гнаться герои, — и стал он, топот услышав.
 355 Чаял он в сердце своем, что друзья из троянского стана
 Кликать обратно его, по велению Гектора, гнались.
 Но, лишь предстали они на полет копья или меньше,
 Лица врагов он узнал и проворные ноги направил
 К бегству, и быстро они за бегущим пустились в погоню.
 360 Словно как два острозубые пса, приобывшие к ловле,
 Серну иль зайца подняв, постоянно упорные гонят
 Местом лесистым, а он пред гонящими, визгая, скачет, —
 Так Диомед и рушитель градов Одиссей илионца
 Полям, отрезав от войск, постоянно упорные гнали.
 365 Но, как готов уже был он с ахейскою стражей смешиться,
 Прямо к судам устремлялся, — ревность вдохнула Афина
 Сыну Тидея, да в рати никто не успеет хвалиться
 Славой, что ранил он прежде, а сам да не явится после.
 Бросясь с копьем занесенным, вскричал Диомед на троянца:
 370 “Стой иль настигну тебя я копьем! и напрасно, надеюсь,
 Будешь от рук ты моих избегать неминуемой смерти!”

Рек он — и ринул копье, и с намереньем мимо прокинул:
 Быстро над правым плечом пролетевши, блестящее жалом,
 В землю воткнулось копье, и троянец стал, цепенея:
 375 Губы его затряслися, и зубы во рту застучали;

С ужаса бледный стоял он, а те, задыхаясь, предстали,
 Оба схватили его — и Долон, прослезясь, воскликнул:
 “О, пощадите! я выкуп вам дам, у меня изобильно
 Злата и меди в дому и красивых изделий железа.

380 С радостью даст вам из них неисчислимый выкуп отец мой,
 Если узнает, что жив я у вас на судах мореходных”.

Но ему на ответ говорил Одиссей многоумный:

“Будь спокоен и думы о смерти отринь ты от сердца.
 Лучше ответствуй ты мне, но скажи совершенную правду:

385 Что к кораблям аргивян от троянского стана бредешь ты
 В темную ночь и один, как покоятся все человеки?
 Грабить ли хочешь ты мертвых, лежащих на битвенном поле?
 Или ты Гектором послан, дабы пред судами ахеян
 Все рассмотреть? или собственным сердцем к сему побужден ты?”

390 Бледный Долон отвечал, и под ним трепетали колена:

“Гектор, на горе, меня в искушение ввел против воли:
 Он Ахиллеса великого коней мне твердокопытых
 Клялся отдать и его колесницу, блестящую медью.
 Мне ж приказал он — под быстролетающими мраками ночи
 395 К вашему стану враждебному близко дойти и разведать,
 Так ли суда аргивян, как и прежде, опасно стрегомы
 Или, уже укрощенные ратною нашею силой,
 Вы совещаетесь в дома бежать и во время ночное
 Стражи держать не хотите, трудом изнуренные тяжким”.

400 Тихо осклабясь, к нему говорил Одиссей многоумный:

“О! даров не ничтожных душа у тебя возжелала:
 Коней Пелида героя! Жестоки, троянец, те кони;
 Их укротить и править для каждого смертного мужа
 Трудно, кроме Ахиллеса, бессмертной матери сына!
 405 Но ответствуй еще и скажи совершенную правду:
 Где, отправляясь, оставил ты Гектора, сил воеводу?
 У него боевые доспехи, быстрые кони?
 Где ополченья другие троянские, стражи и станы?
 Как меж собою они полагают: решились ли твердо

410 Здесь оставаться, далеко от города, или обратно
Мнят от судов отступить, как уже одолели ахеян?”

Вновь отвечал Одиссею Долон, соглядатай троянский:
“Храбрый, охотно тебе совершенную правду скажу я:
Гектор, когда уходил я, остался с мужами совета,
415 С ними советуясь подле могилы почтенного Ила,
Одаль от шума; но стражей, герой, о каких вопрошаешь,
Нет особливых, чтоб стан охраняли или сторожили.
Сколько же в стане огней, у огнищ их, которым лишь нужда,
Бодрствуют ночью трояне, один убеждая другого
420 Быть осторожным; а все дальнеземцы, союзники Трои,
Спят беззаботно и стражу троянам одним оставляют:
Нет у людей сих близко ни жен, ни детей их любезных”.

Снова Долон спрашивал царь Одиссей многоумный:
“Как же союзники — вместе с рядами троян конеборных,
425 Или особо спят? Расскажи мне, знать я желаю”.

Снова ему отвечал Долон, соглядатай троянский:
“Все расскажу я тебе, говоря совершенную правду:
К морю кариян ряды и стрельцов криволуких пеонов,
Там же лелегов дружины, кавконов и славных пеласгов;
430 Около Фимбры ликийцы стоят и гордые мизы,
Рать фригиян колесничников, рать конеборцев меонян.
Но почто вам, герои, спрашивать порознь о каждом?
Если желаете оба в троянское войско проникнуть,
Вот новопришлые, с краю, от всех особливо, фракийцы;
435 С ними и царь их Рез, воинственный сын Эйонея.
Видел я Резовых коней, прекраснейших коней, огромных;
Снега белее они и в ристании быстры, как ветер.
Златом, серебром у него изукрашена вся колесница.
Сам под доспехом златым, поразительным, дивным для взора,
440 Царь сей пришел, под доспехом, который не нам, человекам
Смертным, прилично носить, но бессмертным богам
олимпийским!
Ныне — ведите меня вы к своим кораблям быстролетным,

Или свяжите и в узах оставьте на месте, доколе
Вы не придете обратно и в том не уверитесь сами,
445 Правду ли я вам, герои, рассказывал или неправду”.
Грозно взглянув на него, взговорил Диомед непреклонный:
“Нет, о спасенье, Долон, невзирая на добрые вести,
Дум не влагай себе в сердце, как впал уже в руки ты наши.
Если тебе мы свободу дадим и обратно отпустим,
450 Верно, ты снова придешь к кораблям мореходным ахеян,
Тайно осматривать их или явно с нами сражаться.
Но когда уже дух под моею рукою испустишь,
Более ты не можешь погибелен быть аргивянам”.

Рек, — и как тот, у него подбородок рукою дрожащей
455 Тронув, хотел умолять, Диомед замахнул и по вые
Острым ножом поразил и рассек ее крепкие жилы:
Быстро, еще с говорящего, в прах голова соскочила.
Шлем хорёвый они с головы соглядатая сняли,
Волчью кожу, разрывчатый лук и огромную пику.
460 Всё же то вместе Афине, добычи дарующей, в жертву
Поднял горе Одиссей и молящийся громко воскликнул:
“Радуйся жертвой, Афина! к тебе мы всегда на Олимпе
К первой зываем, бессмертных моля! Но еще, о богиня,
Нас предводи ты к мужам и к коням, на ночлеги фракиян!”

465 Так произнес — и поднятое всё на зеленой мирике
Царь Одиссей положил и означил приметой видной,
Вкруг наломавши тростей и ветвей полнорослых мирики,
Чтобы его не минуть им, идущим под сумраком ночи.
Сами пустились вперед, чрез тела и кровавые токи.
470 Скоро достигли идущие крайнего стана фракиян.
Воины спали, трудом утомленные; все их доспехи
Пышные, подле же их, в три ряда в благолепном устройстве
Сложены были, и пара коней перед каждым стояла.
Рез посреди почивал, и его быстроногие кони
475 Подле стояли, привязаны к задней скобе колесницы.
Первый его усмотрев, Одиссей указал Диомеду:

“Вот сей муж, Диомед, и вот те самые кони,
 Кони фракийские, коих означил Долон умерщвленный.
 Но начинай, окажи ты ужасную силу: не время
 480 С острым оружием праздно стоять. Иль отвязывай коней,
 Или мужей побивай ты; а я постараюсь об конях”.

Рек он, — и сыну Тидееву крепость вдохнула Афина:
 Начал рубить он кругом; поднялися ужасные стоны
 Воев, мечом поражаемых, кровью земля покраснела.
 485 Словно как лев, на стадо бесстражное коз или агниц
 Ночью набредши и гибель замысля, бросается быстрый, —
 Так фракийских мужей Диомед бросался могучий;
 Он их двенадцать убил. Между тем Одиссей хитроумный
 Каждого мужа, который мечом Диомеда зарублен,
 490 За ногу сзади схватив, выволакивал быстро из ряду,
 С мыслию той на душе, чтоб фракийские бурные кони
 Вышли спокойно за ним и неволью не дрогнули б сердцем,
 Прямо идя по убитым, еще не привычные к трупам.
 Но Тидид наконец до царя приступает, могучий;
 495 Рева третьегонадесять сладостной жизни лишил он.
 Царь тяжело застонал: у него сновидением грозным
 Ночью стоял над главой — Диомед, по совету Афины.
 Тою порой Одиссей отвязывал Резовых коней;
 Вместе уздами связал и из ратного толпища вывел,
 500 Луком своим поражая, бича же блестящего в руку
 Он захватить не помыслил с узорной царя колесницы.
 Свистнул потом Одиссей, подавая знак Диомеду.
 Тот же стоял и думал, что еще смелого сделать:
 Взяв ли царя колесницу, с оружием в ней драгоценным,
 505 Быстро за дышло увлечь, либо вынести, вверх приподнявши,
 Или еще ему более душ у фракиян исторгнуть?
 Думы герою сии обращавшему в сердце, Афина
 Близко предстала и так провещала Тидееву сыну:
 “Вспомни уже об отшествии, сын благородный Тидея!
 510 Время к судам возвратиться, да к ним не придешь ты бегущий,
 Если троянских мужей небожитель враждебный пробудит”.

Так изрекла, — и постигнул он голос богини вещавшей,
Быстро вскочил на коня. Одиссей обоих погонял их
Луком, и кони летели к судам мореходным ахеян.

515 Тою порой соглядал не беспечно и Феб сребролукий
Он усмотрел, что Афина сопутствует сыну Тидея,
И, негодуя, в великое войско троян устремился.
Там пробудил он фракиян советника Гиппокоона,
520 Резова родича храброго; с ложа он спрянул и, бледный,
520 Видя лишь место пустое, где быстрые кони стояли,
Вкруг на побоище свежем фракиян трепещущих видя,
Громко взрыдал и по имени кликал любезного друга.
Крик по троянскому воинству, страшная встала тревога;
Быстро сбежались толпы и делам изумлялись ужасным,
525 Кои враги совершили и к черным судам возвратились.

Те же, когда принесли, где убит соглядатай троянский,
Бурных коней удержал Одиссей, бессмертным любезный;
Но Тидид, соскочив и кровавые взявши корысти,
В руки подал Одиссею и изнова спрянул на коней.
530 Тот их ударил; но кони покорные сами летели
К сеням ахейским: туда их несло и желание сердца.

Нестор, их топот услышавши первый, вещал меж царями:
“Други любезные, воинств ахейских вожди и владыки!
535 Правду я или неправду, но выскажу, сердце велит мне;
535 Коней, стремительно скачущих, топот мне слух поражает.
Если бы сын то Лаэрта и сын дерзновенный Тидея
Так неожиданно гнали троянских коней звуконогих!
Но трепещу я, о други мои, не они ль пострадали,
Воины наши храбрейшие, в стане, встревоженном ими!”

540 Не была старцем кончена речь, как явились герои;
С коней на дол соскочили, и сонм аргивян восхищенный
Их привечал и руками, и сладкими окрест словами.
Первый стал их расспрашивать Нестор, конник геренский:
“Как, Одиссей знаменитый, великая слава ахеян,

545 Как вы коней сих добыли? Отважно ли оба проникли
 В войско троянское? или вам бог даровал их представший?
 Солнца лучам светозарным они совершенно подобны!
 Я всегда обращаюсь с троянами; праздно, надеюсь,
 Я не стою пред судами, хотя и седой уже воин;
 550 Но таких я коней не видал, не заметил доньне!
 Бог, без сомнения, в встречу явившийся, вам даровал их:
 Вас обоих одинаково любит как Зевс громовержец,
 Так и Зевесова дочь, светлоокая дева Паллада!”

Сыну Нелея отвечивал царь Одиссей многоумный:
 555 “Сын знаменитый Нелея, великая слава ахеян!
 Богу, когда соизволит, и лучших, чем видите, коней,
 Верно, легко даровать: божества беспредельно могущи!
 Эти ж, старец почтенный, вновь пришлые в стане троянском
 Кони фракийцев; у них и царя Диомед наш могучий
 560 Смерти предал, и двенадцать сподвижников, всё знаменитых!
 Но тринадцатый нами убит, при судах, соглядатай,
 Коего высмотреть ночью великое воинство наше
 Ныне же Гектор послал и другие сановники Трои”.

Так говорящий, за ров перегнал он коней звуконогих,
 565 Радостно-гордый, толпой окруженный веселых данаев.
 Скоро герои, пришед к Диомедовой куще красивой,
 Коней ремнями искусно разрезанных узд привязали
 К конским яслям, где и другие царя Диомеда
 Бурные кони стояли, питаясь сладкой пшеницей.
 570 Но Лаэртид на корабль доспех Долонов кровавый
 Взнес, пока не устроится жертва Палладе богине.
 Сами же тою порой, погрузившись в волны морские,
 Пот и прах смывали на голеньях, вые и бедрах;
 И когда уже всё от жестокого пота морскою
 575 Влагой очистили тело и сердце свое освежили,
 Оба еще омывались в красивоотесанных мойнах.
 Так омывшись они, умащенные светлым елеем,
 Сели с друзьями за пир; и из чаши великой Афине,
 Полными кубками, сладостней меда вино возливали.

Песнь одиннадцатая
Подвиг Агамемнона

Рано, едва лишь Денница Тифона прекрасного ложе
Бросила, свет вожделенный неся и бессмертным и смертным,
Зевс Вражду ниспослал к кораблям быстролетным ахеян,
Грозную вестницу, знаменье брани несущую в дланях.
5 Стала Вражда на огромнейший черный корабль Одиссея,
Бывший в середине, да крики ее обоюдно услышат
В стане далеком Аякса и в стане царя Ахиллеса,
Кои на самых концах с многовеслыми их кораблями
Стали, надежные оба на силу их рук и на храбрость.
Там возвышаясь, богиня воскликнула мощно и страшно,
10 Крик обращая к ахейцам; и каждому в сердце вдохнула
Дурную силу, без устали вновь воевать и сражаться:
Всем во мгновенье война им кровавая — сладостней стала,
Чем на судах возвращенье в любезную землю родную.

Громко кричал и Атрид, препоясаться в брань возбуждая
15 Воев аргивских, и сам покрывался блистательной медью.
Прежде всего положил на могучие ноги поножи
Пышные, кои серебряной плотно смыкались наглазной.
После вкруг персей герой надевал знаменитые латы,
Кои когда-то Кинирас ему подарил на гостинец:
20 Ибо до Кипра достигла великая молвь, что ахейцы
Ратью на землю троянскую плыть кораблями решились;
В оные дни подарил он Атрида, царю угождая.
В латах сих десять полос простиралися ворони черной,
Олова белого двадцать, двенадцать блестящего золота;
25 Сизые змеи по ним воздымались кверху, до выи,
По три с боков их, подобные радугам, кои Кронион
Зевс утверждает на облаке, в дивное знаменье смертным.
Меч он набросил на рамо: кругом по его рукояти
Гвозди сверкали золотые; влагалище мечное окрест
30 Было серебряное и держалось ремнями золотыми.
Поднял, всего покрывающий, бурный свой щит велелепный,

Весь изукрашенный: десять кругом его ободов медных,
 Двадцать вдоль его было сияющих блях оловянных,
 35 Белых; в середине ж одна воздымалась — черная воронь;
 Там Горгона свирепообразная щит повершала,
 Страшно глядящая, окрест которой и Ужас и Бегство.
 Серебряный был под щитом сим ремень; и по нем протяженный
 Сизый дракон извивался ужасный; главы у дракона
 40 Три, меж собою сплетясь, от одной воздымались выи.
 Шлем возложил на главу изукрашенный, четверобляшный,
 С конскою гривой, и страшный поверх его гребень качался.
 Крепкие два захватил копия, повершенные медью,
 Острые, медь от которых далеко, до самого неба,
 45 Ярко сияла. И грянули свыше Паллада и Гера,
 Чествуя сына Атрея, царя многозлатой Микены.

Каждый тогда из мужей своему заповедал вознице
 Коней устроить в ряды и пред рвом их держать неотступно.
 Сами же пешие, в медных доспехах, с оружием в дланях,
 50 Реяли быстрые; шум неумолкный восстал до рассвета.
 Конных они упредив, перед рвом построились к бою;
 Конные одаль за ними текли; и смятение злое
 Зевс промыслитель в толпах их воздвиг, и с высот, из эфира
 Росу послал, растворенную кровью; зане обрекал он
 55 Многие храбрых главы ниспослать в обитель Аида.

Трои сыны ополчались, заняв возвышение поля,
 Окрест великого Гектора, Полидамаса героя,
 Окрест Энея, который, как бог, почитался народом,
 Трех Антенора сынов, Агенора героя, Полиба
 60 И Акамаса младого, подобного жителю неба.
 Гектор герой между первыми щит обращал круговидный,
 Словно звезда вредоносная, то из-за туч появляясь,
 Временем блещет, временем кроется в черные тучи, —
 Так Приамид, воеодствуя, то меж передних являлся,
 65 То между задних, к сражению строя; под пламенной медью
 Весь он светился, как молния грома метателя Зевса.

Воины так, как жнецы, устроая друг против друга
 Жать ячмень или пшеницу на ниве богатого мужа,
 В встречу бегут половою, ручни на ручни упадают, —
 70 Так сосупившиеся воины, друг против друга бросаясь,
 Бились: ни те, ни другие о низком не мыслили бегстве;
 С рвением равным главы на сраженье несли и, как волки,
 В битве ярились. Вражда веселилась, виновница бедствий,
 Токмо одна от бессмертных при страшной присутствия сече.
 75 Боги другие от брани давно удалились: спокойно
 В светлых своих восседели жилищах, где каждому богу
 Дом велелепный воздвигнут, по горным уступам Олимпа.
 Все же они порицали гонителя облаков Зевса,
 Трои сынам даровать возжелавшего славу победы.
 80 Но не внимал им владыка Олимпа; от всех уклоняся,
 Он одинокий сидел в отдалении, радостно гордый,
 Град созерцая троян, корабли чернооких данаев,
 Меди сияние, брань, и губящих мужей, и губимых.

Долго, как длилося утро и день возрастал светоносный,
 85 Стрелы и тех и других поражали, и падали вои.
 В час же, как муж дровосек начинает обед свой готовить,
 Сев под горою тенистой, когда уже руки насытил,
 Лес повергая высокий, и томность на душу находит,
 Чувства ж его обымает алкание сладостной пищи, —
 90 В час сей ахеяне силой своей разорвали фаланги,
 Крикнувши разом дружина к дружине; вперед Агамемнон
 Ринулся первый и свергнул владыку мужей Бианора,
 Свергнул и друга его — Оилея, гонителя коней.
 Он, с колесницы испрыгнувши, противостал Атрейону,
 95 И в чело устремленного острым копьем Агамемнон
 Грянул, копия не сдержал ни шелом его меднотяжелый:
 Быстро сквозь медь и сквозь кость пролетело и, в череп
 ворвавшись,
 С кровью смесило весь мозг и смирило его в нападенье.
 Бросил сраженных во прахе владыка мужей Агамемнон,
 100 Персями белыми блещущих: он обнажил их доспехи.

Сам устремился на Иза и Антифа, свергнуть пылая
 Двух Приамидов (побочный один, а последний законный),
 Бывших в одной колеснице: побочный правил конями,
 Антиф же стоя воинствовал храбрый; некогда их же,
 105 Пасших овец, Ахиллес, изловив при подошвах идейских,
 Ветвями гибкими пленных связал, но избавил за выкуп.
 Ныне Атрид их, пространновластительный царь Агамемнон,
 Первого в грудь близ сосца поразил длиннотенною пикой;
 Антифа ж в ухо мечом огромил и сразил с колесницы.
 110 Спешно с поверженных он совлекал прекрасные брони,
 Вспомнивши юношей: прежде он их пред судами ахейан
 Видел, как с Иды плененных привел Ахиллес благородный.
 Словно как лев быстроногая лани детей беспомощных,
 Если придет к логовищу, схвативши в ужасные зубы,
 115 Вдруг сокрушает с костями и юную жизнь похищает;
 Мать, как ни близко стоит у детей, но помочь им не может;
 Сердце у ней у самой обымает насильственный трепет;
 Быстрая, скачет сквозь частый кустарник, сквозь темные рощи,
 Пот проливая, бежит от неистовства мощного зверя, —
 120 Так Приамидам никто из троян при погибели грозной
 Помощи не дал; они пред ахейцами сами бежали.

Вслед он Пизандра и пылкого в битвах постиг Гипполоха,
 Братьев, сынов Антимаха, который, приняв от Париса
 Злато, блистательный дар, на советах всегда прекословил
 125 Всем предлагающим выдать Елену царю Менелаю.
 Мужа сего двух сынов изловил Агамемнон могучий,
 Бывших в одной колеснице и вместе коней укрощавших;
 Ибо из дланей у них убежали блестящие вожжи;
 Оба смутились они, и на них, как лев, устремился
 130 Царь Агамемнон. Они с колесницы к нему возопили:
 “Даруй нам жизнь, о Атрид! И получишь ты выкуп достойный.
 Много в дому Антимаха лежит драгоценностей в доме;
 Много и меди, и злата, и хитрых изделий железа.
 С радостью выдаст тебе неисчислимый выкуп родитель,
 135 Если услышит, что живы мы оба, в плену у данаев”.

Так вопиющие оба, царя преклоняли на жалость
Ласковой речью; но голос не ласковый слух поразил им:
“Если вы оба сыны Антимаха, враждебного мужа,
Что на сонме троянам совет подавал Менелая,
140 В Трою послом приходившего с мудрым Лаэртовым сыном,
Там умертвить, а обратно его не пускать к аргивянам, —
Се вам достойная мзда за презренную злобу отцову!”
Рек — и могучим ударом Пизандра сразил с колесницы.
В грудь он копьем пораженный, ударился тылом о землю.
145 Спрянул с коней Гипполох; и его низложил он на землю,
Руки мечом отрубивши и голову с выей отсекиши;
И, как ступа, им толкнутый, труп покатился меж толпищ.

Бросив сраженных, туда, где сильнее толпились фаланги,
Ринулся он, и за ним меднобронные мужи ахейцы.
150 Пешие пеших разят, предающихся бегству неволей,
Конные конных (от них за клубилося облако праха
С поля, взвиваясь ногами гремящих копытами коней),
Медью друг друга сражают; но мощный Атрид непрестанно
Гнал, поражая бегущих и криком своих ободряя.
155 Словно как хищный огонь на нерубленный лес нападает;
Вихорь крутящийся окрест разносит его, и из корней
С треском древа упадают, крушимые огненной бурей, —
Так под руками героя Атрида главы упали
В бег обращенных троян; крутовыйные многие кони
160 С громом по бранным путям колесницы носили пустые,
Славных ища их возниц, а они по долине лежали
Бледные, коршунам больше приятные, чем их супругам.

Гектора ж Зевс промыслитель от стрел удалил и от праха,
Вне поражения поставил, и крови, и бурной тревоги.
165 Но Агамемнон преследовал, мощно своих возбуждая.
Толпища мимо кургана Дарданского древнего Ила
Полям, нестройные, мимо смоковницы дикой бежали,
Сердцем летящие в град; неотступно преследовал с криком
Царь Агамемнон и кровью багрил необорные руки.

170 Но, приближаясь к дубу и к Скейским воротам, трояне
 Там удержались и, став, ожидали последних бегущих.
 Те же еще по долине как робкие бегали кравы,
 Если их лев распугает, пришедший в глубокую полночь,
 Всех; но единой из них предстоит ужасная гибель:
 175 Вью он вдруг ей крушит, захвативши в могучие зубы,
 После и кровь, и горячую внутренность всю поглощает, —
 Так их бегущих преследовал мощный Атрид, непрестанно
 Мужа последнего пикой сражая; бежали трояне.
 Многие ниц и хребтом упали, сраженные с коней
 180 Дланью Атридовой: так впереди он свирепствовал пикой.

Но когда, побеждая, под град и высокую стену
 Он приближался, в то время отец и бессмертных и смертных,
 Зевс, на превыспреннем холме обильной потоками Иды,
 С неба ниспешший, воссел; и держал он перуны в деснице;
 185 И к посланнице быстрой вещал, златокрылой Ириде:
 “Шествуй, посланница быстрая, Гектору слово поведай:
 Дондеже зрит он, что пастырь народа Атрид Агамемнон,
 Между передних свирепствуя, губит ряды браноносцев,
 Пусть от него уклоняется, токмо других ободряя
 190 Храбро с мужами враждебными ратовать в битве жестокой.
 Но когда копием иль троянской стрелой пораженный,
 Бросится он в колесницу, пошлю я Гектору крепость:
 Будет разить он, доколе дойдет к кораблям быстролетным,
 И закатится солнце, и мраки священные снидут”.

195 Рек; повинуется быстрая, равная вихрям Ирида;
 С Иды горы устремляется к Трое, священному граду;
 Там Приамида героя, великого Гектора видит,
 В сонме дружин на конях, в колеснице стоящего светлой;
 Став перед ним, провещает подобная вихрям Ирида:
 200 “Гектор, Приамова отрасль, равный советами Зевсу!
 Зевс посылает меня, да тебе изреку его слово:
 Дондеже зришь ты, что пастырь народа Атрид Агамемнон,
 Между передних свирепствуя, губит ряды ратоборцев,
 Сам от него уклоняйся и токмо других ободряй ты

205 Храбро с мужами враждебными ратовать в битве жестокой.
 Но, когда копием иль троянской стрелой пораженный,
 Бросится он в колесницу, тебе ниспошлет он могучесть:
 Будешь разить ты, доколе дойдешь к кораблям быстролетным,
 И закатится солнце, и мраки священные снидут”.

210 Так говоря, отлетела подобная вихрям Ирида.
 Гектор герой с колесницы с оружием прынул на землю;
 Острые копыя колебля, кругом обходил ополченья,
 В бой распаяя сердца; и возжег он ужасную сечу.
 Вспять обратились трояне и стали в лицо аргиянам,
 215 Аргоса вой с противной страны укрепили фаланги.
 Битва восставлена; стали навстречу; и царь Агамемнон
 Ринулся первый: пылал и в передних он первым сражаться.

Ныне поведайте, Музы, живущие в сенях Олимпа,
 Кто Агамемнону противостал на сражение первый
 220 Между троян конеборственных или союзников славных? —
 Сын Антеноров, герой Ифидамас, огромный и сильный,
 В Фракии холмной воспитанный, матери стад руноносных.
 Там Антенорова сына Кисеей воспитал с колыбели,
 Дед знаменитый его, белоногой Феаны родитель.
 225 Но когда он достигнул возраста юности славной,
 Дед, удержавши его, сочетал с ним дочь. Новобрачный,
 Вдруг из чертога он брачного славой ахеян увлекся;
 В черных двенадцати быстрых судах полетел к Илиону;
 Но, суда многоместные в граде Перкоте оставив,
 230 Пеший с дружиной пошел и вступил в илионские стены.
 Он Агамемнону противостал на сражение первый. —
 Чуть сосупилися оба, идущие друг против друга,
 Ринул Атрид и прокинул: оружие мимо промчалось.
 Но Ифидамас среди запона, ниже сияющей брони,
 235 Пику вонзил и на древко налег, уповая на силу.
 Тщетно герой напрягался пронзить изукрашенный пояс:
 Первое встретив серебро, как свинец, изогнулося жало.
 Древко, рукой охватив, повелитель мужей Агамемнон
 Мощно повлек, разъяренный, как лев, и из рук сопостата

240 Вырвал; его же по вые мечом поразил и низвергнул.
 Там, по земле распростершись, сном засыпает он медным,
 Бедный, друзей защищавший, далеко от верной супруги
 Юной, от коей и ласк не приял, но дарами осыпал:
 Сто ей волов сперва даровал и еще обещал он
 245 Тысячу коз и овец из стад у него неисчетных.
 Ныне ж его Агамемнон во прахе нагого оставил
 И понес меж толпами доспех пораженного пышный.

Скоро Атрида увидел Коон, знаменитый воитель,
 Сын Антеноров старейший, и сердца глубокая горесть
 250 Очи ему помрачила при виде простертого брата.
 Стал в стороне он с копьем, неприметный герою Атриду;
 Быстро ударил и в руку его поразил возле локтя:
 Руку насквозь прокололо копейное яркое жало,
 И содрогся от страха владыка мужей Агамемнон;
 255 Брани ж и боя герой не оставил и так; на Коона
 Ринулся грозный, колебля копье, возвращенное бурей.
 Он же тогда Ифидамаса, милого брата родного,
 Пламенно за ногу влек, призывающий храбрых на помощь.
 Влекшего тело его, под огромным щитом, Агамемнон
 260 Сулицей медяножальной ударил и силы разрушил,
 И на братнем трупе главу с него ссек налетевший.
 Так Антенора сыны, под руками Атрида героя
 Участь свою совершив, погрузились в обитель Аида.

Он же, могучий, другие ряды обходил ратоборцев,
 265 Их и копьем, и мечом, и огромными камнями бьющий,
 Кровь покуда горячую свежая рана струила.
 Но лишь рана засохла и черная кровь унялася,
 Боли мучительно-острые в душу Атрида вступили.
 Словно как мать при родах раздирают жестокие стрелы,
 270 Острые, кои вонзают Илифии, Герины дочери,
 Женам родящим присущие, мук их владычицы горьких, —
 Столько же острые боли вступили в Атридову душу.
 Он, в колесницу вскоча, повелел своему браздодержцу
 Коней к судам устремить мореходным; и, сердцем терзаясь,

275 Крик он, кругом раздающийся, поднял, к ахеям взывая:
 “Други, вожди и правители мудрые храбрых данаев!
 Вы отражайте теперь от ахейских судов мореходных
 Тяжкую битву; а мне не позволил Кронид промыслитель
 Ратовать целый сей день с вероломными чадами Трои”.

280 Так произнес, — и бичом браздодержец коней пышногривых
 К черным погнал кораблям, и послушные кони летели;
 Пену по персям клубя и кругом осыпаяся прахом,
 С бранного поля несли удрученного язвой владыку.

Гектор, едва усмотрел отходящего с битвы Атрида,
 285 Голосом звучным вскричал, возбуждая троян и ликийян:
 “Трои сыны, и ликийцы, и вы, рукопашцы дарданцы!
 Будьте мужами, друзья, и вспомните бурную храбрость!
 С боя уходит храбрейший, и мне знаменитую славу
 Зевс посылает; направьте, трояне, коней звуконогих
 290 Прямо на гордых данаев, стяжайте высококую славу!”

Так восклицая, возжег он и силу и мужество в каждом.
 Словно как ловчий испытанный псов белозубых станицу
 В лов раздражает на льва иль на дикого вепря лесного,
 Так на аргивских мужей троян раздражал крепкодушных
 295 Гектор герой, человеков губителю равный Арею;
 Сам же он, гордо мечтающий, первый пред ратью идущий,
 В битву влетел, как высококрутящийся вихорь могучий,
 Свыше который обрушась, весь понт черноводный волнует.

Кто же был первый и кто был последний, которых низвергнул
 300 Гектор герой, как победу ему даровал Олимпиец?
 Первый Ассей, и вослед Автоной, и Опид браноносный,
 Клития отрасль Долоп, Агелай, и могучий Офелтий,
 Ор и отважный Эзимн, и Гипшоной, пламенный в битвах:
 Сих поразил он ахейских вождей именитых, а ратных
 305 Множество: словно как Зефир на облаки облаки гонит,
 Хладного Нота порывами бурными их поражая;
 Волны, холмясь, беспрестанно крутятся, и пена высоко

Брызжет, взрываясь порывами многостороннего ветра, —
Так беспрестанно от Гектора падали головы ратных.

310 Гибель была б, совершилось бы тут невозвратное дело,
Верно, упали б в суда отраженные рати ахеян,
Если б Тидида на бой не призвал Одиссей прозорливый:
“Что, Диомед, мы стоим и забыли воинскую доблесть?
Шествуй сюда ты и стань близ меня: нестерпимый позор нам,
315 Если у нас корабли завоюет божественный Гектор!”

Сыну Лаэрта в ответ говорил Диомед нестрашимый:
“Стану, о друг, я и здесь устою; но пользы немного
Будет от нашего мужества: Зевс, потрясатель эгида,
Больше троянам, чем нам, даровать одоление хочет!”

320 Так произнес — и Фимбрея сразил с колесницы на землю,
В грудь у сосца поразивши копьем; Одиссей же могучий
Богу подобного сверг Молиона, клеветра царева.
В прахе оставили сих, успокоенных ими от брани;
325 Сами ж, толпу проходя, волновали ее и, как вепри
Вдруг на псов, их гонящих, гордые мечутся сами, —
Так, обратясь, они истребляли троян, а данаи
Радостно все отдыхали от бегства пред Гектором грозным.

Тут колесницу они и могучих мужей изловили,
Двух сынов перкозийца Мeroпа, который славнейший
330 Был предсказатель судьбы и сынам не давал позволенья
К брани погибельной в Трою идти; не послушали дети
Старца родителя: рок увлекал их к погибели черной.
Их обоих Тидейон Диомед, знаменитый копейщик,
Душу и жизнь сокрушил и прекрасные сбруи похитил.
335 Царь Одиссей Гипподама сразил и вождя Гипероха.

Тут в равновесии бой распростер меж народов Кронион,
С Иды взиравший на брань, и они поражали друг друга.
Мощный Тидид копнем уязвил в бедро Агастрофа,
Сына Пеонова храброго: коней при нем, чтоб избегнуть,

340 Не было близко; так Пеонид омрачился душою.
 Их возница держал в отдалении; сам же он пеший
 Рыскал меж сонмов передних, пока погубил свою душу.
 Гектор героев узрел сквозь ряды и на них устремился
 С криком свирепым; за ним и троян полетели фаланги.
 345 Сердцем смутился, увидев его, Диомед благородный
 И мгновенно воззвал к близ стоящему сыну Лаэрта:
 “Гибель крутится на нас, шлемоблещущий Гектор могучий!
 Но останемся здесь, отразим ее, противуоставши!”

Рек он — и, мощно сотрясши, послал длиннотенную пику.
 350 И улучил, без ошибки уметил в главу Приаида,
 В верх коневласого шлема; но медь отскочила от меди:
 К белому телу коснуться шелом возбранил дыроокий,
 Крепкий, тройной, на защиту герою дарованный Фебом.
 Гектор далеко отпрянул назад и, смесившись с толпою,
 355 Пал на колено; могучей рукой упираясь в землю,
 Томный поникнул; и взор ему черная ночь осенила.
 Но пока Диомед за копьем, пролетевшим далеко,
 Шел сквозь ряды первоборные, где оно в землю вонзилось, —
 Гектор с духом собрался и, бросившись вновь в колесницу,
 360 К дружным толпам поскакал и избегнул гибели черной.
 С пикой преследуя, громко вскричал Диомед нестрашимый:
 “Снова ты смерти, о пес, избежал! Над твоей головою
 Гибель летела, и снова избавлен ты Фебом могучим.
 Феба обык ты молить, выходя на свистящие стрелы!
 365 Но, убив тебя, я разделаюсь, встретившись после,
 Если и мне меж богов-небожителей есть покровитель!
 Ныне пойду на других и повергну, которых постигну!”

Рек — и с Пеонова сына доспехи совлечь наклонился.
 Тою порой Александр, супруг лепокудрой Елены,
 370 Скрывшись за столб гробовой на могиле усопшего мужа,
 Ила, Дарданова сына, почтенного в древности старца,
 Лук наляцал на Тидеева сына, владыку народа;
 И как тот, наклонясь, обнажал Агастрофа героя:
 Щит от рамен, испещренные латы от персей и тяжкий

375 Шлем от главы, — Александр, рукоятие лука напрягши,
 Мечет стрелу, и не тщетно она из руки излетела:
 Ранил в десную пяту, и стрела, пробежав сквозь подошву,
 В землю вонзилась. Парис торжествующий, с радостным смехом
 Вдруг из засады подпрынул и, гордый победой, воскликнул:
 380 “Ты поражен! и моя не напрасно стрела полетела!
 Если б в утробу тебе угодил я и душу исторгнул!
 Сколько-нибудь отдохнули б от бед обитатели Трои,
 Коих страшишь ты, как лев истребительный агнцев блеющих!”

И ему, не робея, Тидид отвечал благородный:
 385 “Подлый стрелец, лишь кудрями гордящийся, дев соглядатай!
 Если б противу меня испытал ты оружием открыто,
 Лук не помог бы тебе, ни крылатые частые стрелы!
 Ты, у меня лишь пяту оцарапавши, столько гордишься;
 Мне же ничто! как бы дева ударила или ребенок!
 390 Так тупа стрела ничтожного, слабого мужа!
 Иначе мчится моя: лишь враждебного тела достигнет,
 Острой влетает стрелой, — и пронзенный лежит бездыханен!
 И мгновенно вдова его в грусти терзает ланиты,
 Дети в дому сиротеют, и сам он, кровавящий землю,
 395 Глеет, и вокруг его тела не жены, а птицы толпятся!”

Так он вещал, — и, к нему приступив, Одиссей копьеборец
 Стал впереди; Диомед же, присев, из ноги прободенной
 Вырвал стрелу, и по телу жестокая боль пробежала.
 Он, в колесницу вскочив, повелел своему браздодержцу
 400 Коней к судам устремить мореходным: терзалось в нем сердце.

Тут Одиссей копьеборец покинут один; из ахейн
 С ним никто не остался: всех рассеял их ужас.
 Он, вздохнув, говорил к своему благородному сердцу:
 “Горе! что будет со мною? позор, коль, толпы устрашася,
 405 Я убегу; но и горше того, коль толпою постигнут
 Буду один я: других аргивян громовержец рассыпал.
 Но почто мою душу волнуют подобные думы?
 Знаю, что подлый один отступает бесчестно из боя!

410 Кто на боях благороден душой, без сомнения, должен
Храбро стоять, поражают его или он поражает!”

Тою порою, как думы сии обращал он на сердце,
Быстро троянцев ряды приступили к нему щитоносцев
И сомкнулись кругом, меж себя заключая их гибель.
Словно как вепря и быстрые псы, и ловцы молодые
415 Вдруг окружают, а он из дремучего леса выходит
Грозный, в искривленных челюстях белый свой клык изошряя;
Ловчие вкруг нападают; стучит он ужасно зубами,
Гордый зверь; но стоят звероловцы, как он ни грозен, —
Так на любимца богов Одиссея кругом напали
420 Мужа троянские; он отбивался, и острою пикой
Первого ранил в поверхность плеча Дейопита героя;
После, Фоона и Эннома друг возле друга низринув,
Он Херсидама троянца, когда с колесницы тот прядал,
В чрево блестящим дротом, под щитом его выпуклоблятным,
425 Ранил; во прахе простершись, руками хватает он землю.
Сих он оставил, и вслед поразил Гиппасида Харона,
Милого брата рождением славного Сока героя.
В помощь ему устремившись, Сок, небожителю равный,
Быстро и близко предстал и к Лаэртovu сыну воскликнул:
430 “Царь Одиссей! неистомный в трудах, неоскудный в коварствах!
Днесь — или ты над двумя Гиппасидами будешь гордиться,
Свергнув мужей таковых и доспех их блестящий похитив,
Или, копьем ты моим ниспроверженный, душу погубишь!”

Рек он — и пикой в размах поразил по щиту Одиссея:
435 Щит светозарный насквозь пробежала могучая пика,
Броню, художеством пышную, быстро пронзила и кожу
Всю отделила от ребр Одиссеевых; но запретила
Меди Паллада Афина касаться утробы героя.
И, познав Одиссей, что стрелой не смертельной постигнут,
440 Мало назад отступил и к Гиппасову сыну воскликнул:
“Нет, злополучный, тебя постигает жестокая гибель!
Ты воспрепятствовал мне с фригиянами ныне сражаться;
Я же тебе предвещаю убийство и черную гибель:

Здесь и теперь же моим копием ты поверженный, славу
445 Даруешь мне, и Аиду, конями гордящемусь, душу!”

Рек он, — и Сок, от него обратившись, в бег устремился;
И ему обращенному пику в хребет углубил он
Между рамен и насквозь через перси широкие выгнал.
С шумом он грянулся в прах, и вскричал Одиссей, торжествуя:
450 “Сок, о воинственный сын укротителя коней Гиппаса!
Смертная участь постигла тебя, от нее не избег ты!
Ах, злополучный! тебе ни отец, ни почтенная мать
Темных очей не закроют, умершему; хищные птицы
Скоро тебя разорвут, поражая густыми крылами!
455 Мне же, умершему, честь воздадут аргивяне герои!”

Так восклицающий, Сока могучего бурную пику
Вырвал из язвы своей и щита Одиссей благородный;
Вслед за оружием хлынула кровь, и душа затомилась.
Мужи троянские только увидели кровь Одиссея,
460 Крикнув друг другу в толпе, на единого все устремились.
Он же от них отступал и друзей призывал, восклицая.
Трижды вскричал Одиссей, как смогла голова человека;
Трижды послышал сей крик Менелай, копьеборец могучий.
Быстро Атрид возгласил к находившемуся близко Аяксу:
465 “О Теламонид, Аякс благородный, властитель народа!
Крик Одиссея героя ко мне достигает призывный,
Крику подобный, как будто его одного угнетают
Боем трояне, отрезав от всех на побоище страшном.
Друг, устремимся в толпу: защитить Одиссея нам должно!
470 Я трепещу, да один меж троянами он не постраждет,
Как ни отважен; великая скорбь поразила б ахейан!”

Рек, — и грядет он, сопутствуем мужем, бессмертному равным.
Скоро они Одиссея узрели: толпою ходили
Окрест героя враги, как меж гор кровожадные волки
475 Окрест еленя рогатого, коего муж звероловец
Ранил из лука стрелой; от него избежал быстроногий,
Мчась, доколе вращались горячая кровь и колена;

Но когда его мощь одолела стрела роковая,
 Хищные волки его, между гор растерзав, пожирают
 480 В мрачной дубраве, и льва истребителя демон приводит;
 Волки кругом рассыпаются; добычу лев пожирает, —
 Так вокруг Одиссея, искусного в битвах, ходили
 Мужа троянские, многие, сильные, он же, бесстрашный,
 Вкруг обращаясь, копьем отражал роковую минуту.
 485 Сын Теламонов приблизился, щит, как башню, несущий;
 Стал перед ним, и трояне рассыпались друг перед другом.
 За руку взявши его, из толпы выводил благородный
 Царь Менелай, пока не предстал с колесницей возница.

Бурный Аякс, на троян опрокинувшись, ранил Дорикла,
 490 Сына Приама побочного; там же он Пандока свергнул,
 Свергнул, кругом нападая, Лизандра, Пираза, Пиларта.
 Словно река наводненная в поле незапная хлынет,
 Бурно упавшая с гор, отягченная Зевсовым ливнем;
 Многие дубы иссохшие, многие древние сосны
 495 Мчит и, крутящаясь, ил свой взволнованный в море бросает, —
 Так устремился и всё взволновал Теламонид могучий,
 Коней разя и мужей. Но погибельной смуты не ведал
 Гектор; на левом конце он пылающей брани сражался,
 Вдоль по берегу Скамандра пучинного, где наиболее
 500 Падали головы ратных, и бранные клики гремели
 Около Нестора старца и сильного Идомея.
 Гектор меж ними вращался могучий и грозное деял:
 Пикой и бурной ездой сокрушал он фаланги данаев.
 Но не оставили б поля данайские храбрые рати,
 505 Если б герой Александр, супруг лепокудрой Елены,
 Битвы прервать не принудил Махаона, храброго мужа,
 В правое рамо его поразив троежальной стрелою.
 Все за него ужаснулись пылавшие бранью данаи.
 Чтобы его, при несчастливой битве, враги не сразили.
 510 Идомея к знаменитому Нестору первый воскликнул:
 “Нестор Нелид, о великая слава ахейских народов!
 Стань в колесницу немедленно; пусть и почтенный Махаон
 Станет с тобой; и гони к кораблям ты коней быстроногих.

515 Опытный врач драгоценнее многих других человек,
Зная вырезывать стрелы и язвы целить врачевствами”.

Рек, — и ему не противился Нестор, конник геренский;
Скоро взошел и предстал с колесницей; в нее и Махаон
Быстро взошел, врача превосходного сын знаменитый.
520 Старец стегнул по коням, и охотно они полетели
К кушам ахейским: туда их несло и желание сердца.

Тою порой Кебрион, Приамидов сподвижник-возница,
Рати троянской смятенье увидел и молвил герою:
“Тектор! тогда как мы здесь подвигаемся между данаев,
525 Здесь, на конце истребительной брани, — взгляни ты, другие
Наши волнуются рати; смешались и кони и вой.
Их Теламонид волнует Аякс; узнаю ратоводца:
Носит на раме огромный он щит. Но туда мы и сами
Бурных коней обратим с колесницею; там наипаче
Толпища пеших и конных, с ужасным свирепством сшибаясь,
530 Режутся между собою, и крик их гремит неумолкный!”

Так Кебрион произнесши, коней пышногривых ударил
Звонким бичом, и ударам возницы послушные кони
Быстро меж ратных рядов с колесницею легкой летели,
Трупы топча, и щиты, и шеломы: забрызгалась кровью
535 Снизу медяная ось и сверху скоба колесницы,
В кои от конских копыт и от ободов бурных хлестали
Брызги кровавые, — так Приамид поспешал погрузиться
В сонмы мужей и, нагрянув, расторгнуть их! Страшную смуту
Он меж данаев воздвигнул и редко с копьем расставался.
540 Он и другие ряды обходил ратоборцев ахейских,
Их и копьем, и мечом, и огромными камнями бьющий;
Но с Аяксом борьбы избегал, с Теламоновым сыном:
Зевс раздражился бы, если б он с мужем сильнейшим сразился.

Зевс же, владыка превыспренний, страх ниспослал на Аякса:
545 Стал он смущенный и, щит свой назад семикожный забросив,
Вспять отступал, меж толпою враждебных, как зверь, озираясь,

Вкруг обращался, тихо колено коленом сменяя.
Словно как гордого льва от загона волов тяжконогих
Гонят сердитые псы и отважные мужи селяне;
550 Зверю они не дающие тука от стад их похитить,
Целую ночь стерегут их, а он, насладиться им жадный,
Мечется прямо, но тщетно ярится: из рук дерзновенных
С шумом летят, устремленному в сретенье, частые копыя,
Главни горящие; их устрашается он и свирепый,
555 И со светом Зари удаляется, сердцем печальный, —
Так Теламонид, печальный душой, негодующий сильно,
Вспять отошел: о судах он ахейан тревожился страхом.
Словно осел, забредший на ниву, детей побеждает,
Медленный; много их палок на ребрах его сокрушилось;
560 Щиплет он, ходя, высокую пашню, а резвые дети
Палками вкруг его бьют, — но ничтожна их детская сила;
Только тогда, как насытится пашней, с трудом выгоняют, —
Так Теламонова сына, великого мужа Аякса,
Множество гордых троян и союзников их дальноземных,
565 Копьями в щит поражая, с побоища пламенно гнали.
Он же, герой, иногда вспомянувши бурную силу,
К ним обращался лицом и удерживал, грозный, фаланги
Конников храбрых троян; иногда обращался он в бегство,
Но дорогу им всем заграждал к кораблям быстролетным;
570 Часто меж двух ополчений свирепствовал сын Теламонов,
Ставши один: устремленные копыя из рук дерзновенных
Многие в щит семикожный вонзались, вперед порываясь,
Многие, середь пути, не коснувшись белого тела,
В землю вонзая, стояли, насытиться алчные телом.

575 Скоро Аякса увидел блистательный сын Эвемона,
Вождь Эврипил, удрученного тучей метательных копий;
Бросился, стал близ него и, сияющий ринувши дротик,
Сильного рати вождя Аписаона, Фавзова сына,
В печень под сердце пронзил и на месте сломил ему ноги,
580 Прянул к нему Эврипил, да похитит оружия с персей.
Но его, обнажавшего Фавзова сына, увидел
Богу подобный Парис Приамид и немедленно крепкий

Лук на него натянул и крылатой стрелою десное
 Ранил бедро; сокрушилася трость и бедро отягчила.
 585 Вспять он к дружинам своим отступил, избегающий смерти;
 Крик между тем, кругом раздающийся, поднял к данаям:
 “Други, вожди и правители мудрые храбрых данаев!
 Станьте троянам в лицо, отразите скорей от Аякса
 Пагубный день; удручен он стрелами, и, мыслю, не может
 590 Сам избежать он из сечи погибельной! В встречу враждебным
 Станьте, друзья, за Аякса героя, за славу данаев!”

Так восклицал Эврипил уязвленный, и быстро данаи
 Вкруг Эвемонида стали, щиты к раменам приклонивши,
 Копья уставивши; к ним невредимый исшел Теламонид
 595 И, к дружинам приближася, стал он лицом на враждебных.
 Так браноносцы сражались, подобно пылающим пламам.

Нестора с поприща бранного мчали Нелеевы кони,
 Пеной покрытые; с ним и Махаона, славного мужа.
 Старца увидев, узнал Пелейон Ахиллес быстроногий.
 600 В оное время герой стоял на корме корабельной,
 Смотря на бранный труд и плачевное бегство ахеян;
 Начал к себе призывать он любезного друга Патрокла,
 Громко крича с корабля; из-под сени, услышав, он быстро
 Вышел, Арею подобный, — и было то горя началом.
 605 Первый вещал к Ахиллесу Менетиев сын благородный:
 “Что, Ахиллес, призываешь меня ты и что повелишь мне?”

И, Патроклу ответствуя, рек Ахиллес быстроногий:
 “О, Менетид благородный, о друг, любезнейший сердцу!
 Ныне, я думаю, скоро колена мои аргивяне
 610 Придут обнять: нестерпимая более нужда гнетет их.
 Но спеши, Менетид, вопросы у Нелеева сына,
 С битвы кого уязвленного старец почтенный увозит?
 Сзади Махаону кажется он совершенно подобным,
 Сыну Асклепия; мужа в лицо не успел я увидеть;
 615 Мимо меня проскакали стремительно быстрые кони”.

Так произнес, — и Патрокл покорился любезному другу;
Бросился быстро бежать вдоль судов мореходных и кущей.

Тою порою достигнули мужи Нелидовой кущи.

Оба сошли с колесницы на щедро-питающую землю;

620 Коней приняв, отрешил Эвримедон, старцев служитель,
Сами ж они на хитонах их пот прохладжали горячий,
Став против ветра на берегу моря; когда прохладились,
В сенницу оба вошли и на креслах покойных воссели.

Им Гекамеда кудрявая смесь в питье составляла,

625 Дочь Арсиноя, которую он получил в Тенедосе,
В день, как Пелид разорил, и которую старцу ахейцы
Сами избрали наградой: советами всех побеждал он.

Прежде сидящим поставила стол Гекамеда прекрасный,
Ярко блестящий, с подножием черным; на нем предложила

630 Медное блюдо со сладостным луком, в прикуску напитка,
С медом новым и ячной мукою священной;

Кубок красивый поставила, из дому взятый Нелидом,
Окрест гвоздями златыми покрытый; на нем рукояток
Было четыре высоких, и две голубицы на каждой

635 Будто клевали, златые; и был он внутри двоедонный.
Тяжкий сей кубок иной не легко приподнял бы с трапезы,
Полный вином; но легко подымал его старец пилосский.

В нем Гекамеда, богиням подобная, им растворила
Смесь на вине прамнейском, натерла козьего сыра

640 Теркою медной и ячной присыпала белой мукою.
Так уготовя напиток составленный, пить приказала.

Мужи, когда питием утолили палящую жажду,
Между собой говоря, наслаждались беседой взаимной.

Вдруг во дверях их стал Патрокл, небожителю равный.

645 Старец, увидев его, устремился с блистательных кресел,
За руку далее ввел и упрашивал сесть между ними;

Но Менетид отрекался и быстрой отвечивал речью:

“Нет, не година сидеть, — не преклонишь, божественный старец.
Много почтен, но и грозен пославший меня известиться,

- 650 С битвы кого пораженного вез к кораблям ты. Но мужа
 Сам узнаю, Махаона я вижу, владыку народов.
 С вестью обратно спешу, чтоб ее возвестить Ахиллесу.
 Знаешь довольно и сам ты, божественный старец, какой он
 Взметчивый муж: и невинного вовсе легко обвинит он”.
- 655 Быстро ему ответствовал Нестор, конник геренский:
 “Что же герой Ахиллес беспокоится так о данаях,
 Медью враждебной в бою пораженных? Но знает ли всё он
 Горе, постигшее воинство наше! Храбрейшие мужи
 В стане лежат, иль в стрельбе, или в битве пронзенные медью!
 660 Ранен стрелою Тидид Диомед, воеватель могучий,
 Ранен копьем Одиссей знаменитый, Атрид Агамемнон.
 Вот и сего предводителя я из погибельной битвы
 Вывез, пронзенного в рамо стрелой. Но Пелид градоборец,
 Сильный Пелид об ахейских сынах не радит, не жалеет!
 665 Может быть, ждет он, доколе суда на берегу Геллеспонта,
 В битве ахейя бесплодной, под вражеским пламенем вспыхнут,
 Сами ж падем мы один близ другого? Лишился я, старец,
 Силы, какая, бывало, кипела в гибких сих членах!
 Если бы молод я стал и могучеством крепок, как прежде,
 670 В годы, когда возгорелася распря меж нас и элеян,
 Хищников стада; когда Гипирохова мощного сына
 Я поразил Итимонея, жившего в злочной Элиде,
 И отбил все возмездие: стадо свое защищая,
 Он поражен меж передними бурною пикой моею;
 675 Пал, и мгновенно рассыпались сельские ратники в страхе.
 Мы от элеян добычу богатую с поля погнали:
 Овчих ватаг пятьдесят и столько же гуртов воловых,
 Столько же стад и свиных, и бесчисленных козых, и с ними
 Конский табун захватили мы, сто пятьдесят светломастных
 680 Всё кобылиц, и при многих прекрасные были жребята.
 Всю добычу великую ночью вогнали мы в город,
 В Пилос Нелеев; восхитился духом Нелей, мой родитель,
 Видя, сколь много добыл я, в сражение вышедши, юный.
 Вестники подняли клич, с появлением ранней Денницы
 685 Всех призывая, кто долг лишь имел на Элиде священной.

Стекся пилосский народ, и властители мужи добычу
Всем разделяли (эпеяне многим остались должны
В дни, как, уже малолюдные, в Пилосе мы злострадали:
Нас угнетала постигшая Пилос Гераклова сила
690 В древние годы: защитники града храбрейшие пали.
В доме Нелея двенадцать сынов-ратоборцев нас было,
И остался один я: они до последнего пали!
Сим возгордившись, меднодоспешные мужи эпейцы
Нами ругались и многие нам умышляли злодейства).
695 Старец себе и волов и овец великое стадо
Взял, как возмездие, триста избравши и пастырей с стадом;
Долг бо великий и старец имел на Элиде священной:
Славных, в ристанье победных четыре коня с колесницей,
Бегом стяжаться ходивших, и был предназначен треножник
700 Бега наградой; но их повелитель народа Авгеас
Нагло отъял и возницу, о конях печального, изгнал.
Старец Нелей, оскорбленный словами его и делами,
Много избрал для себя; остальное же отдал народу
В равный раздел: да никто от него обделен не отыдет.
705 Мы совершали взаимный раздел и по граду Нелея
Жертвы богам приносили. Враги же на третье утро
Силою всей, меднолатные мужи и быстрые кони,
Разом пришли; ополчились с ними и два Молиона,
Юноши, вовсе еще не знакомые с бурною бранью.
710 Есть Фриоесса град, на высоком утесе лежащий,
Дальний, на бреге Алфея, кончающий Пилос песчаный.
Град сей враги кругом обступили, разрушить пылая.
Но, лишь толпы их прошли подгородное поле, Афина
Вестницей нам, от Олимпа нисшедшая, ночью явилась,
715 Брань возвещая, и в граде пилосцев собрала не робких,
Но беспредельно пылавших сразиться. Нелей, мой родитель,
Мне запретил ополчаться и скрыл от меня колесницу,
Мысля, что я еще млад и неопытен в подвигах ратных.
Я же и так между конников наших славой покрылся,
720 Пеший: меня на сражение так устремила Афина. —
Есть Миниейос река, и падет она в шумное море
Близко Арены; Денницы священной мы там ожидали,

Конные вои, а пешие тою порою стекались.
 С одного места, со всею мы силой, с оружием в дланях,
 725 В полдень пришли совокупно к священному току Алфея.
 Там, всемогущему Зевсу принесли избранные жертвы,
 Богу Алфею тельца и тельца Посейдону заклали;
 Но Афине Палладе ярмом не смиренную краву.
 После воинством целым толпа близ толпы вечеряли;
 730 И наконец опочить, но с оружием каждый, легли мы
 Вдоль по берегу Алфея; а гордые духом эпейцы
 Около града стояли уже и разрушить пылали.
 Но предстало им прежде великое дело Арея.
 Только лишь ясное солнце взошло над пространной землею,
 735 Мы наступили на них, помоляся Афине и Зевсу.
 И едва лишь пилосцы с эпейцами бой завязали,
 Первый я мужа сразил и похитил коней быстроногих
 Мулия воина; зять он Авгеаса был властелина,
 Дщери старейшей супруг, светлокудрой жены Агамеды,
 740 Знавшей все травы целебные, сколько земля их рождает.
 Мужа сего, наступавшего, свергнул я пикою медной;
 Грянулся в прах он, а я, на его колесницу вскочивши,
 Между передними стал. И надменные мужи эпейцы
 Друг перед другом побегли, увидев сраженного мужа,
 745 Конных вождя, браноносца эпеян, храбрейшего в битвах.
 Я на врагов убегающих грянул, как черная буря;
 Взял пятьдесят колесниц, и от каждой два ратоборца
 Землю грызли зубами, сраженные пикой моею.
 Я поразил бы и двух Акторидов, младых Молионов,
 750 Если бы их не отец, многомощный земли колебатель,
 Сам из сражения спас, покрывши облаком темным.
 Зевс пилосским мужам даровал и победу и славу;
 Мы непрестанно бегущих вдоль поля широкого гнали,
 Всех истребляя и пышные их собирая доспехи,
 755 Коней пока не пригнали в Вупрасий, обильный пшеницей,
 Где Оленийский утес и курган, Алезийским зовомый.
 С одного поля пилосцев назад обратила Паллада.
 Там от врагов я последнего сверг, и ахейские мужи
 Вспять из Вупрасия в Пилос погнали коней быстроногих,

760 Все прославляя Кронида в богах, в человеках Нелида.
Некогда был я таков, подвизаясь с мужами! Пелид же
Служит свою доблестью только себе! Но уверен,
Сам он сетовать будет, как воинство наше погибнет!
Друг Менетид, не тебя ль наставлял благородный Менетий
765 В день, как из Фтии тебя отпускал в ополченье Атрида?
Мы с Одиссеем тогда, находясь в Пелеевом доме,
Слышали в храме всё, что вещал он, тебя наставляя.
В дом же Пелеев, богато устроенный, мы приходили,
Рать собирая на брань по ахейской земле плодоносной,
770 И нашли мы тогда Акторида Менетия в доме;
Там был и ты, и герой Ахиллес, а Пелей престарелый
Тучные бедра вола сожигал молнелюбцу Крониду,
Стоя в ограде двора, и, держа златоблещущий кубок,
Черное оным вино возливал на священное пламя;
775 Вы от закланного части готовили. Мы с Одиссеем
Стали в воротах; и бросился к нам Ахиллес удивленный,
За руки взял и в чертоги привел и, воссесть повелевши,
Нам предложил угощенье, какое гостям подобает.
И когда насладились мы изобильной трапезой,
780 Речь я устроил и вас уговаривал следовать с нами;
Вы пламенели на брань, а отцы наставляли вас мудро.
Старец Пелей своему заповедовал сыну Пелиду
Тщиться других превзойти, непрестанно пылать отличиться.
Но Менетий тебе заповедовал так благородный:
785 — Сын мой! Пелид Ахиллес тебя знаменитее родом,
Летами старше ты, у него превосходнее сила;
Но руководствуй его убеждением, умным советом;
Дружески правь им; всегда он на доброе будет послушен. —
Так заповедовал старец, а ты забываешь. Хоть ныне
790 Храбром сыну Пелея решишь говорить, — не вонмет ли?
Как то узнать? не успеешь ли, с богом, твоим убежденьем
Тронуть в нем сердце? сильно всегда убеждение друга.
Если ж какое пророчество душу его устрашает,
Если ему от Кронида поведала что-либо мать, —
795 Пусть он отпустит тебя и с тобою в сражение вышлет
Рать мирмидонскую; может быть, светом ты будешь данаям.

Пусть он позволит тебе ополчиться оружием славным;
 Может быть, в брани тебя за него принимая, трояне
 Бой прекратят; а данайские воины в поле отдохнут,
 800 Боем уже изнуренные; отдых в сражениях краток.
 Вы, ополчение свежее, рать, истомленную боем,
 Быстро к стенам отразите от наших судов и от кущей”.

Так говорил он — и сердце Патроклово в персях подвигнул.
 Он устремляется вдоль кораблей к Эакиду герою;
 805 Но когда к кораблям Одиссея, подобного богу,
 Он приближался бегущий, где площадь и суд был народный,
 И кругом алтари божествам их воздвигнуты были, —
 Там Эврипил, уязвленный в сражении, с ним повстречался,
 Доблестный сын, Эвемона, с стрелою, в бедре углубленной.
 810 Шел он, хромяя, с побоища; пот у героя ручьями
 Лился холодный с рамен и с главы, а из раны тяжелой
 Брызгала черная кровь; но дух оставался в нем твердым.
 Видя его, почувствовал жалость Патрокл благородный
 И, сострадая, воскликнул, крылатые речи вещая:
 815 “Ах, злополучные мужи, вожди и владыки ахейя!
 Так вы должны, далеко от друзей, от отчизны любезной,
 Плотию вашею белую псов насыщать илионских?
 Но поведай, герой, возвести мне, о Зевсов питомец,
 Рати стоят ли еще против Гектора, дивного в бранях?
 820 Или уже упадают, его укрощенные медью?”

Быстро ему Эврипил Эвемонид отвечивал мудрый:
 “Нет, благородный Патрокл, избавления нет никакого
 Ратям ахейским! в суда они черные бросятся скоро!
 Все, которые в воинстве были храбрейшие мужи,
 825 В стане лежат пораженные или пронзенные в брани
 Медью троян, а могущество гордых растет непрестанно;
 Но спаси ты меня, проводи на корабль мой черный;
 Вырежь стрелу из бедра мне, омой с него теплой водою
 Черную кровь и целебными язву осыпь врачевствами,
 830 Здравыми; их ты, вещают, узнал от Пелеева сына,
 Коего Хирон учил, справедливейший всех из кентавров.

835 Рати ахейской врачи, Подалирий и мудрый Махаон,
Сей, как я думаю, в куцах, подобною страждущий язвой,
Сам беспомощный лежит, во враче нуждаясь искусном;
Тот же стоит еще в поле, встречая свирепство Арея”.

840 Снова ему отвечал Менетиев сын благородный:
“Чем еще кончится дело? и что, Эвемонид, предпримем?
В стан я спешу, чтобы всё возвестить Ахиллесу герою,
Что мне приказывал Нестор, страж неусыпный ахеян.
Но тебя я в страдании здесь, Эврипил, не оставлю”.

845 Рек, — и, под грудь подхвативши, повел он владыку народов
К сени; слугитель, узрев их, тельчие кожи раскинул.
Там распростерши героя, ножом он из лядвеи жало
Вырезал горькой пернатой, омыл с нее теплой водою
Черную кровь и руками истертым корнем присыпал
Горьким, врачующим боли, который ему совершенно
Боль утоляет; и кровь унялася, и язва иссохла.

Песнь двенадцатая

БИТВА ЗА СТЕНУ

Так под высокою сенью Менетиев сын благородный
Рану вождя врачевал Эврипила; но битва пылала:
Бились данай с троянами всею их ратью; и больше
Быть обороной данаям не мог уж ни ров, ни твердыня
5 Крепкая, та, что воздвигли судам на защиту и окрест
Рвом обвели: не почтили они гекатомбой бессмертных,
Их не молили, да в стане суда и добычи народа
Зданье блюдет. Не по воле бессмертных воздвигнуто было
Здание то, и не долго оно на земле уцелело:
10 Гектор доколе дышал, и Пелид бездействовал гневный,
И доколе нерушенным град возвышался Приамов,
Гордое зданье данаев, стена невредимой стояла.
Но когда как троянские в брани погибли герои,

Так и аргивские многие пали, другие спаслися,
 15 И когда, Илион на десятое лето разрушив,
 В черных судах аргивяне отплыли к отчизне любезной, —
 В оное время совет Посейдаон и Феб сотворили
 Стену разрушить, могущество рек на нее устремивши
 Всех, что с Идейских гор изливаются в бурное море:
 20 Реза, Кареза, Гептапора, быстрого Родия волны,
 Эзипа, воды Граника, священные волны Скамандра
 И Симоиса, где столько щитов и блистательных шлемов
 Пало во прах и легли полубоги, могучие мужи:
 Устья их всех Аполлон обратил воедино и бег их
 25 Девять дней устремлял на твердыню; а Зевс непрерывный
 Дождь проливал, да скорее твердыня потонет в пучине.
 Сам земледержец с трезубцем в руках перед бурной водою
 Грозный ходил и всё до основ рассыпал по разливу,
 Бревна и камни, какие с трудом аргивяне сложили;
 30 Всё он с землею сровнял до стремительных волн Геллеспонта;
 Самый же берег великий, разрушив огромную стену,
 Вновь засыпал песками и вновь обратил он все реки
 В ложа, где прежде лились их прекрасно струящиеся воды.

Так Посейдаон и Феб Аполлон положили в грядущем
 35 Вместе свершить. Между тем загоралася шумная битва
 Вкруг под ахейской стеной; загремели огромные брусья
 В башнях громимых. Ахейцы, бичом укрощенные Зевса,
 Все при своих кораблях, заключенные в стане, держались,
 Гектора силы страшась, разносителя бурного бегства.
 40 Он же, герой, как и прежде, воинствовал, буре подобный.
 Словно когда окруженный, меж псов и мужей звероловцев,
 Вепрь или лев обращается быстрый, очами сверкая;
 Ловчие, друг возле друга, сомкнувшись твердой стеною,
 Зверю противостоят и тучами острые копыя
 45 Мечут из рук; но не робко его благородное сердце:
 Он не дрожит, не бежит и бесстрашием сам себя губит:
 Часто кругом обращается, ловчих ряды испытывая;
 И куда он ни бросится, ловчих ряды отступают:
 Так, пред толпою летающий, Гектор герой обращался,

- 50 Ров перейти убеждая дружины. Но самые кони,
Бурные кони, не смели; вздымались и храпали страшно,
Стоя над самою кручею; ров ужасал их глубокий,
Ров, к перескоку не узкий, равно к переходу не легкий:
Вдоль его скатов стремнины отрезные круто стояли
- 55 С той и другой стороны; на поверхности острые колья
Рядом по нем возвышались, огромные частые сваи,
Кои ахеяне вбили от гордых врагов обороной.
В ров сей едва ли конь с легкокатной своей колесницей
Мог бы спуститься; но пешие рвались, им не удастся ль.
- 60 Полидамас наконец к дерзновенному Гектору вскрикнул:
“Гектор и вы, воеводы троян и союзников наших!
Мысль безрассудная — гнать через ров с колесницами коней.
Он к переходу отнюдь не удобен: по нем непрерывно
Острые колья стоят, а за ними твердыня данаев.
- 65 Нам ни спускаться в окоп сей, ни в оном сражаться не должно,
Конным бойцам: теснина там ужасная, всех переколот.
Ежели подлинно в гневе своем громовержец ахеян
Хочет вконец истребить, а троянских сынов избавляет, —
Я бы желал, чтоб над ними немедленно то совершилось,
- 70 Чтоб изгибли бесславно, вдали от Эллады, ахейцы! —
Если ж они обратятся, и храбрый отбой от судов их
Сами начнут, и нас опрокинут на ров сей глубокий, —
После, я твердо уверен, и с вестию некому будет
В Трою прийти от ахеян, в отбой на троян устремленных.
- 75 Слушайте ж, други, меня и советам моим покоритесь:
Коней оставим, и пусть пред окопом возницы их держат;
Сами же пешие, в медных доспехах, с оружием в дланях,
Силою всею пойдем мы за Гектором; рати ахеян
Нас не удержат, когда им грозит роковая погибель”.
- 80 Так говорил он; и Гектор, склонясь на совет непорочный,
Быстро с своей колесницы с доспехами прынул на землю.
Тут и другие вожди перестали на конях съезжаться;
Все за божественным Гектором спрянули быстро на землю.
Каждый тогда своему наказал воевода вознице
- 85 Коней построить в ряды и у рва держать их готовых.

Сами ж они, разделяясь, толпами густыми свернувшись,
На пять громад устроясь, двинулись вместе с вожжами.

Гектор и Полидамас предводили громадою первой,
Множеством, храбростью страшной и более прочих пылавшей
90 Стену скорее пробить и вблизи пред судами сражаться.
С ними и третий шел Кебрион, а другого близ коней,
В сонме возниц, Кебриона слабейшего, Гектор оставил.
Храбрый Парис, Алкафой и Агенор вторых предводили;
Третьих вели прорицатель Гелен, Деифоб знаменитый,
95 Два — Приамова сына и третий Азий бесстрашный,
Азий Гиртакид, который на конях огромных и бурных
В Троию принесся из дальней Арисбы, от вод Селлеиса.
Сонмом четвертым начальствовал сын благородный Анхизов,
Славный Эней, и при нем Акамас и Архелох, трояне,
100 Оба сыны Антенора, искусные в битвах различных,
Но Сарпедон предводил ополчение союзников славных,
Главка к себе приобщив и бесстрашного Астеропея:
Их обоих почитал он далеко храбрейшими многих
После себя предводителей, сам же всех превышал он.
105 Так изготоясь они и сомкнувшись крепко щитами,
С пламенным духом пошли на данаев; не могут, мечтали,
Противостать, но в суда мореходные бросятся к бегству.

Все тогда, как трояне, так и союзники Трои,
Полидамаса вождя покорились совету благому.
110 Азии один не хотел, предводитель народов Гиртакид,
Коней оставить у рва со своим возницею храбрым:
Азии на бурных конях устремлялся к судам мореходным,
Муж безрассудный! Ему не избегнуть от грозного рока;
Нет, колесницей и конями он величался, гордый,
115 Вспять от ахейских судов не воротится к Трое холмистой:
Прежде его дерзновенного участь лихая постигла
Медным копьём Девкалиона, славного Идоменея.
Мчался он влево к судам мореходным, туда, где ахейцы
С бранного поля бежали на легких своих колесницах;
120 Правил туда он своих быстроскачущих коней; и в башне

Там не нашел ни отворенных ворот, ни огромных запоров:
Их растворенными вой держали, да каждый сподвижник,
С бранного поля бегущий, укроется в стан корабельный.
Прямо скакал он, высоко мечтающий; с ним и другие
125 С криком ужасным летели: ахейцы, они уповали,
Не устоят, — в корабли мореходные бросятся к бегству.
Но малоумные! В башне их встретили двое бесстрашных,
Сильные духом сыны копьеборцев могучих лапифов:
Первый герой Полипет, безбоязненный сын Пирифоа;
130 Воин второй Леонтей, душегубцу Арею подобный.
Оба они пред высоковздымавшеюся башней стояли:
Словно на холмах лесистых высоковершинные дубы,
Кои и ветер и дождь, ежедневно встречая, выносят,
Толстыми в землю корнями широкоразмётными вросши, —
135 Так и они, на могучесть рук и на храбрость надеясь,
Мчавшегося Азия бурного ждали, незыблемо стоя.
Тою порой, как противники прямо к твердыне ахейской,
Вверх подымая щиты, подходили с воинственным криком
Вкруг повелителя Азия, вкруг Иямена, Ореста,
140 Азия сына Адамаса, Фоона и Эномая,
Тою порою лапифы еще меднобронных данаев,
Стоя внутри при воротах, суда оборонить возбуждали.
Но, лишь узрели, что прямо уже устремилась на стену
Сила троян, и ахеяне подняли крик и тревогу, —
145 Вылетев оба они, пред воротами начали битву,
Вепрям подобные диким, которые в горной дубраве
Ловчих и псов нападение шумное смело встречают,
В стороны быстро бросаясь, ломают кругом их кустарник,
Режут при корнях деревья, стук от клыков их ужасный
150 Вкруг раздается, доколе копье не исторгнет их жизни, —
Так у лапифов стучали блестящие брони на персях,
Окрест врагами разимые: пламенно бились лапифы,
Видя друзей над собой и на силы свои полагаясь.
Те же — огромные камни с высоковздымавшеюся башни,
155 Сами себя и суда их у моря и стан защищая,
Быстро метали; как снег ослепительный падает наземь,
Если ветер порывистый, мрачные тучи колебля,

Частый его проливает на многоплодящую землю, —
 Так и у них, у стрельцов, как данайских, равно и троянских,
 160 Стрелы лилися из рук; под ударами камней огромных
 Глухо гудели шеломы и круги щитов меднобляшных.

Громко воскликнул и в бедра с досады ударил руками
 Азий Гиртакид, и, ропчущий на небо, так говорил он:
 “Зевс Олимпийский, и ты уже сделался явный лжелюбец!
 165 Я и помыслить не мог, чтоб еще аргивяне герои
 Вынесли мужество наше и рук необорную силу!
 Но как пчелы они, иль как пестрые, верткие осы,
 Гнезда свои положив при утесистой пыльной дороге,
 Дома ущельного бросить никак не хотят и, дождавшись
 170 Хищных селян, за детей перед домом сражаются злобно, —
 Так и они не хотят от ворот, невзирая, что двое,
 С места податься, пока не осият иль сами не лягут”.

Так вопиял он; но воплям его не внимал громовержец:
 Гектора славою украсить заботилось сердце Кронида.

175 Рати другие пред башней другою билися боем.
 Трудно мне оное всё, как бессмертному богу, поведать;
 Вдоль перед всею твердынею бой загорелся ужасный
 Каменный; духом унылые, рати ахейя по нужде
 Бились, суда бороня; омрачились печалью и боги,
 180 Все ополчений ахейских поборники в брани троянской.

Стали сложася лапифы на страшную брань и убийство.
 Пламенный сын Пирифоев, герой Полипет копьеносный,
 Дамаса острым копьем поразил сквозь шелом меднощечный:
 Шлемная медь не сдержала удара; насквозь пролетела
 185 Медь изошренная, кость проломила и, в череп ворвавшись,
 С кровью смесила весь мозг и смирила его в нападение.
 Он наконец у Пилоня и Ормена души исторгнул.
 Отрасль Арея, лапиф Леонтей, Антимахова сына
 Там же низверг, Гиппомаха, уметив у запона пикой.
 190 После герой, из влагалища меч свой исторгнувши острый

И сквозь толпу устремившись, первого там Антифата
Изблизил грянул мечом, и об дол он ударился тылом.
Там наконец он Иямена, Менона, воя Ореста,
Всех, одного за другим, положил на кровавую землю.

- 195 Но между тем, как они совлекали блестящие брони,
С Полидамасом и Гектором юношей полк приближался,
Множеством, храбростью страшный и более прочих пылавший
Стену ахеев пробить и огнем истребить корабли их.
Но, приблизясь ко рву, в нерешимости храбрые стали:
200 Ров перейти им пылавшим явилась вещая птица,
Свыше летящий орел, рассекающий воинство слева,
Мчущий в когтях обгащенного кровью огромного змея:
Жив еще был он, крутился и брани еще не оставил;
Взвившись назад, своего похитителя около выи
205 В грудь уязвил; и, растерзанный болью, на землю добычу,
Змея, отбросил орел, уронил посреди ополченья;
Сам же, крикнувши звучно, понесся по веянию ветра.
Трои сыны ужаснулись, увидевши пестрого змея,
В прахе меж ними лежащего, грозное знаменье Зевса.
- 210 Полидамас говорить дерзновенному Гектору начал:
“Гектор, всегда ты меня порицаешь, когда на советах
Я говорю справедливое: ибо никто и не должен,
Быв гражданин, говорить против истины, как на советах,
Так и в брани, одно умножая твое властелинство.
215 Снова, однако, скажу я вам, что почитаю полезным:
Дальше не должно идти и с данаями в стане сражаться.
Так, уповаю я, сбудется, ежели точно троянам,
Ров перейти пламенеющим, в знаменье птица явилась,
Свыше летящий орел, рассекающий воинство слева,
220 Мчущий покрытого кровью огромного змея живого;
Но его упустил он, гнезда своего не достигнул
И не успел, похититель, предать его детям в добычу, —
Так-то и мы, хотя и ворота и стену данаев
Силой великою сломим, хотя и уступят данаи,
225 Но от судов не в устройстве мы тем же путем возвратимся;

Многих оставим троян; ратоборцы ахейские многих
 Медью сразят, за суда мореходные храбро сражаясь.
 Так и пророк изъяснил бы, который в душе просвещенной
 Ведает знамений смысл, и ему бы народ покорился”.

- 230 Грозно взглянув на него, отвечал шлемоблещущий Гектор:
 “Полидамас, для меня неприятны подобные речи!
 Мог ты совет и другой нам, больше полезный, примыслить!
 Если же сей, что сказал, произнес ты от чистого сердца,
 Разум твой, без сомненья, похитили гневные боги:
 235 Ты мне велишь, чтоб высокогремящего Зевса забыл я
 Волю, что сам знаменал он и мне совершить обрекался?
 Ты не обетам богов, а ширяющим в воздухе птицам
 Верить велишь? Презираю я птиц и о том не забочусь,
 Вправо ли птицы несутся, к востоку Денницы и солнца,
 240 Или налево пернатые к мрачному западу мчатся.
 Верить должны мы единому, Зевса великого воле,
 Зевса, который и смертных, и вечных богов повелитель!
 Знаменье лучшее всех — за отечество храбро сражаться!
 Что ты страшишься войны и опасностей ратного боя?
 245 Ежели Трои сыны при ахейских судах мореходных
 Все мы падем умерщвленные, ты умереть не страшися!
 Ты не имеешь духа ни встретить врага, ни сразиться!
 Если, однако, ты бросишь сражение или другого,
 Речью твоей обольстивши, отклонишь от ратного дела,
 250 Вмиг под моим ты копьем распрострешься и душу испустишь!”

- Так произнес — и пошел он вперед; понеслись и дружины
 С криком ужасным; пред ними Кронид, веселящийся громом,
 Свыше, от гор Идейских, воздвигнул свирепую бурю,
 Мрачный прах на суда заklubившую; он у данаев
 255 Дух унижал, возвышая троянам и Гектору славу.
 Тут, на знаменье бога и силу свою положаясь,
 Начали Трои сыны разрушать ахейскую стену.
 С башен срывали зубцы, сокрушали грудные забрала
 И ломачи шатали у вала торчащие сваи,
 260 Кои поставлены в землю опорами первыми башен.

Их вырывали они и уже уповали, что стену
 Скоро пробьют; но ахейцы еще не сходили с их места.
 Плотнo щитами они оградивши грудные забрала,
 Камнями, копьями били врагов, подступавших под стену.

- 265 Оба Аякса, тогда управлявшие битвой на башнях,
 Быстро ходили кругом, придавая ахеянам духа:
 Ласковой речью одних, а других возбуждали суровой,
 Если которых встречали оставивших битву с врагами:
 “Други ахейцы, и тот, кто передний, и тот, кто середний,
 270 Так и последний из воинов, — ибо не все равносильны
 Мужи в сражениях, — ныне для всех нас труд уготовлен!
 Это вы видите сами! О други, никто да не мыслит
 Вспять со стены обращаться, грозящего криков страшася.
 Нет, выходите вперед и на бой поощряйте друг друга!
 275 Даст, быть может, и нам олимпийский блистатель Кронион,
 Жесточь сию отразивши, преследовать к граду враждебных!”

- Речью такой впереди возбуждали Аяксы ахеян.
 Словно как снег, устремившись, хлопьями сыплется частый,
 В зимнюю пору, когда громовержец Кронион восходит
 280 С неба снежить человекам, являя могущества стрелы:
 Ветры все успокоивши, сыплет он снег непрерывный,
 Гор высочайших главы и утесов верхи покрывая,
 И цветущие степи, и тучные пахарей нивы;
 Сыплется снег на берега и на пристани моря седого;
 285 Волны его, набежав, поглощают; но всё остальное
 Он покрывает, коль свыше обрушится Зевсова выюга, —
 Так от воинства к воинству частые камни летали,
 Те на троян нападавших, а те от троян на ахеян,
 Быстро метавших; кругом над твердынею стук раздавался.
- 290 Но не успели б еще и трояне, и Гектор могучий
 В башне пробить затворенных ворот и огромных запоров,
 Если б на силу ахейскую силы своей — Сарпедона —
 Сам Эгиох не подвинул, как льва на волов круторогих.
 Быстро герой перед грудью оставил свой щит круговидный,

295 Медный, кованный, пышноблестящий, который художник,
 Медник искусный, ковал, на поверхности ж тельчье кожи
 Прутьями золота часто пропелел по краям его круга:
 Щит сей неся перед грудью и два копия потрясая,
 Он устремился, как лев-горожитель, алкающий долго
 300 Мяса и крови, который, душою отважной стремимый,
 Хочет, на гибель овец, в их загон огражденный ворваться;
 И хотя пред оградю пастырей сельских находит,
 С бодрыми псами и с копыями стадо свое стерегущих,
 Он, не изведавши прежде, не мыслит бежать от ограды;
 305 Прянув во двор, похищает овцу, либо сам под ударом
 Падает первый, копьем прободенный из длани могучей, —
 Так устремляла душа Сарпедона, подобного богу,
 На стену прямо напасть и разрушить забрала грудные.
 Быстро он к Главку вещал, Гипполохову храброму сыну:
 310 “Сын Гипполохов! за что перед всеми нас отличают
 Местом почетным, и брашном, и полной на пиршествах чашей
 В царстве ликийском и смотрят на нас, как на жителей неба?
 И за что мы владеем при Ксанфе уделом великим,
 Лучшей землей, виноград и пшеницу обильно плодящей?
 315 Нам, предводителям, между передних героев ликийских
 Должно стоять и в сраженьи пылающем первым сражаться.
 Пусть не единый про нас крепкобронный ликиянин скажет:
 Нет, не бесславные нами и царством ликийским пространным
 Правят цари: они насыщаются пищею тучной,
 320 Вина изящные, сладкие пьют, но зато их и сила
 Дивная: в битвах они пред ликийцами первые бьются!
 Друг благородный! когда бы теперь, отказавшись от брани,
 Были с тобой навсегда нестареючи мы и бессмертны,
 Я бы и сам не летел впереди перед воинством биться,
 325 Я и тебя бы не влек на опасности славного боя;
 Но и теперь, как всегда, неисчетные случаи смерти
 Нас окружают, и смертному их ни минуту, ни избегнуть.
 Вместе вперед! иль на славу кому, иль за славою сами!”

Так говорил Сарпедон; не противился Главк, не отрекся.
 330 Ринулись оба вперед пред великою ратью ликийской.

Их устремленных узрев, Петеид Менесфей ужаснулся:
 К башне его разрушеньем грозящая сила стремилась.
 С башни кругом он глядел, не узрит ли кого из ахейских
 Мощных вождей, да поможет беду отразить от дружины.
 335 Скоро Аяксов узрел обоих, ненасытимых бранью,
 Близко сражавшихся, с ними и Тевкра, который недавно
 Вышел из сени; но не было способа крик им услышать.
 Шумно там было побоище — там до небес раздавался
 Гром от разимых щитов, от косматых шоломов и створов
 340 Башенных врат: обступили их все, и, пред ними толпою
 Стоя, трояне пыталися, силой разбивши, ворваться.
 Вестника вождь Менесфей посылает к Аяксам Фюота:
 “Шествуй, почтенный Фюот, и зови на защиту Аякса.
 Лучше зови обоих, несравненно полезнее тут им
 345 Быть обоим: разразится тут скоро ужасная гибель!
 Мчатся сюда воеводы ликийские, кои и прежде
 Бурей всегда налетали на страшное поприще брани!
 Если же там на ахеян воздвигнута грозная жесточь,
 Пусть хоть один поспешает Аякс, Теламонид великий;
 350 С ним да предстанет и Тевкр благородный, стрелец знаменитый”.

Так произнес; покорился его повелениям вестник
 И пустился бежать по стене меднобронных данаев.
 Стал пред Аяксами вестник пришедший и так говорил им:
 “Храбрые мужи Аяксы, вожди меднобронных данаев,
 355 Просит Петея почтенного сын, Менесфей благородный,
 В помощь прийти; разделите хоть несколько труд с ним
 жестокий.

Но придите вы оба; полезнее там, воеводы,
 Храбрым вам быть: разразится там скоро ужасная гибель!
 Мчатся туда воеводы ликийские, кои и прежде
 360 Бурей всегда налетали на страшное поприще брани!
 Если же здесь на ахеян воздвигнута грозная жесточь,
 Пусть хоть один поспешает Аякс, Теламонид великий?
 С ним да предстанет и Тевкр благородный, стрелец
 знаменитый”.

- Так говорил, и охотно склонился Аякс Теламонид.
 365 Он к Оилиду Аяксу измолвил крылатое слово:
 “Сын Оилеев Аякс, и ты, Ликомед нестрашимый!
 Стойте вы здесь и народ поощряйте отважно сражаться.
 Я же туда поспешаю и там на сражение стану;
 К вам возвращаюсь немедленно, только лишь им помогу я”.
- 370 Так говорящий своим, отошел Теламонид могучий.
 С ним устремился и Тевкр, Теламонидов брат одноотчий,
 И за Тевкром Пандион, несущий лук его крепкий.
 К башне Петеева сына, идя внутрь стены, воеводы
 Скоро пришли и уже утесненных врагами застали.
 375 К самым забралам стены подымались, как мрачная буря,
 Мужи храбрейшие, воинств ликийских вожди и владыки;
 Сблизились в битву, противник с противником, с яростным
 криком.
- Первый сразился Аякс Теламонид, и первый сразил он
 Друга царя Сарпедона, высокого духом Эпикла:
 380 Мрамором острым его поразил он, какой на твердыне
 Большой лежал у забрал высочайших; его не легко бы
 Поднял руками обеими муж и летами цветущий,
 Нам современный, но он высоко его поднял и ринул:
 Вдруг раздавил им и выпуклый шлем, и на черепе кости
 385 Все раздробил у Эпикла; и он, водолазу подобный,
 Ринулся с башни высокой, и дух его кости оставил.
 Тевкр Гипполохова сына, героя ликийского Главка,
 Сверху стены, на нее подымавшегося, ранил пернатой
 В мышцу, где видел нагою, и битву принудил оставить.
 390 Он со стены соскочил, притаяся, да кто из ахеян
 Язвы его не узрит и над ним не ругается, гордый.
 Грусть обняла Сарпедона, когда отходящего друга
 Главка приметил; но он не оставил кровавого боя:
 Он в Фесторида Алкмаона, прянувши, острую пику
 395 Быстро вонзил и исторг; и, за пикой повлекшись, пал он
 На землю ниц, и взгремела на нем распещренная броня.

Но Сарпедон, за зубец ухвативши рукою дебелой,
 Мощно повлек, и оторванный рухнулся весь он на землю;
 Сверху стена обнажилась, и многим открылась дорога.

400

Тевкр и Аякс разрушителя встретили вместе: стрелою
 Первый уметил ремень его светлый, на персях держащий
 Щит в человеческий рост; но Зевс от любезного сына
 Смерть отразил, не судивши ему пред судами погибнуть.
 Мощный Аякс, налетев, поразил по щиту, и, пробившись,
 Пика насквозь оттолкнула врага, распыхавшегося сердцем.
 Он от твердыни подался назад, но совсем не оставил
 Места сраженья и в сердце надежды, что славы добудет.
 Вспять обратясь, восклицал он ликиянам богоподобным:
 “Мужи ликийские! что забываете бурную храбрость?
 Мне одному невозможно, хоть был бы еще я сильнейший,
 Стену разрушить и к быстрым судам проложить вам дорогу!
 Разом со мною, ликийцы! успешнее труд совокупный!”

405

410

Так восклицал, — и они, устыдившись царских упреков,
 Крепче сомкнулись, смелей налегли за советником храбрым.
 Рати ахеян с другой стороны укрепляли фаланги
 Внутрь их стены. Предстоял их мужеству подвиг великий:
 Тут, как ликийцы храбрейшие всё не могли у ахеян
 Крепкой стены проломить и открыть к кораблям их дорогу,
 Так и ахеян сыны не могли нападавших ликиян
 Прочь от стены отразить, с тех пор как они подступили.
 Но как два человека, соседи, за межи раздорят,
 Оба с саженью в руках на смежном стоящие поле,
 Узким пространством делимые, шумно за равенство спорят:
 Так и бойцов лишь забрала делили; чрез них нападая,
 Мужу одни у других разбивали вкруг персей их кожи
 Пышных кругами щитов и крылатых щитков легкометных.
 Многие тут из сражавшихся острою медью позорно
 Были постигнуты в тыл, у которых хребет обнажался
 В бегстве из боя, и многие храбрые в грудь, сквозь щиты их.
 Башни, грудные забрала кругом человеческой кровью
 Были обрызганы с каждой страны, от троян и ахеян.

420

425

430

Но ничто не могло утрашить ахеян; держались
 Ровно они, как весы у жены, рукодельницы честной,
 Если, держа коромысло и чаши заботно равняя,
 435 Весит волну, чтоб детям промыслить хоть скудную плату, —
 Так равномерно стояла и брань, и сражение воинств
 Долго, доколе Кронид не украсил высокою славой
 Гектора: Гектор ворвался в твердыню ахейскую первый.
 440 Голосом, слух поражающим, он восклицал ко троянам:
 “Конники Трои, вперед, разорвите ахейскую стену
 И на их корабли пожирающий пламень бросайте!”

Так возбуждал их герой, и слышали все его голос;
 Прямо к стене понеслись толпою и начали быстро
 Вверх подыматься к зубцам, уставляючи острые копья.
 445 Гектор же нес им захваченный камень, который у башни
 Близко вздымался, широкий книзу, заостренный кверху,
 Глыба, которой и два, из народа сильнейшие, мужа
 С дола на воз не легко бы могли приподнять рычагами,
 Ныне живущие; он же легко и один потрясал им:
 450 Легкою тягость ему сотворил хитроумный Кронион.
 Словно как пастырь, одною рукою руно захвативши,
 Быстро несет: для нее нечувствительно слабое бремя, —
 Так Приамид захватил и стремительно нес на ворота
 Камень огромный. Ворота те были сплоченные крепко
 455 Створы двойные, высокие; два изнутри их запора
 Встречные туго держали, одним замыкаяся болтом.
 Стал он у самых ворот и, чтоб не был удар маломочен,
 Ноги расширил и, сильно напрягшись, грянул в средину;
 Сбил подворотные оба крюка, и во внутренность камень
 460 Рухнулся тяжкий. Взгремели ворота; ни засов огромный
 Их не сдержал: и сюда и туда раскололися створы,
 Камнем разбитые страшным; и ринулся Гектор великий,
 Грозен лицом, как бурная ночь; и сиял он ужасно
 Медью, которой одеян был весь; и в руках потрясал он
 465 Два копия; не сдержал бы героя никто, кроме бога,
 В миг, как в ворота влетел он: огнем его очи горели.
 Там он троянам приказывал, к толпищу их обратясь,

На стену быстро взлезать, и ему покорились трояне:
 Ринулись все, и немедленно — те подымались на стену,
 470 Те наводняли ворота. Кругом побежали ахейцы
 К черным своим кораблям; и кругом поднялася тревога.

Песнь тринадцатая БИТВА ПРИ КОРАБЛЯХ

Зевс, и троян и Гектора к стану ахейян приблизив,
 Их пред судами оставил, беды и труды боевые
 Несть беспрерывно; а сам отвратил светозарные очи
 Вдаль, созерцающий землю фракиян, наездников конных,
 5 Мизян, бойцов рукопашных, и дивных мужей гипсомолгов,
 Бедных, питавшихся только млеком, справедливейших
 смертных.

Более он на Трою очей не склонял светозарных;
 Ибо не чаял уже, чтобы кто из богов олимпийских
 Вышел еще поборать за троянских сынов иль ахейских.

10 Но соглядал не напрасно и бог Посейдаон великий;
 Сам он сидел, созерцая войну и кровавую битву
 С горных вершин, с высочайшей стремнины лесистого Сама
 В Фракии горной: отголе великая виделась Ида,
 Виделась Троя Приама и стан корабельный ахейян.
 15 Там он, из моря исшедший, сидел, сострадал об ахейцах,
 Силой троян укрощенных, и страшно роптал на Зевеса.
 Вдруг, негодуя, восстал и с утесной горы устремился,
 Быстро ступая вперед; задрожали дубравы и горы
 Вкруг под стопами священными в гнев идущего бога.
 20 Трижды ступил Посейдон и в четвертый достигнул предела,
 Эги; там Посейдона в заливе глубоком обитель,
 Дом золотой, лучезарно сияющий, вечно нетленный.
 Там он, притекший, запряг в колесницу коней медноногих,
 Бурно летающих, гривы волнующих вкруг золотые.
 25 Золотом сам он одеялся, в руку десную прекрасный

Бич захватил золотой и на светлую стал колесницу;
 Коней погнал по волнам, — и взыграли страшилища бездны,
 Вкруг из пучин заскакали киты, узнавая владыку;
 Радуюсь, море под ним расстиралось, — а гордые кони
 30 Бурно летели, зыбей не касался медною осью;
 К стану ахейскому мчались быстроскачущие кони.

Есть пещера обширная в бездне пучинной залива,
 Меж Тенедоса и дикоутесного острова Имбра.
 Там коней удержал колебатель земли Посейдаон;
 35 Там отрешив от ярма, амброзической бросил им пищи
 В корм и на бурные ноги накинуд им путы златые,
 Несокрушимые цепи, да там бы они неподвижно
 Ждали владыку; а сам устремился к дружинам ахейским.

Рати троянские, всей их громадой, как пламень, как буря,
 40 Гектору вслед с несмиримой горячностью к бою летели
 С шумом, с криком неистовым: взять корабли у данаев
 Гордо мечтали и всех истребить перед ними данаев.
 Но Посейдон земледержец, могучий земли колебатель,
 Дух аргивян возвышал, из глубокого моря ишедший.
 45 Он, уподобясь Калхасу видом и голосом сильным,
 Первым вещал Аяксам, плывавшим и собственным сердцем:
 “Вы воеводы, Аяксы, одни вы спасете ахеян,
 Мужество помня свое и не мысля о бегстве бездушном.
 В месте другом не страшился бы рук я троян необорных,
 50 Кои в ахейскую крепкую стену ворвались толпою:
 Их остановят везде меднолатные рати ахеян.
 Здесь лишь, безмерно страшусь, пострадать неизбежно мы
 можем;
 Здесь распыхавшись, как пламень стремительный, Гектор
 предводит,
 Гектор, себя величающий сыном всемогущего Зевса!
 55 О, да и вам небожитель положит решительность в сердце,
 Крепко стоять и самим, и других ободрить, уstraшенных!
 Гектора, как он ни бурен, от наших судов мореходных
 Вы отразите, хотя б устремлял его сам громовержец!”

Рек — и жезлом замеледержец, могучий земли колебатель,
 Их обоих прикоснулся и страшною силой исполнил;
 Члены их легкими сделал, и ноги, и мощные руки.
 Сам же, как ястреб, ловец быстрокрылый, на лов улетает,
 Если с утеса крутого, высокого, вдруг он поднявшись,
 Ринется полем преследовать робкую птицу другую, —
 Так устремился от них Посейдаон, колеблющий землю.
 Первый бога постиг Оилеев Аякс быстроногий;
 Первый он взговорил к Теламонову сыну Аяксу:
 “Храбрый Аякс! без сомнения, бог, обитатель Олимпа,
 Образ пророка приняв, корабли защищать повелел нам.
 Нет, то не Калхас, вещатель оракулов, птицегадатель;
 Нет, по следам и по голениям мощным сзади познал я
 Вспять отходящего бога: легко познаваемы боги.
 Ныне, я чую, в груди у меня ободренное сердце
 Пламенной прежнего рвется на брань и кровавую битву;
 В битву горят у меня и могучие руки и ноги”.

Быстро ему отвечал Теламонид, мужества полный:
 “Так, Оилид! и мои на копье несмиримые руки
 В битву горят, возвышается дух, и стопы подо мною,
 Чувствую, движутся сами; один я, один я пылаю
 С Гектором, сыном Приама, неистовым в битвах, сразиться”.

Так меж собой говорили владыки народов Аяксы,
 Жаром веселые бранным, ниспосланным в сердце их богом.
 Тою порой возбуждал Посейдаон задних данаев,
 Кои у черных судов оживляли унылые души;
 Воины, коих и силы под тяжким трудом изнурились,
 И жестокая грусть налегла на сердца их, при виде
 Гордых троян, за высокую стену толпой перешедших.
 Смотря на их торжествующих, слезы они проливали,
 Смерти позорной избежать не чаяли. Но Посейдаон,
 Вдруг посреди их явившись, сильные поднял фаланги.
 Первому Тевкру и Леиту он предстал, убеждая,
 Там Пенелею царю, Деипиру, Фоасу герою,

- Здесь Мериону и с ним Антилоху, искусникам бранным.
 Сих возбуждал земледержец, крылатые речи вещая:
- 95 “Стыд, аргивяне, цветущие младостью! вам, полагал я,
 Храбрости вашей спасти корабли мореходные наши!
 Если ж и вы от опасностей брани отступите робко,
 День настал роковой, и троянская мощь сокрушит нас!
 Боги! великое чудо моими очами я вижу,
- 100 Чудо ужасное, коему, мнил, никогда не свершиться:
 Трои сыны пред судами ахейскими! те, что, бывало,
 Ланям подобились трепетным, кои, по темному лесу
 Праздно бродящие, слабые и не рожденные к бою,
 Пардов, волков и шакалов вседневною пищей бывают.
- 105 Так и трояне сии трепетали, бывало, ахеян,
 Противу мужества их ни на миг стоять не дерзали.
 Ныне ж, далеко от стен, корабли уже наши воюют!
 И отчего? от проступка вождя и от слабости воев,
 Кои, враждуя вождю, не хотят окруженных врагами
- 110 Спасть кораблей и пред ними себя отдают на убийство!
 Но устыдитесь; если и подлинно сильно виновен
 Наш предводитель, пространновластительный царь Агамемнон,
 Если и подлинно он оскорбил Ахиллеса героя,
 Нам никому ни на миг уклоняться не должно от брани!
- 115 Но исцелим мы себя: исцелимы сердца благородных.
 Стыд, о ахеяне! вы забываете бранную доблесть,
 Вы, ратоборцы храбрейшие в воинстве! Сам я не стал бы
 Гнева на ратника тратить, который бросает сражение,
 Будучи подл, но на вас справедливо душа негодует!
- 120 Слабые, скоро на всех навлечете вы большее горе
 Слабостью вашей! Опомнитесь, други! представьте себе вы
 Стыд и укоры людей! Решительный бой наступает!
 Гектор, воинственный Гектор уже на суда нападает,
 Мощный, уже разгромил и врата, и запор их огромный”.
- 125 Так возбуждал колебатель земли и воздвигнул данаев.
 Окрест Аяксов героев столпились, стали фаланги
 Страшной стеной. Ни Арей, ни Паллада, стремящая рати,
 Их не могли бы, не радуясь, видеть: храбрейшие мужи,

- Войско составив, троян и великого Гектора ждали,
130 Стиснувши дрот возле дрота и щит у щита непрерывно:
Щит со щитом, шишак с шишаком, человек с человеком
Тесно смыкался; касались светлыми бляхами шлемы,
Зыблясь на воинах: так аргивяне сгустяся стояли;
Копья змеилися, грозно колеблемы храбрых руками;
135 Прямо они на троян устремляясь, пылали сразиться.
Но, упредив их, трояне ударили; Гектор пред ними
Бурный летел, как в полете крушительный камень с утеса,
Если с вершины громаду осенние воды обрушат,
Ливнем дождем разорвавши утеса жестокого связи:
140 Прядая кверху, летит он; трещит на лету им крушимый
Лес; беспрепонно и прямо летит он, пока на долину
Рухнет, и больше не катится, сколь ни стремительный прежде, —
Гектор таков! при начале грозился до самого моря
Быстро пройти, меж судов и меж кущей, по трупам данаев;
145 Но едва набежал на сомкнувшиесь крепко фланги,
Стал, как ни близко нагрянувший: дружно его аргивяне,
Встретив и острых мечей, и пик двуконечных ударом,
Прочь отразили, — и он отступил, поколебанный силой,
Голосом, слух поражающим, к ратям троян вопиющий:
150 “Трои сыны, и ликийцы, и вы, рукопашцы дарданцы!
Стойте, друзья! Ненадолго меня остановят ахейцы,
Если свои ополченья и грозною башней построят;
Скоро от пики рассыплются, если меня несомненно
Бог всемогущий предводит, супруг громовержущий Геры!”
- 155 Так восклицая, возвысил и душу и мужество в каждом.
Вдруг Деифоб из рядов их высокомечтающий вышел,
Сын же Приамов: пред грудью уставя он щит круговидный,
Легкой стопой выступал и вперед под щитом устремлялся.
Но Мерион, на троянца наметив сверкающей пикой,
160 Бросил, и верно вонзилася в выпуклый щит волокожный
Бурная пика; но кож не проникла: вонзилась, и древком
Около трубки огромная хрястнула. Быстро троянец
Щит от себя отдалил волокожный, в душе утрашася
Бурного в лете копья Мерионова; тот же, могучий,

165 К сонму друзей отступил, негодуя жестоко на трату
Верной победы и вместе копья, преломленного тщетно;
Быстро пустился идти к кораблям и кущам ахейским,
Крепкое вынести копье, у него сохранявшееся в куще.

Но другие сражались; вопль раздавался ужасный.
170 Тевкр Теламониев первый отважного сверг браноносца
Имбрия, Ментора сына, конями богатого мужа.
Он в Педаосе жил до нашествия рати ахейской,
Медезикасты супруг, побочной Приамовой дщери.
Но когда аргивяне пришли в кораблях многовеслых,
175 Он прилетел в Илион и в боях меж троян отличался;
Жил у Приама и был как сын почитаем от старца.
Мужа сего Теламонид огромною пикой под ухо
Грянул и пику исторг; и на месте пал он, как яшень
Пышный, который на холме, далёко путнику видном,
180 Ссеченный медью, зеленые ветви к земле преклоняет:
Так он упал, и кругом его грянул доспех распещренный.
Тевкр полетел на упавшего, сбрую похитить пылая.
Гектор на Тевкра летящего дротик блистающий ринул;
Тот, издали узя, от копья, налетавшего бурно,
185 Чуть избежал. Но Амфимаха Гектор, Ктеатова сына,
В битву идущего, в грудь поразил сокрушительным дротом;
С шумом на землю он пал, загремели на падшем доспехи.
Бросился Гектор, пылая шелом на скраниях плотный,
Медный сорвать с головы у Ктеатова храброго сына.
190 Но Аякс на летящего острую пику уставил;
К телу она не проникнула Гектора: медью кругом он
Страшною был огражден; но в средину щита поразивши,
Силой его отразил Теламонид, и вспять отступил он
Прочь от обоих убитых; тела увлекли аргивяне;
195 Сына Ктеатова Стихий герой с Менесфеем почтенным,
Оба афинян вожди, понесли к ополченьям ахейским.
Имбрия ж оба Аякса, кипящие храбростью бурной,
Словно как серну могучие львы, у псов острозубых
Вырвавши, гордо несут через густопоросший кустарник
200 И добычу высоко в челюстях держат кровавых, —

Так, Менторида высоко держа, браноносцы Аяксы
 С персей срывали доспех, и повисшую голову с выи
 Ссек Оилид и, за гибель Амфимаха местию пылая,
 Бросил ее с размаху, как шар, на толпу илионян:
 205 В прах голова, перед Гектора ноги, крутящаяся пала.

Гневом сугубым в душе Посейдон воспылал за убийство
 Внука его Ктеатида, сраженного в битве свирепой.
 Гневный подвинулся он, к кораблям устремляясь и к кушам,
 Всех аргиев возбуждая и горе готовя троянам.
 210 Идоменей, Девкалион воинственный, встретился богу,
 Шедший от друга, который к нему незадолго из боя
 Был приведен, под колено суровою раненный медью.
 Юношу вынесли други; его он врачам приказавши,
 215 Сам из шатра возвращался: еще он участвовать в битве,
 Храбрый, пылал; и к нему провещал Посейдаон владыка
 (Глас громозвучный приняв Андроконова сына, Фоаса,
 Мужа, который в Плевроне, во всем Калидоне гористом
 Всеми этолцами властвовал, чтимый, как бог, от народа):
 220 “Где же, о критян советник, куда же девались угрозы,
 Коими Трои сынам угрожали ахейские чада?”

И ему вопреки отвечал Девкалид знаменитый:
 “Сын Андроконов! никто из ахейн теперь не виновен,
 Сколько я знаю: умеем мы все и готовы сражаться;
 Страх никого не оковывал низкий; никто, уступая
 225 Праздности, битвы не бросил, ахейам жестокой; но, верно,
 Кронову сыну всесильному видеть, Зевесу, угодно
 Здесь далеко от Эллады ахейн бесславно погибших!
 Сын Андроконов, всегда отличавшийся мужеством духа,
 Ты, ободрявший всегда и других, забывающих доблесть,
 230 Ныне, Фоас, не оставь и мужеству каждого душу!”

Быстро ему отвечал Посейдаон, колеблющий землю:
 “Критян воинственный царь! да вовек от троянского берега
 В дом не придет, но игралищем псов да прострется под Троей
 Воин, который в сей день добровольно оставит сраженье!”

235 Шествуй и, взявши оружие, стань ты со мной: совокупно
 Действовать должно; быть может, успеем помочь мы и двое.
 Сила и слабых мужей не ничтожна, когда совокупна;
 Мы же с тобой и противу сильнейших умели сражаться”.

Рек, — и вновь обратился бессмертный к борьбе человеков.
 240 Идоменей же, поспешно пришел к благосозданной куще,
 Пышным доспехом покрылся, и, взявши два крепкие дрота,
 Он устремился, перуну подобный, который Кронион
 Махом всесильной руки с лучезарного мечет Олимпа,
 В знаменье смертным: горит он, летя, ослепительным блеском, —
 245 Так у него, у бегущего, медь вокруг персей блистала.
 В встречу ему предстал Мерион, знаменитый служитель,
 Близко от кущи, куда он спешил, вооружиться желая
 Новым копьем, и к нему провещала владычняя сила:
 “Сердцу любезнейший друг, Молид Мерион быстроногий,
 250 Что приходил ты, оставивши брань и жестокую сечу?
 Ранен ли ты и не страждешь ли, медной стрелой удрученный?
 Или не с вестию ль бранной ко мне предстаешь ты? Но видишь,
 Сам я иду не под сенью покоиться, ратовать жажду!”

Крита царю отвечал Мерион, служитель разумный:
 255 “Идоменей, предводитель критских мужей меднобронных,
 В стан я пришел, у тебя копия не осталось ли в куще?
 Взявши его, возвращуся; а то, что имел, сокрушил я,
 В щит поразив Деифоба, безмерно могучего мужа”.

Критских мужей повелитель отвечал вновь Мериону:
 260 “Ежели копия нужны, и одно обретешь ты и двадцать,
 В куще моей у стены блестящей стоящие рядом
 Копья троянские; все я их взял у сраженных на битвах.
 Смею сказать, не вдали я стоя, с врагами сражаюсь.
 Вот отчего у меня избыточно щитов меднобляшных,
 265 Копий, шоломов и броней, сияющих весело в куще”.

Снова ему отвечал Мерион, служитель разумный:
 “Царь, и под сенью моей, и в моем корабле избыточно

Светлых троянских добыч; но не близко идти мне за ними.
 Сам похвалюсь, не привык забывать я воинскую доблесть:
 270 Между передних всегда на боях, прославляющих мужа,
 Сам я стою, лишь подыметесь спор истребительной брани.
 Может быть, в рати другим меднобронным ахейским героям
 Я неизвестен сражаюсь; тебе я известен, надеюсь”.

Критских мужей предводитель ответственвал вновь Мериону:
 275 “Ведаю доблесть твою, и об ней говоришь ты напрасно.
 Если бы нас, в ополчение храбрейших, избрать на засаду
 (Ибо в засадах опасных — мужей открывается доблесть;
 Тут человек боязливый и смелый легко познается:
 Цветом сменяется цвет на лице боязливого мужа;
 280 Твердо держаться ему не дают молодущные чувства;
 То припадет на одно, то на оба колена садится;
 Сердце в груди у него беспокойное жестоко бьется;
 Смерти единой он ждет и зубами стучит, содрогаясь.
 Храброго цвет не меняется, сердце не сильно в нем бьется;
 285 Раз и решительно он, на засаду засевши с мужами,
 Только и молит, чтоб в битву с врагами скорее схватиться),
 Там и твоя, Мерион, не хулы заслужила бы храбрость!
 Если б и ты, подвизался, был поражен иль устрелен,
 Верно, не в выю тебе, не в хребет бы оружие пало:
 290 Грудью б ты встретил копьё иль утробой пернатую принял,
 Прямо вперед устремившийся, в первых рядах ратоборцев.
 Но перестанем с тобой разговаривать, словно как дети,
 Праздно стоя, да кто-либо нагло на нас не возропщет.
 В куцу войди и немедленно с крепким копьём возвратися”.

295 Рек, — и Молид, повинуюся, бурному равный Арею,
 Быстро из куцы выносит копьё, повершенное медью,
 И за вождем устремляется, жаждою битвы пылая.
 Словно Арей устремляется в бой, человеков губитель,
 С Ужасом сыном, равно как и сам он, могучим, бесстрашным,
 300 Богом, который в боях ужасает и храброго душу;
 Оба из Фракии горной они на эфириов находят,
 Или на бранных флегиян, и грозные боги не внемлют

Общим народов мольбам, но единому славу даруют, —
 Столько ужасны Молид и герой Девкалид, ратоводцы,
 305 Шли на кровавую брань, лучезарной покрытые медью.

Шествуя, слово к царю обратил Мерион быстроногий:
 “Где, Девкалид, помышляешь вступить в толпу боевую?
 В правом конце, в середине ль великого нашего войска
 Или на левом? Там, как я думаю, боле, чем инде,
 310 В битве помощной нуждается рать кудреглавых данаев”.

Молову сыну ответственвал критских мужей предводитель:
 “Нет, для середины судов защитители есть и другие:
 Оба Аякса и Тевкр Теламонид, в народе ахейском
 Первый стрелец и в бою пешеборном не менее храбрый;
 315 Там довольно и их, чтоб насытить несытого боем
 Гектора, сына Приама, хоть был бы еще он сильнее!
 Будет ему нелегко, и со всем его бешенством в битвах,
 Мужество их одолев и могущество рук необорных,
 Судно зажечь хоть единое, разве что Зевс громовеержец
 320 Светочь горящую сам на суда мореходные бросит.
 Нет, Теламонид Аякс не уступит в сражении мужу,
 Если он смертным рожден и плодами Деметры воскормлен,
 Если язвим рассекающей медью и крепостью камней.
 Даже Пелиду, рушителю строев, Аякс не уступит
 325 В битве ручной; быстротою лишь ног не оспорит Пелида.
 В левую сторону рати пойдём да скорее увидим,
 Мы ли прославим кого или сами славу стяжаем!”

Рек, — и Молид, устремившись, бурному равный Арею,
 Шел впереди, пока не достигнул указанной рати.
 330 Идоменея увидев, несущегось полем, как пламень,
 С храбрым клеветом его, в изукрашенных дивно доспехах,
 Крикнули разом трояне и все на него устремились.
 Общий, неистовый спор восстал при кормах корабельных.
 Словно как с ветром свистящим свирепствует вихорь могучий
 335 В знойные дни, когда прахом глубоким покрыты дороги;
 Бурные, вместе вздымают огромное облако праха, —

Так засвиристывал общий их бой: ратоборцы пылали
 Каждый друг с другом схватиться и резаться острою медью.
 Грозно кругом зачернелось ратное поле от копий,
 340 Длинных, убийственных, частых, как лес; ослеплял у воителя очи
 Медный блеск шишаков, как огонь над головами горящих,
 Панцирей, вновь уясненных, и круглых щитов лучезарных —
 Воинов, к бою сходящихся. Подлинно был бы бесстрашен,
 Кто веселился б, на бой сей смотря, и душой не содрогся!

345 Боги, помощные разным, сыны многомошные Крона,
 Двум племенам браноносным такие беды устроили.
 Зевс троянам желал и Приамову сыну победы,
 Славой венчая Пелида царя; но не вовсе Кронион
 Храбрых данаев желал истребить под высокою Троей;
 350 Только Фетиду и сына ее прославлял он героя.
 Бог Посейдон укреплял данаев, присутствуя в брани,
 Выплывший тайно из моря седого: об них сострадал он,
 Силой троян усмирненных, и гордо роптал на Зевеса.
 Оба они и единая кровь, и единое племя;
 355 Зевс лишь Кронион и прежде родился, и более ведал.
 Зевса страшился и явно не смел поборать Посейдаон;
 Тайно, под образом смертного, он возбуждал ратоборцев.
 Боги сии и свирепой вражды, и погибельной брани
 Верьвь, на взаимную прю, напрягли над народами оба,
 360 Крепкую вервь, неразрывную, многим сломившую ноги.

Тут, аргивян ободряющий, воин уже поседельный,
 Идоменей на троян устремился и в бег обратил их;
 Офрионея сразил кабезийца, недавнего в граде,
 В Трою недавно еще привлеченного бранною славой.
 365 Он у Приама Кассандры, прекраснейшей дочери старца,
 Гордый просил без даров, но сам совершить обещал он
 Подвиг великий: из Трои изгнать меднолатных данаев.
 Старец ему обещал и уже за него согласился
 Выдать Кассандру, — и ратовал он, на обет положаясь.
 370 Идоменей на него медножальную пику направил
 И поразил выступавшего гордо: ни медная броня,

Коей блистал, не спасла: углубилась во внутренность пика;
 С шумом он грянулся в прах, и, гордяся, вскричал победитель:
 “Офрионей! человеком тебя я почту величайшим,
 375 Ежели всё то исполнишь, что ты исполнить обрелся
 Сыну Дарданову: дочь тебе обещал он супругой.
 То же и мы для тебя обещаем и верно исполним:
 Выдадим лучшую всех из семейства Атридова дочь;
 К браку невесту из Аргоса вывезем, если ты с нами
 Трои разрушишь Приамову, град, устройением пышный,
 380 Следуй за мной: при судах мореходных, с тобой мы dokonчим
 Брачный сговор; не скупые и мы на приданое сваты”.

Рек, — и за ногу тело повлек сквозь кипящую сечу
 Критский герой. Но за мертвого мстителем Азий явился,
 385 Пеший идя пред конями; коней за плечами храпящих
 Правил клевет у него; и, пылающий, он устремился
 Идоменея пронзить; но герой упредил: сопостата
 Пикой ударил в гортань под бородой и насквозь ее выгнал.
 Пал он, как падает дуб, или тополь серебрянолистный,
 Или огромная сосна, которую с гор древески
 390 Острыми вокруг топорами ссекут, корабельное древо:
 Азий таков пред своей колесницей лежал распрострися,
 С скрипом зубов раздирая руками кровавую землю.
 Но возница его цепенел, растерявшийся в мыслях,
 Бледный стоял и не смел, чтоб от рук враждебных избежать,
 395 Коней назад обратить; и его Антилох бранолобец
 Пикой ударил в живот; и от смерти ни медная броня,
 Коей блистал, не спасла: углубилась во внутренность пика;
 Он застонал и с прекрасносоставленной пал колесницы.
 Коней молодой Антилох, благодушного Нестора отрасль,
 400 Быстро от воинств троянских угнал к меднобронным ахейцам.

Тут Деифоб на властителя критян, об Азии скорбный,
 Близко один наступил и ударил сверкающей пикой.
 Но усмотрел и от меди убийственной вовремя спасся
 Критян владыка; укрылся под выпуклый щит свой огромный,
 405 Щит, из воловьих кож и блистательной меди скрученный

И двумя поперек укрепленный скобами: под щит сей
Весь он собрался; над ним пролетела блестящая пика;
Щит, на полете задетый, ужасно завыл под ударом.
Но не тщетно оружие послано сильной рукою:
410 Храброму сыну Гиппаса, владыке мужей Гипсенору,
В перси вонзилось оно и на месте сломило колена.
Громко вскричал Деифоб, величаясь надменно победой:
“Нет, не без мщенья Азий лежит, и теперь, уповаю,
Вшедший в широкие двери Аидова мрачного дома,
Сердцем он будет возрадован: спутника дал я герою!”

415 Так восклицал; аргивян оскорбили надменного речи,
Более ж всех Антилоху воинственный дух взволновали.
Он, невзирая на скорбь, не оставил сраженного друга;
Быстро примчась, заступил и щитом заградил светлобляшным.
420 Тою порой наклоняся под тело, почтенные други,
Эхийев сын Мекистей и молодой благородный Аластор,
К черным судам понесли Гиппасида, печально стеноя.

Идоменей воевал не слабея, пылал беспрестанно
425 Или еще фригиянина ночью покрыть гробовою,
Или упасть самому, но беду отразить от ахейян.
Тут благородную отрасль питомца богов Эзиета,
Славу троян, Алкафоя, драгого Анхизова зятя
(Дщери его Гипподамии был он супругом счастливым,
430 Дщери, которую в доме отец и почтенная мать
Страстно любили: она красотой, и умом, и делами
В сонме подруг между всеми блистала: зато и супругой
Избрал ее гражданин благороднейший в Трое пространной), —
435 Мужа сего Девкалида рукой укротил Посейдаон,
Ясные очи затмив и сковав ему быстрые ноги:
Он ни назад убежать, ни укрыться не мог от героя;
Скованный страхом, как столб иль высоковершинное древо,
Он неподвижный стоял, и его Девкалид копьеборец
В перси ударил копьем и разбил испещренную броню,
440 Медную, в битвах не раз от него отражавшую гибель:
Глухо броня зазвенела, под мощным ударом рассевишись;

- С громом упал он, копьё упадавшему в сердце воткнулось;
Сердце его, трепеща, потрясло и копейное древко;
Но могучесть в нем скоро Арей укротил смертоносный.
445 Идоменей, величаясь победою, громко воскликнул:
“Как, Деифоб, полагаешь, достойно ли я расплатился?
Три сражены за единого! Ты ж величаешься только,
Дивный герой! Но приближься и сам, и меня ты изведай:
Узришь, каков я под Трою пришел, громовержцев потомок!
450 Он, громовержец, Миноса родил, охранителя Крита;
Мудрый Минос породил Девкалиона, славного сына;
Он, Девкалион, меня, повелителя многим народам
В Крите пространном, и волны меня принесли к Илиону,
Гибель тебе, и отцу твоему, и всем илионцам!”
- 455 Так говорил; Деифоб в нерешимости дум волновался:
Вспять ли идти и, с троянцем каким-либо храбрым сложася,
Выйти вдвоем иль один на один испытать Девкалида?
Так Деифоб размышлял, и ему показалось лучше
Вызвать Энея. Нашел он героя, в дружинах последних
460 Праздно стоящего: гнев он всегдашний питал на Приама,
Ибо, храбрейшему, старец ему не оказывал чести.
Став перед ним, Деифоб устремляет крылатые речи:
“Храбрый Эней троян повелитель, если о ближних
Ты сострадаешь, тебе заступиться за ближнего должно.
465 Следуй за мной, защитим Алкафоя; тебя он, почтенный,
Будучи зятем, воспитывал юного в собственном доме.
Идоменей, знаменитый копейщик, сразил Алкафоя”.
- Так произнес он — и душу в груди взволновал у Энея.
Он полетел к Девкалиду, воинственным жаром пылая,
470 Но Девкалид не позорному бегству, как отрок, предался:
Ждал неподвижный, как вепрь между гор, на могучесть
надежный,
Шумного вкруг нападения многих ловцов ожидает,
Стоя в месте пустынном и грозно хребет ощетиня;
Окрест очами, как пламенем, светит; а долгие зубы
475 Ярый острит он, и псов и ловцов опрокинуть готовый, —

Так нажидал, ни на шаг не сходя, Девкалид Анхизиды,
 Против летящего воина бурного; только соратных
 Криком сзывал, Аскалафа вождя, Афарея, Дейпира,
 Молова сына, и с ним Антилоха, испытанных бранью;
 480 Их призывал Девкалид, устремляя крылатые речи:
 «Други, ко мне! защитите меня одинокого! Страшен
 Бурный Эней нападающий; он на меня нападет;
 Страшно могуществен он на убийство мужей в ратоборстве;
 Блещет и цветом он юности, первою силою жизни.
 485 Если б мы были равны и годами с Энеем, как духом,
 Скоро иль он бы, иль я похвалился победою славной!»

Так говорил он, — и все, устремившись с духом единым,
 Стали кругом Девкалиды, щиты к раменам приклонивши.
 Но Эней и своих возбуждал сподвижников храбрых,
 490 Звал Деифоба, Париса, почтенного звал Агенора,
 С ним предводивших троянские рати; за ним совокупно
 Все устремились: так за овном устремяются овцы,
 С паствы бежа к водопою, и пастырь душой веселится, —
 Так Анхизид благородный, Эней, веселился душою,
 495 Видя толпами за ним устремлявшихся граждан троянских.

Вкруг Алкафоя они рукопашную подняли битву,
 Копьями бились огромными. Медь на груди ратоборцев
 Страшно звучала от частых ударов сшибавшихся толпищ.
 Два между тем браноносца, отличные мужеством оба,
 500 Идоменей и Эней, подобные оба Арею,
 Вышли, пылая друг друга пронзить смертоносною медью.
 Первый Эней, размахнувшись, ринул копьё в Девкалиды;
 Тот же, завидев удар, уклонился от меди летящей,
 И копьё Анхизиды, сотрясшись, в землю вбежало,
 505 Быв бесполезно геройской, могучею послано дланью.
 Идоменей же копьем Эномаоса ранил в утробу;
 Лату брони просадила и внутренность медь из утробы
 Вылила: в прахе простершись, руками хватает он землю.
 Идоменей длиннотенную пику из мертвого тела
 510 Вырвал; но медных, других побежденного пышных доспехов

С персей совлечь не успел: осыпали троянские стрелы.
 Не были более гибки и ноги его, чтобы быстро
 Прянуть ему за своим копием иль чужого избегнуть:
 Стойкою битвой, упорною пагубный день отражал он;
 515 Ноги не скоро несли, чтоб ему убежать из сраженья;
 Медленно он уходил. Деифоб в уходившего дротик
 Снова послал: на него он пылал непрестанною злобой.
 И прокинул он снова; но медь Аскалафа постигла,
 Сына Арея; плечо совершенно убийственный дротик
 520 Прорвал, и в прах он упавши, хватает ладонями землю.
 Долго не ведал еще громозвучный Арей истребитель,
 Что воинственный сын его пал на сражении бурном:
 Он на Олимпа главе, под златыми сидел облаками,
 Зевса всемогущего волей обузданный, где и другие
 525 Боги сидели бессмертные, им удаленные с брани.

Воины вкруг Аскалафа бросались в бой рукопашный.
 Тут Деифоб с головы Аскалафовой шлем светозарный
 Сорвал; но вдруг Мерион, налетевши, подобный Арею,
 Хищника в руку копьем поразил; из руки Деифоба
 530 Шлем дыроокий исторгся и об землю звукнул упавший.
 Снова герой Мерион, на врага налетевши, как ястреб,
 Вырвал из мышцы копье, у него растерзавшее тело,
 И к сподвизавшимся вновь отступил; а Полит Деифоба,
 Брат уязвленного брата, под грудью руками обнявши,
 535 Вывел из шумного боя, до самых коней провожая:
 Быстрые кони его, позади ратоборства и сечи,
 Ждали, с возницею верным и с пышной стоя колесницей;
 К граду они понесли Деифоба; жестоко стенал он,
 Болью терзаемый; кровью струилася свежая рана.

540 Но другие сражались; вопль раздавался ужасный.
 Бурный Эней, налетев, Афарея, Калетора сына,
 Дротом в гортань, на него нападавшего, острым ударил:
 Набок глава преклонилася; падшего сверху натиснул
 Щит и шелом; и над ним душеснедная смерть распростерлась.

- 545 Несторов сын, обращенного тылом Фоона приметив,
 Прянул и ранил убийственно: жилу рассек совершенно,
 С правого бока хребта непрерывно идущую к вые,
 Всю совершенно рассек; зашатавшись, навзничь на землю
 Пал он, дрожащие руки к любезным друзьям простирая.
- 550 Несторов сын наскочил и срывал доспехи с троянца,
 Вкруг озираясь; его же трояне, кругом обступивши,
 В щит легкометный, широкий кололи кругом, но напрасно;
 Медью жестокой ниже не коснулись к белому телу
 Славного внука Нелеева: бог Посейдаон могущий
- 555 Сам охранял Несторида везде и под тучею копий:
 Ибо вдали от врагов не стоял он, меж ними носился;
 В длани его не покоился дрот, трепетал беспрестанно,
 К бою колеблемый; он беспрестанно намечивал острым,
 Или на дальнего ринуть, или на близкого грянуть.
- 560 Скоро его Адамас, намечавшегось дротом, приметил,
 Азиев сын, и, к нему устремившись, острою медью
 Грянул в середину щита; но ее острие обессилил,
 В жизни героя врагу отказав, Посейдон черновласый:
 И копья половина, как кол обожженный, осталась
- 565 В круге щита, половина тупая упала на землю.
 Бросился к сонму друзей Адамас, избегая от смерти.
 Быстро его Мерион и настиг, и сверкающим дротом
 Между стыдом и пупом ударил бегущего, в место,
 Где наиболее рана мучительна смертным несчастным:
- 570 Так он его поразил; и на дрот он упавши, вкруг меди
 Бился, как вол несмиранный, которого пастыри мужи,
 Как ни упорен он, силой связавши арканом, уводят, —
 Так он, проколотый, бился в крови; но не долго: немедля
 Храбрый к нему Мерион приступил, копие роковое
- 575 Вырвал из тела, и смертный мрак осенил ему очи.

Тут Гелен Деипира фракийского саблей огромной
 Резко в висок поразил, и шелом с него сбил коневласый.
 Сбитый, на землю он пал; и какой-то его аргивянин,

Между толпою бойцов под ногами крутящийся, поднял;
580 Очи вождя Деипира глубокая ночь осенила.

Жалость взяла Менелая, отважного в битвах Атрида;
Выступил он, угрожая ударом Гелену герою,
Острым копьем потрясая; Гелен же изладился луком.
Оба они сосупились: один занесенную пику
585 Бросить пылая, другой с тетивы наведенную стрелу;
И Гелен Менелая по персям уметил пернатой
В лату брони, и отпрянула быстро пернатая злая.
Так, как с широкого веяла, сыпаясь по гладкому току,
Черные скачут бобы иль зеленые зерна гороха,
590 Если на ветер свистящий могучий их веятель вскинет, —
Так от блистательных лат Менелая, высокого славой,
Сильно отпрянув, стрела на побоище пала далёко.
Сын же Атреев, герой Менелай, копием Приамида
В длань поразил, оруженную луком блестящим; и к луку
595 Длань, проколовши насквозь, пригвоздило копейное жало.
К сонму друзей, убегая от смерти, Гелен обратился,
Руку повесив, и ясенный дрот волочился за нею.
Но его из руки извлек благодушный Агенор;
Руку ж ему повязал искусственно свитою волной,
600 Мягкой повязкой, клеветом всегда при владыке носимой.

Сильный Пизандр между тем сопровтив Менелая героя
Выступил: злая судьбина его увлекала к пределу,
Да тобой, Менелай, укротится он в пламенной битве.
Чуть сосупилися оба, идущие друг против друга,
605 Ринул Атрид — и неверно: копье его вбок улетело.
Ринул Пизандр — и копьем у Атрида, высокого славой,
Щит поразил, но насквозь не успел он оружия выгнать:
Медяный щит удержал; копье сокрушилось у трубки.
Радость объяла Пизандрово сердце: он чаял победы.
610 Но Менелай, из ножен исторгнувши меч среброгвоздный,
Прянул, герой, на Пизандра, а сей из-под круга щитного
Выхватил медный красивый топор, с топорищем оливным,
Длинным, блистательно гладким, и оба сразились разом:

Сей поражает по выпуке шлема, косматого гривой,
 615 Около самого гребня, а тот наступавшего по лбу,
 В верх переносицы: хрястнула кость, и глаза у Пизандра,
 Выскочив, подле него на кровавую землю упали;
 Сам опрокинулся он; и, пятой наступивши на перси,
 Броню срывал и, гордясь, восклицал Менелай победитель:
 620 “Так вам оставить и всем корабли быстроконных данаев,
 Вам, вероломцы трояне, несытые пагубной бранью!
 Большеи обиды и срама искать вам не нужно, какими,
 Лютые псы, вы меня осрамили! Ни грозного гнева
 Вы не страшились гремящего Зевса; но гостеприимства
 625 Он покровитель, и некогда град ваш рассыплет высокий!
 Вы у меня и младую жену, и сокровища дома
 Нагло похитив, ушли, угощенные дружески в доме!
 Ныне ж пылаете вы на суда мореходные наши
 Гибельный бросить огонь и избить героев ахейских!
 630 Но укротят наконец вас, сколько ни алчных к убийствам!
 Зевс Олимпийский! премудростью ты, говорят, превышаешь
 Всех и бессмертных и смертных, всё из тебя истекает.
 Что же, о Зевс, благосклонствуешь ты племенам нечестивым,
 Сим фригиянам, насильствами дышащим, ввек не могущим
 635 Лютым убийством насытиться в брани, для всех ненавистной!
 Всем человек насыщается: сном и счастливой любовью,
 Пением сладостным и восхитительной пляской невинной,
 Боле приятными, боле желанными каждого сердцу,
 Нежели брань; но трояне не могут насытиться бранью!”
 640 Рек — и, оружия с тела, дымящиеся кровью, сорвавши,
 Отдал клеветам своим Менелай, предводитель народов;
 Сам же, назад обратясь, с передними стал на сраженье.
 Там на него налетел Гарпалион, царя Пилемена
 Доблестный сын: за отцом он любезным последовал к брани,
 645 В Трою Приама, но в отческий дом не пришел, несчастливец!
 Он Менелаю царю посредине щита, налетевши,
 Пику вонзил, но насквозь не успел оружия выгнать;
 И обратно к друзьям, чтоб от смерти спастись, побежал он,
 Вкруг озираясь, да тела враждебная медь не постигнет.

650 Но Мерион на бегущего медной стрелою ударил;
 В правую сторону зада вонзилась стрела и далёко,
 Острая, в самый пузырь, под лобковую костью, проникла.
 Там же он скорчась присел и, в объятиях друзей любезных
 Дух испуская, упал и, как червь, по земле протянулся;
 655 Черная кровь выливалась и землю под ним увлажала.
 Окрест его пафлагоняне верные засуетились;
 Тело, подняв в колесницу, они в Илион провозжали,
 Грустные: шел между них и отец, проливающий слезы;
 Ибо не мог он врагам отомстить за убитого сына.

660 Но Парис за него справедливую местию вспыхнул:
 Гостем он был у него, посетивши народ пафлагонский;
 Он, за него отомщая, послал медножальную стрелу.
 Был Эвхенор меж ахейцами, сын Полиида пророка,
 Муж знаменитый, богатый, Коринфа цветущего житель;
 665 Часть свою он несчастную знал — и отплыл к Илиону.
 Часто ему говорил Полиид добродушный, что должен
 Он иль от немощи тяжкой в отеческом доме скончаться,
 Или в бою, пред судами ахейскими, пасть от пергамлян;
 Но избегал Эвхенор как от пени, постыдной ахейцам,
 670 Так и от немощи тяжкой, бесплодно страдать не желая.
 Храброго в челюсть, под ухо Парис поразил, и мгновенно
 Жизнь отлетела, и страшная тьма Эвхенора объяла.

Так ополченья сражались, огням подобно свирепым.
 Гектор же, Зевса любимец, вдали не слышал и не ведал,
 675 Как пред судами, на левом конце, поражаемо было
 Войско его от ахеян, — и скоро бы слава ахеян
 Полной была над троянами: так ободрял Посейдаон
 Души ахеян и силою собственной сам поборал им.
 Гектор воинствовал, где незадолго в ворота влетел он,
 680 Сам разорвавши густые ряды аргивян щитоносцев,
 Там, где суда и Аякса и Протесилая стояли,
 Моря седого на брег извлеченные, где аргивяне
 Самую низкую вывели стену и где превосходных
 Пламенных коней и воев ряды на сражение стали.

685 Там беотиян отважных, ияонов длиннохитонных,
 Фтиян, и локров, и славных эпеев сложившиеся рати
 Все на суда нападавшего с нуждой держали, но вовсе
 Сил не имели препнуть Приамида, подобного буре.
 Вои афинские были отборные; их ополченье
 690 Вел Петеид Менесфей, и за ним устремляли дружины
 Фидас, и Стихий, и Биас герой. Знаменитых эпеев
 Вел Амфион, и Мегес Фирид, и воинственный Дракий.
 Фтийцам предшествовал Медон и дышащий боем Подаркес
 (Медон, сын незаконный владыки мужей Оилея,
 695 Был Оилида Аякса юнейший брат, но в Филаке
 Жил, далеко от отечества, брося его как убийца,
 Мачехи брата убив, Оилея жены, Эриопы;
 Храбрый Подаркес Ификлов был сын, Филакидов потомок).
 Оба они впереди пред дружинами юношей фтийских
 700 Бились, суда бороня, с беотийцами вместе сражаясь.

Быстрый Аякс пылал не отстать от могучего брата;
 Близ Теламонида он, ни на шаг не отступный, держался.
 Так плуговые волы по глубокому пару степному
 Черные, крепостью равные, плуг многосложный волочат;
 705 Пот при корнях их рогов пробивается крупный; но дружно,
 Оба единым блестящим ярмом едва разделяясь,
 Дружно идут полосой и земли глубину раздирают, —
 Так и Аяксы, сложая, держались один близ другого.
 Вслед Теламонова сына стремились многие мужи,
 710 Храбрые, ратные други; они его щит принимали,
 Если усталость и пот изнуляли колена герою;
 Но за вождем Оилидом никто не стремился из локров:
 Дух не вытерпливал их рукопашного, стойкого боя;
 Воинство их не имело ни медяных с гривую конской
 715 Шлемов, ни круглых щитов, ни возвышенных ясенных копий;
 Только на верные луки и волну, скрученную в пращи,
 Локры надеясь, пришли к Илиону, и ими на битвах,
 Быстро и метко стреляя, троян разрывали фаланги.
 Тут, как одни впереди блестящим оружием разным
 720 Бились с дружинами Трои и с Гектором меднодоспешным,

Локры стреляли, держась позади, — и уже забывали
 Бранную храбрость трояне: смущали их стрелы густые.
 Худо б им было, с стыдом от судов и от кущей ахейских
 Трои сыны отступили б под шумную ветрами Трою,
 725 Если б отважного Гектора Полидамас не подвигнул:
 “Гектор, жестокий ты муж, чтоб других убеждения слушать!
 Бог перед всеми тебя одарил на военное дело;
 Ты ж и советов мудростью всех перевысвить желаешь!
 Нет, совокупно всего не стяжать одному человеку.
 730 Бог одного одаряет способностью к брани, другому
 Зевс, промыслитель превыспренный, в перси разум влагает
 Светлый: плодами его племена благоденствуют смертных;
 Оним и грады стоят; но стяжавший сугубо им счастлив.
 Гектор! склонися к совету, который мне кажется лучшим.
 735 Битва везде пред тобою, как огненный круг, пламенеет;
 Мужи троянские, после того как ворвались в стену,
 С боя одни удалились с оружием, прочие спорят
 В слабых толпах против множества, вдоль кораблей
 растянувшись.
 С боя сойди и сюда призови ратоводцев храбрейших;
 740 Здесь мы важнейшее дело решим совещанием общим:
 Разом ли нам на суда многоместные ратью ударить,
 Если бы бог даровал одоление, или немедля
 Вспять от судов обратиться, пока не разбиты! скажу ли?
 Я трепещу, да вчерашнего нам не отплатят ахейцы
 745 Долга кровавого: муж при судах, ненасытимый бранью,
 Ждет нас, который едва ли удержится вовсе от боя”.

Так говорил он, — и Гектор одобрил совет справедливый;
 Быстро с своей колесницы с оружием прынул на землю
 И ему отвечал, устремляя крылатые речи:
 750 “Полидамас, удержи ты здесь предводителей храбрых;
 Дальше пойду я и противостояну пылающей битве.
 Я возвращаюсь немедля, вождам повеления давши”.

Рек — и понесся великий, горе под снегами подобный;
 С криком призывным толпы облетел он троян и союзных.

755 Все к Панфоиду, любителю мужества Полидамасу,
 Бросились быстро дарданцы, услышавши Гектора голос.
 Он же Гелена царя, благородного брата Дейфоба,
 Азия, ветвь Адамаса, и Азия, отрасль Гиртака,
 Ходя по сонмам передним, искал, не найдет ли героев.
 760 Их он нашел, но не всех невредимых, не всех средь живущих:
 В прахе из оных одни, у судов мореходных данайских,
 Бледны лежали, под силой данаев предавшие души,
 А другие страдали под язвами стрел или копий.
 Только Париса брата, супруга Елены прекрасной,
 765 Скоро нашел он на левом конце истребительной брани,
 Дух ополчений своих ободрявшего к крепкому бою.
 Став перед ним, укоризненным голосом Гектор воскликнул:
 “Видом лишь гордый, несчастный Парис, женолюбец,
 прельститель!

Где у тебя Деифоб и Гелен, повелитель народа?
 770 Офрионей знаменитый, Гиртакид воинственный, Азий,
 Где Адамас? Погибает сегодня, с высот упадает
 Троя святая! Сегодня твоя неизбежна погибель!”

Быстро ему возразил Приамид Александр боговидный:
 “Ныне угодно тебе обвинять и безвинного, Гектор!
 775 Прежде я более мог нерадивым во брани казаться,
 Прежде, не ныне, — меня не без доблести мать родила.
 С часу, как ты пред судами кровавую битву воздвигнул,
 С одного часу и мы с аргивянами здесь непрерывно
 Сходимся в бой; но друзей потеряли, которых ты назвал.
 780 Только герой Деифоб и Гелен, повелитель народа,
 С боя сошли, от могучих врагов пораженные оба
 Копьями длинными в руки; но Зевс их избавил от смерти.
 Гектор, веди нас, куда ни влеком ты бестрепетным сердцем.
 Все мы горим за тобою последовать; в храбрости нашей,
 785 Лыщусь, не найдешь недостатка, покуда нам силы достанет;
 Выше же силы, хотя б и пылал кто, не может сражаться!”

Так говоря, укротил он великого Гектора душу.
 Ринулись оба, где более битва и сеча кипела

Вкруг Кебриона вождя, непорочного Полидамаса,
 790 Фалка, Ортея, подобного богу вождя Полифита,
 Пальма, Аскания, Мориса, отраслей Гиппотииона,
 Двух воевод, из Аскании прежним пришедших на смену
 Только вчера; устремил их на брань всемогущий Кронион.
 Шли на сраженье трояне, как ветров неистовых буря,
 795 Если под громом Кронидовым грозная степью несется
 И, с ужаснейшим воем обрушась на понт, воздымает
 Горы клокочущих волн но немолчношумящей пучине,
 Грозно нависнувших, пенных, одни, а за ними другие, —
 Так илионцы, сомкнувшись, одни, а за ними другие,
 800 Медью блеща и гремя, за своими вождами летели.
 Гектор предшествовал всем, смертоносному равный Арею;
 Щит перед грудью его обращался, круг необъятный,
 Кожами крепкий и сверху обложенный множеством меди;
 Окрест главы у него колебался шелом лучезарный.
 805 Всем он фалангам везде угрожал, под щитом наступая;
 Все он испытывал их, не расстроит ли наступом грозным.
 Но ничем не смущал он бесстрашного духа данаев.
 Сын Теламонов его вызывал, широко выступая:
 “Ближе, герой, подойди! И зачем издали ты пугаешь
 810 Воинов Аргоса? В бранном искусстве и мы не невежды;
 Мы лишь Кронидовым тяжким бичом смирены, аргивяне.
 Верно, ты в сердце надеждой горишь уничтожить сегодня
 Наши суда? Но целы и у нас на защиту их руки!
 И вернее, что прежде с высокими башнями град ваш
 815 Нашими будет руками и взят, и во прах ниспровержен!
 День недалек, объявляю тебе, как и сам ты, бегущий,
 Пламенно станешь молить и Зевеса, и всех олимпийских,
 Ястребов шибче да будут твои долгогривые кони,
 Коих погонишь ты в град, подымая лишь пыль по долине”.
 820 Он говорил, и незапно над ним заширяться вправо
 Птица, орел небопарный; вскричали ахейские рати,
 Все ободренные чудом. Но Гектор бесстрашно ответил:
 “Праздные звуки, Аякс! велеречишь, огромностью гордый!
 Если бы столько же верно я сын громовержца Зевеса

825 Был, бесконечно живущий, от Геры богини рожденный,
Славимый всеми, как славится Феб и Афина Паллада, —
Сколько то верно, что день сей погибель несет аргивянам
Всем совершенно! Погибнешь и ты, коль отважишься ныне
830 Встретить мой дрот сокрушительный: он у тебя растерзает
Нежное тело; и птиц ты пустынных, и псов илионских
Туком насытишь своим, пред судами ахейскими павший!”

Так произнес — и пошел он вперед. Устремились трояне
С криком ужасным; крикнули с ними и задние рати;
Крикнули вместе и рати данаев: они не теряли
835 Мужества и нажидали удара героев троянских;
Крик их взаимный дошел до эфира и светов Зевеса.

Песнь четырнадцатая ОБОЛЬЩЕНИЕ ЗЕВСА

Крик беспокойно услышал и Нестор, под сению пьющий;
Быстро к Асклепия сыну крылатую речь устремил он:
“Что, благородный Махаон, из дел сих нерадостных будет?
Крик при судах возрастает воинственных юношей наших!
5 Друг, сиди у меня и багряным вином укрепляйся:
Теплую ванну тебе Гекамеда кудрявая в куще
Скоро нагреет и прах кровавый на теле омоет.
Я подымусь лишь на холм и немедленно всё распознаю”.

Рек — и художно сработанный щит захватил он сыновний,
10 Медью блестящий, который герой Фразимед конеборец
В сени оставил, а сам со щитом подвизался отцовским;
Крепкое взял копие, повершенное острою медью;
Вышел, пред кущею стал, и мгновенно позорное дело
Видит: ахейцы бегут, а бегущих преследуют с тыла
15 Гордые воины Трои; разбита твердыня ахеян!
Словно как море великое зыбью немую чернеет,

Предзнаменуя нашествие быстрое шумного ветра,
 Только чернеет, еще ни сюда, ни туда не колышась,
 Ветер доколе решительный, посланный Зевсом, не снидет, —
 20 Так нерешительно Нестор душой колебался, волнуясь
 Думой двоякой: к рядам ли идти аргивян быстроконных
 Или к владыке мужей, властелину народов Атриду?
 В сих волновавшемся думах, сдалось полезнее старцу
 К сыну Атрея идти. Между тем истребляли друг друга
 25 Воины в битве; звучала ужасно вокруг тел их могучих
 Медь, под ударом мечей и ник обоюдоконечных.

С Нестором встретились скоро цари, питомцы Зевеса,
 Шедшие от кораблей, уязвленные прежде на битве,
 Царь Диомед, Одиссей и державный Атрид Агамемнон.
 30 Их корабли от равнины, где бились, далеко стояли
 Берегом моря седого: они извлекли их на сушу
 Первые; стену ж при них совокупно с другими воздвигли.
 Берег, как ни был обширен, не мог обоюдувесельных
 Всех кораблей их принять; стеснены ополчения были:
 35 Лествицей их извлекли на песок и наполнили целый
 Берег залива широкого, все между мысов пространство.
 Три воеводы, пылая увидеть смятенную битву,
 Рядом шли, подпираясь копьями; полно печали
 Было их сердце. С ними встретился конник геренский
 40 Нестор и более дух поразил у ахейских героев.
 Быстро воскликнул ему повелитель мужей Агамемнон:
 “Нестор, божественный старец, великая слава данаев!
 Что приходил ты сюда, смертоносную битву оставив?
 О, трепещу я, да слова не выполнит Гектор ужасный:
 45 Некогда он, среди сонма троянского, гордый, грозился
 В град от судов возвратиться не прежде, доколе ахейских
 Всех кораблей не сожжет и ахеян самих не изгубит.
 Так он на сонме грозился, — и все совершается ныне!
 Боги! Так все ополчения меднооружных данаев
 50 Ненависть в сердце ко мне, как Пелид быстроногий, питают,
 Если сражаться они не хотят при кормах корабельных!”

Быстро Атриду ответствовал Нестор, конник геренский:
 “Так, Агамемнон, свершается все! и уже не возмог бы
 Сам громовержец того, что свершилось, устроить иначе!
 55 Пала твердыня ахеян, которая, мы уповали,
 Нам от врагов и судам нерушимой защитой будет.
 Но враги при судах беспрестанной, упорною битвой
 Вкруг нас теснят, и уже не узнаешь, внимательно смотря,
 Где аргивяне теснимые в большем расстройстве мнутся.
 60 Всюду смятенье, убийство, и вопль раздается до неба!
 Други, помыслим, какое из дел сих последствие будет?
 Может быть, разум поможет. Но в битву вступать, воеводы,
 Я не советую вам: уязвленным не должно сражаться”.

Нестору вновь говорил повелитель мужей Агамемнон:
 65 “Нестор, если уж бой при кормах корабельных пылает,
 Если не в помощь ни вал нам высокий, ни ров, для которых
 Столько трудов мы терпели, которые, мы уповали,
 Нам от врагов и судам нерушимой защитой будут:
 Нет сомнения, Зевсу всеильному видеть угодно
 70 Здесь, от Эллады далеко, ахеян бесславно погибших!
 Было то время, как ревностно он защищал и ахеян;
 Ныне, я вижу, он Трои сынов, как бессмертных блаженных,
 Славой венчает, ахейцам же силы и руки сковал он!
 Слушайте ж, други, один мой совет, и его мы исполним:
 75 Первые наши суда, находящиеся близко пучины,
 Двинем немедля и спустим их все на священное море;
 Станем высоко держаться на котвах, пока не наступит
 Ночь безлюдная; может быть, в ночь прекратят нападение
 Трои сыны; и тогда мы суда и последние спустим.
 80 Нет стыда избегать от беды и под мраками ночи;
 Лучше бежа избежать от беды, чем вдаваться в погибель!”

Косо взглянув на него, возгласил Одиссей многоумный:
 “Слово какое, властитель, из уст у тебя излетело?
 Пагубный! лучше другим бы каким-либо воинством робким
 85 Ты предводил, а не нами владел, не мужами, которым

С юности нежной до старости Зевс подвизаться назначил
 В бранях жестоких, пока не погибнет с оружием каждый!
 Или ты хочешь троянский сей град многолюдный оставить.
 Град, вокруг которого столько ужасных мы бед претерпели?²
 90 Смолкни, чтоб кто-либо здесь не услышал еще из ахейя
 Речи, какой никогда и в устах иметь не захочет,
 Кто говорить разумеет согласное с разумом здравым,
 Кто скиптродержец, кому повинуются столько народов,
 Сколько тебе, неисчетных аргивских племен повелитель!
 95 Замысел твой отвергаю я вовсе и что ты вещаешь!
 Ты предлагаешь теперь, в продолжение боя и смуты,
 В море спускать корабли, да желанное сердцу троянам,
 В брани и так торжествующим, сбудется всё? а над нами
 Грозная гибель над всеми обрушится! ибо ахейцы
 100 Боя но выдержат, если суда повлекутся на волны:
 Вспять озираться начнут и оставят воинскую доблесть,
 И твои нас советы погубят, правитель народа!”

Быстро воскликнул тогда повелитель мужей Агамемнон:
 “О Лаэртид! поразил ты глубоко упреком жестоким
 105 Душу мою; но ахейянам я не даю повелений
 Влечь, вопреки их желаньям, судов многоместных на волны,
 Муж да предстанет и лучший совет моего да предложит;
 Юноша он или старец — равно мне приятен он будет”.

И меж них взговорил Диомед, воеватель бесстрашный:
 110 “Муж сей пред вами! не долго искать его, если угоден
 Добрый совет: но меня да не презрит никто, оскорбляясь
 Тем, что начну говорить между вами, героями, младший.
 Сам справедливо горжусь я отца знаменитого родом,
 Кровью Тидея, которого в Фивах сокрыла могила.
 115 Три непорочные сына на свет рождены от Парфея;
 Жили в Плевроне и в тучной земле, Калидоне гористом,
 Агрый и Мелас, а третий из них был Иней конеборец,
 Дед мой, Тидеев отец, знаменитейший доблестью всех их.
 Там же и он обитал; но родитель мой в Аргос укрылся,
 120 Долго скитавшийся: Зевс и бессмертные так восхотели.

Дочь Адраста избравши супругою, дому владыка,
 Благами жизни богатый, довольно имел он обширных
 Нив хлебородных, множество разных садов плодоносных,
 Множество стад он имел, и ахейских мужей копьеборством
 125 Всех превышал; но сие вы, как истину, слышали сами.
 Зная ж, цари, что и я не презренного племени отрасль,
 Вы не презрите советом, который скажу я свободно:
 В битву пойдем, невзирая на раны: зовет неизбежность!
 Там мы покажемся ратям; но боя удержимся, ставши
 130 Одадь от стрел, чтобы кто-либо раны на рану не принял;
 Только других поощрим на сражение: множество ратных,
 Слабым сердцам угождая, стоят вдалеке, не сражаясь”.

Так говорил, — и, внимательно слушав, цари покорились;
 К битве пошли, и предшествовал им Агамемнон державный.

135 Тою порой не вотще соглядал Посейдон земледержец:
 Он воеводам явился под образом древнего мужа;
 Взял за десную царя, устроителя ратей Атрида,
 И к нему возгласил, устремля крылатые речи:
 “Царь Агамемнон! теперь Ахиллесово мрачное сердце
 140 С радости в персях трепещет, как гибель и бегство данаев
 Он созерцает! и нет у него ни малейшего чувства!
 Пусть же он так и погибнет, и бог постыдит горделивца!
 Ты ж, Агамемнон, не вовсе блаженным богам ненавистен;
 Может быть, скоро троянских племен и вожди и владыки
 145 Прах по широкому полю подымут; может быть, скоро
 Ты их увидишь бегущих от наших судов и от кущей”.

Рек он — и с криком ужасным понесся стремительно полем.
 Словно как девять или десять бы тысяч воскликнули разом
 Сильных мужей на войне, зачинающих ярую битву, —
 150 Гласом из персей таким колебатель земли Посейдаон
 Грянул меж воинств, и каждому в сердце ахейцу вдохнул он
 Бурную силу, без устали вновь воевать и сражаться.

Гера, царица златопрестольная, став на Олимпе,
 Взоры свои с высоты устремила и скоро узнала

- 155 Быстро уже пролетевшего поприще славного боя
 Брата и деверя мощного; радость проникла ей душу.
 Зевса ж, на высях сидящего Иды, потоками шумной,
 Гера узрела, и был ненавистен он сердцу богини.
 Начала думы вращать волоокая Зевса супруга,
- 160 Как обольстить ей божественный разум царя Эгиоха?
 Лучшею сердцу богини сия показалась дума:
 Зевсу на Иде явиться, убранством себя изукрасив.
 Может быть, он возжелает почить и любви насладиться,
 Видя прелесть ее, а она и глубокий и сладкий,
- 165 Может быть, сон пролиет на зеницы его и на разум.
 Гера вошла в почивальню, которую сын ей любезный
 Создал Гефест. К вереем примыкались в ней плотные двери
 Тайным запором, никем от бессмертных еще не отверстым.
 В оную Гера вступив, затворила блестящие створы;
- 170 Там амброзической влагой она до малейшего праха
 С тела прелестного смыв, умастилася маслом чистейшим,
 Сладким, небесным, изящнейшим всех у нее благовоний:
 Чуть сотрясали его в медностенном Крониона доме,
 Вдруг до земли и до неба божественный дух разливался.
- 175 Им умастивши прекрасное тело, волосы расчесала,
 Хитро сплела и сложила, и волны блистательных кудрей,
 Пышных, небеснодушистых, с бессмертной главы ниспустила.
 Тою душистой оделася ризой, какую Афина,
 Ей соткав, изукрасила множеством дивных узоров;
- 180 Ризу золотыми застежками выше груди застегнула.
 Стан опоясала поясом, тьмою бахром окруженным.
 В уши — прекрасные серьги с тройными подвесками вдела,
 Яркие игравшие: прелесть кругом от богини блистала.
 Легким покровом главу осенила державная Гера,
- 185 Пышным, новым, который, как солнце, сиял белизною.
 К светлым ногам привязала красы велелепной плесницы.
 Так для очей восхитительным тело украсив убранством,
 Вышла из ложницы Гера и Зевсову дочь Афродиту
 Вдаль от бессмертных других отозвала и ей говорила:
- 190 “Что я скажу, пожелаешь ли, милая дочь, мне исполнить?
 Или отвергнешь, Киприда, в душе на меня сокрывая
 Гнев, что я за данаев, а ты благосклонна троянам?”

Ей отвечала немедленно Зевсова дочь Афродита:
 “Гера, богиня старейшая, отрасль великого Крона!
 195 Молви, чего ты желаешь; исполнить сердце велит мне,
 Если исполнить могу я и если оно исполнимо”.

Ей, коварствуя сердцем, вещала державная Гера:
 “Дай мне любви, Афродита, дай мне тех сладких желаний,
 Коими ты покоряешь сердца и бессмертных и смертных
 200 Я отхожу далеко, к пределам земли многодарной,
 Видеть бессмертных отца Океана и мать Тефису,
 Кои питали меня и лелеяли в собственном доме,
 Юную взявши от Реи, как Зевс беспредельно гремющий
 Крона под землю низверг и под волны бесплодного моря.
 205 Их я иду посетить чтоб раздоры жестокие кончить.
 Долго, любезные сердцу, объятий и брачного ложа
 Долго чуждаются боги: вражда им вселилася в души.
 Если родителей я примирю моими словами,
 Если на одр возведу, чтобы вновь сочетались любовью,
 210 Вечно остануся я и любезной для них и почтенной”.

Ей, улыбаясь пленительно, вновь отвечала Киприда:
 “Мне невозможно, не должно твоих отвергать убеждений.
 Ты почиваешь в объятиях бога всемогущего Зевса”.

Так говоря, разрешила на персях иглой испещренный
 215 Пояс узорчатый, все обаяния в нем заключались;
 В нем и любовь и желания, шепот любви, изъяснения,
 Льстивые речи, не раз уловлявшие ум и разумных.
 Гере его подала и такие слова говорила:
 “Вот мой пояс узорный, на лоне сокрой его, Гера!
 220 В нем заключается все; и в чертоги Олимпа, надеюсь,
 Ты не придешь, не исполнивши пламенных сердца желаний”.

Так изрекла; улыбнулась лилейнораменная Гера,
 И с улыбкой сокрыла блистательный пояс на лоне.
 К сонму богов возвратилася Зевсова дочь Афродита.

225 Гера же, вдруг устремившись, оставила выси Олимпа,
 Вдруг пролетела Пиерии холмы, Эмафии доли.
 Быстро промчалась по снежным горам фракийн быстроконных,
 Выше утесов паря и стопами земли не касаясь;
 С гордой Афоса вершины сошла на волнистое море;
 230 Там ниспустилася в Лемне, Фоасовом граде священном;
 Там со Сном повстречалася, братом возлюбленным Смерти;
 За руку бога взяла, называла и так говорила:
 “Сон, повелитель всех небожителей, всех земнородных!
 Если когда-либо слово мое исполнял ты охотно,
 235 Ныне исполни еще: благодарность моя беспредельна.
 Сон, усыпи для меня громодержцевы ясные очи,
 В самый тот миг, как на ложе приму я в объятия бога.
 В дар от меня ты получишь трон величественный, нетленный,
 Златом сияющий: сын мой, художник, Гефест хромоногий,
 240 Сам для тебя сотворит и подножием пышным украсит,
 Нежные ноги тебе на пиршествах сладких покоить”.

Гере державной немедля отвечивал Сон усладитель:
 “Гера, богиня старейшая, отрасль великою Крона!
 Каждого я из богов, населяющих небо и землю,
 245 Сном одолею легко; усыплю я и самые волны
 Древней реки Океана, от коего все родилось.
 К Кронову ж сыну, царю, и приблизиться я не посмею,
 В сон не склоню громодержца, доколе не сам повелит он.
 Помню, меня он и прежде своей образумил грозою,
 250 В день, как возвышенный духом Геракл, порожденный Зевесом,
 Плыл от берегов Илиона, троянского града рушитель:
 В оный я день обаял Эгиоха все сильного разум.
 Сладко разлившись; ты ж устроила напасти Гераклу;
 Ты неистовых ветров воздвигнула бурю на море,
 255 Сына его далеко от друзей, дачеко от отчизны,
 Бросила к берегу Кооса. Воспрянул Кронид и грозою
 Всех по чертогу рассыпал бессмертных; меня наипаче
 Гневный искал и на гибель с неба забросил бы в море,
 Если бы Ночь не спасла, и бессмертных и смертных царица
 260 К ней я, спасаясь, прибег. Укротился, как ни был разгневан,

Зевс молнелюбец священную Ночь оскорбить он страшился.
Ты же велишь мне опять посягнуть на опасное дело!”

Вновь говорила ему волоокая Гера богиня:

“Сон усладитель, почто беспокойные мысли питаешь?

265 Или ты думаешь, будет троян защищать громовержец
Так же, как в гневе своем защищал он любезного сына
Шествуй; тебе в благодарность юнейшую дам я Хариту;
Ты обоймешь наконец, назовешь ты свою супругой
Ту Пазифею, по коей давно все дни воздыхаешь”.

270 Так изрекла, и ответствовал Сон, восхищенный обетом:

“Гера, клянись нерушимую клятвою, Стикса водою;
Руки простири и коснися, одною — земли многодарной,
Светлого моря — другою, да будут свидетели клятвы
Все преисподние боги, присущие древнему Крону:

275 Ими клянися, что мне ты супругой Хариту младую
Дашь Пазифею, по коей давно я все дни воздыхаю”.

Рек, — и ему покорилась лилейнораменная Гера;

Руки простерши, клялась и, как он повелел, призывала
Всех богов преисподних, Титанами в мире зовомых.

280 Ими клялася, и страшную клятву едва совершила,
Оба взвились и оставили Имбра и Лемна пределы;
Оба, одетые облаком, быстро по воздуху мчались.

Скоро увидели Иду, зверей многоводную мать;
Около Лекта оставивши понт, божества над землею

285 Быстро текли, и от стоп их — дубрав потрясались вершины.

Там разлучилися: Сон, от Кронидовых взоров таяся,
Сел на огромнейшей ели, какая в то время на Иде,
Высшая, гордой главою сквозь воздух в эфир уходила;

290 Там он сидел, укрываясь под мрачными ветвями ели,
Птице подобясь звонкоголосой, виталице горной,
В сонме бессмертных слывущей халкидой, у смертных

киминдой.

Гера владычица быстро всходила на Гаргар высокий,
Иды горы на вершину: увидел ее громовержец,

Только увидел, — и страсть обхватила могучую душу
 295 Тем же огнем, с каким насладился он первой любовью,
 Первым супружеским ложем, от милых родителей тайным.
 В встречу супруге восстал громовержец и быстро воскликнул:
 “Гера супруга! почто же ты шествуешь так от Олимпа?
 Я ни коней при тебе, ни золотой колесницы не вижу”.

300 Зевсу, коварствуя сердцем, вещала державная Гера:
 “Я отхожу, о супруг мой, к пределам земли даровитой,
 Видеть бессмертных отца Океана и мать Тефису.
 Боги питали меня и лелеяли в собственном доме.
 Их я иду посетить, чтоб раздоры жестокие кончить.
 305 Долго, любезные сердцу, объятий и брачного ложа
 Долго чуждаются боги: вражда им вселилася в души.
 Кони при мне, у подошвы обильной потоками Иды
 Ждут и оттоле меня и по суше помчат и по влаге.
 Но сюда я, Кронид, прихожу для тебя от Олимпа,
 310 Ты на меня, о супруг, не разгневался б, если безмолвно
 В дом отойду Океана, глубокие льющего воды”.

Быстро отвечивал ей воздымающий тучи Кронион:
 “Гера супруга, иди к Океану и после ты можешь.
 Ныне почием с тобой и взаимной любви насладимся.
 315 Гера, такая любовь никогда, ни к богине, ни к смертной,
 В грудь не вливалася мне и душою моею не владела!
 Так не любил я, пленяся младой Иксиона супругой,
 Родшею мне Пирифоя, советами равного богу;
 Ни Данаей прельстясь, белоногой Акрисия дочерью,
 320 Родшею сына Персея, славнейшего в сонме героев;
 Не владея младой знаменитого Феникса дочерью,
 Родшею Криту Миноса и славу мужей Радаманта;
 Ни прекраснейшей смертной пленяся, Алкменою в Фивах,
 Сына родившей героя, великого духом Геракла;
 325 Даже Семелой, родившею радость людей Диониса;
 Так не любил я, пленясь лепокудрой царицей Деметрой,
 Самою Летою славной, ни даже тобою, о Гера!
 Ныне пылаю тобою, желаня сладкого полный!”

Зевсу, коварствуя сердцем, вешала державная Гера:
 330 “Страшный Кронион! какие ты речи, могучий, вещаешь?
 Здесь ты желаешь почить и объятий любви насладиться,
 Здесь, на Идейской вершине, где все открывается взорам?
 Что ж, и случиться то может, если какой из бессмертных
 Нас почивших увидит и всем населяющим небо
 335 Злобный расскажет? Тогда не посмею, восставшая с ложа,
 Я в олимпийский твой дом возвратиться: позорно мне будет!
 Если желаешь и если твоей душе то приятно,
 Есть у тебя почивальня, которую сын твой любезный
 Создал Гефест, и плотные двери с запором устроил.
 340 В одной почить удалимся, когда ты желаешь покоя”.

Гере быстро отвечивал туч воздыматель Кронион:
 “Гера супруга, ни бог, на меня положишься, ни смертный
 Нас не увидит: такой над тобою кругом распротру я
 Облак златой; сквозь него не проглянет ни самое солнце,
 345 Коего острое око всё пронизает и видит”.

Рек — и в объятия сильные Зевс заключает супругу.
 Быстро под ними земля возрастила цветущие травы,
 Лотос росистый, шафран и цветы гиацинты густые,
 Гибкие, кои богов от земли высоко подымали.
 350 Там опочили они, и одел почивающих облак
 Пышный, златой, из которого капала светлая влага.

Так беззаботно, любовью и сном побежденный, Кронион
 Спал на вершине Идейской, в объятиях Геры супруги.
 Быстро к судам аргивян победительный Сон обратился,
 355 Радости весть возвестить черновласому Энносигею;
 Стал перед ним и воззвал, устремляя крылатые речи:
 “Ревностно, царь Посейдаон, теперь поборай за данаев!
 Даруй ты им хоть мгновенную славу, пока почивает
 Зевс громовержец: царя окружил я дремотою сладкой;
 360 Гера склонила его насладиться любовью и ложем”.

Рек — и к другим отлетел племенам человеческим славным,
Боле еще возбудив Посейдона к защите ахеян.

Он пред ряды первоборные вышел вперед, восклицая:
“Мы ли, ахейцы, опять Приамиду победу уступим?”

365 Мы ли допустим, чтоб взял корабли он и славой покрылся?

Так похваляется он и грозит, оттого что бездействен
Близ кораблей остается могучий Пелид прогневленный.

Но и в Пелиде нам нужды не будет, когда совокупно
Все устремимся, решася стоять одному за другого!

370 Други, внимайте, совет предложу я, а вы повинуйтесь:

Быстро щитами, которые в воинстве лучше и больше,

Перси оденем, шеломами крепкими чела покроем

И, медножалые, длинные копыя в руках потрясая,

Храбро пойдем, перед вами я сам; я не мню, чтобы Гектор

375 Мог против нас устоять, и неистово бурный на битвах!

Кто меж бойцами могуч, но щитом не великим владеет,

Слабому пусть передаст он, а сам да идет под великим”.

Так он вешал, — и с усердием пламенным все покорились.

Сами цари, забывая их язвы, строили ратных.

380 Царь Диомед, Одиссей и державный Атрид Агамемнон;

Рать обходя, заставляли менять боевые доспехи:

Крепкие крепкий вздевал, отдавая слабейшие слабым.

Так ополчившись пышносияющей медью, данаи

Двинулись; их предводил Посейдаон, колеблющий землю,

385 Меч долготезвенный, страшный неся во всемошной деснице,

Равный молнии пламенной: с ним невозможно встречаться

В сече погибельной, — смертного ужасом он поражает.

Рати троянские в встречу построил блистательный Гектор.

В оное время ужаснейший спор раторборный воздвигли

390 Бог Посейдон черновласый и шлемом сверкающий Гектор,

Сей илионян любезных, а тот аргивян защищая.

Море восстало и волны до самых судов и до кущей

С ревом плескало, а рати сходилися с воплем ужасным.

Волны морские не столько свирепые воют у берега,

395 Быстро гонимые с моря дыханием бурным Борей;
Огнь-истребитель не столько шумит, распыхавшись пожаром,
Если, по дебри гористой разлившись, лес пожирает;
Ветер не столько гремит по дубам высоковолосям,
Если со всею свирепостью воет над ними, бушуя, —
400 Сколько гремел на побоище голос троян и ахейн,
Кои с неистовым воплем одни на других устремлялись.

Первый в Аякса копьем шлемоблещущий Гектор ударил,
В миг, как Аякс на него наступал, и наметил он верно;
Там, где на персях два перевесных ремня простирались,
405 Сей от щита, а другой от меча у Аякса героя,
Там поразил; но ремни защитили. Разгневался Гектор,
Видя, что быстрая медь бесполезно из рук излетела;
К сонму друзей отступил Приамид, избегающий смерти.
Но его отступившего вдруг поразил Теламонид
410 Камнем, которые кучей, подпоры судов извлеченных,
Там у бойцов под ногами крутились: такой подхвативши,
В грудь, чрез поверхность щита, поразил Приамида близ выи,
Махом пустив, как кубарь, и пронесся он, шумно кружась.
Словно как дуб под ударом крушительным Зевса Кронида
415 Падает с корня, из древа разбитого вьется зловонный
Серный дым; и стоит, как бездушный, паденья свидетель,
Близкий прохожий: погибелен гром всемогущего Зевса, —
Так ниспроверглася быстро на прах Приамидова крепость.
Дрот из руки полетел, на него навалился огромный
420 Щит и шелом, и взгремела на нем распещренная броня.
С криком ужасным к нему полетели ахейцы молодые,
Падшего чая увлечь, и из рук на него устремили
Множество пик; но не мог ни единый владыке народов
Язвы нанести, ни ударить; немедля его окружили
425 Вои храбрейшие: Полидамас, и Эней, и Агенор,
Ликий царь Сарпедон, и воинственный Главк непорочный;
Не было мужа, о нем не радевшего; каждый над падшим
Выпуклый щит в оборону простер; а друзья, Приамида
На руки скоро подняв, из борьбы понесли, поспешая
430 К коням ретивым, которые сзади сраженья и смуты

С храбрым возницей и с пышной его колесницей стояли.
Кони ко граду помчали стнящего тяжко героя.

Но лишь примчались к броду реки прекрасно текущей,
Ксанфа пучинного, богом рожденного, Зевсом бессмертным,
435 Там с колесницы его положили на землю и свежей
Влагой лицо оросили. Вздохнул, проглянул он очами
И, на коленях держащийся, кровью из уст обливался;
Скоро опять опрокинулся в прах, и опять ему очи
Мрачная ночь осенила: удар оглушал еще душу.

440 Рати ахеян, увидевши Гектора, спешшего с поля,
Бросились жарче на гордых троян и возвысились духом.
Первый от всех аргивян, Оилеев Аякс быстроборный
Сатния смертно пробил, налетев с изощренною пикой, —
Сатния, Энопа сына, которого нимфа Наяда
445 Энопу, пастырю стад, родила на берегах Сатниона.
Сатния славный копейщик Аякс Оилид, налетевши,
В пах поразил; опрокинулся он, и за труп Энопида
Трои сыны и ахеяне подняли страшную сечу.
Полидамас за него, потрясая огромною пикой,
450 Мстителем вышел и, бросив, попал Профоенора в рамо,
Ветвь Ареилика: рамо пронзает могучая пика;
В прах он падет и рукою хватает кровавую землю.
Сын Панфоя, свирепо гордящийся, звучно воскликнул:
“Скажет ли кто и теперь, что у храброго Полидамаса
455 Тщетно из длани могучей огромная прянула пика!
Острую принял какой-то ахеец и ею, надеюсь,
Он, опираясь, пойдет в преисподние дома Аида!”

Так восклицал. Огорчили ахеян надменного речи;
Боле ж всех у Аякса геройскую взорвали душу;
460 Подло него пораженный противником пал Профоенор.
Гневный Аякс в отступавшего ринул сверкающий дротик:
Сам Панфоид едва от гибели черной избегнул,
Прянувши вбок; но копье Архелох смертоносное принял,
Сын Антеноров: ему предназначили боги гибель;

465 Храброго дрот улучил в сочетание выи с главою,
 В верх позвонка, и рассек у несчастного крепкие жилы;
 Мощным ударом сраженный, головой он, лицом и устами
 Прежде ударился в дол, чем своими коленами, павший.
 Громко вскричал Теламонид к Панфоеву славному сыну:
 470 “Взор обрати, Панфоид, и поведай, троянец, мне правду:
 Пасть за вождя Профоенора сей не достоин ли воин?
 Он не презренный боец, не презренного, кажется, рода:
 Он илионян вождя, Антенора, смирителя коней,
 Сын или брат; Антенора он племени сильно подобен”.

475 Так говорил, несомнительно зная. Печаль поразила
 Души троян, — и пронзил Акамас беотийца Промаха,
 Мстящий за брата, которого труп увлекал беотиец.
 Злобно над павшим гордился и так восклицал победитель:
 “Нет, аргивяне стрельцы, угрозы расточители праздных!
 480 Нет, о друзья, не одним боевые труды и печали
 Нам суждены: одинако погибель и вас постигает!
 Видите ль, воин и ваш, ниспроверженный пикой моею,
 Крепко уснул: не осталася месть за убитого брата
 Долго без платы! Разумен, кто пекся, как брат мой любезный,
 485 Брата в дому по себе, отомстителя смерти оставить!”

Так говорил; аргивян оскорбили надменного речи;
 Более ж всех Пенелею воинственный дух взволновали.
 Бросился он на троянца; но сильного встретить удара
 Тот не дерзнул; и герой Пенелей Илионея свергнул,
 490 Отрасль Форбаса, стадами богатого. Гермесом был он
 Более всех из пергамцев любим и богатством ущедрен;
 Но от супруги имел одного Илионея сына.
 Пикой его Пенелей поразил в основание ока,
 Вышиб зрачок, проколовшая пика и око и череп
 495 Вышла сквозь тыл, и присел на побоище, руки раскинув,
 Юноша бедный; а тот, из влагалища вырвавши меч свой,
 В व्यю с размаха ударил и снес на кровавую землю
 Голову с медным шеломом; еще смертоносная пика
 В оке стояла; как мак, он кровавую голову поднял,

500 Сонму троян показал и гордящийся так говорил им:
 “Трои сыны, известите родителей славного сына,
 Мать и отца Илионея; пусть его в доме оплачут!
 Ах! и младая жена беотиян героя Промаха
 Встретить супруга не к радости выйдет, когда из-под Трои
 505 Мы в кораблях возвратимся, молодые ахейские мужи!”

Рек он, — и лица пергамлян покрылися ужасом бледным;
 Каждый стал озираться на бегство от гибели грозной.

Ныне поведайте мне, на Олимпе живущие Музы,
 Кто меж ахейцами первый корысти кровавые добыл
 510 В битве, на сторону их преклоненной царем Посейдоном?
 Первый Аякс Теламонид отважного Иртия свергнул,
 Гиртова сына, вождя крепкодушных, воинственных мизов;
 Фалка сразил Антилох и оружия с Мермера сорвал;
 Вождь Мерион Гинотиона с Морисом храбрым низринул;
 515 Тевкр низложил Профоона и мчавшегося в бег Перифета;
 Сильный Атрид Гиперенора, пастыря сильных народов,
 В пах боковой заколол; копие, растерзавши утробу,
 Внутренность вырвало вон; из зияющей раны теснимый
 Дух излетел, и тьма Гиперенору очи покрыла.
 520 Более ж всех поразил Оилеев Аякс быстроногий:
 С ним из вождей не равнялся никто быстротой на погоне
 Боев бегущих, которых ужасом Зевс поражает.

Песнь пятнадцатая

ОТТЕСНЕНИЕ ОТ КОРАБЛЕЙ

В бегстве, когда частокол и глубокий окоп миновали
 И лишились многих, руками данаев погранных,
 Там, у своих колесниц удержались, стали трояне.
 Бледны от страха и трепетны. В оное время воспрянул
 5 Зевс на Иде горе из объятий владычицы Геры.

- Быстро воздвигшись, он стал и увидел троян и данаев,
 Первых в расстройстве бегущих, а с тыла жестоко гонящих,
 Бодрых данаев, и между их воинств царя Посейдона;
 Гектора ж в поле увидел простертого; окрест героя
 10 Други сидели; тягостно дышащий, чувства лишенный,
 Кровь извергал он: его поразил не бессильный данаец.
 Видя его, милосердовал царь и бессмертных и смертных;
 Быстро и грозно на Гёру смотря, провещал громодержец:
 “Козни твои, о злотворная, вечно коварная Гёра,
 15 Гектора мощного с боя свели и троян устрашили!
 Но еще я не знаю, не первая ль козней преступных
 Вкусишь ты плод, как ударами молний тебя избичую!
 Или забыла, как с неба висела? как две навязал я
 На ноги наковальни, а на руки набросил златую
 20 Вервь неразрывную? Ты средь эфира и облаков черных
 С неба висела; скорбели бессмертные все на Олимпе;
 Но свободить не могли, приступая: кого ни постиг я,
 С прага небесного махом свергал, и слетал он на землю,
 Только что дышащий; сим не смягчился б мой гнев
 25 непоклонный,
 Гнев за страдания богоподобного сына Геракла,
 Коего ты, возбудив на него и Борея и бури,
 Злобно гнала по пустынному понту, беды устроая;
 К краю чужому его, к многолюдному бросила Косу.
 Я и отголе избавил его и в отечество паки,
 30 В Аргос цветущий привел, совершителя подвигов многих.
 То воспоминаю тебе, да оставишь ты козни и видишь,
 В помощь ли злобе твоей и любовь и объятия были,
 Коими ты, от богов удаляся, меня обольстила!”
 Он произнес; ужаснулась великая Гёра богиня
 35 И воскликнула так, устремляя крылатые речи:
 “Будьте свидетели мне, о земля, беспредельное небо,
 Стикса подземные воды, о вы, величайшая клятва,
 Клятва ужасная даже бессмертным, я вами клянуся,
 Самой твоею священной главою и собственным нашим
 40 Ложем брачным, которым вовек не клянуся я всеу!

Нет, не с советов моих Посейдаон, земли колебатель,
Трои сынам и вождю их вредит, а других защищает.
Верно, к тому преклонен и подвигнут он собственным сердцем;
Верно, ахеян узрев, милосердовал он о стесненных.

45 Я ж и ему бы скорее совет подала, да всегда он
Ходит путем, по которому ты повелишь, громовержец!”

Так говорила; ослабился царь и бессмертных и смертных;
И отвечивал ей, устремляя крылатые речи:

“Если вперед, о супруга, лилейнораменная Гера,
50 Будешь на сонме божественном мыслить согласно со мною,
Сам Посейдаон, хотя бы желал совершенно иного,
Мысль переменит, согласно с твоей и моею душою.

Ныне ж, когда непритворно и истину ты говорила,
55 Шествуй немедля к семейству богов, повели, да на Иду
Вестница неба Ирида и Феб сребролукий предстанут.

Вестница быстрая к воинству меднодоспешных данаев
Снидет и скажет мое повеленье царю Посейдону,
Да оставит он брань и в обитель свою возвратится.
Феб же великого Гектора снова ко брани воздвигнет,
60 Новую бодрость вдохнет и его исцелит от страданий,
Ныне терзающих душу героя, а рати ахеян
Вновь к кораблям отразит, малодушное бегство пославши.
В бегстве они упадут на суда Ахиллеса Пелида.

Царь Ахиллес ополчит на сражение друга Патрокла,
65 Коего в битве копьем поразит бронблещущий Гектор
Пред Илионом, как тот уже многих юношей храбрых
Свергнет, и с ними мою драгоценную ветвь, Сарпедона.
Гектора, мстящий за друга, сразит Ахиллес знаменитый.
С одного времени паки побег от судов и погоню

70 Я сотворю и уже невозвратно, доколе ахейцы
Трои святой не возьмут, по советам премудрой Афины.
Так не свершившемусь, гнева ни сам не смягчу, ни другому
Богу бессмертному я аргивян защищать не позволю
Прежде, пока не исполнится все упование Пелида:

75 Так обещал я и так утвердил я мою главою

В день, как Фетида, объемля колена, меня умоляла
Сына прославить ее, Ахиллеса, рушителя твердей”.

Рек; и ему покорила лилейнораменная Гера;
80 Бросилась с Иды горы, устремляясь быстро к Олимпу.
Так устремляется мысль человека, который, прошедши
Многие земли, про них размышляет умом просвещенным:
“Там проходил я, и там”, и про многое вдруг вспоминает, —
С равной стремясь быстротой, пролетела по воздуху Гера;
Высей Олимпа достигнув, она обрела совокупных
85 Всех небожителей в доме Кронида. Богиню увидев,
Все поднялися, и каждый своею чествовал чашей.
Гера, всех обошед, у Фемиды румяноланитой
Приняла чашу; Фемида бо первая Гере входящей
Бросилась в встречу и речи крылатые к ней устремила:
90 “Что ты, о Гера, приходишь, таким пораженная страхом?
Верно, тебя устроил громоносный супруг твой Кронион?”

Ей отвечала богиня, лилейнораменная Гера:
“Что вопрошаешь, Фемида бессмертная; или не знаешь,
95 Сколько метателя молний душа я горда и сурова.
Но воссядь и начни ты пир с бессмертными общий;
Вместе со всеми богами услышишь, Фемида, какие
Ужасы нам возвещает Кронион. Никто, уповаю,
Радостен сердцем не будет, ни смертный, ни даже бессмертный,
100 Как бы он ни был доньше средь пиршества мирного весел”.

Так изрекла, и воссела владычица Гера; смутились
Боги в Зевсовом доме; она ж улыбалась устами,
Но чело у нее между черных бровей не светлело.
Вдруг, ко всем обращаясь, воскликнула гневная Гера:
105 “Боги безумные, мы безрассудно враждуем на Зевса!
Мы бесполезно пылаем его укротить, нападая
Словом иль силою! Он, удаляся, об нас и не мыслит,
Нас презирает, считает, что он меж богов вековечных
Властью и силой своей превосходнее всех несравненно.
Должно терпеть вам, какое бы зло и кому б ни послал он;

110 Им, как я мыслю, сегодня удар нанесен и Арею;
Пал на бою Аскалаф, браноносец, любезнейший богу,
Смертный, которого сыном могучий Арей называет”.

Так изрекла; и ударил Арей по крутым себя бедрам
Длаными жилистых рук и рыдающий громко воскликнул:
115 “О, не вините меня, на Олимпе живущие боги,
Если за сына я мстить иду к ополчениям ахейским,
Мстить, хоть и сужено мне, пораженному Зевса перуном,
С трупами вместе лежать, в потоках кровавых и прахе!”

Рек, и тогда ж повелел он и Страху и Ужасу коней
120 Впрячь, а сам покрывался оружием пламеннозарным.
Верно б, сильнейший, стократно ужаснейший, нежели
прежний,

Гнев громодержца и мщенье противу богов воспылали;
Но Афина богиня, за всех усташася бессмертных,
Бросилась к двери, оставивши трон, на котором сидела;
125 Щит от рамен и шелом от главы у Арея сорвала,
Пику поставила в сторону, вырвав из длани дебелий,
И загремела, словами напад на сурового бога:
“Буйный, безумный, ты потерялся! Напрасно ль имеешь
Уши, чтоб слышать? Иль стыд у тебя и рассудок погибли?
130 Или не слышишь ты, что говорит владычица Гера,
Гера, теперь возвратившаяся к нам от владыки Зевеса?
Или ты хочешь, как сам, претерпев неисчетные бедства,
С горьким стыдом, поневоле, на светлый Олимп возвратиться,
Так и на всех нас, бессмертных, навлечь неизбежное бедство?
135 Скоро, сомнения нет, племена и троян и данаев
Бросил бы Зевс и пришел бы он нас ужаснуть на Олимпе;
И постиг бы, карающий, всех — и виновных и правых!
Будь мне послушен и месть отложи за убитого сына.
Воин в бою не один, и храбрейший его и сильнейший,
140 Пал и еще ниспадет, пораженный другим; невозможно
Весь человеческий род неисчетный от смерти избавить”.

Так говоря, посадила на трон иступленного бога.
Гера ж царя Аполлона из Зевсова вызвала дому

Вместе с Иридою, вестницей быстрой богов олимпийских.
 145 К ним возгласивши, она провещала крылатые речи:
 “Зевс повелел, да на Иду немедля предстанете оба;
 Но лишь предстанете вы и лицо увидите бога,
 Делайте, что повелит и чего Эгиох ни восхощет”.

Так изрекла и, в чертог возвратяся, владычица Гера
 150 Села на трон, а Ирида и Феб, устремясь, полетели;
 Быстро спустились на Иду, зверей многоводную мать;
 Там, на возвышенном Гаргаре Зевса нашли громодержца;
 Он восседал, и его благовонный увенчивал облак.
 Боги, представ пред лицо воздымателя облаков Зевса,
 155 Стали, — и к ним устремил Олимпиец негневные очи:
 Скоро они покорились супруги его повеленьям.
 К первой Ириде он рек, устремляя крылатые речи:
 “Шествуй, Ирида быстрая, к богу морей Посейдону,
 Всё, что реку, возвести и неложною вестницей будь мне.
 160 Пусть он брань оставит немедленно, пусть возвратится
 Или в собор небожителей, или в священное море.
 Если ж глаголы мои не восхощет исполнить, но презрит, —
 Пусть он помыслит, и с сердцем своим и с умом совещаюсь,
 Может ли, как ни могущ он, меня в нападении встретить?
 165 Думаю, что Посейдаона я и могуществом высший,
 Я и рождением старейший, а он не страшится единый
 Равным считаться со мной, пред которым все боги трепещут”.

Рек; покорилась ему ветроногая вестница неба;
 Быстро от Иды горы понеслась к Илиону святому.
 170 Словно как снег из тучи, иль град холодный, обрушась,
 Быстро летит, уносясь проясняющим воздух Бореем, —
 Так устремляясь, быстрая путь пролетела Ирида;
 Стала и так провещала могущему Энносигею:
 “С вестью тебе, Посейдон, колебатель земли черновласый,
 175 Я нисхожу от эгида носителя Зевса Кронида.
 Брань ты оставь немедленно, так он велит; возвратится
 Или в собор небожителей, или в священное море.
 Если ж глаголы его не восхощешь исполнить и презришь,

Он угрожает, что сам, и немедля, с тобою сразиться
 180 Придет сюда; и советует он, чтобы ты уклонялся
 Рук громовержущих: ведаешь, он и могуществом высший,
 Он и рождением старейший; а ты, Посейдон, не страшись
 Спорить о равенстве с тем, пред которым все боги трепещут”.

Ей, негодующий сердцем, отвечал царь Посейдаон:
 185 “Так, могуществен он; но слишком надменно вещает,
 Ежели равного честию, меня, укротить он грозитя!
 Три нас родилося брата от древнего Крона и Реи:
 Он — громодержец, и я, и Аид, преисподних владыка;
 Натрое всё делено, и досталось каждому царство:
 190 Жребий бросившим нам, в обладание вечное пало
 Мне волношумное море, Аиду подземные мраки,
 Зевсу досталось меж туч и эфира пространное небо;
 Общую всем остается земля и Олимп многохолмный.
 Нет, не хожу по уставам я Зевсовым; как он ни мощен,
 195 С миром пусть остается на собственном третьем уделе;
 Силою рук он меня, как ничтожного, пусть не страшат!
 Дщерей своих и сынов для Зевса приличнее будет
 Грозным глаголом обуздывать, коих на свет произвел он,
 Кои уставам его покоряться должны поневоле!”

Вновь провещала ему ветроногая вестница Зевса:
 200 “Сей ли ответ от тебя, колебатель земли черновласый,
 Зевсу должна я поведать, ответ и суровый и страшный?
 Или, быть может, смягчишь ты? Смягчимы сердца благородных.
 Знаешь и то, что старейшим всегда и Эринии служат”.

Ей отвечал вновь колебатель земли Посейдаон:
 205 “Слово твое справедливо и мудро, Ирида богиня!
 Благо, когда возвеститель исполнен советов разумных.
 Но, признаюсь, огорчение сильное душу объемлет,
 Если угрозами гордыми он оскорблять начинает
 210 Равного с ним и в правах, и судьбой одаренного равной.
 Ныне, хотя негодующий, воле его уступаю;
 Но объявляю, и в сердце моем сохраню я угрозу:

Если Кронион, мне вопреки и победной Афине,
 Гермесу богу, Гефесту царю и владычице Гере,
 215 Будет щадить Илион крепкостенный, когда не захочет
 Града разрушить и дать знаменитой победы ахейцам, —
 Пусть он знает, меж нами вражда бесконечная будет!”

Так произнес, и ахейскую рать Посейдаон оставил,
 В понт погрузился; о нем воздыхали ахейцы герои.
 220 И тогда к Аполлону воззвал громовержец Кронион:
 “Ныне, возлюбленный Феб, к меднобронному Гектору шествуй,
 Се, обывающий землю, земли колебатель могучий
 В море отходит священное: грозного нашего гнева
 Он избегает; услышали б грозную брань и другие,
 225 Самые боги подземные, сущие около Крона!
 Благо и мне и ему, что, и гневаясь, он уступает
 Силам моим: не без пота б жестокого дело свершилось!
 Но прими, Аполлон, бахромистый эгид мой в десницу
 И, потрясающий им, устраши ты героев ахейских.
 230 Сам между тем попекись, дальновержец, об Гекторе славном;
 Храбрость его возвышай непрестанно, доколе данаи,
 В бегстве пред ним, не придут к кораблям и зыбям Геллеспонта.
 С одного времени сам я устрою и дело и слово,
 Да немедля почиют от бранных трудов и данаи”.

235 Так произнес он, и не был отцу Аполлон непокорен:
 С Иды, шумной потоками, он устремился, как ястреб,
 Быстрый ловец голубей, между хищных пернатых быстрейший.
 В поле нашел стреловержец Приамова храброго сына;
 Гектор сидел, не лежал, и уже, обновившийся в силах,
 240 Окрест стоящих друзей узнавал; прекратилась одышка,
 Пот перестал: восстанавливал Гектора промысл Кронида.
 Близко представши, к нему провещал Аполлон дальновержец:
 “Гектор, Приамова отрасль! почто, от дружин удаленный,
 Духом унылый сидишь? Или горсть тебя удручила?”

245 Дышащий томно, ему говорил шлемоблещущий Гектор:
 “Кто ты, благий небожитель, ко мне обращающий слово?”

Или еще не слышал, что меня пред судами ахеян,
 Их истреблявшего рать, поразил Теламонид могучий
 Камнем в грудь и мою укротил кипящую храбрость?
 250 Я уже думал, что мертвых и мрачное царство Аида
 Ныне увижу; уже испускал я дыхание жизни”.

Сыну Приамову паки вещал Аполлон дальновержец:
 “Гектор, дерзай! поборник могучий Зевсом Кронидам
 С Иды высокой тебе на покров и защиту ниспослан,
 255 Я, Аполлон златомечный, бессмертный, который и прежде
 Сильной рукой защищал и тебя, и высокую Троию.
 Шествуй к полкам, — и своим многочисленным конникам
храбрым
 Всем повели к кораблям устремить их коней быстроногих.
 Я перед ними пойду, и сам для коней илионских
 260 Путь уравнию, и в бег обращу героев ахейских”.

Рек, и ужасную силу вдохнул предводителю воинств:
 Словно конь застоялый, ячменем раскормленный в яслях,
 Привязь расторгнув, летит и копытами поле копает;
 Пламенный, плавать обыклый в реке быстролющейся, пышет,
 265 Голову, гордый, высоко несет; вкруг рамен его мощных
 Грива играет; гордится он сам красотой благородной;
 Быстро стопы его мчат к кобылицам и паствам знакомым, —
 Гектор таков, с быстротою такой оборачивал ноги,
 Бога услышавши глас; возбуждал он на бой конеборцев.
 270 Словно рогатую лань или дикую козу поднявши,
 Гонят упорно горячие псы и ловцы поселяне;
 Но высокий утес и густая тенистая роща
 Зверя спасают: его изловить им не сужено роком;
 Криком меж тем пробужденный, является лев густобрадый
 275 Им на пути и толпу, распыхавшуюсь, в бег обращает, —
 Так аргивяне дотоле толпой неотступные гнали
 Трои сынов, и мечами и копьями в тыл поражая;
 Но лишь увидели Гектора, быстро идущего к рати,
 Дрогнули все, и у каждого в ноги отважность упала.

280 Их Фоас ободрял, благородный сын Андрононов,
 Муж этолийский знатнейший, искусный в бою стрелобойном,
 Храбрый и в стойком; его и в собраньях мужей побеждали
 Редкие, если при нем в красноречии спорила юность.
 Он, распяемый ревностью, так говорил меж ахейан:
 285 “Боги! ужасное чудо моим представляется взорам!
 Гектор воскрес! от ужасной смерти избегнувши, паки
 Гектор пред нами! А мы уповали, что гордый троянец
 Душу предаст под рукой Теламонова сына Аякса.
 Верно, могущий бессмертный опять сохранил и восставил
 290 Мужа, который уж многим колена сломил аргивянам,
 Что и еще совершит, как предвижу я! Он не без воли
 Зевса гремящего стал перед воинством, пышущий боем.
 Други, совет предложу я, и все мы ему покоримся.
 Ратной народной толпе повелим к кораблям удалиться;
 295 Мы же, сколько ни есть нас, храбрейшими в рати слывущих,
 Противостанем: быть может, его остановим мы, в встречу
 Копья уставивши; он, я надеюсь, как ни неистов,
 Сердцем своим содрогнется ворваться в дружину героев”.

Так говорил; и, внимательно слушая, все покорились.
 300 Быстро Аяксы могучие, царь Девкалид копыеносец,
 Тевкр, Мерион нестрашимый и Мегес, Арею подобный,
 Строили битву, созвав благородных героев ахейских
 Против троян и великого Гектора; тою порою
 Сзади народа толпа к кораблям отступала. — Трояне
 305 Прежде напали толпой; предводил, широко выступая,
 Гектор герой; а пред Гектором шествовал Феб небожитель,
 Перси одеявший тучей, несущий эгид велелепный,
 Бурный, косматый, ужасный, который художник бессмертный
 Зевсу Крониду Гефест даровал, человекам на ужас.
 310 С сим он эгидом в деснице предшествовал ратям троянским.

Их нажидали ахейцы, сомкнувшись; разом раздался
 Яростный крик от обеих ратей; с тетив заскакали
 Быстрые стрелы; и копья, из дерзостных рук полетевши,

315 Многие в тело вонзились воинственных юношей красных,
Многие, среди пути, не отведав цветущего тела,
В землю вонзяся, дрожали, алкая насытиться телом.

Долго, доколе эгид Аполлон держал неподвижно,
Стрелы равно между воинств летали, и падали вой;
320 Но едва аргивянам в лицо он воззревши, эгидом
Бурным потряс и воскликнул и звучно и грозно, — смутились
Души в их персях, забыли аргивцы кипящую храбрость.
Словно как стадо волов иль овец великую кучу
Хищные звери в глубокую мрачную ночь рассыпают,
Если находят незапные, в час, как отсутствует пастырь, —
325 Так аргивяне рассыпались, слабые; Феб на сердца их
Ужас навел, посылая троянам и Гектору славу.

Тут ратоборец сражал ратоборца в рассеянной битве.
Гектор могучий и Стихия свергнул и Аркесилая,
330 Стихия, войск предводителя меднодоспешных беотян,
Аркесилая, верного друга вождя Менесфея.
Но Энея оружием Ияс повержен и Медон:
Медон, сын незаконный владыки мужей Оилея,
Был Оилида Аякса младший брат; но в Филаке
Он обитал, удалясь от отчизны, как мужа убийца,
335 Мачехи брата убив, Эриопы, жены Оилея;
Ияс же был предводитель воинственных духом афинян,
Сыном Сфела от всех называвшийся, Буколиона.
Полидамас поразил Мекистея, Полит же Эхия
В первом ряду, а Клония сразил благородный Агенор;
340 Дейоха тут же Парис, убежавшего между передних,
С тыла в плечо поразил и насквозь оружие выгнал.

Тою порой, как они обнажали убитых, данаи,
В ров и на колья его опрокинувшись, в страшном расстройстве
Полею бежали везде и за вал укрывались неволей.
345 Гектор же голосом звучным приказывал ратям троянским
Прямо напасть на суда, а корысти кровавые бросить:
“Если ж кого-либо я от судов удаленным замечу,

Там же ему уготовлю и смерть! и несчастного, верно,
Мертвое тело ни братья, ни сестры огня не сподобят;
350 Но троянские псы растерзают его перед градом!”

Рек, — и, бичом по хребтам поражая коней, полетел он,
Звучно к троянам крича по рядам; и они, испуская
Страшные вопли, за ним устремили коней колесничных
С громом ужасным; и Феб Аполлон впереди перед ними,
355 Быстро окопа глубокого берег стопами рассыпав,
Весь в середину обрушил и путь уместил он троянам,
Длинный и столько широкий, как брошенный дрот пролетает,
Если могучесть свою человек испытующий бросит.
Там устремились пергамлян фаланги, и Феб перед ними,
360 Дивным эгидом сияя; рассыпал он стену данаев
Так же легко, как играющий отрок песок возле моря,
Если когда из песку он детскую сделал забаву,
Снова ее рукой и ногой рассыпает, резвяся.
Так, Аполлон дальномечущий, ты и великий и тяжкий
365 Труд рассыпал ахеян и предал их бледному бегству.

Возле судов наконец удержались они, собираясь.
Там, ободря друг друга и руки горé воздевая,
Каждый богов небожителей всех умолял громогласно.
Нестор же старец особенно, страж аргивян неусыпный,
370 Зевса молил, воздевающий длани ко звездному небу:
“Если когда-либо кто среди цветущей Эллады, Кронион,
Тучные бедра тебе от тельца иль овна возжигая,
В дом возвратиться молился и ты преклонился к молению, —
Вспомни о том, и погибели день отвори, Олимпиец!
375 Гордым троянам не дай совершенно осилить ахеян!”

Так он молился; и грянул с небес промыслитель Кронион,
Внявший молению Нестора, благочестивого старца.
Но трояне, в их пользу приявшие знаменье Зевса,
Жарче на рати ахейские бросились, жадные боя.
380 Словно как вал огромный широкоразливного моря
Выше боков корабля подымается, двинутый страшной

Силою бури, которая волны на волны вздымает, —
 Так устремились трояне с неистовым воплем за стену;
 Коней пригнали туда ж и у корм в рукопашную битву
 385 С копьями острыми стали; они с высоты колесниц их,
 Те ж с высоты кораблей своих черных, на оных держася,
 Бились шестами огромными, кои в судах сохранялись
 К бою морскому, сплоченные, сверху набитые медью.

Храбрый Патрокл, доколе ахейцы с троянскою силой
 390 Бились еще пред стеною, вдали от судов мореходных,
 В куще сидел у высокого духом вождя Эврипила,
 Душу ему услаждал разговором и тяжкую рану
 Вкруг осыпал врачевством, утоляющим черные боли.
 Но как скоро за стену увидел стремящихся бурно
 395 Гордых троян, а данаев услышал и крик и тревогу,
 Громко воскликнул Патрокл и руками по бедрам могучим
 С грусти ударил себя и, печальный, вещал Эврипилу:
 “Нет, Эврипил, не могу я с тобою, хотя б и желал ты,
 400 Долее здесь оставаться; ужасная битва восстала!
 Пусть благородный сподвижник тебя утешает; а сам я
 К другу Пелиду спешу, да его преклоню ополчиться.
 Может быть, — как предугадать? — убедить Ахиллесово сердце
 Бог мне поможет; сильно всегда убеждение друга”.

Так говорящего, ноги его уносили. — Ахейцы
 405 Против троян нападающих крепко стояли, но тщетно
 Их, и меньших числом, отразить от судов напрягались.
 Тщетно и Трои сыны напрягались, ахеян фаланги
 Боем расторгнув, ворваться в ряды кораблей их и сеней.
 410 Словно правильный шнур корабельное древо ровняет
 Зодчего умного в длани, который художества мудрость
 Всю хорошо разумеет, воспитанник мудрой Афины, —
 Так между ними борьба и сражение равные были.
 Те пред одними, а те пред другими судами сражались.

Гектор герой на Аякса, высокого славою, вышел.
 415 Оба они за единый корабль подвизались, и тщетно

Сей защитителя сбить и корабль запалить домогался,
 Тот отразить сопостата, которого демон приблизил.
 Тут Клитеида Калетора свергнул Аякс знаменитый,
 Огонь на корабль заносящего, пикою в перси ударив;
 420 С шумом он грянулся в прах, из руки его выпала светочь.
 Гектор, как скоро увидел родного ему Клитеида,
 Замертво павшего в прах перед черной кормой корабельной,
 Звучно воскликнул, троян и ликийян на бой поощряя:

“Трои сыны, и ликийцы, и вы, рукоборцы дарданцы!
 425 Стойте, страшитесь в сей тесноте отступить из сраженья;
 Лучше отстойте вы Клития сына, да враг не похитит
 Славных оружий с убитого в самом стану корабельном”.

Так произнес, и в Аякса направил сияющий дротик,
 Но попал не в него, а в клеветра его, Ликофрона,
 430 Мастора ветвь, киферейца, в Аяковом жившего доме
 С оной поры, как убийство свершил у киферян священных;
 Гектор его, близ Аякса стоящего, в череп над ухом
 Дротом ударил убийственным: в прах он, с кормы корабельной
 Рухнувшись, навзничь пал, и его сокрушилася крепость.
 435 Храбрый Аякс ужаснулся и к брату младому воскликнул:
 “Тевкр, потеряли мы, брат мой, нашего верного друга!
 Пал Масторид, которого мы, из Киферы пришельца,
 В нашем дому, как любезных родителей, все почитали.
 Пал он от Гектора! Где же твои смертоносные стрелы?
 440 Где твой лук сокрушительный, данный тебе Аполлоном?”

Рек он, — и тот его понял и, прянувши, стал близ героя
 С луком разрывчатым в верной руке и с колчаном на раме,
 Полным пернатых; и, быстро он их на троян посылая,
 Клита стрелой поразил, Пизенорову славную отрасль,
 445 Друга Панфоева сына, почтенного Полидамаса.
 Был он возница его, и тогда над конями трудился,
 Правил туда, где в сражении гуще клубились фаланги;
 Гектору тем и троянам желал угодить он, но быстро
 Гибель пришла, и никто из друзей от нее не избавил:

450 В व्यो возатаю с тыла стрела смертоносная пала;
 На землю грянулся он, и обратно ударились кони,
 Праздной гремя колесницею. Скоро то сведал владыка
 Полидамас, и коням убегающим вышел навстречу.
 Их Астиною слуге, Протаона сыну, вверяя,
 455 Крепко наказывал близко держать, на виду непрестанно;
 Сам, устремившись обратно, с передними стал на сраженье.

Тевкр же другую стрелу против Гектора мужеубийцы
 Вынул; и, верно, принудил бы бой перервать пред судами,
 Верно, стрелой у героя победного душу исторг бы;
 460 Но не укрылся от промысла Зевсова: Зевс Приамида
 Сам охранял и у Тевкра пылавшего славу похитил:
 Тевкр наляцал, как на луке его превосходном крутую
 Бог сокрушил тетиву, и у Тевкра умчалася мимо
 Тяжкая медью стрела, и лук из руки его выпал.
 465 Тевкр ужаснулся и к брату Аяксу немедля воскликнул:
 “Горе! какой-то демон ратные замыслы наши
 Все разрушает; и лук у меня он исторгнул из длани,
 И расторг тетиву мне, которую свежую ныне
 Я на лук навязал, чтобы вынесла частые стрелы”.

470 Тевкру отвечивал быстро Аякс Теламонид великий:
 “Друг, оставь ты в покое и лук, и крылатые стрелы,
 Если их бог рассыпает, ахеянам храбрым враждебный.
 С пикой огромной в руке и с щитом на плече, Теламонид,
 Ратуй троян и дружины свои возбуждай к ратоборству.
 475 Пусть нелегко, и победой гордяся, возьмут сопостаты
 Наши суда доброснастные; вспомним ахейскую храбрость!”

Так говорил он — и Тевкр под кущею лук свой оставил;
 Щит на плечо многобляшистый, четырехслойный набросил,
 Шлем на главу удалую красивый надел, осененный
 480 Гривою конскою; гребень ужасный над ним развевался.
 Взяв наконец копие, повершенное острою медью,
 Вышел назад и, примчась стремительно, стал близ Аякса.

Гектор едва усмотрел сокрушенными Тевкровы стрелы,
 Звучно вскричал, и троян и ликийяи еще возбуждая:
 485 “Трои сыны, и ликийцы, и вы, рукоборцы дарданцы!
 Будьте мужами, о други; вспомните рьяную храбрость
 Здесь, пред судами ахеян! Своими глазами я видел,
 Славного воина стрелы и лук уничтожены богом!
 Видимо ясно сынам человеков могущество бога,
 490 Если кого Олимпиец высокою славой возносит
 Или кого унижает, защиты своей не сподобив:
 Так как теперь унижает ахеян, а нас возвышает.
 В бой на суда! наступите всем воинством! Кто между вами,
 Ранен мечом иль стрелой, роковою постигается смертью,
 495 Тот умирай! Не бесславно ему, защищая отчизну,
 Здесь умереть; но останутся живы супруга и дети,
 Дом и наследие целы останутся, если ахейцы
 В черных судах унесутся к любезным отечества землям”.

Так говоря, возбудил он и силу и мужество в каждом.
 500 Сын Теламонов с другой стороны восклицал пред дружиной:
 “Стыд вам, ахеяне! Лучше решитесь или погибнуть,
 Или спастись, но беду отразить от судов мореходных!
 Чаете ль вы, как возьмет корабли шлемоблещущий Гектор,
 Каждый на землю родную пешком возвратится из Трои?
 505 Слышите, с криком каким ополчения все возбуждает
 Гектор, который сожечь корабли, разъяренный, стремится?
 Верно, сии он толпы не на пляску зовет, а на битву!
 Нам не осталось ни думы другой, ни решимости лучшей,
 Как смешить с сопостатами руки и мужество наше!
 510 Лучше мгновенной решимостью выкупить жизнь иль погибнуть,
 Нежели долгие дни изнуряться жестокою бранью,
 Так бесполезно среди стана, стесняясь народом слабейшим!”

Так говоря, возбудил он и силу и мужество ратных.
 Гектор же мощный Схедия сразил, Перимедова сына,
 515 Воинств фокейских вождя, но Аякс Лаодамаса свергнул,
 Пеших бойцов предводителя, славную ветвь Антенора;

Полидамас же корысти добыл с килленейского Ота,
 Друга Филидова, воинств вождя крепкодушных эпеян.
 Мегес Филид налетел на убийцу; но в сторону прынул
 520 Полидамас; не уметил в него, не судил дальновержец
 Сыну Панфоеву славному пасть меж рядов первоборных.
 Крезма Филид угодил сокрушительной пикою в перси;
 С шумом он пал, и с рамен совлекал победитель доспехи.
 Вдруг на Филида нагрянул Долопс Лампетид, илионский
 525 Славный копейщик, которого сын Лаомедона доблий,
 Ламп велемудрый родил, знаменитого доблестью бранной.
 Он у Филида, нагрянувший близко, щита середину
 Пикой пробил, но его защитил крепкосозданный панцирь,
 Латами сомкнутый плотно: Филей в давнобытное время
 530 Вывез доспех сей из града Эфиры, от вод Селлеиса,
 Коим, как друга, его одарил там Эвфет скиптродержец,
 В битвах кровавых носить от враждебных мужей обороной;
 Он-то и сына его защитил от гибели грозной.
 Мегес же Лампова сына по медному шлему под гребнем,
 535 В самую выпуклость верхнюю, пикою острой ударил,
 Гривистый гребень с основы сорвал, и на землю он целый
 Пал и простерся во прахе, блистающий пурпуром свежим.
 Но между тем, как сражался он пламенно, чая победы,
 Сильный поборник явился ему, Менелай благородный;
 540 С пикой, невидимый, стал в стороне, поразил Лампетиду
 С тыла в плечо; и сквозь перси пробилось бурное жало,
 Рея вперед; и во прах Лампетид опрокинулся навзничь.
 Прянули оба на павшего, медную, славную броню
 С плеч совлекать. Но Гектор вскричал на Долоисовых ближних,
 545 Их порицая, и более всех Гикетаона сына
 Он укорял, Меланиппа, который прежде в Перкоте
 Пас круторогих волов, до нашествия рати враждебной;
 Но как скоро ахейцы в судах многовеслых приплыли,
 Он прилетел в Илион и в дружинах троян отличался,
 550 Жил у Приама и чествован был, как и сын, Дарданидом.
 Гектор его укорял и к нему говорил, негодуя:
 “Сын Гикетаонов! Так ли оставим? ужели нисколько
 Сердце твое не болит за сраженного милого брата?”

Или не видишь ты, как над доспехом Долопса трудятся?
 555 Следуй за мною! не время с аргивцами издали биться;
 Должно нам всех истребить их, покуда они с оснований
 Трои высокой не свергли и граждан ее не избили!”

Рек — и понесся вперед, и муж с ним, богу подобный.
 Аргоса воев Аякс возбуждал, Теламонид великий:
 560 “Други, мужайтесь! Наполните сердце стыдом благородным!
 Воина воин стыдися на поприще подвигов ратных!
 Воинов, знающих стыд, избавляется боле, чем гибнет;
 Но беглецы не находят ни славы себе, ни избавы!”

Так возбуждал, но и сами они защищаться пылали;
 565 В сердце сложили героя слова и суда оградили
 Медной стеной; но троян против них устремлял громодержец.
 Храбрый Атрид Менелай возбуждал Антилоха младого:
 “Нет, Антилох, никого ни моложе тебя из ахейян,
 Ни быстрее для бегая, ни силами крепче для боя,
 570 Если бы, прыгнув вперед, поразил ты какого троянца!”

Так произнес и назад отступил, поощрив Антилоха.
 Вылетел он из передних рядов и, кругом обзревши,
 Бросил блистательный дрот; взволновались трояне, увидя
 Мощный удар. И оружие он не напрасное ринул:
 575 Ветвь Гикетаона, смелого сердцем вождя Меланиппа,
 Гордо идущего в битву, в широкие перси уметил;
 С шумом он грянулся в прах, и взгремели на падшем доспехи.
 Несторов сын на него устремился, как пес на еленя
 Скачет пронзенного, коего ловчий, едва он из лога
 580 Прынул, стрелой поразил и подсек ему резвые ноги, —
 Так на тебя, Меланипп, наскочил Антилох бранолюбец,
 Алча доспехов твоих. Но от Гектора он не укрылся;
 Гектор навстречу предстал, пролетев сквозь кипящую сечу.
 Несторов сын не остался, как ни был горяч в ратоборстве;
 585 С поля сбежал он, зверю подобный, свершившему пакость,
 Зверю, который, пса или пастыря стадо сгубивши,
 В лес убегает, покуда селян не собралась громада, —

Так убежал Несторид; на него и трояне и Гектор,
 Страшные крики подняв, задождили свистящие стрелы.
 590 Стал он лицом к сопротивным, достигнувши дружеских сонмов.

Тою порою трояне, как львы, пожиратели крови,
 Бурно к судам устремлялись и Зевса судьбы совершали:
 Он непрестанно их мужество высил, а воев ахейских
 595 Дух поражал и победы лишал их, троян поощряя;
 Гектору сердце его даровать Приамиду желало
 Грозную славу, да он на суда пожирающий пламень
 Бурный повергнет, и так роковое Фетиды моленье
 Все совершится; единого ждал промыслитель Кронион:
 600 Первого судна горящего зарево с неба увидеть.
 С одного времени Зевс от судов невозвратное бегство
 Трои сынам присуждал, а данаям победную славу.
 Так помышляющий, Гектора в бой на суда устремлял он,
 Страшно и собственным влекшегось духом; свирепствовал
 605 Гектор,
 Словно Арей, сотрясатель копья, или огонь истребитель,
 Если меж гор он свирепствует, в чащах глубокого леса:
 Пена клубилась из уст, под бровями угрюмыми очи
 Грозным светились огнем; над головой, воздымаяся гребнем,
 610 Страшно качался шелом у летавшего бурей по битве
 Гектора! Сам бо герою был покровителем с неба
 Зевс и его одного возвышал над толпой человек
 Честью и славою: ибо не долго жить оставалось
 Сыну Приама; уже на него Тритогена Паллада
 День роковой устремляла с победною силой Пелида.
 615 Гектор пылал разорвать у данаев ряды и пытался
 Всюду, где видел и гуще толпы, и оружия лучше;
 Но разорвать их нигде он не мог, беспредельно пылавший
 В встречу данаи, сомкнувшись башней, стояли, как камень
 620 Страшно высокий, великий, который у пенного моря
 Гордо встречает и буйные вихрей свистящих набег,
 И надменные волны, которые противу хлещут, —
 Так аргивяне встречали троян неподвижно, бесстрашно.
 Он же, сияющий окрест огнем, налетел на фалангу;

625 Грозен упал, как волна на бегущий корабль упадает,
Мощная, бурей из туч возвращенная; весь потрясенный,
Пеной корабль покрывается; шумное бури дыханье
В парус гремит, и трепещут сердца корабельщиков бледных
Страхом объятых; они из-под смерти едва уплывают, —
Так сердца трепетали в груди благородных данаев.

630 Он же, как лев истребитель, на юниц рогатых нашедший,
Коих по влажному лугу при благе обширном пасутся
Тысячи; пастырь при них, но, юный, еще не умеет
С зверем сразиться, дабы защитить круторогую краву:
Пастырь неопытный, около крав то передних, то задних

635 Мечется он беспрестанно, а хищник, в средину их бросаьсь,
Режет быка, и все разбегаются, — так аргивяне,
Свыше смятенные, в бег перед Гектора силой и Зевса
Все обратились; он поразил одного Перифета,
Храброго сына Копрея, того, что, служа Эврисфею,
Вестником часто ходил от тирана к Гераклу герою:

640 Сей-то отец ничтожный родил знаменитого сына,
Доблестей полного: легкостью в беге, искусством в сраженьях,
В думах умом он блистал между всех благородных микенян;
Он Приамиду герою высокую славу доставил:
В бег обращался, задом, незапно на щит он споткнулся,

645 Им же держимый, огромный, до ног оборона от копий;
Он, на щит свой споткнувшись, навзничь упал, и ужасно
Грянул шелом вокруг висков при падении сильного мужа.
Гектор, увидевши то, прилетел и, став перед падшим,
В перси копьем поразил, и пред сонмом друзей Перифету

650 Душу исторгнул; они не могли, и печальные, другу
Помощи дать: ужасались Гектора мужеубийцы.
К ближним судам отступили; суда, извлеченные прежде,
Их оградили передние; Гектор и там утеснял их.
Нуждой ахеян сыны отступить от судов и передних,

655 Нуждой заставлены горькой; они перед кущами стали,
Вместе столпясь, рассеяться не мысля; удерживал вместе
Стыд их и страх; непрестанно они ободряли друг друга
Криками; Нестор особенно, страж престарелый ахеян,
Каждого мужа молил, именами родных заклиная:

660 “Будьте мужами, о други, почувствуйте стыд, аргивяне,
 Стыд перед всеми народами! Вспомните сердцу любезных
 Жен, и детей, и стяжанья свои, и родителей милых,
 Вспомните все, у которых родные живы и мертвы!
 Именем их, и отсутственных, я вас молю, аргивяне,
 665 Стойте крепко противу врагов, не бросайтесь в бегство!”
 Так говорил, и возжег он и крепость и мужество в каждом.
 Облак у них пред очами Афина рассеяла мрачный,
 Свыше ниспосланный: свет воссиял им, открылось пространство
 Всё, и от черных судов, и от поля погибельной битвы;
 670 Гектор открылся ужасный, и все илионян дружины,
 Сколько за ним, позади, не сражавшихся праздно стояло
 И впереди, пред судами, неистовым билося боем.

Сердцу Аякса великого более нелюбо стало
 Быть в тесноте, в какой оставались другие ахейцы;
 675 Он по помостам судов устремился, широко шагая,
 Шест корабельный в могучих руках потрясая огромный,
 Крепко в составах сколоченный, двадцать два локтя длиною.
 Словно как муж, ездок на конях необычно искусный,
 Лучших из множества коней избрав четырех и связав их,
 680 Правит и с поля далекого к граду великому гонит
 Битой дорогой; толпою и мужи, и робкие жены
 Смотрят дивуясь, а он беспрестанно и твердо и верно
 Скачет, сядя с коня на коня, на бегу их ужасном, —
 Так Теламонид Аякс с корабля на корабль по помостам
 685 Прядал, широко шагая и крик подымая до неба;
 Криком ужасным герой возбуждал беспрерывно данаев
 Стан и суда боронить. Но в оное время и Гектор
 Мощный уже не в толпе крепкобронных троян оставался.
 Словно как бурный орел на стада ударяет пернатых,
 690 Птиц перелетных, пасущихся мирно по берегу речному,
 Диких гусей, журавлей иль стада лебедей долговыйных, —
 Так Приамид напал на данайский корабль черноносый,
 Бурен кидаясь: его позади устремлял громовеержец
 Мышцей высокой, и с ним воеводою воинство двигал.

695 Снова у быстрых судов запылала свирепая битва.
 Можно б сказать, что еще не усталые, свежие рати
 В бой соступилися; так горячо ратоборцы сражались.
 Духом таким управлялися воинства: мужи ахейцы
 Боле не мнили избыть от беды и решились погибнуть;
 700 Каждый, напротив, троянин, исполненный бодрости, чаял:
 Ныне сождем корабли и побьем героев ахейских.
 Духом таким наполняясь, одни на других напирали.

Гектор могучей рукой за корму корабля ухватился;
 Легкий, прекрасный корабль сей отважного Протесилая
 705 В Трою принес, но в отечество вновь не повез ратоводца:
 Окрест сего корабля и ахейцы смешаь и трояне,
 В свалке ужасной сражались врукопашь; боле не ждали
 Издали стрел поражающих или метательных копий:
 Друг против друга стоящие, равным горящие духом,
 710 Бились секирами тяжкими, взад и вперед с лезвиями,
 Бились мечами и копьями, острыми сверху и снизу.
 Множество пышных ножей, с рукоятками черными, наземь
 Падало окрест, летя то из рук, то с рамен ратоборцев,
 Яростно бившихся; черною кровью земля залилася.
 715 Гектор, корабль захватив, пред кормою стоял неотступен;
 Хвост кормовой он руками держал и кричал к ополченьям:
 “Светочей, светочей дайте! и с криком сомкнувшись гряньте!
 День, награждающий всё, даровал нам Зевес! присудил нам
 Взять корабли, что, под Трою приплыв против воли
 бессмертных,
 720 Столько нам бед сотворили по робости старцев советных:
 Старцы, когда я хотел воевать корабли сопостатов,
 В граде держали меня и троянский народ отвлекали.
 Но если в оные дни омрачал громовержец Кронион
 Наш рассудок, то ныне он сам и зовет и ведет нас!”

725 Рек, — и они на данаев ударили с большим свирепством.
 Сын Теламонов не выстоял: стрелы его засыпали;
 Тихо герой отступал, устрашась неизбежной тут смерти;

Вспять до скамьи семистопной сошел с кормового помоста.
 Там он стоял, озираясь, и длинным копьём беспрерывно
 730 Всех опрокидывал, кто наносил пожирающий пламень,
 И беспрерывно ужасно кричал, убеждая данаев:
 “Други, данаи герои, бесстрашные слуги Арея!
 Будьте мужами, о други, вспомните бранную доблесть!
 Может быть, мыслите вы, что поборники есть позади нам?
 735 Или стена боевая, которая нас оборонит?
 Нет никакого вблизи укрепленного башнями града,
 Где защитились бы мы, замененные свежеею силой.
 Мы на троянских полях, перед войском троян твердобронных,
 К морю прибиты стоим, далеко от отчизны любезной!
 740 Наше спасение в наших руках, а не в слабости духа!”

Рек — и свирепый кругом напал с длиннотенною пикой.
 Каждого, кто из троян к корабельным кормам ни бросался
 С пламенем бурным в руках, возбуждаемый Гектора криком,
 745 Каждого он прободал, принимая огромною пикой:
 Так их двенадцать из собственных рук заколол пред судами.

Песнь шестнадцатая

ПАТРОКЛИЯ

Так непреклонно они за корабль крепкоснастный сражались.
 Тою порою Патрокл предстал Ахиллесу герою,
 Слезы горячие льющий, как горный поток черноводный
 Мрачные воды свои проливает с утеса крутого.
 5 Смотря на друга, исполнился жалости пастырь народа
 И к нему возгласил, устремляя крылатые речи:
 “Что ты расплакался, друг Менетид? как дева-младенец,
 Если, за матерью бегая, на руки просится с плачем,
 Ловит одежду ее, уходящую за полу держит,
 10 Плачет и в очи глядит, чтобы на руки подняла мать, —
 Ты, как она, Менетид, проливаешь обильные слезы.
 Может быть, что мирмидонцам иль мне объявить ты имеешь?

Может быть, весть о домашних из Фтии один ты прослышал?
 Здравствует, скажут, Акторов сын, отец твой Менетий;
 15 Здравствует также и мой, Пелей Эакид в мирмидонах.
 О, плачевна была б нам того иль другого кончина! —
 Может быть, ты об ахейнах тужишь, что так злополучно
 Подле своих кораблей за неправду свою погибают?
 Молви, в душе не скрывай ничего, чтобы оба мы знали”.

20 Тяжко вздохнувши, отвечивал ты, Менетид конеборец:
 “О Пелейон, браноносец храбрейший ахейский, прости мне
 Слезы мои! Величайшее горе постигло ахейя!
 Все между ими, которые в рати храбрейшими слыли,
 В стане лежат, иль в стрельбе, или в битве пронзенные медью.
 25 Ранен стрелою Тидид Диомед, воеватель могучий;
 Врукопашь ранен копьем герой Одиссей, Агамемнон,
 Ранен пернатой в бедро и блистательный сын Эвемонов.
 Наши врачи, богатейшие злаками, вокруг их трудятся,
 Раны врачуя. Но ты, Ахиллес, один непреклонен!
 30 О, да не знаю я гнева такого, как ты сохраняешь,
 Храбрый на бедствие! Кто же в тебе обретет заступленье,
 Если не хочешь ахейян спасти от напасти позорной?
 Немилосердый! Родитель твой был не Пелей благодушный,
 Мать не Фетида; но синее море, угрюмые скалы
 35 Миру тебя породили, сурового сердцем, как сами!
 Если тебя устрашает какой-либо грозный оракул,
 Если тебе от Кронида поведала что-либо мать,
 В бой отпусти ты меня и вверь мне своих мирмидонян:
 Может быть, с помощью их для данаев светом я буду.
 40 Дай рамена облачить мне твоим оружием славным:
 Может быть, в брани меня за тебя принимая, трояне
 Бой прекратят; а данайские воины в поле отдохнут,
 Боем уже изнуренные; отдых в сражениях краток.
 Мы, ополчение свежее, рать, истомленную боем,
 45 К граду легко отразим от судов и от сеней ахейских”.

Так он просил, неразумный! Увы, не предвидел, что будет
 Сам для себя он выпрашивать страшную смерть и гибель!

Мрачно вздохнув, провещает к нему Ахиллес быstroногий:
 “Сын благородный Менетия, что мне, Патрокл, говоришь ты?
 50 Мало меня беспокоит оракул, который я слышал;
 Мне ничего не внушала почтенная мать от Зевса.
 Но жестокий мне гнев наполняет и сердце и душу,
 Если я вижу, что равного равный хочет ограбить,
 Хочет награды лишить, потому лишь, что властью он выше!
 55 Гнев мой жесток: после бедствий, какие в боях претерпел я,
 Деву, которую мне в награждение избрали ахейцы,
 Ту, что копьем приобрел я, разрушивши град крепкостенный,
 Деву ту снова из рук у меня самовластно исторгнул
 Царь Агамемнон, как будто бы был я скиталец бесчестный!
 60 Но, что случилось, оставим! И было бы мне неприлично
 Гнев бесконечный в сердце питать; но давно объявил я:
 Гнев мой не прежде смягчу, как уже перед собственным станом,
 Здесь, пред судами моими раздастся тревога и битва.
 Ты, соглашаюсь, моим облекися оружием славным,
 65 Будь воеводой моих мирмидонян, плавающих боем:
 Вижу, кругом уже черная туча троян обложила
 Стан корабельный, ужасная; вижу, прибитые к морю
 Держатся только на берегу, на узком, последнем пространстве
 Рати ахейн; на них же обрушилась целая Троя,
 70 Дерзкая: в поле не видят чела Ахиллесова шлема,
 В очи светящего! Скоро б они полевые овраги
 В бегстве наполнили трупамн, если б ко мне Агамемнон
 Был справедлив; но теперь, дерзновенные, стан осаждают!
 Ибо уже не свирепствует в мощной руке Диомеда
 75 Бурная пика его, чтобы смерть отражать от данаев;
 Боле не слышится голос из уст ненавистных Атрида
 В ратях данайских; но голос лишь Гектора людоубийцы
 Звучный гремит между воинств троянских, и криком трояне
 Всю наполняют долину, в бою побеждая данаев!
 80 Так да не будет, Патрокл! Отрази от судов истребленье;
 Храбро ударь, да огнем не сожгут у нас сопостаты
 Наших судов и желанного нас не лишат возвращенья.
 Но повинуйся, тебе я завет полагаю на сердце,

85 Чтобы меня ты и славой и честью великой возвысил
 В сонме данаев. И так, чтоб данаи прекрасную деву
 Отдали сами и множество пышных даров предложили,
 Брань от судов отрази и назад, Менетид, возвратися!
 Даже когда бы и славы добыть даровал громовержец,
 Ты без меня, Менетид, не держай поражать совершенно
 90 Храбрых троян, да и более чести моей не унизишь.
 Радуюсь мужеством духа и славой победного боя,
 Трон сынов истребляй, но полков не веди к Илиону,
 Чтоб от Олимпа противу тебя кто-нибудь из бессмертных
 В брань за троян не предстал; Аполлон беспредельно их любит.
 95 Вспять возвратися ко мне, кораблям даровавши спасенье;
 Рати ж ахеян оставь на полях боевых истребляться.
 Если б, о вечный Зевес, Аполлон и Афина Паллада,
 Если б и Трои сыны, и ахеяне, сколько ни есть их,
 Все истребили друг друга, а мы лишь, избывшие смерти,
 100 Мы бы одни разметали троянские гордые башни!"

Так меж собой говорили они. Между тем нападения
 Боле Аякс не выдержал: стрелы его удручали.
 Зевсова мощь побеждала героя и храбрость дарданцев,
 Быстро разивших; ужасный, кругом головы его светлый
 105 Шлем, поражаемый, звон издавал; поражали всечасно
 В шлемные выпуки медные; шуйца Аякса замлела,
 Крепко дотоле державшая щит переметный; но с места
 Мощного сбить не могли, принуждавшие тучею копий.
 Часто и сильно дышал Теламонион; пот непрерывный
 110 Лился ручьями по всем его членам; не мог ни на миг он
 Вольно вздохнуть: отовсюду беда за бедой восставала.

Ныне поведайте, Музы, живущие в сенях Олимпа,
 Как на суда аргивян упал истребительный пламень.
 Гектор, нагрывшись, изблизил ясенный дрот у Аякса
 115 Тяжким ударил мечом, и у медяной трубки копейной
 Ратовье махом рассек; бесполезно Аякс Теламонид
 Взнес, потрясая, обрубленный дрот: далеко от Аякса
 Острая медь отлетела и о землю звукнула, павши.

- Сын Теламонов познал по невольному трепету сердца
 120 Дело богов, и, познав, что его все замыслы в брани
 Зевс громоносный ничтожит, даруя троянам победу,
 Он отступил; и троянцы немедленно бросили шумный
 Огонь на корабль: с быстротой разлился свирепое пламя.
 Так запылала корма корабля. Ахиллес то увидел,
 125 В гневе по бедрам ударил себя и вскричал к Менетиду:
 “О, поспеши, Патрокл, поспеши, конеборец мой храбрый!
 Зрю я, уже на судах истребительный пламень бушует!
 Если возьмут корабли, не останется нам и ухода.
 Друг, воружайся быстрее, а я соберу ополченья!”
- 130 Так произнес, — и Патрокл воружался блистающей медью.
 И сперва положил он на быстрые ноги поножи
 Пышные, кои серебряной плотно смыкались наглезной;
 После поспешно броню надевал на широкие перси,
 Звездчатый, вокруг испещренный доспех Эакида героя;
 135 Сверху набросил на рамо ремень и меч среброгвоздный,
 С медяным клинком; и щит перекинул огромный и крепкий;
 Шлем на голову удалую сияющий пышно надвинул,
 С конскою гривой; гребень ужасный над ним развевался.
 Взял два крепкие дрота, какие споручнее были.
- 140 Не взял копья одного Ахиллеса героя: тяжел был
 Крепкий, огромный сей ясень; его никто из ахеев
 Двигать не мог, и один Ахиллес легко потрясал им,
 Ясенем сим пелионским, который отцу его Хирон
 Ссек с высоты Пелиона, на гибель враждебным героям.
- 145 Коней же быстро впрягать Автомедону дал повеленье,
 Чтимому им наиболее после Пелида героя,
 Верному более всех, чтоб выдерживать бранные грозы.
 Сей Автомедон подвел под ярмо Ахиллесовых коней,
 Ксанфа и Балия, быстрых, летающих с ветрами вместе.
- 150 Гарпия оных Подарга родила от Зефира ветра,
 Им посещенная в пастве, при бурных струях Океана.
 В припряжь завел он коня, знаменитого бегом Педаса,
 Коего добыл Пелид, разгромивши град Этиона:
 Смертный, с конями бессмертными он быстротою равнялся.

155 Тою порой Ахиллес, обходя мирмидонов по кущам,
 Всех вооружал их оружием к бою. Подобно как волки,
 Хищные звери, у коих в сердцах беспредельная дерзость,
 Кои елениа рогатого, в дебри нагорной повергнув,
 Зверски терзают; у всех обагрованы кровию пасти;
 160 После, стаею целой, к источнику черному рыщут;
 Там языками их гибкими мутную воду потока
 Локчут, рыгая кровь поглощенную; в персях их бьется
 Неукротимое сердце, и всех их раздуты утробы, —
 В брань таковы мирмидонян вожди и строители ратей
 165 Реяли окрест Патрокла, слуги Эакида героя,
 Боем пылая; в среде их стоял Ахиллес бранюлюбец,
 Криком кругом возбуждая коней и мужей щитоносцев.

В брань пятьдесят кораблей Эакид Ахиллес быстроногий,
 Зевсов любимец, привел к Илиону; на каждом из оных
 170 Ратных мужей пятьдесят человек при уключинах было.
 Пять воевод он над ними поставил, которым и вверил
 В войсках начальство, но сам он господствовал с властью
 державной.
 Первым строем начальствовал пестродоспешный Менесфий,
 Сперхия сын, реки пресловутой, от Зевса ниспадной:
 175 Тайно его Полидора, прекрасная дочь Пелея,
 С Сперхием бурным родила, жена, сочетававшаяся с богом;
 Но, по молве, с Периеридом Бором, который и браком
 С нею сопрягся торжественно, выдав несметное вено.
 Строй второй предводил ратоводец воинственный Эвдор,
 180 Девой рожденный; его Полимела, прелестная в плясках
 Филаса дочь, родила: пленился веселою девой
 Гермес бессмертный, увидевший в хоре ее сладкогласном
 Пляшущей в праздник Фебеи, богини ловитв златострелой;
 В терем с нею взшел и таинственно с девой сопрягся
 185 Гермес незлобный; и дева родила отличного сына,
 Эвдора, быстрого в беге и воина храброго в битвах.
 Вскоре, едва Илифия, помощная мукам родящих,
 Сына на свет извела, и узрел он сияние солнца,

Актора мощного сын, Эхеклес благородный, супругой
 190 В дом свой поял Полимелу, несметное выдавши вено;
 Эвдора ж Филас в чертогах своих, благодетельный старец,
 Сам воспитал и взрастил, полюбивши сердечно, как сына.
 Третьему строю предшествовал храбрый Пизандр воевода,
 Мемалов сын; ни один мирмидонец, как он, не искусен
 195 Биться на копьях, кроме Ахиллесова друга Патрокла.
 Строем четвертым начальствовал конник испытанный Феникс;
 Пятым — герой Алкимедон, Лаеркеев сын непорочный.
 Всех их, вместе с вождями, Пелид быstroногий поставя
 И красиво построя, вещал им владычнее слово:
 200 “Каждый из вас, мирмидонцы, теперь да вспомнит угрозы,
 Коими в стане, во дни моего справедливого гнева,
 Вы угрожали врагам; и меня вы тогда оскорбляли:
 — Лютый Пелид, — говорили, — от матери желчью ты вскормлен!
 Бесчеловечный, друзей пред судами насильственно держишь!
 205 Лучше назад с кораблями своими в дома возвратимся,
 Ежели злоба тебе, злополучная, в сердце запала! —
 Так вы мне часто, сходясь, говорили. Теперь вам предстало
 Дело великое брани, которой вы столько жадали!
 Каждый теперь, в ком отважное сердце, сражайся с врагами!”

210 Рек — и разжег еще более душу и мужество в каждом;
 Крепче ряды их стустилися, выслушав царские речи.
 Словно как стену строитель из плотно слагаемых камней
 В строямом доме смыкает, в отпору насильственных ветров, —
 Так шишаки и щиты меднобляшные сомкнуты были;
 215 Щит со щитом, шишак с шишаком, человек с человеком
 Плотно сходился; касалися светлыми бляхами шлемы,
 Зыблясь на воинах, — так мирмидоняне густо сомкнулись.
 Всех впереди, под оружием, два браноносца стояли,
 Храбрый Патрокл и герой Автомедон, горящие оба
 220 В битву лететь впереди мирмидонян. Пелид же могучий
 Входит под кущу и там отпирает ковчег велеленный,
 Дар драгоценный, который герою в корабль мореходный
 Матьер Фетида на путь положила, наполнив хитонов.
 Мягких, косматых ковров и хлен, отражающих ветер.

225 Был в нем и кубок прекрасный: никто из мужей у Пелида
 Черного не пил вина из него; никому из богов им
 Он не творил возлияний, кроме молненосного Зевса.
 Вынув сей кубок заветный, Пелид быстроногий сначала
 Серой очистил, потом омывал светлоструйной водою;
 230 Руки омыл и себе и, вином наполнивши кубок,
 Стал посредине двора и молился, вино возливая,
 На небо смотря; и не был не видим метателю грома:
 “Зевс Пеластийский, Додонский, далеко живущий владыка
 Хладной Додоны, где селлы, пророки твои, обитают,
 235 Кои не моют ног и спят на земле обнаженной!
 Прежде уже ты, о Зевс, на мою преклонился молитву;
 Много почтивши меня, покарал ты ужасно данаев.
 Ныне еще, громодержец, сие мне исполни желанье!
 Я остаюся до времени в стане моем корабельном;
 240 Друга ж, любезного сердцу, и многих моих мирмидонян
 В бой посылаю: победу ему ниспошли, о PROVIDENCE!
 Храброе сердце его укрепи, да узнает и Гектор,
 Может ли с ним, и один, подвизаться служитель наш храбрый
 Или его необорные руки свирепствуют в брани
 245 Только тогда, как и я выхожу на кровавые споры.
 После, когда от судов отразит он пожар и убийство,
 Дай, да из битв невредимый ко мне на суда возвратится,
 С целым оружием нашим и храбрыми всеми друзьями!”

Так говорил он, молясь; и внимал промыслитель Кронион.
 250 Дал Пелейону одно, а другое владыка отринул:
 Другу его от судов отразить и пожар и убийство
 Дал; но мольбу, да из битв невредим возвратится, отринул.
 Он же, когда возлиял и моление Зевсу окончил,
 В куцу вошел и, в ковчег положивши кубок заветный,
 255 Вышел и стал перед куцею, движимый сердца желаньем
 Видеть еще и троян и ахеян жестокою битву.

Тою порою, с Патроком героем, готовые к битве,
 Воины шли, чтоб на рать троянскую гордо ударить.
 Быстро они высыпались вперед, как свирепые осы,

- 260 Подле дороги живущие, коих сердить приобыкли
 Дети, вседневно тревожа в жилищах их придорожных;
 Юность безумная общее зло навлекает на многих;
 Ежели их человек, путешественник, мимо идущий,
 Тронет нечаянно, быстро крылатые с сердцем бесстрашным
- 265 Все высыпаются вдруг на защиту детей и домов их, —
 С сердцем и духом таким от своих кораблей мирмидонцы
 Реяли в ноле; воинственный крик их кругом раздавался.
 Вождь, их еще ободряя, Патрокл вопиял громозвучно:
 “Ныне, бойцы, мирмидонцы, друзья Ахиллеса героя,
- 270 Будьте мужами, любезные, вспомним кипящую храбрость!
 Ныне прославим Пелида, который по доблести бранной
 Первый в ахейских мужах, и храбрейшие вы его слуги!
 Пусть и властитель могучий, Атрид Агамемнон, познает,
 Сколь он преступен, ахейца храбрейшего так обесчестив!”
- 275 Так говоря, возбудил он и более мужество ратных.
 Ринулись разом противу троян, и весь стан корабельный
 С громом ужасным отгрянул воинственный клик мирмидонян.
 Трои сыны лишь узрели Менетия сильного сына,
 Вместе с клеветом его, под сияющим пышно доспехом,
- 280 Дрогнуло сердце у всех; всколебались густые фаланги,
 Мысля, что праздный дотоле герой Ахиллес быстроногий
 Гнев от сердца отринул и вновь преклонился на дружбу;
 Каждый стал озираться на бегство от гибели грозной.
- Сын же Менетиев первый ударил с сверкающей пикой
- 285 Прямо в средину враждебных, где гуще ряды их толпились,
 Ратуя вкруг корабля благодушного Протесилая;
 Там поразил он Пирехма, который отважных пеонов
 Вывел из стран Амидона, где катится Акси́й широкий:
 В рамо его поразил; и Пирехм, опрокинувшись, оземь
- 290 Грянулся, жалостно стонущий; окрест его побежали
 Други пеоняне: ужасом всех поразил Менетид их,
 Свергнувши войск предводителя, мужа храбрейшего в битвах.
 Сих он прогнав от судов, угасил распыхавшийся пламень.
 Брошен врагами корабль полсожженный; ударились в бегство

295 С страшным смятением трояне; данаи ж рассыпались быстро
 Между передних судов, — и кругом закипела тревога.
 Словно когда от вершины горы огромно-высокой
 Облак густой отодвинет перунов носитель Кронион,
 Всё кругом открывается: холмы, высокие скалы,
 300 Долы, небесный эфир разверзается весь беспредельный, —
 Так, отразив от судов пожирающий огонь, отдышали
 Рати ахейн; но бранная буря еще не стихала:
 Ибо трояне еще, перед храброю ратью ахейн
 Вспять обратись, не бежали от черных судов мореходных,
 305 Бодро стояли еще, от судов отступивши по нужде.

Тут человек поражал человека в рассыпанной битве;
 Каждый поверг воеводу; и первый Патрокл предводитель
 Вдруг обратившегося в бег Ареилика пикою острой
 Сзади в бедро поразил и насквозь смертоносную выгнал;
 310 Кость раздробило копье, и лицом Ареилик на землю
 Пал. Менелай между тем, ратоводца Фоаса ударив
 В грудь обнаженную, мимо щита, сокрушил ему члены.
 Мегес Амфикла, как тот на него устремлялся, приметя,
 Вдруг упредил, поразил в бедро, где нога человека
 315 Мышцей тучнейшей одета: копейное бурное жало
 Жилы рассекло, и тьма пораженному очи покрыла.
 Нестора старца сыны: Антилох улучил Атимния
 Пикою острой; во внутренность медное жало погрузло;
 Пал он у стоп победителя. Марис, копьем потрясая,
 320 Прянул на внука Нелеева, вспыхнувший гневом за брата;
 Стал перед телом; но быстро его Фразимед упреждает:
 Прежде чем он поразил, Фразимед устремляет и верно
 Ранит в плечо: острие копья у него оторвало
 Руку от мышц и самую кость совершенно разбило;
 325 С громом он грянулся в прах, и взор его мраком покрылся.
 Так злополучные братья, от братьев сраженные, оба
 В мрачный Эреб низошли, Сарпедоновы храбрые други,
 Дети стрельца Амизодара, мужа, который Химеру
 Выкормил неукротимую, многим на пагубу смертным.

330 Сын Оилеев Аякс, налетев, Клеобула живого,
Толпищем сбитого с ног, захватил и на месте троянцу
Жизнь сокрушил, погрузя в него меч с рукояткой огромной;
В жаркой крови разогрелся весь меч, и упавшему там же
Очи смежили багровая Смерть и могучая Участь.

335 Тут Пенелей и Ликон на сраженье сбежались: копья
Им обоим изменили, напрасно послали их оба;
Снова герои сошлись на мечях; и Ликон упреждает,
В шлем коневласый у бляхи разит, и при черепе медный
Меч, сокрушась, разлетелся; ахеец ударил под ухом,
340 В व्यо весь меч погрузил и, оставшись на коже единой,
Набок повисла глава, и разрушилась крепость Ликона.

Вождь Мерион, Акамаса преследуя, быстрый настигнул
И, в колесницу входящего, в рамо десное ударил;
Он с колесницы слетел, и в очах его тьма разлилася.

345 Идоменей Эримаса жестокою медью уметил
Прямо в уста, и в противную сторону близко под мозгом
Вырвалась бурная медь: просадила в потылице череп,
Вышибла зубы ему; и у падшего, выпучась страшно,
Кровью глаза налились; из ноздрей и из уст растворенных
350 Кровь изрыгал он, пока не покрылся облаком смерти.
Так воеводы ахейские гордых врагов низлагали.
Словно свирепые волки на коз нападают иль агнцев,
Их вырывая из стад, которым неопытный пастырь
Дал по горам рассеяться; волки, едва их завидят,
355 Быстро напав, раздирают бессильных и трепетных тварей, —
Так на троян нападали ахейцы; но те лишь о бегстве
Думали шумном, а доблесть кипящую вовсе забыли.

Но Теламонид великий пылал непрестанно уметить
Гектора меднооружного; тот же, испытанный в битвах,
360 Турьим огромным щитом закрывая широкие плечи,
Вкруг наблюдал и свистание стрел, и жужжание копий;

И хотя уже видел, что им изменяет победа,
Но еще оставался, к защите сподвижников верных.

365 Словно когда от Олимпа подымется на небо туча
Воздухом ясным, как бурную грозу Кронион готовит, —
Так от судов поднялось и смятенье, и шумное бегство:
Вспять, не в устройстве, чрез ров отступали. Но Гектора быстро
Вынесли кони с оружием; бросил троян он, которых
370 Сзади насильно задерживал ров пред судами глубокий.
Многие в пагубном рве колесничные быстрые кони,
Дышла сломивши, оставили в нем колесницы владык их.
Но Патрокл настигал, горячо возбуждая данаев,
Горе врагам замышляя; трояне и воплем и бегством
Все наполняли пути; от рассеянных войск их — до облак
375 Прах крутился столпом; расстилалися по полю кони,
К Трое обратно бежа от судов и от кущей ахейских.
Он же, герой, где смятения более видел бегущих,
С криком туда налетал; упали стремглав под колеса
Мужи с своих колесниц, и, валясь, колесницы гремели.
Прямо меж тем через ров перепрыгнули бурные кони,
380 Кони бессмертные, дар знаменитый бессмертных Пелею,
Пламенно мчась вперед; повелитель их Гектора ищет,
Свергнуть его он пылает; но Гектора кони умчали.

385 Словно земля, отягченная бурями, черная стонет
В мрачную осень, как быстрые воды с небес проливает
Зевс раздраженный, когда на преступных людей негодует,
Кои на сонмах насильственно суд совершают неправый,
Правду гонят и божией кары отнюдь не страшатся:
390 Все на земле сих людей наводняются быстрые реки,
Многие нависи скал отторгают разливные воды,
Даже до моря пурпурного с шумом ужасным несутся,
Прядая с гор, и кругом разоряют дела человека, —
С шумом и стоном подобным бежали троянские кони.
Сын же Менетиев быстрый, отрезав фаланги передних,
395 Снова обратно погнал и к судам их данайским притиснул;
Не дал пылающим в город войти; но в полях заключенных

Между судами, рекой и стеною ахейской высокой,
 Быстро гонял, убивал и взыскал возмездие с многих.
 Первого тут Пронооя копьем в обнаженные перси,
 400 Мимо щита, поразил и кипящую силу разрушил;
 С громом он пал; победитель на Фестора, Энопа сына,
 Там же напал; в колеснице блистательной Фестор несчастный
 Сжавшись сидел: оковал его ужас, из трепетных дланей
 Вырвались вожжи; ему, налетевший, он медную пику
 405 В правую челюсть вонзил и пробил Энопиду сквозь зубы;
 Пикой его через край колесничный повлек он, как рыбарь,
 Сидя на камне, нависнувшем в море, великую рыбу
 Быстро из волн извлекает и нитью и медью блестящей, —
 Так Энопида зиявшего влек он сверкающей пикой;
 410 Сбросил на землю лицом, и от падшего жизнь отлетела.
 Вслед Эриала, противу летящего, камнем с размаху
 Грянул в средину главы, и она пополам раскололась
 В крепком шеломе; об землю челом Эриал пораженный
 Пал, и мгновенно над ним душегубная смерть распростерлась.
 415 Тут же могучий Амфотера он, Эримаса, Эпальта,
 Пира, Эхия, Дамастора сына, вождя Тлиполема,
 Воя Эвиппа, Ифея и Аргея ветвь, Полимела,
 Всех, одного за другим, положил на всеплодную землю.

Царь Сарпедон лишь увидел своих беспояснодоспешных
 420 Многих друзей, Менетида Патрокла рукою погранных,
 Громко воззвал, укоряя возвышенных духом ликийян:
 “Стыд, о ликийцы! бежите? теперь вы отважными будьте!
 С сим браноносцем хочу я сойтися, хочу я увидеть,
 Кто сей могучий? Уже он беды нам многие сделал.
 425 Многим и храбрым троянам сломил уже крепкие ноги!”
 Рек — и с своей колесницы с оружием прынул на землю.
 Против него и Патрокл, лишь узрел, полетел с колесницы.
 Словно два коршуна, с клевом покляпым, с кривыми когтями,
 В бой, на утесе высоком, слетаются с криком ужасным, —
 430 С криком подобным они устремились друг против друга.

Видящий их, возболезновал сын хитроумного Крона
 И провещал, обращая к Гере, сестре и супруге:

“Горе! Я зрю, Сарпедону, дражайшему мне между смертных,
 Днесь суждено под рукою Патрокловой пасть побежденным!
 435 Сердце мое между двух помышлений волнуется в персях:
 Я не решился еще, живого ль из брани плачевной
 Сына восхитив, поставлю в земле плодоносной ликийской
 Или уже под рукою Патрокла смирю Сарпедона”.

Быстро вещала в ответ волоокая Гера богиня:
 440 “Мрачный Кронион! какие слова ты, могучий, вещаешь?
 Смертного мужа, издревле уже обреченного року,
 Ты свободить совершенно от смерти печальной желаешь?
 Волю твори, но не все олимпийцы ее мы одобрим!
 Слово иное реку я, и в сердце его сохрани ты.
 445 Ежели сам невредимого в дом ты пошлешь Сарпедона,
 Помни, быть может, бессмертный, как ты, и другой возжелает
 Сына любезного в дом удалить от погибельной брани.
 Многие ратуют здесь, пред великим Приамовым градом,
 Чада бессмертных, которых ты ропот жестокий возбудишь.
 450 Сколько ты сына ни любишь и в сердце его ни жалеешь,
 Ныне ему попусти на побоище брани великой
 Пасть под руками героя, вождя мирмидонян Патрокла.
 После, когда Сарпедона оставит душа, повели ты
 Смерти и кроткому Сну бездыханное тело героя
 455 С чуждой земли перенести в плодоносную Ликии землю.
 Там и братья и други его погребут и воздвигнут
 В память могилу и столп, с подобающей честью умершим”.

Так говорила, и внял ей отец и бессмертных и смертных:
 Росу кровавую с неба послал на троянскую землю,
 460 Чествуя сына героя, которого в Трое холмистой
 Должен Патрокл умертвить, далеко от отчизны любезной.

Оба героя сошлись, наступая один на другого.
 Первый ударил Патрокл и копьём поразил Фразимела,
 Мужа, который отважнейший был Сарпедонов служитель:
 465 В нижнее чрево его поразил он и крепость разрушил.
 Царь Сарпедон нападает второй; но сверкающий дротик

Мимо летит и коня у Патрокла пронзает Педаса
 В правое рамо; конь захрипел, испуская дыханье,
 Грянулся с ревом во прах, и могучая жизнь отлетела:
 470 Два остальных расскочились; ярем затрещал, и бразды их
 Спутались вместе, когда пристяжной повалился на землю.
 Горю сему Автомедон пособие быстро находит:
 Меч свой при тучном бедре из ножен долголезвенный вырвав,
 Бросился он и отсек припряжного, нимало не медля;
 475 Кони другие спрямились и стали под ровные вожжи.

Снова герои вступили в решительный спор смертоносный,
 И опять Сарпедон промахнулся блистательной пикой;
 Низко, над левым плечом острие пронеслось у Патрокла,
 Но не коснулось его; и ударил оружием медным
 480 Сильный Патрокл, и не праздно копьё из руки излетело:
 В грудь угодил, где лежит оболочка вокруг твердого сердца.
 Пал воевода ликийский, как падает дуб, или тополь,
 Или огромная сосна, которую с гор древосеки
 Острыми вокруг топорами ссекут, корабельное древо, —
 485 Так Сарпедон пред своей колесницей лежал распростертый,
 С скрипом зубов раздирая перстами кровавую землю.
 Словно поверженный львом, на стадо незапно нашедшим,
 Пламенный бык, меж волов тяжконогих величеством гордый,
 Гибнет, свирепо ревя, под зубами могучего зверя, —
 490 Так Менетидом воинственным, царь щитоносных ликиян,
 Попранный, гордо стenal и вопил к знаменитому другу:
 “Главк любезный, могучий из воинов! Ныне ты должен
 Быть копьёборцем отважным и воином неустрашимым,
 Должен пылать лишь свирепою бранию, ежели храбр ты!
 495 Друг! поспеши и мужей предводителей смелых ликиян
 Всех обойдя, возбуди за царя Сарпедона сражаться;
 Стань за меня ты и сам и с ахейцами медью сражайся!
 Или тебе, Гипполохиду, я поношеньем и срамом
 Буду всегда и пред поздним потомством, когда аргивяне
 500 Латы похитят с меня, пораженного пред кораблями!
 Действуй сильно и все возбуди ополчения наши!”

Так произнесшему, смерти рука Сарпедону сомкнула
 Очи и ноздри; Патрокл, наступивши пятою на перси,
 Вырвал копьё, — и за ним повлеклась оболочка от сердца:
 505 Вместе и жизнь и копьё из него победитель исторгнул.
 Там же ахейцы и коней его изловили храпящих,
 Прянувших в бег, как осталась праздною царей колесница.

Главка, при голосе друга, объяла жестокая горесть;
 Сердце терзалось его, что помочь он нисколько не может;
 510 Стиснул рукою он левую мышцу: ее удручала
 Свежая рана, какую нанес воеводе стрелою
 Тевкр со стены корабельной, беду от друзей отражая.
 В скорби взмолился герой, обращаясь к царю Аполлону:
 “Царь сребролукий, услышь! в плодоносном ли царстве
 ликийском
 515 Или в Троеде присутствуешь, можешь везде ты услышать
 Скорбного мужа, который, как я, удручается скорбью!
 Стражду я раной жестокой; рука у меня повсеместно
 Болью ужасной пронзается; кровь из нее непрерывно
 Хлещет, не могли унять; рука до плеча цепенеет!
 520 Твердо в бою не могу я ни дрота держать, ни сражаться,
 Противоставши враждебным; а воин храбрейший погибнул,
 Зевсов сын, Сарпедон! не помог громовержец и сыну!
 Ты ж помоги мне, о царь! уврачуй жестокую рану;
 Боль утоли и могущество даруй, да силою слова
 525 Храбрых ликийских мужей возбужу я на крепкую битву
 И за друга сраженного сам достойно сражуся!”

Так он молился; услышал его Аполлон дальновержец;
 Быстро жестокую боль утолил, из мучительной раны
 Черную кровь удержал и мужеством душу наполнил.
 530 Сердцем почувствовал Главк и восхитился духом, что скоро
 К гласу его моления бог преклонился великий.
 Бросился вдаль, и вначале мужей ратоводцев ликийских
 Всех обходя, возбуждал за царя Сарпедона сражаться;
 После к дружинам троян устремился, широко шагая.

535 Там воеводе Агенору, Полидамасу являлся;
 К сыну Анхиза и к меднодоспешному сыну Приама,
 К Гектору он представал, устремляя крылатые речи:
 “Гектор, оставил ты вовсе троянских союзников славных!
 Храбрые ради тебя, далеко от друзей, от отчизны,
 540 Души в бою полагают; а ты защищать их не хочешь!
 Пал Сарпедон, щитоносных ликийских мужей предводитель,
 Строивший землю ликийскую правдой и доблестью духа.
 Медный Арей Сарпедона смирил копием Менетида.
 Станьте, о храбрые друзья! наполнимся пламенной мести
 545 И не позволим оружий совлечь и над мертвым ругаться
 Сим мирмидонцам, на нас разъяренным за гибель данаев,
 Коих у черных судов истребили мы копьями многих!”

Рек, — и троян до единого тяжкая грусть поразила,
 550 Грусть безотрадная: Трои оплотом, хотя иноземец,
 Был Сарпедон; многочисленных он на помощь троянам
 Воинов вывел, и сам между них отличался геройством.
 Яростно Трои сыны на данаев ударили; вел их
 Гектор, за смерть Сарпедонову гневный; но дух у данаев
 555 Воспламеняло Патроклово мужества полное сердце;
 Первых бодрил он Аяксов, плывавших и собственным духом:
 “Вам, о Аяксы, встретить врагов сих да будет приятно!
 Будьте героями прежними, или храбрее и прежних!
 Пал браноносец, из первых взлетевший на стену данаев,
 Пал Сарпедон! О, когда б нам увлечь и над ним поругаться,
 560 С персей доспехи сорвать и какого-нибудь из клеветов,
 Тело его защищающих, свергнуть убийственной медью”.

Так возбуждал, но Аяксы и сами сразиться пылали;
 И когда лишь фаланги с обеих сторон укрепили,
 Трои сыны и ликийцы, ахеяне и мирмидонцы,
 565 Все, сосупившись, около мертвого с яростным воплем
 Подняли бой, и кругом зазвучали оружия ратных.
 Зевс ужасную ночь распростер над долиной убийства,
 Брань за любезного сына сугубо ужасна да будет.

570 Первые Трои сыны быстрооких данаев отбили;
Пал пораженный от них не ничтожный в мужах мирмидонских,
Сын Агаклея почтенного, вождь Эппгей благородный.
Некогда властвовал он в многолюдном Будеоне граде;
Но, знаменитого сродника жизни лишивши убийством,
Странник, прибегнул к покрову Пелея царя и Фетиды;
575 Ими он вместе с Пелидом, фаланг разрывателем, послан
В Троию, конями богатую, ратовать царство Приама.
Он было тело схватил, но его шлемоблещущий Гектор
Грянул в голову камнем; она пополам раскололась
В крепком шеломе; лицом Эпигей на бездушное тело
580 Пал, и мгновенно над ним душегубная смерть распростерлась.
Гнев Менетида объял за убийство храброго друга;
Он сквозь ряды передние бросился прямо, как ястреб
Быстрый, который преследует робких скворцов или галок, —
Так на троян и ликиян ты, о Патрокл конеборец,
585 Прямо ударил, пылающий гневом за гибель клеветра!
Там Сфенелая сразил, Ифменова храброго сына,
Камнем ударивши в выю и жилы расторгнувши обе.
Вспять отступили передних ряды и блистательный Гектор
Так далеко, как поверженный дротик большой пролетает,
590 Если его человек, испытующий силу на играх
Или в сражении, бросит на гордых врагов душегубцев, —
Так далеко отступили трояне: отбили данаи.
Главк между тем, воевода ликиян воинственных, первый
Вспять обратясь, убил Вафиклея, высокого духом,
595 Сына Халконова: домом живущий в цветущей Элладе,
Счастьем он и богатством блистал средь мужей мирмидонских;
Дротом его среди персей, не ждавшего, Главк поражает,
Вдруг обратясь, как его самого настигал он, гоняся.
С шумом он пал, — и печаль поразила данаев, узревших
600 Сильного мужа паденье; пергамлян же радость объяла;
Падшего тело они остушили толпой; но данаи
Доблести не забывали, вперед на врагов устремлялись.
Тут Мерион поразил Лаогона, dospешного мужа,
Сына Онетора, мужа, который жрецом в Илионе

605 Зевса Идейского был и как бог почитался народом:
 Свергнул его, поразивши под челюсть и ухо; мгновенно
 Кости оставила жизнь, и ужасная тьма окружила.
 Сильный Эней на убийцу послал медножальную пику,
 Чая уметить его, под щитом выступавшего круглым;
 610 Тот, издалёка увидев, от меди убийственной спасся,
 Быстро вперед наклонясь; за хребтом длиннотенная пика
 В твердую землю вонзилась и верхним концом трепетала
 Долго, пока не смирилась ярость стремительной меди.
 Так Анхизидова медноогромная пика, сотрясшись,
 615 В землю вошла, излетев бесполезно из длани могучей.
 Гордый Эней, негодуя душою, вскричал к Мериону:
 “Скоро б тебя, Мерион, несмотря, что плясатель ты быстрый,
 Скоро б мой дрот укротил совершенно, когда б я уметил!”

Быстро ему возразил Мерион, знаменитый копейщик:
 620 “Трудно тебе, Анхизид, и отлично могучему в битвах,
 Дух укротить воевателя каждого, кто бы ни вышел
 Силу измерить с тобою; и ты, как и прочие, смертен.
 Если б и я угодил тебя в грудь изощренную медью,
 Скоро б и ты, несмотря что могуч и на руки надежен,
 625 Славу мне даровал, а властителю Тартара душу!”

Так говорил; но его порицал Менетид благородный:
 “Что, Мерион, воинственный муж, расточаешь ты речи?
 Верь, от речей оскорбительных гордые воины Трои
 Тела не бросят, покуда кого-либо прах не покроет.
 630 Руки решат кровавые битвы, а речи советы.
 Ныне ахеенам должно не речи плодить, а сражаться!”

Рек — и вперед полетел; и за ним Мерион копьеборец.
 Словно толпа древесеков секирами стук подымает
 В горных лесах, на пространство далекое он раздается, —
 635 Стук между воинств такой по земле раздавался пространной
 Меди гремучей и кож неразрывных щитов волокожных,
 Часто разимых мечами и копьями яростных воев.
 Тут ни усерднейший друг — Сарпедона, подобного богу,

640 Боле не мог бы узнать: и стрелами, и кровью, и прахом
 Весь от главы и до ног совершенно был он заметан.
 Битва при нем беспрестанно кипела. Подобно как мухи,
 Роем под кровлей жужжа, вокруг подойников полных толпятся
 Вешней порой, как млеко изобильно струится в сосуды, —
 Так ратоборцы вокруг тела толпилися. Зевс громодержец
 645 С поля пылающей битвы очей но сводил светозарных;
 Он непрестанно взирал на мужей, и в душе промыслитель
 Много о смерти Патрокловой мыслил, волнуясь сомненьем:
 Или уже и его в настоящем убийственном споре,
 Тут, на костях Сарпедона великого, Гектор могучий
 650 Медью смирит и оружия славные с персей похитит?
 Или еще да продлит он подвиг, погибельный многим?
 В сих волновавшемусь мыслях, угоднее Зевсу явилась
 Дума, да храбрый служитель Пелеева славного сына
 Воинство Трои и меднодоспешного их воеводу,
 655 Гектора, к граду погонит и души у многих исторгнет.
 Гектору первому Зевс послал малодушие в перси;
 Он, в колесницу вскочив, побежал, повелев и троянам
 К граду бежать: уступил он священным весам Олимпийца.
 Тут ни ликийцы в бою не остались храбрые: в бегство
 660 Все обратились, увидев царя их, пронзенного в сердце,
 Грудюю тел окруженного: много их вокруг Сарпедона
 Пало с тех пор, как бой сей ужасный воздвиг Олимпиец.
 Быстро с рамен Сарпедона данаи сорвали доспехи
 Медные, пышноблестящие, кои к судам мирмидонским
 665 Другам нести повелел Патрокл, конеборец могучий.

В оное время воззвал к Аполлону Кронид тучеводец:
 “Ныне гряди, Аполлон, и, восхитив от стрел Сарпедона,
 Тело от черной крови, от бранного праха очисти;
 Вдаль перенесши к потоку, водою омой светлоструйной,
 670 Миром его умасти и одень одеждой бессмертной.
 Так совершив, повели ты послам и безмолвным и быстрым,
 Смерти и Сну близнецам, да поспешно они Сарпедона
 В край отнесут плодоносный, в пространное Ликий царство.

675 Тамо братия, други его погребут и воздвигнут
В память могилу и столп, с подобающей честью усопшим”.

Рек громовержец, — и не был отцу Аполлон непокорен:
Быстро с Идейских вершин низлетел на ратное поле.
Там из-под стрел Сарпедона, подобного богу, похитил;
680 Вдаль перенесши к потоку, водою омыл светлоструйной,
Миром его умастил, одеял одеждой бессмертной,
И нести повелел он послам и безмолвным и быстрым,
Смерти и Сну близнецам, и они Сарпедона мгновенно
В край принесли плодоносный, в пространное Ликий царство.

Тою порою Патрокл, возбуждая возницу и коней,
685 Гнал и троян и ликийян, и к собственной гибели мчался,
Муж неразумный! Когда б соблюдал Ахиллесово слово,
То избежал бы от участи горестной черная смерти.
Но Кронида совет человеческих крепче советов:
Он устрашает и храброго, он и победу от мужа
690 Вспять похищает, которого сам же подвигнет ко брани;
Он и Патрокловы перси неистовым духом наполнил.

Кто же был первый и кто был последний, которых сразил ты,
Храбрый Патрокл, как тебя уже боги на смерть призывали?
Первого свергнул Адраста, за ним Автоноя, Эхекла,
695 Вслед Меланиппа, Эпистора, Мегаса отрасль, Перима,
Элаза, Мулия, врукопашь всех, и героя Пиларта.
Сих он сразил, а другие спасения в бегстве искали.
Взяли б в сей день аргивяне высокую башнями Трою
С сыном Менетия, — так впереди он свирепствовал пикой, —
700 Если бы Феб Аполлон не стоял на возвышенной башне,
Гибель ему замышляя и Трои сынам поборая.
Трижды Менетеев сын взбегал на высокую стену,
Дерзко-отважный, и трижды его отражал стреловержец,
Дланью своею бессмертной в блистательный щит ударяя;
705 Но когда он, как демон, в четвертый раз устремился, —
Голосом грознопретительным Феб стреловержец воскликнул:
“Храбрый Патрокл, отступи! Не тебе предназначено свыше

Град крепкодушных троян копием разорить; ни Пелиду,
Сыну богини, который тебя несравненно сильнейший!”

710 Рек, — и далеко назад Менетид отступил, избегая
Гнева могущего бога, стрелами разящего Феба.

Гектор же в Скейских воротах удерживал пышущих коней:
Думал, сражаться ль ему, устремившись к воинствам снова,
Или своим ратоборцам в стенах повелеть собираться?

715 В сих колебавшемся думам, предстал Аполлон Приамиду,
Образ цветущий приявши младого, могучего мужа,
Храброго Азия, Гектора, коней смирителя, дяди,
Брата родного Гекубы, отважного сына Димаса,
Жившего в тучной фригийской земле, при водах Сангария;

720 Образ приявши его, провещал Аполлон дальновержец:
“Битву оставил ты, Гектор? Поступок тебя не достоин!
Если б, сколь слаб пред тобою, столько могуществен был я,
Скоро б раскаялся ты, что кровавую битву оставил!
Вспять обратись, напусти на Патрокла коней быстролетных;
725 Может быть, славу победы тебе Аполлон уготовал!”

Рек — и вновь обратился бессмертный к борьбе человек.

И немедленно Гектор велел Кебриону вознице
Коней бичом на сражение гнать. Аполлон же отшедший
В множестве ратных сокрылся, — и там меж ахеян воздвигнул
730 Страшную смуту, троянам и Гектору славу даруя.

Гектор ахеян других оставлял, никого не сражая;

Он на Патрокла летел, устремляя коней звуконогих.

В встречу ему и Патрокл соскочил с колесницы на землю;

Шуйцей держал он копье, а десницею камень подхитил,

735 Мрамор лоснистый, зубристый, всю мощную руку занявший;

Бросил его упершись, — и летел он не долго до мужа;

Послан не тщетно из рук: поразил Кебриона возницу,

Сына Приама побочного, дерзко гонящего бурных

Гектора коней: в чело поразил его камень жестокий;

740 Брови сорвала громада; ни крепкий не снес ее череп;

Кость раздробила; кровавые очи на пыльную землю

Пали к его же ногам; и стремглав, водолазу подобно,
Сам он упал с колесницы, и жизнь оставила кости.

Горько над ним издеваясь, воскликнул Патрокл конеборец:
745 “Как человек сей легок! Удивительно быстро ныряет!
Если бы он находился и на море, рыбой обильном,
Многих бы мог удовлетворить, устриц ища, для которых
Прядал бы он с корабля, несмотря, что и море сердито.
Как он, будучи на поле, быстро нырнул с колесницы!
750 Есть, как я вижу теперь, и меж храбрых троян водолазы!”

Так издеваясь, на тело напал Кебриона героя,
Бурен, как лев разъяренный, который, загон истребляя,
В грудь прободен и бесстрашием собственным сам себя губит, —
Так на убитого ты, мирмидонянин, пламенный прынул.
755 Гектор навстречу ему соскочил с колесницы на землю;
Оба они за возницу, как сильные львы, состязались,
Кои на горном хребте, за единую мертвую серну,
Оба, голодом яримые, с гордым сражаются гневом, —
Так за труп Кебриона искусные два браноносца,
760 Храбрый Патрокл Менетид и блистательный Гектор, сражаясь,
Жаждут единый другого пронзить беспощадною медью.
Гектор, схватив за главу, из рук не пускал, безотбойный;
Сын же Менетиев за ногу влек; и кругом их другие,
Трои сыны и данаи, смешались в страшную сечу.

765 Словно два ветра, восточный и южный, свирепые спорят,
В горной долине сшибаясь, и борют густую дубраву;
Крепкие буки, высокие ясени, дерен користый
Зыблются, древо об древо широкими ветвями бьются
С шумом ужасным; кругом от крушащихся треск раздается, —
Так аргивяне, трояне, свирепо друг с другом сшибаясь,
770 Падали в битве; никто о презрительном бегстве не думал.
Множество вокруг Кебриона метаемых копий великих,
Множество стрел окрыленных, слетавших с тетив, водружалось;
Множество камней огромных щиты разбивали у воев

775 Окрест его; но величествен он, на пространстве великом,
В вихре праха лежал, позабывший искусство возницы.

Долго, доколе светило средину небес протекало,
Стрелы летали с обеих сторон и народ поражали.
780 Но лишь достигнуло солнце години распрядки воловой,
Храбрость ахейн, судьбе вопреки, одолела противных:
Труп Кебриона они увлекли из-под стрел, из-под криков
Ярых троян и оружия пышные сорвали с персей.

Но Патрокл на троян, умышляющий грозное, грянул.
785 Трижды влетал он в средину их, бурному равный Арею.
С криком ужасным; и трижды сражал девяти браноносцев.
Но когда он, как демон, в четвертый раз устремился,
Тут, о Патрокл, бытия твоего наступила кончина:
Против тебя Аполлон по побоищу шествовал быстро,
790 Страшен грозой. Не познал он бога, идущего в сонмах:
Мраком великим одетый, шествовал в встречу бессмертный.
Стал позади и ударил в хребет и широкие плечи
Мощной рукой, — и, стемнев, закружились очи Патрокла.
Шлем с головы Менетидовой сбил Аполлон дальновержец;
Быстро по праху катясь, зазвучал под копытами коней
795 Медяный шлем; осквернились волосы пышного гребня
Черною кровью и прахом. Прежде не сужено было
Шлему сему знаменитому прахом земным оскверняться:
Он на прекрасном челе, на главе богомужней героя,
Он на Пелиде сиял, но Кронид соизволил, да Гектор
800 Оным украсит главу: приближалась бо к Гектору гибель.
Вся у Патрокла в руках раздробилась огромная пика,
Тяжкая, крепкая, медью набитая; с плеч у героя
Щит, до пят досягавший, с ремнем повалился на землю;
Медные латы на нем разрешил Аполлон небожитель.
805 Смута на душу нашла и на члены могучие томность;
Стал он, как бы обаянный. Приблизился с острою пикой
С тыла его — и меж плеч поразил воеватель дарданский,
Славный Эвфорб Панфоид, который блистал между сверстных
Ног быстротой, и метаньем копья, и искусством возницы;

810 Он уже в юности двадцать бойцов сразил с колесниц их,
 Впервые выехав сам на конях, изучаться сраженьям.
 Он, о Патрокл, на тебя устремил оружие первый,
 Но не сразил; а, исторгнув из язвы огромную пику,
 Вспять побежал и укрылся в толпе; не отважился явно
 815 Против Патрокла, уже безоружного, стать на сражение.
 Он же, и бога ударом, и мужа копьём укрощенный,
 Вспять к мирмидонцам-друзьям отступал, избегающий смерти.

Гектор, едва усмотрел Менетида, высокого духом,
 С боя идущего вспять, пораженного острою медью,
 820 Прянул к нему сквозь ряды и копьём, упредивши, ударил
 В пах под живот; глубоко во внутренность медь погрузилась;
 Пал Менетид и в уныние страшное ввергнул данаев.
 Словно как вепря могучего пламенный лев побеждает,
 Если на горной вершине сражаются, гордые оба,
 825 Возле ручья маловодного, жадные оба напиться;
 Вепря, уже задыхавшегося, силою лев побеждает, —
 Так Менетида героя, уже погубившего многих,
 Гектор великий копьём низложил и душу исторгнул.
 Гордый победой над ним, произнес он крылатые речи:
 830 “Верно, Патрокл, уповал ты, что Троию нашу разрушишь,
 Наших супруг запленишь и, лишив их священной свободы,
 Всех повлечешь на судах в отдаленную землю родную!
 Нет, безрассудный! За них-то могучие Гектора кони,
 К битвам летя, расстилаются по полю; сам копием я
 835 Между героев троянских блистаю, и я-то надеюсь
 Рабство от них отразить! Но тебя растерзают здесь враны!
 Бедный! тебя Ахиллес, несмотря, что могуч, не избавил.
 Верно, тебе он, идущему в битву, приказывал крепко:
 Прежде не мысли ты мне, конеборец Патрокл, возвращаться
 840 В стан мирмидонский, доколе у Гектора мужеубийцы
 Брони, дымящейся кровию, сам на груди не расторгнешь!
 Верно, он так говорил, и прельстил безрассудного душу”.

Дышащий томно, ему отвечал ты, Патрокл благородный:
 “Славься теперь, величайся, о Гектор! Победу стяжал ты

- 845 Зевса и Феба поспешеством: боги меня победили;
Им-то легко; от меня и доспехи похитили боги.
Но тебе подобные, если б мне двадцать предстали,
Все бы они полегли, сокрушенные пикой моею!
Пагубный рок, Аполлон, и от смертных Эвфорб дарданиец
850 В брани меня поразили, а ты уже третий сражаешь.
Слово последнее молвлю, на сердце его сохраняй ты:
Жизнь и тебе на земле остается не долгая; близко,
Близко стоит пред тобою и Смерть, и суровая Участь
Пасть под рукой Ахиллеса, Эакова мощного внука”.
- 855 Так говорящего, смертный конец осеняет Патрокла.
Тихо душа, излетевши из тела, нисходит к Аиду,
Плачась на жребий печальный, бросая и крепость и юность.
- Но к Патроклу и к мертвому Гектор великий воскликнул:
“Что, мирмидонянин, ты предвещаешь мне грозную гибель?
860 Знает ли кто, не Пелид ли, сын среброногой Фетиды,
Прежде, моим копией пораженный, расстанется с жизнью?”
- Так произнес он, и медную пику из мертвого тела
Вырвал, пятою нажав, и его опрокинул он навзничь.
После немедля против Автомедона с пикой понесся;
865 Мужа могучего он, Ахиллесовых коней возницу,
Свергнуть пылал; но возницу умчали быстрые кони,
Кони бессмертные, дар знаменитый бессмертных Пелею.

Песнь семнадцатая

ПОДВИГИ МЕНЕЛАЯ

Он не укрылся от сильного в бранях царя Менелая,
Храбрый Патрокл, пораженный троянами в пламенной битве.
Бросаясь вперед, Менелай, ополченный сверкающей медью,
Около тела ходил, как вкруг юницы нежная мать,

5 Первую родшая, прежде не знавшая муки рождений, —
 Так вкруг Патрокла ходил герой Менелай светлокудрый,
 Грозно пред ним и копьё уставляя, и щит меднобляшный,
 Каждого, кто б ни приблизился, душу исторгнуть готовый.
 Но не мог пренебречь и Эвфорб, знаменитый копейщик,
 10 Падшего в брани Патрокла героя; приблизился к телу,
 Стал и воскликнул к могучему в битвах царю Менелаю:
 “Зевсов питомец, Атрид, повелитель мужей, удалися,
 Тело оставь, отступись от моей ты корысти кровавой!
 Прежде меня ни один из троян и союзников славных
 15 В пламенной битве копьем не коснулся Патроклова тела.
 Мне ты оставь меж троянами светлую славою гордиться;
 Или, страшися, лишу и тебя я сладостной жизни!”

Вспыхнувши гневом, воскликнул Атрид, Менелай светлокудрый:
 “Зевсом клянусь, не позволено так беспредельно кичиться!
 20 Столько и лев не гордится могучий, ни тигр несмиримый,
 Ни погибельный вепрь, который и большею, дикий,
 Яростью в персях свирепствуя, грозною силою пышет,
 Сколько Панфоевы дети, метатели копий, гордятся!
 Но не спасла Гиперенора конника, гордого силой,
 25 Младость его, как противу меня он с ругательством вышел:
 Он вопиял, что презреннейший я меж данаями воин;
 Но из битвы, я мню, не своими ногами пошел он
 В доме возрадовать кровных своих и супругу младую.
 Так и твою сокрушу я надменность, когда ты посмеешь
 30 Ближе ко мне подойти! Но прими мой совет и скорее
 Скройся в толпу; предо мною не стой ты, пока над тобою
 Горе еще не сбылося! Событие зрит и безумный!”

Так он вешал; но Эвфорб непреклонный ответственал снова:
 “Нет, Менелай, расплатися теперь же со мной за убийство!
 35 Брат мой тобою убит; и гордишься еще ты, что сделал
 Горькой вдовою супругу его в новобрачном чертоге
 И почтенных родителей в плач неутешный повергнул?
 О! без сомнения, плачущим я утешением буду,
 Если, сорвавши с тебя и главу, и кровавые латы,

40 В руки отдам их Панфою и матери нашей Фронтисе.
 Но почто остается досель не испытанным подвиг
 И не решенными битвой меж нами и храбрость и робость!”

Так произнес — и ударил противника в щит меднобляшный;
 45 Но, не проникшее меди, согнулось копейное жало
 В твердом щите. И тогда устремился с убийственной медью
 Царь Менелай, умоляющий пламенно Зевса владыку:
 Вспять отскочившему он в основание горла Эвфорбу
 Пику вонзил и налег, на могучую руку надежный;
 Быстро жестокая медь пробежала сквозь нежную выю;
 50 Грянулся оземь Эвфорб, и на нем загремели доспехи;
 Кровью власы оросились, прекрасные, словно у граций,
 Кудри, держимые пышно золотой и серебряной связью.
 Словно как маслина древо, которое муж возделевал
 В уединении, где искипает ручей многоводный,
 55 Пышно кругом разрастается; зыблут ее, прохладя,
 Все тиховейные ветры, покрытую цветом серебристым;
 Но незапная буря, нашедшая с вихрем могучим,
 С корнем из ямины рвет и по черной земле простирает, —
 Сына такого Панфоева, гордого сердцем Эвфорба,
 60 Царь Менелай низложил и его обнажал от оружий.
 Словно как лев, на горах возросший, могучеством гордый,
 Если из стада пасомого лучшую краву похитит,
 Выю он вмиг ей крушит, захвативши в крепкие зубы;
 После и кровь, и горячую внутренность всю поглощает,
 65 Жадно терзая; кругом на ужасного псы и селяне,
 Стоя вдаль, поднимают крик непрерывный, но выйти
 Против него не дерзают: бледный их страх обымает, —
 Так из троянских мужей никого не отважило сердце
 Против царя Менелая, высокого славою, выйти.
 70 Скоро б к дружине понес велелепный доспех Панфоида
 Сильный Атрид; но ему позавидовал Феб дальновержец:
 Он на Атрида подвигнул подобного богу Арею
 Гектора; в образе Мента, киконских мужей воеводы,
 К Гектору Феб провещал, устремляя крылатые речи:
 75 “Гектор! бесплодно ты рыщешь, преследуя неуловимых

Коней Пелида героя: Пелидовы кони жестоки!
 Их укротить и управить для каждого смертного мужа
 Трудно, кроме Ахиллеса, бессмертной матери сына!
 Тою порой у тебя Атрейон, Менелай браноносный,
 80 Труп защищая Патроклов, храбрейшего воина свергнул,
 Бурную мощь обуздал он Панфоева сына Эвфорба”.

Рек, – и вновь обратился бессмертный к борьбе человек.
 Гектору горесть жестокая мрачное сердце стеснила;
 Окрест себя обозрел он ряды и мгновенно увидел
 85 Мужа, похитить спешащего светлый доспех, и другого,
 В прахе простертого: кровь изливалась из раны широкой.
 Бросился Гектор вперед, ополченный сверкающей медью,
 Звучно кричащий и быстрый, как бурный пламень Гефестов.
 И не укрылся от сына Атреева крик его звучный;
 90 Думен Атрид совещался с своею душой благородной:
 “Горе! когда я оставлю доспех сей прекрасный и брошу
 Тело Патрокла, за честь мою положившего душу,
 Каждый меня аргивянин осудит, который увидит!
 Если ж на Гектора я и троян одинок ополчуся,
 95 Бегства стыдяся, один окружен я множеством буду:
 Всех троянцев сюда ведет шлемоблещущий Гектор.
 Но почто у меня волнуется сердце в сих думах!
 Кто, вопреки божеству, осмелится с мужем сражаться,
 Богом хранимым, беда над главой того быстрая грянет.
 100 Нет, аргивяне меня не осудят, когда уступлю я
 Гектору сильному в брани: от бога воинствует Гектор.
 Если ж Аякса я где-либо, духом бесстрашного, встречу,
 С ним устремимся мы вновь и помыслим о пламенной битве,
 105 Даже и противу бога, только бы тело Патрокла
 Нам возвратить Ахиллесу; из зол бы то меньшее было”.

Тою порою, как думы сии в уме обращал он,
 Близко троян подступили ряды, и пред оными Гектор.
 Вспять Менелай отступил и оставил Патроклово тело,
 Часто назад озираясь, подобно как лев густобрадый,
 110 Коего псы и народ от загона волов отгоняют

Копьями, криками; гордого зверя могучее сердце
 Страхом стесняется; нехотя он от загона уходит, —
 Так отошел от Патрокла герой Менелай светлокудрый,
 Стал и назад обратился, приближаясь к сонму данаев.
 115 Там он Аякса искал, Теламонова мощного сына;
 Скоро увидел героя на левом крыле ратоборства,
 Где он дружины свои ободрял, поощряя на битву;
 Свыше ниспосланным ужасом их поразил дальновержец.
 Он устремился к Аяксу и так восклицал, приближаясь:
 120 “Друг Теламонид, сюда! за Патрокла сраженного в битву!
 Может быть, сыну Пелееву мы возвратим хоть нагое
 Тело его, а доспехи похитил убийственный Гектор”.

Так говорил — и воинственный дух взволновал у Аякса.
 Он устремился вперед, и при нем Менелай светлокудрый.
 125 Гектор меж тем, обнаживши от славных доспехов Патрокла,
 Влек, чтобы голову с плеч отрубить изощренную медью,
 Труп же его изувеченный псам на съедение бросить.
 Вдруг Теламонид, с щитом перед персями, башне подобным,
 Грозный явился; и Гектор, назад отступивши к дружинам,
 130 Прянул в свою колесницу; доспехи же отдал троянам
 Несть в Илион, да хранятся ему на великую славу.
 Но Теламонид, огромным щитом Менетида покрывши,
 Грозен стоял, как становится лев пред своими детьми,
 Если ему, малосильных ведущему, в мрачной дубраве
 135 Встретятся ловчие; он, раздражаясь, очами сверкает,
 Хмурит чело до бровей, покрывая и самые очи, —
 Сын Теламонов таков обходил Менетидово тело.
 Подле его же, с другой стороны, Менелай браноносный
 Мрачен стоял, величайшую горесть в сердце питая.
 140 Главк между тем Гипполохид, ликийских мужей воевода,
 Грозно взирая на Гектора, горькой язвил укоризной:
 “Гектор, герой по наружности! как ты далек от геройства!
 Суетно добрая слава идет о тебе, малодушный!
 145 Думай о способах, как от враждебных и град свой и замок
 Можешь избавить один ты с мужами, рожденными в Трое.
 Что до ликиян, вперед ни один не пойдет на данаев

- Биться за град; никакой благодарности здесь не находит,
 Кто ежедневно и ревностно с вашими бьется врагами.
 Как же простого ты ратника в войске народном заступишь,
 150 Муж злополучный, когда Сарпедона, и гостя и друга,
 Предал без всякой защиты ахеянам в плен и добычу?
 Мужа, толико услуг оказавшего в жизни как граду,
 Так и тебе? Но и псов от него отогнать не дерзнул ты!
 Если еще хоть один от ликийских мужей мне послушен,
 155 Мы возвратимся в дома: приближается пагуба Трои! —
 Если б имели трояне отважность и дух дерзновенный,
 Дух, мужей обымающий, кои за землю родную
 Против врагов и труды, и жестокие битвы подьемлют,
 Скоро бы мы увлекли в илионские стены Патрокла.
 160 Если ж бы славный мертвец сей в обитель владыки Приама,
 В град Илион перешел, среди боя захваченный нами,
 Скоро б ахейцы нам выдали пышный доспех Сарпедона;
 Мы и его самого принесли б в илионские стены:
 Ибо повержен служитель героя, который славнее
 165 Всех аргивян при судах и клеветов предводит храбрейших.
 Ты ж не дерзнул Теламонову сыну, Аяксу герою,
 Противостать и, бестрепетно смотря противнику в очи,
 Прямо сразиться не смел: несравненно тебя он храбрее!”
- Гневно на Главка взглянув, отвечал шлемоблещущий Гектор:
 170 “Главк, и таков ты будучи, так говоришь безрассудно!
 Мыслил, о друг, я доньне, что разумом ты превосходишь
 Всех населяющих землю пространной державы ликийской;
 Ныне ж твой ум совершенно порочу; и что ты вещаешь?
 Ты вопиешь, что не смел я Аякса огромного встретить?
 175 Нет, ни сраженья, ни топота конского я не страшился!
 Но Кронида совет человеческих крепче советов:
 Он устрашает и храброго, он и от мужа победу
 Вспять похищает, которого сам же подвигнет ко брани.
 Шествуй со мною, и стой близ меня, и рассматривай дело:
 180 Целый ли день я останусь, как ты проповедуешь, робким;
 Или какого-нибудь, и кипящего боем данайца,
 Мужество я укрошу при защите Патроклова тела!”

Так произнес — и, троян возбуждающий, звучно воскликнул:
 “Трои сыны, и ликийцы, и вы, рукоборцы дардане!
 185 Будьте мужами, друзья, и вспомните бурную доблесть;
 Я ж Ахиллеса героя оденуся бранным доспехом,
 Славным, который добыл я, Патроклову мощь одолевши”.

Так восклицающий, вышел из битвы пылающей Гектор,
 Шлемом сияя; пустился бежать и настигнул клеветров
 190 Скоро, еще не далеких, стремительно их догоняя,
 Несших в святой Илион Ахиллесов доспех знаменитый.
 Став от боя вдали, Приамид обменялся доспехом:
 Свой разрешил и отдал, да несут в илионские стены
 Верные друзья, а сам облакался доспехом бессмертным
 195 Славного мужа Пелида, который небесные боги
 Дали Пелею герою; Пелей подарил его сыну,
 Старец; но сын под доспехом отца не успел состариться.

Зевс, олимпийский блистатель, узрев, как от битв удаленный
 Гектор доспехом Пелида, подобного богу, облекся,
 200 Мудрой главой покивал и в душе своей пролаголал:
 “Ах, злополучный, душа у тебя и не чувствует смерти,
 Близкой к тебе! Облекаешься ты бессмертным доспехом
 Сильного мужа, которого все браноносцы трепещут!
 Ты умертвил у него кроткодушного, храброго друга
 205 И доспехи героя с главы и с ramen недостойно
 Сорвал! Но дам я тебе одоление крепкое в брани
 Мздою того, что из рук от тебя, возвратившегося с боя,
 Славных оружий Пелида твоя Андромаха не примет!”

Рек — и манием черных бровей утвердил то Кронион.
 210 Гектора тело доспех обольнул, и вступил ему в сердце
 Бурный, воинственный дух; преисполнились все его члены
 Силой и крепостью. Он к знаменитым друзьям Илиона
 Шествовал с криком могучим, и взорам всех представлялся,
 В блеске доспехов бессмертных, самим Ахиллесом великим.
 215 Так обходящий ряды, ободрял воевод он речами:

Месфла, Ферсилоха, Медона, ветвь Гипполохову Главка,
 Гиппофооя, Дезинора, Астеропея героя,
 Хромия, Форка и славного в птицегаданье Эннома;
 Сих возбуждал он вождей, устремляя крылатые речи
 220 “Слушайте, сонмы несметные наших друзей и соседей!
 Я не искал многолюдства, и, нужду не в оном имея,
 Вас из далеких градов собирал я в священную Троию.
 Нет, но чтоб вы и супруг и детей неповинных троянских
 Ревностно мне защищали от бранолюбивых данаев.
 225 С мыслию сею и данями я, и припасами корма
 Свой истощаю народ, чтобы мужество ваше возвысить.
 Станьте ж в лицо сопротивных; и каждый из вас или гибни,
 Или спасай свой живот! таково состояние ратных!
 Кто между вами Патрокла, хотя и убитого, ныне
 230 К сонму троян привлечет и пред кем Теламонид отступит,
 Тот половину корыстей возьмет, половина другая
 Будет моею; но славою он, как и я, да гордится”.

Гектор сказал, — и они на данаев обрушились прямо,
 Копья поднявши; надеждою гордой ласкалось их сердце,
 235 Тело Патрокла отбить у Аякса, твердыни данаев.
 Мужа безумные! многим при теле исторгнул он душу.
 Их усмотревши, Аякс возгласил к Менелая герою:
 “Друг Менелай, питомец Зевеса! едва мы, как мыслю,
 Сами успеем с тобой возвратиться живые из битвы!
 240 Я беспокоюсь не столько о теле Менетия сына:
 Скоро несчастный насытит и псов и пернатых троянских, —
 Сколько страшусь о главе и своей и твоей, чтобы горе
 Их не постигнуло; тучею брани здесь все покрывает
 Гектор; и нам, очевидно, грозит неизбежная гибель!
 245 Кличь, о любезный, данайских героев; быть может, услышат”.

Так говорил, и послушал его Менелай светловласый, —
 Голосом громким вскричал, призывая на помощь данаев:
 “Други, вожди и правители мудрые храбрых данаев,
 Вы, которые в пиршествах с нами, сынами Атрея,
 250 Вместе народное пьете и каждый народом подвластным

Правите: власть бо и славу приемлете свыше от Зевса!
 Каждого ныне из вас распознать предводителя воинств
 Мне невозможно: сражения пламень кругом нас пылает!
 Сами спешите сюда и, наполняя гордого гнева,
 255 Быть Патроклу не дайте игралищем псов илионских!”
 Так восклицал он, — и ясно услышал Аякс Оилеев;
 Первый предстал к Менелаю, побоищем быстро пробегший;
 Следом за ним Девкалид и спутник царя Девкалида,
 Муж Мерион, Эниалию равный, губителю смертных.
 260 Прочих мужей имена кто мог бы на память поведать,
 После пришедших и быстро восставивших битву данаев?

Прежде трояне напали громадой; предшествовал Гектор.
 Словно, как в устьях реки, от великого Зевса ниспадшей,
 Вал, при истоке, огромный ревет и высокие окрест
 265 Воют берега от валов, изрыгаемых морем на сушу, —
 Столько был шумен подъятый троянами клик; но данаи
 Вкруг Менетида стояли, единым кипящие духом,
 Крепко сомкнувшись щитами их медными. Свыше над ними,
 Окрест их шлемов сияющих, страшный разлил громодержец
 270 Мрак; никогда Менетид ненавистен владыке бессмертных
 Не был, доколе дышал и служил Эакиду герою;
 Не было богу угодно, чтоб снедию псов илионских
 Стал Менетид, — и воздвиг он друзей на защиту героя.

Первые сбили трояне ахейских сынов быстрооких.
 275 Тело оставя, побегли они; но ни воя меж ними
 Трои сыны не сразили, надменные, как ни пылали;
 Тело ж они увлекли; но вдали от него и данаи
 Были не долго: их всех обратил с быстротою чудесной
 Сын Теламона, и видом своим, и своими делами
 280 Всех аргивян превышающий, после Пелида героя.
 Ринулся он сквозь передних, могучеством вепрю подобный,
 Горному вепрю, который и псов, и младых звероловцев
 Всех, обращался быстро, легко рассыпает по дебри, —
 Так Теламона почтенного сын, Аякс благородный,
 285 Бросаясь, рассыпал легко сопротивных густые фаланги,

Кои уже окружили Патрокла и сердцем пылали
 В стены градские увлечь и великою славой покрыться.
 Тело уж Гиппофоой, пеласгийского Лефа рождение,
 За ногу торопко влек по кровавому попришу боя,
 290 Около глезны, у жил, обвязавши ремнем перевесным;
 Гектору сим и троянам хотел угодить он; но быстро
 Гибель пришла, и не спас ни один из друзей пламеневших.
 Грозный Аякс, на него сквозь разорванных толпищ обрушась,
 Пикою врукопашь грянул по медноланитному шлему;
 295 И расселся шелом густогривый под медяным жалом,
 Быв поражен и огромным копьем, и рукою могучей.
 Мозг по Аякса копью побегал из главы раздробленной,
 Смешанный с кровью: исчезла могучесть; из трепетных дланей
 Ногу Патрокла героя на землю пустил, и на месте
 300 Сам он, лицом повалившись, пал подле мертвого мертвый,
 Пал далеко от Лариссы родной; ни родителям бедным
 Он не воздал за труды воспитания; век его краток
 Был на земле, Теламонова сына копьем пресеченный.
 Гектор меж тем на Аякса направил сияющий дротик.
 305 Тот, хоть и в пору завидел, от быстронесущейся меди
 Чуть уклонился; но Гектор Схедия, Ифитова сына,
 Храброго мужа фокеев, который в славном Панопе
 Домом богатым владел и властвовал многим народом, —
 Мужа сего поразил под ключом: совершенно сквозь व्यю
 310 Бурное жало копья и сквозь рамо вверху пробежало;
 С шумом упал он на дол, и взгремели на падшем доспехи.
 Мощный Аякс бранодушного Форка, Фенопсова сына,
 Труп защищавшего Гиппофооя, ударил в утробу:
 Лату брони просадила и внутренность медь сквозь утробу
 315 Вылила; в прах повалившись, хватает рукою он землю.
 Вспять отступили передних ряды и сияющий Гектор.
 Крикнули громко данаи и Гиппофооя и Форка
 Разом тела увлекли и с рамен их сорвали доспехи.

 Скоро опять бы трояне от бранолюбивых данаев
 320 Скрылися в град, побежденные собственной слабостью духа;
 Славу ж стяжали б данаи, противу судеб громодержца,

Силой своею и доблестью; но Аполлон на данаев,
 Гневный, Энея воздвигнул, образ прияв Перифаса,
 Сына Эпитова: он при отце престарелом Энея,
 325 Вестником быв, состарелся, исполненный кротких советов;
 Образ приявши его, Аполлон проведал ко Энею:
 “Как же могли б вы, Эней, защитить, вопреки и бессмертным,
 Град Илион, как я некогда видел других человеков,
 330 Крепко надежных на силу, на твердость сердец и на храбрость,
 С меньшей дружиной своею, превышею всякого страха!
 Нам же и самый Кронид благосклоннее, чем аргивянам,
 Хочет победы; но вы лишь трепещете, стоя без битвы!”

Так проведал, — и Эней пред собою познал Аполлона,
 В очи воззревший, и крикнул он Гектору голосом звучным:
 335 “Гектор и вы, воеводы троян и союзных народов!
 Стыд нам, когда мы вторично от бранолюбивых данаев
 Скроемся в град, побежденные собственной слабостью духа!
 Нет, божество говорит, — предо мною оно предстояло, —
 Зевс, промыслитель верховный, нам благосклонствует в брани!
 340 Прямо пойдем на данаев! Пускай сопостаты спокойно
 К черным своим кораблям не приближатся с телом Патрокла!”

Рек — и, из ряду переднего вылетев, стал перед войском.
 Трои сыны обратились и стали в лицо аргивянам.
 Тут благородный Эней, ополченный копьем, Леокрита,
 345 Сына Аризбанта, сверг, Ликомедова храброго друга.
 В жалость о падшем пришел Ликомед, благодушный воитель;
 К телу приблизился, стал и, сияющий ринувши дротик,
 Он Аписаона, сына Гиппасова, сил воеводу,
 В печень под сердцем пронзил и сломил ему крепкие ноги,
 350 Мужу, который притек от цветущих полей пеонийских
 И на битвах блистал, как храбрейший по Астеропее.
 В жалость пришел о поверженном Астеропей бранодушный;
 Прямо и он на данаев ударил, пылая сразиться:
 Тщетная доблесть! Кругом, как стеной, ограждались щитами
 355 Окрест Патрокла стоящие, острые копыа уставив.
 Их непрестанно Аякс обходил, убеждающий сильно:

Шагу назад отступить не приказывал сын Теламонов;
 С места вперед не идти, чтоб вдали от дружины сражаться;
 Крепко у тела стоять и при нем с нападающим биться.
 360 Так убеждал их великий Аякс. Между тем заливалась
 Кровью багряной земля, упали одни на другие
 Трупы как храбрых троян и союзников их знаменитых,
 Так и данайских мужей; и они не без крови сражались;
 Меньше лишь гибнуло их; помышляли они беспрестанно,
 365 Как им друг друга в толпе защищать от опасности грозной.

Битва пылала, как огонь пожирающий; каждый сказал бы, —
 Верно, на тверди небесной не цело ни солнце, ни месяц:
 Мраком таким на побоище были покрыты герои,
 Кои кругом Менетида, его защищая, стояли.
 370 Прочие ж рати троян и красивопоножных данаев
 Вольно сражались, под воздухом ясным; везде разливался
 Пламенный солнечный свет, над равниною всей, над горами
 Не было облака; с отдыхом частым сражались войски;
 Стороны обе свободно от стрел уклонялися горьких,
 375 Ратуясь издали. Здесь же, в середине, во мраке и сече
 Горе терпели; нещадно жестокая медь поражала
 Боев храбрейших. Но к двум браноносцам еще не достигла,
 К славным мужам, Фразимеду и брату его Антилоху,
 Весть, что не стало Патрокла; еще они мнили, что храбрый
 380 Жив и пред первой фалангою ратует гордых пергамлян.
 Оба они, от друзей отвращая убийство и бегство,
 В поле отдельно сражались; так заповедовал Нестор,
 В бой могучих сынов от ахейских судов посылая.

Те ж с одинаким неистовством спорили в страшном убийстве
 385 Целый сей день; от труда непрерывного потом и прахом
 Были колена, и ноги, и голени каждого воя,
 Были и руки и очи покрыты на битве, пылавшей
 Вкруг знаменитого друга Пелеева быстрого сына.
 Словно когда человек вола огромного кожу
 390 Юношам сильным дает растянуть, напоенную туком;
 Те, захвативши ее и кругом расступившись, тянут

- В разные стороны; влага выходит, а тук исчезает,
 И, от многих влекущих, кругом расширяется кожа, —
 Так и сюда и туда Менетида, на узком пространстве,
 395 Те и другие влекли: несомненной надеждой пылали
 Трои сыны к Илиону увлечь, а данайские мужи
 К быстрым судам; и кругом его тела кипел ратоборный
 Бурный мятеж; ни Арей, возжигатель мужей, ни Афина,
 Видя его, не хулу б изрекла, и горящая гневом.
- 400 Подвиг такой за Патрокла, и воям и коням жестокий,
 В день сей устроил Зевес. Но дотоле о смерти Патрокла
 Вовсе не ведал герой Ахиллес, бессмертным подобный;
 Рати далеко уже от ахейских судов воевали,
 Близко троянской стены; не имел он и дум, что сподвижник
 405 Пал; уповал он, что жив и, приблизясь к воротам Илиона,
 Вспять возвратится; он ведал и то, что Приамова града,
 Трои, Патрокл без него не разрушит, ни с ним совокупно.
 Часто о том он слышал от матери: в тайных беседах
 Сыну она возвещала совет великого Зевса;
 410 Но беды жесточайшей, грозившей ему, не открыла
 Нежная мать: погибели друга, дражайшего сердцу.
- Те ж неотступно у тела, уставивши острые копья,
 Бесперывно сшибались, один поражая другого.
 Так восклицали иные от меднодоспешных данаев:
 415 “Други данаи! бесславно для нас возвратиться отсюда
 К нашему стану! На этом пусть месте утроба земная,
 Мрачная, всех нас поглотит! И то нам отраднее будет,
 Нежели тело сие попустить конеборцам троянам
 С поля увлечь в Илион и сияющей славой покрыться!”
 420 Так же иной говорил и в дружине троян крепкодушных:
 “Други, хотя бы нам должно у трупа сего и погибнуть
 Всем до последнего, с поля сего не сойдем ни единый!”
- Так восклицали трояне — и дух у друзей распаляли.
 Яростно билися воины; гром, раздаваясь, железный
 425 К медному небу всходил по пустынным пространствам эфира.

Кони Пелеева сына, вдали от пылающей битвы,
 Плакали стоя, с тех пор как почували, что их правитель
 Пал, низложенный во прах, под убийственной Гектора дланью.
 Сын Диореев на них Автомедон, возатай искусный,
 430 Сильно и с быстрым бичом налегал, понуждающий к бегу,
 Много и ласк проговаривал, много и окриков делал:
 Но ни назад, к Геллеспонту широкому, в стан мирмидонский,
 Кони бежать не хотели, ни в битву к дружинам ахейским.
 Словно как столп неподвижен, который стоит на кургане,
 435 Мужа усопшего памятник или жены именитой, —
 Так неподвижны они в колеснице прекрасной стояли,
 Долу потупивши головы; слезы у них, у печальных,
 Слезы горячие с веждей на черную капали землю,
 С грусти по храбром правителе; в стороны пышные гривы
 440 Выпав из круга ярма, у копыт осквернялися прахом. —
 Коней печальных узрев, милосердовал Зевс промыслитель
 И, главой покивав, в глубине проглаголал душевной:
 “Ах, злополучные, вас мы почто даровали Пелею,
 Смертному сыну земли, не стареющих вас и бессмертных?
 445 Разве, чтоб вы с человеками бедными скорби познали?
 Ибо из тварей, которые дышат и ползают в прахе,
 Истинно в целой вселенной несчастнее нет человека.
 Но не печальтесь: вами отнюдь в колеснице блестящей
 Гектор не будет везом торжествующий: не попусти я!
 450 Иль не довольно, что он Ахиллеса доспехом гордится?
 Вам же я новую крепость вложу и в колена и в сердце;
 Вы Автомедона здравым из пламенной брани спасите
 К черным судам, а троянам еще я славу дарую
 Рать побивать, доколе судов мореходных достигнут,
 455 И закатится солнце, и мраки священные снидут”.

Так произнес он — и коням вдохнул благородную силу.
 Кони, от грив пресмыкавшихся прах отряхнувши на землю,
 Вдруг с колесницею быстрой меж двух ополчений влетели.
 Ими напал Автомедон, хотя и печальный по друге;
 460 Он на конях налетал, как на стаю гусиную коршун.

Быстро и вспять убежал от свирепости толпищ троянских,
 Быстро скакал и вперед, обращающий толпища в бегство.
 Но, в погоню бросаяся, он не сражал сопротивных;
 Не было средства ему, одному в колеснице священной,
 465 Вдруг и копье устремлять, и коней укрощать быстролетных.
 Скоро увидел его мирмидонянин, сердцу любезный,
 Искренний друг Алкимедон, Лаеркея сын Эмонида;
 Сзади приблизился он и вещал к Автомедону громко:
 470 “Друг Автомедон, какой из бессмертных совет бесполезный
 В сердце тебе положил и суждение здоровое отнял?
 Что ты противу троян, впереди, одинокий воюешь?
 Друг у тебя умерщвлен, а броней, с него совлеченной,
 Перси покрыв, величается Гектор, броней Ахиллеса!”

Быстро ему с колесницы вещал Диорид Автомедон:
 475 “Кто, Алкимедон могучий, как ты, из ахеян искусен
 Коней бессмертных в деснице держать и покорность и ярость?
 Был Менетид, искусством ристателя, в дни своей жизни,
 Равный богам; но великого смерть и судьба одолела!
 Шествуй, любезный; и бич, и блестящие конские вожжи
 480 В руки прими ты; а я с колесницы сойду, чтоб сражаться”.

Так произнес; Алкимедон на бранную стал колесницу;
 Разом и бич и бразды захватил в могучие руки;
 Но Диорид соскочил; и узрел их сияющий Гектор,
 И к Энею герою, стоящему близко, воскликнул:
 485 “Храбрый Эней, меднолатный дарданцев советник верховный!
 Я примечаю коней быстроногого мужа Пелида,
 В битве явившихся вновь, но с возницами, робкими духом.
 Я уповаю добыть их, когда и твое совокупно
 Сердце готово; уверен, когда нападём мы с тобою,
 490 Противостать не посмеют они, чтобы с нами сразиться”.

Рек, — и послушался Гектора сын знаменитый Анхизов:
 Бросился прямо, оставив пред персями тельчьи кожи,
 Крепкие кожи сухие, покрытые множеством меди.
 С ними и Хромий герой и Арет, красотой небожитель,

495 Бросились оба; надеждою верной ласкалось их сердце
 И возниц поразить, и угнать их коней крутовыйных.
 Мужи безумцы! они не без крови должны возвратиться
 Вспять от возниц. Автомедон едва помолился Крониду,
 Силою в нем и отвагой наполнилось мрачное сердце.
 500 Быстро воззвал Диорид к Алкимедону, верному другу:
 “Друг Алкимедон! держись от меня недалече с конями;
 Пусть за хребтом я слышу их пышущих: ибо уверен,
 Гектор, на нас устремленный, едва ль обуздает свирепство,
 Прежде пока не взойдет на коней Ахиллесовых бурных,
 505 Нас обоих умертвив, и покуда рядов не погонит
 Воинств ахейских иль сам пред рядами не ляжет сраженный!”

Так произнесши, к Аяксам воззвал и к царю Менелаю:
 “Царь Менелай и аргивских мужей воеводы Аяксы!
 Храбрым другим аргивянам поверьте заботу о мертвом;
 510 Пусть окружают его и враждебных ряды отражают;
 Вы же от нас, от живых, отразите грозящую гибель!
 Здесь нападают на нас, окруженных плачевным убийством,
 Гектор герой и Эней, храбрейшие воины Трои!
 Впрочем, еще то лежит у бессмертных богов на коленах:
 515 Мчись и мое копие, а Кронион решит остальное!”

Рек он — и, мощно сотрясши, поверг длиннотенную пику,
 И ударил Арета в блистательный щит круговидный;
 Щит копия не сдержал: сквозь него совершенно проникло
 И сквозь запон блистательный в нижнее чрево погрузло.
 520 Так, если юноша сильный, с размаху секирою острой
 В голову, между рогами, степного тельца поразивши,
 Жилу совсем рассечет; подскочивши, телец упадает, —
 Так подскочил он и навзничь упал; изошренная — сильно
 Медь у Арета в утробе сотрясшись, разрушила крепость.
 525 Гектор пустил в Автомедона пикой своею блестящей;
 Тот же, приметив ее, избежал угрожающей меди,
 Быстро вперед наклонясь; за хребтом длиннотенная пика
 В черную землю вонзилась и верхним концом трепетала
 Долго, пока не смирилася ярость убийственной меди.

- 530 И они б на мечех рукопашно сразиться сошлись;
 Но Аяксы могучие пламенных их разлучили,
 Оба пришедши сквозь сечу на дружеский голос призывный.
 Их устрашася могучих, стремительно вспять отступили
 Гектор герой, и Эней Анхизид, и божественный Хромий;
- 535 Друга Арета оставили там, прободенного в сердце,
 В прахе лежащего; сын Диореев, Арею подобный,
 С тела оружия сорвал и так, торжествуя, воскликнул:
 “Ах, наконец хоть несколько я о Патрокловой смерти
 Горесть от сердца отвел, хотя и слабейшего свергнув!”
- 540 Рек — и, подняв, в колесницу корысти кровавые бросил;
 Быстро поднялся и сам, по рукам и ногам отовсюду
 Кровью облитый, как лев истребительный, тура пожравший.
- Окрест Патрокла с свирепостью новою брань загоралась,
 Тяжкая, многим плачевная; бой распаяла Афина,
- 545 С неба ниспедши: ее ниспослал промыслитель Кронион
 Дух аргивян возбудить: обратилося к ним его сердце.
 Словно багряную раду Зевс простирает по небу,
 Смертным являющий знаменье или погибельной брани,
 Или години холодной, которая пахарей нудит
- 550 В поле труды прерывать, на стада же унылость наводит, —
 Дочь такова громодержца, в багряный одетая облак,
 К сонму данаев сошла и у каждого дух распаяла.
 К первому сыну Атрея богиня, помощная в бранях,
 Бывшему ближе других, Менелаю герою воззвала,
- 555 Феникса старца приявшая образ и голос могучий:
 “Стыд и позор, Менелай, на тебя упадет вековечный,
 Если Пелида великого — верного друга Патрокла,
 Здесь, под стеною троянскою, быстрые псы растерзают!
 Действуй решительно, все возбуди ополченья данаев!”
- 560 Быстро отвечивал ей Менелай, знаменитый воитель:
 “Феникс, отец, давнородшийся старец! да даст Тритогена
 Крепость деснице моей и спасет от убийственных копий!
 В сечу готов я лететь, готов отстаивать тело

565 Друга Патрокла: глубоко мне смерть его тронула душу!
 Но свирепствует Гектор, как бурный огонь; непрестанно
 Все истребляет кругом: громовержец его прославляет!”

Рек, — и наполнилась радостью дочь светлоокая Зевса:
 Ибо ее от бессмертных молящийся первую призвал.
 Крепость ему в рамена и в колена богиня послала,
 570 Сердце ж наполнила смелостью мухи, которая, мужем
 Сколько бы крат ни была, дерзновенная, согнана с тела,
 Мечется вновь уязвить, человеческой жадная крови, —
 Смелость такая Атриду наполнила мрачное сердце.
 Бросился он к Менетиду и ринул блестящую пику.
 575 Был меж троянами воин Подес, Этионова отрасль,
 Муж и богатый и славный, отлично меж граждан троянских
 Гектором чтимый, как друг, и в пирах собеседник любезный.
 Мужа сего, обратившегося в бегство, Атрид светловласый
 В запон копьем поразил, и насквозь его медь просадила;
 580 С шумом он грянулся в прах; и Атрид Менелай дерзновенно
 Мертвого к сонму друзей от троян повлек одинокий.
 Гектора тою порой возбуждал стреловержец, являся,
 Феноса образ приявши, который Приамову сыну
 Другом любезнейшим был, Абидоса приморского житель;
 585 Образ приявши его, провещал Аполлон стреловержец:
 “Кто ж еще более, Гектор, тебя устршит из данаев,
 Ежели ты Менелая трепещешь? Был он доньше
 Воин в сражениях слабый, а ныне один от пергамлян
 Тело влечет! У тебя умертвил он любезного друга,
 590 Храброго, в первом ряду, Этионова сына, Подеса!”

Рек, — и покрыло Гектора облако мрачное скорби;
 Он устремился вперед, потрясая сверкающей медью.
 В оное время Кронион приял свой эгид бахромистый,
 Пламеннозарный, и, тучами черными Иду покрывши,
 595 Страшно блеснул, возгремел и потряс громовержец эгидой,
 Вновь посылая победу троянам и бегство данаям.

Бегство ужасное начал вождь Пенелей беотиец.
 Он, беспрестанно вперед устремляясь, в рамо был ранен

Сверху скользнувшем копьем; но рассекло тело до кости
600 Полидамаса оружие: он его врукопашь ранил.
Гектор ударом копья Алектриона сына, Леиту,
Руку близ кисти пронзил и унял его рьяную храбрость;
Он побежал, озирался; более в сердце не чаял
Острою пикой владеть и сражаться с народом троянским.
605 Гектора ж Идоменей, на Леита летевшего, прямо
В грудь, у сосца, по блестящему панцирю пикой ударил:
Пика сломилась у трубки огромная; крикнула громко
Сила троянская. Гектор направил копье в Девкалида
(Он в колеснице стоял) и немного в него не уметил;
610 Керана он поразил, Мерионова друга-возницу,
Мужа, который за ним из цветущего следовал Ликта.
(Пешим сперва Девкалид от судов мореходных явился
В битву и, верно, б троянам великую славу доставил,
Если бы Керан скорее коней не пригнал быстроногих:
615 Светом царю он явился, годину отвел роковую,
Сам же — дух свой предал под убийственной Гектора дланью.)
Гектор его копием улучает под челюсть, и зубы
Вышибла острая медь и язык посредине рассекла;
Он с колесницы падет и бразды разливает по праху.
620 Их Мерион, наклоняя поспешно, своими руками
С праха земного подъял и воскликнул к царю Девкалиду:
“Быстро гони, Девкалион, пока до судов не домчишься!
Ныне ты видишь и сам, что победа уже не ахеян!”

Рек, — и бичом Девкалион хлестнул по коням лепогривым,
625 Права к судам; боязнь Девкалиону пала на сердце.
В оное же время постиг и Аякс, и Атрид световласый
Волю Кронида, что Трои сынам даровал он победу.
Слово пред воинством начал Аякс Теламонид великий:
“Горе, о други! Теперь уж и тот, кто совсем малосмыслен,
630 Ясно постигнет, что славу Кронион троянам дарует!
Стрелы троянские, кто б ни послал их, и слабый и сильный,
Все поражают: Кронид без различия все направляет;
Стрелы же наши у всех бесполезно валяются на землю!
Но решимся, данаи, и сами помыслим о средстве,

635 Как Менетидово тело увлечь от враждебных, и вместе
 Как, и самим возвратясь, друзей нам возрадовать милых,
 Кои, взирая на нас, сокрушаются; более, мыслят,
 Гектора мужеубийцы ни силы, ни рук необорных
 Мы не снесем, но в суда мореходные бросимся к бегству.
 640 О, если б встретился друг, к объявлению вести способный
 Сыну Пелееву; он, как я думаю, вовсе не слышал
 Вести жестокой, не знает, что друг его милый погибнул.
 Но никого я такого не вижу в дружине ахейской.
 Мраком покрыты глубоким и ратные мужи, и кони!
 645 Зевс, наш владыка, избавь аргивян от ужасного мрака!
 Дневный свет возврати нам, дай нам видеть очами!
 И при свете губи нас, когда уже так восхотел ты!”

Так говорил, — и слезами героя отец умилился:
 Быстро и облак отвел, и мрак ненавистный рассеял;
 650 Солнце с небес засияло, и битва кругом осветилась.
 И Аякс Теламонид воззвал к Менелая Атриду:
 “Ныне смотри, Менелай благородный, и если живого
 Можешь обрести Антилоха, почтенного Нестора сына,
 Сам убеди, да скорее идет Ахиллесу герою
 655 Весть объявить, что любезнейший друг его в брани погибнул!”

Так говорил, — и послушал его Менелай светловласый;
 Но уходил от побоища, словно как лев от загона,
 Где наконец истомился, и псов и мужей раздражая.
 Зверю они не дающие тука от стад их похитить,
 660 Целую ночь стерегут, а он, алкающий мяса,
 Мечется прямо, но тщетно ярится: из рук дерзновенных
 С шумом летят, устремленному в сретенье, частые копыя,
 Главни горячие; их устрашает он, и свирепый,
 И со светом Зари удаляется, сердцем печален, —
 665 Так от Патрокла герой отошел, Менелай светловласый,
 С сильным в душе нехотением: он трепетал, да ахейцы,
 В пагубном страхе, Патрокла врагам не оставят в добычу;
 Сильно еще убеждал Мериона и храбрых Аяксов:
 “Други Аяксы и ты, Мерион, аргивян воеводы!

670 Вспомните кротость душевную бедного друга Патрокла,
 Вспомните все вы; доколе дышал, приветен со всеми
 Быть он умел, но теперь он постигнут судьбою и смертью!”

Так говорящий друзьям, уходил Менелай светловласый,
 Смотри кругом, как орел быстропарный, который, вещают,
 675 Видит очами острее всех поднебесных пернатых:
 Как ни высоко парит, от него не скрывается заяц
 Легкий, под темным кустом притаившийся; он на добычу
 Падает, быстро уносит и слабую жизнь исторгает, —
 Так у тебя, Менелай благородный, светлые очи
 680 Быстро вращались кругом по великому сонму ахеян,
 Жадные встретить живого еще Антилоха младого.
 Скоро его он увидел на левом краю ратоборства,
 Где ободрял он друзей, возбуждая на крепкую битву.
 Близко к нему подходя, возгласил Менелай светловласый:
 685 “Шествуй сюда, Антилох, услышишь ты, Зевсов питомец,
 Горькую весть, какой никогда не должно бы свершаться!
 Ты, я уверен, и собственным взором уже наблюдая,
 Видишь, какое бедствие бог на данаев обрушил!
 Видишь, победа троян! Поражен аргивянин храбрейший;
 690 Пал наш Патрокл! Беспредельная горесть данаев постигла!
 Друг, к кораблям фессалийским немедля беги, Ахиллесу
 Весть объявить; не успеет ли он спасти хоть нагое
 Тело Патрокла: доспехи совлек торжествующий Гектор!”

Так говорил; Антилох ужаснулся, услышавши речи;
 695 Долго стоял он, от ужаса нем; но у юноши очи
 Быстро наполнились слез, и поднявшийся голос прервался.
 Но не презрел он и так повелений царя Менелая:
 Бросился, ратный доспех Лаодоку любезному вверив,
 Другу державшему подле коней его твердокопытных.
 700 Быстро, лиющего слезы, несли его ноги из боя,
 Чтобы сыну Пелея ужасное слово поведать.

Сердцу, Атрид, твоему не угодно, божественный, было
 Тех утесненных друзей защищать, которых оставил

705 Несторов сын: в сокрушении горьком остались пилосцы;
 К ним Менелай послал Фразимеда, подобного богу;
 Сам же опять полетел на защиту Патрокла героя;
 Вместе с Аяксами стал и вещал к ним крылатое слово:
 “Я Антилоха послал к мирмидонским судам мореходным,
 710 С вестию сыну Пелееву быстрому; но, я уверен,
 Он не придет, хоть и страшно на Гектора мощного гневен.
 Как он, лишенный оружия, в битву с троянами вступит?
 Сами собою, данаи, придумаем способ надежный,
 Как и сраженного друга спасем от враждебных, и сами
 Как под грозою троян от судьбы и от смерти избегнем”.

715 И Атриду ответствовал сын Теламона великий:
 “Все справедливо, что ты ни вещал, Менелай знаменитый.
 Бросьтесь ж, ты и Молид Мерион; наклонитесь быстро
 Тело поднять и несите из боя; а мы позади вас
 Будем сражаться с народом троянским и Гектором мощным,
 720 Мы, равносильные, мы, соименные, кои и прежде
 Бурные грозы Арея, друг с другом сложась, выносили”.

Рек, — и они, от земли подхвативши, подняли тело
 Вверх и высоко и мощно; ужасно завопили сзади
 Трои сыны, лишь узрели данаев, подъемлющих тело;
 725 Бросились прямо, подобно как псы на пустынного вепря,
 Если он ранен, летят впереди молодых звероловцев;
 Быстро сначала бегут, растерзать нетерпеньем пылая;
 Но, едва он на них оборотится, силою гордый,
 Мечутся вспять и кругом рассыпаются друг перед другом, —
 730 Так и трояне сначала толпой неотступно неслися,
 В тыл аргивянам колебля мечи и двуострые копья;
 Но едва лишь Аяксы, на них обратясь, становились, —
 Лица бледнели троян, и от них не дерзал ни единый
 Выйти вперед, чтоб с оружием в длани за тело сразиться.

735 Так усердно они уносили Патрокла из боя
 К стану судов мореходных; но бой возрастал по следам их,
 Бурный, подобно как огонь, устремленный на град человек;

Вспыхнувши вдруг, пожирает он всё; рассыпаются зданья
 В страшном пожаре, который шумит, раздуваемый ветром, —
 740 Так и коней колесничных, и воинов меднодоспешных
 Бранный, неистовый шум по следам удалявшихся неся.
 Те ж, как яремные мески, одетые крепкою силой,
 Тянут с высокой горы, по дороге жестокобугристой,
 Брус корабельный иль мачту огромную; рьяные, вместе
 745 Страждут они от труда и от пота, вперед поспешая, —
 С рвением таким аргивяне Патрокла несли. Позади их
 Бой отражали Аяксы, как холм — разъяренные воды,
 Лесом поросший, чрез целое поле протяжно лежащий;
 Он и могучие реки, с свирепостью волн их встречая,
 750 Держит и, весь их напор отражая, в долины другие
 Гонит; его же не в силах могучие реки расторгнуть, —
 Так непрестанно Аяксы, держась позади, отражали
 Битву троян; но враги наступали, и два наипаче,
 Мощный Эней Анхизид и шлемом сверкающий Гектор.
 755 И как туча скворцов или галок испуганных мчится
 С криками ужаса, если увидят сходящего сверху
 Ястреба, страшную смерть наносящего мелким пернатым, —
 Так пред Энеем и Гектором юноши рати ахейской
 С воплем ужасным бежали, забывши воинскую доблесть.
 760 Множество пышных оружий усеяли ров и окрестность
 В пагубном бегстве данаев; и бранная буря не молкла.

Песнь восемнадцатая

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ОРУЖИЯ

Так ратоборцы сражались, огням подобно свирепым.
 Но Антилох к Ахиллесу стремительно с вестью приходит,
 Видит его одного: при судах островерхих сидел он,
 В сердце о том размышляющий, что перед ним совершалось.
 5 Тихо вздохнув, говорил он с своею душою великой:
 “Горе! что думать? почто кудревласые чада Эллады

Снова назад к кораблям в беспорядке бегут по долине?
 О, не свершили ли боги несчастий, ужаснейших сердцу,
 Кои мне мать давно предвещала; она говорила:

10 В Трое, прежде меня, мирмидонянин, в брани храбрейший,
 Должен под дланью троянской расстаться с солнечным светом.
 Боги бессмертные, умер Менетиев сын благородный!
 Ах, злополучный! А я умолял, чтоб, огонь отразивши,
 Он возвратился и с Гектором в битву вступать не дерзал бы!”

15 Тою порою, как думы сии в уме обращал он,
 Несторов сын знаменитый к нему приближается грустный,
 Слезы горячие льющий, и страшную весть произносит:
 “Горе мне, храбрый, любезный Пелид! От меня ты услышишь
 Горькую весть, какой никогда не должно бы свершиться!
 20 Пал наш Патрокл! и уже загорелася битва за тело;
 Он уже наг; совлек все оружие Гектор могучий!”

Рек, — и Пелида покрыло мрачное облако скорби.
 Быстро в обе он руки схвативши нечистого пепла,
 Голову всю им осыпал и лик осквернил свой прекрасный;
 25 Риза его благовонная вся почернела под пеплом.
 Сам он, великий, пространство покрывши великое, в прахе
 Молча простерся и волосы рвал, безобразно терзая.
 Жены младые, которых и он и Патрокл полонили,
 В грусти глубокой завопили громко и, быстро из сени
 30 Все к Ахиллесу великому выбежав, руки ломали,
 Билися в перси, доколе у всех подломилися ноги.
 Подле младой Антилох тосковал, обливаясь слезами,
 И Ахиллеса, стнящего горестно, руку держал он,
 В страхе, да выи железом себе не пронзит иступленный.
 35 Страшно он, плача, вопил; и услышала вопль его мать
 В безднах глубокого моря, в чертогах родителя старца;
 Горько сама возопила; и к ней собирались богини,
 Все из моря глубокого сестры ее, nereиды:
 Вдруг Кимодока явилась, и Фалия нимфа, и Главка,
 40 Спя, Несея, и Фоя, и Галия, светлая взором;
 Вслед Кимофоя спешила, и с ней Лимнория, Актея,

- Нимфа Мелита, Иера, Агава, за ней Амфифоя,
 Дота, Прота, Феруза, Орифия и Амфинома;
 Каллианира пришла, Дексамена с младой Динаменой;
 45 Нимфа Дориса, Панопа, краса nereид Галатея,
 Нимфа Нимерта, Апсевда и нежная Каллианасса;
 Там и Климена была, Ианира с младой Ианассой,
 Мера и с ней Амафея, роскошноволосяя нимфа;
 Все из моря глубокого сестры ее, nereиды.
 50 Ими вертеп серебристый наполнился; все они вместе
 Билися в перси, и громко меж них возопила Фетида:
 “Сестры мои, nereиды, внимлите вы все мне, богини!
 Все вы узнайте, какие печали терзают мне душу!
 Горе мне бедной, горе несчастной, героя родившей!
 55 Так, родила я душой благородного, храброго сына,
 Первого между героев! Возрос он, как пышная отрасль,
 Я воспитала его, как прекраснейший цвет в вертограде;
 Юного в быстрых судах отпустила на брань к Илиону
 Ратовать храбрых троян, и его никогда не увижу
 60 В доме отеческом, в светлых чертогах супруга Пелея!
 Но, пока и живет он, и солнца сияние видит,
 Должен страдать; и ему я помочь не могу, и пришедши!
 Но иду я, чтоб милого сына увидеть, услышать,
 Горесть какая постигла его, не причастного брани!”
 65 Так произнесши, вертеп оставляет; за нею и сестры,
 Плача, выходят, и вокруг nereид расступаются с шумом
 Волны морские. Они, плодоносной достигнувши Трои,
 Тихо одна за другою выходят на берег, где рядом
 Все корабли мирмидонян стояли кругом Ахиллеса.
 70 Нежная мать к нему, стнящему горько, предстала,
 С горестным воплем главу обхватила у милого сына
 И, рыдая сама, говорила крылатые речи:
 “Что ты, о сын мой, рыдаешь? Какая печаль посетила
 Душу твою? Не скрывайся, скажи! Громовержец исполнил
 75 Всѐ, о чем ты его умолял с воздеянием дланей:
 Все до корм корабельных данайские прогнаны рати,
 Жажнут тебя одного и позорные бедствия терпят”.

Ей, тяжело вздохнув, отвечал Ахиллес быстროногий:
 “Знаю, о мать, Зевес громовержущий все мне исполнил.

80 Но какая в том радость, когда потерял я Патрокла,
 Милого друга! Его из друзей всех больше любил я;
 Им, как моею главой, дорожил; и его потерял я!
 Гектор убийца похитил с него и доспех тот огромный,
 Дивный, богами дарованный, дар драгоценный Пелею
 85 В день, как, богиню, тебя на смертного ложе повергли.
 О, почто не осталась ты нимфой бессмертною моря!
 О, почто и Пелей не избрал себе смертной супруги!
 Должно теперь и тебе бесконечную горесть изведать,
 Горесть о сыне погибшем, которого ты не увидишь
 90 В доме отеческом! ибо и сердце мое не велит мне
 Жить и в обществе быть человеческом, ежели Гектор,
 Первый, моим копием пораженный, души не извергнет
 И за грабеж над Патроком любезнейшим мне не заплатит!”

Мать, слезы лиющая, снова ему говорила:

95 “Скоро умрешь ты, о сын мой, судя по тому, что вещаешь!
 Скоро за сыном Приама конец и тебе уготован!”

Ей, тяжело вздохнув, отвечал Ахиллес быстროногий:

“О, да умру я теперь же, когда не дано мне и друга
 Спасть от убийцы! Далёко, далёко от родины милой
 100 Пал он; и, верно, меня призывал, да избавлю от смерти!
 Что же мне в жизни? Я ни отчизны драгой не увижу,
 Я ни Патрокла от смерти не спас, ни другим благородным
 Не был защитой друзьям, от могучего Гектора падшим:
 Праздный сию пред судами, земли бесполезное бремя,
 105 Я, которому равного между героев ахейских
 Нет во брани, хотя на советах и многие лучше.
 О, да погибнет вражда от богов и от смертных, и с нею
 Гнев ненавистный, который и мудрых в неистовство вводит.
 Он в рождении сладостней тихо струящегося меда,
 110 Скоро в груди человека, как пламенный дым, возрастает!
 Гневом таким преисполнил меня властелин Агамемнон.

Но забываем мы всё прежде бывшее, как ни прискорбно;
 Гнев оскорбленного сердца в груди укрощаем, по нужде.
 Я выхожу, да главы мне любезной губителя встречу,
 115 Гектора! Смерть же принять готов я, когда ни рассудят
 Здесь мне назначить ее всемогущий Кронион и боги!
 Смерти не мог избежать ни Геракл, из мужей величайший,
 Как ни любезен он был громоносному Зевсу Кронииду;
 120 Мощного рок одолел и вражда непреклонная Геры.
 Так же и я, коль назначена доля мне равная, лягу,
 Где суждено; но сияющей славы я прежде добуду!
 Прежде еще не одну между жен полногрудых троянских
 Вздохами тяжкими грудь раздирать я заставлю и в горе
 С нежных ланит отирать руками обеими слезы!
 125 Скоро узнают, что долгие дни отдыхал я от брани!
 В бой выхожу; не удерживай, мать; ничем не преклонишь!”

Вновь отвечала ему среброногая мать Фетида:
 “Ты говоришь справедливо, любезнейший сын: благородно
 130 Быть для друзей угнетенных от бед и от смерти защитой.
 Но доспех твой прекрасный... во власти троян напыщенных;
 Медяным, светлосияющим им шлемоблещущий Гектор
 Перси покрыв, величается! Но уповаю, не долго
 В нем величаться троянцу: погибель его не далёко!
 Но и ты, мой сын, не вступай в боевую тревогу,
 135 Снова пока не приду я и сам ты меня не увидишь:
 Завтра я рано сюда с восходящим солнцем явлюся
 И прекрасный доспех для тебя принесу от Гефеста”.
 Так говоря, отвратилась богиня от скорбного сына
 И, обратясь к сестрам, nereидам морским, говорила:
 140 “Сестры мои, погрузитесь в лоно просторного моря,
 В дом возвратитесь отца, и, увидевши старца морского,
 Всё вы ему возвестите, а я на Олимп многохолмный,
 Прямо к Гефесту иду: не захочет ли славный художник
 Дать моему Ахиллесу блистательных славных оружий”.
 145 Так изрекла, — и они погрузились в волны морские.
 Прямо на светлый Олимп устремилась богиня Фетида,

Быстро идя, чтоб принести оружия милому сыну;
 Быстро к Олимпу ее возносили стопы. Но ахейцы
 С криком ужасным тогда, перед Гектором людодобийцей
 150 В страхе бежа, к кораблям и зыбям Геллеспонта примчались.
 Тщетно ахеяне меднопоножные рвались Патрокла
 Спасть из-под вражеских стрел, Ахиллесова мертвого друга,
 Снова Патрокла настигли толпы и народа и коней,
 С коими Гектор вослед его гнался, как бурное пламя.
 155 За ноги трижды хватал шлемоблещущий Гектор Патрокла,
 Вырвать пылая, и страшно кричал он, троян призывая;
 Трижды Аяксы его отражали от тела своею
 Бурною силой; но Гектор упорно, на силу надежный,
 То нападал на столпившихся, то становился и громким
 160 Криком своим призывал; но назад отступить он не думал.
 Словно как пылкого льва отпугнуть от кровавого труп
 Пастыри в поле ночные, яримого голодом, не могут, —
 Так не могли совокупные, храбрые оба Аяксы
 Гектора, Трои вождя, отогнать от Патроклова тела.
 165 Он овладел бы, покрылся бы он беспредельною славой,
 Если б герою Пелиду подобная вихрям Ирида
 С вестью, да к брани воздвигнется, быстро с небес не явилась,
 Тайно от Зевса и прочих богов устремленная Герой.
 Вестница стала пред ним и крылатые речи вещала:
 170 “К брани воздвигнись, ужаснейший муж, Пелейон быстроногий!
 Тело Патрокла спаси; за него пред судами восстала
 Бурная сеча; неистово в ней убивают друг друга:
 Мужа ахейские, чтоб отстоять бездыханное тело,
 Мужа троянские, чтоб овладеть и умчаты к Илиону,
 175 Пламенно рвутся; но пламенной всех бронешлещущий Гектор
 Жаждет увлечь, и Патроклову голову он замышляет
 С белой выи срубить и на кол вонзить в поруганье.
 Шествуй, не время покоиться; ужас ты в сердце почувствуй,
 Если Патрокл твой будет игралцем псов илионских!,
 180 Срам на тебе, если тело его искаженное придет!”

К ней, вздохнув, говорил быстроногий Пелид знаменитый:
 “Кем ты, бессмертная, вестницей мне послана от бессмертных?”

Вновь отвечала ему подобная ветрам Ирида:
 “Тера меня ниспослала, священная Зевса супруга,
 185 Тайно; не знает сего ни высокопрестольный Кронион,
 Ни другой из бессмертных, на снежном Олимпе живущих”.

Ей отвечивал вновь быстроногий Пелид знаменитый:
 “Как мне в сражение выйти? Доспех мой у них, у враждебных!
 Мать же милая мне возбранила на бой ополчаться
 190 Прежде, поколе ее возвратившуюсь здесь не увижу,
 Мне обещая принести от Гефеста доспех велелепный.
 Здесь же не ведаю, чьим мне облечься оружием крепким?
 Щит мне споручен один — Теламонова сына Аякса;
 Но и сам он, я мню, подвизается между передних,
 195 Пикой врагов истребляя вокруг Менетидова тела”.

Вновь отвечала герою подобная ветрам Ирида:
 “Знаем мы все, что твоим овладели оружием славным.
 Но без орудий приблизься ко рву, покажися троянам:
 Лик твой узрев, ужаснутся трояне и, может быть, бросят
 200 Пламенный бой; а данайские храбрые мужи отдохнут,
 Боем уже истомленные; краток в сражениях отдых”.

Так говоря, отлетела подобная ветрам Ирида.
 И восстал Ахиллес, громовержцу любезный; Паллада
 Мощные плечи его облачила эгидом кистистым;
 205 Облак ему вкруг главы обвила золотой Тритогена
 И кругом того облака пламень зажгла светозарный,
 Словно как дым, подымаясь от града, восходит до неба,
 С острова дальнего, грозных врагов окруженного ратью,
 Где, от утра до вечера, споря в ужасном убийстве,
 210 Граждане бьются со стен; но едва сокрывается солнце,
 Всюду огни зажигают маячные; свет их высоко
 Всходит и светит кругом, да живущие окрест увидят
 И в кораблях, отразители брани, скорее примчатся, —
 Так от главы Ахиллесовой блеск подымался до неба.
 215 Вышед за стену, он стал надо рвом; но с народом ахейским,

Матери мудрой завет соблюдая, герой не мешался;
 Там он крикнул с раската; могучая вместе Паллада
 Крик издала; и троян обуял неописанный ужас.
 Сколь поразителен звук, как труба загремит, возвещая
 220 Городу приступ врагов душегубцев, его окруживших, —
 Столь поразителен был воинственный крик Эакида.
 Трои сыны лишь слышали медяный глас Эакидов,
 Всех задрожали сердца; долгогривые кони их сами
 Вспять с колесницами бросились; гибель зачуяло сердце.
 225 В ужас впали возницы, узрев огонь неугасный,
 Окрест главы благородной подобного богу Пелида
 Страшно плававший; его возжигала Паллада богиня.
 Трижды с раската ужасно вскричал Ахиллес быстроногий;
 Трижды смешались войски троян и союзников славных.
 230 Тут средь смятенья, от собственных коней и копий, двенадцать
 Сильных погибло троянских мужей. Между тем аргивяне
 Весело, к радости всех, из-под копий умчавши Патрокла,
 Тело на одр положили; его окружили, рыдая,
 Грустные други; за ними пошел Ахиллес благородный;
 235 Теплые слезы он пролил, увидевши верного друга,
 Медью пронзенного острой, на смертном простертого ложе, —
 Друга, которого сам с колесницей своей и с конями
 В битву послал, но живого, пришедшего с битвы, не встретил.

240 Тою порою Солнцу, в пути неистомному, Гера,
 Противу воли его, в Океан низойти повелела.
 Солнце сокрылося в волны, и рать благородных данаев
 Вся от тревоги и общегубительной брани почила.

Трои сыны на другой стороне с ратоборного поля
 Быстро сошли, от ярм отрешили коней долгогривых
 245 И, не мысля о вечере, вдруг на совет собирались.
 Стоя троянские мужи держали совет; ни единый
 Сесть не дерзал; ужасались они, что Пелид быстроногий
 Вновь показался, давно уклонявшийся грозного боя.
 Полидамас Панфоид им начал советовать мудрый:
 250 Он бо один и минувшее знал, и грядущее видел;

Другом Гектора был и в единую ночь с ним родился;
 Но, как речами был он, так Гектор оружием славен;
 Муж благомысленный, так он троянам советовать начал:
 “Тщательно, други, размыслите; я вам советую ныне ж
 255 В град с ополченьем войти, а не ждать Авроры священной
 В поле, близ самых судов: далеко мы стоим от твердыни.
 В дни, как сей муж враждовал на Атрида, владыку народов,
 В битвах не столько нам тягостны были данайские рати.
 Я веселился и сам, при судах мореходных ночую;
 260 Чаял, что скоро возьмем мы суда меднолатных данаев.
 Ныне ж, как вы, я страшуся Пелеева быстрого сына;
 Знаю я душу Пелидову бурную: он не захочет
 Медлить на этих полях, где трояне, с сынами ахеян
 В битвы сходяся, равно разделяли свирепство Арея:
 265 Града и наших супруг добывать он битвою будет.
 В град возвратимся немедля; поверьте мне, так совершится!
 Ныне от битв удержала Пелеева бурного сына
 Ночь благовонная; если и завтра нас здесь он застанет,
 270 Завтра нагрянув с оружием, — о! не один Ахиллеса
 Скоро узнает; войдет не без радости в Трою святую,
 Кто избежит от могучего: многих троян растерзают
 Враны и псы; но не дайте мне, боги, подобное слышать!
 Если вы мне покоритесь, хотя и прискорбно то сердцу,
 Ночь проведем мы на площади с силой; а городу стены,
 275 Башни, ворота высокие, оных огромные створы,
 Длинные, гладкие, крепко сплоченные, будут защитой.
 Утром же мы на заре, ополчась оружием медным,
 Станем на башнях; и горе надменному, если захочет
 Он, от судов устремившись, с нами вокруг града сражаться!
 280 Вспять к судам возвратится, когда он коней круговыйных
 В долгих бегах истомит, перед градом их праздно гоняя;
 В стены ворваться ни гордое сердце ему не позволит;
 Их не разрушит он; быстрые псы его прежде изложут!”

 Грозно взглянув на него, отвечал шлемоблещущий Гектор:
 285 “Все для меня неприятное, Полидамас, ты вещаешь, —
 Ты, убеждающий вспять отступить и в Трое скрываться!

Или в стенах заключенными быть вам еще не постыло?
 Прежде Приамов сей град племени ясновещие смертных
 Все нарицали счастливым, богатым и златом и медью:
 290 Скрылося всё, что в домах драгоценного, пышного было!
 Сколько во Фригию или в Меонию, славную землю,
 Продано наших сокровищ с тех пор, как прогневан Кронион!!
 Ныне ж, когда благодетельный мне даровал громовержец
 Славу стяжать при судах, отразив к Геллеспонту ахеян,
 295 Мысли такие, безумец, стыдись открывать пред народом!
 Их ни один из троян не послушает: я не позволю!
 Слушайте, други, вы слово мое и ему повинуйтесь:
 Ныне вы все вечеряйте по стану, отряд близ отряда;
 Помните стражу ночную и бодрствуйте каждый на страже.
 300 Кто ж из троян о богатствах домашних безмерно крушится,
 Пусть соберет и отдаст на народ, да народ их истратит:
 Пусть кто-нибудь из своих наслаждается, но не ахейцы!
 Завтра ж, еще на заре, ополчась оружием ратным,
 Мы на суда многовеселье боем решительным грянем.
 305 Ежели истинно к брани восстал Ахиллес быстроногий,
 Худо ему, как желает он, будет! Не стану я больше
 В битве ужасной его избегать, но могучего смело
 Встречу. С победною славою он или я возвращуся:
 Общий у смертных Арей; и разящего он поражает!"

310 Гектор вещал, а трояне шумно кругом восклицали.
 Мужи безумные! разум у них помрачила Паллада.
 С Гектором все согласились, народу беды совещавшим;
 С Полидамасом — никто, совет предлагавшим полезный.
 В поле они вечеряли всем воинством. Но мирмидонцы
 315 Целую ночь провели над Патроклом, стена и рыдая.
 Царь Ахиллес среди сонма их плач свой рыдательный начал;
 Грозные руки на грудь положив бездыханного друга,
 Часто и тяжело стенал он, — подобно как лев густобрадый,
 Ежели скимнов его из глубокого леса похитит
 320 Ланей ловец; возвратяся он, поздно, по детям тоскует;
 Бродит из дебри в дебрь и следов похитителя ищет,
 Жалобно стонущий; горесть и ярость его обьмают, —

Так стена, Пелид говорил посреди мирмидонян:
 “Боги, боги! бесплодное слово из уст изронил я
 325 В день, как старался утешить героя Менетия в доме!
 Я говорил, что в Опунт приведу ему славного сына
 Трои рушителем крепкой, участником пышной добычи.
 Нет, не все помышления Зевс человекам свершает!
 Нам обоим предназначено землю одну окровавить
 330 Здесь, на троянском берегу! И меня, возвратившегося с боя,
 В доме отцов никогда ни Пелей престарелый не встретит,
 Ни любезная мать; но здесь покроет могила!
 Если же после тебя, о Патрокл мой, в могилу сойти мне,
 С честью тебя погребу; но не прежде, как здесь я повергну
 335 Броню и голову Гектора, гордого смертью твоею!
 Окрест костра твоего обезглавлю двенадцать плененных
 Трои краснейших сынов, за убийство тебя отомщая!
 Ты ж до того, Менетид, у меня пред судами покойся!
 Окрест тебя полногрудые жены троян и дарданцев,
 340 Коих с тобой мы добыли копьем и могучеством нашей,
 Грады руша цветущие бранолюбивых народов,
 Пусть рыдают, и ночи и дни обливаясь слезами”.

Так говорил, — и друзьям повелел Ахиллес благородный
 Медный великий треножник поставить на огонь и скорее
 345 Тело Патрокла омыть от запекшейся крови и праха.
 Мужа сосуд омовений, поставив на светлое пламя,
 Налили полный водою и дров на огонь подложили;
 Дно у тренога огонь обхватил, согревалась влага.
 И когда закипевшая в звонкой меди зашумела, —
 350 Тело омыли водой, умастили светлым елеем,
 Язвы наполнили мастью драгой, девятигодовою;
 После, на одр положив, полотном его тонким покрыли
 С ног до главы и сверху одели покровом блестящим.
 Целую ночь потом вокруг Пелида царя мирмидонцы,
 355 Стоя толпой, о Патрокле крушились, стена и рыдая.

Зевс на Олимпе воззвал к златотронной сестре и супруге:
 “Сделала ты, что могла, волоокая, гордая Гера!

В брань подняла быстроногого сына Пелеева. Верно,
Родоначальница ты кудреглавых народов Эллады”.

360 Быстро воззвала к нему волоокая Гера царица:
“Мрачный Кронион! какие слова ты, могучий, вещаешь?
Как? человек человеку свободно злодействовать может,
Тот, который и смертен и столько советами скуден.
Я ж, которая здесь почитаюсь богиней верховной,
365 Славой сугубой горжусь, что меня и сестрой и супругой
Ты нарицаешь, — ты, над бессмертными всеми царящий, —
Я не должна, на троян раздраженная, бед устроить им?”

Так божества олимпийские между собою вещали.
Тою порою Фетида достигла Гефестова дома,
370 Звездных, нетленных чертогов, прекраснейших среди Олимпа,
Кои из меди блистательной создал себе хромоногий.
Бога, покрытого потом, находит в трудах, пред мехами
Быстро вращавшегося: двадцать треножников вдруг он работал,
В утварь поставить к стене своего благолепного дома.
375 Он под подножием их золотые колеса устроил,
Сами б собою они приближались к сонму бессмертных,
Сами б собою и в дом возвращались, взорам на диво.
В сем они виде окончены были; одних не приделал
Хитроизмышленных ручек: готовил, и гвозди ковал к ним.
380 Тою порою, как их он по замыслам творческим делал,
В дом его тихо вошла среброногая мать Ахиллеса.
Вышла, увидев ее, под покровом блестящим Харита,
Прелестей полная, бога хромого супруга младая;
За руку с лаской взяла, говорила и так вопрошала:
385 “Что ты, Фетида, покровом закрытая, в дом наш приходишь
Милая нам и почтенная? редко ты нас посещаешь.
Но войди ты в чертог, да тебя угощу я, богиню”.

Так произнесши, Харита во внутренность вводит Фетиду.
Там сажает богиню на троне серебряногвоздном,
390 Пышном, изящно украшенном, с легкой подножной скамьей.

После голосом громким Гефеста художника кличет:
 “Выйди, Гефест, до тебя у Фетиды Нереевой просьба”.

Ей немедля ответствовал славный Гефест хромоногий:
 “Мощная в доме моем и почтенная вечно богиня!

395 Ею мне жизнь спасена, как страдал я, заброшенный с неба
 Волею матери Геры: бесстыдная скрыть захотела
 Сына хромого. Тогда потерпел бы я горе на сердце,
 Если б Фетида меня с Эвриномой не приняли в недра,
 400 Дщери младые катящегося вокруг Океана седого.
 Там украшения разные девять годов я ковал им,
 Кольца витые, застёжки, уборы волос, ожерелья,
 В мрачной глубокой пещере; кругом Океан предо мною
 Пенный, ревущий бежал, неизмеримый; там ни единый
 405 Житель меня олимпийский, ни муж земнородный не ведал;
 Только Фетида с сестрой Эвриномою, спасшие жизнь мне.
 Ныне мой дом посетила бессмертная; должен отдать я
 Долг за спасение жизни прекрасноволосой Фетиде.
 Чествуй, супруга моя, угощением пышным Фетиду;
 Я не замедлю, мехи соберу и другие снаряды”.

410 Рек — и от наковальни великан закоптелый поднялся
 И, хромоногий, медлительно двигал увечные ноги:
 Снял от горна мехи и снаряды, какими работал,
 Собрал все и вложил в красивый ларец среброковный;
 415 Губкою влажною вытер лицо и могучие руки,
 Выю дебелую, жилистый тыл и косматые перси;
 Ризой оделся и, толстым жезлом подпирался, в двери
 Вышел хромая; прислужницы, под руки взявши владыку,
 Шли золотые, живым подобные девам прекрасным,
 Кои исполнены разумом, силу имеют и голос,
 420 И которых бессмертные знанию дел изучили.
 Сбоку владыки они поспешали, а он, колыхаясь,
 К месту прибред, где Фетида сидела на троне блестящем;
 За руку взялся рукой, называл и так говорил ей:
 “Что ты, Фетида, покровом закрытая, в дом наш приходишь,
 425 Милая нам и почтенная? редко ты нас посещаешь.

Молви, чего ты желаешь? исполнить же сердце велит мне,
Если исполнить могу я и если оно исполнимо”.

И Гефесту Фетида, залившись слезами, вещала:

- 430 “Есть ли, Гефест, хоть одна из богинь на просторном Олимпе,
Столько на сердце своем перенесшая горестей тяжких,
Сколько мне, злополучной, послал сокрушений Кронион!
Нимфу морскую, меня покори́л человеку земному,
Сыну Эака; и я испытала объятия мужа,
Как ни противилось сердце: уже тяжелая старость
435 В доме его изнуряет. Но скорбь у меня и другая!
Зевс даровал мне родить и взлелеять единого сына,
Первого между героев! Возрос он, как пышная отрасль;
Я воспитала его, как прекраснейший цвет в вертограде;
Юного в быстрых судах отпустила на брань к Илиону
440 Ратовать храбрых троян; и его никогда я не встречу
В доме отеческом, в светлых чертогах супруга Пелея!
Ныне, хотя и живет он, и солнца сияние видит,
Должен страдать; и ему я помочь не могу, и пришедши!
Деву, которую сыну избрали в награду ахейцы,
445 Снова из рук у него исторг властелин Агамемнон.
Грустный по ней, сокрушал он печалию сердце; ахеян
Сила троян до судов отразила и в стан заключенным
Им выходить не давала. Старейшины воинств ахейских
Сына молили и множество славных даров предлагали.
450 Сам он, правда, от воинств беду отразить отказался,
Но героя Патрокла своим он доспехом одеял;
Друга на битву послал и великое воинство вверил.
Билися целый день перед крепкою башнею Скейской.
Был бы в тот день Илион завоеван, когда бы могучий
455 Феб разносившего гибель Менетия храброго сына
В первых рядах не повергнул и славы Гектору не дал.
Вот для чего прихожу и к коленам твоим припадаю;
Может быть, сжалишься ты над моим краткожизненным сыном;
Может быть, дашь ты Пелиду и щит, и шелом, и поножи,
460 Также и латы: свои потерял он, как друг его верный
Пал от троян; и теперь — по земле он простертый тоскует!”

Ей немедля ответствовал Амфигией знаменитый:

“Будь спокойна и более сердцем о том не крушись.

О! да могу Ахиллеса от смерти ужасной далеко

465 Столь же легко я укрыть, когда рок его мощный постигнет,

Сколь мне легко для него изготовить доспехи, которым

Каждый от смертных бесчисленных будет дивиться, узревший!”

Так произнесши, оставил ее и к мехам приступил он.

Все на огонь обратил их и действовать дал повеленье.

470 Разом в отверстия горнильные двадцать мехов задыхали,

Разным из дул их дыша раздувающим пламень дыханьем,

Или порывным, служа поспешавшему, или спокойным,

Смотря на волю творца и на нужду творимого дела.

Сам он в огонь распыхавшийся медь некрушимую ввергнул,

475 Олово бросил, серебро, драгоценное золото; и после

Тяжкую наковальню насадил на столп, а в десницу

Молот крупнейший взял, и клещи захватил он другою.

И вначале работал он щит и огромный и крепкий,

Весь украшая изящно; кругом его вывел он обод

480 Белый, блестящий, тройной; и приделал ремень серебристый.

Щит из пяти составил листов и на круге обширном

Множество дивного бог по замыслам творческим сделал.

Там представил он землю, представил и небо, и море,

Солнце, в пути неистомное, полный серебряный месяц,

485 Все прекрасные звезды, какими венчается небо:

Видны в их сонме Плеяды, Гиады и мощь Ориона,

Арктос, сынами земными еще колесницей зовомый;

Там он всегда обращается, вечно блюдет Ориона

И единый чуждается мыться в волнах Океана.

490 Там же два града представил он ясновечивых народов:

В первом, прекрасно устроенном, браки и пиршества зрелись.

Там невест из чертогов, светильников ярких при блеске,

Брачных песней при кликах, по стогнам градским провожают.

Юноши хорами в плясках кружатся; меж них раздаются

495 Лир и свирелей веселые звуки; почтенные жены
 Смотрят на них и дивуются, стоя на крыльцах воротных.
 Далее много народа толпится на торжище; шумный
 Спор там поднялся; спорили два человека о пене,
 Мзде за убийство; и клялся один, объявляя народу,
 500 Будто он все заплатил; а другой отрекался в приеме.
 Оба решились, представив свидетелей, тяжбу их кончить.
 Граждане вокруг их кричат, своему доброхотству каждый;
 Вестники шумный их крик укрощают; а старцы градские
 Молча на тесаных камнях сидят средь священного круга;
 505 Скипетры в руки приемлют от вестников звонкоголосых;
 С ними встают и один за другим свой суд произносят.
 В круге пред ними лежат два таланта чистого злата,
 Мзда для того, кто из них справедливее право докажет.

Город другой облежали две сильные рати народов,
 510 Страшно сверкая оружием. Рати двояко грозили:
 Или разрушить, иль граждане с ними должны разделиться
 Всеми богатствами, сколько цветущий их град заключает.
 Те не склонялись еще и готовились к тайной засаде.
 Стену стеречь по забралам супруг поставив любезных,
 515 Юных сынов и мужей, которых постигнула старость,
 Сами выходят; вождями их идут Арей и Паллада,
 Оба златые, одетые оба златою одеждой;
 Вид их прекрасен, в доспехах величествен, сущие боги!
 Всем отличны они; человеки далёко их ниже.
 520 К месту пришедшие, где им казалась удобной засада,
 К берегу речному, где был водопой табунов разнородных,
 Там заседают они, прикрываясь блестящею медью.
 Два соглядатая их, отделясь, впереди заседают.
 Смотрят кругом, не узрят ли овец и волов подходящих.
 525 Скоро стада показались; два пастуха за стадами,
 Тешась цевницею звонкой, идут, не предвидя коварства.
 Быстро, увидевши их, нападают засевшие мужи;
 Грабят и гонят рогатых волов и овец сереброрунных:
 Целое стадо угнали и пастырей стада убили.
 530 В стане, как скоро услышали крик и тревогу при стаде,

Вой, на площади стражей стоящие, быстро на коней
 Бурных вскочили, на крик поскакали и вмиг принесли.
 Строем становятся, битвою бьются по берегу речному;
 Колют друг друга, метая стремительно медные копыя.
 535 Рыщут и Злоба, и Смута, и страшная Смерть между ними:
 Держит она то пронзенного, то не пронзенного ловит,
 Или убитого за ногу тело волочит по сече;
 Риза на персях ее обагрована кровью людскою.
 В битве, как люди живые, они нападают и бьются,
 540 И один пред другим увлекают кровавые трупы.

Сделал на нем и широкое поле, тучную пашню,
 Рыхлый, три раза распаханый пар, на нем землепашцы
 Гонят яремных волов, и назад и вперед обращаясь;
 И всегда, как обратно к концу приближаются нивы,
 545 Каждому в руки им кубок вина, веселящего сердце,
 Муж подает; и они, по своим полосам обращаясь,
 Вновь спешают дойти до конца глубобраздного пара
 Нива, хотя и золотая, чернеется сзади орющих;
 Вспаханной ниве подобаясь: такое он чудо представил.

550 Далее выделал поле с высокими нивами; жатву
 Жали наемники, острыми в дланях серпами сверкая.
 Здесь полосой непрерывною падают горстни густые;
 Там перевязчики их в снопы перевязлами вяжут.
 Три перевязчика ходят за жнущими; сзади их дети,
 555 Горстая быстро колосья, одни за другими в охапах
 Вяжущим их подают. Властелин между ними, безмолвно,
 С палицей в длани, стоит на бразде и душой веселится,
 Вестники одаль, под тению дуба, трапезу готовят;
 В жертву заклавши вола, вокруг него суетятся; а жены
 560 Белую сеют муку для сладостной вечери жнущим.

Сделал на нем отягченный гроздием сад виноградный,
 Весь золотой, лишь одни виноградные кисти чернелись;
 И стоял он на серебряных, рядом вонзенных подпорах.
 Около саду и ров темно-синий, и белую стену

565 Вывел из олова, к саду одна пролежала тропина,
 Коей носильщики ходят, когда виноград собирают
 Там и девицы и юноши, с детской веселостью сердца,
 Сладостный плод носили в прекрасных плетеных корзинах.
 В круге их отрок прекрасный по звонкорокочущей лире
 570 Сладко бряцал, припевая прекрасно под льняные струны
 Голосом тонким; они же, вокруг его пляшучи стройно,
 С пеньем, и с криком, и с топотом ног хороводом несутся.

Там же и стадо представил волов, воздымающих роги:
 Их он из золота одних, а других из олова сделал.
 575 С ревом волы из оград вырываясь, мчатся на паству,
 К шумной реке, к камышу густому по влажному берегу.
 Следом за стадом и пастыри идут, четыре, золотые,
 И за ними следуют девять псов быстроногих
 Два густогривые льва на передних волов нападают,
 580 Тяжко мычащего ловят быка; и ужасно ревет он,
 Львами влекомый; и псы на защиту и юноши мчатся;
 Львы повалили его и, сорвавши огромную кожу,
 Черную кровь и утробу глотают; напрасно трудятся
 Пастыри львов испугать, быстроногих псов подстрекая.
 585 Псы их не слушают; львов трепеща, не берут их зубами:
 Близко подступят, залают на них и назад убегают.

Далее — сделал роскошную паству Гефест знаменитый:
 В тихой долине прелестной несчетных овец среброрунных
 Стойла, под кровлей хлева, и смиренные пастырей кущи.

590 Там же Гефест знаменитый извил хоровод разнovidный,
 Оному равный, как древле в широкоустроенном Кносе
 Выделал хитрый Дедал Ариадне прекрасноволосой.
 Юноши тут и цветущие девы, желанные многим,
 Пляшут, в хор круговидный любезно сплетая руками.
 595 Девы в одежды льняные и легкие, отроки в ризы
 Светло одеты, и их чистотой, как елеем, сияют;
 Тех — венки из цветов прелестные всех украшают;
 Сих — золотые ножи, на ремнях чрез плечо серебристых.

600 Пляшут они, и ногами искусными то закружатся,
 Столь же легко, как в стану колесо под рукою испытной,
 Если скудельник его испытует, легко ли кружится;
 То разовьются и пляшут рядами, одни за другими.
 Кула селян окружает пленительный хор и сердечно
 Им восхищается; два среди круга их головоходы,
 605 Пение в лад начиная, чудесно вертятся в середине.

Там и ужасную силу представил реки Океана,
 Коим под верхним он ободом щит окружил велелепный.

Так изукрашенно выделав щит и огромный и крепкий,
 Сделал Гефест и броню, светлее, чем огненный пламень;
 610 Сделал и тяжкий шелом, Пелейона главе соразмерный,
 Пышный, кругом изукрашенный, гребнем златым повершенный;
 После из олова гибкого сделал ему и поножи.
 И когда все доспехи сковал олимпийский художник,
 Взяв, пред Пелидовой матерью их положил он на землю.
 615 И, как ястреб, она с осребренного снегом Олимпа
 Бросилась, мча от Гефеста блестящие сыну доспехи.

Песнь девятнадцатая

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ГНЕВА

В ризе багряно-златистой из волн Океана Денница
 Вышла, несущая свет и бессмертным и смертным: Фетида
 К сеням пришла мирмидонским с блистательным даром от бога.
 Там она сына нашла: над Патроклом своим распростертый,
 5 Громко рыдал он; и многие окрест друзья мирмидонцы
 Плакали. Став между них:, сереброногая мать-богиня
 За руку сына взяла, называла и так говорила:
 “Сын мой! оставим мертвого, как ни прискорбно то сердцу,
 С миром лежать: всемогущих богов он волей повержен.

10 Встань и прими, Пелейон, от Гефеста доспех велелепный,
Дивный, какой никогда не сиял вокруг ramen человека”.

Так произнесши, Фетида на землю доспех положила
Пред Ахиллесом; и весь зазвучал он, украшением дивный.
Вздروгнули все мирмидонцы; не мог ни один на доспехи
15 Прямо смотреть, отвратились они; Ахиллес же могучий
Только взглянул — и сильнейшим наполнился гневом: ужасно
Очи его из-под веждей, как огненный пыл, засверкали.
С радостью взяв, любовался он даром сияющим бога;
И, когда свое сердце нарадовал, смотря на чудо,
20 К матери серебряной крылатую речь устремил он:
“Матерь! доспех сей бессмертного дар; несомнительно должен
Быть он творением бога, не смертного мужа он дело.
Ныне ж я вооружаюсь. Но об одном беспокояно
Сердце мое, чтобы тою порою в Патрокловом теле
25 Мухи, проникши в глубокие, медью пробитые раны,
Алчных червей не родили; они исказят его образ
(Жизнь от него отлетела!), и тление тело обымет!”

Вновь говорила ему серебряная мать Фетида:
“Сын мой! заботой о сем не тревожь ты более сердца.
30 Я попекусь отгонять от него кровожадные сонмы
Мух, которые тело убитых мужей пожирают;
И хотя бы лежал он в течение круглого года,
Тело его невредимо и даже прекраснее будет.
Ты же, мой сын, на собранье созвавши героев ахейских,
35 Гнев прекрати на Атреева сына, владыку народов;
Быстро на бой ополчись и могучеством вновь облекися”.

Так говорила — и дух дерзновеннейший сыну вдохнула,
Другу ж его и амброзию в ноздри, и нектар багряный
Тихо влияла, да тело его невредимо пребудет.

40 Быстро по берегу моря пошел Ахиллес быстроногий,
Голосом страшным крича; и всех взволновал он ахеян.
Мужи, которые прежде всегда при судах оставались,

Все корабельщики, кои судов управляли кормилом.
Даже зажитники ратных дружин, раздаватели хлеба, —
45 Все поспешили в собрание, когда Ахиллес благородный
Вновь показался, столь долго чуждавшийся брани кровавой.
Двое хромаючи шли, знаменитые слуги Арея,
Царь Одиссей и Тидид Диомед, воеватель могучий,
Шли, опираясь на копья, неся еще тяжкие раны.
50 Оба, пришедши, они на местах передних воссели;
Вслед их притек и Атрид, повелитель мужей Агамемнон,
Раной недужный: зане и его среди бурного боя
Ранил Коон Антенорид огромною пикою медной.
И, когда уже все на собрание сошлись ахейцы,
55 Встал между ними и так говорил Ахиллес быстроногий:
“Царь Агамемнон! полезнее было бы, если бы прежде
Так поступили мы оба, когда, в огорчении нашем,
Гложущей душу враждой воспылали за пленную деву!
О! почто Артемида сей девы стрелой не пронзила
60 В день, как ее между пленниц избрал я, Лирнесс разоривши:
Столько ахейских героев земли не глодало б зубами,
Пав под руками враждебных, когда я упорствовал в гневе!
Гектор и Трои сыны веселятся о том, а данаи
Долго, я думаю, будут раздор наш погибельный помнить.
65 Но совершившееся прежде оставим в прискорбии нашем,
Гордое сердце в груди укротим, как велит неизбежность.
Ныне я гнев оставляю решительно; я не намеряя
Сердца крушить враждой бесконечною. Царь Агамемнон,
В битву подвигни скорее медянодоспешных данаев;
70 Дай мне скорее идти на троян и еще испытать их,
Иль и теперь ночевать пред судами намерены? Нет, уповаю,
Радостно каждый из них утомленные склонит колена,
Каждый, на пламенной битве от наших оружий избывший!”

Так говорил, — и наполнились радостью все аргивяне,
75 Слыша, что гнев навсегда оставляет Пелид благородный.
Начал тогда говорить повелитель мужей Агамемнон,
С места восстав, где сидел, но стоять на средину не вышел:
“Други, данаи герои, бесстрашные слуги Арея!

Вставшего надобно слушать; начавшего слово не должно
 80 Перерывать: затруднится и самый искусный вития.
 В шумном народном говоре можно ли что-либо слышать
 Или сказать? — заглушится вития, как ни был бы громок.
 С сыном Пелеевым я объясняюся; вы же, ахейцы,
 Слушайте все со вниманьем и речи мои вразумите. —
 85 Часто о деле мне сем говорили ахейские мужи;
 Часто винули меня, но не я, о ахейцы, виновен;
 Зевс Эгиох, и Судьба, и бродящая в мраках Эринис:
 Боги мой ум на совете наполнили мрачною смутой
 В день злополучный, как я у Пелида похитил награду.
 90 Что ж бы я сделал? Богиня могучая всё совершила,
 Дщерь громовержца, Обида, которая всех ослепляет,
 Страшная; нежны стопы у нее: не касается ими
 Праха земного; она по главам человеческим ходит,
 Смертных язвя; а иного и в сети легко уловляет.
 95 Древле она ослепила и Зевса, который превыше
 Всех земнородных и всех небожителей: даже и Зевса
 Гера, хотя и жена, но коварством своим обманула
 В день, как готова была счастливая мать Алкмена
 Силу Геракла родить в опоясанных башнями Фивах.
 100 Зевс, величаясь уже, говорил пред собором бессмертных:
 — Слушайте слово мое, и боги небес и богини;
 Я вам поведать желаю, что в персях мне сердце внушает:
 Ныне, родящих помощница, в свет изведет Илифия
 Мужа, который над всеми окрестными царствовать будет,
 105 Ветвь человеков великих, от крови моей исходящих. —
 Зевсу, коварное мысля, вещала владычица Гера:
 — Ложь, Эгиох! никогда своего не исполнишь ты слова.
 Или дерзни, поклянись, Олимпиец, великою клятвой,
 Что над всеми окрестными царствовать будет
 110 Смертный, который в сей день упадет на колена родившей,
 Ветвь человеков великих, от крови твоей исходящих. —
 Так говорила, но Зевс не почувствовал козней супруги:
 Клятвой поклялся святой и раскаялся, горько прельщенный.
 Гера, стремительно бросаься, оставила холмы Олимпа;
 115 Быстро достигла ахейского Аргоса, где уже прежде

- Знала богиня супругу царя Персеида Сфенела.
 Сына царица седьмой уже месяц в утробе носила:
 Гера его до срока на свет извела; но Алкмены
 В срок удержала роды, удаливши помощных Илифий.
 120 С вестью о том перед Зевса предстала сама и вещала:
 — Зевс сребромолненный! слово тебе полагаю на сердце:
 Смертный рожден знаменитый, что царствовать в Аргосе
 должен,
- Муж Эврисфей, Персеида Сфенела геройская отрасль,
 Племя твое; не будет он Аргосу царь недостойный. —
 125 Так изрекла, — и жестокая горесть ударила в сердце
 Зевса. Схватил он Обиду за пышноблестящие кудри,
 Страшным пылающий гневом, и клялся великою клятвой,
 Что на холмистый Олимп и звездами венчанное небо
 Ввек не вздыт Обида, которая всех ослепляет.
 130 Так произнес он, и махом десницы от звездного неба
 Ринул ее, — и упала она на дела человека.
 Зевс от нее же стенал, как любезного сына он видел,
 Низкое иго носящего, в подвигах для Эврисфея. —
 Так-то и я, как великий, шеломом сверкающий Гектор
 135 Рати ахейских сынов истреблял при кормах корабельных,
 Сам не мог позабыть я Обиды, меня ослепившей.
 Но, как уже погрешил я и Зевс мой разум похитил,
 Сам то загладить хочу и воздать многоценною мздою.
 Храбрый, воздвигнись на бой, возбуди и другие дружины!
 140 Что до даров, я все их представлю, какие ходивший
 Прошлого дня пред тобой исчислял Одиссей благородный.
 Если же хочешь, помедли ты, сколько ни жаждущий боя;
 Слуги мои те дары, в корабле собравши, представят,
 И увидишь ты, что я тебе, угождая, дарую”.
- 145 Сыну Атрея отвечивал царь Ахиллес благородный:
 “Славою светлый Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
 Хочешь ли мне дары примиренья, как должно, доставить
 Иль удержать их, — ты властен; теперь же о битве помыслим
 Без отлагательств: и что в рассуждениях время нам тратить?
 150 Что нам здесь медлить? еще не свершилось великое дело!

Пусть, кто желает, опять впереди Ахиллеса увидит,
 Медною никой фаланги крушащего ратей троянских,
 И, подобно ему, да пылает с врагами сражаться!”

Но Пелиду царю возразил Одиссей многоумный:

- 155 “Нет; сколь ни мужествен ты, Ахиллес, бессмертным подобный,
 Воинств ахейских, голодных еще, не веди к Илиону
 Биться с троянами храбрыми! Нет, не на краткое время
 Битва завяжется, если троян и ахеян фаланги
 В сечу сойдутся и бог им вдохнет одинакую храбрость.
 160 Прежде ахейским сынам повели ты насытиться в стане
 Хлебом, вином: оно человеку и бодрость и крепость.
 Муж ни один во весь день, от восхода до запада солнца,
 Пищею не подкрепленный, не в силах выдерживать боя.
 Сердцем в груди неистомным хотя б и пылал он сражаться,
 165 Члены у тощего все тяжелеют, его беспокоит
 Жажда и глад, у него на пути запинаятся ноги.
 Но человек, укрепяся вином и насытятся пищей,
 Может весь день под оружием с силой враждебных сражаться.
 Дух в его персях и крепок и бодр, и усталости члены
 170 Прежде не слышат, доколе с побоища все не сосутпят.
 Так, Ахиллес! распусти аргивян и вели им готовить
 Завтрак. Дары для тебя повелитель мужей Агамемнон
 Пусть пред собранье народа представит, да все их данаи
 Узрят очами, и сам ты свое да возрадуешь сердце.
 175 Пусть поклянется тебе, пред народом восстав, что доньше
 К деве на одр не всходил, не сближался с младой Брисеидой
 Так, как мужам и женам свойственно меж человеков.
 Ты же и сам укротися душою и будь благосклонен.
 Пусть напоследок тебя угостит он торжественным пиром
 180 В куцах своих, чтобы должное ты получил без урона.
 Ты, Агамемнон могучий, вперед и к другому ахеицу
 Сам справедливее будь: унижения нет властелину
 С мужем искать примиренья, которого сам оскорбил он”.

Сыну Лаэрта немедля отвечивал царь Агамемнон:

- 185 “Радуясь, речи твои, Лаэртид благородный, я слушал;

Истину ты говорил и о всем рассуждал справедливо.
 Клятву готов произнести я, как самое сердце велит мне,
 И перед богом клятву неложную! Сын же Пелеев
 Здесь между тем да останется, сколько ни жаждущий боя;
 190 Здесь и другие останьтес, ахейцы, пока из-под сеней
 Придут дары и пока совершу я священные клятвы.
 Дело сие, Одиссей, на тебя самого возлагаю.
 Ты, благороднейших юношей в стане ахейском избравши,
 Все те дары, что вчера обещали мы дать Ахиллесу,
 195 Сам принеси с корабля моего и жен приведи нам.
 Ты ж мне, Талфибий, скорее в ахейском стане обширном
 Вепря нашед, уготовь на закляние Зевсу и Солнцу”.

Сыну Атрея отвечивал вновь Ахиллес быстроногий:
 “Славою светлый Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
 200 После, в другое время о том вам заботиться лучше,
 В час, как отдых короткий от тягостной брани случится,
 И как гнев в моем сердце не столько свирепствовать будет.
 Трупы еще перед нами лежат пораженных, которых
 Гектор свирепый убил, как Зевс даровал ему славу, —
 205 Вы же народ приглашаете к пище! Не так бы я думал:
 Я бы теперь же советовал в битву идти аргиевнам,
 Гладным и тощим; и только вечерний, пред западом солнца,
 Пир уготовить всеобщий, когда мы отметим поруганье.
 Прежде сего никакое питье, никакая мне пища,
 210 Верно, в уста не войдет, перед другом моим бездыханным!
 Он у меня среди кущи, истерзанный медью жестокой,
 К двери ногами лежит распростертый: кругом его други
 Плачут печальные! Нет, у меня в помышленье не пища:
 Битва, и кровь, и врагов умирающих страшные стоны!”

Вновь, обратясь к нему, говорил Одиссей многоумный:
 “О Ахиллес Пелейон, величайший воитель ахейский!
 Ты знаменитей меня, а не меньше того и сильнее
 В битве копьем; но тебя, о герой, превзойду я далеко
 Знанием: прежде родился я, больше тебя я изведаль.
 220 Пусть же душа у тебя укротится моим убеждением:

Скоро сердце людей пресыщается в битве убийством,
 Где уже множество класов медь по земле разостлала;
 Жатва становится скудной, как скоро весы наклоняет
 Зевс Эгиох, меж племен человеческих браней решитель.
 225 Нет, не утробою должно ахейцам крушиться о мертвых:
 Много ахейских сынов, ежедневно ряды над рядами,
 Падают: кто ж и когда бы успел отдохнуть от печали?
 Долг наш земле предавать испутившего дух человека,
 Твердость в душе сохраняя, поплакавши день над умершим;
 230 Тем же, которые живы от гибельных битв остаются,
 Должно питьем и едой укрепляться, чтоб с ревностью новой
 Каждому против врагов и всегда без усталости биться,
 Медью покрывшись крепкою. Нет, да никто из народа
 В стане не медлит, приказа для войск ожидая другого!
 235 Пагубен будет приказ сей для каждого, кто б ни остался,
 Между судов укрывался. Нет, на троян конеборных
 Ныне мы все пойдем и воздвигнем жестокую битву!"

Рек — и с собою сынов знаменитого Нестора взял он,
 Мегеса, отрасль Филея, вождя Мериона, Фоаса
 240 И Меланиппа вождя с Ликомедом, Крейоновым сыном.
 Вместе они поспешили царя Агамемнона к сени.
 Скоро, как было сказано слово, исполнено дело:
 Семь Ахиллесу обещанных в сени треножников взяли;
 Двадцать блестящих лаханей, двенадцать коней пышногривых;
 245 Вывели вместе и жен непорочных, работниц искусных
 Семь, и осьмую румяноланитую Брисову дочь.
 С золотом же сам Одиссей, отвесивши десять талантов,
 Шел впереди; а юноши следом с другими дарами.
 Их пред собраньем они положили. Атрид Агамемнон
 250 Встал; провозвестник Талфибий, голосом богу подобный,
 Вепря руками держа, предстал пред владыку народа.
 Царь Агамемнон, стремительно нож обнаживши десною,
 Острый, всегда у него при влагалище мечном висящий,
 С вепря щетины отсек для начатков и, руки воздевши,
 255 Зевсу владыке молился. Ахеяне окрест сидели
 Тихо, с приличным вниманием слушая слово царево;

Он же, моляся, вещал, на пространное небо взирая:
 “Зевс да будет свидетелем, бог высочайший, сильнейший!
 Солнце, Земля и Эринии, те, что в жилищах подземных
 260 Грозно карают смертных, которые ложно клялися!
 Я здесь клянусь, что на Брисову дочь руки я не поднял,
 К ложу неволя ее иль к чему бы то ни было нудя;
 Нет, безмятежной она под моим оставалася кровом!
 Если ж поклялся я ложно, да боги меня покарают
 265 Всеми бедами, какими карают они вероломных!”

Рек — и гортань кабана отсекает суровою медью.
 Жертву Талфибий в пучину глубокую моря седого
 Рыбам на снесь, размахавши, поверг. Ахиллес быстроногий
 Думен восстал и так говорил между сонма данаев:
 270 “Зевс! беды жестокие ты посылаешь на смертных!
 Нет, никогда б у меня Агамемнон властительный в персях
 Сердца на гнев не подвиг; никаким бы сей девы коварством
 Он против воли моей не похитил; но Зевс, несомненно,
 Зевс восхотел толь многим ахейнам смерть уготовить!
 275 К завтраку, други, спешите, и после начнем нападение!”

Так произнесши, собрание быстрое он распускает.
 Все рассеваются, к куще своей удаляется каждый.
 Тою порой мирмидонцы, принявши дары примиренья,
 С ними пошли к кораблю Ахиллеса, подобного богу;
 280 Их положили под кущей героя, а жен посадили;
 Коней погнали в табун Ахиллесовы верные слуги.

Брисова дочь, златой Афродите подобная ликом,
 Только узрела Патрокла, пронзенного медью жестокой,
 Вкруг мертвеца обвилась, возрыдала и с воплями стала
 285 Перси терзать, и нежную выю, и лик свой прелестный.
 Плача, жена, как богиня прекрасная, так говорила:
 “О мой Патрокл! о друг, для меня, злополучной, бесценный!
 Горе, живого тебя я оставила, сень покидая;
 В сень возвратясь, обретаю мертвого, пастырь народа!
 290 Так постигают меня непрерывные бедство за бедством!

Мужа, с которым меня сочetaли родитель и мать,
 Видела я перед градом пронзенного медью жестокой;
 Видела братьев троих (родила нас единая мать),
 Всех одинако мне милых, погибельным днем поглощенных.
 295 Ты же меня и в слезах, когда Ахиллес градоборец
 Мужа сразил моего и обитель Минеса разрушил,
 Ты утешал, говорил, что меня Ахиллесу герою
 Сделаешь милой супругой, что скоро во фгийскую землю
 Сам отвезешь и наш брак с мирмидонцами праздновать будешь.
 300 Пал ты! тебя мне оплакивать вечно, юноша милый!"

Так говорила, рыдая; стенали и прочие жены,
 С виду, казалось, о мертвом, но в сердце о собственном горе.
 Тою порой к Ахиллесу ахейские старцы сходились,
 Пищей прося укрепиться; но он отвергал их, стнящий:
 305 "Други! молю вас, когда еще есть мне друг здесь послушный;
 Нет, не просите меня, чтоб питьем, чтоб какой-либо пищей
 Я насладился: жестокая горесть меня раздирает!
 Солнце пока не зайдет, не приму, не коснуся я пищи!"

Так говоря, отпустил от себя властелинов ахейских.
 310 Только Атриды остались и сын многоумный Лаэртос,
 Нестор, Идомений и божественный Феникс; но тщетно
 Вместе они утешали печального; сердцем он весел
 Не был, покуда не бросился в бездну кровавыя брани.
 Думал он лишь о Патрокле, об нем говорил, вздыхая:
 315 "Прежде, бывало, мне ты, злополучный, лобезнейший друг мой,
 Сам под кущей моею приятную снедь предлагаешь
 Скоро всегда и заботливо, если, бывало, ахейцы
 Брань многослезную снова троянам нанести спешают.
 320 Ныне лежишь ты, пронзенный, и сердце мое отвергает
 Здесь изобильную снедь и питье, по тебе лишь тоскуя!
 Нет, не могло бы меня поразить жесточайшее горе,
 Если б печальную весть и о смерти отца я услышал,
 Старца, который, быть может, льет горькие слезы во Фтии,
 Помощи сына лишенный, тогда как в земле чужелюдной
 325 Ради презренной Елены сражаюсь я с чадами Трои;

Даже когда б я услышал о смерти и сына в Скиросе,
 Милого, если он жив еще, Неоптолем мой прекрасный!
 Прежде меня утешала хранимая в сердце надежда,
 Что умру я один, далеко от отчизны любезной,
 330 В чуждой троянской земле, а ты возвратишься во Фтию;
 Ты, уповая, мне сына в своем корабле быстролетном
 В дом привезешь из Скироса и юноше всё там покажешь:
 Наше владенье, рабов и высокие кровлей палаты.
 Ибо Пелей, говорит мое сердце, уже или умер,
 335 Или, быть может, едва уже дышит, согбенный под игом
 Старости скорбной и грусти, и ждет обо мне беспрестанно
 Вести убийственной сердцу, когда о погибшем услышит!"

Так говорил он и плакал; кругом воздыхали герои,
 Каждый о том вспоминая, что милого в доме оставил.
 340 С неба печальных узрев, милосердовал Зевс промыслитель,
 И к Афине Палладе крылатую речь обратил он:
 "Или ты вовсе, о дочь, отступилась от славного мужа?
 Или нисколько уже не заботишься ты о Пелиде?
 Се он, сидя один при своих кораблях прямокормных,
 345 Горестный плачет по друге любезном. Все аргивяне
 Пищу вкушают; а он остается и голодный и тощий.
 Шестувуй, Афина; и нектаром светлым с амброзией сладкой
 Грудь ороси Ахиллесу, да немощь его не обымет".

Рек — и подвигнул Афины, давно пламеневшую сердцем:
 350 Быстро она, как орел звонкогласый, ширококрылатый,
 С неба слетела по воздуху. Тою порою ахейцы
 Воинством всем ополчались по стану. Пелееву сыну
 Нектаром Зевсова дочь и амброзией сладкой незримо
 Грудь оросила, да немощь от глаза его не обымет;
 355 И сама на Олимп вознеслась к меднозданному дому
 Зевса. Ахейцы ж неслия от черных судов мореходных.
 Словно как снежные клоки летят от Зевеса густые,
 Быстро гонимые хладным, эфир проясняющим ветром, —
 Так от ахейских судов неисчетные в поле неслия
 360 Шлемы, игравшие блеском, щиты, воздымавшие бляхи,

Крепко сплоченные брони и ясеня твердого копья.
 Блеск восходил до небес; под пышным сиянием меди
 Окрест смеялась земля; и весь берег гремел под стопами
 Ратных мужей. Посреди их Пелид ополчался великий.
 365 Зубы его скрежетали от гнева; быстрые очи
 Страшно, как пламень, светились; но сердце ему раздирала
 Грусть нестерпимая. Так на троян он, пышущий гневом,
 Бога дарами облекся, Гефеста созданием дивным.
 Прежде всего положил он на быстрые ноги поножи
 370 Пышные, кои серебряной плотно смыкались наглезной;
 После на мощную грудь надевал испещренные латы;
 Бросил меч на плечо с рукояткой серебряногвоздной,
 С лезвеем медяным; взял, наконец, и огромный и крепкий
 Щит: далеко от него, как от месяца, свет разливался.
 375 Словно как по морю свет мореходцам во мраке сияет,
 Свет от огня, далеко на вершине горящего горной,
 В куще пустынной; а их против воли и волны и буря,
 Мча по кипящему понту, несут далеко от любезных, —
 Так от щита Ахиллесова, пышного, дивного взорам,
 380 Свет разливался по воздуху. Шлем многобляшный поднявши,
 Крепкий надел на голову; засиял, как звезда, над главою
 Шлем коневласый; и грива на нем закачалась золотая,
 Густо Гефестом разлитая окрест высокого гребня.
 Так Ахиллес ополчался, испытывать начал доспехи,
 385 Впору ли стану, легки и свободны ли членам красивым:
 И, как крылья, они подымали владыку народа.
 Взял, наконец, из ковчега копье он отцовское — ясень,
 Крепкий, огромный, тяжелый: его из героев ахейских
 Двигать не мог ни один; но легко Ахиллес потрясал им,
 390 Ясенем сим пелионским, который отцу его Хирон
 Ссек с высоты Пелиона, на грозную гибель героям.
 Коней меж тем Автомедон и сильный Алким снаряжали;
 В пышных поперсях к ярму припрягли их; удила в морды
 Втиснули им и, бразды натянув, к колеснице прекрасной
 395 Их укрепили за кузов. Тогда, захвативши рукою
 Гибкий блистательный бич, в колесницу вскочил Автомедон.
 Сзади, готовый к сражению, стал Ахиллес быстроногий,
 Весь под доспехом сияя, как Гиперион лучезарный.

Крикнул он голосом грозным на быстрых отеческих коней:
 400 “Ксанф мой и Балий, Подарги божественной славные дети!
 Иначе вы постарайтесь вашего вынести возницу
 К ратному сонму данаев, когда мы насытимся боем;
 Вы, как Патрокла, его на побоище мертвым не бросьте!”

Рек он, — как вдруг под упряжью конь взговорил бурноногий,
 405 Ксанф; понуривши морду и пышною гривой своею,
 Выпавшей вон из ярма, достигнув до земли, провещал он
 (Вещим его сотворила лилейнораменная Гера):
 “Вынесем, быстрый Пелид, тебя еще ныне живого;
 Но приближается день твой последний! Не мы, повелитель,
 410 Будем виною, но бог всемогущий и рок самовластный.
 Нет, не медленность наша, не леность дала сопостатам
 С персей Патрокла героя доспех знаменитый похитить:
 Бог многомощный, рожденный прекрасною Летою, Патрокла
 Свергнул в передних рядах и Гектора славой украсил.
 Мы же, хотя бы летать, как дыхание Зефира, стали,
 415 Ветра быстрейшего всех, но и сам ты, назначено роком,
 Должен от мощного бога и смертного мужа погибнуть!”
 С сими словами Эринии голос коня перервали.

Мрачен и гневен к коню говорил Ахиллес быстроногий:
 420 “Что ты, о конь мой, пророчишь мне смерть? Не твоя то забота!
 Слишком я знаю и сам, что судьбой суждено мне погибнуть
 Здесь, далеко от отца и от матери. Но не сойду я
 С боя, доколе троян не насыщу кровавою бранью”.

Рек — и с криком вперед устремил он коней звуконогих.

Песнь двадцатая БИТВА БОГОВ

Так при судах дуговерхих блестящие медью ахейцы
 Строились окрест тебя, Пелейон, ненасытимый бранью.
 Их ожидали трояне, заняв возвышение поля.

5 Зевс же отец повелел, да Фемида бессмертных к совету
 Всех призывает с холмов олимпийских; она, обошед их,
 Всем повелела в Кронионов дом собираться. Сошлись
 Все, и Потоки, и Реки, кроме Океана седого;
 Самые нимфы явились, живущие в рощах прекрасных,
 И в источниках светлых, и в злачноцветущих долинах.
 10 В дом олимпийский собравшись тучегонителя Зевса,
 Сели они в переходах блестящих, которые Зевсу
 Сам Гефест хромоногий по замыслам творческим создал.
 Так собирались к Зевсу бессмертные; сам Посейдаон
 Не был Фемиде преслушен: из моря предстал он с другими,
 15 Сел посредине бессмертных и Зевса выпрашивал волю:
 “Что, сребромолненный, паки богов на собор призываешь?
 Хочешь ли что рассудить о троянах или аргивянах?
 Брань между ними близка, и немедленно бой запылает”.

Слово к нему обращая, вещал громовержец Кронион:
 20 “Так, Посейдаон! проник ты мою сокровенную волю,
 Ради которой вас собрал: пекусь и о гибнущих смертных.
 Но останусь я здесь и, воссев на вершине Олимпа,
 Буду себя услаждать созерцанием. Вы же, о боги,
 Ныне шествуйте все к ополченьям троян и ахеян;
 25 Тем и другим поборайте, которым желаете каждый.
 Если один Ахиллес на троян устремится, ни мига
 В поле не выдержать им Эакидова бурного сына.
 Трепет и прежде их всех обымал при одном его виде;
 Ныне ж, когда он и гневом за друга пылает ужасным,
 30 Сам я страшусь, да, судьбе вопреки, не разрушит он Трои”.

Так он вещал – и возжег неизбежную брань меж богами,
 К брани, душой несогласные, боги с небес понеслись.
 Гера к ахейским судам, и за нею Паллада Афина,
 Царь Посейдон многомогущий, объемлющий землю, и Гермес,
 35 Щедрый податель полезного, мыслей исполненный светлых.
 С ними к судам и Гефест, огромный и пышущий силой,
 Шел хромая; с трудом волочил он увечные ноги.

К ратям троян устремился Арей, шеломом блестящий,
 Феб, не стригущий волос, Артемида, гордая луком,
 40 Лета, стремительный Ксанф и с улыбкой прелестной Киприда.

Все то время, пока божества не приблизились к смертным,
 Бодро стояли ахеяне, гордые тем, что явился
 Храбрый Пелид, уклонявшийся долго от брани печальной.
 В рати ж троянской у каждого сердце в груди трепетало,
 45 Страхом объемясь, что видят опять Пелейона героя,
 Грозно доспехом блестящего, словно Арей смертоносный.
 Но едва олимпийцы приблизились к ратям, Эрида
 Встала свирепая, брань возжигая; вскричала Афина,
 То пред ископаным рвом за великой стеною ахейской,
 50 То по приморскому берегу шумному крик подымая.
 Страшно, как черная буря, завыл и Арей меднолатный,
 Звучно троян убеждающий, то с высоты Илиона,
 То пробегая у вод Симоиса, по Каликолоне.

Так олимпийские боги, одних на других возбуждая,
 55 Рати свели и ужасное в них распалили свирепство.
 Страшно громами от неба отец и бессмертных и смертных
 Грянул над ними; а долу под ними потряс Посейдаон
 Вкруг беспредельную землю с вершинами гор высочайших.
 Все затряслось, от кремнистых подошв до верхов многоводных
 60 Иды: и град Илион, и суда меднобронных данаев.
 В ужас пришел под землю Аид, преисподних владыка;
 В ужасе с трона он прынул и громко вскричал, да над ним бы
 Лона земли не разверз Посейдон, потрясающий землю,
 И жилищ бы его не открыл и бессмертным и смертным,
 65 Мрачных, ужасных, которых трепещут и самые боги.
 Так взволновалось всё, как бессмертные к брани сошлись!
 Против царя Посейдаона, мощного Энносигея,
 Стал Аполлон длиннокудрый, носящий крылатые стрелы;
 Против Арея — с очами лазурными дева Паллада;
 70 Противу Геры пошла златолукая ловли богиня,
 Гордая меткостью стрел Артемида, сестра Аполлона;
 Противу Леты стоял благодетельный Гермес крылатый;

Против Гефеста — поток быстроводный, глубокопучинный,
 Ксанфом от вечных богов нареченный, от смертных —
 Скамандром.

75 Так устремлялися боги противу богов. Ахиллес же,
 Гектора только бы встретить, пылал в толпы погрозиться;
 Сердце его беспредельно горело Приамова сына
 Кровью насытить Арея, убийством несытого воя.
 Но Аполлон, возжигатель народа, героя Энея
 80 Против Пелида подвигнул, наполнивши мужеством душу.
 Голос и образ приняв Ликаона, Приамова сына,
 К сыну Анхиза предстал и вещал Аполлон дальновержец:
 “Где же угрозы твои, Анхизид, предводитель дарданцев?
 Или не ты в Илионе, с царями за чашей пируя,
 85 Гордо грозился, что с сыном Пелеевым станешь на битву?”

Быстро ему возражая, воскликнул Эней предводитель:
 “Что ты меня, Приамид, против воли моей принуждаешь
 С сыном Пелеевым, гордым могучеством, боем сражаться?
 Ныне не в первый бы раз быстроногому сыну Пелея
 90 Противостал я: меня он и прежде копьем Пелиасом
 С Иды согнал, как нечаян нагрянул на пажити наши;
 Он разорил и Педас и Лирнесс. Но меня Олимпиец
 Спас, возбудивши во мне и силы, и быстрые ноги;
 Верно, я пал бы от рук Ахиллеса и мощной Паллады,
 95 Всюду предтекшей ему, подавшей совет и могучество
 Медным копьем побивать крепкодушных троян и лелегов
 Нет, никогда человек с Ахиллесом не может сражаться
 С ним божество неотступно, и гибель оно отражает.
 Дрот из руки Ахиллесовой прямо летит и не слабнет
 100 Прежде, чем крови врага не напьется. Но, если бессмертный
 В битве присудит нам равный конец, не легко и Энея
 Он одолеет, хотя и гордится, что весь он из меди!”

Сыну Анхизову вновь провещал Аполлон дальновержец:
 “Храбрый! почто ж и тебе не молиться богам вековечным,
 105 Столько ж могущим! И ты, говорят, громовержца Зевеса

Дщерью Кипридой рожден, а Пелид сей — богинею низшей:
 Та от Зевеса исходит, Фетида — от старца морского.
 Стань на него с некрушимою медью; отнюдь не смущайся,
 Встретясь с Пелидом, ни шумною речью, ни гордой угрозой!”

- 110 Рек — и бесстрашного духа исполнил владыку народов:
 Он устремился вперед, ополченный сверкающей медью.
 Но не укрылся герой от лилейнораменныя Геры,
 Против Пелеева сына идущий сквозь толпища ратных.
 Быстро созвавши богов, златотронная Гера вещала:
 115 “Царь Посейдон и Афина Паллада, размыслите, боги,
 Разумом вашим размыслите, что из деяний сих будет?
 Видите ль, гордый Эней, ополченный сияющей медью,
 Против Пелида идет: наустил его Феб стреловежеч.
 Должно немедленно, боги, отсюда обратно отвлечь нам
 120 Сына Анхизова: или единый из нас да предстанет
 Сыну Пелея и силой исполнит, да в крепости духа
 Он не скудеет и чувствует сам, что его, браноносца,
 Любят сильнейшие боги; а те, что издавна доньше
 Трои сынам поборают в сей брани жестокой, — бессильны!
 125 Все мы оставили небо, желая присутствовать сами
 В брани, да он от троян ничего не претерпит сегодня;
 После претерпит он все, что ему непреклонная Участь
 С первого дня, как рождался от матери, выпряла с нитью.
 Если того из глагола богов Ахиллес не познает,
 130 Он устрашится, когда на него кто-нибудь от бессмертных
 Станет в сражении боги ужасны, явившись взорам”.

- Гере немедля ответственвал мощный земли колебатель:
 “Так безрассудно свирепствовать, Гера, тебя недостойно!
 Я не желаю бессмертных сводить на неравную битву,
 135 Нас и других здесь присутственных; мы их могуществом выше.
 Лучше, когда, совокупно сошед мы с пути боевого,
 Сядем на холме подзорном, а брань человекам оставим
 Если ж Арей нападение начнет, или Феб луконосец,
 Если препятствовать станут Пелееву сыну сражаться,
 140 Там же немедля и мы сопровтивникам битву воздвигнем,

Битву ужасную скоро, надеюсь, они, разойдяся,
 Вспять отойдут на Олимп и сокроются в сонме бессмертных,
 Наших десниц, против воли своей, укрощенные силой”.

Так говоря, пред Афиною шествовал царь черновласый
 145 К валу тому насыпному Геракла, подобного богу,
 В поле, который герою троянские мужи с Афиной
 Древле воздвигли, чтоб он от огромного кита спасался,
 Если ужасный за ним устремлялся от берега в поле.
 Там Посейдон черновласый и прочие боги воссели,
 150 Окрест рамен распростершие непроницаемый облак;
 Боги другие напротив, по калликолонским вершинам,
 Окрест тебя, Аполлон, и громителя твердей Арея
 Так на обеих странах небожители-боги сидели,
 Думая думы; печальную брань начинать олимпийцы
 155 Медлили те и другие; но Зевс от небес возбуждал их.

Ратями поле наполнилось все, засияло от меди
 Боев, коней, колесниц; задрожала земля под стопами
 Толп, устремлявшихся к бою; но два знаменитые мужа
 Войск обоих на среду выходили, пылая сразиться,
 160 Славный Эней Анхизид и Пелид Ахиллес благородный.
 Первый Эней выступав, угрожающий; страшно качался
 Тяжкий шелом на главе Анхизидовой; щит легкометный
 Он перед грудью держал и копьем потрясал длиннотенным.
 Против него Ахиллес устремился, как лев истребитель,
 165 Коего мужи-селяне решая убить непременно,
 Сходятся, весь их народ; и сначала он, всех презирая,
 Прямо идет; но едва его дротиком юноша смелый
 Ранит, — напучась он к скоку, зияет; вкруг страшного зева
 Пена клубится; в груди его стонет могучее сердце;
 170 Гневно косматым хвостом по своим он бокам и по бедрам
 Хлещет кругом и себя самого подстрекает на битву;
 Взором сверкает и вдруг, увлеченный свирепством, несется
 Или стрельца растерзать, или в толпище первым погибнуть, —
 Так поощряла Пелида и сила и мужество сердца
 175 Противостать возвышенному духом Энею герою.

Чуть сосупились они, устремлялся друг против друга,
 Первый к нему взговорил Ахиллес, бессмертным подобный:
 “Что ты, Эней, на такое пространство отшедши от рати,
 Стал? Не душа ли тебя сразиться со мной увлекает
 180 В гордой надежде, что ты над троянами царствовать будешь,
 Чести Приама наследник? Но, если б меня и сразил ты,
 Верно, Приам не тебе свое достояние вверит.
 Есть у него сыновья; и в намереньях тверд он, незыбок.
 Или троянцы тебе обещают удел знаменитый,
 185 Лучшее поле для стада и пашен, чтоб им обладал ты,
 Если меня одолеешь? Тяжел, я надеюсь, подвиг!
 Ты уж и прежде, я помню, бежал пред моим Пелиасом.
 Или забыл, как, тебя одного изловив я у стада,
 Гнал по Идейским горам и с какой от меня быстротою
 190 Ты убежал? И назад оглянуться не смел ты, бегущий!
 С гор убежал ты, и в стены Лирнесса укрылся; но в прах я
 Град сей рассыпал, ударив с Афиной и Зевсом Кронидом;
 Множество жен полонил и, лишив их жизни свободной,
 В рабство увлек; а тебя от погибели спас громовержец.
 195 Ныне тебя не спасет он, надеюсь, как ты полагаешь
 В сердце твоём! Но прими мой совет и отсюда скорее
 Скройся в толпу; предо мною не стой ты, пока над тобою
 Горе еще не сбылося: событие зрит и безумный!”

Но Эней знаменитый отвечив так Ахиллесу:
 200 “Сын Пелеев! напрасно меня, как младенца, словами
 Ты застращать уповаешь: так же легко и свободно
 Колкие речи и дерзости сам говорить я умею.
 Знаем взаимно мы род, и наших родителей знаем,
 Сами сказания давние слыша из уст человек;
 205 Но в лицо, как моих ты, равно и твоих я не ведал.
 Ты, говорят, благородного мужа Пелея рожденье;
 Мать — Фетида тебе, лепокудрая нимфа морская.
 Я же единственным сыном высокого духом Анхиза
 Славлюся быть; а мать моя Афродита богиня.
 210 Те иль другие должны неизбежно сегодня оплакать
 Сына любезного: ибо не мною я, чтоб детские речи

Нас развели и чтоб с бранного поля мы так разошлись.
 Если ж ты хочешь, скажу я тебе и об роде, чтоб знал ты
 Наш знаменитый род: человекам он многим известен.
 215 Нашего предка Дардана Зевс породил громовержец:
 Он основатель Дардании; сей Илион знаменитый
 В поле еще не стоял, ясновечных народов обитель;
 Жили еще на погориях Иды, водами обильной.
 220 Славный Дардан Эрихфония сына родил, скиптроносца,
 Мужа, который меж смертных властителей был богатейший:
 Здесь у него по долинам три тысячи коней паслося,
 Тучных, младых кобылиц, жеребятами резвыми гордых.
 К ним не раз и Борей разгорался любовью на паствах;
 Многих из них посещал, набегая конем черногривым;
 225 Все понесли, и двенадцать коней от Борея родили.
 Бурные, если они по полям хлебородным скакали,
 Выше земли, сверх колосьев носилися, стебля не смявши;
 Если ж скакали они по хребтам беспредельного моря,
 Выше воды, сверх валов рассыпавшихся, быстро летали.
 230 Царь Эрихфоний родил властелина могучего Троса;
 Тросом дарованы свету три знаменитые сына:
 Ил, Ассарак и младой Ганимед, небожителем равный.
 Истинно, был на земле он прекраснейший сын людей!
 Он-то богами и взят в небеса, виночерпцем Зевесу,
 235 Отрок прекрасный, дабы обитал среди сонма бессмертных.
 Илом почтенным рожден непорочный душой Лаомедон;
 Царь Лаомедон родил знаменитых: Тифона, Приама,
 Клития, Лампа и отрасль Арееву, Гикетаона.
 Капис, ветвь Ассарака, родил властелина Анхиза;
 240 Я от Анхиза рожден, от Приама — божественный Гектор.
 Вот и порода и кровь, каковыми тебе я хвалюсь!
 Доблесть же смертных властительный Зевс и величит и малит,
 Как соизволит провидец: зане он единый всемогущ.
 Но довольно о сем; разговаривать больше, как дети,
 245 Стоя уже на середине гремящего боя, не будем.
 Нам обоим легко наказать оскорблений взаимных
 Столько, что тяжести их не подымет корабль стоскамейный.
 Гибок язык человека; речей для него избыточно

Всяких; поле для слов и сюда и туда беспредельно.
250 Что человеку измолвишь, то от него и услышишь.
Но к чему нам послужат хулы и обидные речи,
Коими, стоя, друг друга в лицо мы ругаем, как жены.
Жены одни, расплывавшись злостью, сердце грызущей,
Шумно ругаются между собою, на улицу вышед;
255 Правду и ложь расточают; гнев до чего не доводит!
Ты от желанного боя словами меня не отклонишь,
Прежде чем медью со мной не сразишься. Начнем и скорее
Силы один у другого на острых изведем копьях!”

Рек он — и медною пикою в щит и чудесный и страшный
260 Мощно ударил, — и весь он, огромный, взревел под ударом.
Быстро Пелид и далеко рукою дебелий от персей
Щит отклонил, устрасая; он думал, что дрот длиннотенный
Может пробиться легко, устремленный могучим Энеем:
Он, неразумный, о том ни душой, ни умом не размыслил,
265 Что не может легко небожителей дар благородный
Смертным мужам уступать, ни могучеством их сокрушаться.
Пущенный сильным Энеем щита досточудного бурный
Дрот не пробил, обессиленный златом, божественным даром.
Две полосы просадил он; но три их еще оставалось;
270 Пять в нем полос сочетал хромоногий художник небесный:
Две для поверхности медяных, две оловянных в середине
И одну золотую: она-то копьё удержала. —
После герой Ахиллес послал длиннотенную пику
И ударил противника в щит его выпуклобляшный,
275 Около обода, где и тончайшая медь оббегала,
Где и тончайшая кожа лежала воловья: насквозь их
Ясень прорвал пелионский; весь щит затрещал под ударом.
Сгорбясь, прикинул Эней и стремительно щит над собою
В страхе поднял; и копьё, засвистев у него над спиною,
280 Стало, вонзившись в землю, насквозь прохватившее оба
Плотные круги щита. Ускользнув от убийственной меди,
Стал Анхизид, и в очах его черная мгла разлилася
С ужаса, как недалёко от смерти он был. Ахиллес же
Пламенный, крикнувши страшно и выхватив меч изощренный,

285 Бросился; но сопротивник рукой подхватил уже камень,
 Страшное дело, какого не подняли б два человека,
 Ныне живущих, а он и один им размахивал быстро.
 Тут Ахиллеса напавшего — камнем Эней поразил бы
 В шлем или в щит, но они от него отразили бы гибель;
 290 Сын же Пелеев мечом у Энея исторгнул бы душу,
 Если б того не узрел Посейдон, потрясающий землю.
 Быстро к бессмертным богам устремил он крылатое слово:
 “Боги! печаль у меня о возвышенном духом Энее!
 Скоро герой, Ахиллесом сраженный, сойдет к Аиду,
 295 Ложных советов послушав царя Аполлона, который
 Сам, безрассудный, его не избавит от гибели грозной.
 Но за что же теперь, неповинный, он бедствовать будет?
 Казнь понесет за вины чужие? Приятные жертвы
 Часто приносит богам он, на небе великом живущим.
 300 Боги, решимся, и сами его из-под смерти исторгнем.
 Может, и Зевс раздражится, когда Ахиллес у Энея
 Жизнь пресечет: предназначено роком — Энею спастися,
 Чтобы бесчадный, пресекшийся род не погибнул Дардана,
 Смертного, Зевсу любезного более всех человек,
 305 Коих от крови его породили смертные жены,
 Род бо Приама владыки давно ненавидит Кронион.
 Будет отныне Эней над троянами царствовать мощно,
 Он, и сыны от сынов, имущие поздно родиться”.

Быстро ему отвечала богиня верховная Гера:
 310 “Землю колеблющий, собственным разумом сам размышляй ты,
 Должно ль избавить тебе, иль оставить троянца Энея
 Пасть под рукой Ахиллеса великого как он ни славен
 Мы, Посейдаон, богини и я и Паллада Афина,
 Тысячу крат перед всеми бессмертными клятвой клялися
 315 Трои сынов никогда не спасать от грозящей напасти,
 Даже когда Илион пожирающим пламенем бурным
 Весь запылает, зажженный светочьми храбрых данаев”.

Геры услышавши речь Посейдаон земли колебатель,
 Встал, устремился сквозь шумную битву и трескот оружий

- 320 К месту, где храбрый Эней и герой Ахиллес подвизались
 Быстро как бог, разлил он ужасную тьму пред очами
 Сына Пелеева, яшень пелийский сияющий медью,
 Вырвавши сам из щита у высокого духом Энея,
 Тихо его положил близ Пелидовых ног, а Энея
- 325 Мощной рукою поднял от земли по воздуху бросил
 Многие толпища воинов, многие толпища коней
 Быстро Эней перепрынул, рукой божества устремленный
 Он долетел до пределов кипящего битвою поля,
 Где ополченья кавконов готовились двинуться в сечу
- 330 Там Анхизиду предстал Посейдаон, колеблющий землю,
 И к нему возласил, устремляя крылатые речи:
 “Кто из бессмертных, Эней, тебя ослепил и подвигнул
 С сыном Пелеевым бурным сражаться и меряться боем?
 Он и сильнее тебя, и любезнее жителям неба
- 335 С ним и вперед повстречавшись, вспять отступай перед
грозным;
 Или, судьбе вопреки, низойдешь ты в обитель Аида
 После, когда Ахиллес рокового предела достигнет, —
 Смело геройствуй, Эней и в рядах первоборных сражайся,
 Ибо другой из ахеян с тебя не похитит корыстей”.
- 340 Так Посейдон заповедав, на месте оставил Энея.
 В то же мгновение бог от очей Ахиллеса рассеял
 Облак чудесный, и, ясно прозрев, он кругом оглянулся,
 Гневно вздохнул и вещал к своему благородному сердцу:
 “Боги! великое чудо моими очами я вижу:
- 345 Дрот предо мною лежит на земле; но не зрю человека,
 Против которого бросил, которого свергнуть пылал я!
 Верно, и сей Анхизид божествам олимпийским любезен!
 Он, полагал я, любовью их напрасно гордится.
 Пусть он скитается! Мужества в нем, чтоб со мною сразиться,
 Больше не будет; и ныне он рад, убежавши от смерти,
- 350 Но устремимся; данаев воинственных рать возбудивши,
 Противостанем врагам и других мы троян испытаем”.
- Рек он — и прынул к рядам и мужей возбуждал, восклицая:
 “Днесь вы не стойте вдали от троян, аргивяне герои!

355 Муж против мужа иди и без отдыха пламенно бейся!
 Трудно мне одному, и с великою силою моею,
 Столько воюющих толп обойти и со всеми сражаться!
 Нет, ни Арей, невзирая, что бог, ни Афина Паллада
 Бездны сражений такой не могли б обойти, подвизаясь!
 360 Сколько, однако ж, смогу я, руками, ногами и силой
 Действовать буду и в рвении, льщусь, ни на миг не ослабну;
 Прямо везде сквозь ряды я пройду; и никто из дарданцев
 Весел не будет, который подступит к копью Ахиллеса!”

Так возбуждал их герой; а троян шлемоблещущий Гектор
 365 Криком бодрил, и грозился идти он против Ахиллеса:
 “Храбрые Трои сыны! не страшитесь вы Пелейона.
 Сам я словами готов и противу бессмертных сразиться;
 Но копьем тяжело: божества человекa сильнее.
 Речи не все и Пелид приведет в исполнение, гордый;
 370 Но одни совершит, а другие, не кончив, оставит.
 Я на Пелида иду, хоть огню его руки подобны,
 Руки подобны огню, а душа и могучесть — железу!”

Рек он, — и грозно трояне в противников подняли копьа;
 Храбрость смешилась мужей, и воинственный крик их раздался.
 375 Тут, явившись Гектору, Феб возгласил сребролукий:
 “Гектор! еще не дерзай впереди с Ахиллесом сражаться.
 Стой меж рядов, поражай из толпы, да тебя и далёко
 Он не уметит копьем или близко мечом не ударит”.

Рек он, — и Гектор опять погрузился в волны народа,
 380 С трепетом сердца услышавши голос вещавшего бога.
 Тут Ахиллес на троян, облеченный всей силою духа,
 С криком ударил: и первого он Ифитиона свергнул,
 Храброго сына Отринтова, сильных дружин воеводу;
 Нимфа наяда его родила градоборцу Отринту,
 385 Около снежного Тмола, в цветущем селении Гиды.
 Прямо летящего в встречу, его Ахиллес быстроногий
 В голову пикою грянул, и надвое череп расселся.
 С громом на землю он пал, и вскричал Ахиллес, величаясь:

390 “Лег ты, Отринтов сын, ужаснейший между мужами!
Умер ты здесь, на чужбине! а родину бросил далёко,
Возле Гигейского озера, бросил отцовские нивы,
Около рыбного Гилла и быстропучинного Герма!”

Так величался, а очи сраженного тьма осенила;
Тело же кони ахейн колесами вкруг истерзали,
395 Павшее в первом ряду. Ахиллес Демолеона там же,
В брани противника сильного, славную ветвь Антенора,
Пикой в висок поразил, сквозь шелом его медноланитный:
Крепкая медь не сдержала удара; насквозь пролетела
Пика могучая, кость проломила и, в череп ворвавшись,
400 С кровью смесила весь мозг и смирила его в нападение.
Вслед Гипподама, который, на дол соскочив с колесницы,
Бросился в бег перед ним, поразил он копьем в междуплечье;
Он, испуская свой дух, застонал, как вол темночелый
Стонет, кругом алтаря геликийского мощного бога
405 Юношей силой влекомый, и бог Посейдон веселится, —
Так застонал он, и дух его доблестный кости оставил.
Тот же с копьем полетел на питомца богов Полидора,
Сына Приамова. Старец ему запрещал ратоборство;
Он из сынов многочисленных был у Приама юнейший,
410 Старцев любимейший сын; быстротою всех побеждал он,
И, с неразумия детского, ног быстротою тщеславясь,
Рыскал он между передних, пока погубил свою душу.
Медяным дротом младого его Ахиллес быстроногий,
Мчавшегось мимо, в хребет поразил, где застежки золотые
415 Запон смыкали и где представлялася броня двойная;
Дрот на противную сторону острый пробился сквозь чрево;
Вскрикнув, он пал на колена; глаза его тьма окружила
Черная; внутренность к чреву руками прижал он, поникший.

Гектор едва лишь увидел, что брат Полидор, прободенный,
420 Внутренность держит руками, к кровавому долу приникший, —
Свет помрачился в очах Приамидовых: боле не смог он
В дальних рядах оставаться; пошел он против Ахиллеса,
Острым, как пламень светящим, колебля копьем. Ахиллес же,

Чуть лишь увидел, подпрыгнул и с радостью гордой воскликнул:
 425 “Вот человек сей, который глубоко пронзил мое сердце!
 Вот сей убийца друга любезного! Радуюсь: больше
 Друг мы от друга не будем по бранному поприщу бегать!”

Рек — и, свирепо взглянув, к благородному Гектору вскрикнул:
 “Ближе приди, да скорее дойдешь к роковому пределу!”

И ему, не смущаясь, отвечивал Гектор великий:
 “Сын Пелеев! меня, как младенца, напрасно словами
 Ты устрашить ласкаешься: так же легко и свободно
 Колкие речи и дерзости сам говорить я умею.
 Ведаю, сколько могуч ты и сколько тебя я слабее.
 435 Но у богов всемогущих лежит еще то на коленях,
 Гордую душу тебе не я ли, слабейший, исторгну
 Сим копием; на копье и моем остра оконечность!”

Рек — и, ужасно сотрясши, копье он пустил; но Афина
 Духом отшибла его от Пелеева славного сына,
 440 В сретенье тихо дохнув; и назад к Приамиду герою
 Дрот прилетел, и бессильный у ног его пал. Ахиллес же,
 Пламенный, с криком ужасным, убить нетерпеньем горящий,
 Ринулся с пикой; но Феб Аполлон Приамида избавил
 Быстро, как бог: осенил он героя мраком глубоким.
 445 Трижды могучий Пелид на него нападал, ударя
 Пикой огромной, и трижды вонзал ее в мрак лишь глубокий.
 Но в четвертый он раз еще налетевши, как демон,
 Крикнул голосом страшным, крылатые речи вещая:
 “Снова ты смерти, о пес, избежал! Над твоей головою
 450 Гибель висела, и снова избавлен ты Фебом могучим!
 Феба обык ты молить, выходя на свистящие копья!
 Скоро, однако, с тобою разделаюсь, встречу после,
 Если и мне меж богов-небожителей есть покровитель!
 Ныне пойду на других и повергну, которых постигну!”

Рек — и Дриопа убил он, ударивши пикою в выю;
 Тот, зашатавшись, у ног его пал; но его он оставил;

Демуха ж Филеторида, огромного, сильного мужа,
Дротом, в колено вонзив, удержал устремленного; после
Медноогромным мечом поразил и исторг ему душу.
460 Вслед на Биаса детей, Лаогона и Дардана, вместе
К битве скакавших, напал он и вместе их сбил с колесницы,
Первого пикой пронзив, а другого мечом поразивши.
Трос же, Аласторов сын, подбежал и колена герою
Обнял, не даст ли пощады и в плен не возьмет ли живого:
465 Может быть, думал, меня не убьет, над ровесником сжался.
Юноша бедный! не знал он, что жалости ждет бесполезно.
Был перед ним не приветный муж и не мягкосердечный, —
Муж непреклонный и пламенный! Трос обхватил лишь колена,
Мысля молить, как весь нож Ахиллес погрузил ему в печень;
470 Печень в груди отвалилася; кровь, закипевши из раны,
Перси наполнила; очи его, испустившего душу,
Мрак осенил; а Пелид, устремившись, Мулия грянул
В ухо копьем, и стремительно вышло сквозь ухо другое
Медное жало. За ним он Эhekлу, Агенора сыну,
475 Череп разнес пополам мечом с рукояткой огромной:
Весь разогрелся под кровию меч; и Эhekлу на месте
Очи смежила багровая Смерть и могучая Участь.
После сразил Девкалиона: где на изгибистом локте
Жилы сплетаются, там ему руку насквозь прохватила
480 Острая пика, и стал Девкалион, с рукою повисшей,
Видящий близкую смерть: Ахиллес пересек ему выю,
Голову с шлемом, сотрявши, поверг; из костей позвоночных
Выскочил мозг; обезглавленный труп по земле протянулся.
Он же немедля напал на Пиреева славного сына,
485 Ригма, который пришел из фракийской земли плодоносной;
Дротом его поразил; острие углубилось в утробу;
Он с колесницы слетел; а Пелид Арейфою вознице,
Коней назад обращавшему, в плечи сияющий дротик
Вбил и сразил с колесницы; и в страхе смешались кони.

490 Словно как страшный пожар по глубоким свирепствует дебрям,
Окрест сухой горы, и пылает лес беспредельный;
Ветер, бушуя кругом, развеивает погибельный пламень, —

Так он, свирепствуя пикой, кругом устремлялся, как демон;
 Гнал, поражал; заструилось черною кровию поле.
 495 Словно когда земледелец волов сопряжет крепкочелых
 Белый ячмень молотить на гумне округленном и гладком;
 Быстро стираются класы мычащих волов под ногами, —
 Так под Пелидом божественным твердокопытные кони
 Трупы крушили, щиты и шеломы: забрызгались кровью
 500 Снизу вся медная ось и высокий полкруг колесницы,
 В кои, как дождь, и от конских копыт, и от ободов бурных
 Брызги хлестали; пылал он добыть между смертными славы,
 Храбрый Пелид, и в крови обаграл необорные руки.

Песнь двадцать первая ПРИРЕЧНАЯ БИТВА

Но лишь трояне достигли брода реки светлоструйной,
 Ксанфа сребристопучинного, вечным рожденного Зевсом,
 Там их разрезал Пелид; и одних он погнал по долине
 К граду, и тем же путем, где ахейцы в расстройстве бежали
 5 Прошлого дня, как над ними свирепствовал Гектор могучий, —
 Там и трояне, рассеясь, бежали; но Гера глубокий
 Мрак распростерла, им путь заграждая. Другие толпами,
 Бросясь к реке сребристопучинной, глубокотекущей,
 Падали с шумом ужасным: высоко валы заплескали;
 10 Страшно кругом берега загремели; упавшие с воплем
 Плавали с места на место, крутясь по бурным пучинам.
 Словно как пруги, от ярости огненной снявшись с поля,
 Тучей к реке устремляются: вдруг загоревшийся бурный
 Пышет огонь, и они уstraшенные падают в воду, —
 15 Так от Пелида бегущие падали кони и вои,
 Ток наполняя гремучий глубокопучинного Ксанфа.

Он же, божественный, дрот свой огромный оставил на берегу,
 К ветвям мирики склонивши, и сам устремился, как демон,

С страшным мечом лишь в руках: замышлял он ужасное в сердце;
20 Начал вокруг им рубить: поднялись ужасные стоны
Вкруг поражаемых; кровию их забагровели волны.
Словно дельфина огромного мелкие рыбы всполошась
И бежа от него в безопасные глубы залива,
Кроются робкие: всех он глотает, какую ни схватит, —
25 Так от Пелида трояне в ужасном потоке Скамандра
Крылись под кручей берегов. Но герой, утомивши убийством
Руки, живых средь потока двенадцать юношей выбрал,
Чтоб за смерть отомстить благородного друга Патрокла;
Вывел из волн, обезумленных страхом, как юных еленей;
30 Руки им сзади связал разрезными, крутыми ремнями,
Кои в сражениях сами носили при бронях кольчатых;
Так повелел мирмидонцам вести их к судам мореходным.
Сам же опять на врагов устремился, убийства алкая.

Там он Приамова сына, чудясь, Ликаона младого
35 Встретил, из волн уходящего, коего некогда сам он
В плен, невзирая на вопль, из отцова увлек вертограда,
Ночью нападши: царевич смоковницы ветви молодые
Острою медью тесал, чтобы в круги согнуть колесницы;
Вдруг на него налетела беда — Ахиллес быстроногий.
40 Он Ликаона, в судах своих быстрых уславши на Лемнос,
Продав: Эвней Ясонид предложил за царевича выкуп;
Друг же его и оттуда, Геэтион, Имбра владыка,
Многое дав, искупил и в священную выслал Арисбу.
Скоро, бежавши оттуда, в отеческий дом возвратился.
45 Дома одиннадцать дней веселился с друзьями своими,
После возврата из Лемна; в двенадцатый бог его паки
В руки привел Ахиллеса, которому сужено было
В царство Аида низринуть — идти не хотящую душу.
Быстрый могучий Пелид, лишь узрел Приамида нагого
50 (Он без щита, без шелома и даже без дротика вышел;
По полю всё разбросал, из реки убегающий; по́том
Он изнурился, с истомы под ним трепетали колена),
Гневно вздохнул и вещал со своею душой благородной:
“Боги! великое чудо моими очами я вижу!

55 Стало быть, Трои сыны, на боях умерщвленные мною,
Паки воскреснут и паки из мрака подземного выйдут,
Ежели сей возвращается; черного дня избежал он,
Проданный в Лемнос; его не могла удержать и пучина
Бурного моря, которое многих насильственно держит.

60 Но нападём, и пускай остря моего Пелиаса
Днесь он отведаёт: видеть хочу и увериться сердцем,
Так же ли он и оттуда воротится или троянца
Матерь удержит земля, которая держит и сильных”.

Так размышлял и стоял он; а тот подходил полумертвый,
65 Ноги Пелиду готовый обнять: несказанно желал он
Смерти ужасной избегнуть и близкого черного рока.
Дрот между тем длиннотенный занес Ахиллес быстроногий,
Грянуть готовый; а тот подбежал и обнял ему ноги,
К долу припав; и копьё, у него засвистев над спиною,
70 В землю воткнулось дрожа, человеческой жадное крови.
Юноша левой рукою обнял, умоляя, колена,
Правой копьё захватил и, его из руки не пуская,
Так Ахиллеса молил, устремляя крылатые речи:
“Ноги объёмлю тебе, пощади, Ахиллес, и помилуй!
75 Я пред тобою стою как молителъ, достойный пощады!
Вспомни, я у тебя наслаждался дарами Деметры,
В день, как меня полонил ты в цветущем отца вертограде.
После ты продал меня, разлучив и с отцом и с друзьями,
В Лемнос священный: тебе я доставил стотельчия цену;
80 Ныне ж тройной искупился б ценою! Двенадцатый день лишь
С оной мне светит поры, как пришел я в священную Трою,
Много страдавши; и в руки твои опять меня ввергнул
Пагубный рок! Ненавистен я, верно. Крониону Зевсу,
Если вторично им предан тебе; кратковечным родила
85 Матерь меня Лаофоя, дочь престарелого Альта, —
Альта, который над племенем царствует храбрых лелегов,
Градом высоким, Педасом, у вод Сатниона владея.
Дочь его Лаофоя, одна из супруг Дарданида,
Двух нас Приаму родила, и ты обоих умертвишь нас!
90 Брата уже ты сразил в ополчениях наших передних;

Острым копьем заколол Полидора, подобного богу.
То ж и со мною несчастье сбудется! Знаю, могучий!
Рук мне твоих не избежать, когда уже бог к ним приблизил!
Слово иное скажу я, то слово прими ты на сердце:
95 Не убивай меня; Гектор мне брат не единоутробный,
Гектор, лишивший тебя благородного, нежного друга!”

Так говорил убеждающий сын знаменитый Приамов,
Так Ахиллеса молил; но услышал не жалостный голос:
“Что мне вещаешь о выкупах, что говоришь ты, безумный?
100 Так, доколе Патрокл наслаждался сиянием солнца,
Миловать Трои сынов иногда мне бывало приятно.
Многих из вас полонил и за многих выкуп я принял.
Ныне пощады вам нет никому, кого только демон
В руки мои приведет под стенами Приамовой Трои!
105 Всем вам, троянам, смерть, и особенно детям Приама!
Так, мой любезный, умри! И о чем ты столько рыдаешь?
Умер Патрокл, несравненно тебя превосходнейший смертный!
Видишь, каков я и сам, и красив, и величествен видом;
Сын отца знаменитого, мать имею богиню!
110 Но и мне на земле от могучей судьбы не избежать;
Смерть придет и ко мне поутру, ввечеру или в полдень,
Быстро, лишь враг и мою на сражениях душу исторгнет,
Или копьем поразив, иль крылатой стрелою из лука”.

Так произнес, — и у юноши дрогнули ноги и сердце.
115 Страшный он дрот уронил и, трепещущий, руки раскинув,
Сел; Ахиллес же, стремительно меч обоюдный исторгши,
В व्यю вонзил у ключа, и до самой ему рукояти
Меч погрузился во внутренность: ниц он по черному праху
Лег, распростершись; кровь захлестала и залила землю.
120 Мертвого за ногу взявши, в реку Ахиллес его бросил,
И, над ним издеваясь, пернатые речи вещал он:
“Там ты лежи, между рыбами! Жадные рыбы вкрут язвы
Кровь у тебя нерадиво оближут! Не мать на ложе
Тело твое, чтоб оплакать, положит; но Ксанф быстротечный
125 Бурной волной унесет в беспредельное лоно морское.

Рыба, играя меж волн, на поверхность чернеющей зыби
 Рыба всплывет, чтоб насытиться белым царевича телом.
 Так погибайте, трояне, пока не разрушим мы Трои,
 Вы — убегая из битвы, а я — убивая бегущих!
 130 Вас не спасет ни могучий поток, сребристопучинный
 Ксанф. Посвящайте ему, как и прежде, волов неисчетных;
 В волны бросайте живых, как и прежде, коней звуконогих;
 Все вы изгибнете смертью лютой; заплатите вы мне
 Друга Патрокла за смерть и ахейских сынов за убийство,
 135 Коих у черных судов без меня вы избили на сечах!”

Так говорил он, — и Ксанф на него раздражался жестоко;
 Стал волноваться он думами, как удержать от свирепства
 Бурного сына Пелея, спасая троян от убийства.
 Но Пелейон между тем, потрясая копьем длиннотенным,
 140 Прянул ужасный, убить пылающий Астеропея,
 Ветвь Пелегона, которого Аксий широкоотекущий
 С юной родил Перибоею, Акессаменовой дочьрю
 Старшею; с нею поток сочетался глубокопучинный.
 Быстро Пелид устремлялся, а тот из реки на Пелида
 145 Вышел, двумя потрясающий копьями; дух пеонийцу
 Ксанф возбуждал: раздражался бессмертный за юношей
 красных,
 Коих в пучинах его Ахиллес убивал без пощады.
 Чуть сосупились они, устремляясь друг против друга,
 Первый к Астеропею вскричал Ахиллес быстроногий:
 150 “Кто ты, откуда ты, смертный, дерзающий в встречу мне выйти?
 Дети одних несчастных встречаются с силой моею!”

И ему отвечал воинственный сын Пелегонов:
 “Сын знаменитый Пелеев, почто вопрошаешь о роде?
 Я из Пеонии муж, из страны плодоносной, далекой;
 155 Вождь я пеонян огромнокопейных. Двенадцатый день мне
 Светит с оной поры, как пришел я в Приамову Трою.
 Родоначальник мой славный — Аксий широкоотекущий,
 Аксий, водою прекраснейшей недра земные поящий:
 Он Пелетона родил; от него, копыеносца, вешают,

160 Я порожден. Но сразися со мной, Ахиллес благородный!”

Так он, грозя, говорил; и занес Ахиллес быстроногий
 Крепкий свой ясень пелийский; но дротами вдруг обоими
 Сын Пелетонов пустил: копьеборец он был оборучный:
 В щит Ахиллесов одним угодил, но сквозь щит не проникнул
 165 Дрот медножальный, удержанный золотом, божественным даром.
 Дротом другим, близ локтя пронесшимся, ссаднил десную:
 Черная кровь заструилась, и дрот позади Ахиллеса
 В землю вонзился, горящий насытитесь телом героя.
 Вслед Пелейон Ахиллес, размахнув прямолетный свой ясень,
 170 В Астеропея пустил, сопостата низвергнуть пылая;
 Но, не попав Пелегонида, в берег высокий ударил
 И вогнал до середины огромное дерево в берег.
 Сам между тем, исторгнувши меч из влагалища острый,
 Яр на противника прянул, а тот ахиллесовский ясень
 175 Вырвать из берега тщетно рукой напрягался дебелой.
 Трижды его колыхал, из стремнины исторгнуть пылая,
 Трижды силы терял; но в четвертый он раз лишь рванулся,
 Чая согнуть и сломить Эакидов убийственный ясень, —
 Тот налетел и мечом у надменного душу исторгнул:
 180 Чрево близ пупа ему разрубил, и из чрева на землю
 Вылилась внутренность вся, и ему, захрипевшему, очи
 Смертная тьма осенила; Пелид же, на грудь его бросаьсь,
 Пышные латы срывал и вещал, величаясь победой:
 “В прахе лежи! Тебе тяжело всемогущего Зевса
 185 Спорить с сынами, хотя и рожден ты рекою великой!
 Ты от реки широкой своим величаешься родом;
 Я от владыки бессмертных, от Зевса, рождением славлюсь.
 Жизнь даровал мне герой, мирмидонян владыка державный,
 Отрасль Эака, Пелей; Эак же рожден от Зевеса.
 190 Сколько Зевес многомогшее рек, убегающих в море,
 Столько пред чадами рек многомогшее чада Зевеса!
 Здесь, пред тобой — и река могучая; пусть испытает
 Помощь подать: невозможно сражаться с Кронионом Зевсом.
 С ним, громовержцем, ни царь Ахелой не дерзает равняться,
 195 Ни, могуществом страшный, седой Океан беспредельный,

Тот, из которого всякий источник и всякое море,
 Реки, ключи и глубокие кладези все истекают;
 Но трепещет и он всемогущего Зевса перунов
 И ужасного грома, когда от Олимпа он грянет”.

- 200 Рек — и из берега стремнистого вырвал огромную пику.
 Бросил врага, у которого гордую душу исторгнул,
 В прахе простертого: там его залили мутные волны;
 Вкруг его тела и рыбы и угри толпой закипели,
 Почечный тук обрывая и жадно его пожирая.
- 205 Сын же Пелеев пошел на пеонян, воинов конных,
 Кои по берегу Ксанфа пучинного бросились в бегство,
 Чуть лишь увидели мужа сильнейшего в битве ужасной,
 Мощно сраженного грозной рукой и мечом Ахиллеса.
 Там он убил Ферсилоха, Эния вождя и Мидона,
- 210 СвERG Астипила и Фразия, свERG Офелеста и Мнесса.
 Многих еще бы пеонян сразил Ахиллес быстроногий,
 Если бы голоса в гневе Скамандр пучинный не поднял.
 В образе смертного бог возгласил из глубокой пучины:
 “О Ахиллес! и могуществом сил, и грозною деяний
- 215 Выше ты смертного! Боги всегда по тебе поборают.
 Если Кронион троян на погибель всех тебе предал,
 Выгони их из меня и над ними ты в поле свирепствуй.
 Трусами мертвых полны у меня светлоструйные воды;
 Более в море священное волн проливать не могу я,
- 220 Трусами спертый троянскими: ты истребляешь, как гибель!
 О, воздержись! и меня изумляешь ты, пастырь народа!”

- Ксанфу немедля отвечивал царь Ахиллес быстроногий:
 “Будет, как ты заповедуешь, Ксанф, громовержцев питомец!
 Я перестану троян истреблять, но не прежде, как гордых
- 225 В стены вобью, и не прежде, как Гектора мощь испытаю,
 Он ли меня укротит иль надменного сам укрошу я”.

Так говоря, на троян устремился ужасный, как демон.
 К Фебу тогда возопила река из пучины глубокой:
 “Бог сребролукий, Крониона сын, не блюдешь ты заветов

230 Зевса Кронида! Не он ли тебе повелел, Олимпиец,
Трои сынов защищать неотступно, пока не прострется
Сумрак вечерний и тенью холмистых полей не покроет”.

Так говорила; Пелид же бесстрашный в средину пучины
Прянул с крутизны. Река поднялася, волнами бушуя.
235 Вся, всклокотавши, до дна взволновалась и мертвых погнала.
Коими волны ее Ахиллес истребитель наполнил;
Мертвых, как вол ревущая, вон извергла на берег;
Но, живых укрывая в пучинных пещерах широких,
Их защитила своими катящимись пышно водами.
240 Страшное вокруг Ахиллеса волнение бурное встало;
Зыблют героя валы, упадая на щит; на ногах он
Боле не мог удержаться; руками за вяз ухватился
Толстый, раскидисто росший; и вяз, опрокинувшись с корнем,
Берег обрушил с собой, заградил быстротечные воды
245 Ветвей своих густотой и, как мост, по реке протянулся,
Весь на нее опрокинясь. Герой, исскоча из пучины,
Бросился в страхе долиной лететь на ногах своих быстрых.
Яростный бог не отстал; но, поднявшись, за ним он ударил
Валом черноголовым, горя обуздая Ахиллеса
250 В подвигах бранных и Трои сынов защитити от убийства.
Он же, герой, проскакал на пространство копейного лёта,
Быстро, как мощный орел, черноперый ловец поднебесный,
Самый сильнейший и самый быстрейший из рода пернатых:
Равный орлу он стремился; блестящая медь всеоружий
255 Страшно вокруг персей звучала; бежа от реки, он бросался
Вбок, а река по следам его с ревом ужасным крутилась.
Словно когда водовод от ключа, изобильного влагой,
В сад, на кусты и растения, ров водотечный проводит,
Заступ острый держа и копь от препон очищая;
260 Рвом устремляется влага; под нею все мелкие камни
С шумом катятся; источник бежит и журчит, убыстренный
Местом покатистым; он и вождя далеко упреждает, —
Так непрестанно преследовал вал черноглавый Пелида,
Сколько ногами ни быстрого: боги могучее смертных.
265 Несколько раз покушался герой Ахиллес быстроногий

Противостать и увидеть, не все ли его уже боги
 Гонят, не всё ль на него ополчилось великое небо?
 Несколько раз его вал излиянного Зевсом Скамандра,
 Сверху обрушася, в плечи хлестал; негодуя, высоко
 270 Прядал Пелид, но река удручала могучие ноги,
 Бурная под ноги била и прах из-под стоп вырывала.
 Крикнул Пелид наконец, на высокое небо взирая:
 “Зевс! так никто из богов милосердный меня не предстанет
 Спасть из реки, злополучного? После и всё претерпел бы...
 275 Но кого осуждаю я, кто из небесных виновен?
 Мать единая, мать меня обольщала мечтами,
 Мать твердила, что здесь, под стенами троян броненосных,
 Мне от одних Аполлоновых стрел быстролетных погибнуть;
 Что не убит я Гектором! Сын Илиона славнейший,
 280 Храброго он бы сразил и корыстью гордился бы, храбрый!
 Ныне ж бесславною смертью судьбой принужден я погибнуть;
 Лечь в пучинах реки, как молодой свинопас, поглощенный
 Бурным потоком осенним, который хотел перебрести он!”

Так говорил, — и незапно ему Посейдон и Афина
 285 Вместе явились, приблизились, образ приняв человек;
 За руку взяли рукой и словами его уверяли.
 Первый к нему провещал Посейдон, потрясающий землю:
 “Храбрый Пелид! ничего не страшися, ничем не смущайся.
 Мы от бессмертных богов, изволяющу Зевсу Крониду,
 290 Мы твои покровители, я и Паллада Афина.
 Роком тебе не назначено быть побежденным рекою;
 Скоро она успокоится, бурная, сам ты увидишь.
 Мы же, когда ты послушаешь, мудрый совет предлагаем:
 Рук не удерживай ты от убийства и общего боя
 295 Прежде, доколе троян не вобьешь в илионские стены
 Всех, кто спасется; и после ты, Гектора душу исторгнув,
 В стан возвратися; дадим мы тебе вожделенную славу”.

Так возгласивши, бессмертные вновь удалились к бессмертным.
 Он полетел, беспредельно глаголом богов ободренный,
 300 В поле; а поле водою разлившеюсь всё понималось.

Множество пышных оружий, множество юношей красных
 Плавало мертвых. Высоко скакал он, бежа от стремленья
 Прямо гонящихся волн разъяренных; не мог его больше
 Бурный поток удержать, облеченного в крепость Афиной.
 305 Но и Скамандр не обуздывал гнева; против Ахиллеса
 Пуще свирепствовал бог; захоливши валы на потоке,
 Он воздымался высоко и с ревом вопил к Симоису:
 “Брат мой, воздвигнися! Мужа сего совокупно с тобою
 310 Мошь обуздаем; иль скоро обитель владыки Приама
 Он разгромит; устоять перед грозным трояне не могут!
 Помощь скорее подай мне; поток свой наполни водами
 Быстрых источников горных, и все ты воздвигни потоки!
 Страшные волны поставь, закрути с треволнением шумным
 Бревна и камни, чтобы обуздать нам ужасного мужа!
 315 Он побеждает теперь и господствует в брани, как боги!
 Но не помогут, надеюсь, ему ни краса, ни могучесть,
 Ни оружия пышные, кои в болоте глубоко
 Лягут и черной покроются тиною, ляжет и сам он.
 Я и его под песком погребу и громадою камней
 320 Страшной кругом замечу; не сберут и костей Ахиллеса
 Чада ахейн: такой самого его тиной покрою!
 Там и могила его, и не нужно ахейнам будет
 Холма над ним насыпать, воздавая надгробную почеть!”

Рек — и напал на него, клокоча и высоко бушуя,
 325 С ревом бросая и пеной, и кровью, и трупами мертвых.
 Быстро багровые волны реки, изливающейся с неба,
 Стали стеной, обхватили кругом Пелейона героя.
 Крикнула Гера богиня, страшась, чтоб Пелеева сына
 В хляби свои не умчала река, излианная Зевсом;
 330 Быстро к Гефесту, любезному сыну, она возгласила:
 “В бой, хромоногий! воздвигнись, о сын мой! С тобою сразиться
 Мы почитаем достойным глубокопучинного Ксанфа.
 Противостань и скорее открой пожирающий пламень!
 Я же иду, чтобы Зефира ветра и хладного Нота
 335 Быстро от берега морского жестокою бурю воздвигнуть;
 Буря сожжет и главы и доспехи троян ненавистных,

Странный пожар разносящая. Ты по берегам у Скамандра
 Жги дерева и на воду огонь устреми; не смягчайся
 Ласковой речью его, не смущайся угрозами бога;
 340 И не смиряй ты пламенной силы, пока не подам я
 Знаменья криком; тогда укротишь ты огонь неугасный”.

Так повелела, — и сын устремил пожирающий пламень.
 В поле сперва разгорался огонь, и тела пожирал он
 Многих толпами лежащих троян, Ахиллесом убитых.
 345 Поле иссохло, и стали в течении светлые воды.
 словно как в осень Борей вертоград, усыренный дождями,
 Скоро сушит и его удобрения радуется сердце, —
 Так иссушилось целое поле, тела погорели.
 Бог на реку обратил разливающий зарево пламень.
 350 Вспыхнули окрест зеленые ивы, мирики и вязы;
 Вспыхнули влажные трости, и лотос, и кипер душистый,
 Кои росли изобильно у Ксанфовых вод светлоструйных;
 Рыбы в реке затомились, и те по глубоким пучинам,
 Те по прозрачным струям и сюда и туда заныряли,
 355 В пламенном духе томясь многоумного Амфигея.
 Вспыхнул и самый поток, и, пылающий, так возопил он:
 “Нет, о Гефест, ни единый бессмертный тебя не осилит!
 Нет, никогда не вступлю я с тобой, огнедышащим, в битву!
 Кончи ты брань! А троян хоть из града Пелид быстроногий
 360 Пусть изженет; отрекаюсь их распрь, не хочу побороть им!”

Так говорил и горел; клочкотали прекрасные воды.
 словно клочочет котел, огнем подгнетенный великим,
 Если он, вопреки огромного тук растопля блестящий,
 Полный ключом закипит, раскаляемый пылкою сушью, —
 365 Так от огня раскалялися волны, вода клочкотала.
 Стала река, протекать не могла, изнуренная знойной
 Силою бога Гефеста. Скамандр к торжествующей Гере
 Голос простер умоляющий, быстрые речи вещая:
 “Гера! за что твой сын, на поток мой свирепо обрушась,
 370 Мучит меня одного? Пред тобою не столько виновен
 Я, как другие бессмертные, кои троян защищают.

Я укрошуся, о Гера владычица, если велишь ты;
 Пусть и Гефест укротится! Клянуся я клятвой бессмертных:
 Трои сынов никогда не спасать от суровой години,
 375 Даже когда и Троя губительным пламенем бурным
 Вся запылает, зажженная светочьми храбрых данав!”

Речи такие услышав, лилейнораменная Гера
 Быстро, богиня, к Гефесту, любезному сыну, вещала:
 “Полно, Гефест, укротися, мой сын знаменитый! Не должно
 380 Так беспощадно за смертных карать бессмертного бога!”

Так повелела, — и бог угасил пожирающий пламень.
 Вспять покатались к потоку прекрасно струящиеся воды.
 Так обуздана Ксанфова мощь; успокоились оба,
 Ксанф и Гефест: укротила их Гера, кипящая гневом.

Но меж другими бессмертными вспыхнула страшная злоба,
 Бурная: чувством раздора их души в груди взволновались.
 Бросились с шумной тревогой; глубоко земля застонала;
 Вкруг, как трубой, огласилось великое небо. Услышал
 Зевс, на Олимпе сидящий; и с радости в нем засмеялось
 390 Сердце, когда он увидел богов, устремившихся к брани.
 Сшедшия, боги не долго стояли в бездействии: начал
 Щиторухитель Арей, налетел на Палладу Афины,
 Медным колебля копьем, изрыгая поносные речи:
 “Паки ты, наглая муха, на брань небожителей сводишь?
 395 Дерзость твоя беспредельна! Ты вечно свирепствуешь сердцем!
 Или не помнишь, как ты побудила Тидеева сына
 Ранить меня, и сама, перед всеми копье ухвативши,
 Прямо в меня устремила и тело мое растерзала?
 Ныне за всё, надо мной совершенное, мне ты заплатишь!”

Рек — и ударил копьем в драгоценный эгид многокистный,
 400 Страшный, пред коим бессилен и пламенный гром
молневержца;
 В оный копьем длиннотенным ударил Арей исступленный.
 Зевсова дочь отступила и мощной рукой подхватила

Камень, в поле лежащий, черный, зубристый, огромный,
 405 В древние годы мужами положенный поля межою;
 Камнем Аррея ударила в выю и крепость сломила.
 Семь десятин он покрыл, распростершись: доспех его медный
 Грянул, и прахом оделись власы. Улыбнулась Афина
 И, величаясь над ним, устремила крылатые речи:
 410 “Или доселе, безумный, не чувствовал, сколь пред тобою
 Выше могуществом я, что со мною ты меряешь силы?
 Так отягчают тебя проклятия матери Геры,
 В гневе тебе готовящей кару за то, что, изменник,
 Бросил ахейских мужей и стоишь за троян вероломных!”

415 Так говоря, от него отвратила ясные очи.
 За руку взявши его, повела Афродита богиня,
 Тяжко и часто стнящего; в силу он с духом собрался.
 Но, Афродиту увидев, лилейнораменная Гера
 К Зевсовой дочери Афине крылатую речь устремила:
 420 “Непобедимая дочь воздымателя облаков Зевса!
 Видишь, бесстыдная паки губителя смертных Аррея
 С битвы пылающей дерзко уводит! Скорее преследуй!”

Так изрекла, — и Афина бросилась с радостью в сердце;
 Быстро напав на Киприду, могучей рукой поразила
 425 В грудь; и мгновенно у ней обомлело и сердце и ноги.
 Оба они пред Афиною пали на злачную землю.
 И, торжествуя над падшими, вскрикнула громко Афина:
 “Если б и все таковы защитители Трои высокой
 Были, на брань выходя против меднооружных данаев,
 430 Столько ж отважны и сильны душой, какова Афродита
 Вышла, Аррея союзница, в крепости спорить со мною!
 О, давно бы от грозной войны успокоились все мы,
 Град сей разруша, высокотвердынную Трою Приама!”

Так говорила, — и тихо ослабилась Гера богиня.
 435 И тогда к Аполлону вещал Посейдон земледержец:
 “Что, Аполлон, мы стоим в отдалении? Нам неприлично!
 Начали боги другие. Постыдно, когда мы без боя

Оба придем на Олимп, в меднозданный дом Олимпийца!
 Феб, начинай; ты летами юнейший, — но мне неприлично:
 440 Прежде тебя я родился, и боле тебя я изведаль.
 О безрассудный, беспаятно сердце твое! Позабыл ты,
 Сколькo трудов мы и бед претерпели вокруг Илиопа,
 Мы от бессмертных одни? Повинуясь воле Кронида,
 Здесь Лаомедону гордому мы, за условную плату,
 445 Целый работали год, и сурово он властвовал нами.
 Я обитателям Трои высокие стены воздвигнул,
 Крепкую, славную твердь, нерушимую града защиту.
 Ты, Аполлон, у него, как наемник, волов круторогих
 Пас по долинам холмистой, дубравами венчанной Иды.
 450 Но, когда нам условленной платы желанные Горы
 Срок принесли, Лаомедон жестокий насильно присвоил
 Должную плату и нас из пределов с угрозами выслал.
 Лютый, тебе он грозил оковать и руки и ноги
 И продать, как раба, на остров чужой и далекий;
 455 Нам обоим похвалялся отсечь в поругание уши.
 Так удалилися мы, на него негодуя душою.
 Царь вероломный, завет сотворил и его не исполнил!
 Феб, не за то ль благодеешь народу сему и не хочешь
 Нам поспешать, да погибнут навек вероломцы трояне,
 460 Бедственно все да погибнут, и робкие жены и дети!”

Но ему отвечал Аполлон, сребролукий владыка:
 “Энносигей! не почел бы и сам ты меня здравоумным,
 Если б противу тебя ополчался я ради сих смертных,
 Бедных созданий, которые, листьям древесным подобно,
 465 То появляются пышные, пищей земною питаюсь,
 То погибают, лишаясь дыхания. Нет, Посейдаон,
 Распри с тобой не начну я; пускай человеки раздорят!”

Так произнес Аполлон — и назад обратился, страшая
 Руки поднять на царя, на могучего брата отцова.
 470 Тут Аполлона сестра, Артемида, зверей господня,
 Шумом ловитв веселящаясь, гневно его укоряла:
 “Ты убегаешь, стрелец! и царю Посейдону победу

Всю оставляешь, даешь ненаказанно славой гордиться?
 Что ж, малодушный, ты носишь сей лук, для тебя бесполезный?
 475 С сей я поры чтоб твоих не слыхала в чертогах Кронида
 Гордых похвал, как, бывало, ты хвалишься между богами
 С Энносигеем, земли колебателем, выйти на битву”.

Так говорила; сестре не ответствовал Феб сребролукий
 Но раздражилася Гера, супруга почтенная Зевса,
 480 И словами жестокими так Артемиду язвила:
 “Как, бесстыдная псица, и мне уже ныне ты смеешь
 Противостать? Но тебе я тяжелой противницей буду,
 Гордая луком! Тебя лишь над смертными женами львицей
 Зевс поставил, над ними свирепствовать дал тебе волю.
 485 Лучше и легче тебе поражать по горам и долинам
 Ланей и диких зверей, чем с сильнейшими в крепости спорить.
 Если ж ты хочешь изведать и брани, теперь же узнаешь,
 Сколько тебя я сильнее, когда на меня ты дерзаешь!”

Так лишь сказала и руки богини своею рукою
 490 Левою хватает, а правою, лук за плечами сорвавши,
 Луком, с усмешкою горькою, бьет вкруг ушей Артемиду:
 Быстро она отвращаясь, рассыпала звонкие стрелы
 И, наконец, убежала в слезах. Такова голубица,
 Ястреба, робкая, взвидя, в расселину камня влетает,
 495 В темную нору, когда ей не сужено быть уловленной, —
 Так Артемида в слезах убежала и лук свой забыла.
 Лете, богине, тогда возгласил возвестительный Гермес:
 “Лета! сражаться с тобой ни теперь я, ни впредь не намерен:
 Трудно сражаться с супругами тучегонителя Зевса.
 500 Можешь, когда ты желаешь, торжественно между бессмертных,
 Можешь хвалиться, что силой ты страшной меня победила”.

Так говорил он, а Лета сбирала и лук и из тула
 Врознь по песчаным зыбям разлетевшиеся легкие стрелы.
 Все их собравши, богиня пошла за печальною дочерью.
 505 Та же вошла на Олимп, в меднозданный чертог громовержца;
 Села, слезы лия, на колени родителя дева;

Риза на ней благовонная вся трепетала. Кронион
К сердцу дочерь прижал и вещал к ней с приятной усмешкой:
“Дочь моя милая! кто из бессмертных тебя дерзновенно
510 Так оскорбил, как бы явное ты сотворила злодейство?”

Зевсу прекрасновенчанная ловли царица вещала:
“Гера, твоя супруга, родитель, меня оскорбила,
Гера, от коей и распря и брань меж богами пылает”.

Так небожители боги, сидя на Олимпе, вещали.
515 Тою порой Аполлон вступил в священную Трою:
Сердцем заботился он, да твердынь благозданного града
Сила данаев, судьбе вопреки, не разрушит в день оный.
Прочие все на Олимп возвратились вечные боги,
Гневом пылая одни, а другие славой сияя.
520 Сели они вокруг отца громоносного. Сын же Пелеев
В грозном бою истреблял и мужей, и коней звуконогих.
Словно как дым от пожара столпом до высокого неба
Всходит над градом пылающим, гневом богов воздвигаем:
Всем он труды и печали несчетные многим наносит, —
525 Так Ахиллес наносил и труды и печали троянам.

Царь Илиона, Приам престарелый, на башне священной
Стоя, узрел Ахиллеса ужасного: все пред героем
Трои сыны, убегая, толпились; противоборства
Более не было. Он зарыдал — и, сошедши на землю,
530 Громко приказывал старец ворот защитителям славным:
“Настежь ворота в руках вы держите, пока ополченья
В город все не укроются, с поля бегущие: близок
Грозный Пелид, их гонящий! Приходит нам тяжкая гибель.
Но, как скоро вбегут и в стенах успокоятся рати,
535 Вновь затворите ворота и плотные створы закройте.
Я трепещу, чтобы муж сей погибельный в град не ворвался!”

Рек он, — и стражи, отдвинув запор, распахнули ворота.
Многим они, растворенные, свет даровали; навстречу
Вылетел Феб, чтоб от Трои сынов отразить истребленье.

540 Рати ж троянские к городу прямо, к твердыне высокой,
 Жаждой палимые, прахом покрытые, с бранного поля
 Мчались; бурно их гнал он копьём; непрестанно в нем сердце
 Страшным пылало свирепством, неистово славы алкал он.
 Взяли б в сей день аргивяне высоковоротную Трою,
 545 Если бы Феб Аполлон не воздвигнул Агенора мужа,
 Ветвь Антенора сановника, славного, сильного в битвах.
 Феб ему сердце наполнил отвагой и сам недалеко
 Стал, чтоб над мужем удерживать руки тяжелые Смерти,
 К дереву буку склонясь и покрывшись облаком темным.
 550 Тот же, как скоро увидел рушителя стен Ахиллеса,
 Стал; но не раз у него колебалось тревожное сердце.
 Тяжко вздохнув, говорил он с своей благородной душою:
 “Горе мне! ежели я, оробев, пред ужасным Пелидом
 В бег обращаюсь, как бегут и другие, смятенные страхом, —
 555 Быстрый догонит меня и главу, как у робкого, снимет!
 Если же сих, по долине бегущих, преследовать дам я
 Сыну Пелея, а сам одинокий в сторону града
 Брошусь бежать по Илийскому полю, пока не достигну
 Иды лесистых вершин и в кустарнике частом не скроюсь?
 560 Там я, как вечер наступит, в потоке омоюсь от пота
 И, освежаясь, под сумраком вновь в Илион возвращуся.
 Но не напрасно ль ты, сердце, в подобных волнуешься думах?
 Если меня вдалеке он от города, в поле увидит?
 Если, ударясь в погоню, меня быстроногий нагонит?
 565 О! не избыть мне тогда от сурового рока и смерти!
 Сей человек несравненно могучее всех человек!
 Если ж ему самому перед градом я противостану?..
 Тело его, как и всех, пронцаемо острою медью;
 Та ж и одна в нем душа, и от смертных зовется он смертным,
 570 Но Кронид лишь ему и победу и славу дарует!”

Так произнес — и, уставясь на бой, наждал Ахиллеса:
 Храброе сердце стремилло его воевать и сражаться.
 словно как смелый барс из опушки глубокого леса
 Прямо выходит на мужа-ловца, и, не ведущий страха,
 575 Он не смущается, он не бежит при раздавшемся лае;

Даже когда и стрелой иль копьем его ловчий уметит,
Он, невзирая, что сам копьем прободен, не бросает
Пламенной битвы, пока не сразит или сам не прострется, —
Так Антеноров сын, воеватель бесстрашный Агенор,
580 С поля сойти не решался, пока не изведал Пелида.
Он, перед грудью оставивши выпуклый щит круговидный,
Метил копьем на него и грозился, крича громозвучно:
“Верно, надежду ты в сердце питал, Ахиллес знаменитый,
Нынешний день разорить обитель троян благородных?
585 Нет, безрассудный, бедам еще многим свершиться за Трою!
Много еще нас во граде мужей и бесстрашных и сильных,
Кои готовы для наших отцов, для супруг и младенцев
Град Илион защищать, пред которым найдешь ты погибель, —
Ты, и страшнейший в мужах, и душою отважнейший воин!”

590 Рек — и сияющий дрот он рукою могучею ринул,
И не прокинул: уметил его в подколенное берцо;
Окрест ноги оловянная, новая ковань, поножа
Страшный звон издала; но суровая медь отскочила
Вспять от ноги; не прошла, отраженная божеским даром.
595 Тут Ахиллес на подобного богу Агенора прынул,
Пламенный; но Аполлон ему славой украсить не дал:
Быстро похитил троянца и, мраком покрывши глубоким,
Мирно ему от боя опасного дал удалиться;
Сам же Пелеева сына коварством отвлек от народа:
600 Образ принявши Агенора, бог Аполлон сребролукий
Стал пред очами его, и за ним он ударился гнаться. —
Тою порой, как Пелид по равнине, покрытой пшеницей,
Феба преследовал, вспять близ глубокопучинного Ксанфа,
Чуть уходящего, — хитростью бог обольщал человека,
605 Льстя беспрестанной надеждой, что он, быстроногий, нагонит, —
Тою норою трояне, бегущие с поля, толпами
Радостно к граду примчались; бегущими град наполнялся.
Все укрывались, никто не дерзал за стеною, вне града,
Ждать остальных и разведывать, кто из товарищей спасся,
610 Кто на сраженье погиб; но в радости сердца, как волны,
Хлынули в город, которых спасли только быстрые ноги.

Песнь двадцать вторая УМЕРЩВЛЕНИЕ ГЕКТОРА

С ужасом в город вбежав, как олени молодые, трояне
 Пот прохладжали, пили и жажду свою утоляли,
 Вдоль по стене на забрала склонялся; но аргивяне
 Под стену прямо неслися, щиты к раменам приклонивши.
 5 Гектор же в оное время, как скованный гибельным роком,
 В поле остался один перед Троей и башнею Скейской.
 Бог Аполлон между тем провещал к Пелейону герою:
 “Что ты меня, о Пелид, уповая на быстрые ноги,
 Смертный, преследуешь бога бессмертного? Или доселе
 10 Бога во мне не узнал, что без отдыха пышешь свирепством?
 Ты пренебрег и опасность троян, пораженных тобою:
 Скрылись они уже в стены; а ты здесь по полю рыщешь.
 Но отступи; не убьешь ты меня, не причастен я смерти”.

Вспыхнувши гневом, ему отвечал Ахиллес быстроногий:
 15 “Так обманул ты меня, о зловреднейший между богами!
 В поле отвлек от стены! Без сомнения, многим еще бы
 Землю зубами глотать до того, как сокрылись в Трую!
 Славы прекрасной меня ты лишил; а сынов Илиона
 Спас без труда, ничьего не страшая отмщенья после...
 20 Я отомстил бы тебе, когда б то возможно мне было!”

Так произнес он — и к граду с решимостью гордой понесся,
 Бурный, как конь с колесницей, всегда победительный в беге,
 Быстро несется к мете, расстилаясь по чистому полю, —
 Так Ахиллес оборачивал быстро могучие ноги.

25 Первый старец Приам со стены Ахиллеса увидел,
 Полею летящего, словно звезда, окруженного блеском;
 Словно звезда, что под осень с лучами огнистыми всходит
 И, между звезд неисчетных горячая в сумраках ночи
 (Псом Ориона ее нарицают сыны человеков),
 30 Всех светозарнее блещет, но знаменьем грозным бывает;

Злые она огневицы наносит смертным несчастным, —
Так у героя бегущего медь вкруг персей блистала.
Вскрикнул Приам; седую главу поражает руками,
К небу длани подымлет и горестным голосом вопит,
35 Слезно молящий любезного сына; но тот пред воротами
Молча стоит, беспредельно пылая сразиться с Пелидом.
Жалобно старец к нему и слова простирает и руки:
“Тектор, возлюбленный сын мой! Не жди ты сего человека
В поле один, без друзей, да своей не найдешь ты кончины.
40 Сыном Пелея сраженный: тебя он могучее в битвах!
Лютый! когда бы он был и бессмертным столько ж любезен,
Сколько мне: о, давно б уже труп его псы растерзали!
Тяжкая горесть моя у меня отступила б от сердца!
Сколько сынов у меня он младых и могучих похитил,
45 Или убив, иль продав племенам островов отдаленных!
Вот и теперь, Ликаона нет и нет Полидора;
Их обоих я не вижу в толпах, заключившихся в стены,
Юношей милых, рожденных царицею жен Лаофоей.
О! если живы они, но в плену, — из ахейского стана
50 Их мы искупим и медью и златом: обильно их дома;
Много сокровищ за дочь выдал мне Альт знаменитый.
Если ж погибли они и уже в Айдесовом доме,
Горе и мне и матери, кои на скорбь их родили!
Но народу троянскому горести менее будет,
55 Только бы ты не погиб, Ахиллесом ужасным сраженный.
Будь же ты с нами, сын милый! Войди в Илион, да спасешь ты
Жен и мужей илионских, да славы не даруешь громкой
Сыну Пелея, и жизни сладостной сам не лишишься!
О! пожалей и о мне ты, пока я дышу еще, бедном,
60 Старце злосчастном, которого Зевс пред дверями могилы
Казнь ужасной казнит, принуждая все бедствия видеть:
Видеть сынов убиваемых, дочерей в неволю влекомых,
Домы Пергама громимые, самых младенцев невинных
Видеть об дол разбиваемых в сей разрушительной брани,
65 И невесток, влачимых руками свирепых данаев!..
Сам я последний паду, и меня на пороге домашнем
Алчные псы растерзают, когда смертоносною медью

Кто-либо в сердце уметит и душу из персей исторгнет;
 Псы, что вскормил при моих я трапезах, привратные стражи,
 70 Кровью упьются моей и, унылые сердцем, на праге
 Лягут при теле моем искаженном! О, юноше славно,
 Как ни лежит он, упавший в бою и растерзанный медью, —
 Все у него, и у мертвого, что ни открыто, прекрасно!
 Если ж седую брану и седую главу человека,
 75 Ежели стыд у старца убитого псы оскверняют, —
 Участи более горестной нет человекам несчастным!”

Так вопиял, и свои серебристые волосы старец
 Рвал на главе, но у Гектора сына души не подвинул.
 Мать за ним на другой стороне возопила, рыдая;
 80 Перси рукой обнажив, а другой на грудь указуя,
 Сыну, лиющая слезы, крылатую речь устремляла:
 “Сын мой! почти хоть сие, пожалей хоть матери бедной!
 Если я детский твой плач утоляла отрадною грудью,
 Вспомни об оном, любезнейший сын, и ужасного мужа,
 85 В стены вошед, отражай; перед ним ты не стой одинокий!
 Если, неистовый, он одолеет тебя, о мой Гектор,
 Милую отрасль мою, ни я на одре не оплачу,
 Ни Андромаха супруга; далёко от нас от обеих,
 В стане тебя мирмидонском свирепые псы растерзают!”

90 Так, рыдая, они говорили к любезному сыну,
 Так умоляли, — но Гектора в персях души не подвигли:
 Он ожидал Ахиллеса великого, несшегося прямо.
 Словно как горный дракон у пещеры ждет человека,
 Трав ядовитых нажавшись и черной наполняя злобой,
 95 В стороны страшно глядит, извиваясь вкруг над пещерой, —
 Гектор таков, несмиримого мужества полный, стоял там,
 Выпуклосветлым щитом упершись в основание башни;
 Мрачно вздохнув, наконец говорил он в душе возвышенной:
 “Стыд мне, когда я, как робкий, в ворота и стены укроюсь!
 100 Первый Полидамас на меня укоризны положит:
 Полидамас мне советовал ввесть ополчения в город
 В оную ночь роковую, как вновь Ахиллес ополчился.

Я не послушал, но, верно, полезнее было б послушать!
 Так троянский народ погубил я своим безрассудством.
 105 О! стыжуся троян и троянок длинноодежных!
 Гражданин самый последний может сказать в Илионе:
 — Гектор народ погубил, на свою понадеявшись силу! —
 Так илионяне скажут. Стократ благороднее будет
 Противостать и, Пелеева сына убив, возвратиться
 110 Или в сражении с ним перед Троею славно погибнуть!
 Но... и почто же? Если оставлю щит светлобляшный,
 Шлем тяжелый сложу и, копье прислонивши к твердыне,
 Сам я пойду и предстану Пелееву славному сыну?
 Если ему обещаю Елену и вместе богатства
 115 Все совершенно, какие Парис в кораблях глубодонных
 С нею привез в Илион, — роковое раздора начало! —
 Выдать Атридам и вместе притом разделить аргивянам
 Все остальные богатства, какие лишь Троя вмещает?
 Если с троян, наконец, я потребую клятвы старейшин:
 120 Нам ничего не скрывать, но представить все для раздела
 Наши богатства, какие лишь град заключает любезный?..
 Боги! каким предаюся я помыслам? Нет, к Ахиллесу
 Я не пойду как молителю! Не скалится он надо мною.
 Он не уважит меня; нападет и меня без орудий
 125 Нагло убьет он, как женщину, если доспех я оставлю.
 Нет, теперь не година с зеленого дуба иль с камня
 Нам с ним беседовать мирно, как юноша с сельскою девою:
 Юноша, с сельскою девою свидясь, беседует мирно;
 Нам же к сражению лучше сойтись! и немедля увидим,
 130 Славу кому между нас даровать Олимпиец рассудит!"

Так размышляя, стоял; а к нему Ахиллес приближался,
 Грозен, как бог Эниалий, сверкающий шлемом по сече;
 Ясень отцов пелионский на правом плече колебал он
 Страшный; вокруг его медь ослепительным светом сияла,
 135 Будто огонь расплывшийся, будто всходящее солнце.
 Гектор увидел, и взял его страх; оставаться на месте
 Больше не мог он; от Скейских ворот побежал, уstraшенный.
 Бросился гнаться Пелид, уповая на быстрые ноги.

140 Словно сокол на горах, из пернатых быстрейшая птица,
 Вдруг с быстротой несказанной за робкой несется голубкой;
 В стороны вьется она, а сокол по-над нею; и часто
 Разом он крикнет и кинется, жадный добычу похитить, —
 Так он за Гектором, пламенный, гнался, а трепетный Гектор
 Вдоль под стеной убежал и быстро оборачивал ноги.
 145 Мимо холма и смоковницы, с ветрами вечно шумящей,
 Оба, вдали от стены, колесничной дорогою мчались;
 Оба к ключам светлоструйным примчались, где с быстротою
 Два вытекают источника быстропучинного Ксанфа.
 Теплой водою струится один, и кругом непрестанно
 150 Пар от него подымается, словно как дым от огнища;
 Но источник другой и средь лета студень катится,
 Хладный, как град, как снег, как в кристалл превращенная влага.

Там близ ключей водоемы широкие, оба из камней,
 Были красиво устроены; к ним свои белые ризы
 155 Жены троян и прекрасные дщери их мыть выходили
 В прежние, мирные дни, до нашествия рати ахейской.
 Там прористали они, и бегущий, и быстро гонящий.
 Сильный бежал впереди, но преследовал много сильнейший,
 Бурно несясь; не о жертве они, не о коже воловой
 160 Спорились бегом: обычная мзда то ногам бегоборцев;
 Нет, об жизни ристались Гектора, конника Трои.
 И, как на играх, умершему в почесть, победные кони
 Окрест меты беговой с быстротою чудесною скажут, —
 Славная ждет их награда, младая жена иль треножник, —
 165 Так троекратно они пред великою Троей кружились,
 Быстро носящиеся. Все божества на героев смотрели;
 Слово меж оными начал отец и бессмертных и смертных:
 “Горе! любезного мужа, гонимого около града,
 Видят очи мои, и болезнь проходит мне сердце!
 170 Гектор, муж благодушный, тельчие, тучные бедра
 Мне возжигал в благовоние часто на Иде холмистой,
 Часто на выси пергамской; а днесь Ахиллес градоборец
 Гектора около града преследует, бурный ристатель.
 Боги, размыслите вы и советом сердец положите,

175 Гектора мы сохраним ли от смерти или напоследок
Сыну Пелея дадим победить знаменитого мужа”.

Зевсу немедля рекла светлоокая дева Паллада:
“Молниеносный отец, чернооблачный! Что ты вещаешь?
180 Смертного мужа, издревле судьбе обреченного общей,
Хочешь ты, Зевс, разрешить совершенно от смерти печальной?
Волю твори, но не все на нее согласимся мы, боги!”

Ей немедля отвечивал тучегонитель Кронион:
“Бодрствуй, Тритония, милая дочь! Не с намереньем в сердце
Я говорю и с тобою милостив быть я желаю.
185 Волю твори и желание сердца немедля исполни”.

Рек — и возжег еще боле пылавшую сердцем Афины;
Бурно она понеслась, от Олимпа высокого бросаась.

Гектора ж, в бегстве преследуя, гнал Ахиллес непрестанно.
Словно как пес по горам молодого гонит оленя,
190 С лога подняв, и несется за ним чрез кусты и овраги;
Даже и скрывшегось, если он в страхе под куст припадает,
Чуткий следит и бежит беспрестанно, покуда не сыщет, —
Так Приамид от Пелида не мог от быстрого скрыться.
Сколько он раз ни пытался, у врат пробегаю Дарданских,
195 Броситься прямо к стене, под высоковершинные башни,
Где бы трояне его с высоты защитили стрелами, —
Столько раз Ахиллес, упредив, отбивал Приамиду
В поле, а сам непрестанно, держася твердыни, летел он.
Словно во сне человек изловить человека не может,
200 Сей убежать, а другой уловить напрягается тщетно, —
Так и герои, ни сей не догонит, ни тот не уходит.
Как бы и мог Приамид избежать от судьбы и от смерти,
Если б ему, и в последний уж раз, Аполлон не явился:
Он укреплял Приамиду и силы, и быстрые ноги.
205 Войскам меж тем помавал головою Пелид быстроногий,
Им запрещаю бросать против Гектора горькие стрелы,
Славы б не отнял пронзивший, а он бы вторым не явился.

Но лишь в четвертый раз до Скамандра ключей прибежали,
 Зевс распростер, промыслитель, весы золотые; на них он
 210 Бросил два жребия Смерти, в сон погружающей долги:
 Жребий один Ахиллеса, другой — Приамова сына.
 Взял посредине и поднял: поникнул Гектора жребий,
 Тяжкий к Аиду упал; Аполлон от него удалился.
 Сыну ж Пелея, с сияющим взором, явилась Паллада,
 215 Близко пришла и к нему провещала крылатые речи:
 “Ныне, надеюсь, любимец богов, Ахиллес благородный,
 Славу великую мы принесем на суда мирмидонян:
 Гектора мы поразим, ненасытного боем героя.
 Более, мню я, от нашей руки не избыть Приамиду,
 220 Сколько ни будет о том Аполлон стрелометный трудиться,
 Распостирающийся пред могучим отцом громовержцем.
 Стань и вздохни, Пелейон; Приамида сведу я с тобою
 И сама преклоню, да противу тебя он сразится”.

Так говорила; Пелид покорился и, радости полный,
 225 Стал, опершись на сияющий яшень свой медноконечный.
 Зевсова дочь устремила, Гектора быстро настигла
 И, уподобясь Дейфобу и видом, и голосом звучным,
 Стала пред ним и крылатые речи коварно вещала:
 “Брат мой почтенный! жестоко тебя Ахиллес утесняет,
 230 Около града Приамова бурным преследуя бегом.
 Но остановимся здесь и могучего встретим бесстрашно!”

Ей ответствовал сильный, шеломом сверкающий Гектор:
 “О Дейфоб! и всегда ты, с младенчества, был мне любезен
 Более всех моих братьев, Приама сынов и Гекубы;
 235 Ныне ж и прежнего более должен тебя почитать я:
 Ради меня ты отважился, видя единого в поле,
 Выйти из стен, тогда как другие в стенах остаются”.

Вновь говорила ему светлоокая дочь громовержца:
 “Гектор, меня умоляли отец и почтенная мать,
 240 Ноги мои обнимая; меня и друзья умоляли
 С ними остаться: таким они все преисполнены страхом.

Но по тебе сокрушалось тоскою глубокою сердце.
 Станем надежно теперь и сразимся мы пламенно: копий
 Не к чему боле шадить; и увидим теперь, Ахиллес ли
 245 Нас обоих умертвит и кровавые наши корысти
 К черным судам повлечет иль копьем он твоим укротится!"

Так вещая, коварно вперед выступала Паллада.
 Оба героя сошлись, устремленные друг против друга;
 Первый к Пелиду воскликнул шеломом сверкающий Гектор:
 250 "Сын Пелеев, тебя убегать не намерен я боле!
 Трижды пред градом Приамовым я пробежал, не дерзая
 Встретить тебя нападавшего; ныне же сердце велит мне
 Стать и сразиться с тобою; убью или буду убит я!
 Прежде ж богов призовем во свидетельство; лучшие будут
 255 Боги свидетели клятв и хранители наших условий:
 Тела тебе я не буду бесчестить, когда громовержец
 Дарует мне устоять и оружием дух твой исторгнуть;
 Славные только доспехи с тебя, Ахиллес, совлеку я,
 Тело ж отдам мирмидонцам; и ты договор сей исполни".

Грозно взглянул на него и вскричал Ахиллес быстроногий:
 "Гектор, враг ненавистный, не мне предлагай договоры!
 Нет и не будет меж львов и людей никакого союза;
 Волки и агнцы не могут дружитья согласиём сердца;
 Вечно враждебны они и зломышленны друг против друга, —
 265 Так и меж нас невозможна любовь; никаких договоров
 Быть между нами не может, поколе один, распростертый,
 Кровью своей не насытит свирепого бога Арея!
 Все ты искусство ратное вспомни! Сегодня ты должен
 Быть копьеборцем отличным и воином неустрашимым!
 270 Бегства тебе уже нет; под моим копьем Тритогена
 Скоро тебя укротит; и заплатишь ты разом за горе
 Другов моих, которых избил ты, свирепствуя, медью!"

Рек он — и, мощно сотрясши, послал длиннотенную пику.
 В пору завидев ее, избежал шлемоблещущий Гектор;
 275 Быстро приник он к земле, и над ним пролетевшая пика

В землю вонзилась; но, вырвав ее, Ахиллесу Паллада
 Вновь подала, невидима Гектору, коннику Трои.
 Гектор же громко воскликнул к Пелееву славному сыну:
 “Празден удар! и нимало, Пелид, бессмертным подобный,
 280 Доли моей не узнал ты от Зевса, хотя возвещал мне;
 Но говорлив и коварен речами ты был предо мною
 С целью, чтоб я, оробев, потерял и отважность и силу.
 Нет, не бежать я намерен; копье не в хребет мне вонзишь ты,
 285 Прямо лицом на тебя устремленному, грудь прободи мне,
 Ежели бог то судил! Но копья и сего берегися
 Медного! Если бы, острое, в тело ты все его принял!
 Легче была бы кровавая брань для сынов Илиона,
 Если б тебя сокрушил я, — тебя, их, лютейшую гибель!”

Рек он — и, мощно сотрясши, копье длиннотенное ринул,
 290 И не прокинул: в средину щита поразил Ахиллеса;
 Но далеко оружие щит отразил. Огорчился
 Гектор, узрев, что копье бесполезно из рук излетело,
 Стал и очи потупил: копья не имел он другого.
 Голосом звучным на помощь он брата зовет Деифоба,
 295 Требует нового дротика острого: нет Деифоба.
 Гектор постиг то своею душою, и так говорил он:
 “Горе! к смерти меня всемогущие боги призвали!
 Я помышлял, что со мною мой брат, Деифоб нестрашимый;
 Он же в стенах илионских: меня обольстила Паллада.
 300 Возле меня — лишь Смерть! и уже не избыть мне ужасной!
 Нет избавления! Так, без сомнения, боги судили,
 Зевс и от Зевса родившийся Феб; милосердые прежде
 Часто меня избавляли; судьба наконец постигает!
 Но не без дела погибну, во прах я паду не без славы;
 305 Нечто великое сделаю, что и потомки услышат!”

Так произнес — и исторг из влагалища нож изощренный,
 С левого боку висящий, нож и огромный и тяжкий;
 С места, напрягшись, бросился, словно орел небопарный,
 Если он вдруг из-за облаков сизых на степь упадет,
 310 Нежного агнца иль зайца пугливого жадный похитить, —

Гектор таков устремился, махая ножом смертоносным.
 Прянул и быстрый Пелид, и наполнился дух его гнева
 Бурного; он перед грудью уставил свой щит велелепный,
 Дивно украшенный; шлем на главе его четверобляшный
 315 Зыблется светлый, волнуется пышная грива золотая,
 Густо Гефестом разлитая окрест высокого гребня.
 Но, как звезда меж звездами в сумраке ночи сияет,
 Геспер, который на небе прекраснее всех и светлее, —
 Так у Пелида сверкало копьё изощренное, коим
 320 В правой руке потрясал он, на Гектора жизнь умышляя,
 Места на теле прекрасном ища для верных ударов.
 Но у героя все тело доспех покрывал медноковный,
 Пышный, который похитил он, мощь одолевши Патрокла.
 Там лишь, где выю ключи с раменами связуют, гортани
 325 Часть обнажалась, место, где гибель душе неизбежна:
 Там, налетевши, копьем Ахиллес поразил Приамида;
 Прямо сквозь белую выю прошло смертоносное жало;
 Только гортани ему не рассек сокрушительный ясель
 Вовсе, чтоб мог, умирающий, несколько слов он промолвить;
 330 Грянулся в прах он, — и громко вскричал Ахиллес, торжествуя:
 “Гектор, Патрокла убил ты — и думал живым оставаться!
 Ты и меня не страшился, когда я от битв удалялся,
 Враг безрассудный! Но мститель его, несравненно сильнейший,
 Нежели ты, за судами ахейскими я оставался,
 335 Я, и колена тебе сокрушивший! Тебя для позора
 Птицы и псы разорвут, а его погребут аргивяне”.

Дышащий томно, ему отвечал шлемоблещущий Гектор:
 “Жизнью тебя и твоими родными у ног заклинаю.
 340 О! не давай ты меня на терзание псам мирмидонским;
 Меди, ценного золота, сколько желаешь ты, требуй;
 Вышлют тебе искупенье отец и почтенная мать;
 Тело лишь в дом возврати, чтоб трояне меня и троянки,
 Честь воздавая последнюю, в доме огню приобщили”.
 345 Мрачно смотря на него, говорил Ахиллес быстроногий:
 “Тщетно ты, пес, обнимаешь мне ноги и молишь родными!

Сам я, коль слушал бы гнева, тебя растерзал бы на части,
 Тело сырое твое пожирал бы я, — то ты мне сделал!
 Нет, человеческий сын от твоей головы не отгонит
 Псов пожирающих! Если и в десять, и в двадцать крат мне
 350 Пышных даров привезут и столько ж еще обещают;
 Если тебя самого прикажет на золото взвесить
 Царь Илиона Приам, и тогда — на одре погребальном
 Матерь Гекуба тебя, своего не оплачет рожденья;
 Птицы твой труп и псы мирмидонские весь растерзают!”

355 Дух испуская, к нему провещал шлемоблещущий Гектор:
 “Знал я тебя; предчувствовал я, что моим ты моленьем
 Тронут не будешь: в груди у тебя железное сердце.
 Но трепещи, да не буду тебе я божием гневом
 В оный день, когда Александр и Феб стреловержец,
 360 Как ни могучего, в Скейских воротах тебя ниспровергнут!”

Так говорящего, Гектора мрачная Смерть осеняет:
 Тихо душа, из уст излетевши, нисходит к Аиду,
 Плачась на долю свою, оставляя и младость и крепость.

Но к нему, и к умершему, сын быстроногий Пелеев
 365 Крикнул еще: “Умирай! а мою неизбежную смерть я
 Встречу, когда ни пошлет громовержец и вечные боги!”

Так произнес — и из мертвого вырвал убийственный ясень,
 В сторону бросил его и доспех совлекал с Дарданида,
 Кровью облитый. Сбежались другие ахейские мужи.
 370 Все, изумляясь, смотрели на рост и на образ чудесный
 Гектора и, приближался, каждый пронзал его пикой.
 Так говорили иные, один на другого взглянувши:
 “О! несравненно теперь к осязанию мягче сей Гектор,
 Нежели был, как бросал на суда пожирающий пламень!”

375 Так не один говорил — и копьем прободал, приближаясь.
 Но, его между тем обнажив, Ахиллес быстроногий
 Стал средь ахеев, и к ним устремил он крылатые речи:

“Други, герои ахейцы, бесстрашные слуги Арея!
380 Мужа сего победить наконец даровали мне боги,
Зла сотворившего более, нежели все илионцы.
Ныне с оружием мы покусимся на град крепкостенный;
Граждан троянских изведем помыслы, как полагают:
Бросить ли замок высокий, сраженному сыну Приама;
Или держаться дерзают, когда и вождя их не стало?
385 Но каким помышлениям сердце мое предается!
Мертвый лежит у судов, не оплаканный, не погребенный,
Друг мой Патрокл! Не забуду его, не забуду, пока я
Между живыми влачусь и стопами земли прикасаюсь!
Если ж умершие смертные память теряют в Аиде,
390 Буду я помнить и там моего благородного друга!
Ныне победный пеан воспойте, ахейские мужи;
Мы же пойдем, волоча и его, к кораблям быстролетным.
Добыли светлой мы славы! Повержен божественный Гектор!
Гектор, которого Трои сыны величали, как бога!”

395 Рек — и на Гектора он недостойное дело замыслил:
Сам на обеих ногах проколол ему жилы сухие
Сзади от пят и до глезн и, продевши ремни, к колеснице
Тело его привязал, а главу волочиться оставил;
400 Стал в колесницу и, пышный доспех напоказ подымая,
Коней бичом поразил; полетели послушные кони.
Прах от влекомого вьется столпом; по земле, растрепавшись,
Черные кудри крутятся; глава Приаида по праху
Бьется, прекрасная прежде; а ныне врагам Олимпиец
405 Дал опозорить ее на родимой земле илионской!
Вся голова почернела под перстию. Мать увидала,
Рвет седые волосы, дорогое с себя покрывало
Мечет далеко и горестный вопль подымает о сыне.
Горько рыдал и отец престарелый; кругом же граждане
410 Подняли плач; раздавались вопли по целому граду.
Было подобно, как будто, от края до края, высокий
Весь Илион от своих оснований в огне рассыпался!
Мужи держали с трудом исступленного горестью старца,

- Рвавшего в поле вратами Дарданскими выйти из града.
Он умолял их, тоскующий, он расстилался по праху,
415 Он говорил, называя по имени каждого мужа:
“Други, пустите меня одного, не заботясь, пустите
Выйти из града! Один я пойду к кораблям мирмидонским;
Буду молить я губителя, мрачного сердцем злодея.
Может быть, лета почтит он, над старостью, может быть,
дрыхлой
- 420 Сжалится: он человек, отца он такого ж имеет,
Старца Пелея, который его породил и взлелеял
К горю троян и стократ к жесточайшему горю Приама!
Сколько сынов у меня он похитил во цвете их жизни!
Но обо всех сокрушаюсь я менее, чем об едином!
- 425 Горесть о нем неутешная скоро сведет меня к гробу,
Горесть о Гекторе! О, хоть на сих бы руках он скончался!
Мы бы хоть душу насытили плачем над ним и рыданьем,
Я, безотрадный отец, и его злополучная мать!”
- Так говорил он, рыдая; и с старцем стонали трояне.
- 430 Но меж троянок Гекуба плачевнейший вопль подымает:
“Сын мой, мне, злополучной, почто еще жить для страданий,
Все потерявшей с тобою! Моею и дни ты и ночи
Славою был в Илионе, всеобщей надеждою в царстве
Жен и мужей илионских! Тебя, как хранителя бога,
435 Всюду встречали они; величайшею был ты их славой
В жизни своей, и тебя, нам бесценного, смерть обымает!”
- Плакала мать. Но еще ничего не слыхала супруга
В доме об Гекторе; вестник еще не являлся к ней верный
Весть объявить, что супруг за вратами в поле остался.
- 440 Ткала одежду она в отдаленнейшем тереме дома,
Яркую ткань, и цветные по ней рассыпала узоры.
Прежде ж дала повеленье прислужницам пышноволосям
Огонь развести под великим треногом, да будет готова
Гектору теплая ванна, как с боя он в дом возвратится.
- 445 Бедная! дум не имела, что Гектор далеко от дома

Пал под рукой Ахиллеса, смирен светлоокой Афиной.
 Вдруг Андромаха услышала крики и вопли на башне,
 Вздрогнула вся и челнок из руки на помост уронила;
 Встала и к двум говорила прислужницам пышноволосям:
 450 “Встаньте, идите за мной; посмотрю я, что совершилось?
 Слышу почтенной свекрови я крик: подымается сердце,
 Бьется, как вырваться хочет; колена мои цепенеют!
 Близкая, верно, беда Дарданида сынам угрожает?..
 О! удалися от слуха подобная весть! Но от страха
 455 Я трепещу... Не бесстрашного ль Гектора богу подобный
 В поле, отрезав от стен, Ахиллес одинокого гонит?
 Боги! уже не смиряет ли храбрость его роковую,
 Коей он дышит? В толпе никогда не останется Гектор:
 Первый вперед полетит, никому не уступит в геройстве!”

460 Так произнесши, из терема бросилась, будто менада,
 С сильно трепещущим сердцем, и обе прислужницы следом;
 Быстро на башню взошла и, сквозь сонм пролетевши народный,
 Стала, со стен оглянувшись кругом и его увидала
 Тело, влачимое в прахе: безжалостно бурные кони
 465 Полею его волокли к кораблям быстролетным ахеян.
 Темная ночь Андромахины ясные очи покрыла;
 Навзничь упала она и, казалось, дух испустила.
 Спала с нее и далеко рассыпалась пышная повязь,
 Ленты, прозрачная сеть и прекрасноплетенные тесмы;
 470 Спал и покров, блистательный дар золотой Афродиты,
 Данный в день оный царевне, как Гектор ее меднолатный
 Из дому взял Этиона, отдавши несметное вено.
 Вкруг Андромахи невестки ее и золовки, толпяся,
 Бледную долго держали, казалось, убитую скорбью.
 475 В чувство пришедши она и дыхание в персях собравши,
 Горько навзрыд зарыдала и так среди жен говорила:
 “Гектор, о горе мне, бедной! Мы с одинакою долей
 Оба родились: ты в Илионе, в Приамовом доме,
 Я, злополучная, в Фивах, при скатах лесистого Плака,
 480 В доме царя Этиона; меня возрастил он от детства,

- Смертный несчастный несчастную. О, для чего я родилась!
 Ты, о супруг мой, в Аидовы дома, в подземные бездны
 Сходишь навек и меня к неутешной тоске покидаешь
 В доме вдовою; а сын, злополучными нами рожденный,
 485 Бедный и сирый младенец! Увы, ни ему ты не будешь
 В жизни отрадою, Гектор, — ты пал! — ни тебе он не будет!
 Ежели он и спасется в погибельной брани ахейской,
 Труд непрерывный его, бесконечное горе в грядущем
 Ждут беспокровного: чуждый захватит сиротские нивы.
 490 С днем сиротства сирота и товарищей детства теряет;
 Бродит один с головою пониклой, с заплаканным взором.
 В нужде приходит ли он к отцовым друзьям и, просящий,
 То одного, то другого смиренно касается ризы, —
 Сжалясь, иной сиротливому чару едва наклоняет,
 495 Только уста омочает и нёба в устах не омочит.
 Чаще ж его от трапезы счастливец семейственный гонит,
 И толкая рукой, и обидной преследуя речью:
 — Прочь ты исчезни! не твой здесь отец пирует с друзьями!
 Плачущий к матери, к бедной вдовице дитя возвратится,
 500 Астианакс мой, который всегда у отца на коленях
 Мозгом лишь агнцев питался и туком овец среброрунных;
 Если же сон обнимал, утомленного играми детства,
 Сладостно спал он на ложе при лоне кормилицы нежном,
 В мягкой постели своей, удовольствием сердца блистая.
 505 Что же теперь испытает, лишенный родителя, бедный
 Астианакс наш, которого так называют трояне,
 Ибо один защищал ты врата и троянские стены,
 Гектор; а ныне у вражьих судов, далеко от родимых,
 Черви тебя пожирают, раздранного псами, нагого!
 510 Наг ты лежишь! а тебе одеяния сколько в чертогах,
 Риз и прекрасных и тонких, сотканных руками троянок!
 Все их теперь я, несчастная, в огненный пламень повергну!
 Сделал ты их бесполезными, в них и лежать ты не будешь!
 В сонме троян и троянок сожгу их, тебе я во славу!”
- 515 Так говорила, рыдая; и с нею стенали троянки.

Песнь двадцать третья
 ПОГРЕБЕНИЕ ПАТРОКЛА.
 ИГРЫ

Так сокрушались трояне по граду. В то время ахейцы,
 К черным своим кораблям возвратясь, на брег Геллеспонта,
 Быстро рассеялись все по широкому ратному стану.
 Но мирмидонцам своим расходиться Пелид не позволил;
 5 Став посредине дружин их воинственных, он говорил им:
 “Быстрые конники, верные друзья мои, мирмидонцы!
 Мы от ярма отрешать не станем коней звуконогих;
 Мы на конях, в колесницах, приблизимся все и оплачем
 Друга Патрокла: почтим подобающей мертвого честью.
 10 Но, когда мы сердца удовольствуем горестным плачем,
 Здесь, отрешивши коней, вечерять неразлучные будем”.

Рек — и рыдание начал; и все зарыдали дружины.
 Трижды вкруг тела они долгогривых коней обогнали
 С воплем плачевным: Фетида их чувства на плач возбуждала.
 15 Вкруг орошался песок, орошались слезами доспехи
 Каждого воина; так был оплакиван вождь их могучий.
 Царь Ахиллес между ними рыдание горькое начал,
 Грозные руки на грудь положив бездыханного друга:
 “Радуйся, храбрый Патрокл! и в Аидовом радуйся доме!
 20 Все для тебя совершаю я, что совершить обрекался:
 Гектор сюда привлечен и повергнется псам на терзанье;
 Окрест костра твоего обезглавлю двенадцать славнейших
 Юных троянских сынов, за смерть твою отомщая!”

Рек, — и на Гектора он недостойное дело замыслил:
 25 Ниц пред Патрокла одром распростер Дарданиона в прахе.
 Тою порой мирмидонцы с рамен светозарные брони
 Сняли; от ярм отрешили гремящих копытами коней
 И, неисчетные, близ корабля Ахиллеса героя
 Сели; а он учреждал их блистательный пир похоронный.
 30 Множество сильных тельцов под ударом железа ревело,

Вкруг поражаемых; множество коз и агнцев блеющих;
 Множество туком цветущих закланных свиней белоклыких
 Окрест разложено было на ярком огне обжигаться:
 Кровь как из чанов лилася вокруг Менетидова тела.

35 Но царя Эакида, Пелеева быстрого сына,
 К сыну Атрея царю повели воеводы ахеян,
 С многим трудом убедив, огорченного гневом за друга.
 Сонму, пришедшему к сени Атреева мощного сына,
 Царь повелел немедленно вестникам звонкоголосым
 40 Медный треножник поставить к огню, не преклонится ль
 к просьбе

Царь Ахиллес, чтоб омыться от бранного праха и крови.
 Он отрекался решительно, клятвою он заклинался:
 “Нет, Зевесом клянусь, божеством высочайшим, сильнейшим!
 Нет, моей головы не коснется сосуд омовений
 45 Прежде, чем друга огню не предам, не насыплю могилы
 И власов не обрежу! Другая подобная горесть
 Сердца уже не пройдет мне, пока средь живых я скитаюсь!
 Но поспешим и приступим немедля к ужасному пиру.
 Ты, владыка мужей, повели, Агамемнон, завтра
 50 Леса к костру навозить и на берегу все уготовить,
 Что мертвецу подобает, сходящему в мрачные сени.
 Пусть Менетида скорее священное пламя Гефеста
 Скроет от взоров моих, и воинство к делу приступит”.

Так говорил, — и, внимательно слушав, ему покорились.
 55 Скоро под сенью Атридовой вечерю им предложили;
 Все наслаждались, довольствуя сердце обилием равным;
 И, когда питием и пищею глад утолили,
 Все разошлись успокоиться, каждый под сень уклонился.

Только Пелид на берегу неумолкнушумящего моря
 60 Тяжко стонящий лежал, окруженный толпой мирмидонян,
 Ниц на поляне, где волны лишь мутные билися в берег.
 Там над Пелидом сон, сердечных тревог укротитель,
 Сладкий разлился: герой истомил благородные члены,
 Гектора быстро гоня пред высокой стеной Илиона.

65 Там Ахиллесу явилась душа несчастливца Патрокла,
 Призрак, величием с ним и очами прекрасными сходный;
 Та ж и одежда, и голос тот самый, сердцу знакомый.
 Стала душа над головой и такие слова говорила:
 “Спишь, Ахиллес! неужели меня ты забвению предал?
 70 Не был ко мне равнодушен к живому ты, к мертвому ль будешь?
 О! погребви ты меня, да войду я в обитель Аида!
 Души, тени умерших, меня от ворот его гонят
 И к теням приобщиться к себе за реку не пускают;
 Тщетно скитаюсь я пред широковоротным Аидом.
 75 Дай мне, печальному, руку: вовеки уже пред живущих
 Я не приду из Аида, тобою огню приобщенный!
 Больше с тобой, как бывало, вдали от друзей мирмидонских
 Сидя, не будем советы советовать: рок ненавистный,
 Мне предназначенный с жизнью, меня поглотил невозвратно.
 80 Рок — и тебе самому, Ахиллес, бессмертным подобный,
 Здесь, под высокой стеною троян благородных, погибнуть!
 Слово еще я реку, завещанью внимай и исполни.
 Кости мои, Ахиллес, да не будут розно с твоими;
 Вместе пусть лягут, как вместе от юности мы возрастали
 85 В ваших чертогах. Младого меня из Опуса Менетий
 В дом ваш привел, по причине печального смертоубийства,
 В день злополучный, когда, малосмысленный, я ненарочно
 Амфидамасова сына убил, за лодыги поссорясь.
 В дом свой приняв благосклонно меня, твой отец благородный
 90 Нежно с тобой воспитал и твоим товарищем назвал.
 Пусть же и кости наши гробница одна сокрушает,
 Урна золотая, Фетиды матери дар драгоценный!”

Быстро к нему простираясь, воскликнул Пелид благородный:
 “Ты ли, друг мой любезнейший, мертвый меня посещаешь?
 95 Ты ль полагаешь заветы мне крепкие? Я совершу их,
 Радостно все совершу и исполню, как ты завещаешь.
 Но приближься ко мне, хоть на миг обоймемся с любовью
 И взаимно с тобой насладимся рыданием горьким!”

Рек, — и жадные руки любимца обнять распростер он;
 100 Тщетно: душа Менетида, как облако дыма, сквозь землю

С воем ушла. И вскочил Ахиллес, пораженный виденьем,
И руками всплеснул, и печальный так говорил он:

“Боги! так подлинно есть и в Аидовом доме подземном
Дух человека и образ, но он совершенно бесплотный!

105 Целую ночь, я видел, душа несчастливца Патрокла
Все надо мною стояла, стенающий, плачущий призрак;
Всё мне заветы твердила, ему совершенно подобясь!”

Так говорил — и во всех возбудил он желание плакать.

110 В плаче нашла их Заря, розоперстая вестница утра,
Около тела печального. Царь Агамемнон с зарею
Месков ярменных и ратников многих к свезению леса
Выслал из стана ахейского; с ними пошел и почтенный
Муж Мерион, Девкалида героя слугитель разумный.
Взяв топоры древорубные в руки и верви крутые,
115 Воины к рощам пускаются; мулы идут перед ними,
Часто с крутизн на крутизны, то вкось их, то вдоль переходят.
К холмам пришедши лесистым обильной потоками Иды,
Все изощренною медью высоковершинные дубы
Дружно рубить начинают; кругом они с треском ужасным
120 Падают; быстро древа, рассекая на бревна, данаи
К мулам вяжут; и мулы, землю копытами роя,
Рвутся на поле ровное выйти сквозь частый кустарник.
Все древосеки несли совокупно тяжелые бревна:
Так Мерион повелел, Девкалидов слугитель разумный;
125 Кучей сложили на берег, где Ахиллес указал им,
Где и Патроклу великий курган и себе он назначил.

Страшную леса громаду сложив на берегу Геллеспонта,

Там аргивяне остались и сели кругом. Ахиллес же
Дал повеленье своим мирмидонянам бранолюбивым
130 Медью скорей препоясаться всем и коней в колесницы
Впрячь; поднялись они и оружием быстро покрылись;
Все на свои колесницы взошли, и боец и возница;
Начали шествие, спереди конные, пешие сзади,
Тучей; друзья посредине несли Менетида Патрокла,
135 Всё посвященными мертвому телу покрыв волосами.

Голову сзади поддерживал сам Ахиллес благородный,
Горестный: друга он верного в дом провожал Аидеса.

К месту пришедши, которое сам Ахиллес им назначил,
Одр опустили и быстро костер наметали из леса.
140 Думу иную тогда Пелейон быстроногий замыслил:
Став при костре, у себя он обрезал русые кудри, —
Волосы, кои Сперхию с младости нежной растил он;
Очи на темное море возвел и, вздохнувши, воскликнул:
“Сперхий! напрасно отец мой, моляся тебе, обрекался,
145 Там, когда я возвращаюсь в любезную землю родную,
Кудри обрезать мои и тебе принести с гекатомбой
И тебе ж посвятить пятьдесят овнов плодородных,
Возле истоков, где роща твоя и алтарь благовонный.
Так обрекался Пелей, но его ты мольбы не исполнил.
150 Я никогда не увижу драгого отечества! Пусть же
Храбрый Патрокл унесет Ахиллесовы кудри в могилу!”

Рек — и, обрезавши волосы, в руки любезному другу
Сам положил, и у всех он исторгнул обильные слезы.
Плачущих их над Патроклом оставило б, верно, и солнце,
155 Если бы скоро Пелид не простер к Агамемнону слова:
“Царь Агамемнон, твоим повеленьям скорей покорятся
Мужи ахейские: плачем и после насытиться можно.
Всех отошли от костра и вели, да по стану готовят
Вечерю; мы ж озаботимся делом, которого больше
160 Требуется мертвый. Ахейян вожди да останутся с нами”.

Выслушав речи его, повелитель мужей Агамемнон
Весь немедля народ отпустил к кораблям мореходным.
С ними остались одни погребатели: лес наваливши,
Быстро сложили костер, в ширину и длину стоступенный;
165 Сверху костра положили мертвого, скорбные сердцем;
Множество тучных овец и великих волов криворогих,
Подле костра заколов, обрядили; и туком, от всех их
Собранном, тело Патрокла покрыл Ахиллес благодушный
С ног до главы; а кругом разбросал обнаженные туши;

170 Там же расставил он с медом и со светлым елеем кувшины,
 Все их к одру прислонив; четырех он коней гордовыйных
 С страшную силой поверг на костер, глубоко стеная.
 Девять псов у царя, при столе его вскормленных, было;
 Двух и из них заколол и на сруб обезглавленных бросил;
 175 Бросил туда ж и двенадцать троянских юношей славных,
 Медью убив их; жестокие в сердце дела замышлял он.
 После, костер предоставивши огненной силе железной,
 Громко Пелид возопил, именуя любезного друга:
 “Радуйся, храбрый Патрокл, и в Аидовом радуйся доме!
 180 Все для тебя совершаю я, что совершить обрекался:
 Пленных двенадцать юношей, Трои сынов знаменитых,
 Всех с тобою огонь истребит; но Приамова сына,
 Гектора, нет! не огню на пожрание — псам я оставлю!”

Так угрожал он; но к мертвому Гектору псы не касались:
 185 Их от него удаляла и денно и ночью Киприда;
 Зевсова дочь умастила его амброзическим маслом
 Роз благовонных, да будет без язв, Ахиллесом влачимый.
 Облако темное бог Аполлон преклонил над героем
 С неба до самой земли и пространство, покрытое телом,
 190 Тению все осенил, да от силы палящего солнца
 Прежде на нем не иссохнут телесные жилы и члены.

Но костер между тем не горел под мертвым Патроплом.
 Сердцем иное тогда Пелейон быстроногий замыслил:
 Став от костра в отдалении, начал молиться он ветрам,
 195 Ветру Борею и Зефиру, жертвы для них обещая.
 Часто кубком златым возливал он вино и молил их
 К полю скорей принестися и, пламенем сруб воспаливши,
 Тело скорее сожечь. Златокрылая дева Ирида,
 Слыша молитвы его, устремилася вестницей к ветрам,
 200 Кои в то время, собравшись у Зефира шумного в доме,
 Весело все пировали. Ирида, принесшиися быстро,
 Стала на каменном праге; и ветры, увидев богиню,
 Все торопливо вскочили, и каждый к себе ее кликал.
 С ними сидеть отказалась богиня и так говорила:

205 “Некогда, ветры; еще полечу я к волнам Океана,
 В край эфиопов далекий; они гекатомбы приносят
 Жителям неба, и я приношений участницей буду.
 Мощный Борей и Зефир звучащий! вас призывает
 Быстрый ногами Пелид, обещая прекрасные жертвы,
 210 Если возжечь поспешите костер Менетида Патрокла,
 Где он лежит и об нем сокрушаются все аргивяне”.

Так говоря, от порога взвилася. Воздвиглися ветры,
 С шумом ужасным несяся и тучи клуба пред собою.
 К понту примчались, неистово дую, и пенные волны
 215 Встали под звонким дыханием; Трои холмистой достигли,
 Все на костер налегли, — и огонь загремел, пожиратель.
 Ветры всю ночь волновали высоко крутящееся пламя,
 Шумно дыша на костер; и всю ночь Ахиллес быстроногий,
 Черпая кубком двудонным вино из сосуда золотого,
 220 Окрест костра возливал и лицо орошал им земное,
 Душу еще вызывая бедного друга Патрокла.
 Словно отец сокрушается, кости сжигающий сына,
 В гроб женихом нисходящего, к скорби родителей бедных, —
 Так сокрушался Пелид, сожигающий кости Патрокла,
 225 Окрест костра пресмыкаясь и сердцем глубоко стеная.

В час, как утро земле возвестить Светоносец выходит
 И над морем заря расстилается ризой золотистой,
 Сруб под Патроклом истлел, и багряное пламя потухло.
 Ветры назад устремились, к вертепам своим полетели
 230 Морем Фракийским; и море шумело, высоко бушуя.
 Грустный Пелид наконец, от костра уклонясь недалеко,
 Лег изнуренный; и сладостный сон посетил Пелейона.
 Тою порой собиралися многие к сыну Атрея;
 Топот и шум приходящих нарушили сон его краткий;
 235 Сел Ахиллес, приподнявшись, и так говорил воеводам:
 “Царь Агамемнон, и вы, предводители воинств ахейских!
 Время костер угасить; вином оросите багряным
 Все пространство, где пламень пылал, и на пепле костерном
 Сына Менетия мы соберем драгоценные кости,

240 Тщательно их отделив от других; распознать же удобно:
 Друг наш лежал на середине костра; но далёко другие
 С краю горели, набросаны кучей, и люди и кони.
 Кости в фиале златом, двойным покрывши их туком,
 В гроб положите, доколе я сам не сойду к Аидесу.
 245 Гроба над другом моим не хочу я великого видеть,
 Так, лишь пристойный курган; но широкий над ним и высокий
 Вы сотворите, ахеяне, вы, которые в Трое
 После меня при судах мореходных останетесь живы”.

Так говорил; и они покорились герою Пелиду.
 250 Сруб угасили, багряным вином поливая пространство
 Всё, где пламень ходил; и обрушился пепел глубокий;
 Слезы лиющие, друга любезного белые кости
 В чашу златую собрали и туком двойным обложили;
 Чашу под кущу внося, пеленою тонкой покрыли;
 255 Кругом означили место могилы и, бросив основы
 Около сруба, поспешно насыпали рыхлую землю.
 Свежий насыпав курган, разошлись они. Ахиллес же
 Там народ удержал и, в обширном кругу посадивши,
 Вынес награды подвижникам: светлые блюда, треноги;
 260 Месков представил, и быстрых коней, и волов крепкочелых.
 И красноопоясанных жен, и седое железо.

Первые быстрым возницам богатые бега награды
 Он предложил: в рукодельях искусная дева младая,
 Медный, ушатый с боков, двадцатидвухмерный треножник
 265 Первому дар; кобылица второму шестигодовая,
 Неукрошенная, гордая, в недрах носящая меска;
 Третьему мздою — не бывший в огне умывальник прекрасный,
 Новый еще, сребровидный, четыре вмещающий меры;
 Мздою четвертому золота два предложил он таланта;
 270 Пятому новый, не бывший в огне фиал двусторонний.
 Стал наконец Ахиллес и так говорил меж ахеян:
 “Царь Агамемнон и пышнопоножные мужи ахейцы!
 Быстрых возниц ожидают сии среди круга награды.
 Если бы в память другого, ахеяне, вы подвизались,

275 Я, без сомнения, первые в подвигах взял бы награды.
 Знаете, сколь превосходны мои благородные кони,
 Дети породы бессмертной: отцу моему их, Пелею,
 Сам Посейдон даровал; а отец мой мне подарил их.
 Но не вступаю я в спор, ни мои звуконогие кони.
 280 О! потеряли они знаменитого их властелина,
 Друга, который, бывало, сам их волнистые гривы
 Чистой водой омывал и умащивал светлым елеем.
 Ныне они по вознице тоскуют; стоят, разостлавши
 Гривы по праху, стоят неподвижно, унылые сердцем.
 285 К играм другие устройтесь, каждый из воев ахейских,
 Кто лишь на быстрых коней и свою колесницу надежен”.

Так Ахиллес говорил им, — и быстрые встали возницы:
 Первый поднялся Эвмел, повелитель мужей знаменитый,
 Сын скиptronосца Адмета, искусством возничества славный.
 290 После него укротитель коней Диомед нестрашимый;
 Тросских коней он подвел под ярмо, у Энея которых
 В брани отбил; а Энея тогда Аполлон лишь избавил.
 Третий восстал копьеносный Атрид, Менелай светлокудрый,
 Зевсова отрасль; коней под ярем он подвел быстролетных:
 295 Эфу царя Агамемнона с собственным верным Подаргом,
 Эфу, которую в дар Эхепол Анхизид Атрейону
 Дал, чтоб ему не идти на войну под ветристую Трою,
 Но наслаждаться спокойствием дома: богатством от Зевса
 Был одарен он великим и жил в Сикионе обширном;
 300 Эфу сию запрягал он, дрожащую, рвущуюсь к бегу.
 Вслед и молодой Антилох снарядил коней пышногривых,
 Сын знаменитый Нелида, высокого духом владыки,
 Нестора старца; пилосские кони его колесницу
 Быстрые мчали. Отец приступил и советы благие
 305 Начал советовать, опытный старец разумному сыну:
 “Сын Антилох! тебя от юности боги любили,
 Зевс и благой Посейдон, и в ристательной хитрости всякой
 Сами наставили; много тебя наставлять мне не нужно.
 Мастер ты коней ворочать вокруг мет; но пилосские наши
 310 Кони в бегу тяжелы; опасаясь, беды б не случилось.

Всех соискателей кони резвее; но сами возницы
 Меньше искусны, чем ты, в изобретенье быстром пособий.
 Так не робей; приготовься, любезный: душою искусство
 Всё обоими, да из рук не упустишь наград знаменитых.
 315 Плотник тебя превосходит искусством своим, а не силой;
 Кормщик таким же искусством по бурному черному понту
 Легкий правит корабль, игралище буйного ветра:
 Так и возница искусством одним побеждает возницу.
 Слишком иной положась на свою колесницу и коней,
 320 Гонит, безумец, сюда и туда беспрестанно виляя;
 Кони по поприщу носятся, он и сдержать их бессилён.
 Но возница разумный, коней управляя и худших,
 Смотрит на цель беспрестанно, вблизи лишь ворочает, знает,
 Как от начала ристания конскими править браздами:
 325 Держит их крепко и зорко вперед уходящего смотрит.
 Цель я тебе укажу; просмотришь берегись: ты видишь,
 Брус деревянный стоит, от земли, как сажень маховая,
 Сосна сухая иль дуб, под дождями не скоро гниющий;
 Справа и слева при цели той врыты два белые камня,
 330 В самой теснине дороги; кругом же ристалище гладко.
 То — иль надгробный столп давно погребенного мужа,
 Или подобная ж цель у старинных была человек;ов;
 Столп сей и ныне метою набрал Ахиллес быстроногий.
 К оной ты близко примчась, на бегу заворачивай коней;
 335 Сам же, крепко держась в колеснице красивоплетеной,
 Влево легко наклонись, а коня, что под правой рукою,
 Криком гони и бичом и бразды попусти совершенно,
 Левый же конь твой пускай подле самой меты обогнет
 Так, чтоб, казалось, поверхность ее колесо очертило
 340 Ступицей жаркою. Но берегись, не ударься о камень:
 Можешь коней изувечить или раздробить колесницу,
 В радость ристателям всем, а тебе одному в посрамленье!
 Будь, мой сын, рассудителен, будь осторожен, любезный!
 Если уже близ меты возьмешь ты перед и погонишь,
 345 Верь — ни один из возниц ни догонит тебя, ни обскачет,
 Даже хоть следом бы он на ужасном летел Арейоне,

Бурном Адраста коне, порождении крови бессмертной,
Иль на конях Лаомедона, славных Трояды питомцах!”

350 Так произнесши, Нелид, знаменитый конник геренский,
Сел на месте, важнейшее все изъяснив Антилоху.

Пятый — герой Мерион снарядил коней пышногривых.
Все в колесницы взошли и бросили жребии; в шлем их
Принял Пелид и сотряс; и вылетел вдруг Антилоху,
Нестора сыну; второй выпадает Эвмелу владыке;
355 Третий Атрееву сыну, царю аргиев Менелаю;
Выпал за ним Мериону вождю; но последнему жребий
Сыну Тидееву храброму гнать колесницы достался.
Стали порядком; мету им далекую на поле чистом
Царь Ахиллес указал; но вперед повелел, да при оной
360 Старец божественный Феникс, отеческий оруженосец,
Сядет и бег наблюдает, и после им истину скажет.

Разом возницы на коней бичи занесли для ударов;
Разом браздами хлестнули и голосом крикнули грозным,
Полные рвенья; и разом помчались по полю кони
365 Вдоль от судов с быстротою ужасною: пыль из-под стоп их
Стала, взвиваясь на воздух, как туча, как сумрачный вихорь.
Длинные гривы коней развеваются веяньем ветра;
Их колесницы летящие то до земли прикоснутся,
То высоко, отраженные, взбросятся; гордо возницы
370 В пышных стоят колесницах; трепещет у каждого сердце,
Жадное славы; каждый коней ободрительным криком
Гонит; и кони летят, по ристалищу пыль подымая.

Но, когда уже кони в последний конец обратились,
К морю седому, тогда-то ристателя каждого доблесть
375 Вдруг обнаружилась; конская прыть ускорила, и быстро
Легкие вымчались вдаль кобылицы Эвмела героя.
Вслед кобылиц выносились вперед жеребцы Диомеда,
Тросские кони, и, чуть лишь отставшие, мчались близко,
Так что, казалось, хотят на Эвмела вскочить колесницу;

380 Жарким дыханьем широкий хребет нагревали герою
 И, на плечах Адметиды лежа головами, летели.
 Он, Диомед, обскакал бы, иль равною б сделал победу,
 Если б Тидееву сыну не Феб враждовал раздраженный;
 Феб из руки побеждавшего бич блистательный вышиб.
 385 Слезы из глаз Диомедовых брызнули, слезы от гнева:
 Видел он — боле еще уходили вперед кобылицы;
 Кони ж его отставали, ударов бича не бояся.
 Но от Афины очей Аполлон не укрылся, вредящий
 Сыну Тидея: настигла богиня царя Диомеда,
 390 Бич подала и новую рьяность коням вдохнула;
 К сыну ж Адмета она устремившись, полная гнева,
 Конский разбила ярем, и его кобылицы лихие
 Бросились дико с дороги, и выпало дышло на землю;
 Сам, с колесницы сорвавшись, чрез обод он грянулся оземь,
 395 До крови локти осаднил, изранил и губы и ноздри,
 Сильно разбил над бровями чело; у него от удара
 Брызнули слезы из глаз и поднявшийся голос прервался
 Мимо его Диомед проскакал на конях звуконогих
 И далеко впереди заблестал перед всеми: Афина
 400 Крепость вдохнула коням и ему торжество даровала.
 После Тидиды скакал Атрейон, Менелай светлокудрый.
 Но Антилох настигал и кричал на отеческих коней:
 “О, выноситесь вперед, расстилайтесь, кони, быстрее!
 Я не насилую вас быстротой состязаться с конями
 405 Сына Тидеева храброго, коим Паллада богиня
 Легкость сама даровала и славой возницу покрывала.
 Нет, лишь коней Менелая догоним, друзья, не отстанем!
 Быстро вперед! чтобы вас всенародно стыдом не покрывала
 Эфа: она кобылица, а вы, дорогие, отстали!
 410 Вам говорю я, и слово мое совершится сегодня:
 Более неги себе от владыки народов Нелиды
 Дома не ждите: убьет вас сегодня же острою медью,
 Если по лености вашей награду последнюю снищем.
 О, настигайте скорее, как можно скорее скачите!
 415 Я ж постараюсь сам и искусно выгадывать буду,
 Как обскакать нам на узкой дороге; в обман я не вдамся”.

Так говорил Антилох, — и, страшая угроз властелина,
 Кони резвее скакали, но время не долгое: скоро
 Тесной дороги ухаб Антилох, бранолюбец, приметил:
 420 Рытвина там пролежала; вода, накопляясь зимою,
 Там чрез дорогу прорвалась и место кругом углубила.
 Правил туда Менелай, колесниц опасался сшибки.
 Но Антилох, своротивши, направил коней звуконогих
 Мимо дороги и, близко держась, догонял Менелая.
 425 Царь Менелай утрашился и к Нестора сыну воскликнул:
 “Правишь без разума, Несторов сын! Удержи колесницу!
 Видишь, дорога тесна; впереди обгоняй, по широкой;
 Здесь лишь и мне и себе повредишь: колесницы сшибутся!”

Так говорил он; но Несторов сын обскакать горячился;
 430 Коней стрекалом колол, Менелая как будто не слыша.
 Сколько пространства, с плеча повергаемый, диск пробегает,
 Брошенный мужем младым, испытующим юную силу, —
 Столько вперед ускакал Антилох; кобылицы отстали
 Сына Атреева; их запускать и сам перестал он
 435 В страхе, что узкой дорогой бегущие кони столкнутся,
 Их колесницы, сшибясь, опрокинутся, и среди поля
 Сами слетят на прах, за победой риставшие оба.
 Гневный меж тем Несторида ругал Менелай светлокудрый:
 “Нет, Антилох, человека вреднее тебя зломышленьем!
 440 Мчись! недостойно тебя называют разумным ахейцы!
 Средством, однако ж, таким не получишь ты мзды без присяги!”

Так произнес он и громким голосом крикнул на коней:
 “Что у меня отстаете и что унываете, кони?
 Прежде пилосских коней истомятся колена и силы,
 445 Нежели ваши: давно их обоих покинула младость!”

Так восклицал, — и они, утрашася угроз властелина,
 Прытче пустились бежать и скоро передних догнали.

Тою порою ахейцы, на площади сидя, смотрели
 Коней, которые по полю, пыль подымая, летели.

450 Первый Идоменей распознал приближавшихся коней;
 Ибо сидел не в кругу, но высоко, на холме подзорном;
 Крик на коней колесничника он и далекий услышав,
 Мужа узнал и приметил коня в обгоняющей паре,
 Сильно отличного: весь багряно-гнедьй, на челе лишь
 455 Признак имел он родимый, как месяц, и светлый и круглый.
 Идоменей приподнялся и так говорил к аргивянам:
 “Други любезные, ратей ахейских вожди и владыки!
 Я ли один примечаю коней или видите все вы?
 Чьи-то другие, мне кажется, скачут передними кони?
 460 Кто-то другой и возница? Но те, кобылицы Эвмела,
 Чем-то задержаны в поле; а прежде они отличались;
 Первые, видел я сам, кобылицы мету обогнули;
 Ныне же видеть нигде не могу их, куда ни бросаю
 Вкруг по троянскому полю моих испытательных взоров.
 465 Верно, из рук Адметиды бразды убежали; не мог он
 Бега сдержать у меты и коней повернул неудачно:
 Там он, быть может, упал, колесница его сокрушилась,
 И умчались с дороги его обуялые кони.
 Но подымитесь, друзья, и всмотритесь вы сами: быть может,
 470 Вижу не ясно, но кажется мне, что ристатель передний —
 Муж этолийский, воинственный царь ополчений аргосских,
 Сын конеборца Тидея, герой Диомед благородный”.

Грубо ему отвечал быстроногий Аякс Оилеев:
 “Что наперед, Девкалион, болтаешь ты? Те ж кобылицы
 475 Всех впереди, звуконогие, по полю чистому скачут!
 Ты между нами, ахейцами, вовсе не младший годами!
 Очи твоей головы не острее других проницают!
 Но и всегда ты лишь праздно болтаешь! Тебе неприлично
 Здесь пустословить: и лучше тебя здесь присутствуют мужи!
 480 Те ж впереди кобылицы, которые были и прежде,
 Сына Адметова; сам он и едет, и правит браздами”.

Вспыхнувши гневом, Аяксу отвечивал Крита властитель:
 “Спорщик первейший, Аякс злоречивый! но в прочем последний
 Между ахейских мужей: человек необузданно грубый!

485 Спорь, и положим в заклад умывальницу или треножник;
 Спора свидетелем мы изберем Агамемнона оба:
 Кони чьи впереди, ты узнаешь, заклад заплатив мне!”

Так говорил он, — и быстро поднялся Аякс Оилеев,
 Пышущий гневом, готовый ответить речью суровой.
 490 И зашла бы далеко меж ними обидная распря,
 Если бы сам Ахиллес не восстал, говоря воеводам:
 “Идоменей, Оилид, говорить перестаньте в народе
 Злые, обидные речи: вас недостойное дело!
 Сами осудите вы и других, начинающих то же.
 495 Сядьте, друзья, и на месте спокойно смотрите на коней;
 Скоро и сами они, распаленные жадой победы,
 К нам принесутся; тогда вы без спора узнаете каждый,
 Чьи впереди и чьи позади между коней ахейских”.

Он говорил, — как летящий к концу Диомед показался.
 500 Хлещет сплеча он бичом по коням; а дымящиеся кони
 Скачут высоко и с скоростью дивной летят по дороге;
 Брызги песка от копыт непрерывные прышут в возницу;
 Пышная оловом, золотом нарядная вокруг колесница
 Быстро за бурными конями катится; след за собою
 505 Шины колесные, тяжкие медью, по тонкому праху
 Чуть оставляют: с такою горячностью кони летели!
 Стал среди круга ристатель торжественный; с пламенных коней
 Пот и от вый и от персей потоками лился на землю.
 Быстро на дол Диомед с колесницы сияющей прынул,
 510 Бич к ярму прислонил; и не медлил сподвижник героя,
 Сильный Сфенел: прибежал и с веселием взял он награду;
 Но служителям храбрым жену и треножник ушатый
 К куше представить велел он, а сам распрягал колесницу.

После Тидида молодой Антилох пригнал колесницу,
 515 Хитростью только, не скоростью, взявши перед у Атрида;
 Но Атрид от него не отстал на конях быстроногих;
 Ближе летел, как от обода конь, в колесницу впряженный
 И во весь свой опор по полям властелина несущий;

Хвост у него медноблещущей шины касается краем;
 520 Так он близко бежит и таким расстоянием малым
 Он отделен от колес, по широкому полю бегущий, —
 Столько же мало отстал от Нелеева славного внука
 Царь Менелай: на вержение диска сперва оставался;
 После он скоро догнал: возростала в бегу беспрестанно
 525 Крепость и жар кобылицы Атридовой, пламенной Эфы,
 Так что, когда бы еще обоих продолжилось ристанье,
 Верно б, Атрид обскакал и победы не сделал бы спорной.
 Но Мерион, предводителя критян могучий сподвижник,
 Гнал, на полет копья от царя Менелая отставши:
 530 Медленны были его долгогривые критские кони;
 Мало искусен и сам управлять колесницей в ристаньях.
 Сын же Адмета явился последним, гоня пред собою
 Быстрых коней и прекрасную сзади влача колесницу.
 В жалость пришел, Адметида увидев, Пелид благородный;
 535 Встал, и к ахейским царям устремил он крылатые речи:
 “Первый ристатель последним гонит коней звуконогих!
 Но, аргивяне, дадим, как достойно, вторую награду
 Сыну Адмета; а первая следует сыну Тидея”.

Так говорил, — и одобрили все Ахиллесово слово;
 540 Отдал бы он кобылицу, с согласия сонма, Эвмелу,
 Если б почтенного Нестора сын, Антилох, оскорбленный,
 Быстро не встал; справедливо герой возразил Ахиллесу:
 “Царь Ахиллес, огорчуся я жестоко, если исполнишь
 Слово твое! Награду отнять у меня побужден ты
 545 Тем, что постигла беда колесницу и коней Эвмела?
 И что возница он славный? Почто же богов всемогущих
 Он не молил: никогда не пришел бы возницей последним.
 Если Эвмела жалеешь и столько тебе он любезен, —
 Есть у тебя в кораблях изобильно и злата и меди;
 550 Есть и рабыни, и овцы, и твердокопытные кони:
 Выбрав из них, отличи ты его хоть и большей наградой
 После, и даже теперь, чтоб тебя похвалили данаи;
 Сей же из рук я не выдам, — а кто из ахейян желает,
 Пусть подойдет и со мной за нее рукопашно сразится!”

555 Так говорил; улыбнулся божественный внук Эакидов,
 Радуюсь другом младым: Антилоха любил он, как друга.
 Юноше он отвечая, крылатую речь устремляет:
 “Требуешь ты, Антилох, чтоб из собственной сени другую
 Дал я награду Эвмелу: охотно и то я исполню.
 560 Дам ему латы, которые добыл я с Астеропея,
 Медные; их оконечность литая струя окружает
 Олова светлого; будет сей дар Эвмела достоин”.
 Так произнесши, Пелид повелел Автомедону другу
 Вынести из кущи; и тот, устремившись, вынес и отдал
 565 В руки Адметова сына; и он их, радуясь, принял.

Тут Менелай светлокудрый поднялся, душой огорченный,
 Жестоко гневный на сына Нелидова. Вестник Атридов
 Скиптр властелину представил, безмолвствовать знак аргивянам
 Подал; и стал говорить воинственник, богу подобный:
 570 “Что, Антилох, ты сделал, всегда рассудительным слывший?
 Славу мою помрачил и коней у меня ты расстроил,
 Хитростью взявший перед на конях, несравненно слабейших!
 Но рассудите, ахеян владыки и мужи совета,
 Нас обоих наравне рассудите вы, но без потворства.
 575 Пусть обо мне ни один меднобронный ахеец не скажет:
 – Царь Менелай, Антилоха одной пересилил неправдой,
 Юноши мздою, конем завладел: Менелаевы кони
 Были слабее, лишь сам он могучее властью и силой. —
 Слушайте, други; я сам рассужу, и меня, я надеюсь,
 580 В сонме не будет никто укорять: справедлив приговор мой.
 Несторов сын благородный, приближься сюда и, как должно,
 Стань пред своими конями; возьми, как следует, в руки
 Бич тот гибкий, с которым сегодня ристал, и бичом ты
 Коней касаясь, клянись Посейдаоном, землю держащим,
 585 Что неумышленной хитростью ты мне запнул колесницу”.

Умный младой Антилох отвечал Менелаю Атриду:
 “Светлый Атрид, укротися; юноша я пред тобою.
 Ты, о царь Менелай, и летами и доблестью выше;

590 Ведаешь, как легко в заблуждения младость впадает:
 Ум молодой опрометчив, короток рассудок незрелый.
 Сердце смягчи, Менелай; а награду мою, кобылицу,
 Сам я тебе отдаю; и когда б из моих достояний
 Боле чего ты потребовал, с радостью я и теперь же
 Выдал бы, нежели мне у тебя, питомец Кронида,
 595 Выйти из сердца навеки и быть пред богами виновным!"

Рек, — и, подведши коня, младой Несторид благородный
 В руки отдал Менелаю герою; и в персях Атрида
 Сердце растаяло с радости, словно роса по колосьям
 Зреющей нивы, когда цепенеют от зноя долины, —
 600 Так у тебя, Менелай, растаяло с радости сердце.
 К юноше он возгласил, устремляя крылатые речи:
 "Ныне я сам, невзирая на гнев мой, тебе уступаю,
 Несторов сын! Никогда безрассуден, ниже легкомыслен
 Ты не бывал: победила рассудок единая младость.
 605 После сего, Антилох, опасайся обманывать старших.
 Нет, не легко бы меня укротил другой из данаев;
 Но довольно терпел и довольно под Троею сделал
 Сам ты, и храбрый отец твой, и брат, за меня подвизаясь.
 К просьбе твоей снисхожу и награду мою, кобылицу,
 610 Я уступаю тебе: пускай и другие с тобою
 Помнят, что я никогда ни надмен, ни немилостив не был".

Так произнес — и коня Менелай Антилохову другу
 Отдал Ноемону; сам же избрал рукомойник блестящий.
 Злато, четвертую мзду, получил Мерион по заслуге,
 615 Коней четвертым пригнавши. Но пятая мзда оставалась,
 Круглый фиал двусторонний: его Ахиллес быстроногий,
 Сонмом данаев пронесши, Нестору подал, вещая:
 "Дар сей тебе, божественный старец! и ты сохрани сей
 Памятник грустный Патрокловых похорон: между живыми
 620 Больше его не увидишь! Тебе же награду победы
 Так я даю; ни в борьбу ты, Нелид, ни в кулачную битву,
 Верно, не вступишь; ни в меткой стрельбе ты, ни в легкости бега
 Спорить не будешь: тебя удручает тяжелая старость".

Рек — и фиал ему подал; и старец приял, веселяся;
 625 Быстрые речи крылатые он устремил к Ахиллесе:
 “Истину, сын, говоришь, и всё ты разумно вещаешь.
 Члены мои ослабели; ни нога, любезный, ни руки
 Так на моих раменах, как бывало, не движутся быстро.
 Если бы молод я был! и если бы силой блистал я
 630 Оных годов, как эпейцы в Вупрасе царю Амаринку
 Тризны творили, а дети царя предложили награды!
 Там не сравнился со мной ни один человек из эпеян,
 Даже из храбрых пилосцев и духом высоких этолян.
 Там я кулачною битвой бойца одолел Клитомеда;
 635 Трудной борьбою борца ниспроверг плевронийца Анкея;
 Ног быстротой превзошел знаменитого бегом Ификла;
 Дротиком двух победил: Полидора и мужа Филея.
 Только одними конями меня премогли Акториды;
 Но числом одолели, завидуя в сей мне победе;
 640 Ибо славнейшая всех за нее оставалась награда;
 Стали вдвоем на меня, и как первый лишь правил конями,
 Только лишь правил, другой их, гоня, бичевал без пощады.
 Прежде таков я бывал! Но теперь молодым оставляю
 Трудные подвиги славы; пора, пора уступить мне
 645 Старости скорбной: в чреду я свою блистал меж героев!
 Но продолжай и друга усопшего играми чествуй.
 Дар благодарно приемлю и радуюсь сердцем, что столько
 Помнишь меня ты, старца смиренного, что не забыл ты
 Честью приличной почтить и его пред народом ахейским.
 650 Боги тебе за сие воздадут воздаяньем желанным!”

Так произнес, — и Пелид сквозь великие сонмы ахеян
 Вновь возвратился, приветствие выслушав Нестора старца.
 Тут предложил он награды кулачного страшного боя:
 Выслав пред круг, привязал шестилетнего, сильного меска;
 655 Игом еще не смиренный, жесток для смирения был он.
 Меск — победителю мзда; побежденному — кубок двудонный
 Стал наконец среди сонма и так говорил аргивянам:
 “Чада Атрея и вы, меднолатные мужи ахейцы!

660 Ныне подвижников двух призываем, которые сильны,
 Руки поднять на кулачную битву. Кому стреловец
 Даст устоять и кого победителем все мы признаем,
 Тот к своему кораблю поведет терпеливого меска;
 Кубок же сей двоедонный боец побежденный получит”.

665 Рек он, — и быстро восстал человек и огромный и мощный,
 Славный кулачный боец, Панопеева отрасль, Эпеос.
 Меска рукой жиловатой за гриву схватил и кричал он:
 “Выступи тот, кто намерен кубок унестъ двоедонный.
 Меска ж, надеюсь я, не отвяжет никто из ахеян,
 В битве кулачной победный: горжуся, боец я здесь первый!
 670 Будет того, что меж вами я воин не лучший, — что делать:
 Смертному в каждом деянии быть невозможно отличным.
 Что до битвы, объявляю при всех, и исполнено будет:
 Плоть до костей прошибу я и кости врагу изломаю.
 Пусть за моим соперником все попечители выйдут,
 675 Чтоб из битвы унестъ укрощенного силой моею”.

Так говорил он, — и все, онемевши, молчанье хранили.
 Богу подобный один Эвриал на него подымался,
 Внук скиптроносца Талая, сын Мекистея героя,
 Некогда в Фивы ходившего, к играм надгробным Эдипу,
 680 Падшему в оное время, и всех победившего кадмян.
 К битве его снаряжал Диомед, копьеборец могучий,
 Дружеской речью бодря и сердечно желая победы:
 Бросил он запон ему, и красиво кроенные после
 Подал ремни из степного вола, убитого силой.
 685 Так опоясавшись оба, выходят бойцы на средину.
 Разом один на другого могучие руки заносят,
 Сшиблись; смешались быстро подвижников тяжкие руки.
 Стук кулаков раздается по челюстям; пот по их телу
 Льется ручьями; как вдруг приподнялся могучий Эпеос,
 690 Резко врага оглянувшегося грянул в лицо, — и не мог он
 Больше стоять; подломившись, рухнулись крепкие члены.
 Словно с порывом Бореевым прядает рыба из моря
 На берег мшистый и вдруг покрывается мутной волною, —

- 695 Так пораженный упал Эвриал. Добродушный Эпеос
За руку поднял его; а усердные друзья, представши,
С поприща в стан повели, по земле волочащего ноги,
Кровь извергавшего ртом и бросавшего голову набок.
В омрак он впал; и его меж своими друзья посадивши,
Сами пошли и на поприще подняли кубок двудонный.
- 700 Сын же Пелеев немедленно новые, третьи, награды
Выставил сонму, награды борьбы, изнурительной силам:
Мздой победителю вынес огонный треножник, огромный,
Медный, — в двенадцать волов оценили его аргивяне;
Мздой побежденному он рукодельницу юную вывел,
705 Пленную деву, — в четыре вола и ее оценили.
Стал наконец перед сонмом и так говорил аргивянам:
“Встаньте, которым угодно и сей еще подвиг изведать!”
- Он произнес, — и немедленно встал Теламонид великий;
Встал и герой Одиссей, вымышлятель хитростей умный.
710 Чресла свои опоясав, борцы на средину выходят;
Крепко руками они под бока подхватили друг друга,
Словно стропила, которые в кровле высокого дома
Умный строитель смыкает, в отпору насильственных ветров
Сильно хребты захрустели, могучество стиснутых рук их
715 Круто влекомые; крупный пот заструился по телу;
Частые полосы вокруг по бокам и хребтам их широким
Вышли багровые; с ревностью в гордых сердцах одинакой
Оба алкали они и победы, и славной награды.
Долго ни царь Одиссей не смог опрокинуть Аякса,
720 Ни Аякс не смог одолеть Одиссеевой силы.
И когда, уж соскучив, ахеян сыны зароптали,
Вскрикнул к царю Одиссею великий Аякс Теламонид:
“Сын благородный Лаэртот, герой Одиссей многоумный,
Ты подымай, или я подыму; а решит Олимпиец!”
- 725 Так произнес и поднял; Одиссей не забыл ухищренья:
Вдруг в подколенок ударил пятой и подшиб ему ноги,
Навзничь его опрокинул; но сам он Аяксу на перси

Пал. Удивился народ, изумилися все аргивяне.
 После пытал и Аякса поднять Одиссей терпеливый;
 730 Вновь обхватил и лишь несколько сдвинул с земли, но не поднял:
 Ноги его подогнулись, и на землю рухнулись оба;
 Пали один близ другого и прахом покрылись темным.
 Встали, и в третий бы раз устремились подвижники спорить,
 Если бы сам Ахиллес не воздвигнулся; он удержал их:
 735 “Кончите вашу борьбу и трудом не томитесь жестоким.
 Ваша победа равна; и, награды вы равные взявши,
 С поля сойдите: пускай и другие в подвиги вступят”.

Рек, — и, почтительно выслушав, оба они покорились:
 С поля сошли и, от праха очистясь, надели хитоны.

Сын же Пелеев другие за бег предлагает награды:
 Первая — серебряный, пышный сосуд, шестимерная чаша,
 Чудной своей красотой помрачавшая в целой вселенной
 Славные чаши, сидонян искусных изящное дело.
 Мужа ее финикийцы, по мгlistому плавая понту,
 745 В Лемнос продать привезли, но как дар предложили Фоасу;
 Царь же Эвней Язонид, выкупая Приамова сына,
 Падшего в плен Ликаона, отдал Менетиду Патроклу.
 Царь Ахиллес и ту чашу выставил, чувствуя друга,
 Мздою тому, кто быстреешим окажется в беге ногами;
 750 Мздою второму — тельца откормленного, тяжкого туком;
 Но последнему золота он полталанта назначил.
 Стал наконец среди сонма и так говорил аргивянам:
 “Встаньте, которым угодно и сей еще подвиг изведать!”

Рек, — и немедленно встал Оилеев Аякс быстроногий;
 755 Встал Одиссей многоумный, и Несторов сын знаменитый
 Встал Антилох: побеждал он юношей всех быстротою.
 Стали порядком; Пелид указал им далекую мету.
 Бег их сперва от черты начинался; и первый всех дальше
 Быстрый умчался Аякс; но за ним Одиссей знаменитый
 760 Близо бежал, как у женщины ткущей с пряжею ходит
 Цевка у персей, которую ловко руками бросает,

Нить за уток пропуская, и близко пред персями держит, —
Так Одиссей за Аяксом близко бежал; беспрестанно
Следом в следы ударял он, прежде чем прах с них ссыпался,
765 И дыханье свое изливал на главу Оилида,
Быстро и ровно бежа; восклицали кругом аргивяне,
Жажду его победить в ревновавшем еще уможая.
Но когда приближались к концу уже бега, взмолился
В сердце герой Одиссей светлоокой Палладе богине:
770 “Дочь Эгиоха, услышь! убыстри, милосердая, ноги!”
Так он, молясь, произнес, — и услышала дочь Эгиоха;
Члены ему сотворила легкими, ноги и руки.
И уже добежали, чтоб только им прыгнуть к награде, —
Вдруг на бегу поскользнулся Аякс: повредила Афина —
775 В влажный ступил он помет, из волов убиенных разлитый,
Коиx Патроклу в честь закалал Пелейон благородный;
Тельчим пометом наполнились ноздри и рот у Аякса.
Чашу, награду свою, подхватил Одиссей терпеливый,
Первый примчась; а вола захватил Оирид знаменитый;
780 Стал и, рукою держась за роги вола полевого,
Он выплевывал кал и так говорил аргивянам:
“Дочь громовержца, друзья, повредила мне ноги, Афина!
Вечно, как мать, она Одиссею на помощь приходит!”

Так произнес он, — и смех по собранью веселый раздался.
785 Несторов сын получил последнюю бега награду;
Взял и к ахейским мужам, улыбаяся, так говорил он:
“Знающим всем говорю вам, друзья, что всегда, как и ныне,
Боги бессмертные чувствуют смертных, старейших летами,
Сын Оилеев меня годами немногими старше;
790 Сей же из прежнего рода, от прежнего племени отрасль;
Но зелена, говорят, Одиссеева старость; и трудно
В беге с ним спорить ахейским героям, кроме Ахиллеса”.

Так говорил, прославляя Пелеева быстрого сына.
Но Ахиллес немедленно сам отвечал Антилоху:
795 “Друг Антилох! твоя похвала не бесплодною будет:
Злата к награде твоей полталанта еще прибавляю”.

Так произнес — и вручил; и юноша, радуясь, принял.
 Тут Ахиллес быстроногий, копье длиннотенное взявши,
 Вынес на поприще, вынес и щит и шелом светозарный,
 800 Весь Сарпедонов доспех, с пораженного взятый Патроклом.
 Стал наконец перед сонмом и так говорил аргивянам:
 “Ныне подвижников двух вызываем, отлично могучих,
 В бранный облекшись доспех, ополчившись пронзительной
 805 медью,
 Выйти один на один и измерить их мощь пред народом.
 Кто у другого скорее пронзит благородное тело
 И сквозь доспехи коснется и членов, и крови багряной,
 Тот победитель, — тому подарю я сей нож среброгвоздный,
 Славный, фракийский, который похитил я с Астеропея;
 810 Что до оружий, подвижники оба их вместе получают;
 Вместе под сенью моей и блистательный пир им устрою”.

Так говорил, — и поднялся великий Аякс Теламонид;
 815 Быстро по нем и Тидид восстал, Диомед нестрашимый.
 Скоро, в концах отдаленных народной толпы ополчась,
 Оба они на средину выходят, пылая сразиться;
 Грозно друг на друга смотрят; страх обымает ахеян.
 Быстро сошедшись, они, устремленные друг против друга,
 Трижды бросались и врукопашь трижды оружием сшиблись.
 Сын Теламонов копье сопротивнику в щит круговидный
 820 Вбил, но тела не тронул: оно защищалось броней.
 Сын же Тидеев поверх семикожного круга щитного
 Вые Аякса грозил беспрестанно сверкающим жалом.
 Все, трепеща за Аякса, вскричали ахейские мужи,
 Бой прекратить и равные взять им велели награды.
 825 Но Ахиллес Диомеда ножом наградил среброгвоздным,
 Вместе с ножнами его и с ремнем красиво кроенным.

Тут Ахиллес предложил им круг самородный железа;
 Прежде метала его Этионова крепкая сила;
 830 Но когда Этиона убил Ахиллес градоборец,
 Круг на своих кораблях он с другими корыстями вывез.
 Стал наконец он пред сонмом и так говорил аргивянам:

“Встаньте, которым угодно и сей еще подвиг изведать!
Сколько бы кто ни имел и далеких полей и широких, —
На пять круглых годов и тому на потребности достанет
835 Глыбы такой; у него никогда оскудевший в железе
В град не пойдет ни оратай, ни пастырь, но дома добудет”.

Так говорил он, — и встал Полипет, бранодышащий воин;
Встала и грозная мощь Леонтея, подобного богу;
Встал и Аякс Теламонид, и сильный Эпеос огромный,
840 Стали порядком; и первый тот круг подымает Эпеос;
Долго махал он и бросил; и хохот раздался по сонму.
После поверг Леонтей, благородная отрасль Арея;
Третий, сын Теламонов, схвативши железную тягость,
Бросил могучей рукой, и за знаки он всех перекинул.
Но, когда тот круг подхватил Полипет браноносный,
845 Так далеко, как пастух свой закривленный посох бросает,
Он же вертится кругом и летит через тельчье стадо, —
Так далеко перекинул за круг он; вскричали данаи.
Быстро толпой набежавши, друзья Полипета героя
Радостно к черным судам понесли награду владыки.

Сын же Пелеев для лучников темное вынес железо:
Десять секир двуострых и десять простых им наградой.
Выставил целью стрельбы — корабля черноносого мачту
В дальнем конце, на песке; а на самой вершине голубку
За ногу тонким снуром привязал; и по птице велел он
855 Метить стрелкам: “Который уметит по робкой голубке,
Все топоры двуострые в сень понесет победитель;
Кто ж улучит по шнуру одному, не уметивши птицы,
Тот, как стрелок побежденный, секиры простые получит”.

Так говорил, — и восстало могущество Тевкра владыки;
860 Встал и герой Мерион, повелителя критян сподвижник.
Бросили жребии в медный шелом, сотрясли их, и Тевкру
Вылетел первому жребий стрелять; и немедля стрелу он
С страшною силой послал, но не сделал обета владыке
Фебу в жертву принести первородных овнов гекатомбу.

- 865 В птицу герой не попал: воспрепятствовал Феб раздраженный;
 В снур близ ноги он уметил, которым привязана птица:
 Привязь у самой ноги пересекла стрела; встrepенулась,
 К небу взвилась голубица свободная; привязь по ветру
 На землю вся опустилася; громко вскричали данаи.
- 870 Быстро тогда Мерион у печального Тевкра из длани
 Выхватил лук, а стрелу наготове держал, чтоб направить;
 В сердце обет сотворил метателю стрел Аполлону
 Первенцев агнцев ему в благодарность принесть гекатомбу;
 И, высоко под облаком робкую птицу завидев,
- 875 Быстро кружащуюсь, в бок под крыло угодил он стрелою:
 Вверх сквозь крыло пролетела стрела и, обратно на землю
 Пав, пред ногой Мериона вонзилася в дол; а голубка,
 С выси лазурной на мачту спустясь черноносого судна,
 Выю к груди приклонила, густые развесила крылья,
- 880 Быстро из персей дух испустила и с мачты далеко
 Пала на прах; удивился народ и кругом изумлялся.
 Все топоры двуострые взял Мерион победитель;
 Тевкр, побежденный, простые понес к кораблям мореходным.
- Сын же Пелеев огромный дрот и сосуд рукомойный,
 885 Чистый, в огне не бывалый, ценою в вола, расцвеченный,
 Вынес пред сонм; и восстали могучие два копьеборца:
 Первый пространнодержавный восстал Атрейон Агамемнон,
 После герой Мерион, предводителя критян сподвижник;
 Но, между храбрыми став, говорил Ахиллес благородный:
- 890 “Царь Агамемнон, мы ведаем, сколько ты всех превосходишь,
 Сколько и мощью твоей, и метанием копий отличен.
 Но прими ты награду и с нею, Атрид, возвратися
 К быстрым судам; а копье отдадим Мериону герою,
 Если твоей то приятно душе; но так бы я думал”.
- 895 Рек, — и ему не противился сын скиптроносный Атрея.
 Дрот Ахиллес Мериону вручил; а герой Агамемнон
 В руки Талфибия вестника пышную отдал награду.

Песнь двадцать четвертая

ВЫКУП ГЕКТОРА

Сонм распущён; и народ по своим кораблям быстролетным
 Весь рассеялся; каждый спешил укрепиться под сенью
 Пищей вечерней и сладостным сном. Но Пелид неутешный
 Плакал, о друге еще вспоминая; к нему не касался
 5 Все усмиряющий сон; по одру беспокойно метаясь,
 Он вспоминал Менетидово мужество, дух возвышенный;
 Сколько они подвизались, какие труды подымали,
 Боев с мужами ища и свирепость морей искушая;
 Все вспоминая в душе, проливал он горячие слезы.
 10 То на хребет он ложился, то на бок, то, ниц обратясь,
 К ложу лицом припадал; напоследок, бросивши ложе,
 Берегом моря бродил он, тоскующий. Там и Денницу
 Встретил Пелид, озарившую пурпуром берег и море.
 Быстро тогда он запряг в колесницу коней быстроногих;
 15 Гектора, чтобы влачить, привязал позади колесницы;
 Трижды его обволол вокруг могилы любезного друга,
 И наконец успокоился в куще; а Гектора бросил,
 Ниц распростерши во прахе. Но Феб от него, покровитель,
 Феб и от мертвого вред отклонял; о герое и мертвом
 20 Бог милосердовал: тело его золотым он эгидом
 Все покрывал, да не будет истерзан, Пелидом влачимый.

Так над божественным Гектором в гневе своем он ругался.
 Жалость объяла бессмертных, на оное с неба взиравших;
 Тело похитить зоркого Гермеса все убеждали;
 25 Всем то казалось угодным; но только не Гере богине,
 Ни Посейдону царю, ни блистательною Афине;
 Им, как и прежде, была ненавистною Троя святая,
 Старец Приам и народ, за вину Приамида Париса:
 Он богинь оскорбил, приходивших в дом его сельский;
 30 Честь он воздал одарившей его сладострастием вредным.

Вестница утра, в двенадцатый раз восходила Денница;
 И средь сонма богов провещал Аполлон сребролукий:

“Боги жестокие, неблагодарные! Гектор не вам ли
 Недра тельцов и овнов сожигал в благовонные жертвы?
 35 Вы ж не хотите и мертвое тело героя избавить;
 Видеть его не даете супруге, матери, сыну,
 Старцу отцу и гражданам, которые славного мужа
 Предали б скоро огню и последнею честью почтили!
 Вы Ахиллесу грабителю быть благосклонны решились,
 40 Мужу, который из мыслей изгнал справедливость, из сердца
 Всякую жалость отверг и, как лев, о свирепствах лишь мыслит.
 Лев, и душой дерзновенной, и дикою силой стремимый,
 Только и рыщет, чтоб стадо найти и добычу похитить, —
 Так: сей Пелид погубил всю жалость, и стыд потерял он,
 45 Стыд, для сынов человеческих столько полезный и вредный.
 Смертный иной и более милого сердцу теряет,
 Брата единоутробного или цветущего сына;
 Плачет о трате своей и печаль наконец утоляет:
 Дух терпеливый Судьбы даровали сынам человеков.
 50 Он же, богу подобного Гектора жизни лишивши,
 Мертвого вяжет к коням и у гроба любезного друга
 В прахе волочит! Не славное он и не лучшее выбрал!
 Разве что нашу он месть на себя, и могучий, воздвигнет:
 Землю, землю немую неистовый муж оскорбляет!”

55 Гневом пылая, ему отвечала державная Гера:
 “Слово твое совершилось бы, луком серебряным гордый,
 Если б равно Ахиллеса и Гектора сами вы чтили!
 Гектор — сын человека, сосцами жены он воспитан;
 Но Ахиллес — благородная отрасль: богиню Фетиду
 60 Я возлелеяла, я возрастила и милой супругой
 Мужу вручила Пелею, любезному всем нам, бессмертным.
 Все вы, бессмертные, были на браке; и ты ликовал там
 С лирой в руках, нечестивых наперсник, всегда вероломный!”

65 Ей обратился ответствовать тучегонитель Кронион:
 “Гера, супруга! Не гневайся вовсе на жителей неба.
 Честь браноносцам не равная будет; однако и Гектор

Между сынов Илиона любезнейший был олимпийцам,
 Так же и мне! Никогда не небрег он о жертвах приятных;
 Жертвенник мой никогда не скудел в приношеньях обильных
 70 Туков, вин, благовоний: сия бо нам честь подобает.
 Но похищение оставим; возможности нет от Пелида
 Гектора славного тайно похитить: к Пелееву сыну
 Мать Фетида приходит и ночью и днем непрестанно.
 Лучше Фетиду ко мне призови кто-нибудь из бессмертных;
 75 Мудрое слово богине реку, да Пелид быстроногий
 Выкуп возьмет от Приама и Гектора тело отпустит”.

Рек, — и как вихрь устремилась Ирида крылатая с вестью;
 Между священного Сама и грозноутесного Имбра
 Бросилась в черный понт; и под ней застонала пучина;
 80 Быстро в пучину Ирида, подобно свинцу, погрузилась,
 Ежели он, прикрепленный под рогом вола стенового,
 Мчится, коварный, рыбам прожорливым гибель несущий.
 Там в пещере глубокой находит Фетиду и с нею
 Многих богинь Океана. Она посреди их сидела,
 85 Плача об участи храброго сына, которому должно
 В Трое холмистой погибнуть, далеко от милой отчизны.
 Став пред Фетидой, вещала посланница Зевса: “Фетида!
 Зевс призывает тебя, непреложных советов строитель”.

Ей отвечая, рекла среброногая дочь Нерея:
 90 “Что заповедует мне повелитель бессмертных? Стыжуся
 Светлым являться богам, угнетенная мрачной печалью!
 Но повинуюсь; и тщетен не будет глагол, им реченный”.

Так говоря, облеклася Фетида одеждой печали,
 Черным покровом, чернейшим из всех у нее одеяний.
 95 Так устремилась; пред нею подобная ветрам Ирида
 Быстро пошла; расступались окрест их волны морские.
 На берег вышел, богини к высокому бросились небу.
 Там обрели громовержца Кронида; пред ним воссидели
 Все, на совет собравшись, блаженные вечные боги.

100 Села Фетида близ Зевса отца: уступила Афина;
 Гера же чашу златую, прекрасную, подала в руки
 И утешала словами. Фетида, испив, возвратила:
 Слово меж оными начал отец и бессмертных и смертных:
 “Ты на Олимп, Фетида, пришла, и печальная сердцем;
 105 Знаю, скорбь неутешную в персях ты носишь, богиня;
 Но возвещу, для чего на Олимп я тебя призываю.
 Девять дней, как меж нами, бессмертными, распря восстала:
 Гектор герой и Пелид градоборец богов разделяют.
 Тело похитить склоняют бессмертные Гермеса бога;
 110 Я же, напротив, ту славу хочу даровать Ахиллесу,
 Нежность к тебе и почтение в сердце навек сохраняя.
 Шествуй к ахейскому стану и сыну, богиня, поведай:
 Все божества на него негодуют; но я от бессмертных
 Более всех огорчаюсь, что он в исступлении гнева
 115 Гектора возле судов, не приемлющий выкупа, держит.
 Если страшится меня, да немедля отпустит он тело.
 Я ж посылаю Ириду к Приаму царю с повеленьем
 В стан мирмидонский идти к искуплению милого сына,
 Несть и дары Ахиллесу, приятные сердцу героя”.

120 Так произнес, — и ему покорилась Фетида богиня;
 Быстро помчалась, с вершины Олимпа высокого бросясь.
 Скоро достигла Пелидова стана; и в куще находит
 Сына, печально стнящего; многие в куще героя
 Окрест его суетились друзья и готовили завтрак;
 125 Ими закланый лежал на помосте овен густорунный.

Подле печального сына воссела почтенная мать;
 Тихо ласкала рукой, вопрошала и так говорила:
 “Милое чадо, почто ты себе, и стня и тоскуя,
 Сердце крушишь; не помыслишь о пище, ниже о покое?
 130 Но приятно с женой опочить и любви насладиться.
 Жить же недолго тебе; пред тобою, любезнейший сын мой,
 Близко стоит неизбежная Смерть и суровая Участь.
 Выслушай слово; его я тебе возвещаю от Зевса:
 Боги, он рек, на тебя прогневаются; он же, владыка,

135 Более всех негодует, что ты в исступлении гнева
Гектора возле судов, не приемлющий выкупа, держишь.
Выдай его, Ахиллес, и за тело прими искупление”.

Ей отвечая, вещал быстроногий Пелид знаменитый:
“Пусть предстает предлагающий выкуп, — и тело получит,
140 Если решительно так заповедует мне Олимпийский”.

Тою порою, как мать и сын у судов мирмидонских
Многие между собою вещали крылатые речи,
Зевс посылал Ириду к Приамовой Трое священной:
“Шествуй, Ирида крылатая, холмы оставив Олимпа;
145 Весть в Илионе святом возвести Дарданиду Приаму:
Пусть к искуплению сына идет к кораблям он ахейским,
Пусть и дары он несет, чтоб смягчить Ахиллесово сердце.
Но да единый, никем не сопутствуем, шествует старец;
Токмо глашатай старейший да будет при нем, чтобы править
150 Месками в быстром возу и вспять из ахейского стана
Мертвого везть в Илион, убиенного сильным Пелидом.
Помысл о смерти и страх да не взыдет на сердце Приаму:
Старцу такого пошлем мы сопутника, Гермеса бога;
Он поведет и проводит, пока не представит к Пелиду;
155 И, когда приведет он Приама пред очи героя,
Рук на него не подымет Пелид, ни других не допустит:
Он ни безумен, ни нагл, ни обыкший к грехам нечестивец;
Он завсегда милосердо молящего милует мужа”.

Рек, — и с небес устремилась подобная вихрям Ирида;
160 К дому Приама сошла; и нашла там вопль и рыданье.
Окрест отца все сыны, на дворе пред хоромами сидя,
Токами слез обливали одежды; в середине их старец,
Ризой покрытый, лежал, обвивающей все его тело;
Вью и голову персть покрывала державного старца,
165 Коею сам он себя, пресмыкался в прахе, осыпал.
Дщери его и невестки, в домах своих сидя, рыдали,
Тех поминая и многих и сильных защитников царства,
Кои уже под руками ахейскими предали души.

Быстрая вестница Зевса, приближася тихо к Приаму,
 170 Голосом тихим (но трепет объял Дарданидовы члены)
 Так говорила: “Дерзай, Дарданид, и меня не страшися!
 Я для тебя не зловещая ныне схожу от Олимпа,
 Нет, но душой доброхотная вестница Зевса тебе я:
 Он о тебе, и далекий, душою болит и печется.
 175 Выкупить Гектора тело тебе он велит, Олимпиец.
 Шествуй, неси и дары, чтоб смягчить Ахиллесово сердце;
 Но да никто из троян не сопутствует, шествуй один ты;
 Токмо глашатай старейший да будет с тобой, чтобы править
 Месками в быстром возу и вспять из ахейского стана
 180 Мертвого везть в Илион, убиенного сильным Пелидом.
 Мысль же о смерти, ни страх тебе да не взыдет на сердце:
 Спутник такой за тобою последует, Гермес бессмертный;
 Гермес пойдет и проводит, пока не приблизит к Пелиду;
 И, когда он тебя представит пред очи героя,
 185 Рук на тебя не подымет Пелид, ни других не допустит:
 Он ни безумен, ни нагл, ни обыкший к грехам нечестивец;
 Он завсегда милосердо молящего милует мужа”.

Так говоря, отлетела подобная вихрям Ирида.
 190 Старец Приам повелел, чтоб немедля сыны снарядили
 Муловый воз быстрокатный и короб к нему привязали.
 Сам же поспешно взошел в почивальню, терем душистый,
 Кедровый, с кровлей высокой, где много хранилось сокровищ;
 Призвал туда и Гекубу супругу и так говорил ей:
 “Бедная! мне олимпийская вестница Зевса явилась;
 195 Выкупить сына велела идти к кораблям мирмидонским;
 Несть и дары Ахиллесу, которые б сердце смягчили.
 Молви, супруга любезная, что ты о сем помышляешь?
 Сильно меня самого побуждает и сердце и дума
 Ныне ж идти к кораблям и великому стану ахеян”.

200 Так говорил; зарыдала жена и ему отвечала:
 “Горе! погиб ли твой разум, которым в минувшее время
 Славился ты и у чуждых народов, и в собственном царстве?

Хочешь один ты, старец, идти к кораблям мирмидонским?
 Мужу предстать перед очи, который и многих и сильных
 205 наших сынов умертвил? У тебя не железное ль сердце?
 В руки едва залучит, пред очами тебя лишь увидит
 Сей кровопийца, неверный сей муж, милосерд он не будет;
 Он не уважит тебя! В отдалении лучше поплачем,
 В храмине сидя; такую, зная, долю суровая Парка
 210 Выпряла нашему сыну, как я несчастливца родила, —
 Долю, чтоб псов он насытил, вдали от родных, пред очами
 Лютого мужа, которого внутренность, если б могла я,
 Впившись в грудь, пожирать, отомстила б за то, что он сделал
 С сыном моим! Не как ратник бесчестный, мой Гектор убит им;
 215 Он за отечество, он за мужей и за жен илионских
 Бился, герой, ни о страхе в бою, ни о бегстве не мысля!”

Снова Гекубе отвечивал старец Приам боговидный:
 “Воле моей не противься, Гекуба, и в собственном доме
 Птицей зловещей не будь: отвратить меня не успеешь.
 220 Если бы дело такое внушал мне какой-либо смертный
 Жрец, иль пророк илионский, или фимиамогадатель,
 Ложью почли бы мы то и с презрением, верно б, отвергли.
 Слышал богиню я сам, пред собою бессмертную видел;
 В стан я иду, и не тщетно мне будет вещание бога.
 225 Если ж назначил мне рок умереть пред судами ахеян, —
 Рад! и пускай он меня, душегубец, зарежет, как скоро,
 Милого сына обнявши, рыданием сердце насыщу!”

Так произнес — и, поднявши красивые крыши ковчегов,
 Вынул из них Дарданион двенадцать покровов прекрасных,
 230 Хлен двенадцать простых и столько ж ковров драгоценных,
 Верхних плащей превосходных и тонких хитонов исподних;
 Злата, весами отвесивши, выложил десять талантов;
 Вынул четыре блюда и два светозарных тренога;
 Вынул и пышный сосуд, ему, как посланнику, древний
 235 Дар фракиян, драгоценность великая! даже и оной
 Старец щадить не хотел: столь сильно пылал он душою
 Выкупить милого сына. Но всех он троян приходивших

Гневный гонял от крыльца, и грозя и поносно ругая:
 “Прочь, проклятое племя презренное! Разве и дома
 240 Мало печали у вас, что меня огорчать вы идете?
 Или вам радость, что старца Кронид поражает бедою,
 Гибелью сына храбрейшего? Скоро вы цену сей траты
 Сами узнаете; легче стократ, как не стало героя,
 Будете сами избиты ахеями! Я же, о боги,
 245 Прежде, нежели град разоренный и в прах обращенный —
 Трюю святую — увижу, да скроюсь в обитель Аида!”

Так говоря, прогонял их жезлом; от грозящего старца
 Все удалился. Он же вскричал, сыновей порицая,
 Клита, Гелена, Париса, питомца богов Агафона,
 250 Паммона, Гиппофооя, Дейфоба вождя, Антифона,
 Храброго сына Полита и славного мужеством Дия;
 Грозно на сих сыновей и кричал и приказывал старец:
 “Живо, негодные дети, бесстыдники! Лучше бы всем вам
 Вместо единого Гектора пасть пред судами ахеян!
 255 О, злополучный я смертный! имел я в Трое обширной
 Храбрых сынов, и от них ни единого мне не осталось!
 Нет боговидного Местора, нет конеборца Троила,
 Нет и тебя, мой Гектор, тебя, между смертными бога!
 Так, не смертного мужа казался он сыном, но бога!
 260 Храбрых Арей истребил, а бесстыдники эти остались,
 Эти лжецы, плясуны, знаменитые лишь в хороводах,
 Эти презренные хищники коз и агнцев народных!
 Долго ли будете вы снаряжать колесницу и в короб
 Скоро ли вложите всё, чтобы мог я немедленно ехать?”

265 Так говорил, — и сыны, устрася угрозы отцовою,
 Бросились быстро и вывезли муловый воз легкокатный,
 Новый, красивый; и короб глубокий на нем привязали;
 Сняли с гвоздя блестящий ярем, приспособленный к мулам,
 Буковый, с бляхою сверху и с кольцами, слаженный хитро;
 270 Привязь яремную вместе с ярмом девятилоктевую
 Вынесли, ловко ярмо положили на гладкое дышло
 В самом конце и на крюк поперечный кольцо наложили;

Трижды бляху ярма обмотали кругом; напоследок
 Прочее всё обвязали, концы же узла подогнули.
 275 После, нося из покоев, на муловый воз легкокатный,
 Весь уложили за голову Гектора выкуп бесценный,
 Мулов в него запрягли возовозных, дебелокопытных,
 Некогда в дар подведенных владыке Приаму от мизов.
 Но к колеснице Приамовой вывели коней, которых
 280 Сам он с отменной заботой лелеял у тесаных яслей;
 Их в колесницу впрягали пред домом высоковершинным
 Вестник и царь, обращая в уме их мудрые думы.
 Тою порою приходит Гекуба, печальная сердцем;
 В правой руке царица вина, веселящего сердце,
 285 Кубок несла золотой, чтоб супруг, не возлив, не уехал;
 Стала она пред конями и так говорила Приаму:
 “Зевсу возлей, мой супруг, и молись, чтобы дал всемогущий
 В дом от врагов возвратиться, когда уже смелое сердце
 Старца тебя, против воли моей, к кораблям устремляет.
 290 Так, помолися, Приам, чернотучному Кронову сыну,
 Богу, который от Иды на всю призирает Троаду.
 Птицы проси, быстрокрылого вестника, мощью своею
 Первой из птиц и любезнейшей всех самому громовержцу;
 С правой страны чтоб слетела, и сам бы ее ты увидя,
 295 С верой в нее отошел к кораблям быстроконных данаев.
 Если ж тебе не пошлет своего посла громовержец,
 Буду тебя, мой супруг, убеждать и советом и просьбой
 В стан не ходить к мирмидонянам, как ты ни твердо решился”.

Ей немедля ответствовал старец Приам боговидный:
 300 “Я твоего не отрину совета разумного: благо
 Длани к владыке богов воздевать, да помилует нас он”.

Рек, — и прислужнице ключнице дал повеление старец
 На руки чистой воды возлиять; и прислужница быстро
 С блюдом в руках и с кувшином воды пред владыку предстала.
 305 Старец, руки оmyвши, кубок принял от супруги,
 Стал посредине двора и молился, вино возливая,
 На небо взор возводя; и, возвысивши голос, воскликнул:

“Зевс, наш отец, обладающий с Иды, славнейший, сильнейший!
 Дай мне прийти к Ахиллесу угодным и жалостным сердцу;
 310 Птицу пошли, быстролетного вестника, мощью своею
 Первую в птицах, любимую более всех и тобою;
 С правой страны ниспошли; да сходящую сам я увидя,
 С верой в нее отойду к кораблям конеборных данаев!”

Так умолял, — и услышал его промыслитель Кронион;
 315 Быстро орла ниспослал, между вещей вернейшую птицу,
 Темного, коего смертные черным ловцом называют.
 Словно огромная дверь почивальни высоковершинной
 В доме богатого мужа, замком утвержденная крепким, —
 Крылья орла таковы распростерлись, когда он явился,
 320 Вправе над Троею быстро парящий. Они лишь узрели,
 В радость пришли, расцвело упованием каждого сердце.

С живостью старец взошел в колесницу свою и немедля
 Коней погнал от преддверья и гулких навесов крылечных.
 325 Мески пошли впереди под повозкой четырехколесной
 (Ими Идей управлял, благомысленный вестник); а сзади
 Борзые кони, которых бичом Дарданид престарелый
 Гнал через город; его провожали все близкие сердцу,
 Плача по нем неутешно, как будто на смерть отходящем.
 Скоро, из замка спустяся, они очутились в поле;
 330 Все провожавшие их возвратились печальные в Троею,
 Дети и сродники. Сами ж они не сокрылись от Зевса:
 В поле увидел он их и исполнился милости к старцу;
 И к любезному сыну, к Гермесу, так возгласил он:
 “Сын мой, Гермес! Тебе от богов наипаче приятно
 335 В дружбу вступать с человеком; ты внимлешь, кому пожелаешь.
 Шествуй и Трои царя к кораблям быстролетным ахейя
 Так проводи, да никто не узрит и никто не узнает
 Старца в ахейских дружинах, доколе к Пелиду не придет”.

Так произнес, — и ему повинуется Гермес посланник:
 340 Под ноги вяжет прекрасную обувь, плесницы золотые,
 Вечные; бога они и над влажною носят водою,

И над землей беспредельною, быстро, с дыханием ветра;
 Жезл берет он, которым у смертных, по воле всемогущей,
 Сном смыкает он очи или отверзает у спящих;
 345 Жезл сей прияв, устремляется аргобийца могучий.
 Скоро он к граду троян и к зыбям Геллеспонта принесся;
 Полем пошел, благородному юноше видом подобный,
 Первой брадой опушенному, коего младость прелестна.

Путники вскоре, проехав великую Ила могилу,
 350 Коней и месков своих удержали, чтобы напоить их
 В светлой реке; тогда уже сумрак спускался на землю.
 Тут, оглянувшись, Гермеса вестник Идей прозорливый
 Близко увидел и так возгласил к Дарданиду владыке:
 “Взглянь, Дарданид! осторожного разума требует дело:
 355 Мужа я вижу; и мнится мне, нас он убить умышляет!
 Должно бежать; на конях мы ускачем; или, подошедши,
 Ноги ему мы обнимем и будем молить о пощаде!”

Рек он, — и старцево сердце смутилось; он ужаснулся;
 Дыбом власы у него поднялись на сгорбленном теле;
 360 Он цепенея стоял. Эриуний приблизился к старцу,
 Ласково за руку взял и вещал, вопрошая Приама:
 “Близко ль, далеко ль, отец, направляешь ты коней и месков,
 В час усладительной ночи, как смертные все почивают?
 Иль не страшишься убийствами дышащих, гордых данаев,
 365 Кои так близко стоят, неприязненны вам и свирепы?
 Если тебя кто увидит под быстрыми мраками ночи,
 Столько сокровищ везущего, что твое мужество будет?
 Сам ты не молод, и старец такой же тебя провожает.
 Как защитишься от первого, кто лишь обидеть захочет?
 370 Я ж не тебя оскорблю, но готов от тебя и другого
 Сам отразить: моему ты родителю, старец, подобен!”

Гермесу бодро отвечивал старец Приам боговидный:
 “Все справедливо, любезнейший сын мой, что ты говоришь мне;
 Но еще и меня хранит покровительной дланью
 375 Бог, который дает мне такого спутника встретить,

Счастья примету, тебя, красотою и образом дивный,
Редким умом одаренный; блаженных родителей сын ты!”

Вновь Дарданиду вещал благодетельный Гермес посланник:
“Истинно всё и разумно ты, старец почтенный, вещаешь.

380 Но скажи мне еще, и сущую правду поведай:
Ты высылаешь куда-либо столько богатств драгоценных
К чуждым народам, дабы хоть они у тебя уцелели?
Верно, объятые страхом, уже покидаете все вы
Трою святую? Таков знаменитый защитник погибнул,
385 Сын твой! В сражениях был он не ниже героев ахейских!”

Гермесу быстро воскликнул старец Приам боговидный:
“Кто ты таков, от кого приходишь ты, юноша добрый,
Так мне прекрасно напомнивший смерть злополучного сына?”

Старцу отвечивал вновь благодетельный Гермес посланник:

390 “Ты испытуешь меня, вопрошая о Гекторе дивном.
Часто, часто я сам на боях, прославляющих мужа,
Гектора видел, и даже в тот день, как, к судам отразивши,
Он побеждал аргивян, истребляя крушительной медью.
Стоя вдаль, удивлялись мы Гектору; с вами сражаться
395 Нам Ахиллес запрещал, на царя Агамемнона гневный.
Я Ахиллесов слугитель, в одном корабле с ним приплывший;
Родом и я мирмидонец: родитель мой храбрый Поликтор;
Муж он богатый и старец, как ты, совершенно маститый.
Шесть у Поликтора в доме сынов, а седьмой пред тобою;
400 Жребий меж братьев упал на меня, чтоб идти с Ахиллесом.
Ныне осматривать поле пришел от судов я: завтра
Боем на город пойдут быстроокие мужи ахейцы.
Все Негодуют они на долгую праздность; не могут
Бранного пыла мужей обуздать воеводы ахеян”.

405 Гермесу паки отвечивал старец Приам боговидный:
“Ежели подлинно ты Ахиллеса Пелида слугитель,
Друг, не сокрой от меня, умоляю, поведай мне правду:

Сын мой еще ль при судах иль уже Ахиллес быстроногий
Тело его рассеченное псам разметал мирмидонским?”

410 Старцу отвечивал вновь благодетельный Гермес посланник:
“Старец, ни псы не терзали, ни птицы его не касались;
Он и поныне лежит у судов Ахиллеса, под кущей,
Всё, как и был, невредимый: двенадцатый день, как лежит он
Мертвый, — но тело не глеет, к нему не касаются черви,
415 Быстрые черви, которые падших в бою пожирают.
Правда, его ежедневно, с восходом Денницы священной,
Он беспощадно волочит вкруг гроба любезного друга;
Но мертвец невредим; изумишься ты сам, как увидишь:
Свеж он лежит, как росой умытый; нет следа от крови,
420 Члена не видно нечистого; язвы кругом затворились,
Сколько их ни было: много суровая медь нанесла их.
Так милосердуют боги о сыне твоём знаменитом,
Даже и мертвом: любезен он сердцу богов олимпийских”.

Рек он, — и старец, наполняя радости, быстро воскликнул:
425 “Благо, мой сын, приносить небожителям должные дани!
Гектор, — о, если бы жил он! — всегда в благоденственном доме
Помнил бессмертных богов, на великом Олимпе живущих;
Боги за то и по смертной кончине его помянули.
Но преклонися, прими от меня ты прекрасный сей кубок
430 И, охраняя меня, проводи, под покровом бессмертных,
В стан мирмидонский, пока не приду к Ахиллесовой куще”.

Вновь Дарданиду отвечивал Гермес, посланник Зевеса:
“Младость мою соблазняешь ты, старец, но я не склонюся
Дара, какой предлагаешь мне, тайно принять от Пелида.
435 Я уважаю Пелида и сердцем страшусь от героя
Дар похищать, чтобы после меня беда не постигла;
Но с тобою сопутствовать рад я землею и морем;
Рад я тебя проводить и до славного Аргоса града;
И с таким путеводцем к тебе не приблизится смертный”.

440 Рек, и на царских коней в колесницу вскочил Эриуний;
Быстро и бич и бразды захватил в могучие руки;

Коням и мескам вдохнул необычную рьяность и силу,
 И когда принеслися ко рву и стене корабельной,
 Где незадолго над вечерей стражи ахеян трудились, —
 445 Всех их в сон погрузил благодетельный аргоубийца;
 Башни запор отодвинул, врата растворил и Приама
 Ввез внутрь стены и за ним с дорогими дарами повозку.
 Но лишь предстали они к Ахиллесовой куще великой
 (Кущу царю своему мирмидонцы построили в стане
 450 Крепко из бревен еловых и сверху искусно покрыли
 Мшистым, густым камышом, по влажному лугу набравши;
 Около кущи устроили двор властелину широкий,
 Весь ограда частоколом; ворота его запирались
 Толстым засовом еловым; трое ахеян вдвигали,
 455 Трое с трудом отымали огромный замок сей воротный
 Сильных мужей; но Пелид и один отымал его быстро), —
 Те благодетельный Гермес отверз перед старцем ворота,
 Ввез дары знаменитые славному сыну Пелея,
 Спрянул на дол с колесницы и так провещал к Дарданиду:
 460 “Бог пред тобою, о старец, бессмертный, с Олимпа нисшедший,
 Гермес: отец мой меня тебе ниспослал путеводцем.
 Я совершил, и к Олимпу обратно иду; всенародно
 Я не явлюсь Ахиллеса очам: не достойно бы было
 Богу бессмертному видимо чествовать смертного мужа,
 465 Ты же иди и, вошед, обыми Ахиллесу колена;
 Именем старца родителя, матери многопочтенной,
 Именем сына моли, чтобы тронуть высокую душу”.

Так возгласивши, к Олимпу великому быстро вознесся
 Гермес. Приам, с колесницы стремительно прынув на землю,
 470 Там оставляет Идея, дабы он стоял, охраняя
 Коней и месков; а сам устремляется прямо в обитель,
 Где Ахиллес находился божественный. Там Пелейона
 Старец увидел; друзья в отдаленье сидели; но двое,
 Отрасль Арея Алким и смиритель коней Автомедон,
 475 Ближко стоя, служили; недавно он вечерю кончил,
 Пищи вкусив и питья, и пред ним еще стол оставался.
 Старец, никем не примеченный, входит в покой и, Пелиду

В ноги упав, обымает колена и руки целует, —
 Страшные руки, детей у него погубившие многих!
 480 Так, если муж, преступлением тяжким покрытый в отчизне,
 Мужа убивший, бежит и к другому народу приходит,
 К сильному в дом, — с изумлением все на пришельца взирают, —
 Так изумился Пелид, боговидного старца увидев;
 Так изумилися все, и один на другого смотрели.
 485 Старец же речи такие вещал, умоляя героя:
 “Вспомни отца своего, Ахиллес, бессмертным подобный,
 Старца, такого ж, как я, на пороге старости скорбной!
 Может быть, в самый сей миг и его, окруживши, соседи
 Ратью теснят, и некому старца от горя избавить.
 490 Но, по крайней он мере, что жив ты, и зная и слыша,
 Сердце тобой веселит и вседневно льститесь надеждой
 Милого сына узреть, возвратившегося в дом из-под Трои.
 Я же, несчастнейший смертный, сынов возрастил браноносных
 В Трое святой, и из них ни единого мне не осталось!
 495 Я пятьдесят их имел при нашествии рати ахейской:
 Их девятнадцать братьев от матери было единой;
 Прочих родили другие любезные жены в чертогах;
 Многим Арей истребитель сломил им несчастным колена.
 Сын оставался один, защищал он и град наш и граждан;
 500 Ты умертвил и его, за отчизну сражавшегося храбро,
 Гектора! Я для него прихожу к кораблям мирмидонским;
 Выкупить тело его приношу драгоценный я выкуп.
 Храбрый! почти ты богов! над моим злополучием сжался,
 Вспомнив Пелея отца: несравненно я жалче Пелея!
 505 Я испытую, чего на земле не испытывал смертный:
 Мужа, убийцы детей моих, руки к устам прижимаю!”

Так говоря, возбудил об отце в нем плачевные думы;
 За руку старца он взяв, от себя отклонил его тихо.
 Оба они вспоминая: Приам — знаменитого сына,
 510 Горестно плакал, у ног Ахиллесовых в прахе простертый;
 Царь Ахиллес, то отца вспоминая, то друга Патрокла,
 Плакал, и горестный стон их кругом раздавался по дому.
 Но когда наслаждался Пелид благородный слезами

И желание плакать от сердца его отступило, —
 515 Быстро восстал он и за руку старца простертого поднял,
 Тронут глубоко и белой главой, и брадой его белой;
 Начал к нему говорить, устремляя крылатые речи:
 “Ах, злополучный! много ты горестей сердцем изведаль!
 Как ты решился, один, при судах мирмидонских явиться
 520 Мужу пред очи, который сынов у тебя знаменитых
 Многих повергнул? В груди твоей, старец, железное сердце!
 Но успокойся, воссядь, Дарданион; и как мы ни грустны,
 Скроем в сердца и заставим безмолвствовать горести наши.
 Сердца крушительный плач ни к чему человеку не служит:
 525 Боги судили всесильные нам, человекам несчастным,
 Жить на земле в огорчениях: боги одни беспечальны.
 Две глубокие урны лежат перед прагом Зевеса,
 Полны даров: счастливых одна и несчастных другая.
 Смертный, которому их посылает, смесивши, Кронион,
 530 В жизни своей переменно и горесть находит и радость;
 Тот же, кому он несчастных пошлет, — поношению предан;
 Нужда, грызущая сердце, везде по земле его гонит;
 Бродит несчастный, отринут бессмертными, смертными
 презрен.
 Так и Пелея — дарами осыпали светлыми боги
 535 С юности нежной; украшенный выше сынов земнородных
 Счастьем, богатством, владыка могучий мужей мирмидонских,
 Смертный, супругой богиню приял от руки он бессмертных.
 Бог и ему ниспослал злополучие: он не имеет
 В доме своем поколения, сына, наследника царства.
 540 Сын у Пелея один, кратковечный; но я и доньне
 Старца его не покою; а здесь, от отчизны далеко,
 Здесь я в Троаде сижу и тебя и твоих огорчаю.
 Сам ты, о старец, мы слышали, здесь благоденствовал прежде.
 Сколько народов вмещали обитель Макарова, Лесбос,
 545 Фригия, край плодоносный, а здесь — Геллеспонт бесконечный:
 Ты среди всех, говорят, и богатством блистал и сынами.
 Но, как беду на тебя ниспослали небесные боги,
 Около Трои твоей неумолкная брань и убийство.
 Будь терпелив и печалью себя не круши непрерывной:

550 Ты ничего не успеешь, о сыне печалаяся; плачем
Мертвого ты не подымеешь, но горе свое лишь умножишь!”

Сыну Пелея отвечивал старец Приам боговидный:
“Нет, не сяду я, Зевсов любимец, доколе мой Гектор
В куце лежит, погребенью не преданный! Дай же скорее,
555 Дай сим очам его видеть! а сам ты прими искупленье:
Мы принесли драгоценное. О, насладись им, и счастлив
В край возвратися родимый, когда ты еще позволяешь
Старцу мне бедному жить и солнца сияние видеть!”

Грозно взглянув на него, говорил Ахиллес быстроногий:
560 “Старец, не гневай меня! Разумею и сам я, что должно
Сына тебе возвратить: от Зевса мне весть приносила
Матерь моя среброногая, нимфа морская Фетида.
Чувствую, что и тебя (от меня ты, Приам, не сокроешь)
Сильная бога рука провела к кораблям мирмидонским;
565 Нет, не осмелился б смертный, и младостью пылкой цветущий,
В стан наш вступить: ни от стражей недремлющих он бы не
скрылся,
Ни засовов легко б на воротах моих не отдвинул.
Смолкни ж, и более мне не волнуй ты болящего сердца;
Или страшись, да тебя, невзирая, что ты и молителъ,
570 В куце моей я не брошу и Зевсов завет не нарушу”.

Так говорил; устранился Приам и, покорный, умолкнул.
Сын же Пелеев, как лев, из обители бросился в двери;
Но не один, за царем устремилися два из клеветов,
Сильный Алким и герой Автомедон, которых меж друзей
575 Более всех Пелейон почитал, по Патрокле умершем.
Быстро они от ярма отрешили и коней и месков;
В куцу ввели и глашатая старцева; там посадивши
Мужа на стуле, поспешно с красивого царского воза
Собрали весь многоценный за голову Гектора выкуп;
580 Две лишь оставили ризы и тонкий хитон хитротканый,
С мыслью, чтоб тело покрытое в дом отпустить от Пелида.
Он же, вызвав рабынь, повелел и омыть и мастями

Тело намазать, но тайно, чтоб сына Приам не увидел:
 Он опасался, чтоб гневом не вспыхнул отец огорченный,
 585 Сына узрев, и чтоб сам он тогда не подвинулся духом
 Старца убить и нарушить священные Зевса заветы.
 Тело рабыни омыли, умаслили мастью душистой,
 В новый одели хитон и покрыли прекрасною ризой;
 Сам Ахиллес и поднял и на одр положил Приамида, —
 590 Но друзья совокупно на блещущий воз положили.
 Он же тогда возопил, именуя любезного друга:
 “Храбрый Патрокл! не ропщи на меня ты, ежели слышишь
 В мрачном Аиде, что я знаменитого Гектора тело
 Выдал отцу: не презренными он заплатил мне дарами;
 595 В жертву тебе и от них принесу я достойную долю”.

Так произнес — и под сень возвратился Пелид благородный;
 Сел на изящно украшенных креслах, оставленных прежде,
 Против Приама стоявших, и слово к нему обратил он:
 “Сын твой тебе возвращен, как желал ты, божественный старец;
 600 Убран лежит на одре. С восходом Зари возвращаясь,
 Сам ты увидишь его; но теперь мы о пище вспомним
 Пищи забыть не могла и несчастная мать Ниоба,
 Мать, которая разом двенадцать детей потеряла,
 Милых шесть дочерей и шесть сыновей расцветавших.
 605 Юношей Феб поразил из блестящего лука стрелами,
 Мстящий Ниобе, а дев — Артемида, гордая луком.
 Мать их дерзала равняться с румяноланитою Летою:
 Лета двоих, говорила, а я многочисленных мать!
 Двое сии у гордившейся матери всех погубили.
 610 Девять дней валялися трупы; и не было мужа
 Гробу предать их: в камень людей превратил громовержец.
 Мертвых в десятый день погребли милосердые боги.
 Плачем по них истомаясь, и мать вспомянула о пище.
 Ныне та мать на скалах, на пустынных горах Сицилийских,
 615 Где, повествуют, богини покоиться любят в пещерах,
 Нимфы, которые часто у вод Ахелоевых пляшут, —
 Там, от богов превращенная в камень, страдает Ниоба.
 Так, божественный старец, и мы помыслим о пище.

620 Время тебе остается оплакать любезного сына,
В Трою привезши; там для тебя многослезен он будет”.

Рек — и, стремительно встав, Ахиллес белорунную овцу
Сам закаляет; друзья, обнажив и спрятав, как должно,
В мелкие части искусно дробят, прободают рожнами,
Ловко пекут на огне и готовые части снимают.
625 Хлеб между тем принесши, поставил на стол Автомедон
В пышных корзинах; но брашно делил Ахиллес благородный.
Оба к предложенным яствам питательным руки простерли.
И когда питием и пищей насытили сердце,
Долго Приам Дарданид удивлялся царю Ахиллесу,
630 Виду его и величеству: бога, казалось, он видит.
Царь Ахиллес удивлялся равно Дарданиду Приаму,
Смотря на образ почтенный и слушая старцевы речи.
Оба они наслаждались, один на другого взирая;
Но наконец возгласил к Ахиллесу божественный старец:
635 “Дай мне теперь опочить, Зевесов любимец! позволь мне
Сном животворным хоть несколько в доме твоём насладиться.
Ибо еще ни на миг у меня не смыкались очи
С дня, как несчастный мой сын под твоими руками погибнул;
С того дня лишь стонал и несчетные скорби терпел я,
640 Часто в оградах дворовых по сметищам смрадным валяясь.
Ныне лишь яствы вкусил и вина пурпурового ныне
Принял в гортань; но до этой поры ничего не вкушал я”.

Так говорил; Ахиллес приказал и друзьям и рабыням
Стлать на крыльце две постели и снизу хорошие полсти
645 Бросить пурпурные, сверху ковры разостлать дорогие
И шерстяные плащи положить, чтобы старцам одеться.
Вышли рабыни из дому с пылающим светочем в дланях;
Скоро они, поспешившие, два уготовали ложа.
И Приаму шутя говорил Ахиллес благородный:
650 “Спи у меня на дворе, пришелец любезный, да в дом мой
Вдруг не придет кто-нибудь из данаев, которые часто
Вместе совет совещать в мою собираются кушу.
Если тебя здесь кто-либо в пору ночную увидит,

Верно, царя известит, предводителя воинств Атрида;
 655 И тогда замедление в выкупе мертвого встретишь.
 Слово еще, Дарданид; объяснися, скажи откровенно:
 Сколько желаешь ты дней погребать знаменитого сына?
 Столько я дней удержуся от битв, удержу и дружины”.

Сыну Пелея ответствовал старец Приам боговидный:
 660 “Ежели мне ты позволишь почтить погребением сына —
 Сим для меня, Ахиллес, величайшую милость окажешь.
 Мы, как ты знаешь, в стенах заключенные; лес издалика
 Должно с гор добывать; а трояне повергнуты в ужас.
 Девять бы дней мне желалось оплакивать Гектора в доме;
 665 Гробу в десятый предать и пир похоронный устроить;
 В первый-на-десять мертвому в память насыпать могилу;
 Но в двенадцатый день ополчимся, когда неизбежно”.

Старцу ответствовал вновь быстроногий Пелид благородный:
 “Будет и то свершено, как желаешь ты, старец почтенный.
 670 Брань прекращаю на столько я времени, сколько ты просишь”.

Так произнес Ахиллес — и Приамову правую руку
 Ласково сжал, чтобы сердце его совершенно покоить.
 Так отпустил; и они на переднем крыльце опочили,
 Вестник и царь, обращая в уме своем мудрые думы.
 675 Но Ахиллес почивал в глубине крепкостворчатой кущи,
 И при нем Брисеида, румяноланитая дева.

Все, и бессмертные боги, и коннодопешные мужи,
 Спали целую ночь, усмиранные сном благодатным.
 680 Гермеса токмо заботного сон не осиливал сладкий,
 Думы в уме обращавшего, как Дарданида Приама
 Вывести из стана, привратным незримого стражам священным.
 Став над главою Приамовой, так возгласил Эриуний:
 “Ты не радишь об опасности, старец, и так беззаботно
 Спишь у враждебных мужей, пощаженный Пелеевым сыном!
 685 Многие дал ты дары, чтобы выкупить мертвого сына;
 Но за живого тебя троекратной ценою заплатят

Дети твои, у тебя остающиеся, если узнает
Царь Атрейон о тебе и ахейцы другие узнают”.

690 Так провещал; ужаснулся Приам и глашатая поднял.
Гермес мгновенно запряг им и коней и месков яремных;
Сам через стан их быстро прогнал, и никто не увидел.
Но лишь достигнули путники брода реки светловодной,
Ксанфа пучинного, богом рожденного, Зевсом бессмертным, —
Там благодетельный Гермес обратно вознесся к Олимпу.

695 В ризе златистой Заря простиралась над всею землею.
Древний Приам, и стелящий и плачущий, гнал к Илиону
Коней, а мески везли мертвеца. И никто в Илионе
Их не узнал от мужей и от жен благородных троянских
Прежде Кассандры прекрасной, златой Афродите подобной.
700 Рано на замок восшел, издали в колеснице узнала
Образ отца своего и глашатая громкого Трои;
Тело узрела на месках, на смертном простертое ложе;
Подняла горестный плач и вопила по целому граду:
“Шествуйте, жены и мужи! Смотрите на Гектора ныне,
Вы, что живого, из битв приходившего, прежде встречали
705 С радостью: радостью светлой и граду он был и народу!”

Так вопияла; и вдруг ни жены не осталось, ни мужа
В Трое великой; грусть несказанная всех поразила, —
Все пред воротами столпились в встречу везомого тела.
710 Всех впереди молодая супруга и нежная мать
Плакали, рвали власы и, на труп исступленно бросаясь,
С воплем главу обнимали; столпившиеся плакали стоя.
Верно, и целый бы день до заката блестящего солнца,
Плача над Гектором храбрым, рыдали толпы за воротами,
715 Если бы старец Приам не воззвал с колесницы к народу:
“Дайте дорогу, друзья, чтобы мески проехали; после
Плачем вы все насыщайтесь, как мертвого в дом привезу я!”

Так говорил; расступилась толпа и открыла дорогу.
К славному дому привезши, на пышно устроенном ложе

720 Тело они положили; певцов, начинателей плача,
 Подле него поместили, которые голосом мрачным
 Песни плачевные пели; а жены им вторили стоном.
 Первая подняла плач Андромаха, младая супруга,
 Гектора мужеубийцы руками главу обнимая:

725 “Рано ты гибнешь, супруг мой цветущий, рано вдовою
 В доме меня покидаешь! А сын, бессловесный младенец,
 Сын, которому жизнь, злополучные, мы даровали!
 Он не достигнет юности! Прежде во прах с оснований
 Троя рассыплется: пал ты, хранитель ее неусыпный,

730 Ты, боронитель и града, защитник и жен и младенцев!
 Скоро в неволю они на судах повлекутся глубоких;
 С ними и я неизбежно; и ты, мое бедное чадо,
 Вместе со мною; и там, изнуряясь в работах позорных,
 Будешь служить властелину суровому; или данаец

735 За руку схватит тебя и с башни ударит о землю,
 Мстящий за трату плачевную брата, отца или сына,
 Гектором в битвах сраженного: много могучих данаев,
 Много под Гектора дланью глодало кровавую землю.
 Грозен великий отец твой бывал на погибельных сечах;

740 Плачут о нем до последнего все обитатели Трои.
 Плач, несказанную горечь нанес ты родителям бедным,
 Гектор! Но мне ты оставил стократ жесточайшие скорби!
 С смертного ложа, увы! не простер ты руки мне любезной;
 Слова не молвил заветного, слова, которое б вечно

745 Я поминала и ночи и дни, обливаясь слезами!”

Так говорила, рыдая; и с нею стенали троянки.
 Тут между ними Гекуба рыдательный плач подымает:
 “Гектор, из всех мне детей наиболее сердцу любезный!
 Был у меня и живой ты богам всемогущим любезен;

750 Боги с небес о тебе и по смертной кончине пекутся!
 Прочих сынов у меня Ахиллес, быстроногий ристатель,
 Коих живых полонил, за моря пустынные продал,
 В Имброс, в далекий Самос и в туманный, беспристанный

Лемнос;

Но, тебя одолев и оружием душу исторгнув,
 755 Как он ни долго влачил вокруг могилы Патрокла любимца,
 Коего ты одолел, — но его, мертвеца, он не поднял!
 Ты ж у меня, как рососою омытый, покоишься в доме,
 Свежий, подобно как смертный, которого Феб сребролукий
 Легкой стрелою своей, налетевший незапно, сражает”.

760 Так вопияла Гекуба, и плач возбудила всеобщий.
 Третья Елена Аргивская горестный плач подымает:
 “Гектор! деверь почтеннейший, сродник, любезнейший сердцу!
 Ибо уже мне супруг Александр знаменитый, привезший
 В Трою меня, недостойную! Что не погибла я прежде!
 765 Ныне двадцатый год круговратных времен протекает
 С оной поры, как пришла в Илион я, отечество бросив;
 Но от тебя не слыхала я злого, обидного слова.
 Даже, когда и другой кто меня укорял из домашних,
 Деверь ли гордый, своячина, или золовка младая,
 770 Или свекровь (а свекор всегда, как отец, мне приветен),
 Ты вразумлял их советом и каждого делал добрее
 Кроткой твоею душой и твоим убеждением кротким.
 Вот почему о тебе и себе я, несчастнейшей, плачу!
 Нет для меня, ни единого нет в Илионе обширном
 775 Друга или утешителя: всем я равно ненавистна!”

Так вопияла она, — и стонал весь народ неисчетный.
 Старец Приам наконец обращает слово к народу:
 “Ныне, трояне, свозите вы лес в Илион; не страшитесь
 Войска ахейского тайных засад: Ахиллес знаменитый
 780 Сам обещал, отпуская меня от судов мирмидонских,
 Нас не тревожить, доколе двенадцатый день не свершится”.

Так говорил, — и они лошаков и волов подъяремных
 Скоро в возы запрягли и пред градом немедля собрались.
 Девять дней они в Трою множество леса возили;
 785 В день же десятый, лишь, свет разливая, Денница возникла,
 Вынесли храброго Гектора с горестным плачем трояне;
 Сверху костра мертвеца положили и бросили пламень.

Рано, едва розоперстая вестница утра явилась,
К сруб великого Гектора начал народ собираться.
790 И, лишь собралися все (неисчетное множество было),
Сруб угасили, багряным вином оросивши пространство
Всё, где огонь разливался пылающий; после на пепле
Белые кости героя собрали и братья и други,
Горько рыдая, обильные слезы струя по ланитам.
795 Прах драгоценный собравши, в ковчег золотой положили,
Тонким обвивши покровом, блистающим пурпуром свежим.
Так опустили в могилу глубокую и, заложивши,
Сверху огромными частыми камнями плотно устлали;
После курган насыпали; а около стражи сидели,
800 Смотря, дабы не ударила рать меднолатных данаев.
Скоро насыпав могилу, они разошлись; напоследок
Все собралися вновь и блистательный пир пировали
В доме великом Приама, любезного Зевсу владыки.

Так погребали они конеборного Гектора тело.

ПРИМЕЧАНИЯ.

СЛОВАРЬ

ПРИМЕЧАНИЯ

История письменного текста гомеровских поэм насчитывает две с половиною тысячи лет. По свидетельству ряда античных авторов, “Илиада” и “Одиссея” были впервые записаны особой комиссией, созданной афинским тираном Писистратом (годы его правления — 560–527 гг. до н.э.). В античности обе поэмы пользовались чрезвычайно широким распространением. Они были предметом научного изучения выдающихся филологов древнего мира, создавших в III веке до н.э. критически исправленные издания гомеровского текста (так называемые “диортосы” — Зенодота, разделившего каждую из поэм на двадцать четыре песни, Аристарха, Аристофана Византийского). Они же служили в начальных школах первым пособием, по которому обучали грамоте. Уже в III веке до н.э. первый римский поэт Ливий Андроник перевел латинскими стихами “Одиссею” (это самый ранний известный нам художественный перевод в европейской литературе).

В Византии интерес к Гомеру сохраняется и в средние века. Через Византию и южных славян мифы троянского цикла (в изложении позднеантичных и византийских авторов) стали известны и в Древней Руси.

В средневековой Европе Гомера знали только по цитатам и ссылкам у латинских писателей и Аристотеля, поэтическую славу Гомера полностью затмила слава Вергилия. Лишь в конце XIV в. в первой половине XV века, когда с началом Возрождения в Венеции, во Флоренции, в Риме появились первые византийские учителя греческого языка, итальянские гуманисты познакомились с Го-

мером ближе. В XV веке многие переводили Гомера на латинский язык, среди прочих — и знаменитый гуманист и писатель Анджело Полициано. В 1488 году во Флоренции выходит первое печатное издание Гомера на греческом языке. В XVI веке отдельные части гомеровских поэм неоднократно переводились и на итальянский язык. Однако лишь в 1723 году появился первый полный перевод “Илиады”, сделанный поэтом Антонио Мария Сальвини. Классическими в Италии стали переводы знаменитого поэта Винченцо Монти (“Илиада”, 1810) и его друга, также известного поэта, Ипполито Пиндемонте (“Одиссея”, полностью опубликована в 1822 г.)

В эпоху Возрождения интерес к Гомеру распространяется по всей Европе. Во Франции первый поэтический перевод “Илиады” начал аббат Гюг Салель, который успел перевести одиннадцать песен эту работу завершил и издал Амадис Жамэн (1580), к изданию был приложен и перевод первых двух песен “Одиссеи”, выполненный Жаком Пелетье. Однако до середины XIX века наибольшим распространением во Франции пользовались прозаические переводы Гомера госпожи Дасье и главным образом перевод М. Битобе, выдержавший множество переизданий (первое издание “Илиады” — 1764 г., “Одиссеи” — 1785 г.). Среди позднейших стихотворных переводов одним из самых совершенных является перевод Шарля Леконт де Лиля (“Илиада” — 1867 г., “Одиссея” — 1868 г.).

В Англии с 1599 по 1615 год частями печатался перевод гомеровских поэм, сделанный драматургом Джорджем Чапменом и отличавшийся высокими художественными достоинствами. Однако спустя сто лет Чапмена затмил Александр Попп, опубликовавший в 1715–1720 годах свой перевод “Илиады”, а в 1720–1725 годах — перевод “Одиссеи”. Перевод этот остается в Англии классическим.

В Германии первой была переведена на немецкий язык “Одиссея” ее прозаическое переложение было выпущено в 1537 году “городским историографом города Мюнхена” Симоном Шайденрайссером. Перевод “Илиады” в стихах опубликовал в 1610 году (вместе со своим переводом “Энеиды”) Иоганн Шпренген. Однако широкого распространения эти переводы не получили и не переиздавались. Долгое время им предпочитали латинские переводы в 1540 году известный гуманист Эобан Гесс издал стихотворный перевод “Илиады”, перевод “Одиссеи” был в 1549 году издан Симоном Лем-

ниусом. Лишь в середине XVIII века, в связи с новой оценкой античного искусства у И. И. Винкельмана, интерес к поэмам Гомера вырос настолько, что их немецкие переводы, стихотворные и прозаические, стали появляться один за другим. Так, знаменитый поэт Г. А. Бюргер перевел ямбами отрывки из “Илиады” (1771). В 1781 году появился перевод “Одиссеи” гекзаметрами, выполненный Иоганном Генрихом Фоссом; в 1793 году Фосс выпустил перевод “Илиады” вместе с переработанным переводом “Одиссеи”. Перевод этот стал в Германии классическим и до сих пор является одним из совершеннейших переводов Гомера на новые языки.

В России первые попытки перевода гомеровских поээм относятся к середине XVIII века. Два отрывка из “Илиады” (VIII, 1–15 и IX, 225–261) привел в качестве образцов в своей “Риторике” М. В. Ломоносов (1748), его перевод сделан шестистопным ямбом — так называемым “александрийским стихом”. В 1776–1778 годах выходит полный прозаический перевод “Илиады”, сделанный коллежским секретарем Петром Екимовым. В 1788 году появляется анонимный прозаический перевод “Одиссеи”; авторство его до сих пор вызывает разногласия среди ученых. Наконец, в 1787 году выходят первые шесть песен “Илиады”, переведенные Ермилом Костровым. Перевод его, выполненный по всем правилам поэтики классицизма, александрийским стихом с парной рифмой, произвел огромное впечатление на современников, однако остался незавершенным (песни VII, VIII и часть песни IX были опубликованы уже после смерти Кострова, в 1811 г.). Перевод Кострова высоко ценился еще долгие годы. Н. И. Гнедич начал свой перевод как продолжение работы Кострова — с песни VII, александрийским стихом. Лишь в 1813 году Н. И. Гнедич публикует первый отрывок из “Илиады”, переведенный гекзаметром. Однако за период прошедший между появлением перевода Кострова и началом публикации перевода Гнедича, можно указать еще несколько переложений из Гомера: в 1796 году Н. М. Карамзин печатает стихотворение “Прощание Гектора с Андромахой”, имеющее подзаголовок “перевод”, в 1808 году А. Ф. Мерзляков публикует отрывок из “Одиссеи” — “Улисс у Алькиноя” (перевод его сделан пяти- и шестистопными амфибрахиями, напоминающими по звучанию дактилический гекзаметр); в журналах появляется ряд анонимных переводов различных отрывков из “Илиады”.

Гнедич работал над своим переводом “Илиады” более двадцати лет. В 1829 году он опубликовал его отдельной книгой. Сделанный с греческого оригинала, основанный на глубоком изучении научной литературы о Гомере, перевод Гнедича являет собой образцовое сочетание филологической точности с высокой поэзией и остается непревзойденным в русской литературе.

Первый полный стихотворный перевод “Одиссеи” на русский язык появился лишь спустя двадцать лет после перевода “Илиады”, в 1849 году. Это был перевод В. А. Жуковского, над которым поэт работал с 1842 года. Еще раньше – в 1829 году – Жуковский напечатал несколько отрывков из “Илиады”, переведенных с немецких переводов И. Г. Фосса и Хр. Штольберга. Перевод “Одиссеи” В. А. Жуковский, не знавший греческого языка также выполнил по немецкому подстрочнику, сделанному для него дюссельдорфским ученым Грасгофом. Перевод Жуковского лишен филологической точности, в нем есть и ошибки; “архаизация” достигается введением многочисленных понятий из древнерусского быта, совершенно чуждых гомеровскому миру. И все же поэтичность целого, гармоничность стиха, пластичность передачи образом ставят перевод Жуковского значительно выше переводов его более поздних соперников.

В 1896 году вышел полный стихотворный перевод “Илиады”, выполненный Н. Минским; гладкий и удобочитаемый, этот перевод все же уступает в силе и монументальности переводу Н. И. Гнедича. В советское время поэмы Гомера перевел В. В. Вересаев (обе они изданы посмертно: “Илиада” – в 1919 г., “Одиссея” – в 1953 г.). В своих переводах, приближенных к современному языку, В. В. Вересаев широко использовал те строки из переводов Гнедича и Жуковского, которые казались ему удачными. Таким образом, считать его перевод самостоятельным нельзя. В 1949 году перевод “Одиссеи”, выполненный П. Шуйским, вышел в издательстве Свердловского государственного университета имени А. М. Горького.

В настоящем издании перевод Н. И. Гнедича печатается по изданию: “Илиада”. Перевод Н. И. Гнедича, Гослитиздат, Москва, 1960. Перевод В. А. Жуковского печатается по изданию: “Одиссея”. Перевод В. А. Жуковского, Гослитиздат, Москва, 1959.

ИЛИАДА

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Стих 1. *Богиня* — здесь: Муза.

Стих 7. *Атрид* — сын Атрея, Агамемнон.

Стихи 14–15. ...*на жезле золотом, Аполлонов красный венец...* — Жезл — принадлежность жреца; венец — повязка из шерстяной ленты, надевавшаяся на голову статуи Аполлона. Хрис взял ее как знак мольбы.

Стих 19. *Град Приамов* — Троя.

Стих 22. ...*изъявили согласие криком всеобщим...* — В народном собрании гомеровской эпохи еще не знали голосования и выражали свое согласие или несогласие криками.

Стих 42. ...*отомсти аргивянам стрелами твоими.* — Внезапную смерть греки объясняли тем, что бог Аполлон или его сестра Артемида убивают людей своими стрелами. (Аполлон — мужчин, Артемида — женщин.)

Стих 50. *Меск* — мул или лошак, помесь лошади и осла.

Стих 52. *Частые трупов костры...* — В гомеровскую эпоху сожжение трупов было основной формой погребения.

Стих 65. *Жертва стотельчая* — то есть жертва в сто тельцов (быков) — буквальный перевод греческого слова “гекатомба”. Значение стиха: бог гневен за обещанную, но не принесенную жертву.

Стих 66. *Благовонный тук*. — Жир (тук) жертвенного животного вместе с некоторыми частями туши сжигался в честь бога на алтаре.

Стих 152. *Укротители коней*. — Это выражение обозначает “сильный, могучий”.

Стих 159. *Псообразный* — значит “бесстыдный”; пес считался символом бесстыдства.

Стих 164. *Если троянский... ахейне град разгромляют.* — В первые годы Троянской войны ахейское войско разгромило и разграбило все близлежащие города, союзные с Троей.

- Стих 225. *С сердцем еленя*. — Елень — олень, считавшийся у греков воплощением трусости.
- Стих 234. *Скипетром сим я клянуся...* — Говоря, Ахиллес держит в руках скипетр, который как знак власти вручался в народном собрании каждому, кто брал слово.
- Стих 262. *...подобных мужей... я и видеть не буду*. — По гомеровскому представлению, каждое новое поколение героев слабее предыдущего.
- Стих 268. *Лютые чада гор* — кентавры, полулюди-полукони. На свадьбе у Пирифоя пьяные кентавры стали нападать на женщин; из-за этого началось сражение с кентаврами.
- Стих 305. *Разрушили сонм* — распустили собрание.
- Стих 334. *Глашатаи, вестники бога*. — Глашатай и вестник находились под особым покровительством богов и были неприкосновенны.
- Стих 352. *Мать* — мать Ахиллеса, морская богиня Фетида, дочь “морского старца” Нереея (см. стих 358).
- Стих 366. *Фивы, град Этионов*. — Имеются в виду не египетские Фивы и не Фивы в Беотии, а город в Малой Азии.
- Стих 408. *Пергамляне* — троянцы.
- Стих 458. *Кончив молитву, ячменем и солью осыпали жертвы*. — Гомер описывает порядок жертвоприношения: ячменной мукой и солью посыпали головы жертв.
- Стих 467. *Пир учредили*. — По представлениям греков, жертвоприношение — совместная трапеза бога и жертвующих.
- Стих 486. *И, высоко, на песке, подкативши огромные бревна*. — Это делалось для того, чтобы не подгнивало дно судна.
- Стих 500. *...быстро обнявши колена*. — Прикосновение к коленям и к подбородку — жест, выражающий мольбу.
- Стих 568. *Волоокая Гера богиня* — то есть Гера с глазами коровы. Этот эпитет возник еще в глубокой древности, когда Геру почитали в виде коровы. Почитание богов в виде животных имело место не только в Древнем Египте, но и у греков задолго до Гомера. Так, например, супруг Геры Зевс почитался в виде быка на Крите, где археологи открыли

стенную роспись, изображающую ритуальные атлетические игры с быком. Не случайно в известном мифе Зевс, для того чтобы похитить и умчаться на Крит царевну Европу, принимает образ быка.

Стих 584. *Кубок двудонный* — кубок, имеющий под дном ножку с подставкой, как наши бокалы.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Стих 153. *Рвы очищают* — рвы, по которым вытаскивались на берег и спускались в море корабли.

Стих 212. *Терсит*. — Это имя происходит от слов: “дерзость”, “наглость”.

Стих 262. *Хлена* — верхнее платье греков, теплый плащ, которым окутывались поверх хитона — короткой рубашки без рукавов.

Стих 341. *Вин возлиянья и рук сочетанья...* — Принося клятву верности, греки совершали богам возлияния (жертва вином: немного вина проливали на землю) и соединяли руки.

Стих 363. *Пусть помогает колено колену и племени племя.* — Совет Нестора отражает существовавшую в эпоху родового строя, еще до Гомера, организацию войска по фратриям (объединениям родов, у Гнедича — “колена”) и по родам.

Стих 383. *...коней напитков подъяремных...* — В гомеровскую эпоху греки не знали кавалерии: вожди сражались в колесницах, запряженных парой коней (поэтому кони “подъяремные”), рядовые воины — в пешем строю.

Стих 400. *...своему от богов вечносущих...* — У каждого племени был свой бог-покровитель.

Стих 416. *Прежде, чем Гектора лат на груди у него не расторгну* — то есть пока не убью Гектора и не сниму с него доспехи.

Стих 614. *...они небрегли о делах мореходных.* — Аркадия находится внутри Пелопоннеса и не имеет выходов к морю.

Стих 653. *Тлиполем Гераclid* — то есть Тлиполем, сын Геракла, величайшего героя греческой мифологии, отличавшегося ог-

ромным ростом и силой. В этом отношении и сравнивается с ним Тлиподем.

Стих 755. *Стикс* — река подземного царства; ее водой клянутся боги, поэтому у Гомера и говорится: “воды заклинаний”.

Стих 782. *Тифей*, или *Тифон* — мифическое чудовище, порожденное Землей против Зевса, олицетворение подземного огня. Зевс победил его своими молниями, низверг в глубины земли и сверху навалил горы. Когда Тифей хочет подняться из-под земли, содрогающейся от его страшных усилий, бьет пламя. Тогда Зевс снова мечет в Тифея молнии.

Стих 867. *Наречие варварское* — негреческий язык. Варварами греки называли всех негреков.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Стих 6. *Пигмеи* — мифическое племя карликов, жившее на крайнем юге у Океана. С ними ежегодно ведут войну журавли, улетающие на юг.

Стихи 10–11. ...*туман... вору способнейший ночи* — туман, более помогающий вору, чем ночь.

Стихи 16–18. *Александр* — “поражающий мужей”, прозвище Париса. *С кожей парда на раме* — со шкурой барса на плече. *Медножалое копьё* — копьё с медным наконечником (“жалом”).

Стих 57. *Каменной ризой одет* — побит камнями.

Стих 78. *Стул фаланги* — задержал колонны троянцев.

Стих 104. *Пожрем* — принесем в жертву (от глагола “пожрети” — того же корня, что и слово “жрец”).

Стих 109. *Присущий* — присутствующий.

Стих 130. *Нимфа* — здесь: “молодая женщина”.

Стих 180. ...*если б он был им* — если бы он оставался им и теперь.

Стих 333. *Брата Ликаона славный доспех, и ему соразмерный*. — Лучник Парис выходит в бой без тяжелого вооружения, одетый лишь барсовой шкурой; поэтому он берет панцирь у брата, и этот панцирь приходится ему впору (“ему соразмерный”).

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

- Стих 8. *Тритогекия Алалкомена* — Афина; смысл ее культового имени Тритогекия неясен; Алалкомена значит “отражающая врагов, защитница”.
- Стих 67. *...разрушивши клятву*. — Нарушив клятву, троянцы тем самым обрекают свой город на гибель в наказание за вероломство.
- Стих 133. *Запон* — военный пояс с обшитым медными пластинками передником; этот передник вместе с панцирем образует двойной слой брони.
- Стих 137. *Навязь* — матерчатый широкий пояс, обшитый медными пластинками.
- Стих 171. *Многожаждущий Аргос* — область в Пелопоннесе, бедная водой.
- Стих 240. *...на печальную битву коснящих* — медлящих идти в битву.
- Стих 260. *...чашу вина растворяют*. — Греки всегда пили вино, разбавленное водой.
- Стих 334. *Башня* — “род построения войск”. (Прим. Гнедича.)
- Стих 391. *Кадмейцы* — фиванцы (Кадмеей назывался акрополь Фив).
- Стих 447. *Сразилися кожи* — столкнулись кожаные щиты.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

- Стих 48. *Обнажили* — сняли доспехи, почетнейшую часть добычи победителя.
- Стихи 62–63. *...суда... бедствий начало* — суда, на которых Парис плыл в Спарту, чтобы похитить Елену.
- Стих 102. *Бодатели коней*. — Погоня лошадей, греки не стегали их кнутом, а кололи заостренной пачкой (“бодали”).
- Стих 151. *Сорвал корысти* — снял доспехи с убитых.
- Стих 392. *Сын Амфитриона* — Геракл.
- Стих 476. *Скимн* — молодой лев, львенок.

- Стих 504. ...*до медных небес*... — По гомеровским представлениям, небо — металлическое (медное или железное) полушарие.
- Стих 517. *Сребролукий* — Аполлон.
- Стих 535. *Сыны Дарданида* — сыновья Приама, потомка Дардана.
- Стих 631. *Сын знаменитый и внук воздыматель облаков Зевса*. — Сарпедон — сын Зевса; Тлиподем, сын Геракла, — внук Зевса.
- Стихи 640–642. *Он, приплывши сюда, чтоб взыскать с Лаомедона коней... град Илион разгромил...* — Царь Трои Лаомедон, отец Приама, отказался уплатить богам Посейдону и Аполлону за постройку стен вокруг города, и разгневанный Посейдон наслал на Трою чудовище, в жертву которому нужно было принести дочь Лаомедона Гесиону. Геракл вызвался спасти девушку, но потребовал в уплату за это знаменитых коней Троса (деда Лаомедона). Когда герой убил чудовище и пришел за обещанной наградой, Лаомедон прогнал его с пустыми руками. Через несколько лет Геракл вернулся, взял Трою и убил Лаомедона и всех его сыновей, кроме младшего, которого выкупила Гесиона. С тех пор младший сын Лаомедона стал зваться Приамом, что значит “купленный”.
- Стих 693. ...*под буком прекрасным метателя молнии Зевса*. — У Гомера речь идет не о буке, а о дубе, который считался священным деревом Зевса.
- Стих 845. *Шлем Аида* — “шапка-невидимка” в греческой мифологии, она считается принадлежащей Аиду (само имя этого бога значит “невидимый”).
- Стих 898. ...*преисподнее всех Уранидов* — то есть глубже в преисподней, чем Ураниды. Ураниды — титаны, дети Урана-неба и Геи-земли, восставшие против Зевса в защиту своего брата Крона. Зевс победил титанов и заключил их в Тартаре, в мрачных глубинах земли.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

- Стих 9. *Шлем коневласый* — шлем, украшенный гривой из конского волоса.

Стих 88. *В замок грядской* — в акрополь, крепость, находившуюся посреди города, у нас такая крепость носила название “кремль”.

Стихи 168–169. *...злосветные знаки, много на дщице складной начертав их...* — В этом месте мы видим единственное у Гомера упоминание о способе письма. До конца античности греки и римляне пользовались в быту для письма складными дощечками, намазанными воском, по которому острой палочкой, называвшейся “стилем”, выцарапывались буквы.

Стих 200. *Став напоследок и сам небожителем всем ненавистен.* — Беллерофонт, чтобы убить Химеру, поймал и обуздал крылатую коня Пегаса; затем с помощью Пегаса герой захотел взлететь на Олимп, но конь сбросил его, и Беллерофонт, ненавидимый богами, долго скитался по земле, потеряв зрение и охромев.

Стих 215. *Ты гость мне отеческий* — то есть человек, связанный со мной узами взаимного гостеприимства (проксенией). Приняв чужеземца у себя в доме, угостив его и дав ему подарки, человек сам становился “гостем” своего гостя и мог рассчитывать встретиться с его стороны у него на родине такой же прием. Проксения играла очень важную роль в древнейшую эпоху, когда иноземцы не пользовались на чужбине никакой правовой защитой. Отношения проксении передавались по наследству: проксения Диомеда и Главка восходит к предкам обоих героев.

Стихи 402–403. *Гектор его называл Скамандрием, граждане Трои – Астианаксом...* — Гектор называет сына в честь бога реки Скамандра но троянцы зовут мальчика в честь отца Астианаксом, так как это имя значит “вождь города”.

Стих 419. *Ульм* — вяз, платан.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

Стих 220. *Щит семикожный* — щит, составленный из семи слоев кожи.

Стих 221. *Тихий* — не определение, а имя мастера, сделавшего щит; означает оно “удачливый”. *Усмарь* — кожевник, шорник.

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

- Стихи 15–16. ...*Тартар, столько далекий от ада, как светлое небо от дола.* — Тартар лежит в глубинах земли настолько ниже царства Аида, насколько земля ниже неба.
- Стих 247. ...*орла... между вещей верхнейшую птицу.* — Гадание по птицам было одним из самых распространенных в древности. Орел назван верхней среди вещей птиц потому, что он считался священной птицей Зевса; его появление возвещает Агамемнону, что его молитва услышана.
- Стих 289. *Первому после меня тебе вручу я награду.* — Агамемнон как верховный вождь имеет право выбрать любую часть добычи до ее общего раздела по жребию.
- Стих 325. *Ключ* — ключица.
- Стих 363. *Сына его* — Геракла.
- Стих 368. *Пса увести из Эрба...* — Геракл по повелению Эврисфея привел из царства Аида трехглавого пса Цербера.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

- Стих 49. ...*с богом пришли мы* — пришли при благоприятных знамениях, посланных богами.
- Стихи 190–191. *Менетиад* — Патрокл, сын Менетия; *Эакид* — Ахиллес, внук Эака; Патрокл ждет, пока Ахиллес окончит свой куплет, чтобы подхватить песню.
- Стих 238. *Крепкий на Зевса* — полагающийся на помощь Зевса.
- Стихи 310–311. ...*перестали... скучать мне* — не докучали.
- Стих 390. ...*искусством работ... Афине подобна.* — Афина считалась покровительницей женских рукоделий и сама была искусной ткачихой.
- Стихи 455–456. *Век на колена свои да не примет он милого сына, мной порожденного...* — Отец молит богов, чтобы Феникс остался бездетным. По обычаю, дед принимал новорожденного внука на колени, тем самым признавая его принадлежность к роду.

- Стихи 559–560. ...на... *Феба поднял он лук за супругу свою...* — Когда Марписса была невестою Ида, в нее влюбился Аполлон и попытался ее похитить; Ид, защищая невесту, вступил в борьбу с богом, но Зевс прекратил их распрю, предоставив самой Марписсе сделать выбор между ними. Она предпочла смертного мужа.
- Стих 562. *Алкиона* — чайка. Греки верили, что в случае гибели самца самка чайки не ест, не пьет и все время жалобно стонет, пока не умрет.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

- Стих 5. *Супруг лепокудрыя Геры* — Зевс.
- Стих 110. *Аякс быстрый* — Аякс, сын Оилея. Сын Филея — Мегес.
- Стих 112. *Подобный богу Аякс* — Аякс, сын Теламона.
- Стихи 173–174. ...на мечном острии распростерта или погибель... или спасение... — Пословица древних греков: “Будущая судьба колеблется, как на острие меча”.
- Стихи 252–253. ...более двух уже долей ночь совершила... — Греки разделяли ночь на три части и время определяли по звездам.
- Стих 309. *Так ли ахейн суда, как и прежде, опасно стрегомы...* — сторожат ли ахейцы суда так же бдительно, с опаской.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

- Стих 24. *Воронь черная* — сплав меди и железа, который, как показывают раскопки, изготовлялся в гомеровскую эпоху на Кипре.
- Стих 62. *Звезда вредоносная* — Сириус; ее появление над горизонтом, которое за девятьсот-восемьсот лет до нашей эры приходилось на середину лета, знаменовало начало самого жаркого времени года и связанных с ним засухи и малярии.
- Стих 227. ...славой ахейн увлекся... — был привлечен под Трою молвой о прибытии туда ахейцев.

- Стих 413. ...*меж себя заключая их гибель* — окружая Одиссея, который несет им всем гибель.
- Стих 639. *Прамнейское вино* — густое красное вино с виноградников горы Прамны.
- Стих 689. *Нас угнетала постигшая Пилос Гераклова сила*. — Геракл очистил конюшни и скотные дворы царя Авгия, но не получил от него обещанной платы. В отместку герой разорил войной Авгия и всех его союзников, в том числе и Нелея, у которого он убил всех сыновей, кроме Нестора.

Песнь двенадцатая

- Стих 27. *Земледержец* — Посейдон.
- Стихи 239–240. *Вправо ли птицы несутся... или налево...* — При гадании по птицам правая сторона считалась благоприятной, левая — неблагоприятной.
- Стих 258. *Грудные забрала* — брестверы.

Песнь тринадцатая

- Стих 162. *Около трубки* — в том месте, где медный наконечник соединялся с древком.
- Стих 342. *Панцирей, вновь уясненных* — снова начищенных до блеска.
- Стих 460. ...*гнев он всегдашний питал на Приама*. — Эней является представителем младшей ветви царей Трои, лишенных царской власти, поэтому он находится как бы в оппозиции к Приаму. Некоторые варианты легенды о спасении Энея после гибели Трои содержат и прямые указания на его сношения с врагами.
- Стих 701. *Быстрый Аякс пылал не отстать от могучего брата*. — Быстрый Аякс — Аякс, сын Оилея. От могучего брата — от Аякса, сына Теламона, который назван в подлиннике по имени. Гнедич единственный раз в своем переводе допустил подобную ошибку, назвав обоих Аяксов братьями.

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

- Стих 35. *Лествицей* — то есть не в одну линию, а в несколько рядов.
- Стих 156. *Брата и деверя мощного*. — Гера одновременно и сестра и жена Зевса, поэтому брат Зевса Посейдон ей приходится и братом и деверем.
- Стихи 290–291. *Виталица горная* — птица, которая витает в горах. *Халкида, киминда* — неизвестно, какую птицу подразумевает поэт под этим двойным названием.
- Стих 321. *Знаменитого Феникса дочь* — дочь финикийского царя Феникса Европа. Зевс, приняв образ быка, похитил ее, когда девушка собирала цветы на берегу моря, и уплыл с ней на Крит.
- Стих 355. *Энносигей* — “колебатель земли”, постоянное эпическое определение Посейдона.
- Стих 414. *...дуб под ударом крушительным Зевса* — дуб, в который попала молния, оружие Зевса.
- Стих 516. *Сильный Атрид* — Менелай. Раненый Агамемнон не принимает непосредственного участия в битве.

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

- Стих 17 и далее. *Вкусишь ты плод, как ударами молний тебя избичую...* — Зевс наказал Геру за те самые козни против Геракла, в которых ей помогал Сон, о чем он сам напоминает Геру в стихах 249–261 песни четырнадцатой.
- Стих 71. *Трои святой не возьмут, по советам премудрой Афины*. — Ахейцы не могли взять Трою силой; тогда, по совету Афины, они соорудили огромного деревянного коня и спрятали в нем лучших воинов, а сами отплыли, как бы сняв осаду, и скрылись невдалеке. Когда троянцы ввели коня в город, ахейские воины вышли из него, устроили в Трое резню и открыли ворота своим подоспевшим войскам. О троянском коне мы знаем из “Одиссеи” и из поэмы римского поэта Вергилия “Энеида”.
- Стих 87. *Всех обошед* — то есть Гера пренебрегла всеми и взяла чашу лишь у Фемиды.

- Стих 225. *Самые боги подземные, сущие около Крона.* — Имеются в виду титаны (см. прим. к песни пятой, стих 898).
- Стих 517. *Килленейского Ота* — из города Киллены в Элиде.
- Стих 652. *...суда, извлеченные прежде...* — то есть вытащенные на берег первыми и потому составлявшие первый, самый далекий от моря ряд.
- Стих 684. *По помостам.* — “Древние корабли не могли иметь палуб, ибо посредине их садились гребцы; но только у кормы и у носа устроены были помосты...” (Прим. Гнедича.)
- Стих 716. *Хвост кормовой* — “загнутая вверх, как бы рыбий хвост, высота кормы корабельной, род ее украшения. Кормами были обращены к Трое корабли ахейские”. (Прим. Гнедича.)
- Стих 728. *Скамьи семистопной.* — Гнедич в своем примечании к этому стиху указывает, что у Гомера имеется в виду не скамья для гребцов, а нечто вроде трапа для спуска с корабля; для подтверждения своего мнения Гнедич ссылается на многочисленные изображения древнегреческих кораблей. Семистопная — семифутовая (английское слово “фут” тоже обозначает “стопа”).

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

- Стих 28. *Богатейшие злаками* — то есть имеющие злаки: зелья, лекарства из трав.
- Стих 174. *...реки... от Зевса ниспадной...* — Все реки, по представлению Гомера, ниспадают от Зевса, так как питаются посылаемыми Зевсом дождями.
- Стих 229. *Серой очистил...* — Греки считали серный дым средством очищения от религиозной скверны.
- Стих 231. *...посредине двора...* — Посредине двора стоял обычно жертвенник Зевса.
- Стих 419. *Беспояснодоспешных.* — Ликийцы не носили при доспехах пояса (см. прим. к песни четвертой, стих 137).
- Стих 617. *Плясатель... быстрый...* — Эней, желая унижить Мериона, называет его плясателем потому, что он критянин, а критяне славились искусством плясать.

Стих 625. *Властителю Тартара* — Аиду. Замена собственного имени Аида описательным выражением принадлежит Гнедичу и является не совсем верной: Тартар и царство Аида, по греческой мифологии, — не одно и то же (см. прим. к песни восьмой, стихи 15–16).

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

Стих 32. *Событие зримо и безумно*. — Пословица древних греков: “Когда случается беда, это поймет и глупый”.

Стих 51. *...волосы... прекрасные, словно у граций* — то есть волосы, как у Харит.

Стих 250. *...народное питье* — вино. Гомеровская аристократия возмещала за счет народа все расходы на свои пиршества.

Стих 328. *...как я некогда видел других человек*. — Аполлон вспоминает о Геракле и его спутниках, которые взяли Троию с меньшим войском, чем ахейцы.

Стих 514. *...лежит у... богов на коленях*. — Древнегреческая поговорка: “Все это еще в будущем”.

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Стих 309. *Общий у смертных Арей* — то есть военное счастье не принадлежит всегда кому-нибудь одному, а является как бы общим достоянием: сегодня оно сопутствует одному, завтра — другому.

Стих 373. *...двадцать треножников вдруг он работал* — то есть изготовлял одновременно двадцать треножников, волшебных самодвижущихся столов для трапез богов.

Стих 469. *...действовать дал повеленье*. — Мехи в кузнице Гефеста, как и выкованные им служанки, действуют сами, повинувшись слову бога.

Стих 481. *Щит из пяти составил листов...* — Каждый ниже лежащий круглый металлический лист был шире предыдущего; таким образом, в центре щита образуется круглое по-

ле, на котором Гефест изобразил мироздание, а вокруг него получают круглые концентрические пояса, на каждом из которых бог наносит изображения на определенную тему.

Стихи 487–489. *Арктос* – созвездие Медведицы; само слово “арктос” по-гречески значит “медведица” ...*блюдет Ориона* – остерегается Ориона, Орион – мифический охотник; при появлении Ориона Большая Медведица начинает подниматься над горизонтом: и на небе Медведица убегает от охотника. ...*чуждается мыться в волнах Океана* – Большая Медведица не заходит за горизонт.

Стих 548. *Нива, хотя и золотая, чернеется...* – Гефесту даже на золоте удается передать естественный темный цвет вспаханной земли; очевидно, уже в гомеровскую эпоху греки умели затемнять золото при помощи глазури.

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Стих 84. *Вразумите* – здесь: уразумейте.

Стих 123. *Муж Эврисфей, Персеида Сфенела геройская отрасль.* – У Персея, сына Зевса и Данаи, было три сына: Сфенел, Алкей и Электрион. Алкей родил Амфитриона, Электрион – Алкмену, которые поженились между собой. У Алкмены от Зевса должен был родиться Геракл; желая сделать его повелителем, Зевс обещал даровать власть тому, кто первый родится в роде Персеидов (потомков Персея); однако Гера устроила так, что первым родился Эврисфей, сын Сфенела, внук Персея. У него на службе Геракл и совершил свои знаменитые двенадцать подвигов.

Стих 417. *Должен от мощного бога и смертного мужа погибнуть.* – Ахиллес будет убит стрелой Париса, которую направит бог Аполлон.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ

Стих 90. *Пелиас* – эпитет копья Ахиллеса, “пелионское” (от названия горы в Фессалии, на родине героя).

- Стих 144. *Царь черновласый* — Посейдон.
- Стих 147. ...*от огромного кита спасался* — от морского чудовища, которое должно было пожрать Гесиону и от которого Геракл спас девушку (см. прим. к песни пятой, стихи 640–642).
- Стих 307. *Будет отныне Эней над троянами царствовать мощно.* — По преданию, Эней с троянскими беглецами приплыл в Италию и там создал новое царство. Римляне считали, что их город основан потомками Энея, и называли себя “энеадами”. Юлий Цезарь считал Энея основоположником своего рода. Судьба Энея послужила основой поэмы римского поэта Вергилия “Энеида”.
- Стих 404. *Геликийский бог* — Посейдон, названный так по имени города в Пелопоннесе, где находилось крупное святилище этого бога.

Песнь двадцать первая

- Стих 364. *Пылкою сушью* — легко воспламеняющимся сухим деревом, хворостом.
- Стих 417. *В силу* — с трудом, едва-едва.
- Стих 483. *Над мертвыми женами.* — Скоропостижную смерть женщины греки приписывали стрелам Артемиды.

Песнь двадцать вторая

- Стих 29. *Пес Ориона* — Сириус (см. прим. к песни одиннадцатой, стих 62).
- Стих 126. ...*с зеленого дуба шль с камня* — поговорка, обозначающая: “С самого начала, с первых причин”. Произошла эта поговорка оттого что, по ранним греческим представлениям, человек родился от дуба или от камня. Гектор думает, что не время ему разговаривать с Ахиллесом о Елене и о начальных причинах войны.
- Стих 308. *Неботарный* — парящий по небу.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

- Стих 135. *Всё посвященными мертвому тело покрыв волосами.* — Греки в знак траура обрезают волосы и клали их на труп или на могилу умершего.
- Стих 142. *Волосы, кои Сперхию с младости нежной растил он.* — Сперхий — река в Фессалии, на родине Ахиллеса. По обычаю, волосы приносились в жертву местному речному богу в день совершеннолетия, Ахиллес покинул родину почти ребенком и поэтому еще сохранил волосы, посвященные Сперхию.
- Стих 164. *Стоступенный* — в сто футов (“сто”).
- Стих 223. *В гроб женихом нисходящего, к скорби родителей бедных.* — У греков считалось особенным несчастьем умереть, не оставив сына.
- Стих 226. *Светоносец* — утренняя звезда, планета Венера.
- Стих 244. *Гроб* — надгробный холм.
- Стих 327. *Сажень маховая* — расстояние, равное длине раскинутых рук от кончиков пальцев правой руки до кончиков пальцев левой.
- Стих 352. *...бросили жребии...* — Жребии бросали, чтобы определить, чья колесница должна ехать по внутренней, более короткой дорожке.
- Стихи 359–361. *...да при оной... Феникс... сядет и бег наблюдает...* — Так как мета не видна от старта, возле нее должен находиться человек, чтобы смотреть, не срезают ли состязающиеся расстояния и огибают ли мету.
- Стих 441. *...не получишь ты мзды без присяги.* — Антилох должен будет присягнуть, что он не нарочно преградил дорогу Менелая, иначе он не получит награды.
- Стих 523. *На вержение диска* — на расстоянии броска диска.
- Стих 680. *Кадмяне.* — См. прим. к песни четвертой, стих 391.
- Стих 684. *Ремни.* — В Греции кулачные бойцы обвязывали себе кулаки специальными ремнями.
- Стих 702. *Огонный треножник* — таган, треножник, который ставится на огонь.

- Стих 770. *Дочь Эгиоха* — Афина, постоянная покровительница Одиссея.
- Стих 791. *...зелена... Одиссеева старость...* — то есть свежа и полна сил.
- Стих 851. *Секиры двуострые* — топоры с двумя направленными в противоположные стороны лезвиями.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

- Стихи 29–30. *Он богинь оскорбил, приходивших в дом его сельский честь он воздал одарившей его сладострастием вредным* — намек на миф о суде Париса.
- Стих 81. *...под рогом вола...* — Имеется в виду роговая удочка со свинцовым грузилом.
- Стих 110. *Ту славу...* — “чтобы он сам возвратил тело Гектора”. (Прим. Гнедича.)
- Стих 221. *Фимиамогадатель* — гадатель, предсказывавший будущее по приносимым богам жертвам. Фимиа — благовонный жертвенный дым.
- Стих 345. *Аргоубийца* — эпитет Гермеса, основывающийся на сказании о том, что Гермес по поручению Зевса убил тысячеглазого великана Аргуса, который стерег возлюбленную Зевса Ио, превращенную ревнивой Герой в корову.
- Стих 360. *Эриуний* — “спешащий на помощь, помогающий” — гомеровский эпитет благосклонного к людям Гермеса.
- Стих 544. *Обитель Макарова, Лесбос...* — Макар — мифический древний царь Лесбоса; его имя значит “блаженный”.
- Стих 765. *Двадцатый год...* — Действие “Илиады” относится к десятому году Троянской войны, между похищением Елены и началом войны по преданию, также прошло десять лет. Таким образом, Елена действительно уже двадцать лет находится в Трое.

СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ
И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ
НАЗВАНИЙ И ИМЕН

Абанты — воинственный народ, живший на острове Эвбее.

Абид (Абидос) — город в Малой Азии на берегу Геллеспонта.

Абии — кочевое скифское племя, жившее, очевидно, по Дунаю.

Авгеас (Авгий) — царь в Элиде, владелец огромных стад. Его скотные дворы, не чистившиеся тридцать лет, за один день очистил Геракл, который провел в них воду реки Алфей. Авгий отказался заплатить герою и за это был им наказан: Геракл пошел на Элиду войною и разгромил Авгия и его союзников.

Авлида — гавань в Беотии, где собирались греки перед отплытием под Троию.

Автоликон (Автолик) — дед Одиссея с материнской стороны, знаменитый обманщик и вор. Сын Гермеса, Автолик получил от него в дар удивительную изворотливость, ловкость и хитрость:

он мог сделать невидимой любую украденную вещь и клясться так ловко, что потом не выполнял своих клятв, не нарушая их формально. От него Одиссей и унаследовал свою хитрость.

Автомедон — возница Ахиллеса. Его имя стало нарицательным для обозначения ловкого кучера. Например, у Пушкина в “Евгении Онегине” о ямщиках: “Автомедонты наши бойки”.

Агамеда — дочь Авгеаса, волшебница.

Агамемнон — царь Микен и Аргоса, сын Атрея, брат спартанского царя Менелая. Под Троей Агамемнон был верховным вождем союзного ахейского войска; в день возвращения из-под Трои был убит своей женой Клитемнестрой и ее любовником Эгистом.

Агафон — сын Приама.

Агенор — сын Антенора и Феано, троянский герой.

- Адмет — царь города Феры в Фессалии. Боги дали ему возможность отсрочить смерть, если кто-нибудь согласится умереть вместо него. Жена Адмета Алкеста согласилась умереть вместо мужа, но Геракл, гостивший в это время у Адмета, отбил ее у бога смерти.
- Адраст — один из главных организаторов похода семерых против Фив (см. Полиник), царь Аргоса и Сикиона. Другой Адраст — союзник троянцев из города Адрастеи. Адрастами зовут и двух троянских воинов, упоминаемых в “списках убитых”.
- Адрастея — город в Малой Азии, в области Мизии.
- Азий Гиртакид (сын Гиртака) — союзник троянцев из города Арисбы.
- Азийский луг — поле в Лидии, в Малой Азии.
- Аид — сын Крона и Реи, брат Зевса, бог подземного царства мертвых. Его имя обозначает “невидимый” и является заменой другого имени, внушавшего людям религиозный ужас. Царство Аида или часто просто Аид (ад) — загробный мир, царство мертвых.
- Аида — (в переводе — “соловей”) — жена Зефоса (см. Амфион и Зефос). Из зависти к жене Амфиона Ниобе, имевшей двенадцать детей, она решила убить любимого младшего сына Ниобы, но по ошибке убила своего единственного сына Итилоса. Горе ее было так сильно, что боги сжалились над ней и превратили ее в соловья, который в своей песне вечно повторяет имя “Итил”.
- Акамас — сын Антенора и Феано, предводитель дарданцев; другой Акамас — предводитель союзных с троянцами фракийцев; Акамасом зовут и сына Азия.
- Акаст — царь острова Дулихия.
- Акрисий — отец Даная, дед Персея (см. Персей).
- Аксий — река в Македонии.
- Акториды — близнецы-герои со сросшимися телами, дети элейца Актора.
- Алибанты — сказочный народ.
- Алкеста — см. Адмет.
- Алкимедон — мирмидонец, предводитель пятого строя войск Ахиллеса и близкий друг этого героя.
- Алкмена — микенская царевна, жена тирифского царя Амфитриона, бежавшего из Микен в Фивы. Здесь, в отсутствие ее мужа, с ней соединился Зевс, принявший образ Амфитриона. От него Алкмена родила Геракла.
- Алкмеон — сын Амфиарая и Эрифилы; мстя за отца, он убил мать и подвергся преследованиям Эриний (см. Амфиарай).
- Алоей — древнее божество, бог обмолоченного зерна; счи-

- тался сыном Посейдона. Был мужем Ифимедеи, которая родила от него Отоса и Эфиальтеса.
- Алоиды — см. Отос и Эфиальтес.
- Алосинда — морская богиня.
- Алфей — река в Пелопоннесе.
- Алфея — мать Мелеагра (см.), сестра Леды.
- Амазонки — мифическое племя женщин-воительниц и наездниц, живущих на севере. С ними сражались Геракл и Тесей; в Троянской войне амазонки также были враждебны ахейцам и после смерти Гектора пришли на помощь троянцам. Их царица Пентесилея была убита Ахиллесом.
- Амаринк — фессальский воин, помогавший Авгеасу в войне с Гераклом; за это Авгеас разделил с ним власть.
- Амидон — город на севере Македонии.
- Амикла (Амиклы) — город в Лаконике, на юге Пелопоннеса.
- Аминтор — отец Феникса, воспитателя Ахиллеса.
- Амифаон — сын Тирó и Крефея, отец Мелампа (см.).
- Амнисий — гавань на Крите.
- Амфиарай — царь Аргоса, правнук прорицателя Мелампа и сам прорицатель. Полиник, изгнанный фиванский царевич, сын Эдипа, старался привлечь Амфиарая к походу против Фив, но тот, предвидя гибельный исход войны, отказывался.
- Тогда Полиник подкупил жену Амфиарая Эрифилу, и та принудила мужа отправиться в поход. После поражения Амфиарай спасался бегством в колеснице, но земля разверзлась под ним и поглотила его.
- Амфилох — сын Амфиарая и Эрифилы, прорицатель, принимавший участие в Троянской войне.
- Амфион и Зефос (Зетос) — братья-близнецы, дети Зевса и Антиопы, дочери речного бога Асопа. Оба царствовали в Фивах, воздвигли стены вокруг города: Зефос, богатырь и силач, подносил на руках огромные камни; Амфион, искусный музыкант, заставлял их звуками своей кифары двигаться и складываться в стены. Другой Амфион — царь беотийского города Орхомена, дед Нестора.
- Амфитея — жена Автолика, бабушка Одиссея по матери.
- Амфитрион — муж Алкмены, считавшийся земным отцом Геракла (см. Алкмена).
- Амфитрита — богиня моря, по позднейшим мифам — жена Посейдона.
- Андромаха — дочь Этиона, царя Фив в Киликии, жена Гектора. По позднейшим мифам, после долгих злоключений в рабстве у Нептолема, сына Ахиллеса, стала женой троянца Гелена и основала с ним в Эпире новую Трою.

- Антенор — троянский старец, друг Приама и отец одиннадцати сыновей — защитников Трои; сторонник выдачи Елены Менелаю и прекращения войны.
- Антенорид — каждый из сыновей Антенора.
- Антиклея — дочь Автолика и Амфитеи, мать Одиссея.
- Антилох — старший сын Нестора, участник Троянской войны и ближайший друг Ахиллеса после гибели Патрокла. Погиб в конце войны от руки Мемнона, прикрывая своим телом старика отца.
- Антиной — сын Евпейта, самый наглый среди женихов Пенелопы.
- Антиопа — дочь речного бога Асопа, родившая от Зевса близнецов Зефоса и Амфиона.
- Антифат — 1) прорицатель сын Мелампа; 2) царь лестригонов; 3) итакиец, друг Одиссея.
- Анття — жена Прета, оклеветавшая Беллерофонта (см.).
- Анхиз — отец Энея, представитель младшей ветви троянских царей. Боги, разгневавшиеся на Афродиту за то, что она все время внушает им любовь к людям, а сама ни разу не любила смертного, заставили ее полюбить Анхиза, пасшего стада на Иде. От их любви родится Эней. Афродита запретила Анхизу разглашать тайну их любви, но Анхиз ослушался и за это был искалечен молнией.
- Апия — древнейшее название Пелопоннеса.
- Аполлон — бог солнечного света, символизированного золотыми стрелами этого бога, неперемнным атрибутом которого был лук. Аполлон также покровитель музыки и поэзии, предводитель хора Муз и сам искусный музыкант (кифаред); он же — бог-прорицатель и бог-врачеватель. Сын Зевса и Лето (Латоны), брат-близнец Артемиды.
- Аргивяне, аргивцы — жители Аргоса. Тем же словом Гомер называет всех греков в противоположность негрекам.
- Аргисса — город в северной части Фессалии.
- Арго — корабль, на котором Ясон (см.) совершил поход за золотым руном; по имени корабля пльвшие на нем герои получили название “аргонавты”.
- Аргос — во времена Гомера — Арголида, область в Пелопоннесе, в которой позже возвысился город Аргос; иногда словом “Аргос” обозначается весь Пелопоннес.
- Аргос пеласгический — равнина в Фессалии, близ реки Пеней; там находились владения Ахиллеса.
- Аргус — тысячеглазое чудовище; его Гера поставила стеречь возлюбленную Зевса Ио, из

- ревности превращенную ею в корову. Однако Гермес по поручению Зевса убил Аргуса; отсюда и приходит часто встречающийся в “Илиаде” и “Одиссее” эпитет Гермеса “аргоубийца”.
- Арей** (Арес) — сын Зевса и Геры, бог войны.
- Арейон** — чудесный конь царя Адраста, спасший его после поражения похода семерых против Фив. Конь этот был рожден Деметрой и Посейдоном, принявшими образ коней.
- Арейфоой** — царь Арны, города в Беотии, всегда сражавшийся палицей и убитый в тесном ущелье, где он не мог размахивать своим оружием.
- Арет** — сын Нестора. Так же зовут и одного из сыновей Приама, убитого Автомедонтом.
- Аретуса** — название источника на Итаке.
- Ариадна** — дочь критского царя Миноса. Когда на Крит прибыл из Афин вместе с юношами, обреченными на съедение чудовищу с бычьей головой — Минотавр, царевич Тесей, Ариадна влюбилась в него. Минотавр находился в Лабиринте — дворце с таким количеством переходов, что из него невозможно было выбраться. Ариадна дала Тесею клубок ниток, которые тот разматывал, входя в Лабиринт. Убив Минотавра, Тесей легко выбрался из Лабиринта по размотанной нити (отсюда и наше выражение “нить Ариадны”). Тесей увез Ариадну, но, по велению богов, покинул ее спящую на острове Наксосе, так как ей суждено было стать супругой бога Диониса.
- Арисба** — город в Троянском царстве, близ Абидоса.
- Аркадия** — горная лесистая область в центральной части Пелопоннеса.
- Аркесий** — сын Зевса, отец Лазрта, дед Одиссея.
- Аркесиад** — сын Аркесия, Лазрт.
- Арктос** — созвездие Большой Медведицы. Само слово “арктос” значит медведица (отсюда “Арктика”, “арктический”). Миф, дошедший до нас в поэме древнеримского поэта Овидия “Метаморфозы” (“Превращения”), рассказывает о нимфе Каллисто, подруге и спутнице Артемиды. Все спутницы Артемиды должны были сохранять девственность, как и сама богиня; Каллисто же соблазнил Зевс. Когда Артемида узнала об этом, она превратила Каллисто в медведицу, а Зевс поместил ее в виде созвездия на небо.
- Арна** — город в Беотии.
- Артакийский ключ** — источник в стране лестригонов.
- Артемида** — вечно девственная богиня-охотница, дочь Латоны и Зевса, сестра Аполлона.

- Позже стала богиней луны и богиней, помогающей при родах. Как и ее брат, вооружена луком и стрелами.
- Аскалаф** — сын бога Арея и Астиохи, вождь беотийского племени минийцев, сражавшихся под Троей.
- Асклепий** — сын Аполлола, бог-врачеватель, культ которого был очень широко распространен в более позднюю эпоху. У Гомера Асклепий — еще не бог, а смертный, отец Махаона и Подалирия, врачей ахейского войска.
- Асоп** — река в Беотии, а также бог этой реки.
- Ассарак** — один из рода троянских царей, сын Троса, родоначальник младшей ветви, к которой принадлежали Анхиз и Эней.
- Астер** (буквально: “звезда”), — остров недалеко от Итаки.
- Ата** — дочь Зевса, богиня, помрачающая рассудок людей и толкающая их на гибель.
- Атлант** — титан, брат Прометея и отец нимфы Калипсо. За какие-то козни против богов обречен был, по гомеровскому варианту мифа, поддерживать столбы, подпирающие небосвод, а по другой версии — держать небо на своих плечах. Позже был превращен в гору, которая до сих пор носит его имя (хребет Атлас в Северной Африке).
- Атрей** — сын Пелопса (см. Тантал), отец Атридов — Агамемнона и Менелая. Враждуя со своим братом Фиестом (см.), Атрей совершил ужасное преступление: он умертвил детей Фиеста, приготовил из них трапезу и угостил ею брата, а затем пытался заставить оставшегося в живых сына Фиеста Эгиста убить отца. Атрей сам пал от руки Фиеста и Эгиста.
- Аттика** — область в Средней Греции со столицей Афины.
- Аттийский** — аттический.
- Афина Паллада** — дочь Зевса, родившаяся из его головы. Богиня-воительница, вечно девственная богиня мудрости, покровительница ткачества. Ее постоянный эпитет — “светлоокая”, точнее, “совоокая” — свидетельствует о том, что в глубочайшей древности богиню представляли в виде совы, которая позже стала ее священным животным.
- Афины** — главный город Аттики, с древнейших времен центр культа Афины Паллады. Начиная с V века до н.э. — центр культуры всей Греции.
- Афос** — гора Афон в восточной части материковой Греции.
- Афродита** — богиня любви и красоты; по одной версии мифа — дочь Зевса и Дионы, по другой — вышла из морской пены. По гомеровскому предположению (в “Одиссее”), она — жена Гефеста, по другим мифам — жена Ареса. Ее

- постоянные определения — Киприда и Киферея — происходят от названий двух важнейших мест ее культа островов Кипра и Киферы.
- Ахайя** — земля ахейцев.
- Ахейцы** (ахейяне) — одно из древнейших греческих племен, пришедшее с севера, завоевавшее исконное население — пеласгов и смешавшееся с ними. В “Илиаде” и “Одиссее” слово “ахейцы” служит самым частым обозначением всех греков в противоположность негрекам.
- Ахелой** — 1) река в Этолии; 2) река во Фригии, берущая начало на горе Сипил.
- Ахерон** — река в царстве мертвых, через которую должны были переправиться души умерших, чтобы попасть в Аид.
- Ахиллес** (Ахилл) — главный герой Троянской войны, сын морской богини Фетиды и Пелея, царя города Фтии в Фессалии. Величайший из греческих героев; он совершил под Троей множество подвигов, но на десятый год войны был убит стрелой Париса, которую Аполлон направил в единственное уязвимое место на теле Ахиллеса — в пятку (отсюда выражение “ахиллесова пята”).
- Аякс** — сын Оилея, царь локров и предводитель их под Троей (локеры — народ, живший в Средней Греции). При взятии Трои, пытаясь насильно увести Кассандру из храма Афины, навлек на себя гнев богини, которая бросила Зевсову молнию в его корабль, плывший из Трои, а самого Аякса Посейдон пригвоздил к скале.
- Аякс** — сын Теламона, царя Саламина и брата Пелея (отца Ахиллеса), самый сильный после Ахиллеса герой под Троей. После смерти Ахиллеса вступил с Одиссеем в спор за оружие погибшего героя, которое Фетида велела отдать тому, кто больше всех отличился при спасении тела Ахиллеса. Спор предоставили решить пленным троянцам, и они, по внушению Афины, решили его в пользу Одиссея. Обиженный Аякс впал в безумие и стал избивать скот ахейцев, думая, что убивает ахейских вождей. Придя в себя, он покончил самоубийством.
- Беллерофонт** — герой, победивший Химеру. Его история подробно рассказана в “Илиаде”, в песни шестой, стихах 155–195.
- Беотия** — область в Средней Греции.
- Борей** — северный ветер.
- Бриарей** — сторукий великан огромной силы, сын Геи-земли и Урана-неба.

Вакх — культовое имя Диониса, бога вина.

Ватиея — холм около Трои, считавшийся могильным курганом амазонки Мирины.

Воот — название созвездия близ Большой Медведицы (буквальный перевод — “волопас”), самая яркая звезда его — Арктур.

Вупрасий (Вупрас) — главный город эпейцев в Элиде.

Вупрасийцы — жители этого города.

Гализоны — народ, населявший Черноморское побережье Малой Азии.

Гаргар — одна из вершин Иды.

Ганимед — сын троянского царя Троса, которого Зевс за его красоту купил у отца, дав тому чудесных коней. По более поздним мифам, Ганимеда похитил орел Зевса и поднял его на Олимп. Там Ганимед получил бессмертие и стал виночерпием на пирах богов.

Гарпии (похитительницы) — духи вихря и смерти; по более поздним мифам — птицы с женскими головами и грудью, невидимо летавшие по воздуху и похищавшие людей.

Геба (Гебея) — дочь Зевса и Геры, вечно юное божество — олицетворение расцвета человеческой жизни, который на-

ступает, по мнению греков, после восемнадцати лет. Геба прислуживает богам во время пиров. После обожествления Геракла она была дана богами ему в жены.

Гекатомба — буквально “сто быков” — жертва богам в сто быков; позже это слово стало обозначать любое крупное жертвоприношение.

Гектор — сын Приама и Гекубы, главный защитник Трои.

Гекуба — жена Приама, мать девятнадцати его сыновей, в том числе Гектора и Париса, и многих дочерей, в том числе — Кассандры.

Гелен — прорицатель, сын Приама. После гибели Трои он стал рабом Неоптолема, сына Ахиллеса, а после смерти своего господина унаследовал часть его царства в Эпире и создал там “маленькую Трою”. Другой Гелен — ахейский воин, убитый Гектором.

Гелика — город на севере Пелопоннеса, в котором находилось крупное святилище Посейдона.

Гелиос (Гелий) — бог солнца, брат Эос-зари и Селены-луны, сын титана Гипериона.

Геллеспонт — пролив, отделяющий Малую Азию от Херсонеса Фракийского (теперь полуостров Галлиполи). ныне этот пролив называется Дарданеллы.

Гера — дочь Крона и Реи, сестра и жена Зевса, царица богов и

- богиня-покровительница браков.
- Геракл — любимейший герой греческой мифологии, сын Зевса и Алкмены. Преследуемый Герой, он благодаря ее проискам попал в услужение к трусливому и ничтожному Эврисфею, царю Микен, и по его поручению совершил двенадцать знаменитых подвигов. Геракл очистил землю от чудовищ, освободил Прометея, победил даже бога смерти. После смерти Геракл был взят на Олимп и стал богом. Отрицательные черты, сказавшиеся в рассказе об убийстве Ифита (“Одиссея”, песнь двадцать первая, стихи 25 и сл.), были внесены в образ Геракла из ненависти к завоевателям-дорянам, считавшим Геракла своим предком.
- Герест — высокий мыс на юге острова Эвбеи.
- Герм — река в Малой Азии.
- Гермес — сын Зевса и Майи, вестник богов, бог торговли и красноречия.
- Гермиона — 1) дочь Елены и Менелая, которую они выдали замуж за Нептолема, сына Ахиллеса; 2) город в Арголиде.
- Геронты — старейшины.
- Геспер — вечерняя звезда.
- Гестия — богиня домашнего очага.
- Гефест — сын Зевса и Геры, бог огня, бог-покровитель кузнечного ремесла и сам искусный кузнец; греки представляли Гефеста могучим, но некрасивым и хромым на обе ноги.
- Гея — земля, богиня земли.
- Гиady — созвездие, название которого обозначает “дождливые”.
- Гиганты — 1) змееногие огромные дети Геи, наделенные чудовищной силой. Мать дала им средство, сделавшее их неуязвимыми для богов, с которыми они вступили в битву за власть над миром. Боги не могли одолеть гигантов, и лишь призванный ими на помощь смертный Геракл своими стрелами уничтожил детей Земли, поверженных богами; 2) дикое племя, населявшее Эпир и истребленное Зевсом.
- Гигейское озеро — озеро в Малой Азии, в области Лидии, севернее реки Герм.
- Гида (Гиды) — город в Лидии.
- Гилл — приток Герма в Лидии.
- Гипересия — город на севере Пелопоннеса.
- Гиперея — источник в Фессалии.
- Гиперийская земля — то есть “запредельная” или “верхняя” земля — мифическая родина феакийцев, откуда они затем переселились на Схерию.
- Гиперион — буквально значит “высокоидущий” — титан, отец Гелиоса-солнца, Эос-за-

- ри и Селены-луны. В других случаях Гиперион — эпитет солнца.
- Гипподамия — жена Пирифоя, на свадьбе которой началась битва лапифов с кентаврами. Так же зовут дочь Анхиза, сестру Эпея.
- Гипполох — 1) сын Беллеронфонта, отец Главка; 2) сын троянца Антимаха, убитый Агамемноном.
- Гиппофоой — один из сыновей Приама. То же имя носит предводитель пеласгов под Троей.
- Гирейские скалы — поднимающиеся из воды скалы среди островов Греческого архипелага. Возле них погиб корабль Аякса, сына Оилея.
- Главк, сын Гипполоха — царь ликийцев, внук Беллеронфонта, один из храбрейших защитников Трои. Главком зовут и его предка, сына Сизифа и отца Беллеронфонта.
- Горгоны — крылатые чудовища со змеями вместо волос. Один взгляд на них обращал человека в камень. У Гомера упоминается одна Горгона — Медуза; она была смертной, и ее убил Персей.
- Гортина — крупный город на юге острова Крита.
- Горы (Оры) — богини времен года, стражи Олимпа, то открывающие, то закрывающие его облачные ворота.
- Данаи — племя, жившее в Арголиде. Их имя служит Гомеру одним из наименований всех греков вообще в противоположность негрекам.
- Даная — дочь аргосского царя Акрисия. Акрисию было предсказано, что сын его дочери убьет его. Чтобы не выдавать красавицу Данаю замуж, отец скрыл ее в подземных покоях, но Зевс, влюбившийся в нее, проник к ней в виде золотого дождя. От Зевса Даная родила Персея.
- Дардан — 1) сын Зевса, родоначальник троянских царей, общий предок Гектора и Энея; 2) троянец, убитый Ахиллесом.
- Дардания — древний город в Малой Азии, на берегу Геллеспонта, якобы основанный Дарданом. В историческое время этот город не существовал.
- Девкалион — сын критского царя Миноса, отец Идомея, который поэтому часто именуется в “Илиаде” Девкалид.
- Дедал — мифический афинский скульптор и мастер-изобретатель. Убив из зависти своего племянника, он бежал на Крит к Миносу, где построил Лабиринт (см. Ариадна). Минос не хотел отпускать Дедала, и тот бежал от него по воздуху, сделав из перьев и воска крылья. “Дедаловыми”

- назывались в классическую эпоху архаические статуи.
- Деифоб (Дейфоб)** — сын Приама, храбрый воин. После гибели Париса Елена была отдана ему в жены.
- Делос** — остров в Эгейском море; согласно мифу, он блуждал по волнам, пока Латона не родила на нем Аполлона и Артемиду. Делос был одним из важнейших центров культа Аполлона.
- Деметра** — дочь Крона и Реи, богиня плодородия и земледелия, мать Персефоны (см.).
- Демон** — так в переводах Гнедича и Жуковского передается греческое слово “даймон”, обозначающее “божественная сила”, или “божество”, в том случае, когда не указано точно, какой бог имеется в виду.
- Денница** — так Гнедич передает имя богини утренней зари Эос.
- Дий** — одно из имен Зевса.
- Диоклес** — сын Орсилоха, царь города Фер в Пелопоннесе.
- Диомед** — сын Тидея, один из величайших ахейских героев; до Троянской войны участвовал в “походе эпигонов” против Фив — походе, предпринятом сыновьями погибших под Фивами союзников Полиника.
- Диона** — мать Афродиты, древнейшее божество, культ которой в историческое время почти полностью исчез.
- Дионис** — сын Зевса и фиванской царевны Семены, бог вина и виноградной лозы, культ которого был связан с пьяным весельем и экстатически оргиями. В период создания гомеровских поэм греки еще не знали почитания Диониса, поэтому в “Одиссее” он встречается лишь в тех местах, которые считаются позднейшими вставками.
- Дия** — другое название острова Наксоса.
- Додона** — город в Эпире, где находился оракул Зевса.
- Долопы** — фессалийское греческое племя.
- Дриас** — один из лапифов, а также отец Ликурга.
- Дулихий** — остров, лежащий, по Гомеру, недалеко от Итаки. Неизвестно, какой именно из островов разумеет под этим названием поэт.
- Евмел (Эвмел)** — сын Адмета, царя Фер и Фессалии, и Алкесты, предводитель фессалийцев под Троей.
- Евпейт** — знатный итакиец, отец Антиноя.
- Евр (Эвр)** — восточный ветер.
- Еврибат (Эврибат)** — глашатай Одиссея, сопутствовавший ему в походе под Трою.
- Евримедонт (Эвримедон)** — 1) царь гигантов в Эпире; 2) возница Агамемнона; 3) слуга Нестора.

- Еврипил** — последний союзник троянцев, сын царя кетейцев Телефа и сестры Приама Астиохи, которая была подкуплена братом и поэтому послала сына под Троию, хотя и знала, что тот погибнет там.
- Еврит** (Эврит) — знаменитый стрелок из лука. Он получил лук в подарок от Аполлона, но потом возгордился и вызвал бога на состязание в стрельбе, за что и был убит им. Лук его перешел к Ифиту, а от него к Одиссею.
- Евритион** — кентавр, начавший буянить на свадьбе Пифоя (см. Пифой).
- Елена** — дочь Леды и Зевса, принявшего образ лебедя, — прекраснейшая из женщин Эллады. За нее сватались самые знаменитые герои, но ее “земной” отец Тиндар предоставил ей, по совету Одиссея, самой выбирать себе жениха и заставил остальных претендентов дать клятву, что они сохраняют дружбу и будут помогать мужу Елены. Елена выбрала Менелая, сына Атрея, который после смерти Тиндара стал царем в Спарте. Когда Парис, сын троянского царя Приама, с помощью Афродиты похитил Елену, Менелай собрал всех бывших женихов Елены и пошел с ними войной на Троию; так началась Троянская война.
- Елисейские поля** (иначе “Элизий”) — блаженная страна (или острова), куда боги переносят после смерти избранных героев.
- Ерехтей** — мифический древний царь Афин, потомок Земли.
- Закинф** — остров в Ионийском море близ берегов Элиды, южнее Итаки.
- Зам** — остров в Ионийском море, вероятно, Кефалления.
- Зевс** (Зевес, Дий) — сын Крона и Реи, свергнувший своего отца и захвативший власть над миром. Зевс — царь богов и людей, бог неба, грома и молнии, верховный блюститель справедливости, покровитель молящих и странников. В Трое особенно почитается Зевс Идейский, пребывающий на горе Иде и оттуда управляющий миром, “обладающий с Иды”, как часто называют его в “Илиаде”.
- Зелия** — владение Пандара, горю подножия Иды.
- Зефир** — западный ветер.
- Иардан** (Ярдан) — 1) река в Элиде, в Пелопоннесе; 2) река на Крите.
- Ид** — сын Афарет, двоюродный брат и сподвижник Кастора и Полидевка, вступивший с

- Аполлоном в бой за Марпису (*см.*). Поссорившись с братьями, Ид вступит с ними в борьбу и убил Кастора, но во время боя с Полидевом был испепелен молнией Зевса.
- Ида — высокая лесистая горная цепь в Малой Азии над Геллеспонтом, у подножья которой расположена Троя.
- Идей — вестник Приама.
- Идоменей — сын Девкалиона, царь критского города Кноса, предводитель критян в Троянской войне.
- Икарий — брат Тиндара, изгнанный из Спарты и обосновавшийся в Акарнании; отец Пенелопы.
- Икарийский понт — часть Средиземного моря у острова Самоса, названная так в честь Икара, сына Дедала, погибшего в этом месте во время бегства с Крита.
- Иксион — царь лапифов в Фессалии, земной отец Пирифоя, рожденного женой Иксиона от Зевса.
- Ил — сын Троса, отец Лаомедона, дед Приама, царь Трои, в честь которого она носит второе название: Илион.
- Илифии — богини родовых мук, вызывающие роды.
- Иней — царь города Калидона, отец Тидея и Мелеагра, дед Диомеда.
- Ино — *см.* Левкодея.
- Иолкос — приморский город в Фессалии, откуда вышли в плавание аргонавты.
- Ипподамия — другая форма имени Гипподамия (*см.*).
- Ипсипила — царица Лемноса; при ней лемносские женщины перебили за измену всех своих мужей. Когда на Лемнос прибыли аргонавты, они вступили во временный брак с лемнианками. От Ясона (*см.*) Ипсипила родила сына Эвнея.
- Ирида — богиня радуги, крылатая вестница богов.
- Исмар — славившаяся своим вином столица киконов во Фракии.
- Итак — герой, по имени которого был назван остров Итака.
- Итака — родина Одиссея, небольшой гористый остров в Ионийском море, недалеко от западных берегов Греции.
- Итилос — *см.* Аида.
- Ифианасса — дочь Агамемнона. Возможно что это имя — другая форма имени Ифигения. Ифигения была принесена в жертву в Авлиде, так как богиня Артемида долго не посылала ахейцам попутного ветра, чтобы они не могли отплыть в Трою, и потребовав смерти Ифигении в качестве искупительной жертвы (за убитую Агамемноном священную лань). Гомер полностью умалчивает об этом мифе и даже предпочитает другую форму имени Ифигении. Миф о жертвоприношении Ифигении мы знаем из трагедии Еврипида “Ифигения в Авлиде”.

- Ификл (Ификлес) — 1) царь города Филаки в Фессалии, владеец прекрасных стад, самый быстрый бегун среди людей; 2) смертный брат Геракла, помощник его во многих трудах.
- Ифимедея — жена Алоея, мать Отоса и Эфиальта.
- Ифит — сын Еврита, гость Одисея, подаривший ему знаменитый лук; был убит Гераклом.
- Ифтима — дочь Икария, сестра Пенелопы.
- Иялмен — второй сын бога Арея и Астиохи, вождь орхоменского войска под Троей.
- Кавконы — название двух племен: одно было соседом троянцев, другое обитало на западе Пелопоннеса.
- Кадм — сын финикийского царя Агенора и брат похищенной Зевсом Европы. Он был послан отцом на поиски сестры и, не найдя ее, по повелению дельфийского оракула, основал город на том месте, куда привела его встреченная возле храма корова. Город этот — Фивы в Беотии (Беотия и значит “коровья страна”).
- Каистр — река в Лидии.
- Калидон — город в Этолии, родина Мелеагра (см.).
- Калликолона — местность под Троей.
- Калхас — предсказатель ахейцев под Троей.
- Капаней — огромного роста силач, участник похода семерых против Фив, за надменность и нечестивость испепеленный Зевсом во время штурма фиванских стен.
- Кардамила — город в Мессении, в Пелопоннесе.
- Карияне — жители Карий, области на юго-западе Малой Азии.
- Кассандра — дочь Приама, прорицательница, получившая дар пророчества от Аполлона. Однако когда она отвергла его любовь, Аполлон сделал так, что люди перестали верить пророчествам Кассандры, хотя они и были всегда правдивы. Пленница Агамемнона, погибшая вместе с ним от рук Клитемнестры и Эгиста.
- Кастор и Полидевк — сыновья Леды, братья Елены. Полидевк был сыном Зевса и обрел бессмертием; Кастор — сын Тиндарея — был смертен. Братья были всегда неразлучны, вместе участвовали в походе аргонавтов, вместе совершали подвиги. Когда Кастор пал в схватке с Идом (см.), Полидевк добился у богов разрешения поделиться с ним бессмертием. С тех пор братья проводят один день на Олимпе, другой — в Аиде; им воздаются божеские почести.
- Кебрион — сын Приама.

- Кеней — один из воинов-лапифов.
- Керы — духи смерти, крылатые женские существа, реющие в воздухе и в момент смерти человека похищающие его душу.
- Кетейцы — племя в Малой Азии.
- Кефалления — группа островов, в которую входят Итака, Зам, Закинф, Дулихий.
- Кефисское озеро — озеро в Беотии.
- Кидоны — критское племя, жившее на северо-западе острова.
- Киконы — фракийское племя.
- Килла — неизвестный нам остров или город неподалеку от Трои.
- Киллена — гора в Аркадии, где родился Гермес; поэтому Киллений (килленский) — постоянное определение этого бога.
- Киммерияне (киммерийцы) — мифическое племя, живущее далеко на севере, в стране, вечно покрытой мраком.
- Кинирас — древнейший мифический царь Кипра, учредивший на этом острове культ Афродиты.
- Кипр — остров на востоке Средиземного моря, где в городе Пафосе находился самый знаменитый храм Афродиты.
- Киприда — прозвище Афродиты, которая, по преданию, выйдя из морской пены, впервые ступила на землю на Кипре.
- Киссей — отец Феано.
- Кифера — остров близ берегов Пелопоннеса, известный храмом Афродиты, прозванным, по названию острова, Киферей.
- Клеопатра — дочь Ида и Марписсы, жена Мелеагра.
- Климена — 1) мать царя лапифов Пирифоя, попавшая в рабство к Елене и уплывшая с нею в Троию; 2) мать царя Филаки Ификла.
- Клит — 1) сын Приама; 2) возница Полидамаса; 3) сын Мангия; в него влюбилась Эос, похитила его и даровала ему бессмертие.
- Клитемнестра — дочь Леды и Тиндарея, жена Агамемнона (см. Агамемнон и Орест).
- Клитий — брат Приама, отец Калетора, убитого Аяком у кораблей.
- Кнос — город на Крите, столица мифического царя Миноса.
- Копрей — вестник, передававший Гераклу приказы Эврисфея, который из трусости предпочитал не встречаться с героем.
- Коракса утес — “утес ворона”, на берегу Итаки. Древний комментатор говорит, что Кораксом звали сына Аретусы, нимфы источника на Итаке.
- Коринф — крупный город на севере Пелопоннеса у самого Истимийского перешейка, соединяющего Пелопоннес с остальной частью Балканского полуострова.

- Коцит — одна из рек царства Аида, приток Стикса.
- Кратейя — воплощение силы, мать Сциллы (Скиллы).
- Креон — царь Беотийских Фив, брат Эпикасты.
- Крефей — сын Эола, царь Фесалии.
- Крит — большой остров в Средиземном море, центр древнейшей греческой цивилизации, существовавший задолго до эпохи Гомера.
- Крон — отец Зевса. По мифам, над миром сперва царствовал Уран-небо, которому Гея-земля родила детей титанов. Один из них, Крон, сверг отца и воцарился над миром; при нем наступил золотой век. Но Крон боялся, что кто-нибудь из его детей, рожденных ему Реей, свергнет его, и поэтому проглатывал их одного за другим. Так проглотил он Гестию — богиню домашнего очага, Геру, Деметру, Аида и Посейдона. Рея, не желая, лишаться последнего ребенка, родила его в глубокой пещере на Крите и скрыла там, а Крону дала проглотить камень. Спасенный ребенок и был Зевс. Выросши, Зевс сверг отца, освободил из его чрева братьев и сестер и воцарился над миром, а Крона и восставших на его защиту титанов заключил в Тартар.
- Кронион — “сын Крона”, то есть Зевс.
- Круны — местность на юго-западе Пелопоннеса.
- Ксанф — река под Троей, которая называется также Скамандром. Само слово “ксанф” обозначает “рыжий, бурый” и потому часто служит кличкой лошади: так зовут коней Ахиллеса и Гектора. Так же зовут троянского воина, убитого Диомедом.
- Ктимена — младшая сестра Одиссея, жившая с мужем на соседнем с Итакой острове Запе.
- Куреты — племя жившее неподалеку от города Калидона.
- Лакедемон — область на юго-востоке Пелопоннеса, со столицей Спарта, владение царя Менелая.
- Лаодамия — дочь Беллерофонта.
- Лаодика — дочь Приама и Гекубы. Так же зовут одну из дочерей Агамемнона, которая позже была отождествлена с Электрой.
- Лаомедон — царь Трои, отец Приама.
- Лапифы — легендарный народ, живший в Фессалии.
- Лариса — город близ Трои.
- Латона (Летó, Лета) — богиня, родившая от Зевса Аполлона и Артемиду.
- Лазэрт — отец Одиссея, в молодости — участник калидонской охоты и похода аргонавтов.

- Левкада (от слова “левкос” — белый) — мифическая “белая скала” на крайнем западе, у входа в царство Аида.
- Левкодея — морская “белая” богиня, божество пенистых волн. Она была смертной женщиной Ино, дочерью Кадма и сестрой Семелы, матери Диониса. Гера, ненавидевшая из-за Семелы, любимой Зевсом, всю ее родню, наслала на Ино безумие, и та бросилась в море с маленьким сыном Миликертом на руках. Боги превратили ее в морскую богиню, а сына ее — в морского бога Палемона, пастуха дельфинов.
- Леда — дочь царя Этолии Тестия, жена Тиндара; родила от него Клитемнестру и Кастора, а от Зевса — Елену и Полидевка.
- Лект — горный мыс в Малой Азии, лежащий напротив острова Лесбоса.
- Лелеги — древнейшая народность, населявшая Балканский полуостров до прихода ахейцев; по Гомеру они жили в Малой Азии близ Иды.
- Лемн (Лемнос) — остров в Эгейском море, где, согласно мифам, находилась кузница Гефеста (см. также И п с и п л а).
- Лесбос — остров в Эгейском море.
- Лестригоны — мифический народ великанов и людоедов.
- Ливия — северо-западная часть Африки.
- Ликаон — отец Пандара, ликийский царь. Так же зовут сына Приама, которого Ахиллес взял в плен и продал, а затем, когда тот вернулся в Троию, убил.
- Ликия — так в “Илиаде” называются две области — на юге Малой Азии и у подножья Иды, близ Трои; из этой Ликии происходят Ликаон и Пандар.
- Ликияне — жители Ликии.
- Ликомед — предводитель беотийцев под Троей.
- Ликург — 1) фракийский царь. Миф о нем см.: “Илиада”, песнь шестая, стихи 130–140; 2) царь Аркадии, победитель Арейфооя.
- Лирнесс — союзный с Троей город в Малой Азии.
- Локры — народ, живший в Средней Греции.
- Лотофаги — мифический народ, питающийся лотосом (буквальный перевод — “поедатели лотоса”).
- Магнеты — фессалийское племя, жившее близ города Магнесии на востоке страны.
- Майя — нимфа, дочь Атланта, возлюбленная Зевса, родившая от него Гермеса.
- Малея — гористый мыс на юге Пелопоннеса.
- Мантий — сын Мелампа; его имя значит “предсказатель”.
- Марафон — городок на побережье Аттики, где в V веке до

- н.э. греки наголову разбили персов.
- Марписса — жена Ида, мать Клеопатры (см. о ней прим. к “Илиаде”, песнь девятая, стихи 559–560).
- Махаон — сын Асклепия, врач ахейского войска под Троей.
- Меандр — река в Малой Азии, орошающая Ионию и Фригию.
- Мегапент — сын Менелая от рабыни.
- Мегара — жена Геракла; своих детей от Мегары Геракл убил в припадке безумия, которое наслала на него Гера.
- Медонт (Медон) — 1) итакиец, вестник (глашатай) Одиссея, в его отсутствие вынужденный прислуживать женихам, но преданный Телемаху и Пенелопе; 2) сын Оилея, сводный брат Аякса; 3) ликиец, сопровождавший Гектора.
- Мекестий (Мекистей) — царь Аргоса, отец Эвриала. Другой Мекистей — ахейский воин, убитый Полидамасом.
- Меламп (правильнее “Мелампод” — “черноногий”) — знаменитый прорицатель, родоначальник целого поколения провидцев. О его роли в сватовстве его брата Бианта см. прим. к “Одиссее”, песнь одиннадцатая, стих 291.
- Мелеагр — сын Инея, царя Калидона. Когда он родился, матери его Алфее явились богини судьбы и сказали, что ее сын умрет, когда догорит головня в очаге. Алфея вынула головню и спрятала ее в ларец. Когда Мелеагр стал взрослым, он возглавил охоту на страшного кабана, которого Артемида наслала на калидонские земли за то, что Иней не принес ей жертв во время праздника сбора плодов. Когда кабан был убит, из-за его шкуры и головы началась распря между Мелеагром и куретами, братьями его матери. Распря перешла в войну, и куреты осадили Калидон. В битве Мелеагр убил одного из братьев Алфеи. Алфея прокляла за это сына. Узнав об этом, Мелеагр в обиду удалился из битвы; и лишь когда куреты уже врывались в город, внял мольбам своей жены Клеопатры, снова вступил в бой и отразил куретов. Однако Алфея не простила сыну гибели брата; она достала из ларца заветную головню и сожгла ее; когда головня догорела, Мелеагр умер.
- Мемнон — царь эфиопов, сын богини Эос. На десятый год войны пришел в Трою на помощь Приаму. Мемнон был богатырем огромной силы, его доспехи, как у Ахиллеса, были выкованы Гефестом. Он убил многих ахейцев, в том числе Антилоха (см.). Лишь после этого его самого убил Ахиллес, который знал, что после поединка с Мемноном ему недолго останется

- жить, и поэтому избегав сражаться с царем эфиопов. Эпизод о царе эфиопов ни в “Илиаду”, ни в “Одиссею” не вошел, он известен нам по изложению недошедшей поэмы “Эфиопида” — продолжения “Илиады”.
- Менада** — буквально значит: “одержимая, безумная”; так называли женщин, участвовавших в празднествах бога вина Диониса и впадавших в “священное” исступление.
- Менелай** — сын Атрея, брат Агамемнона, муж Елены (см. Елена).
- Менесфей** — 1) сын Петей, предводитель афинских войск под Троей. Менесфей правил в Афинах, после того как свергнул великого афинского героя Тесея; 2) сын Арейфооя, убитый Парисом; 3) один из предводителей мирмидонян сын речного бога Сперхия и Полидоры, дочери Пелея.
- Менетий** — один из аргонавтов, отец Патрокла, который по имени отца часто называется в “Илиаде” Менетиад, Менетид.
- Ментес** — тафийский царь, связаный с Одиссеем узами гостеприимства.
- Ментор** — сын Алкима, сверстник Одиссея и его ближайший друг в Итаке. Приняв его образ, Афина опекает и наставляет Телемаха во время его поездки по Греции; по этому слово “ментор” стало нарицательным для обозначения авторитетного наставника.
- Меония** — древнее название Лидии.
- Меоны, мерняне** — лидийцы.
- Мерион** — сын Мола, критянин, сподвижник и помощник Идоменея.
- Мессеис** — название родника, возможно, мифического; древние считали, что он находится в балканской Греции, но спорили, в какой именно области.
- Мессена** — главный город Мессении, области в Пелопоннесе.
- Мигдон** — фригийский царь.
- Мизы (мизяне)** — жители Мизии. Словом “Мизия” Гнедич передает название двух разных областей: собственно Мизии в Малой Азии и Мёзии на севере европейской Греции, во Фракии.
- Микал** — мыс в Малой Азии, против острова Самос.
- Микена** — героиня, в честь которой были названы Микены.
- Микены** — в эпоху Гомера главный город Аргολиды, столица царства Агамемнона.
- Милет** — 1) город на Крите; 2) большой город в Малой Азии, колония Милета критского.
- Мимант** — гора на Малоазиатском побережье.
- Минес** — царевич города Лирнесса, муж Брисеиды, уби-

- тый Ахиллесом при взятии Лирнесса.
- Минос** — сын Зевса и финикийской царевны Европы, которую похитил Зевс, приняв образ быка. Минос отличался чрезвычайной мудростью и справедливостью, за что после смерти был сделан судьей в царстве мертвых. Минос — дед Идоменей, вождя критян под Троей.
- Мирина** — амазонка, могильный холм которой находится у стен Трои. Никаких мифов о ней мы не знаем.
- Мирмидоняне** (мирмидоны, мирмидонцы) — племя, жившее во Фтиотиде, в Фессалии, во владениях Пелея и Ахиллеса. Согласно мифу, Эак, дед Ахиллеса, потерял во время мора, насланного Герой, весь свой народ; но по его просьбе отец его Зевс превратил в людей муравьев, и поэтому новый народ стал называться “мирмидоны” (“мирмекс” по-гречески значит “муравей”).
- Мойры** — богини судьбы. Гомер знает одну Мойру — неотвратимый рок. По более поздним мифам, их три: Клото прядет нить жизни; Лахесис вынимает не глядя, жребий, выпавший человеку; Атропос обрезает нить жизни.
- Молионы** — сыновья близнецы Актора — Акториды.
- Муза** — богиня пения, музыки, пляски, поэзии. Традицион-
- ное число Муз — девять; живут они на горе Парнас, и каждая Муза является покровительницей определенного вида искусства. Отец Муз — Зевс, мать — Мнемозина, богиня памяти. Гомер чаще всего говорит об одной Музе, которая знает все и от которой все узнает вдохновляемый ею певец.
- Навсифой** — царь феакийцев, сын Посейдона, отец Алкиноя; в его царствование феакийцы переселились на Схерию из Гиперии. Имя его значит “быстрый корабельщик”.
- Наяды** — нимфы источников и рек.
- Неера** — дочь Океана, возлюбленная Гелиоса-солнца, родившая ему дочерей Фаэтусу и Лампетию.
- Нейон** — отрог горы Нериона на Итаке.
- Нелей** — сын Посейдона, царь Пилоса, отец Нестора.
- Неоптолем** — сын Ахиллеса. По преданию, мать Ахиллеса Фетида, зная, что он погибнет в Троянской войне, скрыла его в женском платье в доме царя острова Скироса Ликомеда, среди его дочерей. Одну из них, Дайдамию, Ахиллес полюбил, и она родила после его отъезда под Трою Неоптолема. После гибели отца Нео-

- птолем был привезен под Троию Одиссеем и Диомедом и храбро сражался в войске ахейцев. При взятии Трои он проявил крайнюю жестокость, убив многих детей Приама и, наконец, его самого.
- Нерей** — “морской старец”, сын Понта-моря и Геи-земли.
- Нереиды** — морские нимфы, пятьдесят дочерей Нерея. Нереидой была и мать Ахиллеса Фетида.
- Нерикон** — город на острове Левкада.
- Нерит (Нерион)** — лесистая гора на Итаке, также — герой, в честь которого она была названа.
- Нестор** — старейший среди ахейских вождей, принимавших участие в походе под Троию, сын Нелея, царь Пилоса. Отличался мудростью и красноречием.
- Нимфы** — низшие божества, олицетворяющие силы природы. Они живут в лесах (дриады), горах (ореады), источниках и реках (наяды) и т. д. Нимф греки представляли в виде прекрасных молодых женщин.
- Ниоба** — дочь царя Тантала, жена фиванского царя Амфиона. Она родила шестерых дочерей и шестерых сыновей. Гордая своими детьми, она отказалась принести жертву Латоне, матери Аполлона и Артемиды, говоря, что у Латоны всего двое де-
- тей. Разгневанная Латона просила Аполлона и Артемиду наказать царицу, и боги своими стрелами перебили всех детей Ниобы; Амфион был не в силах перенести горе и покончил с собой, а Ниобу боги, сжалившись, над нею, перенесли на родину в Лидию, на гору Сипил, и там превратили в камень. Но вечно бежит из этого камня источник прозрачной воды, потому что, и став камнем, Ниоба все еще оплакивает погибших детей.
- Нот** — южный ветер.
- Огигия** — мифический остров на дальнем западе, на котором живет Калипсо. Возможно, что Огигия — не название, а эпитет острова, обозначающий “древний”, “первозданный” (Огиг — мифический, очень древний царь; выражение “в Огигиев век” — вроде нашего “при царе Горохе”).
- Оиклей** — один из потомков прорицателя Мелампа, отец Амфиарая.
- Оилей** — царь Локриды, отец “быстроногого” Аякса.
- Океан** — 1) река, вечно бегущая по кругу и обтекающая земной диск. За Океаном находится потусторонний мир; 2) бог Океан — титан, сын Урана-неба и Геи-земли, брат Крона.

- Олимп — мифическая гора, место пребывания бессмертных богов. Олимп отождествлялся с высокой горой в Фессалии.
- Опунт — главный город Локриды, родина Патрокла.
- Оракул — храм бога, в котором жрецы предсказывали будущее и давали ответы на затруднительные вопросы обращающихся к оракулу людей. Иногда слово “оракул” обозначает и сам ответ жрецов-гадателей. Наибольшей известностью пользовался в Греции Пифийский оракул бога Аполлона в городе Дельфы.
- Орест — сын Агамемнона и Клитемнестры. После гибели отца он воспитывался на чужбине и, возмужав, отомстил матери и Эгисту за смерть отца, но затем сам подвергнулся преследованию Эриний. Лишь Аполлон и Афина оправдали его и избавили от мучительных припадков безумия, насылаемых Эриниями.
- Орион — беотийский великан охотник, возлюбленный богини зари Эос, убитый стрелой Артемиды. Его именем названо созвездие.
- Ортигия — мифический остров, связанный с культом Артемиды.
- Орхомен — город в Беотии. Он назывался мининским по имени греческого племени минийцев, в отличие от другого Орхомена, расположенного в Аркадии.
- Оры — см. Горы.
- Осса — 1) гора в Фессалии, близ Олимпа; 2) олицетворение молвы.
- Острые острова — торчащие из воды скалы у западных берегов Пелопоннеса.
- Отос и Эфиальтес — дети Ифимедеи и Алоя (по другим вариантам мифа, Ифимедея родила их от Посейдона). Достигнув девяти лет, они отличались чудовищным ростом и силой; братья заключили в темницу Ароя, и только Гермесу удалось освободить его. Отос и Эфиальтес грозились взгромоздить Пелион на Оссу и взойти на Олимп. Чтобы им не удалось сделать это, Аполлон убил их своими стрелами.
- Пазифея — одна из Харит.
- Пандар — 1) царевич из Ликии, искусный лучник, сражающийся в войсках троянцев; 2) милетянин, похитивший золотого пса из святилища Зевса на Крите. За это боги предали его и его жену преждевременной смерти. Их дочери Клеотера и Мерена были взяты на небо и воспитаны богами; однако когда они выросли и настала пора выдать их замуж, Зевс убил их за грех отца.
- Панопея (Паноп) — город в Фокиде.

Пантой — жрец Аполлона в Трое; в молодости был похищен из Дельф и привезен в Трою Антенором.

Парис — сын Приама и Гекубы; перед его рождением Гекуба увидела во сне, что родила горящую головню, от которой сгорела Троя. Это было сочтено знамением, и новорожденный был брошен на Иде, где его, однако, выкормила медведица, а потом воспитали пастухи. К нему обратились три богини, спорившие о золотом яблоке. После того как Парис отдал предпочтение Афродите, та вернула его в Трою и помогла похитить Елену.

Парки — неточно применяемое Гнедичем и Жуковским римское название богинь судьбы Мойр.

Парнас — лесистая гора в Аркадии, где Одиссей был ранен вепрем. По более поздним мифам, на Парнасе жили Музы, поэтому еще в древности Парнас стал символом поэзии.

Патрокл — ближайший друг Ахиллеса, последовавший за ним под Трою и павший от руки Гектора.

Пафлагония — область на севере Малой Азии, на Черноморском ее побережье.

Пафос — город на Крите, в котором находился знаменитый храм Афродиты.

Пean — благодарственное пес-

нопение, посвященное богу, чаще всего Аполлону; так же звучит имя древнейшего бога врачевания, целителя богов.

Педас — 1) город в Пелопоннесе, у Мессенской бухты; 2) город в Троеде, разрушенный Ахиллесом; 3) конь Ахиллеса, захваченный им при разгроме малоазиатских Фив.

Пеласги — древнейшее население Греции, жившее там еще до прихода ахейцев.

Пелей — сын Эака, царь мирмидонян. Ему в жены отдали дочь морского старца Нерея Фетиду. На их свадьбе присутствовали все боги, кроме богини раздора Эриды. Обидевшись, Эрида бросила на стол во время свадьбы золотое яблоко с надписью “прекраснейшей”. Из-за этого яблока поспорили три богини: Гера, Афина и Афродита. Сын троянского царя Парис, к которому они обратились за решением, отдал предпочтение Афродите, обещавшей ему любовь самой красивой женщины. Исполняя это обещание, богиня помогла Парису похитить Елену, из-за чего началась Троянская война. У Пелея и Фетиды родился Ахиллес (или Пелид, то есть сын Пелея).

Пелиас (Пелий) — сын Посейдона и Тирó. Лишив своего брата Эсона престола, он стал царем Иолкоса; когда же

- сын Эсона Ясон потребовал у Пелиаса вернуть власть, тот послал его в Колхиду за золотым руном (поход аргонавтов).
- Пелион — гора в Фессалии, недалеко от Олимпа.
- Пелопоннес — полуостров, южная часть Балканского полуострова.
- Пелопс — сын царя Тантала, внук Зевса, изгнанный из родного города Сипила троянским царем Илом и приплывший в ту область Греции, которая по его имени была названа Пелопоннесом (островом Пелопса). Здесь он путем преступлений женился на Гипподамии, дочери царя Писы Эномая, и сам воцарился в этом городе. Но своими преступлениями он навлек на себя проклятие, тяготевшее над всем его родом; его детьми были Фиест и Атреп, которые, враждуя друг с другом, совершили чудовищные злодеяния. Сыном Фиеста был Эгист, убивший сына Атрея Агамемнона и сам павший от руки сына Агамемнона Ореста. Так во вражде и кровавых драмах выразилось проклятие, тяготевшее над Пелопсом и его родом.
- Пеней — река в Фессалии.
- Пенелопа — дочь Икария, жена Одиссея.
- Пеоны — жители Пеонии, области на севере Греции, где позже находилась Македония.
- Пера — дочь пилоского царя Нелея, сестра Нестора. К ней сватался Биант, брат прорицателя Мелампа, но Нелей объявил, что отдаст дочь тому, кто приведет коров царя Филаки Ификла. Коров этих достал Меламп (см. прим. к “Одиссее”, песнь одиннадцатая, стих 291).
- Пергам — название троянского акрополя.
- Перифет — ахеец из Микен, сын вестника Эврисфея Копрея.
- Перкозийский — родом из города Перкоты, находившегося близ Геллеспонта, к северу от Трои.
- Перса — Океанида (дочь Океана), жена Гелиоса, мать Цирцеи и царя Колхиды Ээта.
- Персей — сын Зевса и Данаи (см.), герой, отрубивший голову Горгоне-Медузе и освободивший царевну Андромеду, которую должно было сожрать морское чудовище. Персей был предком Геракла.
- Персефона — дочь Зевса и Деметры. Ее похитил Аид и взял в жены; Деметра искала ее по всей земле, предаваясь безутешной скорби; в это время земля была бесплодна, ничто не всходило на засеянных полях. Чтобы успокоить Деметру, Зевс решил, что Персефона будет полгода проводить на Олимпе, полгода — в Аиде. Миф о Персефоне символизирует умирание

- природы зимой и ее воскресение весной.
- Петей – отец Менесфея.
- Пиерия – область на севере Греции, в Македонии.
- Пилос – 1) столица владений Нестора, приморский город на юго-западе Пелопоннеса; 2) город в Элиде, к югу от Алфея.
- Пирей – итакиец, друг и спутник Телемаха.
- Пирифлегетон – огненная река в царстве Аида.
- Пирифой – царь мифического фессалийского народа лапифов, друг и соратник Тесея. На его свадьбе пьяные кентавры набросились на лапифских женщин, из-за чего началось побоище кентавров с лапифами, в котором принял участие и Нестор. Вместе с Тесеем Пирифой спустился в царство Аида, чтобы похитить Персефону; но оба героя приросли к чудесным сиденьям, на которые их усадил Аид. Тесея освободил Геракл, пришедший в царство мертвых за Цербером, а Пирифой так и остался в Аиде.
- Пифий – прозвище Аполлона, образовавшееся от названия Пифийской храма этого бога в Дельфах.
- Плак – гора в Малой Азии.
- Платея – город в Беотии.
- Плеврон – город в Этолии.
- Подалир – сын Асклепия, врач ахейского войска.
- Подарга – гарпия, родившая от Зефира коней Ахиллеса, Ксанфа и Балия.
- Подаркес – предводитель войска фессалийцев из Филаки, брат Протесилая.
- Полиб – 1) богатый египтянин, принимавший у себя в доме Менелая и Елену во время их странствий; 2) троянец, сын Антенора; 3) один из женихов Пенелопы.
- Полидамас – троянский герой, сражающийся часто вместе с Гектором.
- Полидевк – см. Кастор и Полидевк.
- Полидор – младший сын Приама.
- Поликтор – древний герой Итаки.
- Полиник – сын Эдипа, изгнанный из Фив своим братом Этеоклом и собравший в поход против Фив коалицию царей. Этот “поход семерых” окончился неудачно: Полиник и Этеокл убили друг друга в поединке, а все союзники Полиника погибли, за исключением одного Адраста.
- Полипет – сын Пирифоя, один из вождей фессалийских войск под Троей.
- Полит – 1) сын Приама; 2) спутник Одиссея.
- Полифейд – прорицатель из рода Мелампа.
- Полифем – 1) воин из войска лапифов; 2) циклоп.
- Понтоной – глашатай в городе феакийцев.

- Посейдон (Посейдаон) — бог морей, сын Кроноса и Реи, брат Зевса.
- Прет — царь Тиринфа, изгнанный Беллерофонтом и замысливший погубить его.
- Приам — царь Трои, глубокий старец, отец пятидесяти сыновей и пятидесяти дочерей; в их числе — Парис, Гектор, Деифоб, Кассандра.
- Прокрида — дочь первого афинского царя Ерехтея, жена охотника Кефала, случайно погибшая от руки мужа: ревнуя Кефала, она следила за ним на охоте и пряталась в кустах; решив, что в кустах прячется лань, Кефал поразил ее своим волшебным дротиком, не звавшим промаха.
- Протей — морское божество, обладающее даром пророчества и способностью превращаться в любой предмет.
- Протесилай — юный сын Ификла, предводитель фессалийцев из Филаки. Когда греки прибыли под Трою, Протесилай первым соскочил с корабля на троянскую землю и тотчас пал от руки Гектора.
- Псира — небольшой остров в Эгейском море.
- Радамант — сын Зевса и Европы, брат Миноса; за его справедливость боги даровали ему после смерти вечное блаженство и право судить мертвых.
- Рез — фракийский царь, союзник троянцев.
- Ретра — бухта на Итаке.
- Рея — дочь Урана-неба и Геи-земли, сестра и жена Крона (см.).
- Родос — большой остров, лежащий против юго-западного побережья Малой Азии.
- Саламин — остров у берегов Аттики, родина Теламона, отца Аякса и Тевкра.
- Салмоней — царь в Фессалии, сын Эола, отец Тирó. Он выдавал себя за Зевса, разезжая на колеснице и подражая молниям при помощи факелов, а грому — при помощи металлического листа. За это он был убит Зевсом.
- Сам — остров близ берегов Фракии (Самофракия).
- Самос — остров у берегов Малой Азии, центр культа Геры.
- Сангарий — река в Малой Азии, впадающая в Черное море.
- Сарпедон — сын Зевса и дочери Беллерофонты Лаодамии, ликийский царь, павший под Троей как союзник троянцев.
- Селена — луна.
- Селлы — жрецы-предсказатели оракула Зевса в Додоне, предсказывавшие будущее по шелесту листьев священного дуба или по пению птиц на нем.

Семела — дочь Кадма, родившая от Зевса бога вина Диониса.

Сестос — город на западном берегу Геллеспонта, расположенный против Абида.

Сидон — крупный торговый город в Финикии. Сидония — Финикия. Сидоняне — финикийцы.

Сизиф — хитрый царь Коринфа, которому удалось сковать самое Смерть, когда она пришла за ним. За свои преступления против богов должен был в царстве Аида вечно катить в гору тяжелый камень, который перед самой вершиной срывается и падает вниз (отсюда выражение “сизифов труд”).

Сикания — Сицилия.

Сикелы — древнейшее население Сицилии.

Сикион — город на севере Пелопоннеса.

Симоис — река под Троей, приток Скамандра.

Синтии (синтийцы) — мифические жители острова Лемноса.

Сипил — гора в Лидии.

Сира — сказочный остров.

Скамандр — река под Троей, впадающая в Геллеспонт.

Скейские ворота — ворота в западной стене Трои.

Скирос — остров в Эгейском море. У царя Скироса Ликомеда Фетида спасала от войны Ахиллеса, переодетого в женское платье. Однако Одиссей разоблачил обман: приехав

на Скирос под видом купца, он разложил множество товаров, привлекательных для женщин, а среди этих товаров — набор оружия. В то время как дочери Ликомеда, среди которых находился переодетый Ахиллес, осматривали драгоценности и ткани, юноша смотрел лишь на оружие. В это время товарищи Одиссея подняли перед дворцом ложную тревогу; царевны разбежались, а Ахиллес, схватившись за меч, бросился навстречу мнимой опасности. Этим он выдал себя и вскоре должен был уехать с Одиссеем на войну.

Сминфей — культовое прозвище Аполлона, обозначающее “истребитель полевых мышей”.

Солимы — народ, живший на юге Малой Азии; в их стране находятся Солимские высоты.

Спарта — город в Пелопоннесе, столица царя Менелая.

Стентор — глашатай ахейцев, славившийся своим громовым голосом.

Суний — мыс в Аттике.

Сфенел — участник Троянской войны, сын Капанея, друг Диомеда. Так же звали сына Персея и Андромеды, отца Эврисфея.

Схерия — остров, на котором живут феакийцы; одни исследователи считают его мифическим, другие отождествля-

- ют с современным островом Корфу.
- Тайгет — горный хребет в Пелопоннесе, заросший густым лесом.
- Талай (Талайон) — аргосский царь, отец главного участника “похода семерых” против Фив — Адраста, дед Эвриала.
- Талфибий — вестник Агамемнона, позже — воспитатель его сына Ореста.
- Тантал — сын Зевса, царь малоазиатского города Сипила, хитрый и жадный человек. Пользуясь расположением богов, он выкрадывал с их трапез нектар и амброзию, разглашал их тайны. Однажды, желая испытать их всеведение, Тантал подал им во время трапезы мясо своего сына Пелопса. Боги воскресили юношу, а Тантала обрели на вечные муки в Аиде.
- Тайфийцы — племя, жившее в Акарнании, области, расположенной на западном берегу полуострова, против Итаки.
- Тевкр — побочный сын Теламона, сводный брат Аякса, искусный стрелок из лука.
- Теламон — царь острова Саламина, сын Эака и брат Пелея, отец Аякса и Тевкра.
- Телем — старый циклоп-предсказатель.
- Телемах — сын Одиссея, оставленный им на Итаке еще в младенческом возрасте. Имя его значит “сражающийся далеко”.
- Темеса — город в южной Италии.
- Тенедос — небольшой остров близ берегов Трои; на нем скрылись ахейцы, когда обманно отплыли от Трои, оставив засаду в деревянном коне.
- Терсит — самый безобразный и дерзкий воин в греческом войске.
- Тесей — аттический герой, совершивший много подвигов, очистивший, подобно Гераклу, родную землю от чудовищ и разбойников. Тесей считался сыном Посейдона и Эфры, жены афинского царя Эгея, и сам был царем в Афинах. О нем — см. также Ариадна и Пифою.
- Тетфиса — дочь Урана и Гейи, жена Океана.
- Тидей — сын Инея, отец царя Аргоса, Диомеда. Он принимал участие в “походе семерых” против Фив и погиб при неудачном штурме города в тот самый момент, когда покровительствовавшая ему Афина добилась для него бессмертия. По имени отца Диомед часто называется в “Илиаде” Тидид или Тидейон.
- Тиндар (Тиндарей) — царь Спарты, муж Леды. О нем — см. Леда и Елена.
- Тиресий — знаменитый слепой прорицатель, живший в Фивах.

- Тиринф — древнейший город в Арголиде, в Пелопоннесе.
- Тирó — дочь Салмоней, жена фессалийского царя Крефея. От Посейдона она родила Пелиаса (см.) и Нелея (см.), отца Нестора, от мужа — Эсона (см. Ясон), Ферета и Амифаона.
- Титаны — дети Урана и Геи, братья Крона. Когда Крон был свергнут Зевсом, титаны встали на защиту брата, но были побеждены младшими богами и заключены в Тартар.
- Титий — сын Геи, свирепый великан. Он силой пытался овладеть Латоной и за это был убит Аполлоном и Артемидой; и в царстве Аида он продолжает терпеть страшные муки.
- Тифон — возлюбленный богини зари Эос, сын Лаомедона, брат Приама, отец Мемнона. Эос похитила Тифона на небо, где он получил бессмертие.
- Тлиподем — 1) сын Геракла, участвовавший в Троянской войне; 2) троянец, убитый Патролом.
- Тмол — гора в Лидии.
- Тринакрия — другое название Сицилии (“трехконечная”). С Тринакрией позже был отождествлен мифический остров Тринакия, где паслись стада Гелиоса.
- Тритогена (Тритония) — неясный по смыслу эпитет Афины.
- Троада — область в Малой Азии вокруг Трои.
- Троил — младший сын Приама, убитый в первый год Троянской войны Ахиллесом.
- Трос — родоначальник троянских царей, по имени которого была названа Троя, так же зовут троянца, убитого Ахиллесом.
- Троя — город в Малой Азии у реки Скамандра. В Трою Парис увез Елену; по этой причине город подвергся нападению союзного войска ахейцев и после десятилетней осады был взят при помощи хитрости с деревянным конем и разрушен.
- Уран — небо; бог неба, супруг Геи-земли, отец титанов и первый царь вселенной, свергнутый Кроносом.
- Фамир — мифический певец и кифаред из Фракии, осмелившийся вызвать Муз на состязание в пении и за это ослепленный ими.
- Фарос — остров в Средиземном море у берегов Египта.
- Феа — приморский город в Элиде.
- Феакийцы — мифический блаженный народ корабельщиков, переселившийся из Гиперийской земли (см.) на Схерию (см.).

- Феана (Феано) — жрица Афины в Трое, жена Антенора.
- Феб — культовое имя Аполлона.
- Феба — культовое имя Артемиды.
- Федим — финикийский царь.
- Федон — царь феспротов.
- Федра — жена Тесея; она влюбилась в своего пасынка Ипполита, а когда он отверг ее любовь, повесилась, оклеветав его перед Тесеем. Тесей проклял сына, и тот погиб в результате этого проклятия.
- Фемида — богиня правосудия.
- Феникс — 1) воспитатель и старший друг Ахиллеса, последовавший за ним под Трою; 2) царь Сидона, отец Кадма и Европы.
- Феоклимен — прорицатель из рода Мелампа, бежавший от кровной мести на корабль Телемаха и приехавший с ним на Итаку.
- Фера — город в Пелопоннесе, на полпути между Пилосом и Спартой. Одноименный город был в Фессалии.
- Ферет — основатель Феры в Фессалии, отец Адмета.
- Феспроты — греческое племя, жившее в Эпире.
- Фессалия — область на востоке Средней Греции.
- Фест — крупный город на Крите.
- Фесторид — Калхас, сын Фестора.
- Фетида — дочь морского старца Нерея (нереида), жена Пелея, мать Ахиллеса. На ее свадьбе и произошел спор трех богинь из-за “яблока раздора”.
- Фивы (семивратные) — город в Беотии.
- Фивы — город в Троаде, у подножья горы Плака, родина Андромахи; был razорен Ахиллесом.
- Фивы египетские (стовратные) — столица Древнего Египта в среднем течении Нила.
- Фиест — сын Пелопса, брат Атрея. Когда Атрей получил власть над Микенами, Фиест строил против него много козней, пока сам не пал жертвой преступления Атрея (см.). После гибели детей Фиест долго скрывался, но потом был приведен в Микены и заточен Атреем в темницу. Освободившись с помощью Эгиста, он убил Атрея, захватил власть в Микенах и выгнал Менелая и Агамемнона. Но вскоре те вернулись и убили Фиеста.
- Филак — мифический основатель города Филаки в Фессалии, отец Ификла.
- Филакия — область в Фессалии.
- Филей — отец Мегеса, сын царя Авгия, у которого Геракл очистил конюшни. Когда Авгий не захотел выдать Гераклу обещанной награды, Филей вступился за героя и за это был изгнан отцом.
- Филоктет — один из участников Троянского похода, друг Геракла, унаследовавший его

- лук и стрелы. По пути в Трою Филоктет был укушен змеей и заболел язвой от которой исходило такое зловоние, что ахейцы оставили его на бесплодном острове Лемносе. Там он прожил десять лет, добывая пропитание охотой. Однако ахейцы узнали, что Троя может быть взята только с помощью лука и стрел Геракла; тогда они послали за Филоктетом Одиссея и Неоптолема, и те обманом привезли обиженного героя под Трою. Там Махаон исцелил его язву.
- Филомилед** — царь острова Лесбоса. Всех посещавших остров чужестранцев он заставлял вступать с ним в кулачный бой и убивал их, пока сам не был побежден Одиссеем.
- Фимбра** — равнина в Троаде.
- Финикияне** — семитический народ, в гомеровскую эпоху сосредоточивший в своих руках морскую торговлю в Средиземном море и потому хорошо знакомый грекам, замечавшим у него свой алфавит.
- Фоас Андремонид** — царь Плеврона и Калидона в Этолии.
- Фокеяне** — жители Фокиды, области в центре Средней Греции.
- Фооса** — нимфа, возлюбленная Посейдона, родившая от него циклопа Полифема.
- Форк** — морской бог, отец Фоосы; ему была посвящена Форкинская гавань на Итаке.
- Фраки** (фракийцы, фракияне) — жители Фракии.
- Фракия** — обширная область на северо-востоке Греции, у берегов Геллеспонта и Пропонтиды (Мраморного моря).
- Фригияне** — жители Фригии, обширной области в Малой Азии, с востока непосредственно граничившей с Троадой. Впоследствии Троада стала частью Фригии, и у поздних античных писателей фригийцы отождествляются с троянцами.
- Фтия** — главный город мирмидонян, столица царства Пелея и Ахиллеса.
- Халкис** — город в Элиде.
- Хариты** — три вечно юные богини красоты, грации, радости.
- Химера** — чудовище, убитое Беллерофонтом.
- Хиос** — остров в Эгейском море.
- Хирон** — мудрый кентавр, воспитавший Геракла, Ясона, Ахиллеса и других героев.
- Хлорида** — жена Нелея, мать Нестора.
- Хриса** — мифический остров, посвященный Аполлону.
- Хрисофемиса** — дочь Агамемнона и Клитемнестры, сестра Ифигении и Лаодики (Электры).

- Циклопы — мифический народ диких одноглазых великанов, населявших, как считали античные толкователи Гомера, Сицилию.
- Цирцея — дочь Гелиоса и Персы, волшебница, жившая на острове Эе у берегов Италии.
- Эак — отец Пелея и Теламона, дед Ахиллеса и Аякса, сын Зевса и Эгины, дочери речного бога Асопа. Эак славился своей справедливостью, так что даже сами боги приглашали его судьей в своих спорах (см. о нем также мирмидоняне).
- Эвбея — большой остров в Эгейском море, очень близко от восточных берегов Средней Греции.
- Эвней — царь Лемноса, сын Ясона и Ипсиилы, привозивший ахейцам под Троию вино и припасы и скупавший у них военную добычу.
- Эвриал — 1) сын Мекестия, один из предводителей аргосцев; 2) феакиец, славный борец.
- Эвринома — морская богиня, Океанида (дочь Океана).
- Эврипил — царь Ормения, рода в Фессалии.
- Эвфорб — троянский герой, сын Панфоя.
- Эврисфей — см. прим. к “Илиаде”, песнь девятнадцатая, стих 123.
- Эга (Эгия) — город на севере Пелопоннеса, в Ахайе, один из центров культа Посейдона.
- Эгей — царь Афин, считавшийся отцом Тесея. Когда Тесей возвращался с Крита после победы над Минотавром (см. Ариадна), он забыл выполнить условие, заключенное с отцом перед отплытием, и не поднял на корабле белых парусов в знак благополучного исхода. Эгей издали увидел черные паруса корабля и, решив, что его сын погиб, бросился в море, которое в его честь было названо Эгейским.
- Эгиалея — дочь Адраста, жена Диомеда.
- Эгида — панцирь из козьей шкуры (“эгида” значит “козья шкура”). В эпоху Гомера уже вышел из употребления и приписывался лишь богам — Зевсу и Афине. На груди эгиды Афины прикреплена голова Горгоны-Медузы, отрубленная Персеем; поэтому эгида внушает ужас.
- Эгиох — эпитет Зевса, обозначающий “носящий эгиду”.
- Эгист — сын Фиеста (см.), воспитанный Атреем (см.). Атрей послал его в темницу убить Фиеста, которого сын не знал, но Эгист был признан отцом и вместе с ним сверг Атрея. После низложения Фиеста Агамемноном и Менелаем Эгист спасся, потом стал любовником Клитемнестры и

- вместе с ней убил Агамемнона, однако вскоре сам пал жертвой мести Ореста.
- Эдип — сын царя Фив Лая и Эпикасты (Иокасты). Лай, зная, что умрет от руки сына, велел убить ребенка, но Эдип был спасен и воспитан вдали от родины. Уже юношей Эдип узнал, что ему суждено убить отца и жениться на матери. Считая своих приемных родителей за подлинных, Эдип во избежание предсказанных бед покинул их и отправился странствовать. В случайной стычке на дороге он убил незнакомого старика; затем, придя в Фивы, Эдип решил загадку страшного чудовища сфинкса и этим освободил от него город. В благодарность фиванцы провозгласили Эдипа своим царем, и он женился на вдове своего предшественника — Лая. Но в Фивах начался мор, вызванный тем, что в городе находится убийца царя Лая. Желая найти преступника, Эдип узнает, что убитый им по дороге старик и был Лай. Затем выясняется, что сам Эдип — сын Лая и что, таким образом, исполнилось пророчество: он убил отца и женился на матери. Эпикаста в ужасе покончила с собой, а Эдип ослепил себя. По одним мифам, Эдип ушел в добровольное изгнание, по другим, отразившимся в “Илиаде”, — умер в Фивах глубоким старцем.
- Эйдофея — дочь Протея, морская богиня.
- Эксадий — один из лапифов.
- Элеон — город в Беотии.
- Элеяне — жители Элиды.
- Элида — область на западе Пелопоннеса.
- Эллада — Греция; иногда этим словом обозначается только Пелопоннес.
- Эмафия — прибрежная область на севере Греции, в Македонии.
- Эн — город во Фракии.
- Эней — сын Анхиза и Афродиты, родственник Приама, один из главных троянских героев. После падения Трои Эней спасся, вынеся из горящего города на своих плечах старика отца и уведя с собою сына. После долгих странствий Эней создал свое царство в Италии.
- Эниалий — прозвище Арея.
- Энио — богиня войны.
- Энипей — река в Фессалии, приток Алфея.
- Эниосигей — эпитет Посейдона, обозначающий “колебатель земли”.
- Эол — 1) божество низшего ранга, повелевающее ветрами; 2) отец Сизифа, родоначальник эолян.
- Эолия — остров, где живет Эол; некоторые исследователи отождествляют его с вулканическим островком Стромболи близ Сицилии.

- Эос — богиня утренней зари, выезжающая на двух бессмертных конях Лампе и Фазтоне на небо и поливающая росой землю. Эос — сестра Гелиоса, дочь Гипериона и Тея; от нее и Астрея родились звезды.
- Эпеос (Эпей) — сын Панопея, художник, находившийся в рядах ахейского войска и построивший деревянного коня, с помощью которого была взята Троя.
- Эпеяне — древнее племя, жившее в Элиде.
- Эпидавр — город в Арголиде, в Пелопоннесе.
- Эпикаста — мать Эдипа (см.).
- Эпир — область на севере Греции. В “Одиссее” словом “Эпир” Жуковский неверно переводит название сказочной страны Апира.
- Эпит — мифический аркадский царь.
- Эреб — царство мертвых, вечно погруженное во мрак.
- Эревфалион — силач-аркадец, побежденный в юные годы Нестором.
- Эрембы — мифический народ, обитавший, по Гомеру, на востоке Средиземноморья.
- Эретрия — город на острове Эвбея.
- Эрибея — мачеха Отоса и Эфиальтеса.
- Эримант — горы в Аркадии, в Пелопоннесе.
- Эринии — богини мщения, преследующие человека за пролитую им кровь.
- Эриопа — жена Оилея, мать “быстроногого” Аякса.
- Эрифилла — жена Амфиарая, мать Алкмеона (см. Алкмеон и Амфиарай).
- Эрмий — Гермес.
- Эсон — сын Тироб и Крефея, брат Пелиаса и Нелея, отец Ясона. Был царем в Иолкосе, но потом Пелиас лишил его престола (см. Пелиас).
- Этеокл — сын Эдипа, брат Полиника (см.).
- Этион — царь малоазиатских Фив, отец Андромахи.
- Этна — вулкан в Сицилии, под которым лежит, согласно мифам, побежденное Зевсом чудовище Тифей.
- Этолия — область на западе Средней Греции.
- Эфиопы — мифический блаженный народ, который населяет два “края земли”, на востоке и на западе, возле самого Океана.
- Эфир — воздух, небо.
- Эфира — древнее название Коринфа и многих других городов.
- Эфра — мать Тесея, захваченная в плен Кастором и Полидевом и отданная ими в рабство Елене. С Еленой Эфра попала в Троию.
- Эхалия — город в Этолии.
- Ээт — сын Солнца и дочери Океана Персы, царь Колхиды, мифической страны, которая позже была отождествлена с областью на Черноморском побережье Кавказа. У

Эта хранилось золотое руно, за которым совершили поход аргонавты.

Эя — остров, на котором живет Цирцея. Древние не сомневались в его местоположении: это небольшой скалистый островок у самых берегов Лация (в Италии). Теперь этот островок благодаря речным наносам соединился с сушей, но до сих пор еще называется Monte Circeo — Гора Цирцеи.

Ясон — сын Эсона (*см.*). Он потребовал у Пелиаса вернуть отцу престол, а тот отправил его в Колхиду к царю Эту за золотым руном. Ясон собрал в поход величайших героев Греции — Геракла, Кастора, Полидевка и др. — и снарядил корабль “Арго”. В Колхиде он

добыл золотое руно с помощью дочери царя Эта — волшебницы Медеи, влюбившейся в него. Ясон увез Медею из Колхиды и после долгих странствий вернулся в Грецию, где Медея умертвила Пелиаса. Из-за этого Ясон бежал с нею в Коринф. Там он задумал бросить ее и жениться на дочери коринфского царя, но Медея погубила девушку и ее отца, а затем убила и двух своих детей от Ясона. Умер Ясон в неизвестности, раздавленный остатками “Арго”, разрушившегося от ветхости.

Япет — титан, отец Прометея и Атланта.

Ясион — сын Зевса, смертный юноша, возлюбленный богини Деметры.

С. Ошеров

УДК 82-01
ББК 84(0)3
Г 64

Перевод с древнегреческого *Н. Гнедича, В. Жуковского*

Вступительная статья *С. Маркиша*

Примечания и словарь *С. Ошерова*

Разработка и оформление серии *Е. Соколовой*

Иллюстрации художника *Фридриха Преллера*

Гомер
Г 64 Илиада. Одиссея / Гомер ; [пер. с др.-греч. Н. Гнедича, В. Жуковского. Вст. статья С. Маркиша ; примеч. и словарь С. Ошерова]. — М. : Эксмо, 2009. — 896 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-699-37991-0

Личность легендарного древнегреческого поэта Гомера до сих пор остается загадкой, но именно он считается автором величайших памятников мировой литературы — «Илиады» и «Одиссеи», — со славой прошедших испытание временем.

Поэмы Гомера оказали огромное воздействие на мировую литературу, обогатили поэзию каноническим размером — гекзаметром, дали пищу для изучения историками быта и нравов той эпохи, его сюжеты вдохновили многих художников и скульпторов на создание бессмертных шедевров.

УДК 82-01
ББК 84(0)3

© Вступ. ст. С. Маркиш. Наследники, 2009
© Примеч. и словарь. С. Ошеров. Наследники, 2009
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2009

ISBN 978-5-699-37991-0

Литературно-художественное издание

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Гомер

**ИЛИАДА
ОДИССЕЯ**

Редактор *Н. Любимова*
Художественный редактор *Н. Ярусова*
Компьютерная верстка *К. Москалев*
Корректор *О. Щербакова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: international@eksmo-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.**
international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.**
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы
и офиса «Канц-Эксмо»:** Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленин-
ский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87
(многоканальный). e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04. **В Нижнем Новгороде:** ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала
Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70. **В Казани:** Филиал ООО «РДЦ-Самара»,
ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46. **В Самаре:** ООО «РДЦ-Самара»,
пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24А.
Тел. (343) 378-49-45. **В Киеве:** ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс (044) 495-79-80/81. **Во Львове:** ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс: (032) 245-00-19. **В Симферополе:** ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская,
д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99. **В Казахстане:** ТОО «РДЦ-Алматы»,
ул. Домбровского, д. 3а. Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Подписано в печать 07.08.2009.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Нью-Баскервиль».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,0.
Тираж 4000 экз. Заказ №

ISBN 978-5-699-37991-0

9 785699 379910 >